

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
[116]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(67)

ПОДСЕРИЯ
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ – РЕТОРСПЕКТИВА
(1)

Редакционный совет:
д.иск., проф. И.И. Тучков (председатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (основатель серии);
член-корреспондент РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов;
д.и.н., проф., Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородкин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; д.и.н. А.Р. Канторович;
академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин;
к.и.н. Н.В. Литвина; д.фил.н., проф. О.В. Раевская;
д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев; д.и.н., проф. С.В. Мироненко;
д.и.н., член-корреспондент РАН, проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; к.и.н., доц. Ю.Н. Рогулев;
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; д.э.н., проф. В.В. Симонов;
д.иск., член-корреспондент РАН, проф. В.В. Седов; к.и.н. О.В. Солопова;
к.и.н. А.А. Талызина; д.и.н. проф. Д.А. Функ

МОСКВА
2018

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Л.А. Пименова

**Монархия и придворное общество во
Франции в конце Старого порядка**

сборник научных статей

**Москва
2018**

УДК 94(44).034/.35(081)
ББК 63.3(4Фра)51я44
ПЗ2

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова от 27.12.2017 г. (протокол №8)*

Рецензенты:

Карп С.Я. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН

Бовыкин Д.Ю. – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ

Под общей редакцией: доктор исторических наук, член-корреспондент РАО, профессор
Л.С. Белоусов

Пименова Л.А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Сборник научных статей / Под общей ред.: Л.С. Белоусов. – М., Исторический факультет МГУ, 2018. – 410 с. – (Труды исторического факультета МГУ, вып. 116. Сер. II. Исторические исследования, 67, подсерия: Научные статьи – ретроспектива, вып.1). ISBN 978-5-6040298-9-3

Сборник научных статей систематизирует и обобщает исследования, публикации и выступления автора на научных форумах за 20 лет. В фокусе внимания – эволюция государственных институтов, правящие элиты, придворное общество и политическая культура Франции второй половины XVIII в. Издание состоит из пяти крупных разделов, посвященных королю Людовику XVI и его ближайшему окружению, министрам, королевскому двору, конфессиональным проблемам, теоретическому и символическому языку французской элиты XVIII века.

Для специалистов в области истории XVIII века, отечественной и всеобщей истории, истории Франции, а также учащихся вузов и интересующихся историей.

ISBN 978-5-6040298-9-3

Оглавление

Предисловие	9
Глава 1. Людовик XVI и его благие намерения	10
Людовик XVI: исторический портрет	13
Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г.	38
Дело об ожерелье Марии-Антуанетты	60
Как говорил король	81
Глава 2. Министры короля	101
Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения	102
О том как поссорились его светлость герцог д'Эгвийон с мессиром Ла Шалоте	109
Трудное счастье графа Морепа	131
Публикация «Отчета королю» Жака Неккера в 1781 г.: к истории формирования публичного политического пространства во Франции XVIII в.	144
Правители Франции перед лицом британского вызова	170
Глава 3. Королевский двор и дворянское общество	190
Королевский двор в публичном пространстве века Просвещения	191
Партии при дворе Людовика XVI глазами современников	203
Как судебский крючок женился на герцогине, или три версии одной истории	224
Образцовый подданный французской монархии: от века Людовика XIV к веку Просвещения	244
Размышления французского аристократа XVIII века о развитии финансов и торговли	252
Французская революция и русская история в сочинениях графа де Ланжерона	258
Глава 4. Монархия и Церковь	270
Религиозное образование и «цивилизация нравов»: тема христианского воспитания в сочинениях французских педагогов и моралистов XVII века	271
Магистраты против иезуитов: споры о национальном и религиозно-конфессиональном образовании во Франции в середине XVIII века	280
«Святая вера повелевает мне не оставлять часть подданных лишеными их естественных прав»: проблема гражданского статуса не католиков во Франции XVIII в.	292
Глава 5. Культура власти	307
Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII века	308
Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации	320
Пространство и время королевского праздника во Франции конца Старого порядка	331

Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в.	341
Представления о «феодальном» в дореволюционной Франции XVIII века	357
Политическая культура правящей элиты Франции в конце Старого порядка	368
Ассамблеи нотаблей 1787-1788 гг.: развитие политического ритуала в условиях кризиса	391

Table des matières

Avertissement.....	9
Chapitre 1. Louis XVI et ses bonnes intentions.....	12
Louis XVI: le portrait historique.....	13
Le pouvoir royal est absolu sans être arbitraire: Louis XVI et les parlements en 1774...38	
L'affaire du collier de la reine.....	60
La parole du roi.....	81
Chapitre 2. Les ministres du roi.....	101
Les réformes et les réformateurs en France au siècle des Lumières.....	102
La brouille de monseigneur le duc d'Aiguillon et messire La Chalotais.....	109
Le bonheur difficile du comte de Maurepas.....	131
La publication du «Compte rendu au Roi» par Jacques Necker en 1781: à propos de la formation de l'espace public en France au XVIII ^e siècle.....	144
L'élite dirigeante de la France face au défi britannique.....	170
Chapitre 3. La cour du roi et la société aristocratique.....	190
La cour du roi dans l'espace public au siècle des Lumières.....	191
Les partis à la cour de Louis XVI vus par des contemporains.....	203
Comment un robin se maria avec une duchesse, ou Trois versions de la même histoire.....	224
Le sujet-modèle de la monarchie française, du siècle du Roi-Soleil vers le siècle des Lumières.....	244
Les réflexions d'un aristocrate français du XVIII ^e siècle sur le développement des finances et du commerce.....	252
La Révolution française et l'histoire russe dans les oeuvres du comte de Langeron...258	
Chapitre 4. La monarchie et l'Eglise.....	270
La formation religieuse et la «civilisation des moeurs»: le rôle de l'éducation chrétienne dans les écrits des pédagogues et moralistes français du XVII ^e siècle.....	271
Les magistrats contre les jésuites: débats sur l'éducation nationale et l'éducation religieuse en France au milieu du XVIII ^e siècle.....	280
«La religion sainte... me commande elle-même de ne pas laissez une partie de mes sujets privés de leurs droits naturels»: problème de l'état civil des non catholiques en France au XVIII ^e siècle.....	292
Chapitre 5. La culture du pouvoir.....	307
Le sacrement, la fête, le spectacle: la perception de la symbolique du sacre en France au XVIII ^e siècle.....	308
L'image symbolique du pouvoir entre l'Ancien Régime et la Révolution: du sacre royal à la fête de la Fédération.....	320
L'espace et le temps de la fête royale en France à la fin de l'Ancien Régime.....	331
Le corps, la famille, la machine: le jeu des métaphores sociales en France au XVIII ^e siècle.....	341
Les idées de la «féodalité» en France au XVIII ^e siècle avant la Révolution.....	357

La culture politique de l'élite dirigeante en France à la fin de l'Ancien Régime.....	368
Les assemblées des notables de 1787-1788: développement du rituel politique dans les circonstance de crise.....	391
Illustrations.....	403
Index des noms de personnes.....	404

Предисловие

В книгу вошел ряд статей, написанных в течение примерно двадцати лет и объединенных общей тематикой: монархия и дворянство, придворные и министры, праздники и скандалы в дореволюционной Франции XVIII века – в годы и десятилетия, которые историки называют концом Старого порядка. Отбирая статьи для публикации, я старалась, чтобы, объединенные под одной обложкой, они составили не просто сборник, а более-менее цельную книгу. Название «Монархия и придворное общество» неизбежно ассоциируется со знаменитой книгой Норберта Элиаса¹, но следует подчеркнуть, что в данном случае на первом месте стоит слово «монархия» и речь пойдет о политической культурной истории французской монархии в последние десятилетия перед революцией конца XVIII в.

Интерес к этой проблематике у меня возник давно. Когда-то мой покойный учитель Анатолий Васильевич Адо делился со мной планами написать книгу о Старом порядке во Франции, но, к сожалению, воплотить в жизнь этот замысел не успел. Мне тоже – надеюсь, пока – не удалось написать такую книгу, хотя изрядное количество статей уже набралось. Немалую роль в направлении моих штудий сыграло появившееся в конце 1980-х – начале 1990-х годов четырехтомное издание «Французская революция и созидание политической культуры Нового времени». Первый том под редакцией Кита Бейкера был посвящен политической культуре Старого порядка². В нем я увидела целый ряд намеченных проблем – репрезентация монархии, роль привилегированных корпораций в государстве Старого порядка, эволюция доктрины абсолютной монархии в век Просвещения, взаимодействие властных элит и общественного мнения, - в которых захотелось самостоятельно разобраться.

Потребность разобраться подогревалась тем, в историографии нет исчерпывающего ответа на главную загадку французского XVIII века: почему именно во Франции становление государства Нового времени оказалось столь трагическим? Как получилось, что одна из самых богатых и благоденствующих стран Европы не смогла избежать революции? Сложившийся образ дореволюционного XVIII века в истории французской монархии противоречив. Для одних современников это был ненавистный Старый порядок, с которым хотелось покончить навсегда и начать историю с чистого листа. Для других же она стала идеальным образом золотого века. Известны приписываемые Талейрану слова, которые процитировал в мемуарах Франсуа Гизо: «Кто не жил до 1789 года, не знает, что такое сладкая жизнь (*le plaisir de vivre*)». В самом деле, с одной стороны, в перспективе грядущего конца Старого порядка это время неизбежно выглядит кризисным и возникает соблазн подмечать все неудачи правления, с другой стороны, на фоне предыдущего и последовавшего периодов истории Франции оно было вполне мирным и благополучным. Однако кризисный и мирный характер этого времени были двумя сторонами одной медали. Положение французского короля в ряду монархов Европы было прочным, но уже не таким блестящим, как прежде. Долгое время война была одновременно реализацией и репрезентацией «абсолютной» королевской власти. В «справедливой войне» монарх исполнял и демонстрировал две свои основные функции: воина и законодателя. «Воюющий

¹ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона и др. М.: Языки славянской культуры, 2002.

² The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. 4 vols. Oxford: Pergamon Press, 1987-1994. Т. 1: The Political Culture of the Old Regime / ed. by K.M. Baker.

король»³ успешно правил, опираясь на закон и армию, но в XVIII в. из-за целого ряда внешнеполитических неудач его былая слава померкла. Нарастали финансовые трудности, хотя в этом как раз и не было ничего нового: французской монархии редко удавалось сводить концы с концами и получать бюджет без дефицита. В то же время, изменились общественные настроения, представления о могуществе государства и величии его правителя, об основах легитимности власти. Вера в сакральную природу королевской власти была еще широко распространена, но среди социальной элиты идея монархии Божественного права многим казалась лишь данью традиции. Монарху предстояло превратиться в «мирного короля», авторитет и престиж которого поддерживаются не только и даже не столько военными победами и захватами, сколько благосостоянием подданных, процветающей торговлей, образованием, искусством. Король Людовик XVI пытался по-своему найти ответы на вызовы времени, и поначалу ему это даже удавалось. Его царствование началось большими надеждами, а закончилось полным разочарованием и революцией. Среди тридцати трех человек, занимавших министерские посты при Людовике XVI с 1774 по 1789 год были и смелые реформаторы, и осторожные консерваторы. Король в результате оказался не в состоянии в полной мере ни координировать их действия, ни обеспечивать должную преемственность в управлении. Конфликты между личностями и группами внутри правящей элиты происходили в публичном пространстве, когда общественное мнение – преимущественно оппозиционное – стало влиятельным фактором политической жизни. Статьи сборника не дают последовательной картины событий от восшествия Людовика XVI на престол до начала революции, они сгруппированы по проблемному принципу.

Большая часть статей была ранее опубликована в периодических изданиях, тематических сборниках и материалах научных конференций. Конструкция, сложенная из камешков, каждый из которых изначально для нее не предназначался, неизбежно получается несколько эклектичной. Фокус то и дело смещается. В одних статьях в центре внимания оказываются отдельные люди, великие и малые, будь то король Людовик XVI, его ментор граф Морепа или докладчик прошений королевского дворца де Жьяк. В других – проблема: финансовые трудности монархии, взаимоотношения государства и Церкви, взаимодействие власти с общественным мнением. В третьих – определенный тип источника, например, дипломатическая переписка. Надеюсь, что пазл всё же складывается в нечто более-менее цельное. Его объединяет преимущественное внимание к политико-событийной и институциональной истории, рассматриваемым во взаимосвязи с историей культуры. Скрепляют его также несколько лейтмотивов, проходящих сквозь тексты, – они отражены в названиях глав и раскрыты в предисловиях к главам.

В ходе подготовки книги стало видно, что неоднократно из одной статьи в другую кочуют одни и те же цитаты, рассуждения, умозаключения. Всякий раз они прочно вплетены в контекст той или иной статьи. Чтобы полностью избавиться от повторов, пришлось бы всё переписать заново, поэтому тексты публикуются почти без изменений. Правку я вносила минимальную, в случаях если была не в состоянии не сделать этого.

В цитатах из источников везде сохранена орфография оригинала.

Выражаю искреннюю благодарность родному историческому факультету МГУ за возможность опубликовать эту «юбилейную» книгу, декану Ивану Ивановичу Тучкову за

³ Cornette J. Le roi de guerre: Essai sur la souveraineté dans la France du Grand Siècle. Paris: Payot & Rivages, 2000 (1993).

предложение ее подготовить, от которого я не смогла отказаться, и всем коллегам с кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки за неизменную поддержку, дружеские советы и ценные критические замечания, не все из которых я, к сожалению, смогла учесть в полной мере. Многие из публикуемых здесь статей были написаны на основе докладов, сделанных в разные годы на истфаке МГУ, в Институте всеобщей истории РАН и других российских и зарубежных научных центрах. Обсуждение моих выступлений, вопросы, реплики и возражения коллег оказали неоценимую помощь в подготовке статей. Не могу не вспомнить добрым словом интеллектуально насыщенные беседы с Александром Владимировичем Гордоном, чье заинтересованное внимание не раз стимулировало меня к более активной работе. Исследования, результаты которых представлены в этой книге, были бы неосуществимы без материалов Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива социально-политической истории, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Национального архива Франции и Отдела рукописей Национальной библиотеки Франции, сотрудникам которых я выражаю искреннюю признательность. Доступ к документам из архивов и библиотек Франции мне открыли стажировки, полученные при помощи французских коллег. Моя особая благодарность за это – профессорам Мишелю Вовелю, Николь Леметр и Кристин Лебо.

Глава 1. Людовик XVI и его благие намерения

Материалы этой главы объединены вокруг фигуры центрального героя – последнего короля дореволюционной Франции Людовика XVI. Политика французской монархии конца Старого порядка предстает как результат поступков человека, облеченного властью. Особенности личности монарха, его достоинства и слабости в значительной мере определяли характер и результаты его правления, поэтому нам важно попытаться понять мотивы принятия королем тех или иных решений. Центральное место в политической жизни Франции XVIII века в целом и в развитии предреволюционного политического кризиса в частности занимали непростые отношения монарха с Парижским парламентом, свидетельствовавшие о нараставшем распаде правовых основ легитимности королевской власти. Изучение этих отношений показывает, что они складывались под влиянием как политических взглядов и теорий, так и личных мотивов и даже криминальных историй. В главе возникает тема так называемых партий – придворных и министерских группировок, соперничавших из-за влияния на короля и на государственные дела. В следующих главах эта тема получит дальнейшее развитие.

Людовик XVI: исторический портрет⁴

История знает примеры тому, как правитель, желая подправить существующую систему осторожными реформами, в результате разрушал ее до основания. Король Франции Людовик XVI заплатил жизнью как за неудачные эксперименты собственного царствования, так и за нелегкое наследие, доставшееся ему от предшественников. Обстоятельства смерти бросают трагический свет на всю его биографию, в начале которой, казалось бы, ничто не предвещало такого исхода.

Он стал королем, когда ему еще не исполнилось и двадцати, а на гильотину взошел, не успев состариться, 38 лет от роду. О нем сложились «черная» и «розовая» легенды. Согласно «черной» легенде, хорошо знакомой по нашим учебникам и книгам о Французской революции XVIII в., Людовик XVI был ничтожным, малообразованным, неумным и безвольным человеком, к тому же страдавшим комплексами из-за своей мужской несостоятельности. Он-де увлекался лишь охотой и слесарным делом, не занимаясь никаким интеллектуальным трудом.

Сторонники «розовой» легенды изображают его добродетельным мучеником за веру и подчеркивают силу духа, проявленную им в последние дни жизни. Как писал один из его бывших министров, «французская нация не заслужила такого доброго короля»⁵. В настоящее время ежегодно в день смерти Людовика XVI 21 января на месте казни, на площади Согласия в Париже собираются люди, чтобы почтить его память. Существует ассоциация, которая добивается его канонизации католической Церковью.

В январе 1993 г. во Франции отмечалось двухсотлетие казни короля. Апофеозом юбилейных мероприятий стала торжественно-траурная церемония в Париже на площади Согласия. По приблизительным подсчетам в ней приняли участие около 10 тысяч человек. С 10 до 12 часов дня вся площадь была занята народом. Многие приходили целыми семьями, с детьми. Люди клали букеты белых королевских лилий на место, где стояла гильотина, и через час там выросла огромная гора цветов. В церемонии участвовали не только монархисты. Один мой французский знакомый объяснил свое присутствие в этот день на площади Согласия желанием почтить память порядочного и достойного человека, которого в школьных учебниках зря обливали грязью, изображая тираном и предателем.

Хорошим или плохим правителем был Людовик XVI? Ответ на этот вопрос, как правило, зависит от идейно-политических пристрастий отвечающего. Однако в литературе можно встретить противоречивые суждения и в тех случаях, когда речь заходит о самых, казалось бы, простых вещах. Так, одни мемуаристы пишут, что он был болезненно застенчивым и угрюмым, а другие – что он был веселым и часто смеялся. Задачу биографа существенно осложняет присущая Людовику XVI скрытность характера. Он с откровенностью не раскрылся ни в беседах, записанных мемуаристами, ни в собственном дневнике. Его литературное наследие скудно и помимо переписки с министрами, прочих деловых бумаг и дневника состоит из немногочисленных маргиналий и заметок. Он почти не оставил пространных рассуждений о морали или политике, за исключением юношеских сочинений.

⁴ Впервые опубликовано: Вопросы истории. 2000. № 3. С. 62-83.

⁵ Montbarey A.-M.-E. Mémoires du prince de Montbarey. 3 vols. Paris, 1826-1827. Т. 3. Р. 104-105.

История предъявила ему самый суровый счет. Сейчас, двести лет спустя страсти улеглись, и от историка не требуется выносить Людовику XVI обвинительный или оправдательный приговор. Для нас важно постараться понять этого человека. Вместе с тем, трагическая история его жизни ставит немало вопросов, сохраняющих значение во все времена. Каково влияние отдельно взятого человека, облеченного большой властью, на ход исторических событий? Может ли государственный деятель развязать в стране революцию или, наоборот, предотвратить ее? Жизнь Людовика XVI если и не отвечает на подобные вопросы, то, по крайней мере, дает пищу для размышлений над ними.

Застенчивый дофин Людовик-Август

Будущий король Франции Людовик-Август, герцог Беррийский родился 23 августа 1754 г. в семье Людовика, дофина Франции (сына Людовика XV) и его второй жены Марии-Жозефы Саксонской. Всего у супругов было три дочери и пятеро сыновей, из них три будущих короля Франции: Людовик-Август, герцог Беррийский (Людовик XVI), Людовик-Станислас-Ксавье, граф Прованский (будущий Людовик XVIII) и Карл-Филипп, граф д'Артуа (будущий Карл X). Герцог Беррийский был третьим сыном дофина, так что от рождения ему, казалось бы, не суждено было взойти на престол. Согласно строгим французским законам престолонаследия, после Людовика XV трон полагалось занять его сыну, а затем старшему внуку – Людовику-Жозефу-Ксавье, герцогу Бургундскому.

Старший сын в семье дофина, по общему мнению, был прирожденным королем. Живой, обаятельный и вместе с тем самолюбивый и властный мальчик любил и умел быть всегда и во всем первым. Окружающие с восторгом и умилением угадывали в этом ребенке черты будущего властелина Франции. Совсем другим был третий сын дофина Людовик-Август - близорукий, застенчивый, угрюмый и неуклюжий. Родители и двор не баловали его вниманием. Но всеобщий любимец скончался от туберкулеза в десятилетнем возрасте. Еще раньше во младенчества умер второй сын дофина, герцог Аквитанский. Так наследником престола оказался «гадкий утенок». Отец Людовика-Августа внезапно скончался в конце 1765 г., а мать в 1767 г. После смерти отца он стал дофином Франции.

Наследника полагалось готовить к его будущей роли. Людовик XVI получил более систематическое и широкое образование, чем короли – его предшественники⁶. Родители серьезно относились к воспитанию детей, сами составляли и корректировали планы занятий, придирчиво выбирали наставников. Пока был жив отец, он сам давал сыну уроки иностранных языков и морали, а мать занималась с мальчиком основами религии и историей. Будучи людьми традиционно набожными, они заботились о том, чтобы среди наставников не оказалось людей, зараженных критическими идеями века Просвещения. Из этого не следует однако, что образование Людовика-Августа не отвечало требованиям времени. Он освоил набор наук, приличествующий просвещенному вельможе XVIII в. Его учили математике, географии, физике, астрономии, химии, геодезии и картографии, истории, древним и новым языкам. В освоении естественных наук он вполне встал «с веком наравне». Было определенное противоречие между стремлениями воспитать сына в духе верности традициям, с одной стороны, и познакомить его с новейшими достижениями научной и общественной мысли XVIII века, характерного как раз непочтением к традициям и

⁶ Об образовании и воспитании Людовика XVI см., напр.: Girault de Coursac P. L'éducation d'un roi: Louis XVI. Paris, 1972; Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. Paris, 1974. Т. 2. P. 25-26; Hardman J. Louis XVI. Yale Univ. Press, 1993. P. 17-26.

авторитетам, - с другой. Эти противоречивые устремления, свойственные родителям будущего короля, заслуживают внимания, так как в характере и поступках самого Людовика XVI на протяжении всей его жизни будет проявляться подобного же рода внутренний разлад.

Не довольствуясь знаниями, полученными от наставников, он усиленно продолжал заниматься самообразованием, уделяя особое внимание иностранным языкам и истории. Впоследствии он говорил одному из своих приближенных: «По завершении моего образования я почувствовал, что оно еще далеко не полное. И я составил план изучения того, чего мне недоставало. Я хотел знать английский, итальянский и испанский языки, и я сам их выучил. [...] Я особо остановился на истории Франции и поставил перед собой задачу выяснить ее темные места»⁷. Людовик мог читать Тацита, Светония, Марка Аврелия и Сенеку по-латыни. Свободно читал и переводил с английского труды Д. Юма, Э. Гиббона и «Правление Ричарда III, Или исторические сомнения в преступлениях, которые ему приписываются» Р. Уолпола⁸.

Он обладал эмпирическим складом ума и предпочитал факты теориям. Слово «схематично» в его устах означало ошибочное, неверное. Его никак нельзя было назвать художественной натурой. Он оставался равнодушным к искусствам и изящной словесности. В его богатой библиотеке, изобиловавшей сочинениями античных авторов и трудами по науке, технике и истории, нашлось место лишь двум романам, одним из которых был «Робинзон Крузо». Последнее неслучайно. Его всегда интересовали география и путешествия.

Энциклопедическое образование по моде XVIII в. предусматривало обучение ребенка ремеслам. Он полюбил физический труд. По словам австрийского посла при французском дворе графа де Мерси-Аржанто, ничто не могло «отвратить этого юного принца от его чрезвычайной склонности ко всевозможным строительным, столярным и тому подобным работам. Он все время что-то заново обустраивает в своих апартаментах; он сам вместе с рабочими разбирает материалы, балки, полы; он отдает целые часы этому утомительному занятию и иногда возвращается уставшим сильнее, чем подмастерье, обязанный выполнять эту работу. Я вижу, что г-жа дофина [т.е. Мария-Антуанетта: письмо австрийского посла написано после женитьбы Людовика – Л.П.] была в конце концов крайне рассержена и опечалена таким поведением...»⁹.

Некоторые историки интерпретируют это увлечение Людовика XVI во фрейдистском духе как стремление компенсировать недостаток мужской силы грубыми физическими упражнениями¹⁰. Не следует однако забывать, что Людовик увлекся слесарным делом и прочими ремеслами не по собственной инициативе. Послушный ребенок запомнил то, чему его учили в детстве и отрочестве, и продолжал время от времени заниматься этим в зрелые годы.

⁷ Hue F. Dernières années du règne et de la vie de Louis XVI. Paris, 1860. P. 423.

⁸ Примечателен выбор последнего сочинения: Людовик XVI рано заинтересовался, каким образом в общественном мнении складывается искаженный негативный образ короля.

⁹ Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Ed. par A. d'Arneth et M.A. Geffroy. 2ème éd. 3 vols. Paris, 1875. T. 2. P. 10.

¹⁰ См., напр., Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 62-67. Другой автор интерпретирует увлечение Людовика XVI изготовлением замков и ключей как проявление затаенного комплекса вины, возникшего вследствие того, что он – слабый и недостойный – занял место своего одаренного и всеми обожаемого брата (Lever E. Louis XVI. Paris: Fayard, 1985. P. 277-278).

В 1766 г. в двенадцатилетнем возрасте Людовик-Август начинает вести дневник, на основании которого историки часто делают вывод о его бездушии, интеллектуальном и нравственном убожестве. Автор, подготовивший в конце прошлого века публикацию этого текста, отметил, что в нем много орфографических ошибок и нет ни одной мысли¹¹. Людовик подробно указал прогулки, поездки верхом, приемы, спектакли и торжественные мессы, на которых он присутствовал. Особое внимание уделено охоте и перечислению охотничьих трофеев. Чаще всего на страницах дневника встречается слово «ничего», причем даже в те дни, когда происходили важные события: отставка Жака Неккера в 1781 г. – «ничего», кончина верного наставника короля Ж.-Ф. Морепа – «ничего», смерть министра иностранных дел Шарля Гравье де Верженна – «ничего», смерть тещи, императрицы Марии-Терезии – «ничего», наконец, 14 июля 1789 г. – «ничего». Что это? Король не понимал важности разворачивавшихся на его глазах событий? Смерть близких и сподвижников ничего для него не значила? У нас нет оснований для столь убийственных выводов. Вынося подобные суждения о дневнике Людовика XVI, историки подразумевают, что в дневнике должен раскрываться внутренний мир личности. Но дневник Людовика XVI был по преимуществу охотничьим и, кроме того, предназначался для записи запланированных дел: встреч, приемов, обедов и спектаклей. Он велся совсем не для того, чтобы запечатлеть на память потомкам мысли и эмоции его автора. «Ничего» означало, что в этот день король не охотился и у него не было запланировано никаких официальных мероприятий. Этот дневник можно сравнить с еженедельниками, в которые мы заносим памятки о текущих служебных делах. Вряд ли на основании таких источников будущие историки смогут составить верное представление о нашем духовном мире и о важнейших событиях нашей личной и общественной жизни.

В литературе, которую он читал (в привычный круг чтения входили, в частности, Ф. Фенелон, юрист Ж. Дома, историки о. Г. Даниэль и Ж.-Н. Моро; последний был приглашен преподавать курс истории внукам Людовика XV), большое внимание уделялось нравственным качествам короля. Сильное впечатление на подростка произвели сочинения Фенелона. 12-летний герцог Беррийский с большим вниманием прочел его «Приключения Телемака». Он выписал из полюбившейся книги ряд поучительных суждений и составил из них трактат под названием «Взятые из Телемака моральные и политические максимы о науке королей и счастье народов». Он отпечатал брошюру тиражом в 25 экземпляров и вынес на суд королевской семьи. Людовик XV был чрезвычайно недоволен творчеством внука, повелел уничтожить весь тираж и разбить типографскую доску, так что ни одного экземпляра этого сочинения не сохранилось¹². Из книг любимого писателя герцог Беррийский усвоил идею абсолютной монархии, в которой государь правит согласно законам и традициям своей страны, уважая привилегии сословий и опираясь на их согласие и поддержку. Для будущего Людовика XVI, так же как и для Фенелона, политика была неотделима от морали.

Вопросы политики, философии и морали дофин обсуждал со своим гувернером герцогом де Ла Вогийоном. На основе этих разговоров и прочитанных книг он по совету матери составил своего рода политический катехизис «Размышления о беседах с г-ном де Ла Вогийоном». В ходе этих размышлений Людовик-Август пришел к выводу, что государь должен быть набожным, справедливым, благодетельным, гуманным, по возможности

¹¹ Journal de Louis XVI / publ. par L. Nicolardot. Paris, 1873.

¹² Faÿ B. Louis XVI, ou la fin d'un monde. Paris, 1966. P. 64.

избегать войн, заботиться о счастье подданных и хранить их привилегии¹³. Под влиянием наставников и книг любимых авторов у будущего правителя Франции сложились идеальные, возвышенные представления о том, что король должен быть высоконравственным человеком и добрым отцом для своих подданных. Однако никто в окружении дофина не пытался объяснить ему, что править людьми – значит подчинять их своей воле.

Усвоенным в юности политическим принципам он будет следовать всю жизнь. Подвергаясь давлению с разных сторон, прислушиваясь к взаимоисключающим мнениям министров, сомневаясь и уступая, он будет стремиться осуществить свой прекраснодушный идеал справедливого и законного правления.

В разностороннем образовании, которое получил будущий король, имелся серьезный изъян. Обучая юношу разнообразным наукам и ремеслам, воспитатели не сочли нужным познакомить его с собственно королевским ремеслом. Ему преподали политические теории, но не практику управления страной и людьми. Людовик XV никогда не приглашал его на заседания королевского совета. Это было большим упущением. Следовало бы учить дофина царствовать и править, так как природной склонности к этому он явно не имел. Лишь в самые последние годы жизни король начал беседовать с наследником о государственных делах и давать ему наставления.

Королевская спальня через замочную скважину

Весной 1770 г. в личной жизни дофина и в неотделимой от нее политической жизни Франции происходит важное событие: женитьба на австрийской эрцгерцогине Марии-Антуанетте. Это был дипломатический акт, призванный скрепить франко-австрийский союз, заключенный в середине XVIII в., накануне Семилетней войны.

Праздник омрачила катастрофа. 30 мая в Париже устраивались фейерверки. После огромная толпа, собравшаяся на площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), хлынула на бульвары, где ожидалась балы, иллюминация и раздача бесплатной выпивки и закуски для народа. С широкой площади все устремились на улицу Ройяль, возникла давка, а навстречу двигался поток желающих попасть на площадь с бульваров. Число жертв достигло 130 человек. После этих страшных событий в Париже редко устраивались большие праздники. В следующий раз они были организованы лишь в конце 1781 – начале 1782 г. по случаю рождения у Людовика XVI сына-наследника¹⁴.

Но до его появления на свет было далеко. Брак Людовика и Марии-Антуанетты оставался бездетным на протяжении более чем восьми лет. Это беспокоило императрицу Марию-Терезию. Ее опасения усугублялись ходившими при всех европейских дворах слухами о том, что Людовик и Мария-Антуанетта являются супругами лишь формально. Множество внимательных и любопытных глаз следили за интимной жизнью дофина, стремясь проникнуть в тайны его опочивальни. Слуги, подкупленные испанским послом графом Арандой, разглядывали пятна на простынях и ночных рубашках. Подсматривания, подслушивания, сплетни и пересуды продолжались и после восшествия Людовика XVI на престол.

Бездетный брак портил образ короля в общественном мнении. Королю - символическому отцу нации - полагалось быть отцом в прямом смысле этого слова, причем отцом

¹³ Oeuvres de Louis XVI. V. 1. Paris, 1864; о политических взглядах Людовика XVI см.: Viguerie J. de. Les idées politiques de Louis XVI // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1983.

¹⁴ Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève: Droz, 1972. P. 115-132.

многодетным. Король, у которого нет детей, – своего рода нонсенс. Мужское бессилие монарха стало темой насмешек, сатирических куплетов, карикатур и литературных пасквилей. Подобная политическая порнография дискредитировала Людовика XVI не только как мужчину, но и как правителя. Постепенно складывавшиеся у современников представления о Людовике XVI как о властителе слабом и нерешительном были изначально тесно связаны со слухами о его мужской несостоятельности. Подразумевалось, что король, который не может справиться с женщиной, неспособен и управлять страной¹⁵. Впоследствии, в годы революции это станет излюбленной темой антимонархических памфлетов и карикатур. Порочащие короля и королеву слухи зарождались не среди критически настроенных литераторов-просветителей и тем более не в народе, а в самых высших сферах. Многие при дворе были настроены против союза с Габсбургами, и австрийская принцесса стала мишенью враждебных настроений.

По распространенной, хотя и не подтвержденной версии, король избегал интимной жизни из-за фимоза и нуждался в легкой хирургической операции, которая устранила бы болезненные ощущения¹⁶. Непорядок в семейных делах французской августейшей четы и та угроза, которую он таил в себе для франко-австрийского дипломатического союза, побудили императора Иосифа II весной 1777 г. прибыть во Францию инкогнито под именем графа Фалькенштейна. Современники полагали, что император явился с целью уговорить нерешительного зятя согласиться на хирургическое вмешательство. Имеющиеся в нашем распоряжении противоречивые свидетельства не позволяют судить о том, была ли королю сделана операция или же оказалось достаточно благотворного психологического воздействия со стороны Иосифа II. Известен результат. В конце декабря 1777 г. Людовик XVI в личном письме со свойственной ему деликатностью благодарил императора: «Я уверен, что сделал все, что надо, и надеюсь, что наступающий год не замедлит подарить вам племянника или племянницу. Этим счастьем мы обязаны только вам, так как после вашего визита все шло лучше и лучше вплоть до полного свершения. Посвящая вас в эти детали, я всецело полагаюсь на вашу дружбу»¹⁷. Весной 1778 г. стало известно, что королева забеременела. В конце года она родила дочь Марию-Терезу, а осенью 1781 г. – долгожданного дофина. В 1785 г. в королевской семье появился второй сын, получивший титул герцога Нормандского, а в 1786 г. дочь София, умершая во младенчестве.

Король искренне радовался отцовству. Страницы дневника, посвященные родам королевы, – единственные, где он изменяет своему обычному телеграфному стилю и не скупится на длинное и подробное описание происходящего. Сдержанный и замкнутый Людовик плакал от счастья, когда у него родился сын. По словам современника, «с этого времени король пребывает в великой радости; он занят лишь новорожденным и повторяет по

¹⁵ О дискредитации короля в памфлетах и карикатурах конца Старого порядка см.: De Vaecque A. *Le corps de l'histoire: Métaphores et politique (1770-1800)*. Paris, 1993. P. 64-76.

¹⁶ Донесения испанского посла графа Аранды содержат массу физиологических подробностей. Они настолько откровенны, что Ж. Фламмермон, подготовивший в конце XIX в. издание писем иностранных дипломатов из предреволюционной Франции, не решился перевести их на французский язык и опубликовал только по-испански (*Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution* / par J. Flammermont. Paris, 1896. P. 476-477).

¹⁷ *Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits* / publ. par F. Feuillet de Conches. T. 1. Paris, 1864. P. 108.

двадцать раз кряду: “Господин Дофин”. Словом, он наслаждается своим счастьем со всей чувствительностью лучшего из отцов»¹⁸.

Но рождение детей не смогло положить конец порочащим слухам. В них смаковалась тема бессилия короля и распутства королевы. Кому только ни приписывали отцовство королевских детей: графу д'Артуа, герцогу де Куаньи, кардиналу де Рогану, Акселю фон Ферзену. Некоторые историки предполагают, что первые памфлеты, порочащие Марию-Антуанетту, были инспирированы братом короля графом Прованским¹⁹. Появление у королевской четы сына-наследника лишало его надежды занять престол. Постепенно оскорбительные для короля и королевы сплетни и пасквилы выходили за пределы узкого придворного мира и распространялись всё шире.

Время больших надежд

В мае 1774 г. девятнадцатилетний дофин Людовик-Август стал королем Франции Людовиком XVI. Ему досталось трудное наследство. В последние годы правления его деда авторитет королевской власти упал, министры не пользовались популярностью, их обвиняли в деспотизме, правительство не было стабильным вследствие соперничества придворных и министерских группировок.

Восшествие на престол Людовика XVI было встречено с энтузиазмом. Многие считали, что при новом короле всё пойдет лучше, чем прежде: он наведет порядок в финансах, поднимет престиж Франции в мире, будет заботиться о стране и ее народе, а не о собственных удовольствиях. На следующий день после того, как Людовик XVI стал королем, парижский книготорговец Симеон-Проспер Арди записал в дневнике: «Все говорят о том, что можно возлагать лишь самые сладостные надежды на правление молодого монарха, который, кажется, имеет наилучшие намерения и собирается принять самые надежные меры, чтобы исправить всё зло, порожденное мягкостью и снисходительностью в правление его предшественника; уверяют, что он хочет именоваться “Людовиком суровым”; остается лишь уповать на то, чтобы его суровость всегда руководствовалась справедливостью»²⁰.

Молодой монарх снискал восторженные отзывы Вольтера, который сравнивал короля с Солоном и Марком Аврелием и предрекал Франции наступление «прекрасного века Людовика XVI». В одном письме прославленный философ уподобил себя Симеону Богоприимцу, дождавшемуся на старости лет прихода в мир Спасителя. Самое благоприятное впечатление на Вольтера произвело то, что в июне 1774 г. король привил себе оспу. В то время это расценивалось как проявление передовых взглядов²¹. С новым королем в обществе связывались явно завышенные ожидания. Охваченные восторгом подданные приветствовали не настоящего Людовика XVI, которого они совсем не знали, а воображаемого идеального монарха. Впоследствии они не простили реальному человеку того, что он обманул их надежды.

Людовик XVI не был морально готов нести обрушившееся на его плечи бремя ответственности за страну и народ. По словам одного будущего министра, «в тот момент,

¹⁸ Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. T. 1-36. A Londres, 1780-1789. T. 18. P. 112.

¹⁹ Thomas Ch. La reine scélérate: Marie-Antoinette dans les pamphlets. Paris, 1989. P. 57-65.

²⁰ Hardy S.P. Mes loisirs, ou Journal d'Evénements tels qu'ils parviennent à ma connoissance // Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 6681 (mf. 2567). P. 342.

²¹ Voltaire en son temps / sous la dir. de R. Pomeau. V. 1-5. Oxford, 1988-1994. T. 5. P. 101.

наверное, юный король был самым смущенным человеком в своем королевстве»²². Первым делом он начал искать мудрого советника. После раздумий и колебаний выбор пал на семидесятитрехлетнего графа Морепа, в прошлом видного государственного мужа, двадцать пять лет назад попавшего в немилость и отставленного от дел. Широко известна записка, адресованная ему королем: «Сударь, несмотря на глубокую скорбь, разделяемую мной со всем королевством, мне надо исполнять свой долг. Я король: одно это слово налагает множество обязанностей, но мне всего двадцать лет. Мне кажется, я еще не приобрел всех необходимых знаний. [...] Я много слышал о вашей порядочности и репутации, столь справедливо заслуженной глубокими познаниями в делах. Это заставляет меня просить вас помогать мне советами [...]»²³. С тех пор вплоть до самой своей смерти в ноябре 1781 г. этот человек твердых консервативных принципов играл при короле очень важную, хотя и странную роль. Он был королевским наставником. Его называли не иначе как Ментором. Король не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с ним. Вместе с тем, он не был всесильным первым министром, как Ришельё или Мазарини. Король не дал ему никакого официального статуса. Его положение оставалось таким же неопределенным, как и текст приведенной выше записки: он именно «помогал королю советами». Король дал ему лишь одно, хотя и важное преимущество перед остальными приближенными. Морепа легче, чем кому-либо другому, было получить доступ к королю, так как его апартаменты в версальском дворце располагались непосредственно над королевскими покоями и соединялись с ними лестницей. Обычно Морепа спускался к королю и присутствовал при его работе с министрами, а иногда король с министром поднимались в апартаменты Морепа для вершения государственных дел.

Отсутствие первого министра и неопределенное положение Морепа поощряло политические претензии королевы и ее окружения. Мерси-Аржанто неустанно заботился об усилении влияния Марии-Антуанетты, представлявшей в Версале интересы австрийского дома. По инициативе посла был сооружен переход, связавший покои короля и королевы в версальском дворце. Мерси-Аржанто надеялся таким образом нейтрализовать влияние Морепа²⁴. Историки часто преувеличивают уступчивость Людовика XVI и возможности Марии-Антуанетты вмешиваться в управление государственными делами. Следует, однако, иметь в виду, что в разные годы эти возможности были неодинаковы. До 1789 г. королеве крайне редко удавались попытки повлиять на мужа в решении политических вопросов. По свидетельству близкого к придворным кругам современника, король вообще не считал нужным посвящать ее в свои дела и, если она досаждала ему вопросами о политике, начинал расспрашивать ее о модах, спектаклях и музыке маэстро К.-В. Глюка, давая таким образом понять, кому чем следует интересоваться²⁵. Однажды в письме брату, императору Иосифу II Мария-Антуанетта призналась: «Я не заблуждаюсь относительно своего авторитета; я знаю, что не имею большого влияния на короля, особенно в том, что касается политики. [...] Я не хвастаюсь и не лгу, позволяя публике верить в то, что мое влияние на короля больше, чем на самом деле, так как если бы в это никто не верил, то оно было бы еще меньше»²⁶. Мерси-Аржанто не раз жаловался Иосифу II на то, что король прислушивается к советам своих министров, а не королевы, что он обещает ей проводить внешнюю политику,

²² Montbarey A.-M.-E. Mémoires du prince de Montbarey. T. 2. P. 90-91.

²³ Цит. по: Lever E. Op. cit. P. 98.

²⁴ Hardman J. Op. cit. P. 42.

²⁵ La correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 1992. № 6. P. 8.

²⁶ Цит. по: Lever E. Op. cit. P. 392.

дружественную императору, а потом принимает совсем другие решения²⁷. По словам посла, «королева глубоко огорчена тем, что ее хлопоты и истинное усердие не оказывают воздействия»²⁸.

Убеждения самого Людовика XVI не отличались последовательностью. С одной стороны, он свято чтит традиции и основополагающие принципы французской монархии. С другой, - признавал необходимым проводить реформы и считаться с общественным мнением. Это противоречивое желание править по-новому, но соблюдая традиции, отразилось на всем поведении Людовика XVI как государственного деятеля.

Его царствование началось со слова «реформы». Современники говорили, что сразу после восшествия на престол у короля состоялась беседа с генеральным заместителем парижской полиции А.-Г. Сартином и молодой монарх будто бы заявил: «Возьмите на себя, сударь, труд улучшить нравы в столице, а я позабочусь о том, чтобы изменить нравы при дворе (Chargez vous, Monsieur, de la Réforme des Moeurs dans la Capitale, et moi Je me charge de réformer celles de la Cour)»²⁹. Благочестивый Людовик XVI желал покончить с распущенностью, царившей при дворе его деда. Но он не собирался прибегать к наказаниям, всецело уповая на силу личного примера. Он ежедневно бывал на мессе вместе со всей королевской семьей, регулярно исповедовался и причащался. В жизни он являл собой образец примерного христианина и добропорядочного отца семейства. Король хотел привести в порядок расстроенные финансы и ликвидировать государственный долг. В этом он также подавал личный пример, сокращая свои расходы. Ему, по натуре педантичному и бережливому, такое самоограничение давалось гораздо легче, чем его супруге, обожавшей наряды и драгоценности.

За вступлением короля на престол должна была следовать церемония помазания на царство в кафедральном соборе Реймса. При обсуждении этого вопроса отчетливо проявилась приверженность Людовика XVI традициям французской монархии. Назначенный им на пост генерального контролера финансов известный экономист-физиократ Анн-Робер-Жак Тюрго уговаривал короля отказаться от коронации или перенести ее из Реймса в Париж, чтобы сэкономить на дорожных расходах. Рационалисту и скептику Тюрго церемония помазания казалась ненужным дорогостоящим спектаклем.

Король готов был поддержать какие угодно реформы Тюрго, но только не эту. Мы не знаем, насколько он сам в то время постигал глубокий религиозный смысл древнего обряда помазания на царство, но исполнил он его неукоснительно³⁰. Во время коронации, по словам очевидца, он «выглядел, как обычно, добрым, но утомленным церемонией, и всему этому недоставало величия, которое было присуще Людовику XIV»³¹. В знойный июньский день после коронации он совершил далеко не безопасный с точки зрения обывательского здравого смысла обряд исцеления двух с половиной тысяч золотушных больных, собравшихся в Реймсе в надежде на помощь короля-чудотворца. Впрочем, он сотворил это

²⁷ Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz. 2 vols / publ. par A. d'Arneht et J. Flammermont. Paris, 1889-1891. Т. 1. P. 315, 384-385, 404, 436.

²⁸ Ibid. P. 404.

²⁹ Hardy S.P. Op. cit. P. 343.

³⁰ Описание церемонии см.: Le Sacre et couronnement de Louis XVI, roi de France et de Navarre, dans l'église de Reims, le 11 juin 1775. Paris, 1989. О коронации Людовика XVI см. публикуемые далее статьи: «Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII в.», «Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации», «Пространство и время королевского праздника во Франции конца Старого порядка».

³¹ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. Paris, 1906-1907. Т. 3. P. 176.

чудо в первый и последний раз в своей жизни, что наводит на размышления о том, воспринимал ли он сам себя как помазанника и чудотворца и не были ли для него эти обряды, в первую очередь, данью традиции.

Илл.1. Ж. Дюплесси. Людовик XVI в коронационном облачении. Париж. Музей Карнавале

Современники в один голос твердили о том, что он совершенно не похож на великого короля, каким был его предок Людовик XIV. Внешность, осанка и манеры Людовика XVI не отличались королевским величием и достоинством. Он нескладно говорил, при ходьбе раскачивался и размахивал руками. Став королем Франции, он с большим трудом преодолевал свою природную робость и медленно привыкал находиться в центре всеобщего внимания. Репрезентативная жизнь в окружении двора была ему в тягость и противоречила его личным вкусам и привычкам. Его, подобно Луи-Филиппу Орлеанскому, можно было бы назвать «королем-буржуа». Людовик XVI по возможности сокращал казавшиеся ему слишком длинными публичные церемонии. Блеску двора король предпочитал одиночество в тиши кабинета или общество близких людей, с которыми он мог вести себя свободно и раскованно. При нем вошли в обычай ужины в узком кругу, часто проходившие у сестры короля Елизаветы. На них упразднялся этикет, слуг отпускали, и все сами распоряжались за столом, как хотели. Людовик XVI явно стремился защитить свою частную жизнь от посторонних глаз. Можно только догадываться о том, какую боль причиняло этому ранимому и скрытному человеку нескромное внимание окружающих к его интимным проблемам.

На нелюбимых им официальных придворных торжествах он не раз совершал какую-нибудь неловкость. Людовик XVI не заботился о том, чтобы его появление на публике было должным образом обставлено. Он мог неожиданно войти в переполненный зал без свиты,

так что присутствующие не замечали короля и толкали его. Как-то раз на большом придворном балу он затерялся в толпе, а затем, не найдя своего кресла, примостился на краешек табурета к одной даме. Такое поведение короля вызвало пересуды в свете и заслужило гневную отповедь Морепа. «Когда вы в кругу своих, уместно обходиться со всеми непринужденно и на равных [...]. Но на публике вы их и наш король, и перед лицом восьмисот зрителей не следует забывать о королевском достоинстве. [...] Мы не привыкли видеть, чтобы в общественных местах так обходились с нашим государем»³², - внушал Ментор своему питомцу.

Скоро в восторженных поначалу словах современников о молодом короле начинают проскальзывать нотки разочарования. Отношение к королю в разных слоях общества не было одинаковым. Если во мнении народном он оставался добрым и справедливым, то в окружении многие были к нему безжалостны. Так, знакомый с министрами наблюдательный аббат Вери в дневнике, отдавая дань присущим королю прямодушию и «общему искреннему желанию делать добро», отмечает с сожалением его нерешительность, слабый характер и посредственные способности. По словам Вери, Людовик XVI оказался совсем не таким правителем, каким его представляли себе подданные: «Его считали слишком суровым и даже жестким и упрямым. Ничего такого не проявилось в его действиях как суверена. Его считали врагом труда, страстно преданным охоте. Охота его занимает мало, а кабинет занимает, может быть, даже чересчур. Его считали врагом роскоши, решившимся на самую строгую экономию. Возможно, его душа никогда не склонится к роскоши, но сомнительно, чтобы у него хватило сил решиться на сокращения, необходимые для наведения порядка в финансах. Наконец, вместо жесткости и упрямства мы во многих случаях видим, что он уступает последнему, кто с ним говорил»³³. Все кому не лень обвиняли Людовика XVI в слабохарактерности. Эти обвинения справедливы, но невозможно объяснить все просчеты и непоследовательность его политического курса лишь недостатком твердой воли. Когда этот человек был уверен в своей правоте, он умел настоять на своем. К сожалению, он редко достигал такой уверенности, всю жизнь разрываясь между Сциллой твердого консерватизма и Харибдой передового реформаторства.

Людовик XVI был неглуп и трудолюбив, обладал хорошей памятью, но из-за застенчивости и неловкости многие его недооценивали. При разговоре он предпочитал молча слушать собеседника. Другой, наделенный подобным качеством, мог бы заслужить репутацию мудреца, но король Франции, не умеющий общаться с людьми и начисто лишенный харизмы, казался тупицей. Каково же было изумление собеседников, если этот увалень, задетый чем-то за живое, вдруг преодолевал робость и начинал отстаивать свои принципы. Так произошло во время его встреч с Иосифом II. Блистательный и уверенный в себе просвещенный монарх-реформатор не замедлил обрушить на голову зятя шквал критики за то, что он не провел во Франции глубоких и радикальных преобразований. Король в ответ лишь молча улыбался до тех пор, пока император не дошел до заявлений антиклерикального характера. В своих владениях Иосиф II закрыл многие монастыри, провел секуляризацию церковных земель и подчинил Церковь и школы государству. По-видимому, он советовал Людовику сделать нечто подобное и во Франции. По словам присутствовавшей при разговоре Марии-Антуанетты, «король опроверг его аргументы один за другим с удивившими всех нас четкостью, твердостью и хладнокровием». «У каждой

³² Véri J.-A. Journal de l'abbé de Véri. 2 vols. Paris, 1928-1930. T. 1. P. 242.

³³ Ibid. P. 97-98, 109.

страны свои обычаи и нужды, - сказал Людовик. - Может быть, мой дорогой шурина, ваша система применима в других государствах, хотя я и сомневаюсь в этом; но мы во Франции, и мне кажется, что в этой стране заимствование иностранного порядка управления не будет иметь успеха»³⁴. Мария-Антуанетта не могла не признать, что этот спор стал триумфом Людовика XVI и после император стал относиться к нему с гораздо большим уважением, чем прежде.

Освободитель Америки

Людовик XVI уделял большое внимание внешней политике и хорошо в ней разбирался. Он лично читал приходившую из-за границы дипломатическую корреспонденцию и только затем передавал ее государственному секретарю по иностранным делам Верженну. Бегло читая по-английски, король ежедневно просматривал британскую прессу и публикации дебатов в английском парламенте и, таким образом, внимательно следил за тем, что происходило в стане главного соперника Франции на международной арене.

Граф де Верженн оказался редким министром, сумевшим на протяжении долгих лет сохранить доверие и расположение короля. Он стабильно возглавлял государственный секретариат иностранных дел с 1774 до самой своей смерти в 1787 г. В целом вполне успешная внешняя политика Людовика XVI явилась результатом совместных усилий этих двух, хотя и не блестящих, но умных и здравомыслящих людей. Они регулярно встречались или обменивались деловыми письмами. Верженн готовил черновики писем, адресованных иностранным монархам, а король их правил. Они вместе решали, когда созвать заседание королевского совета по внешнеполитическим вопросам и что вынести на его обсуждение. Людовик XVI относился к Верженну как к коллеге, держался с ним просто и доверительно. Обычно такой немногословный и зажатый, с этим министром он был свободным и раскованным, отпускал шуточки по адресу иностранных монархов и дипломатов, называл Екатерину II «мадам Потемкиной»³⁵. В письме Верженну он мог откровенно пожаловаться на плохое самочувствие и переутомление. Вообще же в его корреспонденции крайне редко проскальзывали подобного рода искренние нотки.

Принципы внешней политики, которых придерживался Людовик XVI, были просты и следовали учению его любимого Фенелона. Тот считал, что монархи получают от Бога власть не для борьбы за мировое господство, а для того, чтобы обеспечить спокойствие и благополучие своих подданных. С этой целью они должны вступать между собой в союзы и соблюдать заключенные договоры³⁶. Идеи Фенелона вполне соответствовали духу и букве той клятвы, которую приносил король Франции своему народу в ходе коронации. В тексте этой клятвы на первом месте стояло обещание хранить мир³⁷. Людовик XVI и по натуре своей был человеком мирным; он стремился как внутри страны, так и за ее пределами не применять силу, если можно было этого избежать. Свое внешнеполитическое кредо он изложил в инструкции, составленной для Верженна в самом начале их совместной работы.

³⁴ Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. T. 1. P. 94.

³⁵ О деятельности Людовика XVI по руководству внешней политикой и его взаимоотношениях с Верженном см.: Chambrun Ch. A l'école d'un diplomate: Vergennes. Paris, 1946; Labourdette J.-F. Vergennes. Paris, 1990; Price M. Preserving the Monarchy: The comte de Vergennes. N.-Y., 1995, а также публикуемую в этом сборнике статью «Правители Франции перед лицом британского вызова».

³⁶ Gallouédec-Genuys F. La conception du prince dans l'oeuvre de Fénelon. Paris, 1963. P. 235-283.

³⁷ Le Sacre et couronnement de Louis XVI. P. 51-52.

По словам короля, их лозунгами в международных делах должны стать честность и сдержанность: он имел в виду честность в соблюдении заключенных договоров и сдержанность в стремлении захватывать земли.

Провозглашенное им в самом начале царствования намерение «изменить и улучшить нравы» касалось и внешней политики. Людовик XVI осуждал агрессивные действия: захват Силезии Фридрихом II, совершенный Австрией, Пруссией и Россией первый раздел Речи Посполитой в 1772 г., - как несовместимые с нормами морали. Последнее из упомянутых событий он считал постыдной сделкой, не способной разрешить противоречия между тремя великими державами, и однажды в письме Верженну отозвался о нем так: «Я совершенно не верю в новое соглашение между партнерами по разделу; я скорее полагаю, что они с подозрением следят друг за другом»³⁸. По его мнению, величие Франции в ряду других государств должно было проявляться не в территориальных захватах, а в ее роли посредника и арбитра в международных делах. К успехам дипломатии Людовика XVI можно отнести посредничество Франции в отношениях между Австрией и Пруссией, между Россией и Турцией. При нем были заключены торговые договоры Франции со Швецией (1784), Испанией (1786), Великобританией (1786) и, в январе 1787 г., с Россией.

Впрочем, и этот тишайший король не удержался от громкой военной кампании. В годы его правления Франция поддержала восставшие британские колонии в Северной Америке в их борьбе за независимость. В середине века, в ходе Семилетней войны англичане нанесли французам несколько ощутимых военных поражений и отобрали у них почти все колонии. Французский монарх не мог отказать себе в удовольствии отомстить заклятому врагу и смыть позор Парижского мира 1763 г. Он был с самого начала хорошо информирован о помощи деньгами, продовольствием и оружием, которую оказывал колонистам П.-О. Бомарше. Король не просто разрешал посылать в Америку оружие и волонтеров, но и, как явствует из его переписки с Верженном, лично руководил этим. Людовик XVI по собственной инициативе уполномочил Бомарше вести переговоры с колонистами³⁹. В 1777 г. последовало официальное признание независимости Соединенных Штатов Америки и вступление в войну на их стороне. Неслучайно впоследствии, в 1792 г. во время суда над Людовиком XVI видный американский политический деятель Томас Пейн уговаривал депутатов Конвента сохранить жизнь бывшему королю, заявляя, что Соединенные Штаты Америки готовы предоставить ему убежище.⁴⁰ Двести лет спустя, в январе 1993 г., когда во Франции отмечалось двухсотлетие казни Людовика XVI, посол США принял участие в траурных мероприятиях и таким образом от имени американского народа отдал дань памяти короля-освободителя.

Во время войны важную дипломатическую поддержку Франции оказала Россия. В то время как англичане под предлогом борьбы с контрабандой оружия захватывали корабли нейтральных стран, забирали их грузы и не давали им заходить во французские порты, Верженн заявил, что Франция признает право на свободу мореплавания для судов нейтральных стран. В этих условиях с целью защиты свободы мореплавания Екатерина II учредила «Лигу вооруженного нейтралитета», в составе которой под главенством России объединились многие европейские государства. Лига имела явную антибританскую направленность, и ее создание привело к международной изоляции Великобритании.

³⁸ Hardman J. Op. cit. P. 93.

³⁹ Véri J.-A. Journal de l'abbé de Véri. T. 2. P. 47.

⁴⁰ Opinion de Thomas Payne, sur l'affaire de Louis Capet, adressée au président de la Convention Nationale. Paris, 1792.

Результаты войны для Франции были неоднозначными. Победы французского флота и экспедиционного корпуса в Новом Свете и Версальский мир 1763 г. явились моральным реваншем за унижения Семилетней войны. Престиж державы, подорванный в результате внешнеполитических неудач Людовика XV, был восстановлен. Но победоносная война не принесла Франции существенных материальных выгод и территориальных приобретений (в этом смысле ее результаты можно было бы рассматривать как реализацию провозглашенного королем принципа сдержанности) и легла тяжким бременем на государственную казну. Кроме того, участие христианнейшего короля Франции в этой войне выглядело двусмысленным, так как он выступил на стороне бунтовщиков, восставших против своего венценосного правителя и установивших у себя республиканский строй. Своим участием в войне Людовик XVI как бы одобрял и узаконивал подобный образ действий. Когда знаешь, что впоследствии произойдет с ним самим, в этом видится злая ирония судьбы.

Жажда дальних странствий

После окончания войны король был на вершине славы и процветания. Наступили короткие безоблачные годы его жизни. Истинный дитя своего времени, Людовик XVI предавался мечтам о далеких странствиях, открытиях, исследовании океанских просторов и новых континентов. География, изучение и составление карт, описания морских путешествий увлекали его с детства. Его героем был капитан Джеймс Кук. Во время войны с англичанами король приказал французским военным морякам оказать самый теплый и дружеский прием английскому путешественнику в случае, если им доведется повстречать его корабли. Получив известие о гибели мореплавателя, Людовик задумался о снаряжении экспедиции, которая продолжила бы начатое Куком изучение Тихоокеанского побережья Северной Америки. Так родился замысел экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза, в подготовке которой король принимал непосредственное участие. Он внимательно читал и правил составленные для Лаперуза инструкции. В них король повелевал мореплавателю гуманно относиться ко всем народам и племенам, которые повстречаются на его пути, и оказывать им посильную помощь. Монарх рекомендовал французским путешественникам обучать туземцев передовым европейским приемам земледелия и знакомить их с известными в Европе сельскохозяйственными культурами. Он призывал Лаперуза воздерживаться от применения силы в отношениях с местным населением и пускать в ход оружие лишь в самом крайнем случае, если возникнет угроза для жизни французских моряков. «Его Величество сочтет за наисклучливейший успех экспедиции, если она сможет завершиться, не стоив жизни ни одному человеку», - писал король в заключение⁴¹. Этому стремлению избежать насилия и щадить жизнь своих подданных он останется верен до конца, даже в разгар революции.

Не прошли мимо внимания короля и попытки покорить воздушную стихию. Его заинтересовал эксперимент братьев Монгольфье с воздушным шаром. Король присутствовал

⁴¹ Mémoire du Roi, Pour servir d'instruction particulière au sieur de la Pérouse, capitaine de ses vaisseaux, commandant les frégates la Boussole et l'Astrolabe, 26 juin 1785 // Voyage de La Pérouse autour du monde, publié conformément au décret du 22 avril 1791, et rédigé par M. L.A.Milet-Mureau, général de brigade dans le corps du génie, directeur des fortifications, ex-constituant, membre de plusieurs sociétés littéraires de Paris. A Paris, l'an VI de la République – 1798 (1797). T.1. P.49. Об экспедиции Лаперуза и участии Людовика XVI в ее подготовке см.: Пименова Л.А. Путешественник, «философы» и «добрые дикари»: экспедиция Ж.-Ф. де Лаперуза, 1785-1788 гг. // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука, 2010. С.115-129.

при запуске шара, изучил его устройство и обсуждал с учеными, как можно использовать их изобретение на практике.

В конце июня – начале июля 1786 г. Людовик XVI впервые совершил поездку по стране. Он отправился в Нормандию, в Шербур на строительство военного порта. По прибытии короля начались маневры. Сильное впечатление на офицеров произвело то, что «король прекрасно осведомлен обо всем, касающемся флота, и ему известно многое о строительстве, оснащении и маневрах кораблей. Он знает даже слова этого варварского языка и говорит на нем, как заправский моряк»⁴². Монарх получал явное удовольствие от происходящего. В Шербуре он больше времени проводил на море, чем на суше. Однажды в ходе маневров он заметил, что судно «Патриот», на борту которого он находился, ни разу не выстрелило. Командир эскадры почтительно объяснил государю, что этикет запрещает участвовать в разыгрываемом сражении тому кораблю, который почтило своим присутствием его величество. Всецело поглощенный действием, король тут же отменил этот запрет, чтобы своими глазами увидеть, как ядра будут отскакивать рикошетом от морской глади. На обратном пути Людовик XVI, несмотря на протесты свиты, решился пересечь на борту корвета широкое устье Сены между Гавром и Онфлёром. Море в тот день было бурным. Экипаж состоял в основном из офицеров торгового флота, которые действовали не совсем удачно. Командир корвета не сдержался и позволил себе несколько крепких выражений. Вдруг морской волк опомнился, что находится в присутствии короля, и в ужасе стал просить прощения у его величества. Тот со смехом ответил: «Ничего, это ваш язык; я бы сказал то же самое, будь я на вашем месте»⁴³.

Король был в восторге от поездки. Он говорил, что день коронации и день приезда в Шербур были самыми прекрасными в его жизни. Провинция встретила его колокольным звоном, приветственными криками «Да здравствует король!» и рукоплесканиями. А расстроженный монарх отвечал им: «Да здравствует мой народ!»⁴⁴ По окончании путешествия он говорил приближенным, что впредь намерен часто ездить по стране и встречаться с народом. Однако в следующий раз Людовик XVI окажется в провинции лишь пять лет спустя, в июне 1791 г., когда попытается бежать из охваченного революцией Парижа и будет арестован в местечке Варенн.

Король и его министры

Свое правление Людовик XVI начал с двух поступков исключительной важности, знаменовавших разрыв с политикой деда и желание править по-новому, в духе «просвещенного» века. 24 августа 1774 г. он отправил в отставку двух самых непопулярных министров покойного короля: генерального контролера финансов аббата Терре и канцлера Рене-Никола Мопу. «Варфоломеевская ночь министров» вызвала всеобщий восторг. Радостные парижане устроили гуляние на улицах, сопровождавшееся взрывами петард, сожжением чучел Мопу и Терре и криками: «Да здравствует король, королева и королевская семья! Да здравствует король, который прогнал этих негодяев канцлера и генерального контролера!» В начале сентября король с королевой «были встречены в Версале самыми бурными возгласами и аплодисментами собравшейся несметной толпы народа, которая ждала их на улицах больше трех часов. Говорили, что король и королева были

⁴² Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. Т. 32. Р. 163-165.

⁴³ Ibid. Р. 194.

⁴⁴ Ibid. Р. 183.

чувствительно тронуты таким приемом народа»⁴⁵. Уволив старых министров, король, как тогда говорили, призвал энциклопедистов в правительство: Тюрго стал генеральным контролером финансов, а бывший генеральный цензор и покровитель энциклопедистов Кретьен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб - государственным секретарем королевского дома. Когда внимание короля обратили на то, что его новый министр Тюрго писал статьи в «Энциклопедию» Дени Дидро, не ходит в церковь и не может считаться вполне благонадежным, Людовик ответил: «Он честный человек, и мне этого достаточно». «Так не может говорить ханжа, которым управляют попы. В этих словах заявляет о себе справедливый и твердый дух», - прокомментировал ответ короля Вольтер⁴⁶.

Если новые назначения, казалось, возвещали эру либеральных реформ, то следующий решительный шаг молодого короля, напротив, означал возврат к тому образу правления, с которым пытался покончить Людовик XV. Осенью 1774 г. Людовик XVI отменил парламентскую реформу Мопу⁴⁷. К этому его усиленно склонял Морепа, для которого парламенты в их традиционном виде являлись неотъемлемой частью политической системы французской монархии. На короля повлияли и настроения, господствовавшие в обществе. Магистратов прежнего парламента окружал ореол невинных жертв произвола. Велик был соблазн начать царствование крупной политической акцией, которая обеспечила бы молодому королю популярность и репутацию справедливого правителя.

Общество в основном приветствовало возвращение парламентов. В Париже эта весть была встречена ликованием и народными гуляниями. Впрочем, некоторые расценивали отмену реформы Мопу как неоправданную уступку. По словам одного мемуариста, «умный Людовик XVI, не полагаясь на собственное благоразумие, идет на поводу у развращенного общественного мнения; он возвращает старые парламенты и покрывает позором те, что пришли им на смену. Это доказывает нации, что сопротивляться власти выгоднее, нежели подчиняться ей»⁴⁸.

Многие историки склоняются к мысли, что, желая в самом начале царствования заручиться поддержкой общественного мнения, король возродил гнездо оппозиции всем будущим попыткам реформ. В конечном счете именно парламентская оппозиция в 1787-1788 гг. послужила прологом революции. Следует однако заметить, что парламентская оппозиция сыграла свою роковую роль тогда, когда кризис в стране уже был налицо, а король и министры пребывали в растерянности, не зная, что предпринять. Пока король и министры действовали уверенно и решительно, парламенты оказывались бессильными. В первые десять лет правления Людовика XVI в Парижском парламенте существовала влиятельная «министерская партия», обеспечивавшая королю лояльность в обмен на высочайшее покровительство. Реформы, предпринимавшиеся в эти годы, не удалась не в результате противодействия парламентов, а из-за придворных интриг, несогласия среди самих министров и отсутствия твердой поддержки со стороны короля.

Людовик XVI плохо владел искусством назначать нужных людей на государственные посты и управлять ими. В деловых бумагах он разбирался гораздо лучше, чем в людях. Ему

⁴⁵ Hardy S.P. Op. cit. P. 408-410.

⁴⁶ Voltaire en son temps. T. 5. P. 101.

⁴⁷ Реформа Мопу проводилась в последние годы царствования Людовика XV и состояла в упразднении прежних парламентов и замене их судебными палатами с ограниченными полномочиями, без права контроля над законодательством. При этом отменялась продажа должностей парламентской магистратуры. О реформе Мопу см. публикуемую далее статью «Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г.».

⁴⁸ Allonville A. F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. V. 1-2. Bruxelles-Leipzig, 1838. T. 1. P. 32-33.

не удалось найти верного человека, подобного Верженну, на пост генерального контролера финансов. О том, какое значение он придавал этому ведомству, говорит текст одного из королевских указов, содержащий красноречивые слова: «Благополучие народов зависит преимущественно от хорошего управления финансами»⁴⁹. Однако отношения короля с генеральными контролерами складывались непросто. За 15 лет с 1774 по 1789 г. на этом посту сменились 12 человек, причем некоторые занимали его лишь по несколько месяцев. В результате финансовая политика была непоследовательной. Неоднократно предпринимались важные реформы, но не доводились до конца.

Неуживчивый Тюрго нажил себе немало врагов в правительстве и при дворе, в том числе в лице самой королевы и Морепа. Несмотря на недовольство своего окружения Людовик XVI стоял на стороне Тюрго до тех пор, пока сам был уверен в его правоте. Нововведения генерального контролера не проходили гладко. Отмена государственного регламентирования хлебной торговли привела к росту цен на хлеб. В результате весной 1775 г. вспыхнуло народное восстание, известное как «мучная война». В этот драматичный момент, когда на Тюрго обрушился шквал критики, король решительно поддержал министра в его начинаниях. Позже он помог Тюрго сломить сопротивление Парижского парламента и заставил зарегистрировать разработанные генеральным контролером указы об упразднении цехов, об отмене натуральной повинности на строительстве дорог и замене ее денежным налогом. Но реформатор на этом не остановился и выступил с предложением преобразовать управление страной на выборных началах. С таким планом король уже не мог смириться. У него появились опасения, что реформы Тюрго угрожают основам французской монархии. Людовик начал более внимательно прислушиваться к обвинениям в адрес министра-реформатора, и вскоре Тюрго пришлось оставить свой пост. Просвещенное общественное мнение было разочаровано.

В 1776 г. король поставил во главе финансового ведомства женева банка Жака Неккера, пользовавшегося в обществе репутацией знающего и опытного человека. Это назначение характеризует Людовика XVI как правителя терпимого и обладающего широтой взглядов. Король вверил финансы страны в руки иностранца и протестанта. Стоит вспомнить, что в то время католицизм являлся во Франции государственной религией, отправление протестантского культа запрещалось законом, а желающему получить любую должность требовалось подтвердить свою принадлежность к «католической, апостольской римской Церкви». В 1719 г. шотландец Джон Ло вынужден был обратиться в католическую веру, чтобы занять пост генерального контролера финансов. Людовик XVI был человеком безусловно набожным и благочестивым, но он не был фанатиком и ханжой. Назначение Неккера – лишь один тому пример. При нем вообще прекратились преследования на религиозной почве, а в 1787 г. согласно королевскому указу протестанты наконец обрели гражданский статус.

Неккер пытался серьезно преобразовать управление финансами и вынашивал замыслы реформ провинциальной администрации⁵⁰. Но его планам воспротивились Морепа и Верженн. Им удалось убедить Людовика XVI в том, что директор финансов замышляет

⁴⁹ Цит. по: White E.N. Was there a Solution to the Ancien Régime's Financial Dilemma? // Journal of Economic History. 1989. № 49. P. 546.

⁵⁰ Историки придают исключительно важное значение реформам Неккера, усматривая в них последний нереализованный шанс избежать финансового краха французской монархии в 1788-1789 гг. См.: Boshier J.F. French Finances, 1770-1795: from Business to Bureaucracy. Cambridge, 1970; Harris R.D. Necker. Univ. of California, 1979; White E.N. Op. cit.

сомнительные новшества, угрожающие столь дорогим сердцу короля основам абсолютной монархии. Дело вновь кончилось отставкой министра и сворачиванием реформ. Общественное мнение выражало недовольство, а финансисты начали отказывать правительству в займах.

Осенью 1781 г. умер старик Морепа. «О нем мало сожалели в обществе, но его горько оплакивал король»⁵¹. Рано потерявший родителей Людовик XVI испытывал к почтенному старцу почти сыновнюю привязанность. В лице Морепа он потерял наставника и руководителя в политических делах. Впрочем, королю в то время исполнилось уже 27 лет, он набрал опыт управления государством и мог бы обойтись без Ментора. Преемника ему Людовик не назначил. На следующий день после смерти Морепа он созвал совет и, по словам одного из министров, говорил больше, чем обычно, как будто убеждая самого себя в том, что теперь наконец-то он начнет править⁵².

После смерти Морепа в правительстве сложились две соперничающие фракции. Их называли «партией короля» и «партией королевы»⁵³. В первую входили дворяне «мантии», такие как Верженн и генеральный контролер финансов Шарль-Александр де Калонн. Они были наиболее последовательными защитниками абсолютной монархии в ее традиционном виде. Им противостояла «партия королевы», выражавшая политические амбиции высшей аристократии. Наиболее видными представителями этой «партии» были военный министр Анри-Филипп де Сегюр, морской министр Шарль-Эжен-Габриэль де Кастр и министр королевского дома Луи-Шарль-Огюст Ле Тоннелье де Бретей. Соперничество двух министерских фракций порождало нестабильность в действиях правительства, покончить с которой оказалось не под силу ни королю, ни Верженну.

Нестабильность правительства осложняла его отношения с парламентами. Отсутствие согласия в министерстве привело к развалу «министерской партии» в парламенте. Вследствие этого сложнее стало добиваться регистрации королевских указов парламентом. Одновременно в стране назревал финансовый кризис. В течение ряда лет правительство преодолеvalo свои трудности с помощью займов, заключавшихся на невыгодных для него условиях. В результате рос государственный долг. Один генеральный контролер сменял другого, а состояние финансов неуклонно ухудшалось.

В 1786 г. для выхода из кризиса генеральный контролер финансов Калонн предложил целый комплекс мер, включавший налогообложение привилегированных сословий. Размах планов Калонна поначалу напугал Людовика XVI, но вскоре министрам удалось убедить его, что иного выхода нет и реформы неизбежны. Однако эти планы вызвали бурю протестов, и парламенты отказались их зарегистрировать. В 1787-1788 гг. последовала цепь драматических политических событий, наглядно показавших, что абсолютная монархия утратила доверие и поддержку самых разных слоев общества. И аристократия, и парламенты, и финансисты, и даже сами королевские чиновники разуверились в способности Людовика XVI провести необходимые реформы и править самостоятельно, без контроля со стороны выборного органа, представляющего нацию. Король, уступая всеобщему требованию, созвал Генеральные штаты.

В разгар предреволюционного кризиса, в феврале 1787 г. умер Верженн. Король потерял в его лице опытного и компетентного помощника. Говорили, что, узнав о смерти

⁵¹ Allonville A. F. *Mémoires secrets*. Т. 1. P. 108-109.

⁵² Hardman J. *Op. cit.* P. 70.

⁵³ Об этом, в частности, пишет в мемуарах генеральный наместник парижской полиции Ленуар. См.: Darnton R. *The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785* // *The English Historical Review*. 1970. № 336. P. 543.

министра, он заплакал и сказал: «Я теряю единственного друга, на которого мог рассчитывать, единственного министра, который никогда меня не обманывал»⁵⁴. Впоследствии он не раз вспоминал покойного Верженна, прибавляя, что если бы тот был жив, то наверняка помог бы найти какой-то выход. После смерти Верженна король почувствовал себя особенно одиноким. Именно с этого времени становится заметным влияние на него Марии-Антуанетты.

Весной-летом 1789 г. король бездействовал. Найти общий язык с депутатами, завоевать у них поддержку и возглавить работу Генеральных штатов он не смог, да и не пытался. Происходящее оставляло его безучастным. Его равнодушие к событиям, в ходе которых решалась судьба монархии, отчасти можно объяснить тем, что в начале июня скончался его семилетний старший сын. Убитый горем король проводил целые дни у постели умирающего дофина. Он надолго замкнулся в скорбном одиночестве, не в состоянии никого принимать и заниматься государственными делами. Тем временем третье сословие требовало признания своих политических прав. Председатель третьего сословия в Генеральных штатах, будущий мэр Парижа Ж.-С. Байи настойчиво добивался аудиенции у короля, чтобы вручить ему свою петицию. Тот в конце концов уступил напору депутата, прибавив с досадой: «У этих людей, стало быть, совсем нет детей»⁵⁵.

23 июня 1789 г. состоялось долгожданное королевское заседание Генеральных штатов. Людовик XVI выступил с речью, в которой ясно высказал стремление положить конец расколу в обществе и достичь компромисса. «Ради общего блага моего королевства, ради себя самого я должен положить конец этим пагубным распрям, - говорил он. - Именно с этой целью, господа, я решил вновь собрать вас; как отец всех моих подданных и как защитник законов моего королевства я должен напомнить об их подлинном духе и пресечь возможные их нарушения»⁵⁶. Однако при этом король оттолкнул от себя депутатов третьего сословия, осудив и объявив недействительным принятое ими неделю назад решение провозгласить себя Национальным собранием. Его речь изобиловала просветительской риторикой и рассуждениями о «блага народа», «счастье нации» и «любви к родине», но намеченная им программа действий большинству депутатов казалась архаичной. Оглашенная на заседании «Декларация намерений короля» признавала за Генеральными штатами право утверждать налоги и займы и контролировать государственные доходы и расходы, но при этом подразумевала сохранение основ Старого порядка, абсолютной монархии и сословного строя⁵⁷. Теперь всё это казалось пройденным этапом. Компромисс на условиях, которые предложил король, был уже невозможен.

Когда в начале июля 1789 г. в Париже началось брожение, Людовик XVI решил уступить и призвал депутатов духовенства и дворянства присоединиться к Национальному собранию. Председатель дворянского сословия герцог Люксембургский пытался его переубедить, заверяя, что верное дворянство готово умереть за своего короля, не позволив Национальному собранию отнять у него власть. От Людовика XVI последовал очень характерный для него ответ: «Господин герцог, я всё обдумал и со своей стороны готов к

⁵⁴ Lever E. Op. cit. P. 442.

⁵⁵ Tocqueville A. Op. cit. P. 361.

⁵⁶ Archives parlementaires de 1787 à 1860 / sous la dir. de M. J. Mavidal et E. Laurent. Série 1. Paris, 1868-1879. T. 8. P. 143.

⁵⁷ Ibid. P. 144-145.

любым жертвам; но я не хочу, чтобы из-за меня погиб хотя бы один человек»⁵⁸. Однако в то же время с одобрения короля к Парижу стали стягиваться войска.

Даже после восстания 14 июля популярность короля всё еще была велика. Его появления на публике приветствовались дружными криками: «Да здравствует король!», и многие, в том числе и депутаты Учредительного собрания, предлагали воздвигнуть ему памятник на площади Бастилии как «восстановителю французской свободы». Во время грандиозного праздника Федерации 14 июля 1790 г., которым была отмечена годовщина взятия Бастилии, Людовик XVI восседал на троне посреди Марсова поля. Под приветственные возгласы многотысячной толпы он поклялся чтить конституцию. Для большинства французов король еще оставался живым символом государства и нации.

Король французов

В революционных перипетиях отчетливее определялись политические принципы Людовика XVI. В его поведении во время революции, как никогда ранее, проявлялась вера в то, что он помазанник Божий и его власть основана на Божественном праве. За свои поступки он был готов отвечать перед Всевышним, но не перед Учредительным собранием. В нем живо было сознание того, что королевство – это не собственность, которой монарх волен распоряжаться по своему усмотрению, а возложенный на него крест. Он всю жизнь стремился достойно пронести этот крест и править сообразно традициям, по закону и на благо подданных. Законной же, с его точки зрения, во Франции могла быть только абсолютная монархия. Именно такой образ правления он унаследовал от деда и обязан был передать сыну. В октябре 1789 г. он направил королю Испании послание, в котором писал: «Я обязан перед самим собой, перед своими детьми, своей семьей и всем своим родом не допустить того, чтобы при мне было унижено королевское достоинство моей династии, утвержденное долгой чередой столетий»⁵⁹.

События, в гуще которых оказался Людовик XVI, по сложности своей явно превосходили его способности государственного деятеля. Он добросовестно стремился быть хорошим, справедливым и добрым королем, но когда кругом рушились все устои, когда требовалось действовать без промедления и быстро находить неожиданные, нестандартные решения, этот человек либо капитулировал и ждал, когда всё само собой образуется, либо делал то, чего делать никак не следовало. Он был неспособен чутко реагировать на быстро меняющуюся ситуацию. Будучи нехаризматичной личностью, с трудом выражая свои мысли и эмоции, он не мог привлекать к себе сторонников. В силу хорошо усвоенных с детства уроков он видел себя просвещенным абсолютным монархом; изменить этому амплуа и стать конституционным монархом на английский манер он не мог. Он стремился править легитимно, по закону. Однако именно этому законопослушному государю выпало на долю стать свидетелем и невольным участником ниспровержения основ французской монархии.

Осенью 1789 г. толпа революционно настроенных парижан и парижанок при поддержке национальной гвардии заставила королевскую семью перебраться из Версаля в столицу. Вслед за этими событиями Учредительное собрание постановило изменить официальное титулование Людовика XVI. Отныне он был уже не «христианнейший король Франции и Наварры», а «Людовик, Божией милостью и силой конституционных законов

⁵⁸ Tocqueville A. Op. cit. P. 390.

⁵⁹ Mousset A. Un témoin ignoré de la Révolution, le comte de Fernan Nunez. Paris, 1924. P. 228.

государства, король французов»⁶⁰. Королю ясно дали понять, что его власть зависит не только от воли Божьей, но и от согласия нации в лице ее представителей-депутатов.

Кое-как устроившись в давно запущенном и неудобном дворце Тюильри, Людовик XVI стал вести во всех отношениях приятную ему жизнь отца семейства, много времени уделял воспитанию детей, особенно сына, которого он учил истории, географии и языкам. Король «возделывал свой сад», в то время как круто ломалась не только его собственная судьба, но и история всей страны. Это относительно спокойное и размеренное существование не могло продолжаться долго.

Еще со времени предреволюционного кризиса его моральные силы были подорваны и здоровье резко ухудшилось. Он страдал приступами депрессии, мигренями, расстройствами пищеварения, мог неожиданно заснуть в парламенте или на заседании королевского совета на глазах у изумленной публики.

К досаде своих советников и королевы он упрямо уклонялся от решительных действий в ожидании, когда буря уляжется сама собой. Но время работало против него. С началом революции он уже был обречен на фиаско. Выжидательная позиция, разумная для скромного и незаметного обывателя, не годилась для человека, который по своему положению был у всех на виду и волей-неволей становился знаменем определенной политической партии.

Он стремился к компромиссу, хотел остановить раскол общества. Отвергая и осуждая революцию, он не желал активно бороться с ней и всё время шел на уступки. Его подпись стояла под «Декларацией прав человека и гражданина» и другими революционными документами. Заговоры роялистов и попытки организовать бегство королевской семьи оставляли его равнодушным. Его противостояние революции ограничивалось тайной перепиской с французскими политическими эмигрантами и иностранными монархами. Двойственность позиции не помогала ему завоевать доверие и популярность. Она порождала недовольство как в революционном, так и в контрреволюционном лагере. Король терял сторонников и наживал себе все новых врагов. Его называли «двуликим Янусом».

Переломным моментом явилась неудавшаяся попытка бегства короля с семьей из Парижа по направлению к восточной границе, где были сосредоточены верные ему войска. Он решился на такой шаг после долгих колебаний. Дело не обошлось без давления со стороны энергичной Марии-Антуанетты. Людовик XVI и сам осознавал, что не может оставаться главой революционного государства и подписывать всё более и более радикальные декреты Учредительного собрания, разрушавшие вековые устои монархии, попиравшие права Церкви, глубоко враждебные его собственным убеждениям и всему тому, что он считал своим долгом сохранить. Он слабо отдавал себе отчет в том, какова будет реакция подданных на бегство короля. События так называемого Вареннского кризиса окончательно подорвали авторитет монарха в глазах тех участников и сторонников революции, которые еще надеялись на возможный компромисс с ним. Неудачное бегство короля стало сюжетом многочисленных политических карикатур, которые завоевали широкую популярность и привели к полной дискредитации Людовика XVI в общественном мнении. До свержения монархии оставался еще год, но республиканская идея уже овладела умами⁶¹.

После лета 1791 г. жизнь Людовика XVI представляла собой непрерывную цепь унижений. В сентябре ему пришлось принять конституцию, выработанную Учредительным

⁶⁰ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Série 1. T. 9. P. 383-385, 411.

⁶¹ См.: Duprat A. Le roi décapité: Essai sur les imaginaires politiques. Paris, 1992.

собранием. Конституция оставляла за королем широкие полномочия, особенно в области внешней политики, но с монархией Божественного права было покончено. Король становился главой исполнительной власти, которая вверена ему нацией. Людовик XVI ясно видел, что этот текст не имеет ничего общего с традициями французской монархии, но вынужден был его одобрить. Затем ему предстояло стоя с непокрытой головой принести присягу на верность этой конституции перед сидевшими, не снимая шляп, депутатами Учредительного собрания.

Путь к эшафоту

Вступление Франции в войну против европейских держав весной 1792 г. еще сильнее накалило страсти. В адрес Людовика XVI все громче звучали обвинения в связях с врагами французского народа и в предательстве национальных интересов. У него уже не было шансов не только сохранить остатки власти, но и хотя бы физически уцелеть. 10 августа в Париже произошло народное восстание, королевский дворец Тюильри был взят штурмом и монархия низвергнута. Законодательное собрание приняло декрет, лишивший Людовика XVI власти. В сентябре 1792 г. Национальный конвент постановил упразднить монархию. Однако сам король от престола не отрекался. Во Франции существовал строго установленный порядок престолонаследия; король не имел права распорядиться короной, отречься от нее или назначать наследника. Таковы были фундаментальные законы французской монархии, и Людовик XVI их не нарушал.

По решению Коммуны Парижа король с семьей – королевой, двумя детьми и сестрой Елизаветой – были заточены в крепость Тампль, которую в то время занимал хранитель архива Мальтийского ордена. Поначалу члены королевской семьи могли общаться друг с другом. Людовик много внимания уделял детям, давал сыну уроки географии, разучивал с ним наизусть отрывки из пьес П. Корнеля и Ж. Расина, читал и размышлял. За время заточения в Тампле он прочел 250 книг. Это были описания путешествий, театральные пьесы, труды Ш.-Л. Монтескье и естествоиспытателя Ж.-Л. Бюффона, сочинения Торквато Тассо на итальянском языке, «Британская история» Д. Юма на английском, «Подражание Христу» Фомы Кемпийского на латыни. По несколько часов в день он обычно посвящал чтению древнеримских авторов⁶².

Стражники обращались с королем грубо, не снимали шляпы в его присутствии, часовые не отдавали ему честь. Он был лишен возможности пригласить священника для совершения богослужений и сам ежедневно читал по требнику тексты церковных служб. В конце сентября по решению Коммуны Парижа королевскую семью лишили права пользоваться чернилами, перьями и бумагой. В начале декабря у заключенных отобрали все острые и режущие предметы: ножи, бритвы, ножницы и даже зубочистки.

Конвент постановил начать судебный процесс против низложенного короля, которого революционеры стали именовать Луи Капетом. Одни депутаты осуждали его, исходя из общих принципов. Л.-А. Сен-Жюст, например, заявлял о том, что королевская власть сама по себе есть преступление и «нельзя царствовать, не будучи виновным». «Людовик XVI должен быть наказан, - вторил ему М. Робеспьер, - иначе Французская республика есть химера». По мнению Робеспьера, оправдать короля означало бы осудить революцию. Другие

⁶² Эти и другие подробности жизни короля в Тампле известны из дневника его камердинера Клеры. См.: Cléry J.B. Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798. P. 96-97, 203.

ставили королю в вину конкретные преступления: попытки разогнать Национальное собрание в июне 1789 г., применение военной силы против народа в июле 1789, 17 июля 1791 и 10 августа 1792 г., связи с эмигрантами и содействие вторжению интервентов на территорию Франции, использование денег гражданского листа для оплаты контр-революционеров и т.д.⁶³ Положение короля стало совершенно безнадежным после того, как в ноябре был обнаружен печально знаменитый «железный шкаф» с компрометирующими документами. Они доказывали, что Людовик XVI поддерживал отношения с эмигрантами, вел тайные переговоры с иностранными монархами, замыслил и осуществлял подкуп революционных лидеров умеренного толка. В сейфе, в частности, содержалась переписка короля с Мирабо, из которой явствовало, что пламенный оратор революции втайне служил королю.

Наступил день, когда король должен был лично предстать перед судом Конвента. В связи с этим депутаты приняли решение разлучить его с семьей. Круг одиночества, охватывавший Людовика XVI на протяжении всей жизни, сузился до размеров комнаты в башне Тампля, которая стала его тюрьмой. Он обратился к Конвенту за разъяснениями, почему и на какой срок его лишили общения с близкими людьми. В официальном ответе говорилось, что на время процесса королю запрещено встречаться с королевой и с сестрой; детей же он, если пожелает, может держать при себе, но в таком случае им нельзя будет видеться с матерью и теткой до окончания суда. Людовик XVI вынужден был отказаться от общения с детьми, решив, что им необходимо остаться с матерью⁶⁴.

Исход процесса королю был совершенно ясен и мало его волновал. Вечером после первого допроса в Конвенте, раздеваясь перед сном, он сказал своему камердинеру Клеру: «В мыслях я был так далек от всех тех вопросов, что мне задавали»⁶⁵. Все обвинения он хладнокровно отвергал. По всему было видно, что он уже отрешился от мирской суеты. Понимая, что обречен, он решил посвятить остаток земных дней заботам о спасении души. Однажды ему в руки попал старый номер газеты «Меркюр де Франс» с загадочной логогрифом, которую он предложил разгадать своему камердинеру. Тот никак не мог понять, что за слово там скрывалось. «Как, разве вы не можете его найти? - воскликнул король. - Между прочим, оно мне сейчас очень подходит. Это слово *жертва*»⁶⁶. Итак, слово было найдено. Он обрел высший смысл своей жизни не в том, чтобы хорошо управлять страной, а в том, чтобы отдать себя на заклятие во искупление грехов своего народа. Традиционное для королевской идеологии уподобление государя Христу, проявлявшееся в формуле «Rex imago Dei» и в обычае исцелять больных прикосновением руки, находило свое завершение в акте мученической смерти монарха на эшафоте. Перед смертью он ясно увидел, наконец, куда ведет его царский крестный путь, и прошел его достойно. Теперь он уже не колебался.

На Рождество он передал адвокату текст завещания, в котором в последний раз изложил свое политическое кредо и подтвердил приверженность законам и традициям

⁶³ О процессе короля см.: Le Pour et le Contre: Recueil complet des opinions prononcées à l'Assemblée Conventionnelle, dans le Procès de Louis XVI; on y a joint toutes les Pièces authentiques de la Procédure. Т. 1-7. Paris, 1793; Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 5. М., 1983. С. 7-139; Le procès de Louis XVI. Présenté par A. Soboul. Paris, 1966; Girault de Coursac P. et al. La défense de Louis XVI, par Malesherbes, Tronchet et Desèze précédée du procès-verbal de l'interrogatoire du roi. Paris, 1993; Пименова Л.А. Как король становится предателем // Одиссей: Человек в истории. 2012. М.: Наука, 2012. С. 167-183.

⁶⁴ Cléry J.B. Op. cit. P. 159-160.

⁶⁵ Ibid. P. 152-153.

⁶⁶ Ibid. P. 203.

французской монархии. Король каялся в том, что против воли вынужден был поставить подпись под декретами, наносящими вред католической Церкви. Он прощал всех своих врагов и наказывал сына, «если ему выпадет несчастье стать королем», не мстить за отца и «посвятить себя всецело счастью своих сограждан». «Пусть он помнит, - наставлял король дофина, - что счастье народу можно принести, только если править по закону. Но в то же время, король должен иметь власть, необходимую для того, чтобы заставить уважать законы и от всего сердца творить добро. Иначе же, будучи стеснен в своих поступках и не внушая никакого уважения, он принесет более вреда, нежели пользы»⁶⁷.

15-19 января 1793 г. небольшим большинством голосов (387 против 362) Национальный конвент объявил «Луи Капета, последнего короля французов виновным в заговоре против свободы нации и в покушениях на общую безопасность государства»⁶⁸ и приговорил его к смертной казни. Это известие король встретил мужественно. Казалось, Людовика больше заботил не вынесенный ему смертный приговор, а потрясение и скорбь адвоката Мальзерб. Король долго обнимал и успокаивал своего защитника. Затем он послал камердинера в библиотеку за томом «Британской истории» с описанием казни Карла I и читал эту книгу все следующие дни.

Стражники надзирали за королем постоянно, день и ночь. Людовик обратился в Генеральный совет Коммуны Парижа с жалобой. «Надо понимать, - писал он, - что в моем нынешнем положении мне крайне тягостно не иметь возможности побыть одному и спокойно собраться с мыслями»⁶⁹. Однако слезка не прекратилась.

И друзья и недруги были потрясены его самообладанием в день казни⁷⁰. Накануне вечером ему разрешили проститься с семьей. Затем он долго беседовал со своим духовником, аббатом Эджеворт де Фирмоном. В два часа ночи он быстро заснул глубоким сном праведника и беспробудно проспал до пяти часов утра. Утром аббат де Фирмон отслужил мессу, и король причастился. Он отдал камердинеру Клери свою печать, обручальное кольцо и другие личные вещи, оставив на руке только перстень – символ королевской власти, - надетый ему архиепископом Реймским во время коронации. Его не испугал вид гильотины. Возмущение короля вызвало лишь намерение палачей связать ему руки. Он поначалу сопротивлялся такому унижению, но духовник убедил его уступить, сказав, что таким образом он сделает еще один шаг на пути, указанном страдающим Господом.

Поднявшись на эшафот, Людовик твердым голосом крикнул окружавшей толпе: «Я умираю невинным, я прощаю своих врагов и молю, чтобы моя кровь пролилась на пользу народу Франции и утолила Божий гнев!»⁷¹ Последние его слова заглушила барабанная дробь. В 10 часов 10 минут голова короля скатилась с плахи под крики: «Да здравствует республика!» Умер добрый, достойный и нерешительный человек, не сумевший управлять страной и вывести ее из кризиса. В его лице прекратила свое земное существование монархия Божественного права. Противоречие между верностью традициям и жадой обновления для Людовика XVI оказалось неразрешимым и гибельным.

⁶⁷ Testament de Louis XVI // Le Sacre et couronnement de Louis XVI; supplément. P. 30-31.

⁶⁸ Decret de mort de Louis Capet: Extrait des procès-verbaux de la Convention nationale, des 15, 16, 17, 19 et 20 Janvier 1793, l'an II de la République Française // Le Pour et le Contre. T. 7. P. 398.

⁶⁹ Cléry J.B. Op. cit. P. 206-207.

⁷⁰ См., напр.: Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris, № 185, 19-27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI. P. 231-233.

⁷¹ Ibid. P. 233.

В ответ на казнь короля британское правительство предписало французскому послу покинуть пределы страны. Великобритания, Испания и Неаполитанское королевство присоединились к антифранцузской коалиции. Екатерина II издала указ об изгнании из России всех французских подданных; желавшие остаться должны были публично принести присягу, в которой осуждалось существующее во Франции правление, казнь короля провозглашалась изменой и злодейством и давалось обязательство прервать всякие сношения с соотечественниками, оставшимися на родине.

Супруга и сестра короля вскоре разделили его судьбу. В октябре 1793 г. по приговору революционного трибунала казнили Марию-Антуанетту, а в 1794 г. на эшафот взошла принцесса Елизавета. После казни Людовика XVI монархисты признали юного дофина королем Людовиком XVII. В соответствии с решением Коммуны Парижа его еще при жизни Марии-Антуанетты отобрали у матери, с тем чтобы мальчик получил воспитание «в республиканском духе». Согласно наиболее распространенной версии, ребенок умер в Тампле в 1795 г., однако историки не считают ее вполне убедительной, и «загадка Людовика XVII» до сих пор остается до конца не разгаданной⁷². Лишь дочь короля Мария-Тереза, будущая герцогиня Ангулемская выйдет из темницы целой и невредимой и переживет все революционные бури.

Тела казненных короля и королевы бросили в общую могилу в слой негашеной извести (в 1816-1821 гг. на этом месте была воздвигнута Искупительная часовня). В самом начале Реставрации бывший граф Прованский, ставший королем Людовиком XVIII, повелел разыскать останки брата и невестки и перенести их в королевскую усыпальницу – собор Сен-Дени, где они покоятся по сей день (впрочем, нет полной уверенности в том, что были найдены и погребены в Сен-Дени подлинные останки Людовика XVI).

⁷² Бовыкин Д.Ю. Людовик XVII: жизнь и легенда // Новая и новейшая история. 1995. № 4.

Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г.⁷³

Люди, жившие в XVIII веке, не знали термина «абсолютная монархия». Они говорили о монархии с «абсолютной властью» короля. Интерпретации этого понятия у разных авторов отличались друг от друга и менялись со временем. Задача данной статьи – выяснить, как понимали его представители правящей элиты Франции в самом конце Старого порядка. Мы рассмотрим эту обширную тему преимущественно на примере одного эпизода. В истории французской монархии не раз наступали критические моменты, в ходе которых заново определялось или менялось направление развития государства на годы и десятилетия вперед. В таких случаях обычно получала импульс теоретическая мысль, и современники вновь и вновь предавались размышлениям о том, что представляет собой французское государство, как его можно определить и классифицировать и что такое абсолютная власть короля Франции. Один из таких моментов приходится на лето-осень 1774 г. В ноябре того года состоялось королевское заседание Парижского парламента и в обстановке всеобщего воодушевления его прежние магистраты вернулись к исполнению своих обязанностей. Это событие представляло собой поворот в истории французской монархии. Три года тому назад, в самом конце правления Людовика XV в ответ на очередной подъем парламентской оппозиции канцлер Рене-Никола де Мопу осуществил радикальную реформу, в ходе которой компетенция парламентов была ограничена, сами парламенты реорганизованы и ликвидирована система продажи судейских должностей. Парламентские магистраты превращались в назначаемых королем государственных чиновников на жаловании. Непокорных магистратов Парижского парламента отправили в ссылку и на их место набрали новый, численно меньший состав. Аналогичному реформированию были подвергнуты и провинциальные парламенты. Наряду с парламентами были распущены и реформированы другие суверенные курии Парижа и провинций: Большой совет, Счетные палаты, Налоговые палаты, провинциальные Суверенные советы. В результате парламенты оказались полностью подчинены королю и, таким образом, был уничтожен постоянно дававший о себе знать на протяжении XVIII в. очаг оппозиции, а власть короля обрела более, чем когда-либо прежде, «абсолютный» характер. Реформа Мопу вызвала настоящий политический кризис. К концу 1771 г. несколько сот судей оказались в ссылке, большинство принцев крови осуждали принятые меры, некоторые высшие военные и даже два интенданта отказались подчиниться приказам и поддержали местные парламенты. Противники Мопу развязали памфлетную войну в невиданных ранее размерах и гневно обличали «деспотизм» канцлера. Их поддержало почти всё просвещенное общественное мнение, за исключением Вольтера. Современники называли парламентскую реформу «государственным переворотом», в результате которого были уничтожены институты, гарантировавшие соблюдение законности и правосудия в стране, и монархия превратилась в деспотию⁷⁴.

⁷³ Впервые опубликовано: Французский ежегодник. 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905-1972). М.: КомКнига, 2005. С. 195-222.

⁷⁴ О реформе Мопу и спорах вокруг нее см.: Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les parlements. Paris, 1885; Bloch A. Maupeou, ses tribunaux, ses réformes. Paris, 1887; Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou (1771-1774). Paris, 1937; Egret J. Louis XV et

Спустя полгода после восшествия на престол Людовика XVI (май 1774 г.) реформа Мопу была отменена, а парламенты и прочие суверенные курии восстановлены в их прежнем виде и с прежними полномочиями. Это стало одной из первых крупных политических акций молодого монарха. Отклики современников на восстановление старых парламентов были противоречивыми. Преимущественно реакция общества была восторженная. Короля прославляли за доброту и справедливость. Правда, некоторые считали этот шаг неосторожным. Историки не раз критиковали монарха и устанавливали причинно-следственную связь между отменой реформы Мопу и политическим кризисом 1787-1788 гг., важнейшей движущей силой которого явилась именно парламентская оппозиция. По словам Эдгара Фора, «парламентская оппозиция в XVIII в. – одна из главных (событийных) причин падения режима»⁷⁵. Получалось, что в 1774 г., едва взойдя на престол, король сам по доброй воле и по недомыслию создал себе на погибель опасного врага.

Споры о последствиях отмены реформы Мопу для судеб французского государства продолжают по сей день. Нас же будет интересовать другое, а именно проявившиеся в этой истории характерные черты теории и практики французской монархии, которую мы привыкли называть абсолютной.

* * *

В отличие от восстановления полномочий Парижского парламента регентом герцогом Филиппом Орлеанским в 1718 г., поступок Людовика XVI, казалось бы, не имел смысла и не приносил ему политических дивидендов. Чем же был вызван столь решительный разрыв между монархией Людовика XV и монархией Людовика XVI? Была ли у молодого короля своя концепция монархии, отличавшаяся от той, которой придерживался его дед, или же совершенный по его воле крутой и опасный поворот объяснялся политической неопытностью?

Что касается доктрины монархии Людовика XV, то наиболее полным и подробным ее изложением считается речь короля в Парижском парламенте во время так называемого сеанса Бичевания 3 марта 1766 г. Проведенная несколько лет спустя реформа Мопу стала практическим осуществлением идей, прозвучавших в этой речи. Французский историк Мишель Антуан назвал ее «политическим завещанием» Людовика XV⁷⁶. Ее автором в основном был государственный советник Пьер Жильбер де Вуазен, а в парламенте от имени короля прочел первый генеральный адвокат Жан-Омер Жоли де Флэри. В этой программной речи, составленной и произнесенной в момент подъема парламентской оппозиции, центральное место, естественно, занимала проблема взаимоотношений короля и парламентов. В ней утверждался принцип волеизъявления короля как источника власти в стране: «Магистраты суть мои служащие, уполномоченные исполнять от моего имени поистине королевский долг вершить суд над моими подданными; эта функция связывает их с моей особой и делает их всегда достойными уважения в моих глазах». Парламенту от имени короля напомнили «священные и незыблемые максимы»: «что только в моей

l'opposition parlementaire (1715-1774). Paris, 1970; Echeverria D. *The Maupeou revolution. A study in the history of libertarianism, France, 1770-1774*. London, 1985; Antoine M. *Sens et portée des réformes du chancelier de Maupeou // Revue historique*. 1992. Т. 288. № 583. P. 39-59; Swann J. *Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774*. Cambridge, 1995. P. 368.

⁷⁵ Фор Э. Опала Тюрго, 12 мая 1776 г. М.: Прогресс, 1979. С. 135.

⁷⁶ Antoine M. *La monarchie absolue // The French Revolution and the creation of modern political culture*. Т. 1 / ed. by K.M. Baker. Oxford: Pergamon Press, 1987. P. 5.

персоне заключена суверенная власть, которую характеризует дух совета, правосудия и разума; что только от меня мои курии получают существование и власть; что полнота власти, которую они отправляют только от моего имени, всегда остается во мне и она никогда не может быть использована против меня; что лишь мне одному принадлежит законодательная власть всецело и безраздельно; что лишь по моей воле служащие моих курий могут не создавать, но регистрировать, публиковать и исполнять законы и что им дозволено подавать мне ремонстрации, как подобает добрым и полезным советникам; что весь общественный порядок исходит от меня и что права и интересы Нации, которую осмеливаются представлять корпусом, отдельным от Монарха, невозможно отделить от моих собственных и они находятся в моих руках». Речь монарха утверждала не только идею полного и безраздельного королевского суверенитета, но и концепцию государственного устройства, основанного на разграничении и гармоническом единении трех сословий. Судьи в государстве являются лишь должностными лицами, назначенными королем, но не составляют особого сословия: «Магистратура не образует ни корпуса, ни сословия, отдельного от трех сословий Королевства». Претензии парламентов на образование «воображаемого корпуса» способны лишь нарушить «гармонию Монархии»⁷⁷. Анализируя текст этой речи, М. Антуан обратил внимание на то, что в ней лишь один раз, в конце предпоследнего абзаца встречается ссылка на Божественную природу королевской власти. Историк усматривает в этом лишнее подтверждение процесса десакрализации королевской власти, затронувшего, в том числе, и политическую элиту Франции⁷⁸. Стоит также подчеркнуть, что в данной речи власть короля характеризуется как «суверенная», «полная», «безраздельная», но словосочетание «абсолютная власть» не употреблено ни разу. Разумеется, к 1760-м гг. в оппозиционной, прежде всего парламентской, литературе оно уже обрело негативные коннотации и ассоциировалось с понятием «деспотизм». Но, как мы увидим, апологеты сильной королевской власти не стали его избегать. Скорее всего, с точки зрения составителя речи, понятие «суверенная власть» было более емким и содержало в себе идею абсолютной власти.

В целом, изложенные в речи короля представления вписывались в русло классических идей Ж.-Б. Боссюэ, согласно которым абсолютная власть монарха характеризуется, с одной стороны, отсутствием «сдержек и противовесов» (государь ни перед кем не отчитывается за свои распоряжения, вынесенный им приговор является окончательным и обжалованию не подлежит и никто не смеет противодействовать его воле), а с другой, - обязательным соблюдением законов⁷⁹. Вместе с тем, акцент в речи 1766 г. явно был сделан на первой составляющей. Автор речи Жильбер де Вуазен исходил из того, что в обществе, разделенном на сословия, король является олицетворением единства, арбитром и гарантом порядка. Об обязанности короля уважать и соблюдать законы сказано не было.

Принципы, изложенные в программной речи короля, нашли воплощение и в принятой по инициативе канцлера Мопу в ноябре 1770 – феврале 1771 г. серии законов об отставке прежнего состава Парижского парламента, упразднении старых парламента и

⁷⁷ Séance royale dite de la Flagellation, 3 mars 1766 // Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tournoux. 3 vol. T. 2. Paris, 1895. P. 556-558.

⁷⁸ Antoine M. Op. cit. P. 14-15.

⁷⁹ Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte, à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume de messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1709. P. 118-124.

замене их высшими советами, об отмене продажи и наследования судейских должностей и порядке выплаты компенсации их собственникам⁸⁰. Законы 1771 г. отражают концепцию монархии, согласно которой единственным источником любой власти в государстве является воля короля. Король отвечает за свои дела лишь перед Богом и не обязан объяснять подданным причины принимаемых им решений. В указах о парламентской реформе ее законность и целесообразность мотивировались двумя главными соображениями. Во-первых, тем, что прежние парламенты саботировали нормальное отправление правосудия в стране. Во-вторых, тем, что их следовало наказать за «непослушание» (*désobéissance*) королевской воле⁸¹. В текстах королевских деклараций и эдиктов признавалось существование так называемых фундаментальных законов монархии – «священных объектов» (*objets sacrés*), «институтов, изменить которые мы, к счастью, лишены возможности и стабильность которых всегда будет гарантирована нашими интересами, неразрывно связанными с интересами наших народов». Однако под фундаментальными законами подразумевались исключительно «законы, которые устанавливают наследование короны», но ни в коем случае не права и полномочия парламентов⁸².

Выступая в Парижском парламенте во время принудительной регистрации нового дисциплинарного регламента, Мопу аргументировал свою реформу, исходя из принципа нераздельности королевского суверенитета. Как образно сказал канцлер, «вспомните, как были учреждены парламенты; проследите их историю; вы увидите, что само свое существование и власть они получили от короля, но вся полнота этой власти по-прежнему остается в той руке, которая ее дала». Все существующие государственные учреждения, включая парламенты, не имеют никаких полномочий, кроме тех, которыми их наделил король, и обязаны беспрекословно ему подчиняться. В противном случае, «лишенный важнейших прав Короны, зависимый в установлении законов, зависимый в их исполнении, Король сохранил бы лишь одно название и бледную тень Суверенитета»⁸³. «Е.В., отвечающий перед одним только Богом за управление своим королевством, мог бы скрыть в своем сердце мотивы, которые определили его поступки»⁸⁴, - говорил Мопу на «ложе правосудия», посвященном учреждению нового парламента взамен упраздненного. Более развернуто выразил ту же мысль первый президент Руанского парламента Арман-Тома Ю де Миромениль⁸⁵ в письме государственному секретарю А.-Л.-Ж.-Б. Бертену: «Король царствует (в самом деле, следуя законам), но он царствует, а не президентствует, потому как никто не должен и не может сравниться с его августейшей персоной; президент есть *primus inter pares*, но Король есть образ Бога, ибо он получает корону от самого Бога и лишь перед Богом отвечает за то, на что он употребляет свою власть»⁸⁶.

⁸⁰ Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 vol. Paris: Plon, 1826-1829. Т. 22. P. 510-518.

⁸¹ См., напр.: Lettres patentes qui commettent les officiers du conseil pour tenir la cour de parlement, 23 janvier 1771 // Ibid. P. 510-511.

⁸² Edit portant création de conseils supérieurs, février 1771 // Ibid. P. 513.

⁸³ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline, 7 décembre 1770 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 164-165.

⁸⁴ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Ibid. P. 189.

⁸⁵ Впоследствии, после опалы канцлера Мопу он будет назначен хранителем печатей. Примечательно, что Миромениль был убежденным противником реформы Мопу. Однако в своих взглядах на природу и полноту монаршей власти он оказался весьма близок к канцлеру.

⁸⁶ Miromesnil à Bertin, 4 février 1771 // Correspondance politique et administrative de Miromesnil, premier président du parlement de Normandie / publ. par P. Le Verdier. 5 vols. Rouen-Paris, 1899-1902. Т. 5. P. 268.

Необходимость отменить продажу судейских должностей аргументировалась двояко. Во-первых, тем, что практика продажи должностей ограничивает короля в подборе лиц, наделенных властью от его имени и по поручению. Во-вторых, тем, что при такой практике судьями становятся не самые способные и достойные, а самые богатые. Оба эти аргумента изложил Мопу, выступая во Дворце правосудия в феврале 1771 г.: «Продажа, введенная в силу обстоятельств, очевидно унижает августейшую должность, заставляя покупать право исполнять ее. Она делает выбор Государя не столь лестным и отнимает у достоинства часть его награды, отдавая ее богатству», и потому отмена этой порочной системы призвана вернуть «Магистратуре ее исконный блеск»⁸⁷.

Сторонники парламентской реформы говорили о том, что, проведя ее, король продемонстрировал свою абсолютную (в данном случае – читай – неограниченную) власть. Об этом ясно сказал при учреждении нового парламента его первый президент Луи-Жан Бертье де Совиньи: «В этом месте и в этот день, когда все возвещает самое абсолютное применение вашей власти, мы можем исполнять лишь один долг: долг молчания, уважения и покорности»⁸⁸.

* * *

В мае 1774 г., в самый разгар реформы Людовик XV скоропостижно скончался и на престол вступил его девятнадцатилетний внук. В связи с этим, естественно, встал вопрос о преемственности политического курса. Воззрения молодого монарха представляли собой загадку для современников. Чтобы попытаться разгадать ее, в нашем распоряжении имеются юношеские размышления дофина Людовика-Августа, впоследствии короля Людовика XVI с его воспитателем А.-П.-Ж. де Келаном де Коссадом, герцогом де Ла Вогийоном. В числе прочего будущий властитель Франции записал почерпнутые из книг и наставлений старших мысли о монархии, королевской власти, взаимоотношениях короля и подданных. В этих рассуждениях нашла отражение идея Божественного происхождения абсолютной власти короля, которую Людовик-Август поставил на первое место в числе фундаментальных законов французской монархии. Абсолютная власть, полученная королем свыше, - это власть одновременно законодательная, исполнительная и судебная: «Короли получили от Бога самую большую и абсолютную власть, какую Он когда-либо давал человеку над другим человеком: законодательство, чтобы просвещать; администрацию, чтобы удерживать в повиновении; юрисдикцию, чтобы наказывать и исправлять»⁸⁹.

Достоинным примером для короля может служить только Всевышний: «Король в справедливости своей должен, подобно самому Господу, быть таким же беспристрастным и милосердным; законы не должны быть слишком суровыми». Законы, призванные принести «счастье народам», должны быть «справедливыми, ясными и сообразными духу нации»⁹⁰. Идеальным примером таких законов могут служить лишь «начертанные Божественной рукой» десять заповедей. Другой классический пример законотворчества, на который ссылается дофин, - римские законы Двенадцати таблиц, - по его словам, «содержали слишком краткий текст»⁹¹.

⁸⁷ Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 3. P. 187.

⁸⁸ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Ibid. P. 192.

⁸⁹ Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon, par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. 2 vol. Paris, 1864. T. 1. P. 241.

⁹⁰ Ibid. P. 201.

⁹¹ Ibid. P. 201-202.

Власть короля наследник престола трактовал как власть отеческую: «Все подданные короля – это его дети [...]. Монархическая власть и любая власть, которую каждое правительство имеет над нацией, имеет своими принципом и основой отеческое управление; король, таким образом, - это отец большого семейства»⁹². «Первый принцип хорошего правления, - отмечает он, - есть человечность, доброта и благотворительность»⁹³. Этот принцип он будет исповедовать и взойдя на престол. Уже в более зрелые годы, рассуждая о качествах, необходимых правителю, он особо выделял доброту и справедливость: «Ради всеобщего счастья желательно было бы, чтобы короли были добрыми, но все же без излишней снисходительности, так чтобы доброта всегда была их достоинством и никогда – слабостью. [...] У короля, который царствует по справедливости, вся земля – храм, а служители в нем – все благородные люди»⁹⁴.

Парламентам он отводил роль собраний мудрых советников, призванных помогать королю в его законотворческой деятельности, когда их об этом попросят: «Перед тем как издать закон, надо выслушать мнение самых мудрых и уважаемых магистратов; надо, чтобы законы отвечали духу нации и состоянию, в котором она пребывает»⁹⁵.

Теоретик абсолютной монархии, оказавший особенно сильное влияние на взгляды Людовика XVI, – Франсуа Фенелон – наряду с признанием Божественной природы монаршей власти, неограниченного королевского суверенитета и обязанности государя уважать законы особо подчеркивал, что абсолютная власть означает не произвол, а лишь право короля выносить решения в последней инстанции. «Я, - писал Фенелон, - вовсе не подразумеваю под *абсолютной* произвольную власть делать все, что хочется, без каких-либо правил и оснований, кроме деспотической воли одного или нескольких человек. Под *абсолютной* я подразумеваю только власть, которая судит в последней инстанции»⁹⁶.

Абсолютная власть, по словам дофина, должна уважать и защищать естественные права подданных. «Бог, - пишет Людовик, - облек королей абсолютной властью, за которую они отвечают лишь перед Ним; но эта власть по существу предназначена для того, чтобы сохранить подданным все блага, полученные ими от природы. Естественный закон и гражданские законы бессильны, когда власть, призванная обеспечить им уважение, обращается в произвол»⁹⁷. Вполне в духе своего просвещенного века он рассуждал в категориях естественного права. В числе принципов, которые, по мнению наследника престола, должны служить основой его поведения, он записал: «Я должен рассматривать всех людей как равных и независимых по праву природы»⁹⁸. К идее равенства людей он возвращался и в более поздние годы. В период царствования в одной из записных книжек он высказал пожелание, чтобы «дистанция между народом и грандами стала меньше»⁹⁹.

⁹² Ibid. P. 201, 212.

⁹³ Ibid. P. 197.

⁹⁴ Maximes, pensées manuscrites, notes marginales, observations et opinions de Louis XVI // Oeuvres de Louis XVI. T. 2. P. 6.

⁹⁵ Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon. P. 202.

⁹⁶ Цит. по: Gallonédéc-Genuys F. La conception du prince dans l'oeuvre de Fénelon. Thèse pour le doctorat en droit. Paris: PUF, 1963. P. 78.

⁹⁷ Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon. P. 212.

⁹⁸ Ibid. P. 193.

⁹⁹ Pensées manuscrites de la main de Louis XVI et puisées dans les ouvrages de Stanislas Leczinsky, roi de Pologne, son aïeul // Oeuvres de Louis XVI. T. 2. P. 11.

Король, - утверждал дофин, - должен править по закону. Этому классическому принципу французской монархии он подыскал естественно-правовое обоснование: «Править людьми не значит поработать их. Людьми необходимо управлять, чтобы сохранить им свободу; поэтому народами надо управлять по общим законам, а не по частному произволу»¹⁰⁰. Юный Людовик не раз возвращается к мысли о том, что и абсолютная власть короля, и естественные права человека даны свыше. Они неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали, именуемой французской монархией: «Любому правительству важно иметь абсолютную и неодолимую силу, которая способна всегда принудить к подчинению и над которой распущенность никогда не сможет возобладать. [...] Сущность французской монархии в том, что вся власть сосредоточена у одного короля, и нет здесь ни корпуса, ни частного лица, способного не подчиняться его власти. Любое мнение, умаляющее эту священную власть, всегда будет прямо противоречить фундаментальным законам французского правления. [...] Есть четыре естественных права, которые государь обязан сохранить каждому из своих подданных; они даны от Бога и предшествуют всякому политическому и гражданскому закону: это жизнь, честь, свобода и собственность на имущество, которым владеет каждый индивид»¹⁰¹.

Таким образом, и в заявлениях, прозвучавших от имени Людовика XV, и в рассуждениях его внука власть короля трактовалась как данная свыше, безраздельно суверенная и бесспорно абсолютная. Но акценты в первом и во втором случае были расставлены по-разному. Для Людовика XV власть короля абсолютна, потому что так установлено свыше и не может быть иначе. Для Людовика XVI власть короля абсолютна, потому что так она лучше всего защищает естественные права подданных.

* * *

Когда человек, излагавший эти не вполне традиционные для французского монарха взгляды, вззошел на престол, было неясно, чего от него можно ждать: то ли продолжения политики деда, то ли разрыва с ней. Правда, как утверждает Жакоб-Никола Моро, назначенный Людовиком XVI на пост историографа Франции, уже смертельно больной Людовик XV в самые последние дни принял решение отправить Мопу в отставку, удалить из состава Парижского парламента значительную часть его новых членов, вернуть лучших из числа прежних магистратов и примирить парламент в таком виде с герцогами и пэрами, а также с принцами крови¹⁰². Исполнение этого проекта было будто бы уже поручено государственному секретарю иностранных дел Эмманюэлю-Арману де Виньеро Дю

¹⁰⁰ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon*. P. 212.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 242-243.

¹⁰² Против реформы Мопу протестовали почти все принцы крови. К их протесту присоединились герцоги и пэры. Оппозиция реформе Мопу со стороны принцев крови была вызвана целым рядом причин как личного, так и принципиального порядка. Отчасти она объяснялась их враждебностью по отношению к самому «триумvirату» (так называли министров Людовика XV: канцлера Мопу, государственного секретаря иностранных дел герцога д'Эгюйона и генерального контролера финансов аббата Жозефа-Мари Терре), которому покровительствовала ненавистная им последняя фаворитка Людовика XV Жанна Дюбарри. Кроме того, реформа Мопу грозила умалением их политического веса. Принцы крови являлись пэрами Франции по праву рождения и могли заседать в Парижском парламенте, что было официально признано в 1711 г. королевским эдиктом. В XVIII в. они уже не входили в состав королевского совета, так что именно Парижский парламент стал каналом их политического влияния. С середины XVIII в. парламентская оппозиция неизменно встречала поддержку с их стороны.

Плесси де Ришельё, герцогу д'Эгюйону, но он не был осуществлен из-за смерти короля¹⁰³.

Тем не менее, еще летом 1774 г. скорая опала Мопу и отмена его реформы не выглядели неизбежными. В это время оппозиция между сторонниками реформы и ее противниками тесно переплелась с развернувшейся при французском дворе борьбой за влияние на молодого и неопытного короля. Министры Людовика XV, включая Мопу, по-прежнему оставались у власти. В русских дипломатических депешах первых месяцев нового царствования не раз сообщалось о благосклонности короля к канцлеру и об умелых интригах последнего против поддерживавших старый парламент принцев крови¹⁰⁴.

Современники и историки называли целый ряд возможных мотивов, по которым король восстановил парламенты в их прежнем виде. Среди них – желание действовать на благо подданным, править согласно законам и традициям монархии, но также и слабость короля, отсутствие у него политического опыта и следование дурным советам. Однако на первое место в этом ряду обычно ставят стремление завоевать популярность. На примере отмены Людовиком XVI реформы Мопу историки демонстрируют, насколько во Франции в век Просвещения возросла роль общественного мнения, способного теперь руководить поступками правителей страны¹⁰⁵. Еще Алексис де Токвиль отмечал, что «в то же время, власть имущих охватила новая страсть – погоня за популярностью [...]. Отныне король сошел с трона, а его место заняло общественное мнение, и вскоре эта власть обрела своих придворных и льстецов»¹⁰⁶.

Высказывались, правда, и иные мнения. Так, придворный аристократ герцог Эмманюэль де Крои полагал, что не возвращение парламента повысило популярность Людовика XVI, а совсем наоборот: французы возлагали большие надежды на молодого короля и поэтому поначалу готовы были с восторгом принимать всё, что бы он ни делал, в том числе и восстановление старого парламента. По словам де Крои, уничтожение парламента в результате реформы Мопу было в свое время воспринято спокойнее, чем принято думать: «Его возвращение наделало больше шума, потому что совершилось среди энтузиазма, сопровождавшего начало нового царствования»¹⁰⁷.

С мнением де Крои согласуется точка зрения близкого к наставнику Людовика XVI Жану-Фредерику Фелипо, графу де Морепе и потому хорошо информированного о государственных делах аббата Жозефа-Альфонса де Вери. Он полагал, что «дело парламента» не имело того значения, какое ему придавало общественное мнение. «По моему мнению, - писал де Вери в дневнике, - оно уже было решено, а их форма установлена в 1771 г., за исключением некоторых изменений, которые стоило бы внести со временем. Протесты некоторых принцев крови и двенадцати пэров, как мне кажется, не вызвали затруднений. Королю стоит лишь показать им твердую волю, и вскоре они забудут, что нерушимый Парламент неотделим от фундаментальной конституции

¹⁰³ Moreau J.-N. *Mes souvenirs*. 2 vols. Paris: Plon, 1898-1901. Т. 2. P. 89.

¹⁰⁴ См., напр., депеши от 6 (17) и 10 (21) июля 1774 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Фонд 93/6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Дело 292. Л. 50-51, 59-60.

¹⁰⁵ Cornette J. *Histoire de la France: Absolutisme et Lumières, 1652-1783*. Paris: Hachette, 1993. P. 137; *Hardman J. Louis XVI*. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1993. P. 38.

¹⁰⁶ Tocqueville A. de. *Coup d'oeil sur le règne de Louis XVI depuis son avènement à la couronne jusqu'à la séance royale du 23 juin 1789, pour faire suite à l'Histoire philosophique du règne de Louis XV, par le c-te de Tocqueville*. Paris: Amyot, [s.d.]. P. 13-14.

¹⁰⁷ Croÿ E. de. *Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784*. Paris: Flammarion, 1907. Т. 3. P. 153.

монархии. Тот парламент, который созывал Карл Великий, представлял собой нацию. Нынешние же представляют собой корпорации магистратуры, созданные недавно королями, чтобы судить споры между гражданами и надзирать за исполнением законов»¹⁰⁸. По мнению де Вери, следовало бы лишь вернуть опальных магистратов из ссылки и компенсировать им стоимость конфискованных должностей, которая является не чем иным, как государственным займом и составляет «личную собственность» (*une propriété personnelle*) держателя должности. Эти меры позволили бы в течение полугода найти среди старых магистратов «мудрых и честных людей» (*des gens sages et honnêtes*), ввести их в состав нового парламента и, таким образом, полностью уладить конфликт.

Решение короля выглядело тем более неожиданным, что его высказывания и поведение в прежние годы позволяли надеяться на продолжение реформы Мопу. Его воспитатель герцог де Ла Вогийон был преданным сторонником иезуитов и врагом парламентов. Свое недоверие к парламентам ему отчасти удалось внушить и юному дофину. В декабре 1770 г. на королевском заседании Парижского парламента, в ходе которого были принудительно зарегистрированы эдикты о реформе Мопу, Людовик, тогда еще шестнадцатилетний наследник престола, сказал, обращаясь к канцлеру, «что он только что возложил корону на голову Короля»¹⁰⁹. Тогда же на полях своего экземпляра дисциплинарного эдикта Мопу он написал: «Вот истинное публичное право, я восхищаюсь господином канцлером»¹¹⁰. В глазах Людовика XVI министерство его деда выглядело бесспорно талантливым, но имело дурную репутацию, главным образом, из-за того, что опиралось на поддержку мадам Дюбарри. Среди влиятельных министров покойного короля его преемник особенно ценил канцлера Мопу. Во всяком случае, именно к нему первому, едва взойдя на престол, он обратился за советом со словами: «Сударь, постигшее меня великое горе усугубляется тем, что я никого не вижу»¹¹¹. Мне всегда доставляли самое большое удовольствие выказываемые вами рвение и преданность интересам короля и монархии; я не сомневаюсь, что вы останетесь столь же преданным и мне. Жду возможности вас увидеть; напишите мне, если что-нибудь произойдет, и я вам тут же отвечу. Людовик-Август»¹¹². В тот момент король не имел физической возможности приблизить Мопу к себе в качестве умудренного опытом наставника, поскольку канцлер находился в десятидневном карантине. А тем временем при активном участии тетки Людовика XVI Мадам Аделаиды на роль королевского ментора выдвинулся граф де Морепе. Занимавший в первой половине XVIII в. посты государственного секретаря королевского дома и флота, а затем попавший в опалу в результате ссоры с маркизой де Помпадур, семидесятитрехлетний Морепе был возвращен Людовиком XVI из долгой ссылки, стал наставником молодого короля и фактически исполнял обязанности первого министра, хотя формально так и не получил этого поста¹¹³.

¹⁰⁸ Véri J.-A., abbé de. *Journal de l'abbé de Veri*. 2 vol. Paris: Tallandier, 1928-1930. T. 1. P. 120.

¹⁰⁹ Croÿ E. de. *Op. cit.* P. 130.

¹¹⁰ См.: Laugier L. *Turgot, ou le mythe des réformes*. Paris, 1979. P. 158.

¹¹¹ Так как Людовик XV умер от ветряной оспы, был установлен карантин и к Людовику XVI не допускались члены королевской семьи, министры и придворные, контактировавшие с покойным монархом.

¹¹² Цит. по: Flammermont J. *Le Chancelier Maupeou et les parlements*. P. 554. Под этим посланием, составленным сразу после восшествия на престол, Людовик XVI по привычке подписался так, как он делал, будучи дофином.

¹¹³ Подробнее о нем см. статью «Трудное счастье графа Морепе».

Большинство министров и советников короля поддерживали реформу Мопу. Из девяти членов государственного совета¹¹⁴ только ментор короля граф де Морепа и морской государственный секретарь Пьер-Этьен Буржуа де Буан выступали за возвращение старого парламента. Все остальные высказывались за продолжение реформы, обеспечившей, с их точки зрения, «полную и абсолютную власть короля»¹¹⁵.

С точки зрения ментора короля графа де Морепа, парламенты в их прежнем виде представляли собой неотъемлемый элемент государственной системы французской монархии: не будет парламентов – не будет монархии. Возможно, его взгляд был устремлен на несколько десятилетий назад, в те прекрасные времена, когда он, еще молодой и полный сил возглавлял государственный секретариат королевского дома и морское министерство при первом министре Людовика XV кардинале де Флэри. Сильное министерство Флэри, способное управлять парламентами, служило ему образцом для подражания. Он считал, что если создать сплоченное министерство, какое было при Флэри, то парламентская оппозиция не будет страшна.

Биограф Людовика XVI Дж. Хардман предположил, что, советуя королю восстановить старый парламент, Морепа мог руководствоваться не только политическими принципами, но и карьерными соображениями. Дело в том, что король, хотя и приблизил его к себе, но официально не назначил первым министром. Морепа собирался играть эту роль фактически, для чего ему требовалось отправить в отставку министров покойного короля и сплотить вокруг себя министерство единомышленников. Достичь этой цели можно было только при условии радикального изменения политического курса¹¹⁶.

Решая вопрос о возможной отставке министров своего деда и восстановлении парламента, король столкнулся с серьезной дилеммой: его ментор Морепа предлагал противоположное тому, на чем настаивали другие авторитетные советники и министры. Среди особ, приближенных к королю и соперничавших между собой за влияние на него, большинство министров и тетки короля защищали «парламент Мопу», а королева Мария-Антуанетта, Морепа и принцы крови добивались отставки Мопу, отмены реформы и возвращения старых парламента. Придворная аристократия обсуждала возможность дальнейших преобразований, нацеленных на усиление политической роли высшей знати. Особую активность проявляли Луи-Филипп, герцог Орлеанский и его сын Луи-Филипп-Жозеф, герцог Шартрский¹¹⁷. Как записал в своем дневнике герцог де Крои, «поговаривают даже, что герцог Орлеанский предложил советы грандов королевства и другие новые формы. Это был решающий момент. [...] партия недовольных говорила, что это единственно подходящий момент, чтобы вернуть Нации ее законную свободу и предохранить себя от деспотического произвола. Итак, мы ясно видим, что это было действительно решающее мгновение, призванное повлиять на все последующее царствование»¹¹⁸. Возникли даже проблемы с проведением торжественной мессы в память

¹¹⁴ В начале царствования Людовика XVI в состав государственного совета входили канцлер Мопу, маршал Шарль де Субиз, Морепа, государственный секретарь королевского дома Луи Фелипо герцог де Ла Врийер, государственный секретарь Анри-Леонар-Жан-Батист Бертен, генеральный контролер финансов аббат Терре, морской государственный секретарь Пьер-Этьен Буржуа де Буан, военный государственный секретарь Луи-Никола-Виктор де Феликс д'Ольер граф дю Мюи и сменивший д'Эгюйона государственный секретарь иностранных дел Шарль Гравье граф де Верженн.

¹¹⁵ Croÿ E. de. Op. cit. P. 129.

¹¹⁶ Hardman J. Op. cit. P. 30-31.

¹¹⁷ Последний в годы революции станет Филиппом Эгалитэ.

¹¹⁸ Croÿ E. de. Op. cit. P. 129.

о Людовике XV, так называемой церемонии катафалка. Присутствовавшим на ней принцам крови полагалось приветствовать парламент, а они категорически отказывались это делать.

Но первоначально король склонялся к тому, чтобы продолжить реформу Мопу. Как сообщает герцог де Крои, «поговаривают, что Королева и оба брата хотели действовать в пользу старого Парламента. В конце концов, молодой Король принял твердое решение, став на сторону канцлера, и объявил своей семье, что совершенно запрещает им впредь говорить об этом»¹¹⁹. В июле 1774 г. король успокоил магистратов «парламента Мопу» относительно ходивших в обществе слухов о скором возвращении старого парламента и уполномочил канцлера передать им пожелание спокойно работать, не обращая внимания на сплетни. В течение следующего месяца он продолжал поддерживать своих министров, высказывавшихся за реформу, и не уступал давлению со стороны враждебно настроенных к ней принцев крови¹²⁰.

Как сообщал в депешах полномочный министр Екатерины II при французском дворе князь И.С. Барятинский, «Канцлер Мопу и он Граф де Муи [дю Мюи – Л.П.] имеют великой кредит у короля по той причине, что оба они подкрепляют новый парламент; напротив того принцы крови много стараются в пользу старого, в чем надеялись они успеть посредством графа Морепа [...]. С некотораго времени примечают великое согласие между Королем и Графом Прованским. На против того Его В-во и помянутой Принц оказывают холодность к Графу д'Артуа. Причину таковой холодности приписывают тому, что будто примечают, что Граф д'Артуа обходится весьма ласково с Принцами Крови, которые все, выключая одного только графа де ла Марша, у двора принимаются с великою индифферентностию: ибо они продолжают настоять о возвращении старых парламентов»¹²¹.

Впрочем, отношения с принцами крови постепенно налаживались. Во время церемонии катафалка, состоявшейся в Сен-Дени 27 июля, три принца крови – два брата короля и принц Конде – приветствовали новый парламент, согласно обычаю, а сын принца Конде герцог де Бурбон исполнял обязанности главного церемониймейстера, так что порядок был восстановлен и приличия соблюдены. Только герцог Орлеанский с сыном отказались подчиниться и сохранили верность старому парламенту, за что и поплатились ссылкой в деревню, упрочив свою репутацию лидеров оппозиционной партии.

Однако уже менее чем через месяц состоялась «Варфоломеевская ночь министров»: канцлер Мопу и генеральный контролер финансов аббат Терре были отстранены от дел. Мопу стал в общественном мнении олицетворением жестокости, произвола и всего того, что стало принято называть «министерским деспотизмом». Его обвиняли в том, что он якобы сослал членов старого Парижского парламента в горы и на необитаемые острова, где 17 человек умерли, не вынеся обрушившихся на них тягот¹²². Отставка канцлера была встречена взрывом ликования в Париже и сожжением чучела Мопу на площади Дофин. «Можно ли еще яснее выразить свою ненависть?» - воскликнул

¹¹⁹ Croÿ E. de. Op. cit. P. 130.

¹²⁰ La Correspondance politique secrète, le 7 juillet; le 7 août 1774 // Cahiers Louis XVI. 1992. 6. P. 24-25, 30-31.

¹²¹ Депеши от 27 июня (7 июля) и 29 июня (10 июля) [так даты указаны в депешах] 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 292. Л. 34, 37-37 об.

¹²² Депеша от 23 ноября (4 декабря) 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 293. Л. 69.

по этому поводу парижский книгопродавец С.-П. Арди¹²³. В толпе кричали: «Да здравствует Король и старый Парламент!»¹²⁴

Как мог король так резко изменить свое отношение к Мопу и принять решение о его отставке? Свое объяснение случившемуся предложил герцог де Крои: «24 августа, канун дня Святого Людовика, стал одним из самых памятных и важных дней в истории, повлиявших на будущее Государства и судьбу нового царствования, а привели к нему выбор в пользу Г-на де Морепа, сделанный Мадам Аделаидой в самом начале, и благосклонность королевы к партии Шуазёля¹²⁵. Будут ссылаться на законы Государства, скажут, что это неизбежно должно было произойти, и т.д., но в действительности было так, как я сказал, потому что если бы Г-н де Морепа не вернулся и если бы Королева не возненавидела канцлера из-за своего выбора в пользу партии герцога де Шуазёля, то всего этого не произошло бы, тем более что это противоречило мнению государя. Вот уж воистину, столь великие потрясения в один момент, и ведь ничто к ним не принуждало! Ибо стоило лишь Королю, как в самом начале, запрещать говорить на эту тему и по-прежнему наводить во всем порядок и экономию, и разговоров об этом больше бы не было»¹²⁶.

То есть, по мнению де Крои, решение Людовика XVI объяснялось тем, что он не сумел противостоять давлению со стороны супруги и Морепа. Возможно, в самом деле, два близких человека, которым король всецело доверял, сумели со временем пересилить влияние других членов королевской семьи, большинства министров и советников. Очевидно также, что на окончательный выбор монарха могли повлиять и иные мотивы личного характера. Уже в самом начале нового царствования стали появляться злобные памфлеты, порочащие королеву Марию-Антуанетту. Их авторы и заказчики остались неизвестными, но имелись серьезные подозрения, что за всем этим стоит фигура канцлера Мопу, намеревавшегося таким образом нейтрализовать политическое влияние королевы. Первые записи о придворных интригах против королевы и о порочащих ее слухах появляются в дневнике парижского книгопродавца Арди в середине июля¹²⁷. Как сообщал русский посол князь Барятинский, «скоропостижной ссылки Канцлера Мопу причиною поставляют теперь то, что якобы он уполномочил Аббата имянуемаго Де Мурие писать жизнь Королевиному предосудительным образом к ее чести. Проведав о сем Аббата арестовали, и теперь содержится он в Бастилии. При сем уверяют, что между бумагами сего Аббе подлинно найдены оригинальные от канцлера письма, касающиеся до

¹²³ Hardi S.-P. *Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance (du 1764 à 1790)*. Du mardi 30 août 1774 // Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567). P. 408.

¹²⁴ Дешети от 17 (27) августа, 21 августа (1 сентября) и 24 августа (4 сентября) 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 292. Л. 97-102, 110-113.

¹²⁵ Этьен-Франсуа, герцог де Шуазёль занимал при Людовике XV посты государственного секретаря иностранных дел, военного и морского государственного секретаря, но в конце 1770 г. неожиданно попал в опалу и был отправлен в ссылку, а бразды правления перешли к «триумvirату» Мопу-д'Эгюийон-Терре. Восшествие на престол Людовика XVI давало ему надежду вернуться к власти с помощью королевы Марии Антуанетты. Шуазёль имел обширные связи в парламентской среде. Парламенты как представительный институт были дороги ему, в первую очередь, потому что в Парижском парламенте имела палата пэров, в которой он видел канал политического влияния высшей аристократии. В 1778 г. в своей частной типографии Шуазёль отпечатал мемуар. В нем он предлагал создать в стране постоянно действующие Генеральные штаты, которые формировались бы из числа депутатов провинциальных штатов и действовали бы под контролем палаты пэров (см.: *Mémoires du duc de Choiseul*. Paris, 1904. Appendix XII. P. 436-444).

¹²⁶ Croÿ E. de. *Op. cit.* P. 134-135.

¹²⁷ Hardi S.-P. *Op. cit.* Du mardi 12 juillet; du vendredi 15 juillet 1774. P. 376, 377.

помянутого сочинения»¹²⁸. Король не смог простить Мопу даже предполагаемых оскорблений в адрес любимой супруги, и судьба министра была предрешена. Позднее, уже после опалы канцлера появилась брошюра под названием «Аврора» - «отвратительный пасквиль, исполненный самой черной злобы»¹²⁹, в издании которого вновь обвиняли канцлера.

После опалы Мопу все с нетерпением стали ожидать пересмотра его реформы. Однако, что именно произойдет, оставалось не вполне ясно. Вернет ли король старый парламент в прежнем или в сокращенном составе, останутся пэры в составе Большой палаты или образуют особую Палату пэров, будет ли восстановлена продажа должностей или же магистраты парламента впредь станут назначаться королем, - все эти вопросы живо обсуждались при дворе, в министерстве и в широких слоях французского общества¹³⁰. Неясности были вызваны тем, что возвращение парламента готовилось королем совместно с узким кругом доверенных лиц и втайне от большинства министров и советников. Как сообщал современник, «его конфидентами были гг. де Морепе, де Миромениль, Тюрго и де Сартин¹³¹, так как все остальные вызывали подозрения. Гг. де Мюи и де Верженн постоянно выказывали себя противниками взглядов Его Величества на сей предмет»¹³².

Мнения представителей французской правящей элиты разделились. Большинство министров по-прежнему советовали королю продолжить реформу. Государственный секретарь королевского дома де Ла Врийер, военный министр дю Мюи и государственный секретарь иностранных дел де Верженн доказывали ему, что в государстве должна быть сильная королевская власть и полностью подчиненный ей парламент. С их мнением были согласны все члены королевского совета за исключением Морепе¹³³. Позицию Морепе разделял его друг Миромениль, назначенный после опалы Мопу хранителем печатей.

По сообщению русского посла, «Граф Морепе, Хранитель Печатей Миромени и Генерал контролер Тюрго, стараются о возвращении старого парламента; а Принц Субиз, Вержен, Де Муи, и Бертен защищают новой. Сии последние предупели склонить на свою сторону также Графа Провансаго и Мадам Аделаиду, коих обеих король более всех любит из своей фамилии. Сверх того все они имеют весьма много им преданных [...] но [...] Граф Морепе, Миромени, и Тюрго имеют великой у короля кредит»¹³⁴. На отмене реформы Мопу неизменно продолжали настаивать принцы крови¹³⁵.

За возвращение старого парламента ратовал и известный государственный деятель Кретьен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, которого Людовик XVI восстановил в должности первого президента Парижской налоговой палаты, а в 1775 г. сделал государственным секретарем королевского дома. Он направил королю четыре памятные записки, в которых критиковал реформу Мопу как проявление деспотизма¹³⁶.

¹²⁸ Деша от 7 (18) сентября 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 293. Л. 7об.-8.

¹²⁹ La Correspondance politique secrète, le 10 septembre 1774. P. 37.

¹³⁰ La Correspondance politique secrète, le 2, le 16 septembre, le 22 octobre 1774. P. 35, 38, 44.

¹³¹ Антуан-Ремон-Жан-Гальбер-Габриэль Сартин, граф д'Альби – морской государственный секретарь (1774-1780).

¹³² La Correspondance politique secrète, le 8 novembre 1774. P. 48.

¹³³ La Correspondance politique secrète, le 14 octobre 1774. P. 42-43; *Lever E. Louis XVI. Paris: Fayard, 1994. P. 128.*

¹³⁴ Деша от 12 (23) октября 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 293. Л. 41-41 об.

¹³⁵ Деша от 27 июня (7 июля) и 29 июня (10 июля) 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 292. Л. 34, 37-37 об.

¹³⁶ *Lever E. Op. cit. P. 128-129.*

Позиция генерального контролера финансов Анн-Робера-Жака Тюрго по данному вопросу не вполне ясна. Во всяком случае, он не противился возвращению парламента¹³⁷. На него могла повлиять аргументация Мальзерб, которого Тюрго ценил очень высоко. Кроме того, большое значение для главы финансового ведомства имели соображения экономии: в случае продолжения парламентской реформы пришлось бы выплачивать бывшим собственникам должностей денежную компенсацию, размеры которой достигали 45 млн. ливров¹³⁸. Восстановление старого парламента позволяло избежать этих расходов.

Примечательно, что в сообщениях современников о борьбе внутри французской правящей элиты вокруг реформы Мопу после опалы канцлера не упоминается о королеве. Как мы помним, пока решалась его судьба, все неизменно отмечали ее заинтересованность и активность. Это наглядно демонстрирует характер вмешательства королевы в государственные дела, проявлявшийся впоследствии и в других случаях. Сами по себе внутренние дела королевства, в отличие от внешней политики, ее мало занимали, и она не пыталась поддерживать какие-либо реформы или препятствовать им. Ее влияние осуществлялось посредством «кадровой политики»: через покровительство своим претендентам на государственные должности и интриги против неудобных ей лиц.

В конечном счете, за полгода Морепа, Миромениль и, возможно, Мальзерб общими усилиями сумели убедить короля в необходимости отменить реформу Мопу и восстановить старый Парижский парламента. Можно сказать, что опала Мопу и назначение ему в преемники Миромениля, убежденного противника парламентской реформы, уже предопределили возвращение парламента. Здесь проявилась черта, свойственная французской монархии Старого порядка вообще и монархии Людовика XVI, в частности. Политика государства носила отчетливо выраженный личностный характер. В период царствования Людовика XVI, при отсутствии первого министра этот личностный характер политики спустился на ведомственный уровень. Раз за разом в последние десятилетия истории Франции перед революцией за отставкой министра – сначала Мопу, а затем Тюрго и Неккера – неизбежно следовал отказ от его политического курса.

12 ноября 1774 г. молодой король лично явился в Париж, во Дворец правосудия и провел «ложе правосудия», на котором парламента был восстановлен в прежнем составе и с правом собственности на должности. В короткой речи монарх дважды сослался на заботу о «счастье и спокойствии народа»¹³⁹. Речь короля представляла восстановление парламента как акт отеческой заботы о благе подданных и не содержала никакой другой мотивировки этого поступка. Подобным образом рассуждал и хранитель печатей Миромениль, который еще в самом начале реформы Мопу, в феврале 1771 г. выражал надежду, что «возвращение гг. из Парламента станет актом доброты (un acte de bonté), совершенным по просьбе принцев крови, а следовательно, милостью (une grâce)». Миромениль аргументировал свою точку зрения тем, что именно доброта лучше всего демонстрирует силу власти: «Сила правления состоит вовсе не в жестком обхождении и не в нескольких суровых показательных акциях, от которых зачастую приходится отказываться в силу обстоятельств или отвергать вскоре после того, как к ним прибегли. Напротив, эта сила состоит в поведении, основанном на твердых и незыблемых

¹³⁷ О различных мнениях, высказывавшихся историками по поводу позиции Тюрго, см.: Фор Э. Указ. соч. С. 160-161.

¹³⁸ Lever E. Op. cit. P. 129-130.

¹³⁹ Lit de justice pour le rétablissement du parlement, 12 novembre 1774 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 3. P. 232.

принципах, всегда и неуклонно умеренном, и в том, чтобы правительство никогда не предпринимало ничего такого, чего оно не в состоянии было бы продолжать. Правительство должно быть величественным, оно должно внушать страх, но карать как можно меньше и никогда не казаться робким, а потому всегда демонстрировать осторожность и доброту»¹⁴⁰. Рассуждения Миромениля перекликаются с приведенной выше мыслью Людовика XVI, что доброта короля должна быть всегда достоинством и никогда – слабостью. Но подобные рассуждения трудно применить к отмене реформы Мопу в 1774 г. Этот поступок короля выглядел не столько проявлением твердости, сколько уступкой давлению окружающих.

Зарегистрированный на заседании эдикт о восстановлении парламентских должностей, в котором решение короля тоже представлялось, в первую очередь, «актом доброты»¹⁴¹, добавлял к этому еще два мотива. Один из них – необходимость соблюдать законы: «Так как стабильность законов и магистратов, ответственных за их хранение и исполнение, есть самая прочная основа общественного благосостояния, мы сочли, что она должна быть первым и главным предметом наших отеческих забот». Другой – желание «ознаменовать наше восшествие на престол благодеянием, которое, как нам кажется, отвечает всеобщим чаяниям наших подданных»¹⁴². Выступавший с ответной речью первый президент восстановленного парламента Этьен-Франсуа д'Алигр изложил те же три мотива принятого королем решения: «Ежели важность мотивов может возвысить ассамблею, в которой В.В. появляется во всем своем блеске, то найдется ли более значительный, чем упрочение царства законов, и более трогательный, чем соединение власти и доброты? Именно в правосудии и доброте проявляется Верховное Существо: оно хочет, чтобы его боялись, ибо оно справедливо, но оно хочет также, чтобы его любили за доброту. Подобно ему, король – его министр и его подобие – более всего заслуживает нашего уважения, когда поступает по справедливости и повелевает людьми сообразно законам; он более всего заслуживает нашей любви, когда следует лишь велению собственного сердца и заботится о счастье подданных. В.В. только что слышал всеобщие крики радости; эти крики, начавшиеся от самого въезда в столицу и до сих пор отзывающиеся под этими священными сводами, выражают признательность народа, который приветствует короля, знающего цену этим истинам и руководствующегося ими в своих поступках. [...] Каких только славных имен, Сир, ни стяжает вам в каждом сердце

¹⁴⁰ Miromesnil à Bertin, 4 février 1771 // Correspondance politique et administrative de Miromesnil. T. 5. P. 279, 281.

¹⁴¹ Интерпретация восстановления старых парламентов как королевской милости полностью соответствовала пропагандированному образу Людовика XVI – доброго короля. Это вызвало критические замечания аббата Вери, с точки зрения которого главной добродетелью короля является вовсе не доброта, а справедливость. Согласно Вери, король должен не раздавать милости по доброте душевной, а править по справедливости: «В уста Короля постоянно вкладывают слово *милости* (“*bontés*”). Мне кажется, что это выражение создает у суверена ложное представление о его власти. Бывают своего рода милости (“*grâces*”), наподобие мест при Дворе, которые государь жалует по доброте. Но он никогда не должен называть *милостями* (“*bontés*”) прочие свои отношения с гражданами. Все они составляют долг справедливости. Вознаграждая, наказывая, издавая законы, вводя и отменяя налоги, он должен всегда руководствоваться принципом справедливости и никогда – принципом доброты. Общая польза – закон для него, как и для каждого гражданина. Единственная разница между ними в том, что у суверена есть сила, а гражданин подчинен силе. Я признаю, что моя критика касается лишь слов; но в Королевских советах должны знать, что слова зачастую влекут за собой дела и что дать государю верное представление о его власти столь же важно, сколь и простому гражданину – о его подчинении» (Journal de l'abbé de Veri. T. 1. P. 214).

¹⁴² Edit portant rétablissement des anciens officiers du parlement de Paris // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 23. P. 43-44.

этот столь желанный для Нации день! Благодарность есть прочнейшая основа верности и любви»¹⁴³. Так что д'Алигр, помимо отеческой заботы короля о счастье подданных (со ссылкой на пример Генриха IV – «образец королевских доблестей»), объяснял его поступок осознанной необходимостью соблюдать законы и соответствовать общественным ожиданиям. В приветственной речи «людей короля» Антуана-Луи Сегье, Омера-Луи-Франсуа Жоли де Флёри и Шарля-Луи-Франсуа де Поля де Барантена особо выделялся четвертый мотив: необходимость свято чтить «непреложный закон собственности»¹⁴⁴, который был нарушен в результате отмены продажи должностей. Закрывая заседание, король заявил, что ожидает от своих судей «приверженности истинным принципам Монархии»¹⁴⁵.

Наконец, еще один мотив прозвучал в зарегистрированном на этом заседании ордонансе, касающемся дисциплины парламента. Ордонанс увязывал принимаемые меры с возложенной на монарха миссией поддерживать в государстве гармонию и порядок: «Сохранение и слава государства зависят от того, с каким вниманием монарх наводит в нем добрый порядок, следит за отправлением правосудия и удерживает каждого из подданных в рамках его обязанностей; это единственное средство поддерживать гармонию, которая должна царить между всеми членами монархии, и сохранять силу и взаимоотношения, столь необходимые для прочности империи»¹⁴⁶. Об «абсолютной власти» короля в текстах эдиктов и ордонансов, зарегистрированных 12 ноября 1774 г., и в речах выступавших в тот день ораторов стыдливо умалчивалось.

Общественная реакция на отмену реформы Мопу оказалась неоднозначной. По словам одного современника, было «невозможно описать бурную радость, охватившую Двор и столицу в день заседания парламента и после. Король особенно казался преисполненным глубочайшего удовлетворения, но, как мы уже осмеливались предсказывать, есть опасения, как бы этот прекрасный момент вскоре не сменился новыми потрясениями, последствия коих тем более опасны, что против них нет никакого действенного средства! Молодому добродетельному Монарху, одержимому лишь одним желанием по возможности всех осчастливить, должно казаться прекрасным и достойным вернуть Парламенты в ответ на чаяния большинства Нации..., но Король более опытный, более искушенный в политике и в знании людей, и особенно тех, кто объединяется в корпорации и компании, из осторожности не стал бы совершать такой поступок, даже если бы сердцем и склонялся к нему»¹⁴⁷. Высказывались опасения по поводу «умаления королевской власти в народном мнении, ибо, как бы ни приукрашивали настоящее изменение, в сознании народа и законников все же останется, что Парламент нельзя распустить, потому что его пришлось восстановить». Тревогу вызывали и «настоящее унижение, которое пережили магистраты, поддержавшие Короля в 1771 г., и, соответственно, торжество всех тех, кто ему не подчинился»¹⁴⁸. Еще более резко, что вполне естественно, высказался отправленный в отставку канцлер Мопу: «Я помог

¹⁴³ Lit de justice pour le rétablissement du parlement, 12 novembre 1774 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 3. P. 234-236.

¹⁴⁴ Ibid. P. 240.

¹⁴⁵ Ibid. P. 255.

¹⁴⁶ Ordonnance concernant la discipline du parlement // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 23. P. 50.

¹⁴⁷ La Correspondance politique secrète, le 17 novembre 1774. P. 51-51.

¹⁴⁸ Journal de l'abbé de Veri. T. 1. P. 212.

королю выиграть процесс, тянувшийся вот уже три столетия. Если он хочет проиграть, на то его воля»¹⁴⁹.

Сообщая о настроениях французского общества, князь И.С. Барятинский отмечал, с одной стороны, что публика почитает возвращение парламента действием правосудия. С другой стороны, по его словам, «есть же еще часть людей, которая разсуждает, что Король весьма неосторожно поступил, что возвратил старые парламенты». И эти люди задаются вопросами, среди которых есть, например, такие: «сей пример не докажет ли что защищать королевскую власть есть безумие? [...] по вступлении старого парламента будет ли король иметь самодержавную власть?»¹⁵⁰ Примечательно, что современный исследователь Дж. Сванн примерно подобным же образом оценивает, что выиграл и что потерял король, отменив реформу Мопу. С его точки зрения, возврат парламента обеспечил монарху необходимую популярность и запас времени перед проведением других назревших реформ (которые вскоре начнет осуществлять Тюрго). Но за это пришлось заплатить слишком высокую цену: пожертвовать людьми из «парламента Мопу», проявившими готовность служить монархии в самых тяжелых условиях. Вызвав в начале царствования горечь и разочарование у своих самых верных и надежных сторонников, Людовик XVI оказался так одинок впоследствии. Как образно написал Сванн, после отмены реформы Мопу «из административной монархии ушла душа. Век абсолютизма кончился»¹⁵¹.

Если сторонники реформы Мопу среди королевских министров и советников утверждали, что она обеспечивала «полную и абсолютную власть короля» (русский посол Барятинский, говоря о том же, употребил более привычное для него словосочетание «самодержавная власть»), то люди, отменявшие реформу, предпочитали на эту тему не рассуждать. Очевидно, за этим умолчанием скрывалось признание, что власть, идущую на уступки, нельзя назвать абсолютной.

* * *

Общепризнанным со времен Жана Бодена различием между монархией и деспотией считалось то, что монарх правит по закону, а деспот – руководствуясь собственным капризом. Именно об этом писал Ш.-Л. Монтескье в трактате «О духе законов» (Кн. 2. Гл. 1), определяя монархическое правление, «при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»¹⁵². Считалось, что монарх, наделенный абсолютной властью, уважает и соблюдает законы. Признанными знатоками законов были парламенты, поэтому король, издавая законы, согласовывал их с парламентами. События 1770-1774 гг. поставили под сомнение эти азбучные истины. Ведь по воле короля парламенты в их прежнем виде были уничтожены, магистраты отправлены в ссылку, а три года спустя опять по воле короля всё возвратилось на свое место. Перед современниками вставали серьезные проблемы: что же представляет собой французская монархия? Есть ли законные пределы абсолютной власти короля? Не дают ли произошедшие события основание говорить об изменении

¹⁴⁹ Цит. по: Cornette J. Op. cit. P. 137.

¹⁵⁰ Депеши от 12 (23) октября и 30 ноября (11 декабря) 1774 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Дело 293. Л. 42-42 об., 73-74.

¹⁵¹ Swann J. Op. cit. P. 368.

¹⁵² Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 169.

государственного строя, о превращении монархии в деспотию? Мнения на этот счет разделились.

Оппозиционная точка зрения парламентов нашла отражение в ремонстрациях, публичных выступлениях магистратов и инспирированных ими памфлетах. В официальных парламентских постановлениях признавалось в качестве «нерушимой максимы, что В.В. получили власть от самого Бога, что всякая власть политического порядка исходит от власти Короля, что магистраты являются лишь вашими должностными лицами (*officiers*) и что осуществляемая ими власть есть не что иное, как собственная власть В.Величества, наконец, что право создавать законы принадлежит лишь вам неограниченно и безраздельно»¹⁵³. Вместе с тем, с точки зрения магистратов, право парламентов соучаствовать в законодательной власти путем верификации и регистрации королевских актов составляло неотъемлемую часть «конституции монархии». Именно на парламенты, т.е. на самих себя они возлагали высокую миссию следить за соблюдением фундаментальных законов королевства. В протестах Парижского парламента по поводу реформы Мопу отмечалось, что нововведения «искажают конституцию Монархии» и представляют собой «опасные нарушения, грозящие законам Королевства и конституции Государства». Парламент рассматривался как институт, отправляющий властные полномочия наряду с королем и разделяющий с королем его ответственность перед подданными. Напоминая о королевской клятве даровать народу «справедливость и милосердие», магистраты парламента заявляли о своей «обязанности сделать так, чтобы король исполнил клятву, данную во время помазания, *и столь усердно этим заниматься, чтобы по вине магистратов не случилось никакой жалобы и совесть короля была бы чиста*»¹⁵⁴. Уничтожив парламенты, монархия выродилась в деспотию. Само понятие «абсолютная власть короля» обычно употреблялось парламентскими магистратами как синоним «деспотизма». В речах, произнесенных первым президентом Парижского парламента д'Алигром в ходе упомянутой выше процедуры принудительной регистрации дисциплинарного регламента 1770 г. и в последующие дни, об абсолютной власти короля говорилось двояко: то в нейтральном контексте, то с явным осуждением. Характерно, что данное определение прозвучало нейтрально, когда д'Алигр цитировал слова своего предшественника, первого президента Парижского парламента Ашиля де Арле, обращенные к Генриху IV¹⁵⁵. Но когда д'Алигр, говоря уже от своего лица, называл правительственные меры «актами абсолютной власти» (*les actes d'autorité absolue*)¹⁵⁶, то он наделял понятие «абсолютная власть» откровенно негативным смыслом. Так же осуждающе звучало это выражение и в постановлении Парижского парламента против «законов, зарегистрированных путем применения абсолютной власти»¹⁵⁷.

¹⁵³ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 177-178.

¹⁵⁴ Ibid. Р. 162-163.

¹⁵⁵ Де Арле говорил о долге парламента разрешать «конфликт между абсолютной властью Короля и благом королевской службы» (Ibid. Р. 172).

¹⁵⁶ Ibid. Р. 165. Неслучайно, рассуждая о королевской власти, д'Алигр употребил в данном случае термин *autorité*, обозначающий авторитарную власть, тогда как для указания на законную власть существовал термин *puissance*. Подробнее об этом см.: Пименова Л.А. Власть короля: *autorité* или *puissance*? // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сб. научных трудов. Т. II / отв. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2016. С. 243-25.

¹⁵⁷ Ibid. Р. 179.

И позднее, когда Людовик XVI отменил реформу Мопу и восстановил старый Парижский парламент, тот, протестуя против практики принудительной регистрации законодательных актов на «ложе правосудия», вновь осуждал их как проявления «абсолютной власти»: «Всевозможные эдикты, декларации и королевские письма, насильно зарегистрированные на ложе правосудия, во все времена рассматривались как акты самой абсолютной власти, когда-либо применявшейся в монархии»¹⁵⁸.

В 1770-1771 гг. в официальных документах о парламентской реформе, речах самого канцлера Мопу и его сторонников абсолютная власть короля трактовалась как власть никем и ничем не ограниченная, а вопрос о соблюдении королем законов обходился стороной. Спустя три года в текстах законодательных актов и официальных речах нарушенный баланс между абсолютной властью короля и неприкосновенностью законов был восстановлен. Отмена реформы Мопу аргументировалась и как проявление королевской «милости» (т. е. абсолютной власти), и как восстановление законного порядка.

Развернутое обоснование доктрина «абсолютной монархии» последних десятилетий ее существования получила в сочинениях историков и юристов, на которых мы и остановимся в заключение. Больше всех на эту тему писал историограф Франции Ж.-Н. Моро. Он считал абсолютную власть неотъемлемым принципом любого правления. При этом, по Моро, любое правительство должно выполнять свое предназначение, заключающееся в том, чтобы хранить и защищать естественные права человека (к их числу он относил права на жизнь и собственность)¹⁵⁹. Рассуждая о том, что он именовал «основами политической конституции», Моро выделял «фундаментальные законы любого правления» и «фундаментальные законы французской монархии». К числу первых он относил наличие абсолютной силы, способной всегда принудить к повиновению; обеспеченную законами неприкосновенность жизни, состояния и собственности всех граждан, а также право подданных обращаться к государю с требованиями исправить злоупотребления и навести порядок¹⁶⁰. Говоря о фундаментальных законах французской монархии, он называл лишь два: сосредоточение всей власти в руках короля и запрет наследовать престол по женской линии¹⁶¹.

Не всякая воля государя есть закон, - утверждал Моро. Закон – это «обсужденная воля» (*la volonté délibérée*). В принятии закона, наряду с монархом, должны участвовать некие «советы», призванные помочь ему вынести разумное и справедливое решение¹⁶². Следует обратить внимание, что все это было написано еще до истории с реформой Мопу.

Король, - подчеркивал Моро, - не является собственником над подвластной ему страной и потому не имеет права подавлять своих подданных. Объясняя характер взаимоотношений короля с подданными, Моро использовал две метафоры. Во-первых, он уподоблял власть короля власти «отца семейства, научившего детей смирять страсти, чтобы быть счастливыми», а для этого он должен править по справедливости и по

¹⁵⁸ Arrêté du parlement les chambers assemblées, les princes et pairs y séant, contenant des remontrances sur divers articles des édits de novembre 1774, 30 déc. 1774 // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 23. P. 124.

¹⁵⁹ Moreau J.-N. Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. Nouv. éd. Paris: Impr. de Monsieur, 1782. P. 201-202 (это сочинение было написано еще в 1767 г. и впервые опубликовано в 1775). О Моро см.: *Gembicki D. Histoire et politique à la fin de l'Ancien Régime: Jacob-Nicolas Moreau (1717-1803)*. Paris: Nizet, 1979.

¹⁶⁰ Moreau J.-N. Les Devoirs du Prince. P.188-190.

¹⁶¹ Ibid. P. 191-193.

¹⁶² Ibid. P. 319-320.

закону¹⁶³. Во-вторых, король у Моро – это пастырь, ведущий свой народ. Король знает путь, но пройти его он может только вместе с народом: «Без Суверена народа не знает пути; без Нации Суверен бессилён»¹⁶⁴.

В более поздних сочинениях Моро апологетика абсолютной власти короля усилилась. Изданный в годы царствования Людовика XVI главный труд жизни Моро – многотомную историю Франции – предваряет письмо, в котором автор опровергает раздающиеся в его адрес обвинения в приверженности деспотизму. Главная тема этого вводного письма – отличие монархии с абсолютной властью короля от деспотии. В нем Моро счел необходимым напомнить просвещенным современникам о Божественном происхождении абсолютной власти короля, который должен отвечать за свои дела лишь перед самим Богом: «При первой и второй расах¹⁶⁵ считалось фундаментальной максимой, что выше Короля есть только один Бог и что ни Гранды, ни Нация не могут ни отнять у него право на абсолютную власть, ни лишить бесповоротно возможности осуществлять ее»¹⁶⁶. Моро повторил вслед за Боссюэ его определение абсолютной королевской власти: «Вслед за великим Боссюэ я повторял и всегда буду повторять, что власть наших Королей по сути своей абсолютна; но к этому я прибавил и прибавлю снова и снова, что она по сути своей также подчиняется правилам и существует согласно правилам»¹⁶⁷. «Власть Монарха, - заключал Моро, - по сути абсолютна, но ни в коем случае не произвольна»¹⁶⁸. Согласно Моро, суть монархии повсюду и во все времена составляют, во-первых, корпус законов, а во-вторых, - корпус магистратуры (т. е. парламенты), призванный следить за исполнением этих законов¹⁶⁹. Однако, полемизируя с защитниками парламентов и критиками «министерского деспотизма», Моро подчеркивал, что парламенты являются органами, действующими от имени и по поручению монарха и представляющими монарха, а не нацию. «Но в какую бы эпоху и под каким бы наименованием ни возник парламент, - рассуждал Моро, - никогда он не составлял корпуса, делегированного или уполномоченного Нацией; при первой, второй и третьей расах он всегда был корпусом Магистратуры, представлявшим Суверена, и носителем его [суверена – Л.П.] власти, обязанным просвещать его своими советами»¹⁷⁰.

Итак, Моро, опираясь на авторитет Боссюэ, пытался найти компромисс между абсолютной властью короля и соблюдением законов, хотя и отдавал явный приоритет королевской власти. Именно компромиссная концепция официального историографа Франции была в наибольшей степени созвучна взглядам самого короля (что неудивительно, так как Моро входил в число его учителей и давал будущему монарху уроки истории), и Моро, более чем кого-либо из числа современников, можно считать теоретиком монархии Людовика XVI. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о

¹⁶³ Ibid. P. 443.

¹⁶⁴ Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public, Puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Discours sur l'Histoire de France. Dédiés au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. 21 vol. A Paris: de l'Imprimerie royale, 1777. T. 7. P. 355.

¹⁶⁵ Т.е. при Мерovingах и Каролингaх. «Третья раса» - династия Капетингов.

¹⁶⁶ Moreau J.-N. Des différences de la Monarchie et du Despotisme, ou Lettre de M.M. à M.D.L.C. A Paris, ce 2 Janvier 1774 // Principes de morale. T. 1. P. 28.

¹⁶⁷ Ibid. P. 10.

¹⁶⁸ «L'autorité du Monarque [...] est essentiellement absolue, mais ne doit jamais être dissolue» (Moreau J.-N. Principes de morale. T. 1. P. 12).

¹⁶⁹ Ibid. P. 55.

¹⁷⁰ Ibid. P. 39.

современниках, так как в глазах короля Моро, конечно же, был менее авторитетным мыслителем, чем Фенелон.

Концепция «монархии Людовика XV» тоже получила развитие, но уже в самом конце Старого порядка. Идея абсолютной власти как власти ничем не ограниченной, кроме доброй воли самого короля, нашла последовательное отражение в объемистом «Трактате о правах, обязанностях, вольностях, льготах, прерогативах и привилегиях», составленном несколькими правоведами¹⁷¹. Авторы трактата (Пьер-Жан-Жак Гюйо и др.) утверждали, что именно абсолютный характер королевской власти составляет суть фундаментальных законов, или конституции французской монархии. Если Моро еще по традиции старался примирить суверенную волю короля с соблюдением законов, то здесь выбор был безоговорочно сделан в пользу власти короля:

«Фундаментальные законы французской монархии немногочисленны [...]. Они устанавливают:

1) Независимость короны; *Король не держит ее ни от кого, кроме Бога и самого себя* (Установления Святого Людовика, кн. 1, гл. 76).

2) Абсолютную власть монарха в создании законов – власть, сосредоточенную полностью, единственно и по существу в особе Короля. *Чего хочет Король, того хочет закон*, - гласят наши древнейшие конституции.

3) Неотчуждаемость этой высшей власти, согласно формуле клятвы, которую короли третьей расы до Людовика VIII произносили во время венчания на царство: «Я сохранию в неприкосновенности *Суверенитет*, права и преимущества французской короны, я не буду ни передавать их кому бы то ни было, ни отчуждать».

[...] Такова конституция монархии, таково французское правление»¹⁷².

Разумеется, юристы конца Старого порядка не могли обойти молчанием столь обострившийся в результате реформы Мопу вопрос о различии между монархией и деспотией и предложили своеобразное, нетривиальное решение. Они признавали, что «власть государя столь же полна и абсолютна как при монархии, так и при деспотии», но разница между первой и второй все же существует. Пытаясь обозначить эту разницу, наши авторы ссылались на авторитет Монтескье, но отнюдь не на ставшее классическим определение, согласно которому монарх правит посредством законов, тогда как произвол деспота не ограничен законами и правилами. Они цитировали другой отрывок из трактата «О духе законов» (Кн. 3. Гл. 10), где говорится, что «хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные»¹⁷³. Развивая эту мысль, авторы «Трактата о правах...» отмечали, что при деспотическом правлении господин командует рабами и единственным правилом является его сиюминутная воля или каприз. «В монархии же, напротив, это отец, который, желая выказать свою волю детям, сам предлагает им просветить его и

¹⁷¹ Guyot P.-J.-J. et al. *Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives, et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres et publ. par MM. Guyot et Merlin.* 4 vols. Paris: chez Visse, 1786-1788. Среди авторов трактата были адвокаты и советники Парижского и провинциальных парламентов Гюйо, отец и сын Буше д'Аржи, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Мерлен, Робен де Моза, Трейар.

¹⁷² Guyot P.-J.-J. et al. *Traité des droits.* Т. 1. Р. 11-12.

¹⁷³ Монтескье Ш.-Л. Указ. соч. С. 186.

приказывает открыть ему правду»¹⁷⁴. Таким образом, Гюйо с соавторами пересмотрели классическую концепцию французской монархии и фактически пришли к идее просвещенного деспотизма.

* * *

Попробуем подвести итоги. Рассмотренная история реформы Мопу и скорой ее отмены показывает, что в 1770-е гг. понятие «абсолютная власть монарха» оставалось важным элементом политического дискурса. Вместе с тем, оно стало спорным и неоднозначно эмоционально окрашенным. Сохраняя по-прежнему позитивные коннотации в официальных речах и документах, в парламентских текстах оно превратилось в синоним деспотизма и произвола и обрело уже тот смысл, какой впоследствии будет иметь возникшее в годы революции понятие «абсолютизм».

Кроме того, «казус» с упразднением и последующим восстановлением парламентов наглядно продемонстрировал присущий французской монархии Старого порядка личностный характер правления. Ответственное политическое решение могло приниматься монархом, исходя не только и даже не столько из принципиальных, сколько из личных соображений или под влиянием ближайшего окружения, а опала министра влекла за собой отказ от проводившейся им политики. Вместе с тем, при всем значении личных мотивов и случайных обстоятельств, отмена реформы Мопу выглядит вполне закономерной, если принять во внимание размышления юного дофина Людовика-Августа о монаршей власти.

События 1770-1774 гг. выявляют различия между монархией Людовика XV и монархией Людовика XVI в области как теории, так и практической политики. В первой явственно проступали черты французского варианта «просвещенного деспотизма». Вторая с трудом поддается однозначному определению. С одной стороны, она выглядит более традиционной в трактовке вопроса о соотношении воли короля и законности. С другой стороны, возводимая в принцип обязанность защищать естественные права индивида была далеко не традиционна. Сознательно король это сделал или нет, - но получилось так, что во имя соблюдения законов и прав подданных он уступил парламентам. Впрочем, вероятно, с точки зрения самого Людовика XVI, это не нанесло урона его абсолютной власти, если он понимал ее по Фенелону как власть судить в последней инстанции. Ведь последнее слово пока еще оставалось за королем.

¹⁷⁴ Guyot P.-J.-J. et al. Op. cit. T. 1. P. 12.

Дело об ожерелье Марии-Антуанетты¹⁷⁵

В 1785-1786 гг. история, которой посвящен данный очерк, приковала к себе внимание всей Европы. Современники единодушно признавали дело из ряда вон выходящим. Газеты разных стран подробно освещали ход судебного разбирательства. Иностранцы писали о нем донесения своим государям. Гёте быстро откликнулся на скандальные события пьесой «Великий Копт». Спустя годы он говорил Эккерману: «Право же, французский автор может только позавидовать, что я перехватил у него такой хороший сюжет. Я говорю “такой хороший сюжет”, имея в виду не только его нравственное, но и большое историческое значение. Факты, мною выбранные, непосредственно предшествуют Французской революции и в известной мере послужили для нее основанием. Королева, безнадежно запутавшаяся в злосчастной истории с ожерельем, утрачивает свое достоинство, более того - уважение народа, а следовательно, в его глазах и свою неприкосновенность. Ненависть никому не вредит, но презрение губит человека»¹⁷⁶. Вслед за Гёте к «такому хорошему сюжету» неоднократно обращались и другие авторы. Самые известные примеры тому – «Ожерелье королевы» Александра Дюма-отца¹⁷⁷ и «Мария-Антуанетта» Стефана Цвейга. Познакомимся с обстоятельствами этой драмы¹⁷⁸.

Луи-Рене-Эдуар, принц де Роган (1734-1803) принадлежал к одной из самых древних и знатных французских фамилий. Роганы вели свой род от средневековых правителей Бретани. Принц Луи имел основания и явные намерения претендовать на высшие государственные посты. Это был человек эlegantный, приятный в общении, остроумный и хорошо образованный. В 27 лет его избрали во Французскую Академию. Он вступил на духовное поприще, что во Франции Старого порядка нередко совмещалось со светской карьерой. Роган стал коадьютором своего дяди, епископа Страсбургского, а в 1771 г. получил многообещающее назначение послом в Вену. Однако вскоре новый посол навлек на себя немилость двух влиятельнейших особ: императрицы Марии-Терезии и ее дочери Марии-Антуанетты, супруги наследника французского престола. Набожную католичку Марию-Терезию возмущал рассеянный образ жизни де Рогана, его пристрастие к роскоши и многочисленные любовные похождения, что явно не приличествовало его духовному сану. Возмущение императрицы могло быть связано также с тем, что французский посол быстро проведal о тайных переговорах между правителями Австрии, Пруссии и России по поводу раздела Польши, счел их предательством интересов французского двора и не сумел

¹⁷⁵ Впервые опубликовано: Казус. 1996: Индивидуальное и уникальное в истории. М.: РГГУ, 1997. С. 137-164.

¹⁷⁶ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1986. С. 390-391.

¹⁷⁷ В этом романе дело об ожерелье изображено как результат зловещего масонского заговора под руководством Калиостро, нацеленного на свержение королевской власти во Франции.

¹⁷⁸ Обстоятельства «дела об ожерелье» подробно изложены в письмах и воспоминаниях современников. См., напр.: Campan, m-me. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette, Reine de France et de Navarre, suivis de souvenirs et anecdotes historiques sur les règnes de Louis XIV, de Louis XV et de Louis XVI. Paris, 1849. P. 207-221, 453-464; Geogel, l'abbé. Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVIIIe siècle depuis 1760 jusqu'en 1806-1810, par un contemporain impartial. T. II. Paris, 1817. P. 1-220. События, связанные с этим делом, не раз описывались и в исторической литературе. См., напр.: Michelet J. Histoire de France. T. 19. Paris, 1878. P. 249-296; Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier d'après la procédure instruite devant le Parlement de Paris. Paris, 1863 (эта книга представляет интерес тем, что в приложениях автор опубликовал материалы следствия: протоколы допросов кардинала де Рогана, мадам де Ламот, Калиостро, девицы д'Олива и Рето де Вилета); Funck-Brentano F. L'Affaire du collier, d'après de nouveaux documents. Paris: Hachette, 1903; Hardman J. Louis XVI. London-New Haven: Yale univ. press, 1993. P. 80-87.

достаточно дипломатично скрыть свое недовольство¹⁷⁹. Причины неприязни Марии-Антуанетты к Рогану не вполне ясны. Современники поговаривали, что в одном из секретных донесений он позволил себе язвительные замечания по поводу двуличной политики Марии-Терезии во время первого раздела Польши; в результате придворной интриги эти колкости стали известны дочери императрицы и вызвали ее гнев против Рогана¹⁸⁰. Сразу же после того как дофин Людовик-Август стал королем Людовиком XVI, прежнего посла отозвали из Вены и назначили на его место барона де Бретёя, которому предстояло сыграть роковую роль в судьбе Рогана в ходе дела об ожерелье.

Эта личная неудача затрагивала интересы всего клана Роганов, социальное положение которого было блистательным и в то же время весьма спорным. Роганы принадлежали к верхушке придворной аристократии, но не довольствовались этим и претендовали на особое промежуточное положение между высшей аристократией и королевской семьей. Ввиду того что их предки – герцоги Бретонские – являлись в Средние века правителями самостоятельного государства, Людовик XIV возвел две ветви этого рода – Роган-Гемене и Роган-Субизов – в ранг «иностранных принцев», т.е. потомков иностранных правящих династий со всеми подобающими им особыми почестями. Это решение вызвало бурное негодование придворной знати. На протяжении XVIII в. Роганы, наряду с герцогами Буйонскими и Лотарингскими, безуспешно добивались признания за собой при французском дворе статуса «иностранных принцев»¹⁸¹. Их претензии отвергались с обеих сторон: как принцами королевской крови, так и основной массой придворной знати, от которой Роганы, Буйоны и Лотаринги хотели дистанцироваться. Споры вокруг привилегий дома Роганов в 60-70-е гг. XVIII в. выплеснулись на страницы целого ряда записок, памфлетов и протестов. Их авторы старательно изыскивали юридические, философские и исторические аргументы, чтобы объяснить, кто кого пропускает вперед и в каком порядке дамы танцуют менуэт на придворных балах¹⁸².

Но у Роганов была еще возможность возвыситься над другими герцогами, заняв ключевые посты при дворе и в государстве. Наиболее предпочтительными с этой точки зрения представлялись шансы Луи-Рене-Эдуара де Рогана. Его отзыв из Вены и неприязненное отношение молодой королевы явились серьезным ударом по амбициям

¹⁷⁹ Фридрих II, пристально следивший за действиями де Рогана, обратил внимание и на его вызывающее поведение, и на его реакцию в связи с переговорами о разделе Польши. См.: *Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*. Bd. 32. Berlin, 1908. S. 115, 118, 211, 424.

¹⁸⁰ Geogel. *Mémoires*. P. 6-9.

¹⁸¹ Влияние специфического положения этого клана при дворе на поведение Луи-Рене-Эдуарда де Рогана рассмотрено в статье: Browne R. *The Diamond Necklace Affair revisited: the Rohan family and court politics // Renaissance and Modern Studies*. 1989. V. 33. P. 21-40.

¹⁸² *Réclamation de la noblesse de France contre les prérogatives prétendues par les maisons de Lorraine, Rohan & Bouillon, notamment aux Bals parés pour les mariages de Mss. les comtes de Provence et d'Artois. Mémoire à ce sujet. Décision du roi Louis XV, contre ces prétentions. Vers 1773 // Archives Nationales (далее - AN). K.X.1712. № 23; Observations et remarques historiques et critiques sur un ouvrage qui a pour titre «Réponse à un écrit anonyme intitulé mémoire sur les rangs et les honneurs de la Cour» // AN. KK. 619; последняя рукопись содержит перечень вышедших ранее сочинений на эту тему: *Histoire de Louis XIII* (1768); S. Griffet. *Traité des différentes sortes de preuves qui servent à établir la vérité de l'histoire* (1768); *Mémoire sur les rangs et les honneurs de la Cour, en réponse aux trois derniers chapitres de l'ouvrage du S. Griffet* (1771); S. Geogel. *Réponse à un écrit anonyme intitulé mémoire sur les rangs et les honneurs de la Cour* (1771). Состоявшие на службе у Роганов публицисты, в частности секретарь и старший викарий нашего героя аббат Жоржель, доказывали происхождение их рода от иностранных венценосцев, ссылаясь при этом на почести, оказывавшиеся Роганам прежними королями. Противники особых привилегий Роганов настаивали на том, что доказательствами королевского происхождения могут служить только подлинные исторические документы и даже воля государя при всем уважении к ней бессильна даровать какой бы то ни было семье происхождение более высокое, чем оно есть на самом деле.*

семейства, но не все еще было потеряно. Клан Роганов, не жалея сил, продвигал вверх своего по-прежнему считавшегося перспективным члена. Его энергично поддерживали влиятельные родственники и родственницы: маршал, государственный министр и пэр Шарль де Роган-Субиз (1715-1787), сестра маршала воспитательница королевских детей Мария-Луиза-Женевьева де Роган, графиня де Марсан (1720-1803), ее племянница Виктория-Арманда-Жозефа де Роган, принцесса де Гемене (1743-1807), унаследовавшая место воспитательницы королевских детей от своей тетки в 1775 г. Мадам де Гемене, благодаря возможности часто видеть королеву, сыграла очень важную роль в возвышении де Рогана. Наконец, он пользовался поддержкой со стороны «ментора» короля – министра Жана-Фредерика Фелипо, графа де Морепа (1701-1781)¹⁸³.

Общими усилиями в 1777 г. удалось добиться назначения Луи де Рогана на должность верховного капеллана Франции (*le grand aumônier de France*). Это была высшая придворная и церковная должность. Верховный капеллан считался первым священником Франции. Он возглавлял придворный штат священнослужителей. В его компетенцию входила выплата милостыни, пенсий, пожалований и стипендий королевских коллежей из предназначенных на благотворительные нужды фондов королевской казны. Он назначал и возглавлял королевских раздатчиков милостыни и, подобно министру, периодически работал вместе с королем в его кабинете над делами своего ведомства¹⁸⁴. В 1778 г. вдобавок к высокой должности Роган получил сан кардинала, а в 1779 г. стал епископом Страсбургским. Перед честолюбивым кардиналом забрезжила была перспектива карьеры Ришельё и Мазарини, когда головокружительный взлет сменился серьезными осложнениями.

Илл. 2. Луи-Рене-Эдуар де Роган-Гемене. Портрет неизв. художника XVIII в.

В 1781 г. умер Морепа. В следующем году разразился громкий скандал, вызванный банкротством господина де Гемене. Имя банкрота было скомпрометировано, и его супруге

¹⁸³ См. о нем в статье «Трудное счастье графа Морепа».

¹⁸⁴ О компетенции верховного капеллана см.: Geogel. Mémoires. Т. II. Р. 33-34.

пришлось отказаться от должности воспитательницы королевских детей. На вакантное место королева устроила свою подругу Иоланду-Мартину-Габриэль де Поластрон, герцогиню де Полиньяк. Таким образом, кардинал де Роган лишился покровителей и результаты не замедлили сказаться. В 1783 г. известного своим мотовством кардинала обвинили в присвоении крупных денежных сумм, полученных от продажи старых зданий известной больницы для слепых Кенз-Вен. Ему пришлось держать ответ перед Парижским парламентом. Рогану с трудом удалось выпутаться из этого скандального и темного дела и снять с себя обвинения. В том же году пост государственного секретаря королевского двора и ранг государственного министра получил Луи-Шарль-Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретей (1730-1807) – человек королевы и недоброжелатель кардинала. Положение де Рогана стало критическим. Для исполнения честолюбивых планов ему было крайне необходимо каким-то способом добиться того, чтобы королева сменила гнев на милость.

К тому времени кардинал уже был знаком с мадемуазель Жанной де Валуа. Она принадлежала к очень знатному, хотя и совершенно обнищавшему роду. Ее отец происходил по прямой линии от внебрачного сына короля Генриха II, что было подтверждено генеалогистом и гербовым судьей д'Озье. Противоречие между блистательным происхождением девушки из рода Валуа и ее бедственным положением произвело впечатление на кардинала, и он выхлопотал для нее у короля небольшую пенсию¹⁸⁵. Знакомство на этом не прекратилось, и встречи продолжались. Тем временем протеже кардинала вышла замуж за офицера королевских жандармов де Ламота, не имевшего за душой ничего, кроме долгов, и самозванно присвоившего себе графский титул¹⁸⁶. Весной 1784 г. мадам де Ламот поведала своему покровителю, что ей удалось вызвать сочувствие королевы к своей несчастной доле и добиться расположения государыни. Она показывала Рогану письма, якобы написанные Марией-Антуанеттой. По словам кардинала, он всему поверил, так как дочерка королевы никогда не видел¹⁸⁷. Мария-Антуанетта действительно поддерживала с Роганом исключительно официальные контакты, так что у него не было возможности увидеть что-либо, написанное ее рукой. После смерти Морепа и отставки принцессы де Гемене он вообще оказался при дворе в относительной изоляции и не мог проверить правдивость слов госпожи де Ламот. Если учесть его шаткое положение в то время, неудивительно, что он оказался столь доверчивым. Для него это был единственный шанс: близость бывшей протеже к королеве могла помочь ему спасти карьеру.

Мадам де Ламот говорила кардиналу слова, ласкавшие его слух: оказывается, королева меняет гнев на милость и даже хочет вступить в переписку. Наконец, Ламот удалось убедить Рогана написать королеве. К его большой радости на письмо пришел ответ, затем последовали другие письма. Послания «королевы» под диктовку Ламот писал ее сообщник Рето де Вилет.

Следующим, еще более смелым шагом стало состоявшееся приблизительно в конце июля-начале августа ночное свидание кардинала с королевой в версальском парке, выдержанное в духе модной тогда «Женитьбы Фигаро». Роль Марии-Антуанетты в этом спектакле исполняла девица Мари-Николь Леге. Ее заметил на улице граф де Ламот,

¹⁸⁵ Georget. Mémoires. Т. II. P. 35-37.

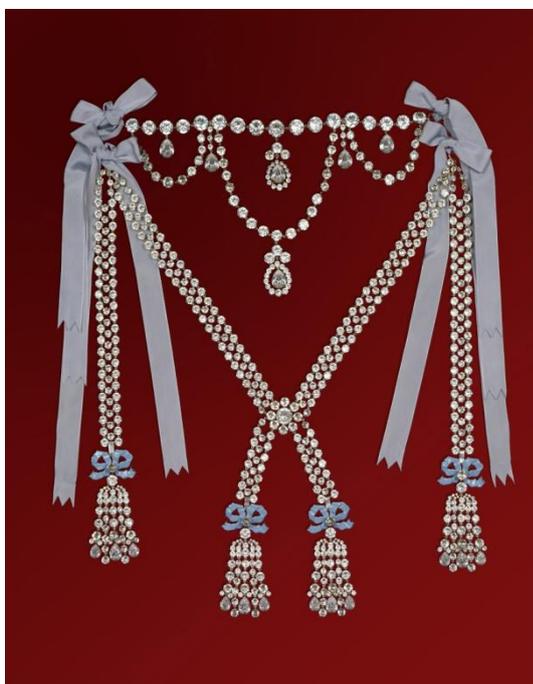
¹⁸⁶ Современники и историки обычно называют Ламота графом, но, по свидетельству Ф. Функ-Брентано, во всех сохранившихся актах гражданского состояния он квалифицируется как просто дворянин, экюйе (Funck-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 73-75).

¹⁸⁷ Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 207-208.

пораженный внешним сходством Леге с королевой. Ламоты приблизили ее к себе, дав ей вымышленное имя баронессы д'Олива, что представляет собой анаграмму имени Валуа (*Valois - Oliva*). Свидание длилось несколько минут, взволнованный кардинал пробормотал две-три бессвязные фразы. «Королева», как ей было велено, подала ему розу со словами: «Вы знаете, что это значит»¹⁸⁸. Если у Рогана до этого еще оставались какие-то сомнения в благосклонности королевы, то теперь они рассеялись окончательно. После свидания мадам де Ламот начала смело занимать у него деньги от имени Марии-Антуанетты на благотворительные цели. Предприимчивые супруги быстро поправили свои финансовые дела и купили дом.

Свои якобы доверительные отношения с королевой графиня де Ламот не держала в тайне и поведала о них не только кардиналу. В конце года к ней обратились королевский ювелир Бёмер и его компаньон Бассанж с просьбой о помощи: ей предстояло уговорить королеву купить у них ожерелье.

Это украшение было уникальным и имело свою историю. В течение нескольких лет Бёмер и Бассанж скупали лучшие в Европе бриллианты и сделали большое ожерелье оригинальной работы, которое они рассчитывали продать Людовику XV для подарка фаворитке Дюбарри. Смерть старого короля расстроила планы ювелиров. Молодой монарх – несмотря на всем известное пристрастие его очаровательной супруги к украшениям – отказался купить драгоценное кольцо. Ввиду плачевного состояния финансов страны он счел чрезмерной цену ожерелья – 1 млн. 600 тыс. ливров. Ювелиры предлагали свое произведение другим монархам, но безуспешно, так как цена была слишком высокой. Бёмер снова и снова обращался к Марии-Антуанетте, умоляя ее купить кольцо и говоря, что иначе он будет разорен, но официальным ответом неизменно оставался отказ¹⁸⁹.

Илл. 3. Ожерелье королевы. Реконструкция. Музей замка Бретей

¹⁸⁸ Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan // Op. cit. P. 209; Interrogatoire de la fille Leguay, dite d'Oliva // Op. cit. P. 353-356.

¹⁸⁹ Первая камеристка королевы мадам Кампан подробно описывает всю эту историю со множеством трогательных деталей, призванных доказать добропорядочность Марии-Антуанетты и ее полную непричастность к афере с ожерельем: Campan. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette. P. 208-210, 453-454.

Ламот обещала помочь ювелирам и порадовала кардинала приятной новостью. Королева оказывает ему большое доверие: она мечтает приобрести ожерелье, но не располагает для этого необходимой суммой и поручает ему, Рогану, вести переговоры с ювелирами. Для убедительности она показала кардиналу еще одно письмо Марии-Антуанетты, в котором та выражала желание, чтобы он взял на себя столь ответственное и щекотливое дело¹⁹⁰. Итак, в конце января 1785 г. кардинал стал договариваться с ювелирами, заявив, что выступает в качестве доверенного лица королевы. Стороны пришли к соглашению о покупке с уплатой в рассрочку. Первый взнос в размере 400 тыс. ливров Мария-Антуанетта должна была сделать через полгода по получении ожерелья, то есть 1 августа 1785 г., и далее полагалось платить по 400 тыс. каждые 6 месяцев¹⁹¹.

Кардинал собственноручно записал условия сделки, ювелиры поставили под документом свои подписи, после чего Роган все же потребовал от мадам де Ламот, чтобы договор был заверен королевой. Ламот добросовестно выполнила поручение кардинала: на каждой странице текста на полях Рето де Вилет написал слово «одобрено», а в конце поставил очень странную подпись «Мария-Антуанетта Французская». Впоследствии многие, начиная с Людовика XVI, недоумевали, как мог вельможа из рода Роганов, придворный и кардинал не знать, что супруга короля Франции никогда не подписывается подобным образом¹⁹². По словам Ламот, они с Рето де Вилетом специально изобрели нечто, как она выразилась, «химерическое», для того чтобы в этом нельзя было усмотреть подделку подписи королевы¹⁹³. Но каковы бы ни были мотивы заговорщиков, они не объясняют, почему столь необычная подпись не вызвала подозрений ни у кардинала, ни у ювелиров ее величества. Ведь Бёмер и Бассанж, не заметив подделки, спокойно сняли для себя копию с документа, оригинал которого остался у Рогана. Пожалуй, единственное сколько-нибудь логичное объяснение этому дал историк Жюль Мишле. Смысл подобной подписи, по его мнению, состоял в том, чтобы после смерти Марии-Антуанетты купленная драгоценность осталась собственностью французской короны и не могла бы перейти по наследству Габсбургам¹⁹⁴.

Ювелиры вручили ожерелье кардиналу, а тот передал его человеку, которого Ламот представила как придворного королевы. После всего случившегося Ламоты продолжали жить на широкую ногу как ни в чем не бывало. В апреле супруг отбыл в Лондон, чтобы продать там несколько бриллиантов, а в начале июня преспокойно вернулся во Францию. Эти люди явно не опасались ареста.

У ювелиров же постепенно стали возникать подозрения. Время шло, а королева так ни разу и не появилась на публике в своем новом, столь желанном ожерелье. В июле, когда истекал срок первого платежа, мадам де Ламот сказала кардиналу, что у королевы сейчас нет денег, и велела просить ювелиров об отсрочке. Просьба кардинала еще больше обеспокоила Бёмера и Бассанжа, и они начали настойчиво добиваться аудиенции у королевы. Наконец,

¹⁹⁰ Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 210-211.

¹⁹¹ Об условиях сделки и обстоятельствах ее заключения подробно говорится в докладной записке, поданной ювелирами на имя королевы (Mémoire remis à S.M. la Reine, le 12 Août 1785 // Bibliothèque de l' Arsenal. Archives de la Bastille. 12.459. Affaire du collier. P. 17-22), и в показаниях кардинала де Рогана (Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 210-214).

¹⁹² Ей полагалось бы написать «Мария-Антуанетта Австрийская».

¹⁹³ Vie de Jeanne de St. Remy de Valois, ci-devant comtesse de la Motte, écrite par elle-même. Paris, l'an premier de la République Française. T.1. P. 357-359.

¹⁹⁴ Michelet J. Histoire de France. T. 19. Paris, 1878. P. 263-271.

Бёмеру удалось объясниться сначала с первой камеристкой королевы мадам Кампан, а 9 августа он был принят Марией-Антуанеттой. Узнав о происшедшем, королева стала советоваться с близкими людьми, как быть. Таких людей было двое: ее духовник аббат де Вермон и ее человек в министерстве, государственный секретарь королевского двора барон де Бретей¹⁹⁵. Полномочия государственного секретаря королевского двора во Франции конца XVIII в. отчасти соответствовали полномочиям министра внутренних дел в современном государстве, так что барон де Бретей имел все основания взять расследование дела в свои руки. По его требованию ювелиры составили для королевы записку с подробным изложением обстоятельств случившегося¹⁹⁶. Имя мадам де Ламот еще не было произнесено, так как все переговоры ювелиры вели только с кардиналом. Тяжкие подозрения в мошенничестве и в оскорблении величества падали на него одного. 15 августа его арестовали, причем барон де Бретей постарался, чтобы это было сделано самым скандальным и оскорбительным для Рогана способом.

День ареста пришелся на праздник Успения. Кардинал де Роган как верховный капеллан должен был служить в Версале торжественную мессу в присутствии королевской семьи и всего двора. Когда утром он явился во дворец в праздничном облачении, его пригласили для объяснений в кабинет короля. Там присутствовали Людовик XVI, Мария-Антуанетта, хранитель печатей Ю де Миромениль и барон де Бретей. Спустя три дня полномочный представитель России во Франции И.М. Симолин, основываясь на ходивших в обществе слухах, в своей депеше в Петербург так описывал этот допрос: «Объяснение последовало в понедельник утром в кабинете короля, говорившего с кардиналом со всей возможной добротой, мягкостью и умеренностью, тогда как королева все время плакала»¹⁹⁷. Именно тогда кардинал впервые рассказал о роли мадам де Ламот в этом деле. По словам Кампан, «г-н де Верженн¹⁹⁸ и хранитель печатей придерживались мнения, что надо не придавать огласки этому делу и избегать скандала. Но возобладало мнение барона де Бретёя; этому благоприятствовала раздраженность королевы»¹⁹⁹. Под нажимом со стороны Марии-Антуанетты и де Бретёя Людовик XVI повелел арестовать Рогана. Королева сообщала в письме брату, императору Иосифу II о том, как кардинал просил короля повременить с арестом и провести все тихо и незаметно, но тот ответил, «что не может на это согласиться ни как король, ни как супруг»²⁰⁰. Кардинала взяли под стражу на глазах у всего двора и отправили сначала под домашний арест, а потом в Бастилию. После допроса в кабинете короля он понял, что ему будет инкриминировано оскорбление величества. Он сумел, обманув стражников, передать записку своему секретарю Жоржелю, чтобы тот сжег письма, полученные якобы от Марии-Антуанетты. Мадам де Ламот, со своей стороны, уничтожила все письма кардинала королеве, как только узнала о его аресте. Симолин сообщал о сильном впечатлении, произведенном арестом кардинала, и о том, что это происшествие

¹⁹⁵ Op. cit. P. 213-214, 457-458; Geogel. Mémoires. P. 66-70.

¹⁹⁶ Mémoire remis à S.M. la Reine, le 12 Août 1785.

¹⁹⁷ См. депешу русского посла в Париже И.М. Симолина вице-канцлеру И.А. Остерману от 8/19 августа 1785 г. (Архив внешней политики Российской империи, далее – АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 43). Депешы Симолина представляют для нас особый интерес в связи с тем, что писались по горячим следам событий. Поэтому при расхождении в изложении отдельных фактов ему отдается предпочтение перед мемуаристами, описывавшими случившееся много лет спустя (в частности, мадам Кампан, описывая допрос в кабинете короля, включила Верженна в число его участников: Campan. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette. P. 459).

¹⁹⁸ Государственный секретарь иностранных дел.

¹⁹⁹ Campan. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette. P. 459.

²⁰⁰ Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le prince de Kaunitz. 2 vols. Paris: Hachette, 1889-1891. T. 1. P. 448.

расценивалось как удар по всему семейству Роганов: «Арест персоны столь высокого ранга, сделанный с таким шумом, дал пищу толкам в обществе. Оно теряется в догадках относительно мотивов столь сурового обращения с кардиналом. Должно быть он серьезно провинился перед их Величествами, раз навлек на себя такое публичное порицание, являющееся ударом по дому Роганов, которому поведение господина де Гемене уже нанесло бесконечный ущерб в общественном мнении»²⁰¹.

Выяснение обстоятельств дела король поручил морскому министру маршалу де Кастру, графу де Верженну, барону де Бретёю и генеральному заместителю парижской полиции де Крону. Таким образом, расследование попало в руки людей, входивших в две враждующие группировки. Они существовали уже несколько лет, но до поры до времени их противостояние носило характер мелких интриг и не велось в открытую. Современники называли их «партией короля» и «партией королевы». В «партию короля» входили хранитель печатей Ю де Миромениль, государственный секретарь иностранных дел Верженн, генеральный контролер финансов Калонн, его друг бывший генеральный заместитель парижской полиции Лемуар. В «партию королевы» - барон де Бретёй, военный министр де Сегюр, морской министр де Кастр²⁰². Очень активную роль в расследовании играла королева. Ей удалось настоять на том, чтобы министры общались с королем только в ее присутствии. Так что она имела все основания писать Иосифу II: «Я никогда не забуду того поведения, которого король придерживался с самого первого мгновения и на всем протяжении этого дела; оно было идеальным для меня; и его министры, с которыми он говорил только в моем присутствии, не могли заставить его свернуть с пути, хотя одни из них имели связи с кардиналом, а другие – с его родственниками»²⁰³.

Удивительно, что сразу же после первого допроса Рогана не схватили Ламот с бриллиантами. Она была арестована только 18 августа. Ее муж успел бежать, через несколько дней он объявился в Лондоне и продавал там бриллианты²⁰⁴. 23 августа задержали близко знакомого с кардиналом известного авантюриста и духовидца Калиостро и его жену²⁰⁵. На допросах кардинал обвинял во всем Ламот, а та – кардинала и Калиостро. Ламот рассказывала захватывающие истории о колдовских опытах Калиостро. Она говорила, что приводила к нему свою малолетнюю премияницу, и чародей пытался вызвать у девочки способности к ясновидению. Девочка утверждала, что видела нечто, связанное с королевой и кардиналом²⁰⁶. Роль Калиостро в данном деле не вполне ясна. Очевидно одно: этот таинственный человек очень интересовал кардинала де Рогана, пользовался его доверием и многое о нем знал. В деятельности Калиостро высший церковный иерарх Франции не усматривал ничего предосудительного. На допросах кардинал с сочувствием рассказывал о его опытах, связанных с магнетизмом, и о том, как Калиостро удалось предсказать, что королева скоро родит дофина²⁰⁷. По словам самого Калиостро, он всего лишь лечил

²⁰¹ Дешеша от 8/19 августа 1785 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 43.

²⁰² Darnton R. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // The English Historical Review. 1970. № 336. P. 541-543.

²⁰³ Op. cit. P. 453.

²⁰⁴ Funck-Brentano F. L’Affaire du Collier. P. 247-250.

²⁰⁵ «Они, - пишет Симолин, - совершили увеселительное путешествие в Лион, где г-н Калиостро намеревался устроить кардиналу ужин с г-ном Вольтером и г-ном Монтескье; но арест его Высокопреосвященства расстроил это приятное развлечение» (Дешеша Симолина от 15/26 августа 1785 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 59).

²⁰⁶ Premier interrogatoire de madame de Lamotte. 21-25 janvier 1786 // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 313-315.

²⁰⁷ Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan. 31 janvier 1786 // Ibid. P. 251-253.

кардинала от астмы и вообще занимался физикой и медициной, а не магией и никогда никого не пытался уверить в своих будто бы сверхъестественных способностях²⁰⁸. Аббат Жоржель придерживался иного мнения. С его точки зрения, шарлатан Калиостро сумел полностью подчинить себе волю кардинала. Жоржель пишет о том, что Калиостро обосновался в резиденции Рогана в Эльзасе, подолгу беседовал с кардиналом с глазу на глаз и если и не вовлек его в темные дела с графиней де Ламот, то наверняка был осведомлен о них²⁰⁹.

Итак, де Роган, мадам де Ламот и Калиостро были арестованы, и их полагалось судить. Ответ на вопрос «а судьи кто?» вызвал споры, в которых проявились характерные черты правосудия Франции Старого порядка. В соответствии с принятой процедурой, дело подобного рода следовало бы передать на рассмотрение в высшую судебную инстанцию - Парижский парламент. Вместе с тем, согласно неписаным законам и традициям французской монархии, король являлся верховным судьей в своей стране. Все органы юстиции вершили правосудие от его имени и по его поручению. Любое дело, в котором король был лично заинтересован, он мог судить сам и наказать виновных с помощью *lettres de cachet*, мог перенести разбирательство из обычного суда в королевский совет или же назначить специальный трибунал из верных ему людей. Верженн и морской государственный секретарь маркиз де Кастр выступали за то, чтобы дело Рогана слушал специальный трибунал. Высказывалось также мнение, что, поскольку Роган является духовным лицом, его дело следует передать на рассмотрение церковного суда. Правда, к тому времени правители Франции существенно ограничили компетенцию церковных судов, постановив рядом ордонансов, что уголовные дела, в которых оказывались замешанными священнослужители, подсудны королевским судам. Споры из-за компетенции органов церковной и светской юстиции однако не прекращались. Ассамблея французского духовенства заявила, что судьями кардинала де Рогана могут быть только люди духовного сословия. Аргументируя это требование, клир ссылался на фундаментальные законы французской монархии, древние традиции, сословные привилегии и права граждан²¹⁰.

Однако де Бретей выступал за то, чтобы кардинала судил Парижский парламент, и склонил к этому короля²¹¹. Людовик XVI предложил кардиналу на выбор: предстать перед судом парламента или же признать свою вину и положиться на милость короля. Роган, желавший гласно и публично доказать свою невиновность, выбрал первое. Этот шаг вызвал

²⁰⁸ Interrogatoire du sieur de Cagliostro. 30 janvier 1786 // Ibid. P. 337-350.

²⁰⁹ Georget. Mémoires. Т. II. P. 45-53.

²¹⁰ «Мы проповедуем и учим, что власть наших Королей является независимой, универсальной и полной по отношению ко всем предметам, на которые она должна распространяться ради сохранения общественного порядка..., - заявлял в своей речи председатель генеральной ассамблеи духовенства архиепископ Нарбоннский, - Мы вовсе не собираемся требовать привилегий, кои были бы несовместимы с этими фундаментальными истинами. Но мы будем смело требовать тех, что даны нам Законами, Королями и нацией...» (Discours de M. l'Archevêque de Narbonne // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 95. Копии этого и следующего документов были пересланы Симолиным в Петербург в сентябре-октябре 1785 г.). В том же духе было выдержано и адресованное королю письмо ассамблеи духовенства. Настаивая на том, что «епископ подсуден только епископам», священнослужители продолжали: «Такова, Сир, привилегия, которой мы требуем; ее происхождение древнее, чем установление Монархии; до нас она неизменно передавалась из поколения в поколение, и за это наследие мы отвечаем перед нашими потомками.

Она покоится на законных основаниях; она была дарована не временно и не частным лицам, но навсегда и всему первому сословию Вашего Королевства; таким образом, она неизменна и не может быть произвольно отнятой; как все драгоценнейшие права Граждан, она неизменно пребывает под вашим Королевским надзором и покровительством, и именно в этом важнейшая причина нашего почтительного доверия» (Copie de la lettre de l'Assemblée du Clergé au Roy // Там же. Л. 123).

²¹¹ Hardman J. Louis XVI. Yale Univ. Press, 1993. P. 82.

недовольство римского папы, который полагал, что таким образом нарушается судебный иммунитет служителей Церкви. Папа временно сложил с Рогана сан и прерогативы кардинала и потребовал, чтобы он в течение шести месяцев явился сам или направил своего представителя на суд в Рим²¹².

Из всех главных действующих лиц этой истории наибольшее удивление вызывает Людовик XVI. Поведение других персонажей истолковать проще: у каждого четко прослеживается его амплуа. Мадам де Ламот – женский вариант авантюриста, коими столь богат XVIII век. Ее выдумки кажутся даже не столь уж дерзкими на фоне историй Калиостро или графа Сен-Жермена. Роган явно ориентирован на то, чтобы занять место в длинной череде прославленных кардиналов-политиков: Ришельё, Мазарини, Дюбуа, Флери. Но король? Вынести дело, в котором затронута честь королевы, на суд парламента?! Как будто он не абсолютный монарх, а законопослушный гражданин. Впоследствии многие современники и историки, зная исход дела, называли это решение большой ошибкой. Почему король так поступил? Чтобы понять мотивы, которыми он руководствовался, уместно вспомнить, что дело об ожерелье при всей его необычности не было абсолютно уникальным. Ему предшествовал отчасти похожий случай, не имевший столь серьезных последствий и ныне совершенно забытый, хотя в свое время и достаточно на шумевший. В 1785 г. память о нем была еще свежа. Симолин, сообщая об аресте Рогана, попутно заметил, что «вот уже второй раз с королевой сыграли такую штуку: второй раз циркулировали поддельные бумаги, подписанные ее именем»²¹³. Возможно, что та первая история, случившаяся весной 1777 г., вдохновила предприимчивых людей, замысливших обвести Рогана вокруг пальца. Героиней авантюры восьмилетней давности была жена казначея королевского двора мадам Каюэ (или Кауэ – в письмах современников встречаются разночтения) де Вилле. Она хвалилась, будто ей удалось добиться покровительства со стороны тогда совсем еще юной Марии-Антуанетты, демонстрировала подписанные королевой бумаги и занимала якобы для королевы крупные суммы денег: по 100 тыс. экю у казначея герцога Орлеанского и у банкира Лафосса. Вот как описывал случившееся посол императрицы Марии-Терезии при французском дворе Мерси-Аржанто: «Эта женщина прежде всего призналась в том, [...] что она пользовалась именем королевы, чтобы занимать деньги у различных частных лиц; что с этой целью она замыслила и изготовила поддельные письма королевы; что она лживо хвасталась своими частыми аудиенциями у Ее Величества, хотя в действительности она никогда не имела случая приблизиться к этой августейшей государыне; и наконец, что она обзавелась также реестром, на обложке которого имелся герб королевы, и что она показывала эту якобы расчетную книгу, дабы пускать пыль в глаза тем, кого она обманывала»²¹⁴. Дело мадам Каюэ де Вилле, обвиненной в мошенничестве и в оскорблении величества, передали в чрезвычайную комиссию, и после судебного разбирательства преступницу пожизненно заключили в тюрьму Сент-Пелажи. Мерси-Аржанто был крайне недоволен таким исходом, замечая, что если бы ее судил обычный суд, то ей грозила бы виселица. Но главное для него заключалось даже не в суровости наказания, а в том, что преступница скомпрометировала имя королевы и именно гласное

²¹² Об этом сообщал Симолин в депеше от 23 февраля/6 марта 1786 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 438. Л. 47.

²¹³ АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 44.

²¹⁴ Mercy à Marie-Thérèse. 16 avril 1777 // Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. 3 vols. Paris, 1875. T. 3. P. 40-41.

разбирательство дела в парламенте должно было защитить честь Марии-Антуанетты²¹⁵. О том, что сомнения Мерси-Аржанто отнюдь не беспочвенны, свидетельствовали порочащие королеву слухи. Они нашли отражение в письме одного современника²¹⁶. Его версия событий заметно отличалась от той, которую излагал императорский посол. «Вас немного удивит, - писал он, - что эта женщина [...] сумела [...] заручиться покровительством нашей молодой Королевы и даже завоевать ее доверие в разных мелких секретных делах. [...] Доверие, которое Королева оказывала мадам де Вилле, дало той возможность делать для Королевы покупки в Париже. Недавно ей поручили взять заем, который следовало держать в строжайшей тайне; но по-видимому посреднице изменила осторожность, и имя Королевы оказалось скомпрометированным»²¹⁷. Сказанное следует, очевидно, понимать таким образом: Каюэ де Вилле воспользовалась данным ей деликатным поручением, чтобы самой поживиться за королевский счет и подделала долговые обязательства Марии-Антуанетты. Для опровержения подобных слухов и нужен был, по мнению Мерси-Аржанто, обычный судебный процесс в Парижском парламенте.

У короля было, по крайней мере, три мотива отдать дело об ожерелье на суд парламента. Во-первых, он безгранично верил своей супруге и ни секунды не сомневался в ее абсолютной невиновности, так же как и в виновности кардинала. Во-вторых, памятуя о деле Каюэ де Вилле, он считался с реакцией общественного мнения и хотел, чтобы невиновность королевы и виновность злоумышленников, посягнувших на ее репутацию, были продемонстрированы общественности на публичном процессе. В-третьих, он не сомневался, что парламент ему верен. И у него были основания так думать. До сих пор на протяжении первых десяти лет его царствования в Парижском парламенте существовала многочисленная и влиятельная проправительственная группировка, так называемая «министерская партия», которая неизменно поддерживала политику короля и его правительства в обмен на покровительство с их стороны и в надежде на министерские посты²¹⁸. Так что, с точки зрения Людовика XVI и де Бретёя, исход процесса был заранее предрешен. Они не сомневались в том, что послушный им парламент осудит Рогана. Как оказалось, они были неправы.

Мадам де Ламот и после ареста оставалась спокойной, так как два самых опасных для нее свидетеля – ее супруг и Рето де Вилет – находились в бегах за пределами Франции. Все улики были против Рогана. Общественное мнение поначалу было настроено против кардинала, известного неприличным для духовного лица разгульным образом жизни и многочисленными любовными связями. Еще в декабре 1785 г. Симолин сообщал: «Кажется, это дело принимает неприятный оборот, и г-ну кардиналу трудно будет выйти из него с честью»²¹⁹. То же самое писал он и два месяца спустя: «Судя по тому, что выясняется из допросов, проведенных по этому делу, г-ну кардиналу трудно будет выйти из него с честью, и он прослывет или мошенником, или простофилей»²²⁰. Но существовала и иная точка зрения, распространенная среди придворной аристократии. Тогда как в Париже обвиняли

²¹⁵ Ibidem.

²¹⁶ По мнению автора публикации, это был Ж.-Л. Фавье, занимавший место личного секретаря у разных высокопоставленных лиц и пользовавшийся покровительством Верженна.

²¹⁷ *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792 publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque impériale de Saint-Pétersbourg par M. de Lescure. T. 1-2. Paris: Plon, 1866. T. 1. P. 36-37.*

²¹⁸ О «министерской партии» см.: Hardman J. *Louis XVI. P. 71-72, 85-87.*

²¹⁹ Депеша от 8/19 декабря 1785 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 428. Л. 227.

²²⁰ Депеша от 9/20 февраля 1786 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 438. Л. 37.

мадам де Ламот и кардинала, при дворе обвиняли королеву, считая ее причастной к интриге против де Рогана²²¹.

Де Бретей не скрывал, что будет добиваться осуждения де Рогана. Одного этого оказалось достаточно, чтобы враждебная партия, желая унижить и свалить соперника, начала активно содействовать оправданию кардинала²²². Люди, которых называли «партией короля», не считались ни с интересами короля, ни с репутацией королевской семьи. По одну сторону баррикад оказались король с королевой, барон де Бретей, королевский прокурор и часть парламента во главе с первым президентом. По другую – семья Роганов, семья Морепе, духовенство, друг кардинала Ю де Миромениль, часть парламента, многие придворные, министры Калонн и Верженн и верный друг Калонна Ленуар²²³.

Верженн принимал энергичные меры к тому, чтобы найти за границей и добиться выдачи свидетелей, способных подтвердить невиновность кардинала. В октябре в Брюсселе арестовали девицу д'Олива. Однако доставить из Великобритании графа де Ламота не удалось. В этом случае Верженн проявил меньше рвения. Ламот ему не был нужен, так как, подобно своей супруге, он начал бы, выгораживая себя, валить всю вину на кардинала. Мерси-Аржанто с негодованием сообщал, что в деле де Рогана «граф де Верженн проявил пристрастность, имевшую целью спасти прелата, и не обеспечил должной справедливой сатисфакции Королеве, августейшее имя которой осмелились скомпрометировать»²²⁴.

В качестве обвиняемых на процессе поначалу выступали Роган, мадам де Ламот, ее муж заочно, девица д'Олива и Калиостро.

Дело об ожерелье привело к появлению множества памфлетов, которые пользовались у публики большим спросом и перепечатывались за границей²²⁵. Многие из них были написаны по заказу самих обвиняемых или их адвокатов. В ряде памфлетов содержались тяжкие обвинения в адрес Марии-Антуанетты. О королеве Франции шла речь в самом непочтительном тоне. Ее изображали развратной интриганкой, состоявшей в любовной связи с де Роганом. К тому времени целенаправленная дискредитация Марии-Антуанетты велась уже несколько лет. Распространение слухов, порочивших королеву, началось «сверху». Ее врагами были члены королевской семьи: граф Прованский, который рассчитывал занять престол вслед за братом и пережил крушение надежд после того, как Мария-Антуанетта наконец родила наследника; королевские тетки, недовольные ее поведением, нарушающим строгий этикет версальского двора, а за их спинами стояла вся антиавстрийски настроенная придворная знать. Клеветническая памфлетная кампания развернулась еще в период первой беременности королевы в 1777 г., и были подозрения, что

²²¹ Funck-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 254.

²²² У Калонна могли быть и свои, особые причины вставлять палки в колеса де Бретёю. Он надеялся таким образом отправить барона в отставку и занять его место. Калонну лучше, чем кому бы то ни было в стране, было известно плачевное состояние финансов, и ему хотелось бы, пока кризис еще не разразился, перейти из генерального контроля в более спокойное в такой обстановке министерство королевского дома (свидетельства современника об этих планах Калонна см.: Hardman J. Louis XVI. P. 82).

²²³ Funck-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 347-349; Hardman J. Louis XVI. P. 82-87.

²²⁴ Mercy à Joseph II, 27 décembre 1785 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau. T. 1. P. 473.

²²⁵ Симолин, заметив, что дело кардинала де Рогана «привлекает к себе любопытство и внимание всех европейских дворов своей сложностью и необычностью», переслал в Петербург мемуары мадам де Ламот, Калиостро, девицы Олива, кардинала де Рогана и другие материалы дела (см. АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 438. Л. 72, 137-140, 160). Сразу же после публикации во Франции этих сочинений стали появляться их русские переводы. См., напр.: Возражение со стороны Графини де Валуа-ла Мотт, на оправдание Графа де Каллиостро. В Санктпетербурге, Печатано с дозволения Указного, у Шнора 1786 года (название брошюры дано с сохранением особенностей орфографии оригинала).

она инспирировалась из кругов, близких к графу Прованскому. Скандал, вызванный делом об ожерелье, усилил эту кампанию²²⁶. По мере расследования дела отношение к нему в обществе менялось в пользу кардинала. Многие считали, что королева замешана в деле, а Роган стал невинной жертвой интриги.

Против кардинала было выдвинуто обвинение в подлоге. Он лично вел переговоры с ювелирами, он сам написал текст договора, за исключением подделанной подписи королевы, наконец, ему в руки ювелиры отдали ожерелье, которое затем бесследно исчезло. Казалось невероятным, что его могли обмануть. Свидетельство д'Олива о ночном свидании в версальском парке не выглядело убедительным. Но все изменилось, когда в середине марта 1786 г. в Женеве арестовали Рето де Вилета²²⁷. На допросе он показал, что примерно с мая 1784 г. писал Рогану письма под диктовку мадам де Ламот, но смысла их не понимал и только уловил в ответах кардинала его непомерные амбиции и желание стать первым министром. Он подтвердил, что ночная сцена с девицей д'Олива действительно имела место. Рето де Вилет сознался также, что написал слова «Мария-Антуанетта Французская», вовсе не собираясь подделывать подпись королевы Франции и думая, что он просто переписывает какой-то документ. О преступных намерениях своей подруги он, разумеется, ничего не знал и в похищении ожерелья не участвовал²²⁸. Так как сама Ламот упорно всё отрицала²²⁹, Вилету удалось избежать обвинения в сообщничестве.

В результате расследования парламент пришел к следующим заключениям: кардинал де Роган был уверен, что покупает ожерелье для королевы; подпись Марии-Антуанетты подделал Рето де Вилет по поручению мадам де Ламот; кардинал отдал ожерелье де Ламот, с тем чтобы она вручила его королеве; господин де Ламот отвез ожерелье в Лондон в разобранном виде и продал некоторые камни; де Ламот воспользовалась доверием кардинала в преступных целях²³⁰.

Таким образом, кардинала обвиняли уже не в подлоге, а «в недостатке уважения к священным особам Короля и Королевы, в чудовищном злоупотреблении именем Королевы и поддельной подписью Королевы, которую он выдавал за подлинную»²³¹. А именно ему вменяли в вину следующие помыслы и действия: он поверил в возможность тайного свидания с королевой в версальском парке в неурочный час; он поверил, что королева без ведома короля подписала договор о покупке ожерелья; заключая сделку с ювелирами, он имел дерзость заявить, что действует по поручению королевы, и, таким образом, скомпрометировал ее августейшее имя²³².

Генеральный прокурор Жоли де Флери потребовал для подсудимых следующих наказаний: де Ламота и Рето де Вилета с веревкой на шее высечь кнутом, заклеить и пожизненно отправить на галеры; мадам де Ламот с веревкой на шее высечь кнутом, заклеить, обрить и пожизненно отправить в заточение; девицу д'Олива оправдать с

²²⁶ О памфлетной кампании против Марии-Антуанетты см. специальное исследование: Thomas Ch. La reine scélérate: Marie-Antoinette dans les pamphlets. Paris: le Seuil, 1989. P. 57-65, 135-138.

²²⁷ Верженн добился его экстрадиции (Funk-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 255-256, 260-261).

²²⁸ Deuxième interrogatoire de Rétaux de Villette. 5 mai 1786 // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 384-386; Troisième interrogatoire de Rétaux de Villette. 11 mai 1786 // Ibid. P. 409.

²²⁹ Deuxième interrogatoire de madame de Lamotte. 8-11 mai 1786 // Ibid. P. 389-402.

²³⁰ Georgel. Mémoires. T. II. P. 196.

²³¹ Mercy à Joseph II. 23 mai 1786 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau. T. 2. P. 24-25.

²³² О приговоре и о том, как он был вынесен см.: Funk-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 324-326, 332-338. Обо всем этом подробно написал Симолин в депеше от 22 мая/2 июня 1786 г. (АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 438. Л. 167-168).

формулировкой *hors de cour*, (то есть она признавалась хоть и невиновной в уголовном преступлении, но с пятном на репутации, что приблизительно соответствует нашему «оправданию за отсутствием доказательств»); с Калиостро все обвинения были сняты; кардинал де Роган объявлялся *hors de cour*. По мнению прокурора, кардинал должен был публично покаяться и его следовало лишить высоких должностей и сана, запретив пребывание при дворе и в королевских резиденциях.

Таковы были выводы прокурора, согласованные с первым президентом и некоторыми советниками парламента. 31 мая 1786 г. эти выводы стали предметом ожесточенных дебатов в парламенте, продолжавшихся с раннего утра почти до 11 часов вечера. В голосовании участвовали 49 человек. Мадам де Ламот единогласно признали виновной и приговорили к битью кнутом, клеймению и пожизненному заточению в тюрьму Сальпетриер; де Ламота заочно - к битью кнутом, клеймению и отправке на галеры пожизненно; Рето де Вилета – к изгнанию из страны, что явилось для него неожиданно мягким наказанием²³³; девицу д'Олива объявили *hors de cour* (невиновная, по мнению судей, в мошенничестве, она фактически содействовала этому мошенничеству, сыграв роль королевы в ночной сцене в парке), и Калиостро был оправдан. Споры шли о том, какой приговор вынести кардиналу. Судьи единогласно признали его невиновным в подлоге и похищении ожерелья, но при этом одни поддерживали требование королевского прокурора объявить Рогана *hors de cour*, а другие высказывались за полное его оправдание. Дискуссия подчас приобретала политический характер. Советник Робер де Сен-Венсан, выступавший за оправдание кардинала, произнес длинную речь, в которой были такие слова: «Всей корпорации магистратов следовало бы желать, чтобы заключения г-на королевского прокурора никогда не были произнесены. ...С каких это пор магистраты приемлют министерские заключения?» То есть он выражал открытое возмущение тем, что выводы прокурора продиктованы министром королевского дома бароном де Бретёем. Подобных оппозиционных выпадов в стенах парламента не звучало уже лет пятнадцать. В зале раздался ропот, и решительный Робер де Сен-Венсан еще раз повторил: «Да, господа, я сказал “министерские”»²³⁴. В конце концов, незначительным большинством голосов (26 против 23) кардиналу был вынесен оправдательный приговор.

Пока парламента совещался, его окружала многотысячная толпа. Весть об оправдании кардинала вызвала взрыв энтузиазма, свидетельствовавший о том, что в Рогане видели жертву произвола, спасенную – благодаря заступничеству парламента – от преследований со стороны королевы и министров.

Имперский посол Мерси-Аржанто отправил Иосифу II письмо, к которому были приложены следующие материалы: «Список парламентариев, голосовавших за *hors de cour*», «Список парламентариев, голосовавших за снятие обвинений» и «Подробности относительно высказавшихся в пользу оправдания с указанием предполагаемых мотивов, которые обусловили их мнение»²³⁵. Мерси-Аржанто был хорошо осведомлен о внутренних делах парламента благодаря близким отношениям с первым президентом д'Алигром. По-видимому, от д'Алигра он и получил эти сведения о голосовании, так как первый президент

²³³ Вилета следовало наказать гораздо строже, так как он был виновен в подделке писем королевы, то есть в оскорблении величества; аббат Жоржель обоснованно связывает странно мягкий приговор ему с оправданием кардинала: ведь именно признания Рето де Вилета сняли с кардинала подозрения в соучастии, и это обстоятельство могло привлечь судей на сторону Вилета (Georgel. Mémoires. Т. II. P. 199).

²³⁴ Funck-Brentano F. L'Affaire du Collier. P. 334-335.

²³⁵ Mercy à Joseph II, 12 juillet 1786 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau. Т. 2. P. 32-36.

сам собирал и подсчитывал голоса. Первые два документа представляют собой просто перечни фамилий. В них поименно названы все 26 магистратов, высказавшихся за оправдание, и 23, подавших голоса за *hors de cour*. Составитель (или составители) третьего документа излагает свои соображения относительно причин, побудивших каждого из 26 магистратов проголосовать за оправдание кардинала²³⁶.

Этот текст, в отличие от двух первых, доводит до нашего сведения не достоверные факты, а лишь субъективное мнение д'Алигра или кого-то другого. Автор не мог заглянуть в душу каждому из магистратов и потому во многих случаях его мнение, вероятно, ошибочно, но от этого не менее ценно. Нам важно знать, какие факторы, по мнению информированного современника, *могли* повлиять на исход голосования в парламенте и обусловить позицию того или иного магистрата.

«Подробности относительно высказавшихся в пользу оправдания...» таковы. *Президент де Розамбо* разорился и многократно обращался в финансовый департамент с просьбами о деньгах (автор документа намекал, что этот магистрат мог принять решение в пользу Рогана под давлением со стороны генерального контролера финансов Калонна). *Президент де Ламуаньон* связан с бывшим генеральным наместником парижской полиции Ленуаром, а через него – с Калонном. *Президент де Сен-Фаржо* принял решение под влиянием Ламуаньона и Розамбо. *Президент де Жильбер* многим обязан генеральному контролеру финансов, купившему для него имение за казенный счет. *Президент де Сарон* прислушался к мнению Ламуаньона. *Була* проголосовал за оправдание из-за своего племянника, казначея главных конюшен, у которого грозились отнять четырех лошадей, предназначенных для его личного пользования, в случае если его дядя проголосует против кардинала. *Фрето* приходился близким другом Тарже – адвокату кардинала де Рогана. *Д'Утремон* предан графине де Брионн (урожденной Роган-Рошфор). *Ланглуа* принял решение под влиянием д'Утремона и Фрето. *Урсен* приходился кузеном Ленуару и был предан Калонну. *Ламбер* подчинился мнению Фрето. *Паскье* зависел от генерального контролера финансов, так как обратился к нему с просьбой уменьшить плату за должность для сына. *Робер де Сен-Венсан* имел репутацию противника двора и одновременно был другом адвоката Тарже. *Бертен* подчинился Роберу де Сен-Венсану и Тарже. *Дельеши* связан с генеральным контролером финансов. *Амело* предан семье Морепа. *Де Лагийоми* пользовался благодеяниями дома Роганов. *Барийон* просил у генерального контролера финансов простить ему часть долга по капитации, которую он не платил уже несколько лет. *Де Бретиньер* – друг адвоката Тарже. *Де Жонвиль* предан семейству Роганов. *Лепилёр* проголосовал вслед за Барийоном. *Де Глатиньи* зависел от Ламуаньона. Относительно магистратов *Эрона, де Ламшиодьера, Дюбуа и Дюпора* автор «Подробностей» замечает: «Мы не знаем мотивов, которые обусловили их мнение»²³⁷.

Итак, в качестве вероятных мотивов голосования автор называет денежный или иной материальный интерес, принадлежность к клиентеле министра или вельможи, личные и дружеские связи, следование за мнением влиятельного магистрата и, наконец, нелюбовь к двору.

²³⁶ Мадам Кампан в своих мемуарах также упоминает некий попавший в руки королеве список членов парламента с указанием, каким именно образом друзьям кардинала удалось заполучить их голоса. По словам Кампан, приманками для почтенных судей служили, главным образом, женщины и крупные суммы денег. (Campan. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette. P. 463-464).

²³⁷ Ibid. P. 35-36.

Не меньший интерес представляют сведения о том, какие влиятельные лица, по мнению осведомленного современника, могли лоббировать в парламенте в пользу кардинала. В документе поименно названы генеральный контролер финансов Калонн, государственный советник и бывший генеральный наместник парижской полиции Ленуар, клан Роганов и клан Морепа. Действия этих людей были обусловлены двумя мотивами: защитой семейных интересов (Роганы и Морепа²³⁸) и принадлежностью к правительственной группировке, враждебной де Бретёю (Калонн, Ленуар, Морепа). Имя другого лидера этой группировки, де Верженна в документе не названо. По-видимому, он сам не оказывал давления на магистратов. Его роль в деле была иной – обеспечить явку свидетелей, нужных для защиты кардинала. И эта его деятельность была по достоинству оценена парламентом 31 мая. «Во время заседания гг. Фрето и д'Утремон воздавали пышную хвалу графу де Верженну, превознося то усердие, с коим сей министр предоставил Парламенту все сведения, способные прояснить истину в столь важном деле, и предоставил судьям возможность определиться в своем мнении»²³⁹.

Через несколько дней после своего оправдания кардинал по приказу короля был лишен должностей и сана и выслан в аббатство Шез-Дьё в Оверни. Калиостро изгнали из Франции, согласно другому королевскому приказу. Что касается мадам де Ламот, то она, как говорили, не рассчитывала на столь суровый приговор. По сообщению Симолина, «она, казалось, не ожидала, что с ней осмелятся поступить таким образом, ибо во время своего заточения в Консьержери она держала себя с полным спокойствием»²⁴⁰. Во время экзекуции она выкрикивала обвинения в адрес королевы и барона де Бретёя. Ее муж из Лондона требовал освободить супругу и угрожал в противном случае опубликовать некое сочинение, компрометирующее Марию-Антуанетту и де Бретёя²⁴¹.

Мадам де Ламот просидела в Сальпетриере около года, а затем среди бела дня сбежала, переодевшись мужчиной. Дерзкий побег преступницы не повлек за собой никакого расследования, и никто не был наказан. Современники по-разному оценивали случившееся: одни считали, что побег устроили по воле Марии-Антуанетты, убоившейся угроз графа де Ламота²⁴²; другие, напротив, утверждали, что это дело рук врагов королевы из клана Роганов²⁴³.

Приехав в Лондон к мужу, Ламот начала писать мемуары. Она утверждала, что вся интрига была сплетена по приказу Марии-Антуанетты, использовавшей невинную бедняжку Ламот как орудие своей мести кардиналу²⁴⁴. Слухи об этих записках вызвали волнение при французском дворе, и с несдающейся авантюристкой завязались секретные переговоры. Близкая подруга королевы герцогиня де Полиньяк прибыла в Англию под предлогом поездки на воды в Бат. У современников не было сомнений относительно истинных целей этой поездки. В обществе открыто говорили о том, что герцогиня

²³⁸ С кланом Морепа у Роганов были многочисленные семейные и личные связи (Browne R. The Diamond Necklace Affaire revisited. P. 24). Не будем забывать, что в свое время покойный «ментор» короля граф де Морепа в немалой мере содействовал блестящей карьере Луи де Рогана.

²³⁹ Mercy à Joseph II, 12 juillet 1786 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau. T. 2. P. 36.

²⁴⁰ Депеша от 12/23 июня 1786 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 438. Л. 191.

²⁴¹ Georgel. Mémoires. T. II. P. 208-209.

²⁴² Ibidem.

²⁴³ Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier, p.171-178.

²⁴⁴ Vie de Jeanne de St.Remy de Valois, ci-devant comtesse de la Motte ... écrite par elle-même. T. 1-2. 2ème éd. Paris, l'an premier de la République Française.

встречалась с Ламотами и заплатила им за молчание²⁴⁵. Однако супруги де Ламот всё же опубликовали мемуары в 1788 г. Двор скупил весь тираж. Книги были сожжены за исключением одного уцелевшего экземпляра, во время революции перепечатанного по приказу Национального Конвента и много раз переиздававшегося. Вслед за женой граф де Ламот тоже написал мемуары, полные обвинений против королевы. Его записки попали в архивы полиции, долгие годы там хранились и были опубликованы в середине XIX в.²⁴⁶.

Конец мадам де Ламот был плачевным: в 1791 г. она погибла, то ли выбросившись, то ли выброшенная из окна с третьего этажа. Впрочем, даже смерть поставила в невероятной судьбе этой женщины не точку, а вопросительный знак. Ходили легенды, что предполагаемая кончина явилась лишь инсценировкой, и Жанна де Ламот дожила до глубокой старости. Ее супруг впоследствии вернулся во Францию, где не подвергался никаким преследованиям и умер в нищете в 1831 г.

Историки XIX в. в деле об ожерелье больше всего интересовал вопрос о том, какую роль на самом деле играла в нем Мария-Антуанетта. Одни авторы полностью отметали какие бы то ни было подозрения о причастности королевы к делу²⁴⁷. Другие считали, что многочисленные странные обстоятельства этого дела можно объяснить, только допустив причастность к нему Марии-Антуанетты. По их мнению, устроить кардиналу подобную жестокую мистификацию было бы вполне во вкусе капризной и неосторожной государыни. При этом у авантюристки де Ламот мог созреть план извлечь максимальную выгоду из интриги, орудием которой она стала, и похитить бриллиантовое ожерелье²⁴⁸.

Что же это за странные обстоятельства, на основании которых некоторые историки делали вывод о причастности королевы к делу? По их мнению, кардинал в этой истории выглядит неправдоподобно наивным. Не мог же он так долго верить, что он в фаворе у королевы, не имея тому достаточно веских доказательств! В ответ на это защитники королевы выдвигают соображение психологического свойства: человек способен поверить самым нелепым небылицам, если ему очень хочется в них верить.

Много странностей было и в поведении Ламотов. Они явно ничего не боялись: не заплатили девице д'Олива всего обещанного вознаграждения за ночную сцену в версальском парке и не опасались, что та в отместку проговорится. Мадам де Ламот вообще вплоть до самой развязки вела себя так, как будто ей ничто не угрожает, и не ожидала для себя сурового приговора. Почему супруги не скрылись сразу же, как только драгоценность оказалась у них в руках? Обличители королевы утверждают, что Ламоты рассчитывали на поддержку со стороны Марии-Антуанетты. Однако защитники королевы объясняют это иначе и, на мой взгляд, вполне убедительно. Вплоть до самого ареста кардинала Ламоты

²⁴⁵ Ibidem. Находясь в это время во Франции Наталия Петровна Голицына посвятила делу об ожерелье несколько страниц своего дневника и поведала о разного рода слухах, распространявшихся во французском высшем обществе. Голицына напрямую связывает угрозы Ламота опубликовать памфлет под названием «Секреты Антуанетты», беспрепятственный побег его жены из Сальпетриера и последовавшую затем поездку герцогини де Полиньяк в Англию с целью уладить дело и купить опасную рукопись. См.: Голицына Н.П. *Remarques sur mes voyages* (дневник путешествия по Европе 1783-1790 гг.) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 64 Вязёмы. К. 113. Ед. 1. Л. 68.

²⁴⁶ Michelet J. *Histoire de France*. Т. 19. Р. 294; Larousse. *Grand dictionnaire du XIXème siècle*. Т. 4. Р. 618.

²⁴⁷ Campardon E. *Marie-Antoinette et le procès du collier*; Chaix d'Est-Ange. *Marie-Antoinette et le procès du collier, suivi du Procès de la reine Marie-Antoinette*. Paris, 1889; Funck-Brentano F. *L'Affaire du Collier*. Как заявил Кампардон, цель его научных исследований – «отомстить за королеву и очистить ее от клеветы, которую распространяли против нее современники и с чрезмерной готовностью подхватили некоторые современные историки» (Campardon E. *Marie-Antoinette et le procès du collier*. Р. VII).

²⁴⁸ Michelet J. *Histoire de France*. Т. 19. Р. 249-296; La Grande Encyclopédie. Т. 11. Р. 967-969; Larousse. *Grand dictionnaire universel du XIXème siècle*. Т. 4. Р. 614-618.

могли жить спокойно в надежде, что кардинал, узнав, что подпись королевы подделана, предпочтет заплатить за ожерелье из своего кармана, лишь бы избежать громкого скандала, который несомненно вызовет его участие в столь темном деле²⁴⁹. Девуцу д'Олива можно было припугнуть тем, что именно она сыграла главную роль в ночном спектакле и потому ей еще больше, чем Ламотам, следовало бы опасаться огласки. Что же касается поведения мадам де Ламот во время следствия и экзекуции, то сведения о нем имеют своим источником слухи и не могут считаться вполне достоверными.

Таким образом, в поступках главных действующих лиц была логика независимо от того, участвовала королева в плетении интриги или нет. Труднее найти объяснение некоторым обстоятельствам дела. Так, ночное свидание происходило в парке, огороженном решеткой. На ночь ворота версальского парка запирались, их охраняла стража, и проникнуть в парк без специального разрешения было нельзя. Как же удалось организовать это свидание? Кто помог Ламотам и кардиналу пройти ночью в парк? Следствие не дало ответов на эти вопросы. Историки, взявшие на себя труд защищать честь королевы, обходили их стороной.

Осталось неясным, кто помог Ламот бежать из заточения. Наконец, непонятно, куда делось ожерелье. Ясно, что его расчленили. Отдельные камни продали Ламоты, но большая часть бриллиантов им наверняка не досталась, так как в Лондоне они жили бедно и источником доходов для них была продажа порочащих королеву памфлетов²⁵⁰. Зная их образ жизни и вызывающую расточительность до ареста, трудно предположить, что эти люди были способны терпеть нужду, обладая несметными богатствами.

Никто из историков не принимал всерьез тех обвинений, которые обрушила на голову несчастной Марии-Антуанетты мадам де Ламот. С гораздо большим доверием исследователи прислушивались к мнению аббата Жоржеля. По его словам, королева заранее знала об афере с ожерельем. Историки, желавшие обвинить королеву в соучастии, обязательно цитировали то место из его мемуаров, где он описывает свою встречу с Бассанжем в 1797 г. В ходе этой встречи ювелир будто бы по секрету признался, что королева была осведомлена о переговорах относительно покупки ожерелья²⁵¹. Но эти сведения нельзя безоговорочно принимать на веру, так как Жоржель не был беспристрастным очевидцем. Это ярый защитник кардинала, стремящийся в своих мемуарах во что бы то ни стало доказать, что люди из окружения королевы (прежде всего де Бретей) затеяли интригу с целью погубить де Рогана. Иногда Жоржель явно подстраивает факты под свою концепцию²⁵².

Одним словом, всех перечисленных труднообъяснимых фактов совершенно недостаточно для того, чтобы сделать окончательный вывод об участии королевы в деле или

²⁴⁹ См., напр.: Campan. Mémoires sur la vie de Marie-Antoinette. P. 219.

²⁵⁰ Michelet J. Histoire de France. T. 19. P. 293.

²⁵¹ Georgel. Mémoires. T. II. P. 66-68.

²⁵² В частности, он переносит ночное свидание на лето 1785 г., когда ожерелье уже было приобретено (Georgel. Mémoires. T. II. P. 81-85). По мнению Жоржеля, это свидание имело целью убедить кардинала в том, что договор о продаже ожерелья был подписан королевой. Однако согласно показаниям на допросе самого кардинала и других участников ночной сцены, она имела место годом раньше, то есть летом 1784 г., задолго до начала каких бы то ни было разговоров об ожерелье (см.: Premier interrogatoire de M. le cardinal de Rohan // Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P. 209; Premier interrogatoire de Rétaux de Villette // Ibid. P. 361-363).

об ее осведомленности²⁵³. Впрочем, раскрыть все тайные пружины и обстоятельства этого дела, возможно, так никогда и не удастся.

Но дело об ожерелье привлекает внимание не только своей загадочностью. К цитированным в начале статьи словам Гёте добавим мнение графа Мирабо, согласно которому дело явилось «прелюдией к революции»²⁵⁴. Его значение станет ясно при сравнении с уже упоминавшимся аналогичным делом Каюэ де Вилле. В двух историях можно заметить как явные параллели, так и столь же заметные расхождения. Что их объединяло? Во-первых, в обоих случаях главным действующим лицом была авантюристка, ссылавшаяся на свои близкие отношения с королевой Франции. Во-вторых, суть аферы (в деле об ожерелье часть аферы) состояла в получении у частных лиц денег взаймы якобы для королевы. В-третьих, подделывалась подпись Марии-Антуанетты. В-четвертых, и в том и в другом случае часть общества не довольствовалась официальной версией происшествия и поддерживала компрометиовавшие королеву слухи.

Отличалось одно дела от другого тем, что, во-первых, афера с ожерельем была гораздо масштабнее. В ней участвовало несколько человек, тогда как Каюэ де Вилле действовала в одиночку. Во-вторых, если среди подозреваемых в первом деле фигурировали только казначей королевского двора (полностью оправданный) и его супруга, то в дело об ожерелье оказался втянутым кардинал де Роган. Одно это обстоятельство придавало делу больший общественный резонанс, создавало угрозу влиянию клана Роганов и порождало надежды на возвышение у их соперников, то есть уголовный процесс приобретал политическое значение. В-третьих, дело Каюэ де Вилле разбирала чрезвычайная комиссия, а дело Рогана и Ламот – Парижский парламент. Наконец, четвертое различие состояло в том, что дело Каюэ де Вилле оказалось благополучно забытым еще в XVIII в., вытесненное из памяти современников и потомков более громкими событиями, тогда как дело об ожерелье на протяжении двухсот с лишним лет привлекает к себе внимание как нечто необычное и очень важное. Почему?

Дело об ожерелье оказало сильное влияние на умонастроения французов. Какую бы роль ни играла в нем Мария-Антуанетта, ее дискредитация в общественном мнении в результате дела не вызывает сомнений. Если говорить о влиянии этого скандала на общественное мнение, то следует подчеркнуть два обстоятельства. Прежде всего, памфлетная война против Марии-Антуанетты достигла тогда такого накала, какой будет превзойден только в годы революции. В многочисленных брошюрках, изданных в то время, были уже высказаны все чудовищные обвинения в адрес королевы, которые потом переключались в газету Эбера «Пер Дюшен». Революционная публицистика не изобрела по сути ничего нового²⁵⁵. Кроме того, в результате скандала стало очевидным, что памфлетная кампания против королевы, которая велась уже несколько лет, принесла результаты. В это время впервые отчетливо проявились симптомы характерной для умонастроений революционных лет всеобщей ненависти к «австриячке». То, о чем раньше писали в запрещенных анонимных памфлетах, теперь было фактически официально признано в приговоре Парижского парламента. Оправдав вчистую кардинала, парламент как бы заявил,

²⁵³ Предположение, что Мария-Антуанетта участвовала в интриге против Рогана, если и снимает какие-то вопросы, то при этом ставит новые. Как мог король вынести это дело на суд парламента, зная об участии в нем своей супруги? Или король ничего не знал? Почему в таком случае королева с ним не объяснилась и поставила на карту свою репутацию?

²⁵⁴ Funck-Brentano F. L'Affaire du collier. P. 1.

²⁵⁵ В этом убеждает цитированное выше исследование Шанталь Тома (Thomas Ch. La reine scélérate).

что подданный королевы мог рассчитывать на тайную переписку и ночное свидание с ней. Репутации королевы был нанесен непоправимый, смертельный удар, ее дискредитация обрела силу закона. Впервые государственное учреждение повело себя по отношению к ней столь неуважительно. А Парижский парламент успешно выступил в роли заступника от произвола, которую он в скором времени возьмет на себя в период предреволюционного кризиса 1787-1788 гг.

Помимо политической порнографии, направленной против Марии-Антуанетты, в связи с делом об ожерелье было сказано и написано немало резких слов в адрес министров короля и всего политического устройства Франции. В памфлетах поднимался вопрос о гражданской свободе и «министерском деспотизме». Духовенство, защищая свои судебные привилегии, использовало одновременно традиционалистскую и гражданско-правовую риторику. Через десять с лишним лет после дискуссий вокруг парламентской реформы Мопу 1771-1774 гг. впервые снова зазвучала резкая критика правительства.

В июне 1786 г. высланный из Франции и разбитый этим Калиостро пишет из Лондона письмо своему французскому знакомому. Он выражает гневное возмущение по поводу «летр де каше» – дурного обычая, который дает простор чудовищному произволу таких министров, как барон де Бретей, и позволяет им обманывать своего доброго, но слабого короля. «Как, друг мой, ваша личность, ваше имущество, - всё отдано на милость одного этого человека! Он может безнаказанно обманывать короля; на основании клеветнических сведений, которые некому опровергнуть, он может схватить, сослать, поручить подобным ему людям или не отказать самому себе в ужасном удовольствии привести в исполнение жестокий приказ, бросающий невинного в темницу и отдающий его дом на разграбление! - Калиостро уверен в том, что король и парламенты отменят *lettres de cachet*; таким образом французы получат свободу из рук своего короля, и это явится «счастливой революцией», - Да, друг мой, заявляю вам: у вас будет царствовать государь, который прославит себя отменой *lettres de cachet*, созывом ваших генеральных штатов и в особенности восстановлением истинной религии. [...] Может быть это время уже пришло; по крайней мере, несомненно, что ваш суверен способен на сей великий труд. Я полагаю, что он этим займется»²⁵⁶. В этом письме, написанном за восемь месяцев до созыва первого собрания нотаблей и до начала публичной дискуссии о необходимости глубоких социально-политических реформ, уже содержатся основные элементы предреволюционного антиабсолютистского дискурса: во Франции нет свободы, царит чудовищный министерский произвол, дальше так жить нельзя, нужны реформы, необходимо гарантировать свободу личности, противостоять произволу министров способны парламенты, следует также созвать Генеральные штаты.

Дело об ожерелье повлияло и на расстановку сил внутри правящей элиты. Это влияние было двояким: дело кое-что обнаружило и кое-что изменило. Оно обнаружило, насколько далеко зашло соперничество фракций в правительстве. Короля в этот момент, по сути, предали два его лучших министра – Верженн и Калонн, которым он доверял больше, чем кому бы то ни было.

Кроме того, дело нанесло непоправимый удар по сложившейся в правление Людовика XVI политической структуре. Министры короля, действуя в своих собственных интересах и сводя личные счета, разрушили «министерскую партию», с помощью которой

²⁵⁶ Traduction d'une lettre écrite par M-r le C-te de Cagliostro à M... // Bibliothèque de l'Arsenal. Archives de la Bastille. 12.457. Affaire du collier. P. 21-22.

правительство руководило Парижским парламентом на протяжении первых десяти лет царствования Людовика XVI²⁵⁷. После этого парламентская оппозиция действиям правительства усилилась, а бороться с ней стало труднее, что сказалось в недалеком будущем на печальной судьбе реформ Калонна. Прогремевшие в стенах парламента антимиистерские выпады Робера де Сен-Венса, не говоря уже о принятом судом решении, оскорбительном для королевы, явились предвосхищением борьбы парламента за гражданскую свободу и его оппозиции абсолютной монархии в 1787-1788 гг. Скоро выяснится, что прежнее правление стало невозможным, и для принятия плана реформ король будет вынужден созвать собрание нотаблей. В результате скандального уголовного дела возникнет правительственный кризис, хотя до поры до времени он еще не был очевиден.

Когда в мае 1774 г. на французский престол взошел молодой король Людовик XVI, это породило в обществе большие надежды на перемены к лучшему. В мае 1789 г. созыв Генеральных штатов снова вызвал в стране подъем энтузиазма и самых радужные иллюзии. Людовика XVI стали называть «восстановителем французской свободы». Однако эта весна надежд уже сильно отличалась от той весны пятнадцатилетней давности. Франция переживала острый революционный кризис. К нему привела длинная цепь событий, начало которой уходит гораздо дальше 1774 г. Он был вызван как глубинными причинами, органически связанными с самим характером монархии Бурбонов, так и осложнениями, порожденными политикой правителей Франции на протяжении XVIII в. Наконец, у него были и непосредственные предпосылки, коренящиеся в истории последних предреволюционных полутора десятилетий. Мы рассмотрели лишь одно звено этой бесконечно длинной цепи. Какую же роль сыграло отдельное маленькое, но роковое событие в судьбе страны? Этот казус пролил свет на сложившуюся ситуацию и показал, что авторитет королевы пал уже неприлично низко (а это, конечно, сказывалось и на авторитете самого короля), что даже лучшие из министров ставят личные интересы выше королевских и государственных, что среди аристократии, духовенства, в парламенте и в Париже в целом распространяются оппозиционные настроения. Тайное стало явным, а то, что и раньше не составляло тайны, но существовало как наметившаяся тенденция, теперь превратилось в свершившийся факт. Обнаружившиеся в связи с делом об ожерелье развал «министерской партии», строптивость парламента и полная дискредитация королевы повлияли на поведение современников в ходе дальнейших событий. Таким образом, данный казус явился ключевым эпизодом в истории формирования предреволюционного общественного мнения и предреволюционной расстановки политических сил.

²⁵⁷ Нельзя, разумеется, утверждать, что «министерская партия» в парламенте была уничтожена исключительно в результате дела об ожерелье. Но дело в немалой мере этому способствовало. Во всяком случае, до процесса над Роганом эта партия еще существовала, и сам факт ее существования явился одним из мотивов, побудивших де Бретёя и Людовика XVI вынести дело на суд парламента. Вскоре после процесса от «министерской партии» не осталось и следа. Характерно, что историк, исследовавший парламентскую оппозицию абсолютизму в предреволюционные 1787-1788 гг., уже не упоминает о ней (Egret J. La Pré-révolution française. 1787-1789. Paris, 1962. P. 147-203).

Фильм Тома Хупера «Король говорит!» («*The King's Speech*») поведал зрителям о настойчивых и долгое время безуспешных попытках короля Георга VI избавиться от заикания. Герой Колина Фёрта считал себя неспособным занять престол из-за этого недостатка, никоим образом не ставящего под сомнение его интеллектуальные и волевые качества. Действительно, в XX веке, когда регулярные выступления перед массовой аудиторией превратились в неотъемлемую часть политической жизни, а радио – в общедоступное средство информации, способность главы государства твердым голосом произнести воодушевляющую речь, сильный и богатый оттенками голос, ораторские данные являлись важными элементами его образа и слагаемыми успеха (или неуспеха, в случае отсутствия таковых).

Но это не значит, что звучащее слово политического лидера обрело значение лишь с наступлением эры радио и микрофонов. Речь и раньше была важна, при условии публичного характера политики, в частности, в рамках парламентской культуры. Во Франции переход к публичной политике совершился во время Революции конца XVIII в. Когда весной 1789 г. в Версале собрались Генеральные штаты, депутаты, до того в округах оживленно обсуждавшие пути выхода из финансового кризиса и программы реформ, неожиданно столкнулись с практической проблемой: чтобы реализовать свои планы, им следовало уметь говорить и быть услышанными. В результате на авансцену выдвинулись, в первую очередь, те из них, кто уже обладал опытом публичных выступлений (адвокаты, священники, члены масонских лож) и/или, подобно Оноре-Габриэлю Мирабо, от природы был наделен звучным голосом и ораторским даром²⁵⁹.

Король, созвав Генеральные штаты, создал, таким образом, и с этой точки зрения принципиально новую для себя ситуацию. Был ли он к ней готов и мог ли быть готов? Какую роль в образе короля традиционно играло звучащее слово и вообще звуковая составляющая? Где, когда и как звучала и воспринималась речь короля при Старом порядке и после 1789 г.? Обо всем этом пойдет речь в статье.

* * *

Темы образа короля и репрезентации монаршей власти давно уже заняли видное место в историографии. Основные подходы и направления исследований были намечены в классической работе Луи Марена «Портрет короля». Репрезентируемый образ, или, иными словами, «портрет» короля, согласно Марену, складывается из двух составляющих, визуальной и дискурсивной: «Итак, с одной стороны, икона, которая есть реальное и «живое» присутствие монарха; с другой – повествование, которое навсегда увековечивает память о нем»²⁶⁰. Зримый образ (будь то сам король или его изображение) и текст, повествующий о короле, – об этих двух сторонах «портрета» короля размышлял Марен, и они же впоследствии не раз становились предметами исторических исследований.

²⁵⁸ Впервые опубликовано: Французский ежегодник. 2015: к 225-летию Французской революции / под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 63-94.

²⁵⁹ О начавшейся борьбе за лидерство и о значении ораторских способностей депутатов для их политической карьеры см.: Lemay E.H., Patrick A. *Revolutionaries at work: The Constituent Assembly, 1789-1791*. Oxford: Voltaire Foundation, 1996. P. 5-7; Tackett T. *Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 226-234.

²⁶⁰ Marin L. *Le portrait du roi*. Paris: Les Editions de Minuit, 1981. P. 13.

Осмысление репрезентации как, в первую очередь, визуального и лишь во вторую – аудиального феномена устойчиво. С этой точки зрения, современные исследователи не отличаются от людей XVII-XVIII вв., что станет ясно, если мы обратимся к словарям и энциклопедиям того времени. Согласно «Словарю Французской академии», термин «репрезентация» может обозначать либо действие, либо предмет. Репрезентация как действие есть «выставление напоказ, перед глазами», а кроме того, этим же словом называют «вещи, которые изображают, будь то кистью или словесно (*par le discours*)»²⁶¹. В «Словаре Треву» содержание понятия «репрезентация» объяснялось, по сути, так же, только более обстоятельно: во-первых, как «образ, который восстанавливает в нашем сознании и в памяти отсутствующие предметы и рисует нам их такими, каковы они суть» (в качестве синонимов предлагались «изображения» и латинские термины *species, imago, simulacrum*); во-вторых, как «картина, рисуемая посредством рассказа о поступке или о правдивой либо вымышленной истории»²⁶².

Нельзя сказать, чтобы слова, произносимые не о короле, а самим королем, оставались вне поля зрения. Тот же Марен, говоря о портрете короля, представленном в книге Вольтера «Век Людовика XIV», указывает на то, что этот портрет создавался путем не только описания внешнего вида монарха, но и введения в авторский текст прямой речи: «Речь государя, которую нам здесь предлагают читать в ее непосредственной подлинности – “собственные его слова”, - включенная между тем в историческое повествование в качестве одного из эпизодов, производит в самом рассказе историка и в его комментариях *иконический эффект*: тело молодого Людовика предстает поистине королевским телом – величественная осанка, благородные черты, тон и вид повелителя – при помощи *передаваемой* речи и окружающих обстоятельств»²⁶³. Но за исключением этого эпизода Марен строит свои рассуждения на основе анализа литературных текстов различных жанров, изображений, топографии Парижа и Версаля и сценографии придворных празднеств с точки зрения их роли в создании *портрета* короля, а портрет по определению предназначен, главным образом, для визуального восприятия.

Конечно, при изучении речей, произнесенных в эпоху до изобретения средств звукозаписи, мы вынуждены полагаться лишь на отрывочные и в значительной мере косвенные свидетельства, причем такие, которые оказались письменно зафиксированными. На значение этой проблемы обратил внимание автор сравнительно недавно защищенной диссертации о дипломатии начала XVIII в. «Хотя историк и остается заложником источников, которыми располагает, - подчеркнул он [...], - написанный текст не должен затушевывать роль устных разговоров, доверительных бесед и всего того, что было сказано, но не записано»²⁶⁴. Звуки устной речи тех далеких времен для нас безвозвратно умолкли. Мы можем лишь попытаться реконструировать их по сохранившимся свидетельствам: записанным текстам самих устных речей и впечатлений от них, описаниям голосов, музыки и шумов. Но при всей несомненной трудности подобного исследования ничего невозможного в нем нет. С методологической точки

²⁶¹ Dictionnaire de l'Académie française. Paris: J. B. Coignard, 1694. T. 2.

²⁶² Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et l'autre langue, avec leurs différents usages, que des termes propres de chaque état et de chaque profession, communément appelé «Dictionnaire de Trévoux». Nancy: chez P. Antoine, 1740. T. 5. P. 1480-1481.

²⁶³ Marin L. Op. cit. P. 20.

²⁶⁴ Hanotin G. Au service de deux rois: L'ambassadeur Amelot de Gournay et l'union des couronnes (1705-1709). Thèse soutenue à l'Université Paris-Sorbonne le 3 décembre 2011. Positions de thèse // http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/Positions_de_these_Hanotin.pdf

зрения, реконструировать исчезнувшие звуки не сложнее, чем запахи²⁶⁵. Предметом коллекционирования и изучения давно уже стали выкрики парижских разносчиков и мастеровых, знаменитые «*les cris de Paris*»²⁶⁶. Если же обратиться к теме звуковой репрезентации власти в раннее Новое время, то можно вспомнить книгу Мишель Фожель о ритуале публикации королевских указов во Франции, - автору удалось показать роль звуковых элементов – молитвенного пения, прорезавших тишину фанфар и голоса глашатая – в создании эффекта незримого присутствия короля²⁶⁷.

Каково же было значение слова, речи в осуществлении и репрезентации королевской власти при Старом порядке? Если судить о норме по словарным статьям, то речь выглядит, скорее, «некоролевским делом». Автор статьи «Речь» (*Discours*) в «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера Жан-Франсуа Мармонтель разделяет речь в строгом и широком смысле этого слова. Речь в строгом смысле слова, по Мармонтелю, - это произведение ораторского искусства, «подготовленная для публичных и выдающихся случаев совокупность фраз и суждений, объединенных и расположенных согласно правилам», а речь в широком смысле слова – любое выступление, адресованное широкой публике, например, выступление адвоката в суде, проповедь священника, панегирик, надгробное слово, торжественное приветствие, академическая лекция или упражнение студента в красноречии. Все речи, «даже чисто декоративные, подобные тем, что произносятся при приеме или чествовании академиков», должны соответствовать «общепринятым понятиям об истинном красноречии» и, самое главное, «быть трогательными [...], прочувствованными и пробуждать добрые чувства уважения к принимаемым в члены академий, скорби по ушедшим, благодарности за их труды и добродетели»²⁶⁸. То есть речь у Мармонтеля представлена как профессиональная компетенция, характерная преимущественно для академической и адвокатской среды.

Статья «Слово» (*Parole*) в «Словаре Треву», при всей ее лаконичности, вносит в трактовку понятия дополнительные смыслы. Во-первых, в ней примечательно противопоставление написанного или печатного слова произнесенной речи в пользу последней как более живой и действенной: «Слова на бумаге подобны мертвому телу, распростертому на земле; в устах того, кто их произносит, они живут и действуют; на бумаге они безжизненны»²⁶⁹. Во-вторых, приводя в качестве примера словоупотребления фразу «Этот магистрат обладает большим даром слова, чем светский человек», авторы

²⁶⁵ См.: Corbin A. *Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe-XIXe siècles*. Paris: Flammarion, 1986 (1-е изд. 1982). Об истории чувств, их проявления и восприятия см. также: Classen C. *Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and across Cultures*. London: Routledge, 1993; *The Senses in History // American Historical Review*. April 2011. № 116 (2); Smith M.M. *Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History*. Berkeley: University of California Press, 2008. Современные исследователи образов особо подчеркивают необходимость «вырвать из когтей забвения акустическое измерение» (Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре* / перев. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 435-437).

²⁶⁶ См., напр.: Kastner J.-G. *Les Voix de Paris. Essai d'une histoire littéraire et musicale des cris populaires de la capitale depuis le Moyen Age jusqu'à nos jours, précédé de considérations sur l'origine et le caractère du cri en général et suivi de «Les cris de Paris», grande symphonie vocale et instrumentale*. Paris: G. Brandus, Dufour et Cie, 1857; Fournel V. *Les Cris de Paris, types et physionomies d'autrefois*. Paris: Firmin-Didot, 1887; Milliot V. *Les cris de Paris ou Le peuple travesti: les représentations des petits métiers parisiens, XVIe-XVIIIe siècles*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1995.

²⁶⁷ Fogel M. *Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIIe siècle*. Paris: Fayard, 1989.

²⁶⁸ *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres*. T. 4. A Paris, 1754. P. 1033-1034.

²⁶⁹ *Dictionnaire de Trévoux*. T. 5. P. 558. Генеральные адвокаты, наряду с генеральным прокурором, являлись «людьми короля» (*les gens du roi*) в парламентах и выступали там от его имени.

словаря включают в число субъектов, произносящих слова и речи, наряду с академиками и адвокатами, «светского человека», пусть он и уступает судье в красноречии. Наконец, в другой фразе-примере «Генеральные адвокаты имеют слово, чтобы выступить от лица Короля», в статье появляется фигура короля, который, правда, сам не говорит, а перепоручает свое слово генеральным адвокатам, уполномоченным выступать от его лица.

Входило ли умение говорить в число признанных королевских доблестей? Такой теоретик монаршей власти, как Ж.-Б. Боссюэ называл его в ряду необходимых королю качеств, ссылаясь при этом на тексты Священного Писания: «Изделие хвалится по руке художника, а правитель народа считается мудрым по словам его»²⁷⁰. Всё в короле, по мысли Боссюэ, должно быть величественным, включая и его речи. Его слова должны быть желанны, им следует внимать в благоговейном безмолвии, как словам Иова в лучшие дни его жизни, когда его окружали слава и почет. «После слов моих уже не рассуждали; речь моя капала на них»²⁷¹, - цитирует Боссюэ «Книгу Иова». То есть король не говорит, а источает речь, как драгоценное миро. Свои мудрые речи королю следует произносить не слишком часто и только в подобающий момент, ибо «иной пустослов уязвляет, как мечем, а язык мудрых – врачует. Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою; а кто широко раскрывает свой рот, тому беда»²⁷². Все дела в королевстве можно уладить и привести в порядок с помощью мудрого слова. Особенно это важно бывает в конфликтных ситуациях, когда требуется успокоить недовольных и привлечь их на свою сторону – и в подтверждение своей мысли Боссюэ приводит целый ряд подходящих сентенций из разных книг Священного Писания. Завершая свои рассуждения о речах короля, Боссюэ вновь обращается к тому, с чего начал, – к «Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова». Комментируя взятые из нее слова: «В устах глупых — сердце их, уста же мудрых — в сердце их»²⁷³, - Боссюэ предостерегает короля от «недержания речи», ибо тот, кто разглагольствует, «распалается и запутывается в дебрях»; тот же, кто «предусмотрительно умерен в словах», «точно всё взвешивает и говорит лишь то, что хотел сказать»²⁷⁴. То есть мудрое слово короля, по Боссюэ, - это орудие управления, пользоваться которым следует с умением и осторожностью.

В трактовке Ф. Фенелона речи короля лишены того ореола сакральности, каким их окружил Боссюэ, но с рациональной точки зрения политической целесообразности их значение не умалется. Королю-арбитру, образ которого автор создал в «Телемаке», необходимо владеть словом, чтобы убедительно излагать свои доводы. «Короли должны договариваться со своими подданными»²⁷⁵, - утверждал Фенелон устами Ментора. Идеальный правитель, о котором говорит автор, – это «любезный посредник, а не суровый судья. Его решениям не подчиняются слепо, но испытывают к нему глубокое почтение; он не выносит приговор как высший судья, но делает предложения, и по его советам все готовы чем-нибудь пожертвовать ради сохранения мира»²⁷⁶. Кроме того, чтобы управлять своими подданными, королю следует хорошо их знать, а для этого с ними надо общаться и разговаривать. Но при этом мудрому королю не подобает быть многоречивым, каждое

²⁷⁰ Сир. IX, 24.

²⁷¹ Иов. XXIX, 21-22.

²⁷² Прит. XII, 18; XIII, 3.

²⁷³ Сир. XXI, 29.

²⁷⁴ Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Ouvrage posthume de messire Jacques-Bénigne Bossuet. Paris: P. Cot, 1709. P. 160-161.

²⁷⁵ Fénelon F. de. Oeuvres de Fénelon. Télémaque. Paris: N. Chaix, 1864. P. 472.

²⁷⁶ Ibid. P. 458.

его слово должно быть на вес золота. Ментор приводит Телемаку в пример его отца Улисса, у которого «мудрость, подобно печати, всегда держит его уста замкнутыми от любого бесполезного слова»²⁷⁷. Рассуждения Фенелона представляют для особый интерес, так как это был любимейший автор Людовика XVI; он оказал сильное влияние на формирование взглядов будущего короля, который посвятил ему одно из своих юношеских сочинений²⁷⁸.

Как обычно бывает, практика сильно отличалась от теории. Обучение искусству публично говорить не входило в программу воспитания будущего монарха. Людовик XVI, получивший гораздо более солидное и разностороннее образование, чем его предшественники, основательно изучал языки, математику, физику, географию, право, историю, мораль, но к искусству красноречия интереса не проявил, а его воспитатели тоже не позаботились о том, чтобы развить у будущего государя умение говорить с подданными²⁷⁹. Не нашлось среди них и такого образцового придворного, подобного гувернеру Людовика XV маршалу Франции герцогу де Вильруа, который настойчиво вырабатывал у своего августейшего воспитанника величественную королевскую осанку и привычку следовать этикету²⁸⁰. А развивать у него подобные навыки следовало бы, потому что от природы он был застенчив, робок, неловок и необщителен. Понимая это, его тетка Мадам Аделаида пыталась всячески растормошить дофина, приговаривая: «Говори же, герцог Беррийский²⁸¹, говори всё, что вздумается, кричи, ругайся, поднимай шум и гам, как твой брат д'Артуа, перебей у меня посуду, и пусть о тебе говорят!»²⁸². Но его гувернер герцог де Ла Вогийон видел свою задачу в том, чтобы воспитать наследника престола набожным, добросердечным, справедливым и твердым. Вопросами репрезентации он, как видно, пренебрегал.

Прилежный ученик усвоил уроки наставника. В юношеских тетрадях он записал, что мудрый, справедливый и богобоязненный государь должен противостоять безбожному и непомерно свободному духу своего века²⁸³. В его размышлениях о природе королевской власти постоянно возникают образы короля-отца и короля-вождя: «Все подданные короля – это его дети [...]. Король – это отец большого семейства [...]. Государь – отец и вождь нации»²⁸⁴. Разумеется, красноречие не считается главной отцовской добродетелью, и власть отца семейства держится не на речах. Уподобляя отношения короля с подданными семейным узам, будущий монарх трактует их как естественные и неразрывные. Впрочем, и в семье полезно умение договариваться, находить общий язык. Тем более эти качества требуются вождю, чьи отношения с введомой им нацией по определению строятся иначе, нежели отношения отца с детьми, и подразумевают обладание личной харизмой. Трудно сказать, задумывался ли наследник престола о подобных различиях, оперируя этими образами в своих записках. Возможно,

²⁷⁷ Ibid. P. 486.

²⁷⁸ Maximes morales et politiques tirées de Télémaque, sur la science des rois et le bonheur des peuples, imprimées en 1766 par Louis-Auguste, Dauphin. Paris: Dauthereau, 1826.

²⁷⁹ Girault de Coursac P. L'Education d'un roi, Louis XVI. Paris: Gallimard, 1972 ; Lever E. Louis XVI. Paris: Fayard, 1985. P. 28-48; Petitfils J.-C. Louis XVI. Paris: Perrin, 2005. P. 36-39.

²⁸⁰ Antoine M. Louis XV. Paris: Fayard, 1989. P. 55-66.

²⁸¹ Титул, который носил будущий Людовик XVI до восшествия на престол.

²⁸² Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. 6 vol. Paris: Treuttel et Würtz, 1801. T. II. P. 39.

²⁸³ Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. 2 vol. Paris, 1864. T. I. P. 300.

²⁸⁴ Ibid. P.201, 212, 241.

если и задумывался, они не представлялись ему сколько-нибудь значительными, потому что от Бога наделенный наследственной абсолютной властью король соединял в себе все ее четыре «чистых типа»: власть Отца, Вождя, Господина и Судьи²⁸⁵.

* * *

Произносить публичные речи королю полагалось во время государственных и придворных церемоний. При концентрической, центростремительной организации государства Старого порядка, когда королевский двор являлся центром страны²⁸⁶, обращаясь к избранной публике, король говорил со всеми подданными, представленными в их лице.

Такое обращение короля к народу состоялось во время обряда помазания и коронации в кафедральном соборе Реймса 11 июня 1775 г. Сложная многочасовая церемония начиналась с того, что монарх произносил тексты пяти клятв Богу, Церкви и народу Франции. В их число входили обещание хранить привилегии Церкви, Королевская клятва (поддерживать церковный мир, не допускать беспорядков и беззакония, править справедливо и гнать еретиков), клятвы Великого магистра Ордена Святого Духа и Великого магистра Ордена Святого Людовика, клятва соблюдать эдикты против дуэлей. По словам очевидца, он читал их «громко и твердо на латыни, подчеркивая слова с почтением и вниманием»²⁸⁷. В данном случае в произнесенных королем словах не было ничего личного: они являлись частью коронационного ритуала; в 1775 г. прозвучали те же слова, что и полвека тому назад, во время коронации Людовика XV в 1722 г. Так что к подданным обращался не столько лично король Людовик XVI, сколько представленное в его лице бессмертное тело монархии. От самого же Людовика требовалось «сыграть роль короля», то есть внушительно и без запинки прочесть латинские тексты, врученные ему участвовавшими в церемонии прелатами, с чем он, как видно, успешно справился. Впрочем, впечатления других очевидцев могли отличаться от приведенного выше мнения герцога де Крои. В огромном пространстве Реймского собора, акустические качества которого должны были пострадать в результате возведения трибун для публики, восприятие речей короля во многом зависело от того места, где сидел приглашенный. Но, очевидно, для организаторов церемонии важнее было не *что* (далеко не все присутствовавшие хорошо воспринимали на слух содержание произносимых на латыни коронационных клятв) и даже не *как* король говорит, а как он при этом смотрится: в ходе коронации визуальный аспект репрезентации власти превалировал над звуковым²⁸⁸.

Обращенные к подданным официальные речи монарха звучали и на королевских заседаниях Парижского парламента, именовавшихся «ложами правосудия» («les lits de justice»)²⁸⁹. Эта церемония, изначально носившая, подобно коронации, преимущественно ритуальный и инаугурационный характер (новый монарх являлся в парламент в ознаменование своего восшествия на престол), в XVIII в. превратилась в средство давления на парламент. Личное присутствие короля на заседании вынуждало магистратов

²⁸⁵ Кожев А. Понятие власти. М.: Практикс, 2006.

²⁸⁶ Lefèrme-Falguières F. Le fonctionnement de la cour de Versailles: Une modélisation des notions de centre et périphérie // Hypothèses. 1999. № 1. P. 207-218.

²⁸⁷ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. Paris, 1906-1907. V. 3. P. 183.

²⁸⁸ См. об этом также: Lefèrme-Falguières F. Les courtisans: Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. Paris: PUF, 2007. P. 78.

²⁸⁹ О процедуре их проведения см.: Hanley S. The «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980; Brown E.A.R., Famiglietti R.C. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300-1600. Sigmaringen, 1994.

в обязательном порядке регистрировать любой закон, несмотря на высказанные ранее возражения с их стороны. Людовик XVI созывал такие заседания пять раз: для отмены реформы Мопу (12 ноября 1774 г.), дважды в поддержку реформ Тюрго (5 мая 1775 и 12 марта 1776 г.), для принятия плана реформ Калонна (6 августа 1787 г.) и для проведения последней в истории монархии Старого порядка попытки парламентской реформы (8 мая 1788 г.). Кроме «ложе правосудия», король выступал с публичными речами перед первым (на торжественном открытии 22 февраля, 23 апреля и на заключительном заседании 25 мая 1787 г.) и вторым (на открытии и закрытии 6 ноября и 12 декабря 1788 г. соответственно) собраниями нотаблей, созывавшимися в период предреволюционного кризиса.

Церемониал «ложе правосудия» должен был показать, что монарх призвал к себе парламент, дабы объявить ему свою волю, а парламенту полагалось слушать и повиноваться. Как писал недовольный парижский адвокат Луи-Адриен Ле Пеж, «Король не слышит ничего, что там говорится; он всего лишь зритель разыгрывающейся перед ним поистине немой сцены. [...] Он пришел в Парламент с принятым решением»²⁹⁰.

Заседания обычно проходили в подготовленном для этого большом зале кордегардии Версальского дворца. Исключение составляло первое «ложе правосудия» (12 ноября 1774 г.), проведенное Людовиком XVI еще до коронации и посвященное отмене парламентской реформы Людовика XV и канцлера Мопу и восстановлению Парижского парламента в его прежнем виде. Этот шаг в значительной мере представлял собой уступку общественному мнению, возмущенному «деспотизмом» власти, и был рассчитан на завоевание популярности среди как судейских, так и просвещенной элиты в целом²⁹¹. Для проведения этого заседания монарх лично явился в Париж во Дворец правосудия на острове Ситэ.

Где бы ни проходило заседание, протокол оставался неизменным. Король со свитой входил к ожидавшим его магистратам, занимал место на троне и, приподняв шляпу в знак приветствия, сидя обращался к парламенту. Присутствующие должностные лица, обращаясь к королю, преклоняли перед ним колени, после чего с позволения короля вставали и произносили свои речи стоя и с непокрытой головой. Король представал перед лицом парламента живым воплощением государства, главой одновременно и правосудия в королевстве, и единого тела монархии, подчиненными членами которого являются магистраты. Он говорил как «абсолютный монарх, монарх, или сама власть; абсолют, или власть в ее универсальности»²⁹². «Сейчас всё Ложе правосудия завершается актом абсолютной власти (*aujourd'hui tout dans un Lit de Justice se termine à un acte de puissance absolue*) [...], - писал Ле Пеж. - Король приходит и говорит то, что он уже сказал в другом месте; с вершины украшенного трона он повторяет то, что уже произносил»²⁹³. Лишь закрывая последнее заседание в мае 1788 г., король отступил от привычного торжественного церемониала. Возмущенный открытым неповиновением со стороны

²⁹⁰ Le Paige L.-A. Lettre sur les lits de justice. Par L.-A. Le Paige. 18 août 1756. P. 2.

²⁹¹ Подробнее об этом см. опубликованную выше статью «Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г.».

²⁹² Marin L. Op. cit. P. 15. По словам Э. Браун и Р. Фамильетти, «ложе правосудия было органом, с помощью которого король, успешно или нет, показывал народу свой высший и всё более абсолютный контроль над правлением» (Brown E.A.R., Famiglietti R.C. Op. cit. P. 104).

²⁹³ Le Paige L.-A. Op. cit. P. 2.

магистратов парламента, он, по словам очевидца, встал и громко крикнул, что воля его была оглашена и теперь он надеется на неукоснительное ее исполнение²⁹⁴.

Пленарные заседания нотаблей проходили тоже в Версале, в доме Малых забав, до того служившем для хранения декораций версальской оперы. Пол в зале заседаний был двухуровневым, так чтобы королевский трон и места для принцев крови, членов королевского совета, маршалов и пэров Франции располагались на возвышении²⁹⁵. Общение короля с нотаблями следовало такому же протоколу, что и его диалог с магистратами во время «ложа правосудия».

В соответствии со сложившейся традицией, вступительное и заключительное слово короля обычно было кратким. На это, в частности, указывал адвокат Ле Пез в своей записке о «ложах правосудия»: «Обыкновенно король говорит лишь несколько слов, а с предложениями выступает канцлер»²⁹⁶. Монарх напоминал членам парламента, что они обладают только теми полномочиями, которые были им вверены королем, а потому обязаны служить королю и исполнять его волю. Затем канцлер (или хранитель печатей, как это было при Людовике XVI вследствие опалы канцлера Мопу) подробно излагал парламенту монаршую волю. Король обращался к парламенту как правитель, наделенный абсолютной властью. Так, восстанавливая Парижский парламент после отмены реформы Мопу, Людовик XVI призывал магистратов ценить его доброту, исполнять свои обязанности и следовать воле государя ради счастья подданных, кое всегда было и будет единственной целью короля²⁹⁷. А, например, «ложе правосудия» 6 августа 1787 г. он открыл словами: «Господа, не пристало моему парламенту сомневаться в моей власти, как и в той, что я ему вверил. Мне всегда нелегко бывает решиться употребить всю полноту своей власти и отойти от обычных процедур, но сегодня мой парламент вынуждает меня к этому, а первостепенная необходимость спасения Государства делает это моим долгом»²⁹⁸.

Закрывая заседание «ложа правосудия», король произносил не более двух-трех фраз о том, что присутствующие услышали его волю и теперь обязаны усердно и неукоснительно ее исполнять «ради общего блага» и «верности истинным принципам монархии»²⁹⁹. Заключительное слово короля на собраниях нотаблей было столь же кратким, но иным по содержанию: монарх благодарил нотаблей за усердие, заверял их в своей неизменной заботе о счастье народа и обещал внимательно изучить результаты их работы³⁰⁰.

От принятого протокола отличались речи, произнесенные на «ложах правосудия» в марте 1776 и мае 1788 г., когда король и его советники в обстановке общественного недовольства предложенными реформами сочли необходимым развернуто и убедительно обосновать свою позицию неизменной заботой государя об общем благе и счастье народа.

²⁹⁴ Hézecques F. d'. Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI, par Félix, comte de France d'Hézecques, baron de Mailly / publ. par M. le comte d'Hézecques. Paris: Gérard Monfort, 1998. P. 206.

²⁹⁵ Brette A. Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. T. 1. Paris, 1902. P. 24-25, 306-307; Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-Paris: Droz, 1972. P. 141-143.

²⁹⁶ Le Paige L.-A. Op. cit. P. 1.

²⁹⁷ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vol. T. 3. Paris, 1898. P. 232.

²⁹⁸ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 676-677.

²⁹⁹ См., напр.: Ibid. P. 255, 269, 272, 688.

³⁰⁰ Archives parlementaires de 1787 à 1860: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / sous la dir. de J. Mavidal et E. Laurent. 1-ère série. T. 1. Paris, 1868. P. 230-231, 482.

Заслуживает внимания тот факт, что, если верить воспоминаниям королевского пажа, многие из своих речей Людовик XVI сочинял сам³⁰¹. В речи 7 марта 1776 г., обращаясь к депутации парламента в преддверии очередного «ложы правосудия», король обстоятельно высказался в защиту эдиктов о свободе хлебной торговли и упразднении цехов и объяснил, что начатые Тюрго реформы призваны обеспечить благоденствие подданных и ни в коей мере не нарушают привилегий дворянства³⁰². Закрывая заседание парламента 12 марта 1776 г., король вновь счел нужным аргументировать свою поддержку эдиктов Тюрго тем, что их «побудила издать любовь к подданным». «В мои намерения вовсе не входило смешение сословий, - уверял Людовик, - я лишь желаю править по справедливости и законам (*mon intention n'est point de confondre les conditions, je ne veux régner que par la justice et les lois*). Ежели опыт выявит изъяны некоторых положений, содержащихся в данных эдиктах, то я позабочусь об их исправлении»³⁰³.

На последнем «ложе правосудия», проведенном 8 мая 1788 г. в разгар острого политического кризиса в стране, мотивируя необходимость радикальной парламентской реформы, Людовик посетовал на непокорность парламента, которая привела к беспорядкам в системе правосудия и в стране в целом. В изложенной им аргументации этой реформы главное место заняли ссылки на историческую традицию. Король сделал акцент на том, что желает вовсе не уничтожить парламента, как утверждают противники реформы, а, напротив, «восстановить их и заставить исполнять свой долг [...], превратить момент кризиса в эпоху, спасительную для моих подданных [...]; вернуть Нации ее законные права», неотделимые от прав короля. Сделав экскурс в историю создания парламента Филиппом Красивым, Людовик XVI провозгласил, что во имя величия государства восстанавливает права короля и законность в их первоначальном виде. «Движимый любовью к моим подданным, я подготовил такую реставрацию и утверждаю ее сегодня ради их счастья, - сказал в король в завершение своей пространной речи. - Моей единственной целью всегда будет сделать их счастливыми»³⁰⁴.

Речи короля перед собраниями нотаблей (не считая кратких заключительных слов на закрытии заседаний) тоже были более развернутыми, чем обычные его выступления перед парламентом. Это и неудивительно. В отличие от королевских заседаний парламента, собрания нотаблей, не созывавшиеся с начала XVII в., не были привычными протокольными мероприятиями, так что сам их созыв полторы сотни лет спустя воспринимался как событие экстраординарное и требующее обоснования. Обращаясь к нотаблям, король объяснял им, с какой целью их собрал и каких результатов ждет. Открывая первое собрание (1787), он подчеркнул, что, созывая нотаблей, идет по стопам предков и следует их примеру³⁰⁵. Так как первое собрание нотаблей созывалось для обсуждения состояния финансов и программы реформ Калонна, Людовику пришлось убеждать нотаблей в необходимости осуществить «великие и важные» планы: увеличить государственные доходы, равномернее распределить бремя налогов и принять самые эффективные, пусть даже непопулярные меры для покрытия бюджетного дефицита. Он призывал собрание продемонстрировать усердие и верность во имя величия Франции и ее короля. «Надо показать всему миру, - заключил Людовик, - каким я обладаю

³⁰¹ Hézecques F. d'. Op. cit. P. 11.

³⁰² Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 325.

³⁰³ Ibid. P. 355-356.

³⁰⁴ Ibid. P. 750-751.

³⁰⁵ Archives parlementaires. T. 1. Paris, 1868. P. 188.

преимуществом править верной и могущественной нацией, соединяющей в себе силу и любовь к королю»³⁰⁶. Как известно, аргументы короля не возымели силы, и план реформ был отвергнут. Речь Людовика перед вторым собранием нотаблей (1788) получилась короче, но на сей раз и задача была проще: вновь сославшись на неизменное намерение «обеспечить навеки счастье моих народов», король объяснил, что для этого ему требуется выслушать просвещенное мнение нотаблей относительно процедуры предстоящего созыва Генеральных штатов³⁰⁷.

Примечательно, что свидетели публичных речей короля – участник церемонии помазания герцог де Крои и присутствовавший на «ложе правосудия» королевский паж – подробно описывали декор интерьеров и костюмы главных действующих лиц, но при этом крайне скупно сообщали о своих впечатлениях от услышанного вообще и от слов короля в частности. Наблюдавшая за открытием первого собрания нотаблей княгиня Н.П. Голицына отметила, что «оно прошло с большим достоинством и церемонией»³⁰⁸. Однако, по свидетельству участника собрания государственного советника Видо де Ла Тура, слова короля прозвучали тихо и невнятно³⁰⁹. Правда, в отличие от него виконтесса де Ломени в своих воспоминаниях записала, что «Король открыл собрание Нотаблей прекрасной речью (*par un très beau discours*), в которой объяснил, для чего он их созвал»³¹⁰. Но мнение Видо де Ла Тура заслуживает большего доверия, так как виконтесса не могла лично присутствовать при описываемых событиях и только читала опубликованный текст речи короля.

Помимо официальных речей на государственных церемониях король обращался к подданным и в более непринужденной обстановке во время многочисленных празднеств и приемов при дворе. Владение словом, умение вести беседу и воздействовать на собеседника уместно сказанной фразой составляли часть свойственного придворному обществу искусства общения с людьми³¹¹. В XVIII в. в силу известной нелюбви Людовика XV и Людовика XVI к протоколу и постоянной жизни на публике значение менее формализованного общения короля с подданными при дворе только возросло. По словам близкого к придворным кругам аббата Ж.-А. де Вери, «Королевские советы должны знать, что зачастую слова важнее дел (*les mots emportent souvent les choses*)»³¹². Слова, обращенные королем, к кому-либо из министров или придворных, передавались из уст в уста, записывались, тиражировались, пересказывались, перетолковывались и, в конце концов, обретали довольно широкую аудиторию.

Парижский издатель и книготорговец Симеон-Проспер Арди тщательно записывал в дневнике разнообразные сведения о заинтересовавших его событиях, в том числе

³⁰⁶ «Il s'agit de la gloire de la France dont la mienne est inséparable, et de montrer à l'univers l'avantage que j'ai de commander à une nation fidèle et puissante, dont les ressources, comme l'amour pour ses rois, sont inséparables» (Archives parlementaires. T. 1. P. 226-227).

³⁰⁷ Archives parlementaires. T. 1. P. 392.

³⁰⁸ Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783-1790 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. Л. 68 (об.).

³⁰⁹ Egret J. La Pré-révolution française. Paris, 1962. P. 13.

³¹⁰ Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse / publ. par P. Chevallier. Paris: Klincksieck, 1960. P. 122.

³¹¹ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 134-138; Fumaroli M. La conversation // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. III. Les France. Vol. 2. Paris: Gallimard, 1992. P. 679-743; Lilti A. Le monde des salons : Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard, 2005. P. 73-80.

³¹² Veri, l'abbé de. Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. Paris: J. Tallandier, 1928-1930. T. 1. P. 214.

доходившие до него слухи о том, что и кому говорил король. Публика, собиравшаяся в книжной лавке Арди, читала вслух выдержки из его дневника, и собранная хозяином информация таким образом распространялась вширь. По слухам, стекавшимся к Арди, король был человеком справедливым, бережливым и высокоморальным. Все приведенные в дневнике книготорговца выдержки из речей короля иллюстрируют именно этот образ. Записанные примеры высказываний Людовика весьма ярки и афористичны. Так, вскоре после восшествия короля на престол, в мае 1774 г. Арди сообщает, что монарх имел часовую беседу с генеральным лейтенантом парижской полиции А.-Р. Сartiном, в ходе которой будто бы сказал: «Займитесь, сударь, исправлением нравов в столице, а я возьму на себя исправление нравов двора»³¹³. Заявленную тему продолжает и развивает анекдотический случай, рассказ о котором появился два года спустя. По слухам, однажды король прогуливался инкогнито в окрестностях Версаля и по дороге на Сен-Клу заметил элегантный загородный домик, в который прибыла карета с девицами легкого поведения. Людовик выяснил, что дом принадлежит гувернеру королевских пажей. Через несколько дней при встрече он сказал гувернеру к немалому его смущению: «Я не советую вам приводить туда моих пажей; это тем более не доставит мне удовольствия, что вы принимаете там весьма дурную компанию»³¹⁴.

Отправляемая за границу анонимная «Секретная политическая корреспонденция», носившая не слишком тщательно завуалированный пропагандистский характер, тоже подчас вкладывала в уста короля чеканные афоризмы. Автор корреспонденции поведал о том, как ассамблея французского духовенства выразила недовольство сочинениями Лагарпа и прочих философов-просветителей и создала комиссию для рассмотрения книг, способных нанести ущерб общественной нравственности. Депутация духовенства отправилась к королю за одобрением. «Король ответил депутации мудро, справедливо и последовательно. Вот его ответ: “Господа, я всегда буду поддерживать Религию в моем Королевстве, но вы не должны во всем полагаться на власть. Ваш пример есть истинная опора Религии, и ваше поведение, ваши нравы и добродетели суть самое действенное оружие против тех, кто дерзнет на нее нападать”»³¹⁵.

Такие рассказы о короле, являющем собой образец государственной мудрости и высоких моральных качеств, распространялись по Парижу и по Европе. Но люди, имевшие возможность лично встречаться и говорить с монархом, отзывались о нем иначе. Они отмечали, что Людовик XVI не обладал способностью к неформальному общению ни с придворными, ни с народом, и не раз его в этом упрекали. «Было бы желательно, - сетовал герцог де Крои после коронации, - чтобы король поговорил с кем-нибудь из народа и выказал бы, подобно Людовику XIV, столько же величия, сколько он проявил доброты и старания сделать всё как можно лучше»³¹⁶. Через полтора года его наблюдения за монархом приводят к столь же малоутешительным заключениям: «Молодой Король [...] не блещет ни осанкой, ни тоном»³¹⁷. Такое же впечатление Людовик произвел во время аудиенции и на коменданта Бреста маркиза де Ланжерона: «У Короля есть

³¹³ «Chargez vous, Monsieur, de la Réforme des Moeurs dans la Capitale, et moi Je me charge de réformer celles de la Cour» (Hardy S.-P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance. Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567). P. 343).

³¹⁴ Hardy S.-P. Mes loisirs. Ms. Fr. 6682 (mf. 2568). P. 203.

³¹⁵ La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 1992. № 6. P. 151.

³¹⁶ Croÿ E. de. Op. cit. P. 209.

³¹⁷ Ibid. P. 291.

достоинства [...], и он здраво рассуждал с нами обо всех предметах. Но он совершенно не способен возбуждать в людях желание служить ему³¹⁸. Когда я вышел из кабинета, я сказал г-ну де Монбаре³¹⁹: «Вам следовало бы немного научить государя тому искусству вдохновлять людей на бой, каковым обладал Людовик XIV. Ибо он ничего в этом не смыслит»³²⁰. Разговор этот состоялся весной 1778 г., когда король Франции заключил союз с Соединенными Штатами Америки и открыто вступил на их стороне в войну против Великобритании, так что вопрос о способности монарха воодушевлять своих подданных и вести за собой обрел особую актуальность. В силу природной застенчивости Людовик чувствовал себя уверенно только в кругу самых близких людей, которым он доверял, и «избегал [...] говорить с кем-либо, кроме г-на де Морепа»³²¹. Королева Мария-Антуанетта в письме к сестре характеризовала супруга как человека «очень робкого и малоразговорчивого; он охотно слушает, не говоря ни слова»³²².

В обращении с людьми Людовик мог допускать неловкости и откровенную грубость. Граф д'Алонвиль вспоминал о том, какой неприятный осадок остался у него после столь знаменательного для каждого дворянина дня представления ко двору. Король не любил эту процедуру, так как тяготился присутствием новых, незнакомых ему лиц. В тот день среди новичков оказался отставной морской офицер из Бретани, выделявшийся нескладной фигурой, растрепанным париком и неумением держаться в седле. Всё это послужило предметом насмешек короля, а дело было в январе 1788 г., когда обстановка в стране накалялась и в разных слоях французского общества росло недовольство политикой правительства. Остроты короля были не просто невежливыми, но и неблагоприятными с политической точки зрения. Обиженный им дворянин вскоре стал лидером антиправительственных выступлений в своей провинции. «Мне хочется верить, - заключает д'Алонвиль, - что в своей оппозиции он руководствовался убеждениями, но не двигало ли им и оскорбленное честолюбие?»³²³ Даже беззаветно преданный своему повелителю и восторженно отзывавшийся о его человеческих качествах паж д'Эзек скрепя сердце признавал: «То, что было с его стороны просто шуткой, оставляло зачастую тягостное воспоминание; но, если бы он только знал, что причиняет боль, он не позволил бы себе ни малейшей насмешки»³²⁴.

Сопоставление свидетельств людей из королевского окружения и парижского книготорговца выявляет разницу между впечатлениями от личного общения с неловким, не способным найти верное слово человеком и «портретом короля», репрезентирующим образ мудрого, справедливого и добродетельного отца нации.

Мы видим, что к 1789 году у Людовика XVI был накоплен опыт публичных выступлений официального, протокольного характера – таких, когда король говорил, а подданные внимали. Он мог весьма успешно исполнять роль короля в рамках четко определенного ритуала. Но мнения очевидцев единодушны в том, что он не обладал ни

³¹⁸ Mais il est bien maladroît pour exciter les gens à le servir.

³¹⁹ Военный министр.

³²⁰ Veri, l'abbé de. Journal de l'abbé de Veri. T. 2. P. 101-102.

³²¹ Croÿ E. de. Op. cit. P. 291. Ж.-Ф. Фелипо, граф де Морепа стал при Людовике XVI государственным министром и главой королевского совета финансов.

³²² Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. T. 1. Paris: H. Plon, 1864. P. 94.

³²³ Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. V.1-2. Bruxelles-Leipzig, 1838. T.1. P.242-243.

³²⁴ «Ce qui était de sa part une simple plaisanterie laissait souvent un souvenir quelque peu douloureux; mais s'il avait cru faire le moindre mal, il se serait interdit la plus légère gaieté» (Hézacques F. d'. Op. cit. P. 7).

талантом, ни привычкой к импровизированным публичным выступлениям. Между тем, весной 1789 г., когда были созданы Генеральные штаты, эти качества политического лидера обрели гораздо большее значение, чем прежде.

С началом революции количество публичных выступлений короля возросло. За сравнительно короткий период (5 мая 1789 – 30 сентября 1791 г.) он семь раз обращался с речами к депутатам Генеральных штатов и Учредительного собрания. Первой в этом ряду стала речь на торжественном открытии Генеральных штатов в большом зале дома Малых забав 5 мая 1789 г., которую Людовик тщательно обдумал и выучил наизусть. Обращение к депутатам король начал ссылкой на историческую традицию и заметил, что «хотя долгим был перерыв со времени последних собраний Генеральных штатов и созыв этих ассамблей, казалось, ушел в прошлое», он, тем не менее, «не колеблясь возродил обычай, способный придать королевству новую силу и открыть нации новый источник счастья». Отметив, что долг, образовавшийся еще за годы предыдущего царствования, возрос в результате победоносной войны, Людовик похвалил духовенство и дворянство за готовность отказаться от налоговых привилегий и выразил уверенность, что представители всех сословий оправдают его надежды, то есть помогут найти наилучший способ преодолеть финансовый кризис и восстановить порядок. В общем, по содержанию королевская речь напоминала те, с которыми он обращался к парламенту и нотаблям: в трудный момент монарх по доброй воле собрал вокруг себя лучших представителей своего народа, а им следует поддержать его, приняв верные решения. Король по-прежнему говорил как наделенный абсолютной властью отец нации, отвечающий за нее перед Богом. Вся обстановка заседания – начиная с появления короля в мантии Ордена Святого Духа, в шляпе, украшенной перьями и бриллиантами, в окружении большой свиты – тоже содействовала созданию такого образа. Свою речь монарх читал сидя, тогда как депутаты внимали ему стоя и с непокрытыми головами. Людовик призывал уповать на его неизменную и искреннюю любовь к народу и «внимательную заботу об общественном благе». Особенностью этой его речи были неоднократные ссылки на «всеобщее беспокойство» и «непомерную жажду новшеств», которые «овладели умами и могли окончательно сбить всех с толку, если бы мы не поспешили положить этому конец, собрав людей мудрых и умеренных». Обращаясь к депутатам, король назвал их «представителями нации, коей мне выпала слава править», и выразил надежду, что в обстановке опасного возбуждения умов «собрание представителей нации будет прислушиваться лишь к мудрым и осторожным советам»³²⁵.

Речь на церемонии открытия Генеральных штатов представляла собой приветствие монарха и призыв к согласию. Программная речь Людовика XVI прозвучала на королевском заседании 23 июня. Собственно, это была даже не одна речь, а целых три. Сначала монарх напомнил депутатам о своих благих намерениях вывести страну из кризиса и доброй воле, проявившейся в созыве Генеральных штатов, а им оставалось лишь завершить начатое королем дело. Однако вместо этого они погрязли в спорах о процедуре голосования и за прошедшие без малого два месяца не продвинулись ни на шаг. Монарх заявил о своей решимости «покончить с этими пагубными раздорами [...] во имя общего блага моего королевства и ради меня самого»³²⁶. Вслед за этим секретарь зачитал текст королевской декларации о порядке работы Генеральных штатов, в которой

³²⁵ Archives parlementaires. Т. 8. Р. 1-2.

³²⁶ Ibid. Р. 143.

говорилось о сохранении сословных различий, сеньориальных прав и посословного голосования в Генеральных штатах, а решение депутатов третьего сословия объявить себя Национальным собранием объявлялось не имеющим законной силы. Затем король вновь взял слово, чтобы сообщить о намерении огласить даруемые им народу «различные благодеяния». За этими словами последовало чтение «Декларации намерений короля» с изложением одобренной монархом программы реформ при сохранении основ Старого порядка, абсолютной власти короля и сословного строя³²⁷. В заключение Людовик вновь обратился к депутатам с краткой речью, в которой напомнил депутатам, что является «естественным гарантом» законности и права в стране и поэтому ни одно их решение не обретет силы закона без его одобрения. Более того, ежели депутаты станут упорствовать в непослушании, то впредь он в одиночку будет «заботиться о благе народов и одного себя считать их истинным представителем»³²⁸.

Задействованная королем риторика была противоречивой. С одной стороны, Людовик упорно напоминал, что он «отец всех своих подданных» и «защитник законов королевства», по-отечески строго выговаривал депутатам за непослушание и «чрезмерные претензии»³²⁹. С другой стороны, его речь изобиловала вполне современной «патриотической» риторикой и рассуждениями о «благе народа», «счастье нации» и «любви к родине». На многих депутатов, особенно из третьего сословия, эти речи короля и его «Декларация намерений» произвели неблагоприятное впечатление. Изложенная программа действий большинству казалась архаичной; депутатов третьего сословия король оттолкнул от себя уже тем, что осудил и объявил недействительным принятое ими неделю назад решение провозгласить себя Национальным собранием. Когда Людовик выходил из зала, многие остались молча сидеть на своих местах. Даже весьма умеренно настроенные депутаты сетовали на то, что король решил вопреки всему вновь продемонстрировать свою «абсолютную волю», а некоторые с горькой иронией называли прошедшее заседание «ложем правосудия»³³⁰. По словам Э. Левер, «король и его подданные говорили теперь на разных языках»³³¹. Но в свете дальнейших событий этот вывод представляется слишком категоричным.

В следующий раз король появился в Национальном собрании 15 июля, когда в Париже произошло восстание. Этот визит отличался от предыдущих. На сей раз Людовик пришел без свиты, в сопровождении только двух братьев и нескольких гвардейцев, чтобы заявить о своей готовности отвести войска от Парижа и Версаля и обсуждать с Национальным собранием все законы. Произнесенная им речь – при сохранении некоторых принципиальных постулатов – тоже зазвучала по-новому. Людовик вновь обратился к депутатам как естественный глава нации к ее избранным представителям и подчеркнул неразрывное единство короля и народа. Вместе с тем, теперь он уже не требовал безоговорочного повиновения монаршей воле, а продемонстрировал готовность к диалогу и сотрудничеству. Обращаясь к депутатам, он заявил, что «глава нации приходит с доверием к ее представителям (*le chef de la nation vient avec confiance au milieu de ses représentants*)» и обратился к ним за советом и помощью, чтобы «найти средства

³²⁷ Ibid. P. 144-145.

³²⁸ Ibid. P. 145-146.

³²⁹ Ibid. P. 143-144.

³³⁰ Tackett T. Op. cit. P. 154-155.

³³¹ Lever E. Louis XVI. Paris: Fayard, 1985. P. 504.

восстановить порядок и спокойствие» и «обеспечить спасение Государства»³³². Слова короля вызвали настоящий взрыв энтузиазма и радости среди депутатов. Они повскакали с мест с криками «Да здравствует король!», взбирались на скамьи, аплодировали, бросали шляпы в воздух, обнимались и даже плакали от радости³³³. После прекращения беспорядков в столице, 18 июля король прибыл в Париж. По свидетельствам очевидцев, парижане оказали проезжавшему по улицам королю более холодный прием, нежели депутатам³³⁴. От его общения с депутатами в ратуше сохранилась одна фраза, которую парижане тогда передавали из уст в уста: «Мой народ может всегда рассчитывать на мою любовь»³³⁵.

В очередной раз выступить с большой речью перед депутатами Учредительного собрания король решил более полугодом спустя, 4 февраля 1790 г. Обстоятельства этого выступления показывают, как происходившие в государстве политические перемены влекли за собой изменение официального церемониала, который буквально импровизировался на ходу. В отличие от торжественно обставленных выходов короля к депутатам 5 мая и 23 июня 1789 г., теперь он появился в зале заседаний в простом платье в сопровождении одних только министров. Он сам отказался от того, чтобы в зале был установлен трон, однако был обескуражен, увидев, что приготовленное для него кресло стоит не на обычном возвышении, а вровень с креслом председателя собрания. Тогда Людовик предпочел говорить стоя, чем вынудил и депутатов тоже встать. В беспрецедентной по своей продолжительности речи, составленной с помощью Ж. Неккера³³⁶, он, в первую очередь, подчеркнул, что страна переживает критический момент своей истории, характеризующийся «постепенным нарастанием беспорядка и неподчинения, нарушениями или бездействием правосудия, недовольством, порождаемым нуждой, оппозицией, взаимной ненавистью как неизбежным следствием долгих раздоров, критическим положением финансов и необеспеченностью государственного благосостояния, наконец, всеобщим возбуждением умов». Само его решение выступить в тот момент перед депутатами было связано с новой волной крестьянских восстаний («второй жакерией») в западной и юго-западной Франции в конце 1789-начале 1790 г.³³⁷ В сложившейся обстановке король счел нужным обратить внимание депутатов на необходимость сильной исполнительной власти для защиты собственности, поддержания порядка и стабильности в стране, а следовательно, и обеспечения ее будущего счастья и процветания. Напомнив, что на протяжении своего царствования он неоднократно пытался проводить реформы и расширять участие подданных в управлении, Людовик заверил депутатов в своей поддержке новых политических принципов, готовности сотрудничать и «защищать конституционную свободу», так как «монарх и представители Нации объединены общими интересами и чаяниями». Речь короля была очень эмоциональна и, вместе с тем, тонко продумана. Людовик заверил депутатов, что королева «полностью разделяет» его чувства и они вместе собираются «с ранних лет

³³² Archives parlementaires. Т. 8. Р. 236.

³³³ Tackett Т. Op. cit. Р. 163-164.

³³⁴ Ibid. Р. 166-167.

³³⁵ Archives parlementaires. Т. 8. Р. 247.

³³⁶ Petitfils J.-C. Louis XVI. Paris: Perrin, 2005. Р. 742-744.

³³⁷ См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789-1794 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 132-141.

готовить ум и сердце сына к новому порядку вещей»³³⁸. Трогательный пассаж о воспитании дофина взывал к простым человеческим эмоциям и сближал монарха с его аудиторией, создавая в глазах депутатов образ не отдаленного небожителя, а подобного им отца семейства. Речь возымела заслуженный успех и вызвала бурные аплодисменты. Письма многих депутатов, обработанные Т. Тэкеттом, полны восторгов от слов «нашего гражданина-монарха». Недовольны были лишь крайне правые, оказавшиеся большими роялистами, чем сам король, и усмотревшие в этом выступлении умаление королевского величия³³⁹.

Еще через полгода королю представилась возможность обратиться уже не только к депутатам, но и непосредственно к народу на празднике Федерации 14 июля 1790 г., хотя воспользоваться ею в полной мере он не сумел. Фактически он уступил главную роль в торжественной церемонии командующему национальной гвардией Лафайету. Именно Лафайет поднялся на расположенный в центре Марсова поля алтарь Отечества для принесения гражданской присяги, что явилось кульминацией церемонии и вызвало всеобщий энтузиазм, тогда как король всё время оставался отчасти в стороне от происходившего. Он прибыл на Марсово поле, войдя через заднюю дверь в здание Военной школы и проследовав затем в приготовленный для него павильон. Присягу нации от имени «короля французов» «употребить всю власть, вверенную мне конституционным законом Государства, ради сохранения Конституции и исполнения законов»³⁴⁰ Людовик XVI, в отличие от Лафайета, принес со своего места возле Военной школы, не поднимаясь на алтарь Отечества. Таким образом, он упустил шанс сыграть перед многотысячной публикой, собравшейся на Марсовом поле, роль национального лидера, к чему его тщетно призывали сторонники, в частности, О.-Г. Мирабо. Как писал Мирабо графу де Ла Марку, «следовало бы отделить генерала Федерации от монарха и предписать королю исполнение обеих ролей. Приняв парад, генерал Федерации вновь стал бы королем и поднялся на трон, откуда опять сошел бы для того, чтобы перед алтарем принести присягу»³⁴¹. Но Людовик XVI не последовал советам Мирабо и не попытался стать протагонистом церемонии на гигантском открытом пространстве Марсова поля.

В следующий раз Людовик XVI явился в Учредительное собрание 19 апреля 1791 г., чтобы выразить решительный протест в связи с тем, что накануне толпа парижан не дала ему выехать в Сен-Клу на Вербное воскресенье. Появление в собрании короля в сопровождении министров на этот раз было неожиданным: письмо, возвещающее его приход, поступило не заранее, как обычно, а непосредственно перед самым визитом монарха. При его появлении в собрании вновь, как и год назад, дала о себе знать неопределенность этикета. Когда Людовик вошел, в зале раздались голоса: «Шляпы долой!», в ответ другие депутаты закричали: «Нет нужды об этом говорить!»³⁴² Все депутаты встали, и король, тоже стоя, зачитал протест, подтвердив при этом свою приверженность конституции, благосклонность к Национальному собранию и неизменную заботу о счастье народа³⁴³.

³³⁸ Archives parlementaires. Т. 11. Р. 429-431.

³³⁹ Tackett Т. Op. cit. Р. 276-277.

³⁴⁰ Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. Т.5. Paris, 1841. Р. 131.

³⁴¹ Озуф М. Революционный праздник, 1789-1799. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 70.

³⁴² Archives parlementaires. Т. 25. Р. 200.

³⁴³ Ibid. Р. 201.

Когда в сентябре 1791 г. Учредительное собрание завершило свою работу, приняв конституцию, королю, как главе государства, предстояло официально ее одобрить. Так как после недавней неудавшейся попытки бегства королевской семьи отношение к Людовику XVI изменилось, депутаты не замедлили символически выразить ему свое осуждение. 14 сентября король пришел в Учредительное собрание для принесения присяги на верность конституции. То, что король теперь обращался к депутатам стоя, уже, можно сказать, фактически закрепилось в протоколе. Однако на этом церемониальное противоборство главы государства с народными избранниками не закончилось. Людовику предстояло испытать очередное унижение и достойно на него отреагировать. Церемония присяги происходила следующим образом. Стоя обращаясь к депутатам, король начал говорить: «Господа, я пришел сюда, чтобы торжественно засвидетельствовать свое признание конституционного акта; следовательно я клянусь (при этих словах депутаты сели) хранить верность нации и закону, употребить всю вверенную мне власть на то, чтобы защищать Конституцию, принятую Национальным учредительным собранием (здесь король тоже сел), и исполнять законы»³⁴⁴. Так стороны обменялись нелюбезностями. Правда, пока всё еще завершилось обычными аплодисментами и возгласами «Да здравствует король!»

Через две недели, 30 сентября 1791 г. королю предстояло произнести речь на закрытии Учредительного собрания. В тот день депутаты оказали монарху более теплый прием, чем в прошлый раз. При его появлении в зале все встали и обнажили головы. Аплодисменты и крики «Да здравствует король!» звучали при входе Людовика в зал, неоднократно прерывали его речь и долго не смолкали в конце. Взрывы энтузиазма у депутатов вызвали, в частности, слова монарха о том, что он «засвидетельствовал иностранным державам свое признание этой Конституции» и будет «с неизменной твердостью» следить за ее исполнением. Большой успех возымел также призыв «вернувшись к родным очагам», «передать согражданам чувства» короля и сказать им всем, «что король всегда будет их самым лучшим и верным другом [...], что он нуждается в их любви [...] и что он может быть счастлив лишь вместе с ними и благодаря им». Свою последнюю речь перед депутатами Учредительного собрания Людовик удачно завершил рассчитанной на восторженный прием фразой: «Мое мужество питается надеждой принести им [т.е. согражданам] счастье, и если мне это удастся, то удовлетворение будет мне лучшей наградой»³⁴⁵. После этого Учредительное собрание было распущено. Королю предстояло выступать перед незнакомой аудиторией вновь избранного Законодательного собрания³⁴⁶.

В течение года в Законодательном собрании Людовик XVI появлялся четыре раза. Порядок заседаний в присутствии короля Законодательное собрание определило специальным декретом 5 октября 1791 г., согласно которому при появлении монарха в зале заседаний депутатам полагалось встать и обнажить головы; после того как он займет место за председательским бюро, депутаты могли сесть и надеть головные уборы. За председательским бюро следовало установить на одном уровне два одинаковых кресла: одно для короля, другое для председателя собрания. Отменялись традиционные обращения к монарху «Сир» и «Ваше Величество», и единственно допустимым титулом при официальном обращении к королю отныне могла быть только зафиксированная в тексте

³⁴⁴ Archives parlementaires. Т. 30. Р. 635.

³⁴⁵ Archives parlementaires. Т. 31. Р. 688.

³⁴⁶ По закону депутаты Учредительного собрания не имели права переизбраться и стать депутатами Законодательного собрания.

конституции формулировка «король французов»³⁴⁷. Фактически начавшееся еще в годы работы Учредительного собрания символическое снижение королевского статуса теперь обрело силу закона.

Через день, 7 октября 1791 г. король произнес свою первую, довольно пространную речь на открытии сессии Законодательного собрания. Он говорил, как это уже стало принято, стоя и с непокрытой головой. Правда, и депутаты на этот раз не воспользовались предоставленным им правом сесть и продолжали слушать короля тоже стоя и с непокрытыми головами. Авторитет монарха оказался сильнее нового регламента. Речь короля должна была понравиться депутатам, так как она целиком была выдержана в духе принципов конституции 1791 года. Ссылаясь на конституцию, Людовик призывал депутатов употребить полученную власть на то, чтобы обеспечить нации свободу, мир и соблюдение законов, и в первую очередь заняться состоянием финансов. Он как глава государства обрисовал народным избранникам круг возложенных на них задач: привести все законы в соответствие с конституцией, сделать правосудие доступным рядовым гражданам, развивать образование, торговлю, промышленность и сельское хозяйство, обеспечить неимущих работой или пособиями. Себя самого Людовик признал тоже «представителем народа (représentant du peuple)», уполномоченным конституцией изучать, санкционировать и исполнять законы. Он обещал, со своей стороны, обеспечить дисциплину и боеспособность армии и флота, а также проводить внешнюю политику, направленную на сохранение мира и предотвращение внешней агрессии (эта часть речи короля дважды прерывалась бурными аплодисментами). В заключение Людовик отметил, что залогом успешной работы и будущего процветания являются «постоянная гармония и неизменное доверие» между ним и депутатами. Враги тщетно надеются посеять между ними распрю – объединенные любовью к родине и заботой об общем благе, король и Законодательный корпус станут неразделимыми³⁴⁸.

Следующее появление короля перед депутатами произошло в обстановке надвигавшейся войны. Он пришел в Законодательное собрание 14 декабря 1791 г., чтобы прочесть ответ на направленное ему две недели назад послание депутатов, в котором те призывали его обратиться к германским князьям с требованием воспрепятствовать скоплению сил эмигрантов на французской границе. Людовик стоя зачитал текст, составленный военным министром графом де Нарбонн-Лара. Он начал с того, что вновь отметил важность сотрудничества между выборными представителями нации и «ее наследственным представителем». Он заверил депутатов, что уже призывал эмигрантов вернуться во Францию и подчиниться новым законам, а глав соседних государств – не оказывать поддержки их воинственным планам, и если в течение месяца эти призывы не будут услышаны, то ничего не останется, как начать войну. В сложившейся обстановке, - говорил король, - особенно важно «показать иностранным нациям, что французский народ, его представители и его король – едины», что две ветви власти сотрудничают и уважают друг друга, «что они разные, но не враги». В заключение Людовик подтвердил готовность до конца исполнять свой долг, хранить верность конституции и заявил, что рад «быть королем свободного народа». Реакция на эту речь оказалась неоднозначной. Тогда

³⁴⁷ Archives parlementaires. Т. 34. Р. 84-87.

³⁴⁸ Ibid. Р. 118-119.

как депутаты на правых трибунах в течение нескольких минут горячо аплодировали и кричали: «Да здравствует король французов!», на левых воцарилась гробовая тишина³⁴⁹.

Затем Людовик пришел в Законодательное собрание 20 апреля 1792 г., по случаю объявления войны «королю Богемии и Венгрии». Доклад королевского совета читал министр иностранных дел Дюмурье. Король лишь подтвердил в заключение, что целиком и полностью поддерживает содержание доклада, что все возможные средства сохранить мир были исчерпаны и что объявления войны требуют «оскорбленное достоинство французского народа и угроза национальной безопасности»³⁵⁰.

Последняя речь короля в Законодательном собрании имела место 7 июля 1792 г. Незадолго до этого, 20 июня ему пришлось пережить тяжелое испытание, когда толпа санкюлотов ворвалась в Тюильри в королевские покои, и ее не удавалось оттуда выпроводить в течение трех часов. Под впечатлением от этих событий король, чье положение явно стало шатким, пришел в собрание, чтобы вновь заверить депутатов в своей верности нации и конституции и призвать к «общему единению ради спасения отечества». Он заявил, «что нация и король едины. Если они будут идти к общей цели, то общими усилиями они спасут Францию. Верность Конституции объединит всех французов, и король всегда будет им в том примером»³⁵¹. Это был последний раз, когда появление короля перед депутатами сопровождалось рукоплесканиями и приветственными возгласами: «Да здравствует король!» В следующий раз он придет в Законодательное собрание 10 августа, чтобы просить у депутатов защиты от толпы, захватившей дворец Тюильри. На этом закончились его публичные выступления в качестве монарха. В дальнейшем его станут слушать уже только как подсудимого на процессе.

По мнению королевы Марии-Антуанетты, известному со слов ее первой камеристки мадам Кампан, в тот роковой день 10 августа 1792 г. всего несколько слов, так и не сказанных королем, могли бы изменить ситуацию в его пользу. «Король, говорила она, не трус; он наделен большим пассивным мужеством, но его подавляют ложный стыд и неверие в себя, происходящие от его характера и воспитания. Он страшится отдавать приказы и более всего боится говорить перед собравшейся публикой [...]. В нынешних обстоятельствах несколько правильно сказанных слов, адресованных преданным нам парижанам, в сто раз увеличили бы наши силы, но король их не произнес. Чего можно ожидать от этих обращений к народу, которые ему посоветовали развесить? Ничего, кроме новых оскорблений»³⁵². Эти обвинения королевы в адрес супруга справедливы лишь отчасти. Как мы уже видели, за годы революции король научился преодолевать природную застенчивость и весьма успешно выступать перед сотнями депутатов Учредительного и Законодательного собрания. Но одно дело – уверенно читать перед уважаемыми депутатами речь, заранее подготовленную с помощью министров, и совсем другое – спонтанно находить верные слова, обращаясь к возбужденной городской толпе. На это он не был способен.

В суде Людовик спокойно и хладнокровно отвергал все выдвинутые против него обвинения, настаивая, что не делал ничего, что запрещал бы ему закон, и что всегда

³⁴⁹ Archives parlementaires. Т. 36. Р. 110.

³⁵⁰ Archives parlementaires. Т. 42. Р. 195-199.

³⁵¹ Archives parlementaires. Т. 46. Р. 217.

³⁵² Mémoires de madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / prés. par J. Chalon. Paris: Mercure de France, 1988. Р. 408.

старался избежать кровопролития³⁵³. Впрочем, процесс, по-видимому, мало волновал короля, так как исход дела с самого начала был ему совершенно ясен. Уже после первого допроса в Конвенте, вечером, раздеваясь перед сном, он сказал своему камердинеру Клери: «В мыслях я был так далек от всех тех вопросов, что мне задавали»³⁵⁴. В своей последней защитительной речи 26 декабря 1792 г. Людовик, коротко сославшись на выступления адвокатов, заявил, что ему не в чем себя упрекнуть и его совесть чиста. Он ни словом не упомянул про обвинения в государственной измене и в сношениях с врагами Франции. Лишь один пункт приговора, очевидно, по-настоящему затронул свергнутого короля, и он высказался о нем отдельно, причем с большим волнением. «Я никогда не боялся того, что мое поведение будет обсуждаться публично, - сказал он, - но у меня сердце разрывается, когда я вижу, что в обвинительном акте мне приписывают намерение проливать кровь народа и, в частности, ответственность за бедствия 10 августа. Я полагаю, что постоянно и неоднократно доказывал свою любовь к народу и что всё мое поведение должно служить доказательством тому, что я без страха подвергал себя риску во избежание кровопролития, и навсегда избавить меня от подобных обвинений»³⁵⁵.

Последние обращенные к публике слова бывшего короля прозвучали, когда, поднявшись на эшафот, он крикнул окружавшей толпе: «Я умираю невинным, я прощаю своих врагов и молю, чтобы моя кровь пролилась на пользу народу Франции и утолила Божий гнев!»³⁵⁶ На этом его слова заглушила барабанная дробь. Таким образом, в последних своих публичных речах свергнутый король, отказавшись от диалога с депутатами, актуализировал традиционный образ *Rex imago Dei* и представил свою смерть искупительной жертвой за заблуждения народа. Именно поэтому из всех предъявленных ему обвинений Людовик с гневом отверг лишь возложенную на него ответственность за кровопролитие.

Таким образом, в годы революции, когда политика приобрела публичный характер, Людовик XVI осознал эту перемену и, несмотря на нелюбовь к публичным выступлениям, адаптировал свое поведение к новым политическим реалиям. По сравнению с дореволюционным периодом его присутствие в публичном пространстве стало более заметным. Под влиянием революционных перипетий образ короля, выступавшего с парламентской трибуны, постепенно эволюционировал. Его речи революционного периода – их менявшийся лексический строй и содержащийся в них посыл – свидетельствуют о том, что он, не расставаясь с традиционной и привычной ролью отца подданных, сумел при этом занять новую для себя позицию партнера в диалоге с другой ветвью власти. Он проявил способность контактировать с новой политической элитой в лице Национального собрания. Но ход политического процесса определялся не только в его стенах. Король еще мог занять достойное место перед лицом революции элит, но не революции санкюлотов. Во всяком случае, его поражение было связано не с отсутствием ораторского таланта.

³⁵³ Interrogatoire du roi // Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M. La défense de Louis XVI. P. : F.X. de Guibert, 1993. P. 39-50.

³⁵⁴ Cléry J.B. Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798. P. 152-153.

³⁵⁵ Discours de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI: précédées d'une histoire de ce monarque. 2 vol. Paris, 1864. T. 2. P. 254.

³⁵⁶ Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris, N 185, 19-27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI / présenté par A. Soboul. Paris, 1966. P. 233.

Глава 2. Министры короля

От персоны короля мы переходим к его взаимоотношениям и взаимодействию с министрами, в совместной работе с которыми выстраивалась политика французской монархии. Разные концепции власти, о которых шла речь в первой главе, находили отклики в умах высших сановников короля и влияли на их поступки. Перед нами проходит вереница лидеров придворных партий. Особенно пристальное внимание будет уделено четырем персонажам, приближенным к монарху и занимавшим ключевые позиции в государстве. Это государственный секретарь иностранных дел Людовика XV Эмманюэль-Арман де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д'Эгюийон; «ментор» Людовика XVI Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепе; генеральный директор финансов Жак Неккер и государственный секретарь иностранных дел Шарль Гравье, граф де Верженн. Каждому из них посвящен отдельный очерк. Глава открывается статьей о реформах и реформаторах, так как реформы, их целесообразность и содержание представляли собой одну из ключевых проблем XVIII века. Каждый министр должен был определить к ней свое отношение, которое так или иначе проявлялось и в пространстве дискурса, и в практике управления. Из четырех избранных персонажей Неккер снискал славу смелого реформатора, а трое других прослыли, скорее, консерваторами. Насколько та или иная репутация была заслуженной, – вопрос, ответ на который отнюдь не очевиден. Осознание этого обстоятельства выводит нас на не менее актуальную для XVIII века проблему роли общественного мнения, с помощью которого создавались и рушились репутации. Деятельность министров наглядно показывает также взаимосвязь государственного аппарата и королевского двора, помогает лучше понять место двора в системе французской монархии конца Старого порядка.

Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения¹

В историографии понятия «реформы» и «Просвещение» тесно связаны². Философы XVIII в. размышляли над необходимостью реформ и разрабатывали программы преобразований, а правители и администраторы проводили реформаторскую политику, руководствуясь как своими представлениями о разумном и целесообразном государственном устройстве, так и насущными проблемами, требовавшими разрешения. На соединение этих двух предпосылок обратил внимание, в частности, Филипп Минар, объясняя реформаторскую активность во Франции XVIII в. и популярность самой идеи реформ в общественном мнении: «Воля к реформированию во Франции XVIII в. определяется, с одной стороны, самой эпохой Просвещения, развитием критического и рационалистического разума, а с другой – практическими потребностями своего времени: оплатой расходов Людовика XIV, обеспечением монархии средствами для удовлетворения ее амбиций, поисками выхода не только из финансового кризиса, но и из ситуации экономической, демографической неустойчивости и т.д.»³.

В данном очерке рассматриваются три круга вопросов: во-первых, толкования термина «реформа», отраженные во французских словарях и энциклопедиях⁴; во-вторых, направления реформаторской деятельности во Франции XVIII в. и осмысление ее современниками в русле свойственных им представлений о реформах; и, наконец, взаимосвязь между бытовавшими политическими концепциями и отношением к реформам, с одной стороны, и результатами реформаторской политики – с другой.

Обратимся к толкованиям термина «реформа» в трех вышедших на протяжении ста лет изданиях «Словаря Французской академии» - первом (1694), четвертом (1762) и пятом (1798), - а также в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Интересно сравнить именно эти издания, потому что они представляют собой толковые словари принципиально разного типа. «Словарь Академии» был призван фиксировать языковую норму. «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера преследовала совсем иную задачу: дать читателям свод современных, передовых научных знаний и политических учений. Обращение к «Критическому словарю французского языка» Жана-Франсуа Феро дало мало нового по сравнению с двумя названными выше изданиями: там, в основном, воспроизводятся в сокращенном виде тексты из «Словаря Академии»⁵.

При всем различии концепций самих словарей, отраженные в них значения термина «реформа», в целом, одни и те же. Как следует из текстов словарных статей, выделялись три области употребления данного термина:

Во-первых, речь могла идти о реформе в самом общем, широком смысле слова, о реформе как таковой. «Словарь Академии» определяет ее так: «Реформа

¹ Впервые опубликовано: Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI-XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома и Л.А. Пименовой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 59-68.

² См., напр.: Рикуперати Дж. Человек Просвещения // Мир Просвещения / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Перев. с итал. Н.Ю. Плавинской. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 24-26.

³ См.: Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба // Феномен реформ на Западе и Востоке Европы. С. 219.

⁴ В отличие от статьи Ф. Минара, в которой различные значения термина «реформа» рассматриваются, главным образом, на примере словаря Литтре 1872-1877 гг., здесь анализ будет основан на текстах словарей, изданных в конце XVII-XVIII вв.

⁵ Féraud J.-F. Le Dictionnaire critique de la langue française. 3 vol. Paris, 1787-1788.

(существительное, ж.р.). Восстановление порядка, прежней формы. <...> Говорят о реформе злоупотреблений, имея в виду искоренение возникших злоупотреблений»⁶. Следует обратить внимание на то, что реформа в данном случае трактуется в изначальном, традиционном смысле этого слова, как возврат к прежней форме (*ре-форма*), восстановление нарушенного порядка. С этим значением термина связано широко распространенное выражение «*réformer les abus*» (*реформировать*, т.е. искоренить злоупотребления), которое встречалось в самых разных текстах, от официальных документов (в королевских эдиктах целью принятого закона объявлялось намерение «*réformer les abus*», т.е. искоренить злоупотребления) до частных писем и дневников. В частности, это выражение постоянно присутствует в наказах избирателей трех сословий, поданных в Генеральные штаты 1789 г.

В «Энциклопедии» Дидро дано аналогичное толкование термина «реформа» в этом наиболее общем его смысле, за одним исключением. Автор соответствующей статьи, шевалье де Жокур дополнил свой текст разграничением понятий «реформа» и «реформация»: «Реформация, реформа (синон.). Реформация есть действие по реформированию; реформа – его результат. Во время реформации работают над приведением в порядок и изыскивают средства исправить злоупотребления. Во время реформы все уже упорядочено и злоупотребления исправлены»⁷. Снова заметим, что реформа и у Жокура определяется, главным образом, как «приведение в порядок» и «исправление злоупотреблений», т.е. как возврат в некое исходное, «неиспорченное» состояние.

Во-вторых, понятие «реформа» употреблялось, когда речь шла о мероприятиях правительства, касающихся армии, а именно: «реформой армии» («*la réforme des troupes*») называлось сокращение численности войск после окончания войны, т.е. возврат армии в первоначальное состояние. Что касается этого употребления термина, то со временем в его толковании появляются новые оттенки смысла. В четвертом издании «Словаря Академии» (1762) «реформой» называются также: увольнение в отставку солдат, признанных непригодными к несению службы; не сокращение, а замена, если речь идет о кавалерии («реформа двадцати лошадей», т.е. замена их двадцатью новыми). Кроме того, словарь фиксирует, что под влиянием употребления термина «реформа» в смысле сокращения численности армии в бытовом языке появилось новое выражение: о человеке, который сократил в своем доме количество слуг и расходы на приемы и визиты, стали говорить, что он «провел в своем доме большую реформу»⁸.

В-третьих, термин «реформа» употреблялся применительно к делам, касающимся религии и Церкви, причем в нескольких разных значениях. Реформой называлось восстановление дисциплины в монастырях. «Реформа» означала также строгость нравов, благочестивое поведение, неукоснительное соблюдение правил и норм церковной жизни.

⁶ «Réforme. subst. f. Restablissement dans l'ordre, dans l'ancienne forme. <...> On dit, La réforme des abus, pour dire, Le retranchement des abus qui se sont introduits» (Dictionnaire de L'Académie française. 1ère éd. Paris, 1694. P. 475). Цитата дана по первому изданию 1694 г., но в и последующих изданиях XVIII в. этот текст воспроизводится дословно.

⁷ «RÉFORMATION, RÉFORME, (Synon.) La réformation est l'action de réformer; la réforme en est l'effet. Dans le tems de la réformation on travaille à mettre en règle, & l'on cherche les moyens de remédier aux abus. Dans le tems de la réforme, on est réglé, & les abus sont corrigés» (D. J.) (Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres. 17 vol. Paris: A.-C. Briasson, M.-A. David, L. Durand, 1751-1772. T. 13. P. 890).

⁸ «Il a fait une grande réforme dans sa maison» (Dictionnaire de L'Académie française. 4ème éd. Paris, 1762. P. 567).

В «Словаре Академии» содержится пример, который невозможно перевести дословно на русский язык: «C'est un homme qui vit dans une grande réforme» (дословно: «этот человек живет в большой реформе», т.е. это человек благочестивый)⁹. Было очень популярно выражение «реформировать нравы», т.е. бороться против моральной распущенности. В Париже рассказывали, что сразу после восшествия на престол Людовика XVI у него состоялась беседа с генеральным наместником парижской полиции А.Г. де Сартинем и король сказал: «Возьмите на себя, сударь, труд улучшить (дословно: *реформировать*) нравы в столице, а я позабочусь о том, чтобы изменить (*реформировать*) нравы при дворе»¹⁰. При толковании этого значения термина (т.е. «реформы» в смысле благочестия) в «Словаре Академии» в 1762 г. появляется немаловажное разъяснение: «Так говорится о тех, кто стал соблюдать эти правила после пребывания в распутстве и суеверии»¹¹. Таким образом, в интерпретацию понятия привносится уточнение, что реформа это не стабильное состояние (как в случае с «человеком, живущим в большой реформе»), а перемена, причем, перемена к лучшему. И, наконец, реформой называется то явление в истории Церкви XVI в., которое по-русски именуется Реформацией.

Вводится и понятие «реформатор» - «тот, кто реформирует» - с сопровождающими эпитетами («это мудрый реформатор», «суровый реформатор»). Как свидетельствуют приводимые примеры, данное понятие было связано, главным образом, с религиозным реформаторством¹².

О проведении политических, судебных и т.п. реформ речь заходила при толковании не столько существительного «реформа», сколько глагола «реформировать». Выделялись два его значения: во-первых, «восстановить прежнюю форму, придать лучшую форму чему-либо, прибавляя или убавляя. Реформировать правосудие, полицию, законы, обычаи. Реформировать календарь. Реформировать религиозный орден. Реформировать монастырь. Люди, желающие реформировать государство. Реформировать нравы. Реформировать свою жизнь»¹³. В пятом издании «Словаря Академии» за словами «люди, желающие реформировать государство» через запятую следуют исполненные революционно-модернизаторского духа примеры: «Реформировать ближних, реформировать человеческий род»¹⁴. Во-вторых, реформировать «также означает просто убрать лишнее. Реформировать злоупотребления. Реформировать излишества. Реформировать роскошь. Говорят «реформировать войска», желая сказать «сократить их численность». Полк реформировали и сократили его до трех рот»¹⁵.

⁹ Ibidem.

¹⁰ «Chargez vous, Monsieur, de la Réforme des Moeurs dans la Capitale, et moi Je me charge de réformer celles de la Cour» (Hardy S.P. Mes loisirs, ou Journal d'événements, tels qu'ils parviennent à ma connoissance. Bibliothèque Nationale, ms fr. 6681. P. 343).

¹¹ «Il se dit de ceux qui embrassent cette régularité après avoir vécu dans le désordre ou dans la dissipation du monde» (Dictionnaire de L'Académie française. 4ème éd. P. 567).

¹² Ibidem. Те же тексты воспроизводятся и в пятом издании (1798).

¹³ «Réformer. Restablir dans l'ancienne forme, Donner une meilleure forme à une chose, soit en adjoustant, soit en retranchant. Réformer la Justice, la Police, les Loix, les Coustumes. Réformer le Calendrier. Réformer un Ordre Religieux. Réformer un Monastère. Des gens qui veulent réformer l'Etat. Réformer ses moeurs. Réformer sa vie» (Dictionnaire de L'Académie française. 1ère éd. P. 476). Тот же самый текст повторяется в четвертом издании «Словаря Академии» (Dictionnaire de L'Académie française. 4ème éd. P. 567).

¹⁴ Dictionnaire de L'Académie française. 5ème éd. Paris, 1798. P. 443.

¹⁵ «Il signifie aussi simplement, Retrancher ce qui est de trop. Reformer les abus. reformer les superfluitez. reformer le luxe. On dit, Reformer des troupes, pour dire, Les reduire à un moindre nombre. On a reformé son regiment, & on l'a réduit à trois compagnies» (Dictionnaire de L'Académie française. 1ère éd. P. 476). Тот же текст воспроизведен в четвертом и пятом изданиях словаря.

Таким образом, понятия «реформа» и «реформировать» (шла ли речь об армии, Церкви или о реформах в самом широком смысле слова) могли наделяться тремя типами смыслов:

- восстановление первоначальной формы, первоначального вида;
- сокращение путем отсечения лишнего (в т.ч. искоренения злоупотреблений);
- улучшение (последний смысл как зафиксированная словарем языковая норма являлся в XVIII в. наиболее редким).

Следует обратить внимание на то, что во всех названных случаях термин «реформа» наделен позитивными коннотациями.

Перейдем теперь от языковой нормы к политической практике. То, что в историографии принято называть реформами, проводилось во Франции на протяжении всего XVIII в., и основных направлений реформаторской деятельности можно выделить четыре:

- реформирование финансов и экономики; в этой сфере были предприняты попытка создания государственного банка и введения бумажных денег («система Ло», 1716-1721), реорганизация генерального откупа (1726), введение двадцатины (1749), «физиократические» реформы 1763-1764 гг., финансовые реформы аббата Терре¹⁶ (1770-1774), реформы А.-Р.-Ж. Тюрго (1774-1776), реформы Ж. Неккера (1777-1781), создание Ш. Верженном финансового комитета (1783), реформы Калонна¹⁷ и Ломени де Бриенна¹⁸ (1786-1787);

- реформы армии, предпринимавшиеся Шуазёлем¹⁹ (1758-1770) и Сен-Жерменом²⁰ (1775-1777);

- реформы центральной и местной государственной администрации и судов; в их числе следует назвать создание полисинодии и ее последующую отмену регентом герцогом Орлеанским (1715-1718), попытку реформы городского управления Лаверди²¹ (1764-1765), реформу Мопу и ее отмену (1771-1774), проект муниципальной реформы Дюпон де Немура²² и Тюрго, провинциальные ассамблеи Неккера (1778) и судебную реформу Ламуаньона²³ (1788);

- церковная политика – государственные меры против янсенистов (1730-1750-е гг.); запрет деятельности Ордена иезуитов (1762); предоставление гражданского статуса протестантам (1787).

Монархия, предпринимая реформы, преследовала сразу несколько взаимосвязанных целей: фискальные (увеличение доходов казны и сокращение расходов); усиление королевской власти путем построения эффективного и подчиненного ей аппарата;

¹⁶ Жозеф-Мари Терре (1715-1778) занимал посты генерального контролера финансов (1769-1774) и морского госсекретаря (1770-1771).

¹⁷ Шарль-Александр де Калонн (1734-1802) – генеральный контролер финансов (1783-1787).

¹⁸ Этьен-Шарль де Ломени де Бриенн (1727-1794) – архиепископ Тулузский, глава королевского финансового совета и главный министр (1787-1788).

¹⁹ Этьен-Франсуа, герцог де Шуазёль (1719-1785) – госсекретарь иностранных дел (1758-1761, 1766-1770), военный (1761-1770) и морской (1761-1766) госсекретарь.

²⁰ Клод-Луи-Робер, граф де Сен-Жермен (1707-1778) – военный госсекретарь (1775-1777).

²¹ Клеман-Шарль-Франсуа де Лаверди (1724-1793) – генеральный контролер финансов (1763-1768).

²² Пьер-Самюэль Дюпон де Немур (1739-1817) – экономист и предприниматель, друг Тюрго, который в бытность генеральным контролером финансов назначил его генеральным инспектором торговли и мануфактур.

²³ Кретьен-Франсуа, маркиз де Ламуаньон де Бавиль (1735-1789) – в период опалы канцлера Мопу был назначен хранителем печатей (1787-1788).

привлечение подданных к управлению (в принципе, реализация этой задачи тоже призвана была способствовать усилению королевской власти, но сами короли и большинство их министров к расширению выборного и представительного начала относились с опаской, так что соответствующие реформаторские проекты Лаверди, Тюрго и Неккера не получили успешного завершения).

С точки зрения их истоков и мотивации перечисленные реформы можно условно разделить на два типа: преимущественно ситуационные и «философские». Первые – это реформы, являющиеся непосредственным откликом на сложившуюся ситуацию, попыткой разрешить назревшую проблему. Пример реформы такого типа – «переворот Мопу» - реформа парламентов, вызванная резким подъемом парламентской оппозиции и обнаружившейся неспособностью правительства погасить эту оппозицию менее радикальными методами. Второй тип – реформы, идейно подготовленные, выросшие из философии Просвещения. Пример такого типа – реформы Тюрго, представлявшие собой попытку выйти из финансовых затруднений, реализовав при этом на практике либеральные экономические и политические идеи.

Примечательно при этом, что большую часть названных преобразований и проектов сами современники не называли реформами. Обычно, когда речь о них заходила, собеседники просто ссылались на соответствующий эдикт. Некоторые из самых значительных и шумевших реформ получили особые наименования, причем носившие преимущественно негативный оттенок: так, осуществленные в годы Регентства финансовые эксперименты Джона Ло называли «системой» («le système») Ло, а парламентскую реформу канцлера Мопу «государственным переворотом» («le coup d'Etat») Мопу. Реформами же современники обычно называли преобразования и нововведения, касавшиеся армии (такие как реформы Шуазёля и Сен-Жермена), что точно соответствовало толкованию термина «реформа» в словарях XVIII в.

В замыслах, аргументации и восприятии современниками этих реформаторских попыток сочетались все три обозначенные выше толкования понятия «реформа»: реформа как возврат к прекрасному прошлому, реформа как уничтожение лишнего (или искоренение возникших недостатков) и реформа как создание нового, лучшего, чем старое. По мнению Ф. Минара, восприятие реформ изменилось к середине XVIII в., совершился переход от представления о реформе как о возврате к прошлому к осмыслению ее как движения вперед по пути прогресса: «На протяжении первой половины XVIII в. совершается переход от реформы-восстановления, возвращения к прежнему порядку, так, как это мыслилось еще в эпоху Регентства, к реформе-улучшению, устремленной к лучшему будущему. Это философия прогресса»²⁴. Это утверждение, на наш взгляд, требует некоторых уточнений. С одной стороны, уже Регентство не было только возвратом к прошлому и не осознавалось только как возврат к прошлому. Действительно, политические преобразования регента - полисинодия, вернувшая к власти родовитую аристократию, история с опротестованием завещания Людовика XIV и восстановлением полномочий Парижского парламента – могли трактоваться как восстановление прежнего порядка и устранение эксцессов, допущенных покойным монархом. Но его эксперименты в финансовой сфере, связанные с «системой Ло» и введением бумажных денег, были несомненным новшеством. С другой стороны, и

²⁴ Минар Ф. Указ. соч. С. 220.

во второй половине века, вплоть до созыва Генеральных штатов в 1789 г. сохранялась трактовка реформ как «реформирования злоупотреблений» и возврата к прошлому.

Тема возврата к прошлому присутствовала в аргументации как самой реформы Мопу, так и ее отмены. Канцлер Мопу, выступая в Парижском парламенте, говорил, что изначально парламенты получили свою власть от короля и потому король волен распорядиться этой властью по своему усмотрению²⁵. Противники реформы, в частности герцог Шартрский²⁶ и его окружение, призывали отменить ее, чтобы «вернуть нации ее законную свободу»²⁷. Устойчивой составляющей многих реформаторских начинаний было сокращение должностей в армии, судах, финансовом ведомстве. Идея реформы как обновления, шага вперед по пути прогресса, была явственно выражена в проекте муниципальной реформы Тюрго²⁸.

В самом осуществлении реформ или отказе от них со стороны королей и министров преобладал подход, согласно которому любые преобразования должны преследовать цель искоренять недостатки и злоупотребления, улучшать, не подрывая при этом основ государственного устройства. Подобное отношение к реформам связано с тем, что в сознании значительной части образованного французского общества (включая тех, кто принимал политические решения и проводил реформы) жил органицистский образ государства как политического тела и реформы уподоблялись лечению больного организма²⁹. В подобную логику вписывалась идея реформы-возврата и реформы-улучшения, но не радикального изменения, так как цель лечения состоит не в том, чтобы сделать больного другим человеком, а том, чтобы вернуть его в прежнее, здоровое состояние.

То или иное отношение к реформам складывалось в рамках всей системы представлений о государстве и обществе, королевской власти, взаимоотношениях короля и подданных. В среде правящей элиты пользовались влиянием две разные концепции французской монархии. Согласно одной, король, наделенный абсолютной властью, правит по закону, считаясь с традициями³⁰. Другой была разработанная Лемерсье де ла Ривьером

²⁵ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline, 7 décembre 1770 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 164-165.

²⁶ Луи-Филипп-Жозеф, герцог Монпансье, герцог Шартрский, с 1785 г. герцог Орлеанский (1747-1793) – принц крови, лидер оппозиции, в годы Французской революции взял имя Филипп-Эгалитэ. В Национальном конвенте голосовал за казнь короля, что не спасло его от гильотины. Отец будущего короля Франции Луи-Филиппа Орлеанского.

²⁷ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784. Paris: Flammarion, 1907. Т. 3. Р. 129.

²⁸ Turgot A.-R.-J. Oeuvres de Turgot et documents le concernant / G. Schelle. 5 vols. Paris: Alcan, 1913-1923. Т. 4. Р. 576-577.

²⁹ Как писал шевалье де Жокур в статье «Государство» для «Энциклопедии», «у политического тела, как и у человеческого тела, различают здоровое состояние, хорошее сложение и болезненное состояние. Его болезни происходят или от злоупотребления верховной властью, или от плохого устройства *государства*; и их причины следует искать в недостатках тех, кто правит, или в пороках самого правления» (Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. Т. 6. Р. 19). Воспитатель сына Людовика XVI маркиз де Лувиль опровергал теорию разделения властей, ссылаясь на то, что разделить живое политическое тело монархии – значило бы убить его: «В политической администрации все происходит, как в природе. Бесповоротное разделение властей здесь было бы ошибкой, подобной выделению элементов природного вещества: так можно разрушать, но не создавать» (Esquisse de l'ancien gouvernement français, tracée pour l'instruction de Monsieur le Dauphin, fils de Louis XVI // Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. 6 vol. Bruxelles-Leipzig, 1838. Т. 2. Р. 40-41). Подробнее см. об этом в статье «Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII века».

³⁰ Такую концепцию излагал в своих сочинениях королевский историограф Жакоб-Николя Моро: Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public, Puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Discours sur l'Histoire de France. Dédiés au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. 21 vol. A Paris: de l'Imprimerie

концепция «легального деспотизма», которой придерживался, в частности, Тюрго³¹. В соответствии с этой концепцией, король, которому принадлежит вся полнота абсолютной власти, творит законы государства на основе норм естественного права. Из этих концепций следовало разное отношение к реформам. Традиционалистская концепция склоняла короля поддерживать существующий порядок, искоренять злоупотребления и смотреть не столько в будущее, сколько в прошлое. У «легального деспота» были развязаны руки для проведения любых преобразований, какие он считал законными, разумными и справедливыми. Из двух последних правителей дореволюционной Франции Людовику XV, очевидно, ближе была идея «легального деспотизма», а его внуку Людовику XVI – традиционные представления, что сильно повлияло на его политику. Царствование Людовика XVI началось с отмены реформы Мопу, которая завершила правление его деда и явилась, пожалуй, самым ярким образцом политики «легального деспотизма». Нежелание порывать с традициями проявилось и в отношении Людовика XVI к политике Тюрго³². Пока Тюрго экспериментировал со свободой хлебной торговли, отменой дорожной повинности и цеховой системы, Людовик XVI твердо стоял за него и принуждал Парижский парламент регистрировать эдикты о реформах. Когда же Тюрго подал королю «Записку о муниципалитетах», содержащую проект серьезной конституционной реформы (создание сети выборных ассамблей сверху донизу), Людовик усмотрел в этом подрыв фундаментальных законов французской монархии и дело закончилось отставкой министра. Во второй половине 1780-х гг., когда потребовалось принимать радикальные меры для выхода из глубокого финансового кризиса, подобное отношение к реформаторской политике стало одним из факторов, тормозивших преобразования сверху.

royale, 1777; Idem. Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. Nouv. éd. Paris: Impr. de Monsieur, 1782.

³¹ Lemercier de La Rivière P.-P. L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. 2 vol. Londres-Paris, 1767.

³² О своей приверженности идее «легального деспотизма» Тюрго писал Дюпон де Немур в январе 1771 г. (Turgot A.-R.-J. Oeuvres de Turgot. T. 3. P. 475).

О том как поссорились его светлость герцог д'Эгюийон с мессиром Ла Шалоте³³

Завязка этого казуса в изложении современников и многих историков своей анекдотичностью напоминает ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем из-за гусака. Он однако не канул в лету и оставил следы во множестве судебных, административных, дипломатических, публицистических, мемуарных, эпистолярных и иных документов XVIII в. Это и неудивительно. Ведь его герои были людьми не маленькими. С одной стороны - Эмманюэль Арман де Виньеро дю Плесси де Ришельё герцог д'Эгюийон (1720-1788), в 1753-1768 гг. – главнокомандующий (*commandant en chef*) в провинции Бретань, в 1771-1774 гг. – один из влиятельнейших людей в стране, занимавший сначала пост государственного секретаря (министра) иностранных дел, а впоследствии еще и военного министра. С другой стороны – генеральный прокурор парламента (суда) провинции Бретань Луи Рене де Карадёк де Ла Шалоте (1701-1785), в свое время популярный публицист и лидер парламентской оппозиции. Конфликт между такими людьми не остался их частным делом и быстро перерос в политическое событие сначала провинциального, а затем и национального масштаба, и основательно потряс величественное здание французской монархии. «Дело д'Эгюийона – Ла Шалоте» произвело столь сильное впечатление на общественное мнение и так резко его поляризовало, что, по словам историка, «его резонанс можно бы сравнить, *mutatis mutandis*, с резонансом “дела Дрейфуса” в начале XX в.»³⁴.

Назначенный 20 апреля 1753 г. главнокомандующим в Бретани герцог д'Эгюийон принадлежал к влиятельному аристократическому клану. Правнучатый племянник великого кардинала Ришельё, племянник маршала Франции Л.-Ф.-А. де Ришельё, женатый на Луизе Фелисите де Бреан де Плело, племяннице министра королевского дома Луи Фелипо, графа де Сен-Флорантена, быстро делал блестящую военную карьеру. Но все же его появление в Бретани в качестве главнокомандующего выглядело весьма неожиданным, так как он был еще слишком молод (ему исполнилось 33 года), чтобы занять столь ответственный пост, на котором ему предстояло не только командовать вооруженными силами, но и управлять многими гражданскими делами местной администрации. Главнокомандующий, наряду с интендантом, считался представителем короля в провинции. По всем вопросам, касающимся управления провинцией, он сносился напрямую с соответствующим министром³⁵. Сложность его положения в Бретани состояла в том, что эта самобытная провинция в значительной мере сохранила самоуправление и привилегии, прежде всего в области налогообложения. Бретань и по сей день отличается культурным и языковым своеобразием, и там существует автономистское движение. При Старом порядке на страже бретонских вольностей стояли провинциальные штаты (собрание представителей духовенства, дворянства и третьего сословия провинции) и

³³ Впервые опубликовано: Казус 2002: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4 / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцава. М.: ОГИ, 2002.

³⁴ Antoine M. En marge ou au coeur de l'«affaire de Bretagne»? Intrigues et cabales de M. de La Chalotais // Antoine M. Le dur métier de roi. Paris, 1986.

³⁵ О полномочиях главнокомандующего в провинции см.: Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774-1789. Спб., 1900. Т. 1. С. 414-428.

парламент Бретани, заседавший в г. Ренне. Для сбора налогов на территории провинции требовалось согласие провинциальных штатов, а королевские эдикты обретали там законную силу только после регистрации их в местном парламенте. В XVIII в. Реннский парламент – в котором, как и во всех других парламентах Франции, судьи являлись собственниками своих должностей – неизменно был активным участником политических конфликтов с королевской властью. Попытки центральной администрации урезать налоговые привилегии Бретани неизменно вызывали сопротивление местных органов власти.

Молодой главнокомандующий был человеком честолюбивым и целеустремленным. Современники по-разному оценивали его способности: одни считали его талантливым администратором, другие – ничтожным интриганом, мало сведущим в государственных делах³⁶. Оценки историков также резко расходятся. Одни авторы осуждали деятельность д'Эгюийона в Бретани за произвол, беззакония и нежелание считаться с провинциальными вольностями и превозносили Реннский парламент, стойко защищавший интересы своей провинции³⁷. Другие, напротив, утверждали, что главнокомандующий проводил в Бретани политику, отвечающую общенациональным интересам, и обвиняли магистратов парламента в том, что под предлогом защиты жителей провинции они пеклись лишь о собственных привилегиях³⁸. Третьи же претендовали на «объективную позицию», то есть считали своим долгом отметить достоинства и недостатки у той и другой стороны. Возникновение противоречий между ними объяснялось, в частности, приверженностью разным концепциям монархии: судебной, с опорой на парламенты – у магистратов и административной монархии – у д'Эгюийона³⁹. Справедливости ради следует сказать, что многие уничижительные оценки его деятельности, впоследствии перекочевавшие в труды историков, принадлежали австрийскому послу Ф.-К. де Мерси-Аржанто, чья неприязнь к д'Эгюийону – противнику франко-австрийского союза – очевидна⁴⁰.

Оказавшись в Бретани, д'Эгюийон в целом трезво оценивал обстановку, в которой ему предстояло действовать, и отдавал себе отчет в необходимости искать компромисс между общегосударственными и местными, провинциальными интересами. Он признавал, что Бретань «невозможно полностью уподобить другим провинциям и не потворствовать ее предрассудкам относительно своих привилегий, прав и вольностей. [...] Бретань [...] заслуживает [...], чтобы министерство сообразовало иметь снисхождение к ее предрассудкам и особое внимание к ее обычаям и привилегиям»⁴¹. Однако ему и бретонской политической элите, заседавшей в провинциальных штатах и парламенте,

³⁶ О д'Эгюийоне как человеке и государственном деятеле см.: Laugier L. Le duc d'Aiguillon. Paris, 1984.

³⁷ Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Т. 10. P. 28 (статья «La Chalotais»); Saulnier de La Pinelais G. Le barreau du Parlement de Bretagne, 1553-1790. Les procureurs. - Les avocats. Rennes-Paris, 1896; Idem. Les Gens du roi au Parlement de Bretagne, 1553-1790. Paris-Rennes, 1902; Le Moy A. Le Parlement de Bretagne et le pouvoir royal au XVIIIe siècle. Angers, 1909.

³⁸ Marion M. La Bretagne et le duc d'Aiguillon, 1753-1770. Paris, 1898; Carré H. La Chalotais et le duc d'Aiguillon: correspondance du chevalier de Fontette. Paris, 1893.

³⁹ Pocquet B. Le Pouvoir absolu et l'esprit provincial: le duc d'Aiguillon et La Chalotais. 3 vols. Paris, 1900-1901; Fréville H. L'intendance de Bretagne, 1689-1790: essai sur l'histoire d'une intendance en pays d'états au XVIIIe siècle. 3 vols. Rennes, 1953. Т. 2. P. 93-116.

⁴⁰ См., например, письмо Мерси-Аржанто императрице Марии Терезии от 19 декабря 1771 г.: Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. 3 vols. Paris, 1875. Т. 1. P. 256-259.

⁴¹ Lettre de d'Aiguillon au maréchal de Belle-Isle. 8 août 1759 // Marion M. Op. cit. Appendice. P. 600-601.

местные интересы виделись по-разному; то, что ему казалось «предрассудками», в ее глазах выглядело «законными правами». На этой почве постепенно выросло взаимное недовольство, а затем и открытое противостояние.

Поначалу его встретили хорошо: молодой, небольшого роста, но изящный и приятной наружности герцог умел нравиться и пользовался успехом у женщин. На новом месте ему помогали родственные связи со многими бретонскими семьями дворянства шпаги и мантии, которые он имел по линии жены. К своим обязанностям он отнесся исключительно добросовестно. Далеко не каждый на этом посту проявлял такую активность и трудолюбие. В отличие от многих других главнокомандующих, живших больше в Версале и Париже, чем в своей провинции, д'Эгюийон постоянно находился в Бретани. Он много ездил по провинции, ежедневно посылая инструкции интенданту; его деловая корреспонденция насчитывает сотни подробных и толковых писем⁴².

Во время поездок по городам и портам Бретани герцог сразу обратил внимание на плохое состояние дорог, препятствовавшее развитию торговли и укреплению обороны этой прибрежной, пограничной провинции. Исправить положение оказалось непросто, так как состояние дорог входило в компетенцию провинциальных штатов: они выделяли на это деньги, назначали комиссию, которая следила за их расходом, определяли размеры дорожной повинности. Энергичный главнокомандующий попытался взять руководство дорожными работами в свои руки, сам определял место, размеры и способы строительства дорог и лично наблюдал за ходом работ. В результате между ним и провинциальными штатами возник спор по поводу разграничения полномочий, который удалось уладить путем взаимных уступок⁴³. Главнокомандующий дотошно вникал и в другие провинциальные дела: занимался благоустройством городов, организацией общественных работ, строительством каналов и портов. Все это требовало немалых средств и вызвало разногласия между д'Эгюийоном и комиссией провинциальных штатов, ведавшей расходом денег на местные нужды.

Д'Эгюийон по мере сил старался избегать столкновений с бретонскими органами власти – провинциальными штатами и парламентом, - играя на противоречиях между ними. Весной 1759 г. он писал генеральному контролеру финансов: «Во все времена существовала непримиримая зависть между парламентом и штатами [...]. Парламентские судьи, привыкшие, что дворяне, низшие судьи и мэры обращаются к ним с просьбами, а значит боятся их и уважают, болезненно переживали необходимость унижаться перед этими людьми, чтобы получить снижение налогов, а те не упускали случая воздать им сторицей за все грубости, которые приходилось сносить во время судебных тяжб. Такое отсутствие согласия между двумя корпорациями зачастую могло сослужить добрую службу интересам короля». Но в последнее время, с прискорбием отмечал д'Эгюийон, неповиновение со стороны тех и других стало нарастать, во многом из-за того что парламенты в разных провинциях Франции начали действовать согласованно. Провинциальные штаты теперь «возомнили, что могут найти в лице парламента сильную поддержку, потому что он связан со всеми другими парламентами королевства, и необычайно с ним сблизилась»⁴⁴. Д'Эгюийон тем не менее считал, что проводить политику в интересах короля в Бретани можно, опираясь только на провинциальные

⁴² Rocquet B. Op. cit. T. 1. P. 10.

⁴³ Ibid. P. 26-29.

⁴⁴ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 123-124.

штаты, но никак не на парламент. От штатов можно надеяться различными способами получить согласие на взимание налогов, тогда как парламенты осмелели и будут постоянно находиться в непримиримой оппозиции. Как писал д'Эгюийон одному из служащих финансового ведомства, «конечно, штаты крайне безрассудны и неуправляемы, но все же с ними можно справиться благодаря терпению и ловкости; я не знаю никаких способов уговорить или обуздать парламент Бретани, хотя там у меня больше друзей и верных людей, чем в собрании штатов, но чтобы их уговорить, потребовалось бы уничтожить все имеющиеся у них предрассудки, в то время как я уговариваю штаты при помощи их предрассудков»⁴⁵. Д'Эгюийон пытался – и на первых порах ему это удавалось – играть в Бретани роль арбитра между интендантом, требовавшим энергичных мер и авторитарных действий, и провинциальными штатами.

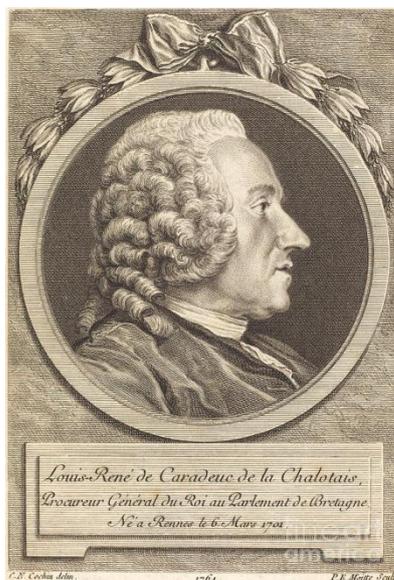
Вскоре после того как д'Эгюийон прибыл в Бретань, финансовые трудности, типичные для французской монархии XVIII в., особенно обострились в связи с Семилетней войной (1756-1763). Правительство было вынуждено увеличивать налоги, что, естественно, вызывало недовольство провинциальных штатов. По словам д'Эгюийона, «в 1754, 1756, 1758 гг. от ассамблеи к ассамблее [провинциальные штаты собирались каждые два года – Л.П.] дерзость, независимый дух и непристойная смелость всё нарастали, поощряемые безнаказанностью, и к ассамблее 1760 г. достигли крайней точки»⁴⁶. Для покрытия военных расходов были введены новые чрезвычайные налоги, с немалыми трудностями получившие одобрение провинциальных штатов. Правительство обещало отменить их после заключения мира, а между тем казна была пуста. В апреле 1763 г. появились королевские эдикты, предписывавшие снова увеличить налоги и составить земельный кадастр – перепись всех без исключения земельных владений в королевстве для обеспечения полного сбора налогов. Эти меры вызвали волнения во многих провинциях. По всей стране оживилась парламентская оппозиция. Ей противостояли главнокомандующие, с применением военной силы заставлявшие парламенты принудительно регистрировать королевские эдикты. Однако парламенты продолжали протестовать, и в конце концов перед лицом их дружной оппозиции король отступил. К концу 1763 г. он отправил в отставку наиболее ненавистных парламентам министров и отозвал апрельские эдикты. Декларацией 21 ноября 1763 г. король отменил часть нововведенных налогов, вынес вопрос о земельном кадастре на рассмотрение парламентов и предложил им изложить свои мнения относительно способов улучшить состояние финансов и взимание налогов. Реннский парламент отчасти стоял в стороне от общего брожения, так как королевские эдикты о налогах рассматривал не он, а провинциальные штаты Бретани. Но его отношения с главнокомандующим становились все более напряженными. Разногласия между сторонами то и дело вспыхивали по самым разным вопросам: из-за отношения к деятельности Ордена иезуитов; из-за королевского приказа от 12 октября 1762 г., согласно которому на заседаниях провинциальных штатов впредь налоги должны были приниматься большинством в два голоса против одного (до этого для утверждения налогов требовалось единогласное одобрение трех сословий). Парламент начал обвинять д'Эгюийона в произволе и нарушении конституционных обычаев провинции. По словам мемуариста, повторявшего расхожие мнения о

⁴⁵ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 206.

⁴⁶ Цит. по: Rosquet B. Op. cit. T. 1. P. 101.

д'Эгюийоне, «он вскоре обнаружил непримиримый, властолюбивый, злобный и особенно мстительный характер»⁴⁷.

Олицетворением оппозиции д'Эгюийону в Бретани стал генеральный прокурор Реннского парламента Луи-Рене де Карадёк де Ла Шалоте. Этот человек, принадлежавший к старой бретонской парламентской семье, был довольно известен и заслужил у части современников репутацию борца против тирании и произвола. Он прославился как автор экономического трактата, в котором отстаивал идеи физиократов о необходимости ввести свободную торговлю зерном, и особенно как активный участник развернувшейся во Франции в начале 1760-х гг. дискуссии вокруг деятельности Ордена иезуитов.

Илл. 4. Генеральный прокурор короля при бретонском парламенте Л.-Р. де Карадёк де Ла Шалоте. Гравюра Пьера-Этьена Муатта с портрета Шарля-Николя Кошена. 1764

В этой дискуссии д'Эгюийон и Ла Шалоте волей судьбы оказались по разные стороны баррикад. Ла Шалоте происходил из семьи, известной своей приверженностью янсенизму, и поначалу поддерживал семейную традицию, но со временем заразился вольнодумством века Просвещения⁴⁸. Реннский парламент уполномочил его представить доклады о моральной доктрине Общества Иисуса и обучении в иезуитских коллегиях. Ла Шалоте охотно откликнулся, обличил учение иезуитов как вредоносное и опасное для государства, а устав и привилегии Ордена как противоречащие французским законам и вольностям галликанской церкви и предложил парламенту принять постановление о его роспуске. Представленные в декабре 1761 и в мае 1762 г. доклады Ла Шалоте получили широкую огласку. Они заслужили благожелательный отзыв Вольтера, назвавшего один из этих докладов «единственным философским сочинением, когда-либо произведенным на свет судейским сословием»⁴⁹. Реннский парламент одобрил доклады генерального прокурора, приняв все его выводы, и 27 мая 1762 г., через неделю после второго доклада

⁴⁷ Mémoires du baron de Besenval. Paris, 1846. P. 193.

⁴⁸ Meyer J. La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle. T. 1-2. Paris, 1966. T. 2. P. 994-996.

⁴⁹ Oeuvres complètes de Voltaire. T. XLII. Correspondance. T. X. P. 105. Цит. по: Pocquet B. Op. cit. T. 1. P. 218-219. О переписке Ла Шалоте с Вольтером см.: Rothney J. The Brittany Affair and the Crisis of the Ancien Régime. New York-London-Toronto, 1969. P. 85-96.

вслед за Парижским парламентом постановил распустить Общество Иисуса. 27 ноября 1762 г. последовало еще одно постановление Реннского парламента, запрещающее деятельность Ордена иезуитов⁵⁰. Окрыленный Ла Шалоте сочинил и опубликовал в марте 1763 г. «Очерк национального воспитания, или План образования для молодежи», в котором критиковал образование в иезуитских коллегиях и предлагал изучать в первую очередь не древние языки, а историю отечества, географию, естественную историю, физику и математику. Сочинение Ла Шалоте, в котором он одним из первых употребил и ввел в обиход термин «национальное воспитание», пользовалось успехом и было переведено, в частности на русский и немецкий языки⁵¹.

Д'Эгюийон обратил внимание на развернутую Ренским парламентом антииезуитскую кампанию, тон в которой задавал Ла Шалоте. По мнению главнокомандующего, деятельность генерального прокурора провоцировала в Бретани неповиновение королевской власти. Осенью 1762 г. в письме генеральному контролеру финансов он обвинил Ла Шалоте «в неподобающем и странном поведении»⁵². Недовольство главнокомандующего вызывало и то, что парламент упорно отказывался зарегистрировать королевскую декларацию от 21 ноября 1763 г., заявляя, что Бретань и так уже чрезмерно обременена налогами.

Начало открытого противостояния главнокомандующего и генерального прокурора относится ко времени работы провинциальных штатов 1762 г. Ла Шалоте опасался, что они могут не поддержать решения парламента и высказаться за сохранение иезуитских коллегий, а это явилось бы политическим и моральным поражением лично для него и для всего Реннского парламента. Основания для таких соображений были, так как мнения депутатов провинциальных штатов разделились. Ла Шалоте подозревал д'Эгюийона в тайных попытках склонить депутатов в пользу иезуитов, и решил поделиться своими опасениями с всемогущим в ту пору министром герцогом Этьеном-Франсуа де Шуазёлем. Впоследствии Ла Шалоте заявлял: «Он [д'Эгюийон] сначала казался вполне нейтральным, но к концу заседаний штатов открыто поддерживал все происки этой партии [иезуитов – Л.П.]»⁵³. В одном из сочинений в свою защиту Ла Шалоте писал о том, что д'Эгюийон поддерживал иезуитов «сначала исподтишка, а затем совершенно открыто [...]. Я боялся последствий этого раскола [между депутатами провинциальных штатов – Л.П.], так как стало совершенно очевидно, что г-н д'Эгюийон поддерживает партию, способную усилить распри; я говорил с ним об этом три или четыре раза, и в конце концов известил о положении дел г-на герцога де Шуазёля [...]; он ответил, что мои опасения вполне обоснованны и что он полностью со мной согласен»⁵⁴.

⁵⁰ Об антииезуитских докладах Ла Шалоте и откликах на них см.: *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours; ou Journal d'un observateur*. Par feu M. de Bachaumont. A Londres, 1777-1789. T. 1. P. 50, 72, 113; Pocquet V. Op. cit. T. 1. P. 209-211, 283-286; Rothney J. Op. cit. P. 65-68. Подробнее см. также статьи главы 4 «Монархия и Церковь».

⁵¹ *Essai d'Education nationale ou Plan d'études pour la jeunesse, déposé au Greffe du Parlement de Bretagne par Messire Louis-Réné de Caradec de la Chalotais, Procureur-Général du Roi au Parlement de Bretagne*. 1763; русск. перевод: Опыт народного воспитания или чертеж наук, в пользу юношества. Соч. Людовиком-Ренатом де Карадюк де Ла Шалотом. Пер. с франц. Р. Гвоздиковской. Спб., 1770; нем. перевод: Ludwig Rénatus de Caradec de la Chalotais. Versuch über den Kinder-Unterricht, mit Unmerkungen und einer Vorrede, die Unbrauchbarkeit und Schädlichkeit der Basedowschen Erziehungs-Projecte betreffend. Göttingen und Gotha, 1771.

⁵² Цит. по: Pocquet V. Op. cit. T. 1. P. 286-287.

⁵³ *Le procès de La Chalotais*. 3 vols. Paris, 1767. T. 2. P. 55.

⁵⁴ *Mémoires de Lachalotais, procureur-général au parlement de Bretagne; précédés d'une introduction par M. Gilbert de Voisins, et suivis de documents extraits des registres du parlement*. Paris, 1826. P. 20, 29-32.

Вряд ли д'Эгюийон мог простить ему этот донос. В первой половине 1760-х гг. Шуазель занимал посты военного и морского министра и, таким образом, являлся непосредственным начальником бретонского главнокомандующего. За внешне благожелательными отношениями Шуазеля и д'Эгюийона скрывалось непримиримое соперничество. Д'Эгюийон, как и дядя его супруги граф де Сен-Флорантен, принадлежал к придворно-министерской фракции, враждебной Шуазелю. Последний был рад любыми способами остановить возвышение того, в ком видел возможного конкурента. Неудивительно, что известный своими связями с парламентскими кругами Шуазель поначалу поддержал Ла Шалоте, о далеко идущих планах которого он пока не догадывался.

Среди основных мотивов обозначившегося конфликта современники выделяли идейные разногласия между другом энциклопедистов и физиократов Ла Шалоте и сторонником «иезуитской партии» д'Эгюийоном⁵⁵. Парижский парламент в своих ремонстрациях 1760-х гг. приписывал «бретонское дело» махинациям иезуитов⁵⁶. Но был ли д'Эгюийон сторонником иезуитов? Такую репутацию усиленно создавали его противники, но каких-либо доказательств ни у кого из них мы не находим. Историки, специально интересовавшиеся религиозными воззрениями д'Эгюийона, склонялись к тому, что он был равнодушен к идейным спорам как таковым и оказался вовлеченным в них лишь логикой политического конфликта⁵⁷. Не прослеживается никаких связей д'Эгюийона с Орденом иезуитов. В недрах Реннского парламента появился на свет «Список частых секретных собраний иезуитов в Ренне и их участников». По заявлению составителей списка, он неопровержимо доказывает существование некоего иезуитского заговора, направленного против магистратов Реннского парламента, в первую очередь против Ла Шалоте: сторонники иезуитов на своих тайных сборищах «готовили секретные сведения против арестованных магистратов [документ был составлен после ареста Ла Шалоте, о котором речь пойдет ниже] и особенно против господ генеральных прокуроров, сочиняли и составляли так называемые статьи обвинений в злоупотреблении властью и т. д.»⁵⁸. За таким многообещающим предисловием следует перечень мест, где собирались сторонники иезуитов, и имен участников их собраний. В списке нет имен ни герцога д'Эгюийона, ни кого-либо из его близких. Очевидно, составителям было необходимо бросить хоть какую-нибудь «иезуитскую тень» на главнокомандующего, и поэтому в самом конце списка появились некие «жены служащих и секретарей герцога д'Эгюийона»⁵⁹. О ком конкретно идет речь, не уточняется, хотя все остальные лица в пятистраничном списке названы поименно. Впоследствии, в 1770-е гг., став министром, д'Эгюийон не предпринял никаких шагов в поддержку иезуитов и, напротив, твердо стоял за исполнение королевского эдикта 1764 г. об их изгнании. Занятая им позиция засвидетельствована, в частности, в письмах Д'Аламбера к Вольтеру: «Хотя государи и папа и разогнали этот сброд [речь шла об Ордене иезуитов – *Л.П.*], но он пытается вновь объединиться и не оставляет надежды в этом преуспеть. Существует план восстановить их

⁵⁵ Sénac de Meilhan. Le gouvernement, les mœurs et les conditions en France avant la Révolution, avec le caractère des principaux personnages du règne de Louis XVI. Paris, 1862. P. 399-406.

⁵⁶ Rothney J. Op. cit. P. 168.

⁵⁷ Marion M. Op. cit. P. 173-180.

⁵⁸ Tableau des assemblées secrètes et fréquentes des jésuites, et leurs affiliés à Rennes // Mémoires de Lachalotais. P. 242-243.

⁵⁹ Ibid. P. 249.

во Франции под другим именем... С этой целью де Брои сейчас изо всех сил плетут интриги; но я надеюсь, что на их пути в единодушном порыве встанут герцог д'Эгюийон и все честные люди королевства. [...] Они хотят лишь приоткрыть маленькую дверцу, которая вскоре превратится в широкие ворота [...]. Эти грубияны создадут в государстве еще большую смуту, чем раньше, [...] королю они никогда не простят, что он согласился их уничтожить, а самым преданным королю министрам, таким как герцог д'Эгюийон, придется раскаться в том, что, находясь у власти, они уничтожили Орден»⁶⁰. Такая позиция д'Эгюийона по отношению к иезуитам не удивительна, так как его блестящая карьера в то время зависела от покровительства фаворитки Людовика XV мадам Дюбарри, к которой проиезуитская «партия святош» относилась с непримиримой враждебностью.

По-видимому, сами иезуиты были ему глубоко безразличны. При всех обстоятельствах и на всех занимаемых постах герцог д'Эгюийон старался делать то, что способствовало бы укреплению королевской власти и поддержанию порядка в государстве, не забывая при этом о своих личных интересах. Оказавшись у власти, он ничего не предпринял, чтобы вернуть иезуитов, так как подобный шаг мог поднять в королевстве новую смуту, тем более что в своей карьере он уже сделал ставку на Дюбарри. Прежде, в период бретонских событий 1760-х гг. он сблизился с проиезуитскими «святошами» не столько по идейно-религиозным соображениям, сколько из враждебности к общему противнику – парламентам, политические претензии которых возросли в результате победы над иезуитами. Натянутые отношения с Реннским парламентом побуждали его агитировать в пользу Ордена среди депутатов провинциальных штатов.

Сами по себе идейные разногласия между д'Эгюийоном и Ла Шалоте были вторичными и конъюнктурными. Им принадлежала важная роль в пространстве дискурса, но не реальной политики, где д'Эгюийон в разные годы свободно занимал позицию то за, то против иезуитов. Тем не менее, в идейных баталиях «века Просвещения» д'Эгюийон и Ла Шалоте выглядели противниками. Оживленные публичные дискуссии между защитниками устоев абсолютной монархии, парламентскими идеологами и «философами»-вольнодумцами, на фоне которых развивалось противоборство д'Эгюийона и Ла Шалоте, наполняли его идеологическим содержанием.

Конфликт в Бретани между представлявшим королевскую власть главнокомандующим и лидером парламентской оппозиции обострялся их личной неприязнью друг к другу. По всей очевидности, она исходила, в первую очередь, от герцога. Ла Шалоте поначалу доверял д'Эгюийону и рассчитывал на его поддержку, посвящая в свои разногласия с другими магистратами парламента. Он посылал герцогу экземпляры своих антииезуитских докладов. Во всех сохранившихся письмах вплоть до начала 1760-х гг. включительно Ла Шалоте отзывался о д'Эгюийоне с большим почтением⁶¹. Главнокомандующий же еще в 1759 г. дал крайне нелестную и весьма предвзятую оценку генеральному прокурору: «Кажется, я не раз уже говорил вам, что г-н де Ла Шалоте – самый глупый и дурной человек из всех, кого я знаю; он не имеет ни малейшего веса ни у себя в парламенте ни в провинции, но хочет выглядеть влиятельной персоной и для этого бросается очертя голову в круговерть всевозможных интриг, собирает у себя всех фрондеров и держит самые абсурдные и неблагоприятные речи. Но он

⁶⁰ Письма Д'Аламбера Вольтеру 26 февраля и 22 марта 1774 г. Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 175.

⁶¹ Rosquet B. Op. cit. T. 1. P. 287-289.

смел лишь на словах, и его легко смутить и привести в замешательство, как никого другого»⁶².

В XVIII в. широкую известность получил анекдот, объяснявший эту неприязнь и вообще происхождение конфликта в Бретани. Описанный в нем эпизод относится к периоду Семилетней войны. 11 сентября 1758 г. англичане попытались высадить десант на побережье Бретани в бухте Сен-Каст возле Сен-Мало. Французский главнокомандующий в провинции герцог д'Эгюийон, как говорили злые языки, не проявил никаких полководческих талантов и попросту струсил. Вместо того чтобы командовать войсками, он якобы издалека наблюдал за сражением, прячась на мельнице и не теряя времени даром с прекрасной мельничихой. Между тем один из его офицеров смело атаковал и отбросил вражеский десант. Эта вымышленная история о трусости д'Эгюийона дала повод для остроты, приписанной Ла Шалоте. У нее, как у типичного образца устного творчества, есть несколько версий. По одной из них, когда кто-то в присутствии Ла Шалоте заметил, что в сражении при Сен-Касте д'Эгюийон покрыл себя славой, тот парировал: «Да, славой и мукой» (или: «Да, наши солдаты покрыли себя славой, а маленький герцог – мукой!»). По другой версии, Ла Шалоте написал в письме, содержание которого стало известно д'Эгюийону: «Наш командующий видел сражение с мельницы, где был осыпан мукой вместо лавров»⁶³. Неосторожно брошенная фраза положила будто бы начало многолетней вражде.

Илл. 5. А. Деспань. Битва при Сен-Касте 11 сентября 1758 г. Префектура департамента Кот д'Армор

В мемуарах современников подчас все «бретонское дело» вырастает из одной остроты Ла Шалоте. Д'Эгюийон, которому не преминули ее сообщить, возмутился и если

⁶² Цит. по: Pocquet B. Op. cit. Т. 1. P. 92.; Fréville H. Op. cit. Т. 2. P. 95.

⁶³ Mémoires du baron de Besenval. P. 194; Sénac de Meilhan. Op. cit. P. 401; Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Т. 10. P. 28; Pocquet B. Op. cit. Т. 1. P. 77-81.

раньше покровительствовал Ла Шалоте, то теперь стал его заклятым врагом. Оскорбленный герцог «покаялся погубить Ла Шалоте и с этого момента был озабочен лишь тем, чтобы найти подходящий случай»⁶⁴. Такой случай представился, когда Реннский парламент начал противодействовать исполнению королевских указов. Выдвигая против Ла Шалоте обвинения в тяжких проступках и подстрекательстве к неповиновению королю, д'Эгюийон якобы в первую очередь сводил личные счеты.

Примечательно, что ни один из самих протагонистов драмы – ни д'Эгюийон, ни Ла Шалоте, – насколько можно судить по известным нам документам, не упоминал анекдота «про муку». Он несомненно представляет собой чистый вымысел, за исключением одной детали: в ходе сражения при Сен-Касте наблюдательные пункты герцога д'Эгюийона действительно располагались на двух мельницах. После одержанной победы главнокомандующего с триумфом встретили в Сен-Мало, а затем в Ренне. Тогда никто не подвергал сомнению личное мужество, проявленное им во время сражения. Первые упоминания о его недостойном поведении и об остроте Ла Шалоте в памфлетах и записках относятся к середине 1760-х гг., то есть к тому времени, когда началась открытая борьба д'Эгюийона с Реннским парламентом и дискредитация противника в общественном мнении стала одним из важных средств в этой борьбе⁶⁵.

«Истории с мукой» не было, но неприязнь д'Эгюийона к Ла Шалоте почему-то всё же возникла. Она могла появиться хотя бы вследствие того, что последний отличался крайней несдержанностью и вел себя, с точки зрения придворного аристократа, совершенно неприлично. В 1752 и 1755 гг., т. е. накануне и вскоре после приезда д'Эгюийона в Бретань генеральный прокурор имел две скандальные судебные тяжбы с младшим братом из-за раздела наследства. В ходе процесса братья обвиняли друг друга во всех смертных грехах и не скупилась на оскорбления. По словам очевидца, они ругались, «как грузчики»⁶⁶. Причем закон явно был на стороне младшего брата, о чем юрист Ла Шалоте, конечно же, не мог не знать, но тем не менее изо всех сил пытался заполучить лишнюю долю наследства, на которую не имел никаких прав. Кое-кто из современников отзывался о нем как о «человеке с некрасивой и отталкивающей внешностью и с самой пошлой манерой говорить». По словам недоброжелателей, «он напивался допьяна почти ежедневно и под воздействием винных паров в сочетании со своим природным легкомыслием держал самые неосторожные речи. Его многословные и заурядные высказывания породили сомнения в том, что он сам написал свои сочинения, и их приписывали Д'Аламберу»⁶⁷. Поведение грубого провинциального мужлана не могло не покорибить изысканного вкуса герцога д'Эгюийона. Разделявший двух наших героев культурный барьер был достаточно велик.

Между тем в зените славы бретонский прокурор приехал в Париж (он находился там с ноября 1763 по май 1764 г.), где был благосклонно принят литераторами, энциклопедистами и физиократами. Он заручился поддержкой влиятельных лиц при дворе. Художники наперебой предлагали написать его портрет. Надменного и властного герцога д'Эгюийона беспокоила растущая популярность Ла Шалоте в провинции и в

⁶⁴ Mémoires du baron de Besenval. P. 194.

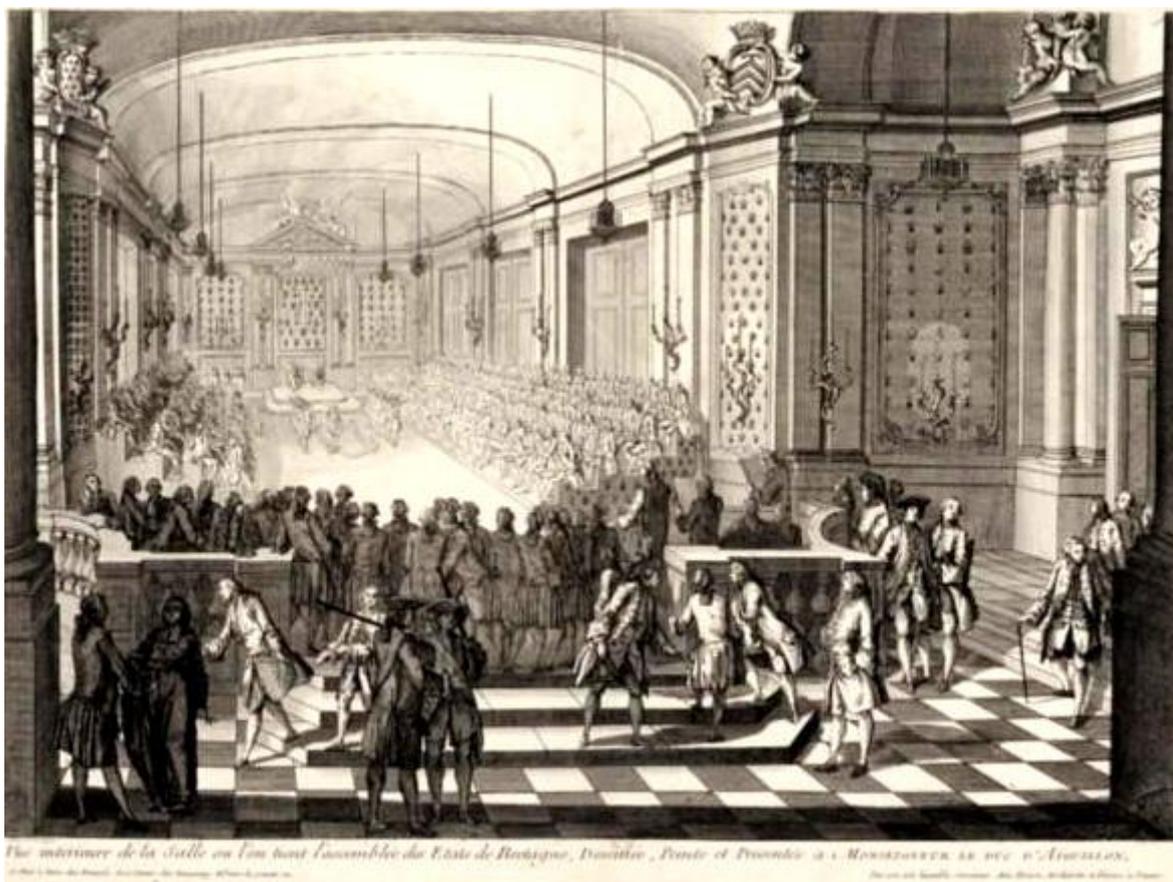
⁶⁵ См. об этом: Pocquet V. Op. cit. T. 1. P. 75-81.

⁶⁶ Meyer J. La noblesse bretonne au XVIIIe siècle. T. 2. P. 995-998.

⁶⁷ Sénac de Meilhan. Op. cit. P. 406. Версия, что подлинным автором сочинений Ла Шалоте является Д'Аламбер, появилась сразу же после их выхода в свет. См. об этом запись, сделанную Луи де Башомоном 13 апреля 1762 г. (Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. T. 1. P. 72).

парижских салонах, тем более что как раз в это время престиж самого главнокомандующего упал вследствие ряда неудачных операций против англичан в ходе Семилетней войны⁶⁸. Окрыленный успехом Ла Шалоте ничего не боялся, «презрительно отзывался о министрах, давая им смешные прозвища, и не щадил главнокомандующего в провинции герцога д'Эгюйона»⁶⁹. Основной целью поездки Ла Шалоте в Париж были хлопоты с целью осуществить давно вынашиваемую им операцию: передать сыну должность генерального прокурора, сохранив за собой право ее наследования. Д'Эгюйон пытался воспрепятствовать его планам, но безуспешно. В конце 1763 г. Ла Шалоте при поддержке влиятельных покровителей, в число которых входил и Шуазель, удалось добиться своего. Передав должность сыну, он освободился от обременявших его служебных обязанностей, сохранив при этом влияние в Реннском парламенте. Благодаря этому успеху радость победы оппозиции в 1763 г. для Реннского парламента была особенно велика.

Герцог д'Эгюйон ввязался в борьбу, которая свела на нет все его усилия по поддержанию политической стабильности в Бретани. В результате конфликта между представлявшим короля в провинции главнокомандующим и органами, выражавшими местные интересы (парламентом и провинциальными штатами), оказался сломанным прежний механизм связи и равновесия властей. Д'Эгюйон утратил роль арбитра, и теперь четко обозначилось противостояние главнокомандующего и интенданта, с одной стороны, и провинциальных штатов и парламента, с другой.

Илл. 6. Заседание провинциальных штатов Бретани в Нанте. Гравюра 1764 г.

⁶⁸ Fréville H. Op. cit. Т. II. P. 96.

⁶⁹ Sénac de Meilhan. Op. cit. P. 400.

Явно враждебным выпадом со стороны Реннского парламента стали ремонстрации, косвенным образом обличавшие политику д'Эгюийона. Для прямых обвинений в его адрес не было оснований, так как во время всплеска парламентской оппозиции в 1763 г. он действовал осторожно и, в отличие от главнокомандующих в других провинциях, не допускал насилия против парламента. Поэтому Реннский парламент в январе-феврале 1764 г. направил королю ремонстрации с осуждением насилия, примененного главнокомандующими в Дофине, Лангедоке и Нормандии. В ремонстрации 1 февраля 1764 г. главнокомандующие в этих провинциях обвинялись в «личном деспотизме», д'Эгюийону же ставилось в вину то, что в 1762 г. он, не считаясь со священными привилегиями Бретани и традиционным устройством ее провинциальных штатов, изменил порядок голосования (хотя в данном случае д'Эгюийон лишь исполнил королевский приказ)⁷⁰. Разгневанный герцог во всем видел руку Ла Шалоте и стоящего за его спиной Шуазёля. На этот счет сохранилась его собственноручная конфиденциальная записка, составленная в феврале 1764 г.: «Парламент, несмотря на свои дерзкие ремонстрации, проявляет полное почтение. Сегодня утром на аудиенцию к главнокомандующему явились 32 магистрата и, не переставая, льстили ему и восхваляли его старания на благо провинции. На сей счет язвительный первый президент шепнул ему на ухо: Вот люди; те, кто теперь громче всех Вас хвалят, больше всех суетились, составляя против Вас ремонстрации. – Доказано, что Ла Шалоте из Парижа подстрекал смутьянов, чтобы понравиться г-ну Шуазёлю»⁷¹. Впрочем, никаких фактов, подтверждающих, что находившийся в то время в Париже Ла Шалоте каким-то образом инспирировал ремонстрации Реннского парламента, д'Эгюийон не приводит.

5 июня 1764 г. Реннский парламент наконец зарегистрировал королевскую декларацию от 21 ноября 1763 г., но при этом в тексте постановления о регистрации в красках живописал печальное положение Бретани под деспотическим правлением д'Эгюийона: главнокомандующему ставили в вину обременительную обязанность крестьян отрабатывать повинность на строительстве дорог, наборы в ополчение без согласия провинциальных штатов и регистрации в парламенте, разорительные поборы и займы на благоустройство городов (которые, впрочем, взимались с одобрения провинциальных штатов), «насильственные действия» (*les coups d'autorité*) и «проявления деспотизма» (*les actes de despotisme*). Парламент просил короля уважать права и привилегии Бретани и отменить свой приказ от 12 октября 1762 г. об изменении порядка голосования в провинциальных штатах⁷². В ответ пришло повеление короля направить к нему депутацию Реннского парламента. В начале июля депутаты, в число которых вошел и Ла Шалоте, прибыли ко двору короля в Компьень. На аудиенции монарх заявил, что вполне доволен деятельностью д'Эгюийона в Бретани и ожидает со стороны парламента «свидетельств его усердия и признательности», а в конце добавил: «Возвращайтесь без промедления и скажите моему парламенту, что я не желаю, чтобы это дело имело продолжение». Когда депутация уже вышла, король подозвал Ла Шалоте и сказал: «Говорю вам: ведите себя сдержаннее или вы раскаетесь»⁷³.

⁷⁰ Marion M. Op. cit. P. 215-216.

⁷¹ Цит. по: Pocquet B. Op. cit. T. 1. P. 321-322.

⁷² Le Moy A. Remontrances du Parlement de Bretagne au XVIIIe siècle. Textes inédits. Angers, 1909. P. 81-85.

⁷³ Marion M. Op. cit. P. 242-243; Pocquet B. Op. cit. T. 1. P. 345.

Продолжение однако последовало: Реннский парламент направил королю новую ремонстрацию против д'Эгюйона с теми же самыми обвинениями и постановил прервать всякие отношения с главнокомандующим, кроме исключительных случаев. В дальнейшем были и другие ремонстрации аналогичного содержания. В ответ на множасьщиеся обвинения в его адрес в сентябре 1764 г. д'Эгюйон обратился к королю и дофину с просьбой провести высочайшее расследование его деятельности на посту главнокомандующего в Бретани. В письме королю он писал: «Сир, Ваш Бретонский парламент, подстрекаемый и побуждаемый врагами Вашей власти, которая сейчас подвергается нападкам со всех сторон и которую я буду защищать до последнего вздоха, только что опубликовал те ложные обвинения в мой адрес, что он осмелился высказать Вашему Величеству, и возобновил их с еще большей, чем обычно, дерзостью в новых ремонстрациях; он постановил представить Вам их несмотря на неоднократно высказанные Вами строгие запреты говорить о делах, которые его никак не касаются»⁷⁴. В ответ д'Эгюйон получил слова одобрения и заверения в поддержке, но никаких мер по расследованию положения в Бретани король не принял. Парламентские ремонстрации он неизменно отвергал, и в конце концов 22 мая 1765 г. Реннский парламент в большинстве своем – 72 магистрата из 84-х – подал в отставку. Мотивом отставки послужило нарушение центральной властью «конституционного пакта» провинции Бретань: взимание налогов согласно королевской декларации 21 ноября 1763 г., вопреки протестам провинциальных штатов. В результате заседания суда прекратились, и на год с лишним судопроизводство в Бретани оказалось парализованным. «Бретонское дело» всколыхнуло всю страну. В защиту бретонских вольностей выступили парламенты Гренобля, Тулузы, Бордо, По, Меца, Перпиньяна, Руана.

Прежние разногласия вылились в открытую конфронтацию между представителями королевской власти и защитниками бретонских провинциальных вольностей. Споры между противниками разгорались в салонах, шла война памфлетов, эпиграмм и сатир. Вся Бретань разделилась на два лагеря: друзья д'Эгюйона, связанные с ним чиновники и министерская клиентела оказались в меньшинстве; общественное мнение было на стороне непокорного парламента. Его пропаганда оказалась эффективнее, и в борьбе за умы он одержал бесспорную победу, показав себя защитником местного населения от беззаконий и растущего налогового гнета⁷⁵. Сторонники герцога д'Эгюйона не сумели доказать бретонцам, что строительство дорог и благоустройство городов было не капризом деспота-главнокомандующего, а необходимым условием их будущего процветания и запрашиваемые правительством средства тратились на общественные нужды.

⁷⁴ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 248-249.

⁷⁵ См.: Pocquet B. Op. cit. T. 2. P. 2-3.

Илл. 7. Карикатура на герцога д'Эгюийона. XVIII в. Ренн. Музей Бретани

В накалившейся обстановке госсекретарь королевского дома граф де Сен-Флорантен (дядя герцогини д'Эгюийон) стал получать анонимные письма, полные грубых оскорблений. Автора одного из них быстро удалось установить: им оказался некий молодой человек из окружения Ла Шалоте. В составлении двух других обвиняли самого Ла Шалоте. В ночь с 10 на 11 ноября 1765 г. по подозрению в составлении этих писем генеральный прокурор, его сын и с ними три магистрата Реннского парламента были арестованы и заточены в крепости; позднее, в феврале 1766 г. арестовали еще одного советника Реннского парламента. Им предъявили обвинения в заговоре, подстрекательстве к неповиновению королевской воле, злоупотреблении властью и служебным положением, сочинении и распространении подрывной литературы, памфлетов и карикатур, оскорбительных для лиц, состоящих на королевской службе, и т. д.⁷⁶. В изъятых у Ла Шалоте бумагах нашлись подтверждения того, что он подстрекал парламент к неповиновению. В тюрьме пламенный оппозиционер не умолк. В начале 1766 г. он сочинил и подпольно издал один за другим три памфлета, в которых опровергал все обвинения в свой адрес. Если верить Ла Шалоте, то обстоятельства появления на свет этих сочинений похожи на авантюрный роман. Узник крепости Сен-Мало, лишенный письменных принадлежностей, написал их на обертках от сахара и шоколада при помощи зубочистки и самодельных чернил из сажи, уксуса и сахара, а затем тайно переправил верным друзьям и издателям. Все эти перипетии Ла Шалоте описал в конце первого из опубликованных им оправдательных сочинений⁷⁷. При всей неправдоподобности этого рассказа возможно, что так оно и было на самом деле: в январе 1766 г., когда появились памфлеты Ла Шалоте, заключенным крепости Сен-Мало действительно не разрешалось писать⁷⁸.

⁷⁶ Pocquet B. Op. cit. T. 2. P. 139-140.

⁷⁷ Mémoires de Lachalotais. P. 96.

⁷⁸ Pocquet B. Op. cit. T. 2. P. 188-193.

Арест шести магистратов Реннского парламента вызвал во Франции очередной всплеск парламентской оппозиции. В ремонстрациях обличались «абсолютная власть, ниспровержение законов и открытое нарушение самых священных прав государства»⁷⁹. Судьи других провинций выражали солидарность со своими бретонскими коллегами и заявляли, что случившееся касается и их, так как все провинциальные парламенты представляют собой «классы» одного национального парламента. Парижский парламента в ремонстрации, составленной 6 сентября 1765 г., писал королю о «братстве, существовавшем во все времена между различными классами Вашего парламента»⁸⁰.

Для рассмотрения накопившихся после отставки парламента судебных дел король назначил специальную комиссию, состоявшую из советников и докладчиков прошений королевского совета. В январе 1766 г. ей на помощь пришел заново воссозданный парламента Бретани, состоявший из тех немногочисленных магистратов, которые не пожелали уйти в отставку. Оппозиционно настроенные местные жители прозвали его «бальяжем д'Эгюийона». Так как штрейкбрехеры не хотели компрометировать себя в глазах общественного мнения судом над бывшими собратьями, то процессом Ла Шалоте, его сына и других арестованных советников Реннского парламента занялась королевская комиссия⁸¹.

В ноябре 1766 г. Людовик XV постановил передать дело Ла Шалоте на рассмотрение в королевский совет, а арестованных заключить в Бастилию. Это распоряжение, нарушавшее обычный порядок судебной процедуры, возмутило и Реннский, и Парижский парламенты. Они не замедлили представить свои ремонстрации, на которые король ответил, что «иногда в делах такого рода обнаруживаются особые обстоятельства, с коими монаршая воля вынуждена считаться и, учитывая их связь с интересами государства, с сожалением отступать от обычных правил. В деле, о коем идет речь, сплелось такое множество подобных обстоятельств, что я не могу не передать его на рассмотрение моего Совета»⁸². Такой ответ короля лишь обострил его отношения с парламентами, которые продолжали выражать недовольство и составлять ремонстрации. Процесс Ла Шалоте так и не был доведен до конца. В декабре Людовик XV призвал в Версаль магистратов Парижского парламента и объявил им о своем намерении прекратить разбирательство. «Я не хочу искать виновных, - заявил король. – Своей властью я отдаю приказ положить конец всем обвинениям по этому делу и требую впредь хранить о нем полное молчание»⁸³. Упомянутый королем приказ был издан в тот же день, однако обвиняемых при этом не освободили и отправили в ссылку в разные города. Ла Шалоте с сыном сослали под строгий надзор в г. Сент на юго-западе Франции. Король решил положить конец делу и призвал Реннский парламента вернуться к исполнению своих обязанностей в прежнем составе, заявив, что прошлое надо забыть. В июле 1769 г. королевский совет постановил вернуть из ссылки четырех магистратов Реннского парламента (кроме Ла Шалоте с сыном), и парламента в Бретани был восстановлен. Если Людовик XV рассчитывал, вернув парламента, покончить с «бретонским делом», то он

⁷⁹ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. Paris, 1895. T. 2. P. 534-535.

⁸⁰ Ibid. P. 501.

⁸¹ Изложение событий см.: Saulnier de La Pinelais G. Le barreau du Parlement de Bretagne. P. 75-76, 284-285; Marion M. Op. cit.; Pocquet B. Op. cit. T. 1. P. 506-515.

⁸² Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 2. P. 673.

⁸³ Ibid. P. 678.

просчитался. Бретонский парламент не был удовлетворен таким исходом и требовал вернуть знаменитых ссыльных. Протесты бретонских магистратов находили отклик со стороны других парламентов Франции, заявлявших, что все они составляют единое целое и выступают от имени закона, который стоит выше воли короля⁸⁴.

Тем временем Ла Шалоте с сыном оставались в ссылке вплоть до 1774 г., когда умер Людовик XV и взошедший на престол Людовик XVI одним из первых своих указов вернул их из Сента, восстановил в прежних должностях, наградил Ла Шалоте щедрым денежным пожалованием, рентой и наследственной должностью президента парламента, а позднее и титулом маркиза, но при этом тот должен был заявить, что со своей стороны отказывается от всех обвинений и ни к кому не имеет претензий. Такой исход громкого дела следует признать своего рода утешительным призом для честолюбивого прокурора, некогда претендовавшего на высокий государственный пост. Он получил компенсацию, но карьера его на этом закончилась.

История ареста Ла Шалоте и суда над ним вызывала немало вопросов у современников и историков. По какой причине была нарушена обычная юридическая процедура? Почему сам король проявил живую заинтересованность в этом деле? Какие «особые обстоятельства» он имел в виду? Почему процесс был прекращен, едва начавшись? Почему, заявив о нежелании искать виновных, король все-таки отправил обвиняемых в ссылку, то есть фактически признал их виновными? Рассуждения о том, что все это произошло «вследствие легкомыслия и непоследовательности, подчас характерных для правления в то время»⁸⁵, при всей их малоубедительности долго оставались единственным объяснением. Лишь двести лет спустя французскому историку Мишелю Антуану удалось обнаружить неизвестные доселе тайные пружины интриги. Его находка – сама по себе казус, в результате которого история, казалось бы, давно и хорошо известная во всех деталях, предстала в совершенно новом, неожиданном свете.

В муниципальной библиотеке г. Орлеана хранятся рукописи Жана-Шарля-Пьера Лемуара, который при Людовике XVI стал генеральным заместителем парижской полиции, а в интересующее нас время в должности докладчика прошений королевского совета входил в состав комиссии, разбиравшей дело Ла Шалоте. Внимательно изучая его записки, историк узнал о доселе неизвестном эпизоде дела. В ходе расследования в феврале 1766 г. был арестован один из слуг, входивший в придворный штат королевской кухни, по фамилии Дерен⁸⁶, с которым Ла Шалоте поддерживал отношения. У Дерена изъяли не что иное, как письма короля к его фаворитке мадемуазель де Роман⁸⁷. Знакомство Ла Шалоте с Дереном состоялось в доме Франсуа Кенэ, королевского медика и известного экономиста-физиократа. Ла Шалоте был убежденным сторонником учения физиократов, дружил с Кенэ, проводил в своих владениях агрономические эксперименты и состоял в Бретонском королевском обществе сельского хозяйства, торговли и промыслов. Дерен также увлекался экономическими проектами⁸⁸. В окружении короля возникло подозрение, что Ла Шалоте и стоявшая за его спиной «партия физиократов»

⁸⁴ Подробнее о развитии событий см.: Fréville H. Op. cit. T. 2. P. 312-313.

⁸⁵ Sénac de Meilhan. Op. cit. P. 403.

⁸⁶ Должность Дерена в придворном штате называлась «*lavandier de panneterie-bouche de la cuisine-commun du Roi*» - т. е. он отвечал за чистоту скатертей и салфеток.

⁸⁷ Antoine M. Op. cit. (впервые эта статья была опубликована в кн.: Bibliothèque de l'École des Chartes. T. CXXXVIII (1970).

⁸⁸ Antoine M. Op. cit. P. 262-263.

рассчитывали использовать хранящиеся у Дерена любовные письма короля, чтобы путем шантажа получить для бретонского прокурора пост генерального контролера финансов. Положение усугублялось тем, что правительство давно уже беспокоил нарастающий поток подпольно издаваемой порнографической литературы, посвященной личной жизни Людовика XV⁸⁹. Сам факт, что Ла Шалоте располагал компрометирующими документами и не заявил об этом, делал его виновным в глазах короля. Все это легко объясняет личное вмешательство монарха, перенос судебного разбирательства в королевский совет, быстрое прекращение дела и ссылку Ла Шалоте. Людовик XV был возмущен поведением генерального прокурора и, в то же время, хотел избежать публичного скандала. Кенэ тогда хотя и не подвергся опале, но, по-видимому, именно с этого инцидента началось охлаждение в отношениях короля с его придворным медиком⁹⁰.

Таким образом, записки Лемуара помогли прояснить позицию правительства в «бретонском деле». Но поведение Ла Шалоте по-прежнему трудно понять. Сам М. Антуан, анализируя значение своей находки, восклицает: «Какой бы жаждой власти ни был одержим Ла Шалоте, разве позволил бы себе он, человек короля в верховном суде, забыть свой долг и сплести такую подлую интригу, если бы он не был заражен всеми этими химерами, которые тогда кружили головы всей магистратуре?»⁹¹ Вряд ли эти суровые обвинения можно признать основательными, так как роль Ла Шалоте в интриге и мотивы его поведения остаются неясными. Какие цели он преследовал? Действительно ли он собирался получить министерский пост любыми средствами, даже шантажируя короля, или оказался принесенной в жертву пешкой в большой игре, смысла которой сам он до конца не понимал? Известные в настоящее время историкам документы не дают убедительных ответов на эти вопросы.

Каким же оказался исход дела для д'Эгюийона? Тюремное заточение и последовавшая ссылка Ла Шалоте не принесли ему победы. В августе 1768 г. дискредитированный главнокомандующий подал в отставку, что было воспринято современниками как его поражение. В Бретани и в Париже распространялись памфлеты, посвященные «бретонскому делу». Главнокомандующего обвиняли во всех грехах, вплоть до подкупа свидетелей и попытки отравить Ла Шалоте, и требовали суда над ним⁹². Д'Эгюийон счел делом чести обратиться к королю с просьбой начать судебный процесс, чтобы защитить свое доброе имя. Сама его просьба свидетельствует о том, насколько эффективной была парламентская пропаганда, сумевшая создать в общественном мнении крайне негативный образ бывшего бретонского главнокомандующего. С трудом д'Эгюийон все же добился рассмотрения своего дела Парижским парламентом. Людовик XV с нелегким сердцем дал согласие на этот процесс; когда в конце марта 1770 г. королевский совет постановил разрешить его, монарх будто бы воскликнул: «Раз хотите, я согласен, но вы увидите, к чему это приведет!»⁹³ Король пожелал, чтобы все проходило в его присутствии, поэтому начавшиеся в апреле заседания парламента были перенесены в Версаль. Впрочем, их состоялось всего два, после чего король повелел закрыть дело.

⁸⁹ Meyer J. A propos de La Chalotais: faut-il revoir l'affaire de Bretagne? // Missions et démarches de la critique. Mélanges offerts au Professeur J.A. Vier. Rennes, 1973. P. 59-61.

⁹⁰ Antoine M. Op. cit. P. 271-272.

⁹¹ Ibid. P. 274.

⁹² Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. T. 5. P. 95-96; Mémoires du baron de Besenval. P. 194; Marion M. Op. cit. P. 557-558.

⁹³ Marion M. Op. cit. P. 566.

Самые худшие его опасения подтвердились: на процессе неизбежно речь зашла о том, что д'Эгюийон исполнял волю короля. Сенсационные показания дал один из советников Реннского парламента. Он пересказал содержание конфиденциального разговора, состоявшегося в январе 1766 г. между д'Эгюийоном и двумя докладчиками прошений королевского совета, Калонном и Лемуаром, и подслушанного некоей дамой. Из разговора следовало, что король требовал головы Ла Шалоте. Далее последовали не менее взрывоопасные показания других лиц, касавшиеся различных королевских распоряжений и *lettres de cachet*⁹⁴. Таким образом, секретные приказы короля получили огласку и стали предметом судебного разбирательства. Как сказал позднее секретарь канцлера Рене-Николя Мопу, «суд шел не над д'Эгюийоном, а над самим правительством»⁹⁵. Процесс д'Эгюийона приобретал угрожающие масштабы, в него оказался втянут сам король, и дело было закрыто. Примерно в начале июня разочарованный д'Эгюийон писал своему адвокату Симону-Николя-Анри Ленге: «Король решил запретить продолжать мой процесс, и я вынужден признать, что у него есть на то основания. Я бы тщетно пытался убедить его изменить мнение»⁹⁶. На заседании Парижского парламента 27 июня 1770 г., положившем конец процессу д'Эгюийона, канцлер Мопу заявил: «Его Величество изменил бы самому себе, если бы вынес на судебное разбирательство детали управления королевством. Со стороны герцога д'Эгюийона он видел лишь усердную службу; он уверен, что тот всегда законным образом применял вверенную ему власть. Но хотя Его Величество и считает долгом предоставить тому возможность публично доказать свою невиновность и опровергнуть все, что могло бы затронуть его честь, он не может позволить проникнуть в святая святых своей администрации»⁹⁷.

Судьи, оскорбленные прекращением процесса и настроенные против д'Эгюийона, в отместку ему приняли постановление, согласно которому репутация герцога объявлялась запятнанной и на этом основании ему запрещалось участвовать в заседаниях парламента в качестве пэра до тех пор, пока он в законном порядке не очистит себя от бесчестящих подозрений⁹⁸. Это решение поддержали парламента Бордо, Тулузы, Меца, Руана и Ренна. Но не все современники разделяли парламентскую точку зрения. Некоторые сочли доводы д'Эгюийона убедительными. По мнению Вольтера, стало совершенно ясно, «что г-н герцог д'Эгюийон прекрасно служил государству и королю как на военном, так и на гражданском поприще. Он в конце концов восторжествовал, несмотря на происки многочисленных врагов и самую отвратительную клевету»⁹⁹.

Действительно, пережив хулу, отставку и двусмысленный исход судебного процесса, д'Эгюийон вскоре восторжествовал, достигнув пика своей карьеры. После опалы Шуазёля он, благодаря расположению короля и поддержке мадам Дюбарри, получил пост государственного секретаря иностранных дел (1771), а затем и военного министра (1774). Наряду с канцлером Мопу и генеральным контролером финансов аббатом Терре он стал членом «триумвирата», управлявшего Францией в последние годы

⁹⁴ Ibid. P. 571-573.

⁹⁵ Lebrun Ch.-F. Opinions, rapports, et choix d'écrits politiques. Paris, 1829. P. 32.

⁹⁶ Цит. по: Le Moy A. Le Parlement de Bretagne et le pouvoir royal au XVIIIe siècle. P. 409.

⁹⁷ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 575.

⁹⁸ Mémoires du baron de Besenval. P. 195.

⁹⁹ Цит. по: Pocquet B. Op. cit. T. 1. P. 221.

царствования Людовика XV¹⁰⁰. Критики д'Эгюйона, которых было немало среди современников и историков, обычно ставили ему в вину то, что он не сумел тогда воспрепятствовать первому разделу Польши.

В то время как д'Эгюйон достиг вершин власти, перед его коллегой по «триумвирату» канцлером Мопу встала серьезная проблема, порожденная не в последнюю очередь «бретонским делом». Закрыв процесс д'Эгюйона, Людовик XV тем самым спровоцировал парламент на резкие оппозиционные выступления. В результате Мопу, не сумевший усмирить непокорный Парижский парламент, отважился на радикальную реформу: была ликвидирована система продажи должностей, коренным образом изменен состав парламента и урезаны его полномочия, он лишился права контроля над законодательством и превратился в чисто судебный орган. Реформа Мопу стала этапным событием политической жизни Франции XVIII в.; она снискала противоречивые оценки современников и исследователей (Вольтер, например, называл ее «революцией»); одни видели в ней необходимую модернизацию государственного аппарата, другие – акт деспотизма¹⁰¹. Таким громким эхом откликнулось по всей стране «бретонское дело». За смертью Людовика XV вскоре последовали падение «триумвирата» и отмена реформы Мопу. Д'Эгюйона даже сослали в его имение по настоянию супруги Людовика XVI Марии-Антуанетты. Королева не могла простить ему антиавстрийскую политику, которую тот неуклонно проводил в пику своему предшественнику Шуазёлю.

Как отметил в записках упомянутый выше генеральный наместник парижской полиции Лемуар, «примечательно, что все внутренние события, случившиеся во Франции до смерти Людовика XV, были так или иначе связаны с этим делом, возникшим в 1764 г.» Лемуар назвал «бретонское дело» наряду с другим громким делом об ожерелье королевы¹⁰² «в числе основных причин Революции»¹⁰³.

Среди множества поступков, ситуаций и противоречий, из которых соткано «бретонское дело», одни вечны и стары как мир (попытки государства разрешить финансовые трудности, недовольство налогоплательщиков ростом налогов, конфликт различных ветвей власти из-за полномочий, личное соперничество политических лидеров), другие типичны для Франции Старого порядка (те же финансовые проблемы, сложные взаимоотношения королевской власти с парламентами), третьи отличаются новыми чертами, появившимися именно в середине XVIII в. (публичность как самого политического конфликта, так и дискуссии вокруг него).

Середина XVIII века во Франции отмечена подъемом парламентской оппозиции, так что с этой точки зрения «бретонское дело» вполне вписывалось в контекст своего времени. Так в чем же состоит казус? В чем уникальность развернувшихся в Бретани событий на фоне почти повсеместных тогда выступлений парламентской оппозиции? Обычный для Франции середины XVIII в. конфликт провинциального парламента с представителями королевской власти здесь выглядел как противостояние двух личностей:

¹⁰⁰ О реформаторской деятельности этого правительства см.: Laugier L. Un ministère réformateur sous Louis XV, le triumvirat (1770-1774). Paris, 1975.

¹⁰¹ См.: Rothney J. Op. cit. P.229-234, 259-266, 290-322; Echeverria D. The Maupeou Revolution. A Study in the History of Libertarianism. France, 1770-1774. Baton Rouge-London, 1985; Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774. Cambridge, 1995, а также статью «Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламента в 1774 г.»

¹⁰² См. об этом статью «Дело об ожерелье Марии-Антуанетты».

¹⁰³ Цит. по: Antoine M. Op. cit. P. 255, 257.

главнокомандующего и генерального прокурора. Этот конфликт отличали необычайная острота, повлекшая за собой тягостные для его участников последствия, и четкая персонификация противоборствующих сил. Королевский абсолютизм олицетворял герцог д'Эгюийон, а оппозиционный провинциальный парламент – его генеральный прокурор Ла Шалоте. «Бретонское дело» в глазах современников представало как «дело д'Эгюийона-Ла Шалоте». Объяснения ему давались различные, подчас явно неправдоподобные.

С точки зрения д'Эгюийона, случившееся было результатом своеволия Реннского парламента, не желавшего подчиняться королевской воле и главнокомандующему как ее представителю. Публично он повсюду объявлял себя жертвой парламентской оппозиции. Но за открытой оппозицией парламента и нападкамии сочинителей памфлетов скрывались, как считал д'Эгюийон, интриги его врагов при дворе и в министерстве, а именно «партии Шуазёля». В памфлете в защиту д'Эгюийона, написанном его адвокатом Ленге и распространявшемся в Париже в июне 1770 г., полно намеков на некие происки и «настоящие заговоры», жертвой которых стал герцог¹⁰⁴.

Ла Шалоте в оправдательных записках, сочиненных в тюрьме, изображал историю своего ареста мстостью со стороны иезуитов и их приверженцев, а д'Эгюийона – главным мстителем. Избранная им линия защиты понятна и логична: ко времени его ареста иезуитов уже изгнали из Франции, поэтому Ла Шалоте было выгодно показать д'Эгюийона их приверженцем, а себя – жертвой иезуитских козней. Подобно д'Эгюийону, Ла Шалоте и его сторонники также видели вокруг нити сплетенного против него заговора¹⁰⁵.

Структура конфликта в изображении как самих его участников, так и современников и многих историков предстает весьма простой. С одной стороны – борющиеся против усиления абсолютизма Ла Шалоте и парламенты, которых поддерживал герцог Шуазёль, имевший репутацию друга магистратов и «философов». Ла Шалоте при такой схеме выглядит человеком «партии Шуазёля», служившим ее интересам в Бретани. С другой стороны – все те, кто содействовал усилению административной монархии: д'Эгюийон, Сен-Флорантен и другие противники Шуазёля среди министров¹⁰⁶. Этот биполярный конфликт изображается одновременно политическим (сторонники административной монархии против парламента), идеологическим («святоши» против «философов») и межличностным (д'Эгюийон против Ла Шалоте).

Постепенно, по мере углубления в детали конфликта и обнаружения новых его обстоятельств, в частности, после находки, сделанной М. Антуаном, структура противостояния начинает выглядеть более сложной, не двух-, а многополюсной. В частности, стали очевидными политическая роль и амбиции «партии физиократов», с которой был связан Ла Шалоте. Физиократы стремились к власти и намечали своих людей на министерские посты, они могли составить опасную конкуренцию герцогу де Шуазёлю. Шуазёль, таким образом, являлся соперником не только д'Эгюийона, но и «партии физиократов». Ла Шалоте пользовался поддержкой Шуазёля, когда они оба добивались изгнания иезуитов, но борьба придворных группировок за власть сделала их

¹⁰⁴ Linguet S.-N.-H. Mémoire pour le duc d'Aiguillon. Paris, 1770; Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. T. 5. P. 154-160.

¹⁰⁵ Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. T. 4. P. 217-218.

¹⁰⁶ Marion M. Op. cit. P. 179-180, 209; Pocquet V. Op. cit. T. 1. P. 291-293, 317-323; Fréville H. Op. cit. T. 2. P. 94-99, 291.

противниками. Политическая интрига, в которой участвовал Ла Шалоте, была направлена в первую очередь против Шуазёля. Более того, если Шуазель выступал на стороне парламентов и пользовался их поддержкой, то физиократы были их непримиримыми противниками. Сложилась парадоксальная ситуация: известный парламентский лидер Ла Шалоте, едва вступив в неведомый ему мир придворно-министерских интриг, примкнул к антипарламентской «партии физиократов». Но об этих закулисных интригах никому не было известно, о Ла Шалоте судили по его публичным выступлениям, докладам и сочинениям, поэтому в глазах современников он оставался парламентским человеком и его опала привела в действие механизм парламентской оппозиции.

Стоит обратить внимание еще на две особенности данного казуса, передающие специфику исторического момента, в который он случился: на роль суда и роль общественного мнения. Правосудие проявило себя одновременно бессильным и всесильным. С одной стороны, как показывает судьба Ла Шалоте, возможен полный произвол, свобода личности не защищена. С другой стороны, авторитет закона исключительно высок, и пользующийся расположением короля вельможа, герцог д'Эгюийон добивается разрешения на судебный процесс, чтобы опровергнуть порочащие его слухи. Герцогу недостаточно поддержки со стороны короля; он хочет, чтобы суд вынес законное решение в его пользу. Стоит подчеркнуть, что никаких официальных обвинений герцогу никто не предъявлял: речь шла о содержании анонимных памфлетов. Судебный процесс, таким образом, преследовал цель защитить репутацию д'Эгюийона, причем не в глазах высшего света, а перед широким кругом возможных читателей этих памфлетов, то есть перед *общественным мнением*.

С самого начала и на всем протяжении дела д'Эгюийона-Ла Шалоте общественное мнение и его рупор – печатное слово – были полноправными действующими лицами событий. Сама фигура Ла Шалоте выросла и обрела значимость в сфере публичных дискуссий. По словам современника, он «занимался больше литературой, нежели служебными обязанностями»¹⁰⁷. Сочинения, принесшие ему славу, были посвящены сюжетам, весьма далеким от юриспруденции, и сама его слава вышла далеко за пределы круга профессионалов-судейских. Не только возвышение, но и падение Ла Шалоте произошло так, как оно могло произойти только в век Просвещения. Ла Шалоте никак не использовал попавшие к нему письма короля и еще неизвестно, собирался ли он вообще их опубликовать. Постигшая его кара объясняется не только тяжестью самого проступка, но и историческим контекстом, в который он был вписан. В середине XVIII века правительство было обеспокоено нарастающим потоком подпольно издаваемой запрещенной литературы, «плохих книг». Немалую долю их составляли сочинения сатирического характера, посвященные бурной личной жизни короля¹⁰⁸. Беспрецедентный поток подобных изданий и заинтересованный отклик, который они находили у читающей публики, всерьез тревожили короля и министров. В этих обстоятельствах сам факт обладания компрометирующими короля документами заслуживал сурового наказания, тем более что виновным был не кто иной, как известный парламентский оппозиционер.

«Бретонское дело» позволяет проанализировать особенности политической борьбы во Франции конца Старого порядка. В настоящее время среди историков идут споры о том, что лежало в основе политических конфликтов того времени: идейные разногласия

¹⁰⁷ Sénac de Meilhan. Op. cit. P. 399.

¹⁰⁸ См. об этом: Darnton R. *Bohème littéraire et révolution. Le monde des livres au XVIIIe siècle*. Paris, 1983.

или борьба придворно-министерских группировок, преследующих личные интересы¹⁰⁹. Рассмотренный нами казус демонстрирует, насколько тесно было переплетено одно с другим. Соперничающие «партии» Сен-Флорантена-д'Эгюйона, Шуазёля, физиократов притягивали единомышленников. В них объединялись на основе не только семейных, дружеских и деловых связей и интересов, но и идейной близости. Так, Ла Шалоте с физиократами связывала прежде всего общность взглядов на экономику. Борьба группировок являлась в то же время и борьбой политических курсов, то есть идеологический компонент в ней был отчетливо выражен¹¹⁰.

«Дело д'Эгюйона-Ла Шалоте» наглядно показывает выход придворно-министерских «партий» в «публичное пространство». Оно дает возможность проследить связь придворных интриг с широкими общественными дискуссиями, «частного пространства» двора и «публичного пространства». В данном случае эта связь осуществлялась через личные отношения Дерена с Кенэ и Ла Шалоте. Двое из них были людьми из придворного мира – знаменитый Кенэ и маленький, незаметный Дерен. Ла Шалоте был человеком из «публичного пространства», который через мелкую сошку Дерена и влиятельного Кенэ оказался связан с двором и придворными интригами.

В «бретонском деле» отчетливо проявились симптомы кризиса политических институтов Старого порядка (среди которых в первую очередь следует назвать острый конфликт парламентов с центральной властью и ее представителями на местах), растущей социальной напряженности и интеллектуального брожения. Он выявил также серьезные идейно-культурные различия внутри дворянской элиты. На основе казуса можно было уже поставить диагноз: французская монархия серьезно больна, но исход болезни пока оставался неясным.

Таким образом, «дело д'Эгюйона-Ла Шалоте» может представлять двоякий интерес. С одной стороны, оно выявляет ряд черт, характеризующих политическую ситуацию и умонастроения во Франции середины-второй половины XVIII в. С другой стороны, данный казус стал начальным звеном в цепи событий и обстоятельств, побудивших канцлера Мопу предпринять широкомасштабную парламентскую реформу, в результате которой расстановка политических сил и идейная атмосфера во Франции существенно изменились.

¹⁰⁹ Rogister J. Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755. New York, 1995; Swann J. Op. cit.; Hardman J. French Politics, 1774-1789: From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. London, 1995; Campbell P. Power and Politics in Old Regime France, 1720-1745. London, 1996

¹¹⁰ Meyer J. A propos de La Chalotais: faut-il revoir l'affaire de Bretagne? P. 57-67.

Трудное счастье графа Морепа¹¹¹

Превратности придворной карьеры Жана-Фредерика Фелипо, графа де Морепа (1701–1781) могут послужить наглядной иллюстрацией выражения «колесо Фортуны». Политическую карьеру он начал, получив свой первый министерский пост в четырнадцатилетнем возрасте, в царствование Людовика XV. Ранний взлет и продолжительное нахождение у власти резко сменились в 1749 г. длительной опалой, которая на старости лет, в 73 года, столь же внезапно закончилась новым возвышением. В мае 1774 г. он был приближен ко двору только что взошедшим на престол Людовиком XVI, в 1776 г. возглавил королевский финансовый совет и до самой смерти оставался самым близким королю советником. По близости к особе монарха и по влиянию на него с Морепа могла соперничать только королева Мария-Антуанетта. Всего за свою долгую жизнь он находился примерно 25 лет в опале и в два раза больше – у власти. Так что придворное «счастье» графа Морепа действительно было трудным.

В поворотах его судьбы прослеживается роль происхождения, семейных связей, личной стратегии, соперничества придворных группировок. Первым своим возвышением Морепа был всецело обязан семье. Можно сказать, что государственная карьера ему была на роду написана. Он принадлежал к старой сановной династии Фелипо, занявшей прочные позиции в государственном аппарате французской монархии еще в начале XVII в. Фелипо – наряду с Вуайе д'Аржансонами и Ламуаньонами – были одним из наиболее многочисленных и влиятельных кланов дворянства мантии. Причем Фелипо более чем кто-либо представляли собой министерскую династию. Ее отпрыски с 1610 г. неизменно занимали посты государственных секретарей. Клан Фелипо делился на несколько ветвей: Фелипо де Лаврийер, Фелипо де Поншартрен, Фелипо де Сен-Флорантен, Фелипо д'Утревиль, Фелипо де Шатонёф. Одна только ветвь Фелипо де Поншартренов-Морепа дала четырех государственных секретарей. Отдельные ветви клана были связаны родственными узами между собой и с другими семьями дворянства мантии, например, с де Мопу, а также с такими семьями высшей французской военной и придворной знати, как де Рошешуар, де Ларошфуко, де л'Обепин, Манчини-Мазарини, дю Геклен, д'Обюссон, де ла Фейяд¹¹².

Дед Жана-Фредерика де Морепа, Луи Фелипо де Поншартрен был министром и канцлером Людовика XIV. Отец, Жером Фелипо де Поншартрен тоже занимал посты государственного секретаря королевского дома и морского министра при Людовике XIV, а мать, Элеонора-Кристина де Ларошфуко де Руа принадлежала к славной фамилии военной аристократии. В 17 лет Морепа заключил вполне достойный, соответствовавший его статусу брачный союз. Он женился на своей родственнице, Марии-Жанне Фелипо де Сен-Флорантен, отец и брат которой на протяжении почти всего XVIII в. занимали министерские посты при Людовике XIV, Людовике XV и Людовике XVI.

В 1715 г. он унаследовал должность государственного секретаря от отца, отправленного в опалу после смерти Людовика XIV, но реально приступил к исполнению

¹¹¹ Впервые опубликовано: Кому благоволит Фортуна? Счастливицы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время / отв. ред. Ю.П. Крылова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 190-213.

¹¹² Bluche F. L'origine sociale du personnel ministériel français au XVIIIe siècle // Bulletin de la Société d'histoire moderne. 1957. № 1. P. 9–12; Antoine M. Le gouvernement et l'administration sous Louis XV: Dictionnaire biographique. Paris, 1978. P. 312–313.

обязанностей государственного секретаря королевского дома с 1718, а морского министра – с 1723 г. Поначалу к административным делам его приобщал тесть, Луи Фелипо, маркиз де Лаврийер, тоже занимавший в то время министерский пост. В 1738 г. Морепа получил ранг государственного министра, т. е. был введен в состав королевского совета.

Таким образом, Морепа возглавлял два совершенно разных по своим задачам ведомства: государственный секретариат королевского дома (на протяжении XVIII в. фактически постепенно превращавшийся в министерство внутренних дел) и морское министерство.

*Илл. 8. Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа.
Гравюра с портрета Л.-М. Ван Лоо. XVIII в.*

Биографы особенно отмечают его заслуги в управлении флотом – преимущественно торговым, – в развитии заморской торговли и освоении французских владений в Канаде¹¹³. Он представил королю свои сочинения на эту тему, в которых доказывал, что «торговля создает богатство и мощь Государств»¹¹⁴. Меньше внимания он уделял военному флоту, что не могло не сказаться во время неудачной для Франции Войны за австрийское наследство. При этом Морепа имел репутацию весьма фривольного человека и был участником известного в парижском свете первой половины XVIII в. «полка в ермолках»¹¹⁵.

¹¹³ О его деятельности см.: Filion M. Maurepas, ministre de Louis XV, 1715–1749. Montréal, 1967; Picciola A. Le Comte de Maurepas: Versailles et l'Europe à la fin de l'Ancien Régime. Paris, 1999.

¹¹⁴ Situation du commerce extérieur du royaume exposé à sa Majesté par M. le Comte de Maurepas (1730); Réflexions sur le commerce et sur la marine (1745). Цит. по: Maurepas A. de, Boulant A. Les ministres et les ministères du siècle des Lumières (1715–1789). Etude et dictionnaire. Paris, 1996. P. 285.

¹¹⁵ Де Бек А. Раскаты смеха: Полк в ермолках, или Аристократическая стратегия насмешки во Франции (1702–1752) / пер. В.А. Мильчиной // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 244–282.

Мнения современников о Морепа, при всем их разнообразии, в главном сходятся. Известный мемуарист Габриэль Сенак де Мейан различал «в нем двух человек: один наблюдал, а другой совершал поступки. Первый был проникательным и просвещенным, а второй – непостоянным и нерешительным»¹¹⁶. В годы Революции, подводя итог государственной деятельности Морепа, Сенак де Мейан с горечью заметит: «Так человек, наделенный талантом и опытом, необходимыми для управления великой державой, дал созреть принципам этой непостижимой Революции, кои он мог бы уничтожить в зародыше»¹¹⁷. С характеристикой Морепа как человека умного, просвещенного, но слабохарактерного (и во всем этом похожего на короля Людовика XVI) согласен и аббат Жозеф-Альфонс де Вери¹¹⁸. Вери, близкий к семье Морепа, отмечал сильное влияние на него со стороны жены. Морепа производил впечатление остроумного и обходительного светского человека, а графиня казалась скучной и недалекой, но, по словам аббата, это внешность была обманчивой. На деле мадам де Морепа, «всегда справедливая в своих взглядах, предупредительная с друзьями, мудрая в поступках и всегда последовательная в мыслях, хотя бы уже благодаря только этому здравомыслию сохраняла решающее влияние на супруга. Супруг же, хорошо понимавший суть дела с первого взгляда, доверял затем мнению своих сотрудников, более чем своему собственному»¹¹⁹. Протеже четы Морепа принц де Монбаре, занявший при Людовике XVI пост военного министра, оставил в «Мемуарах» исключительно лестную характеристику своего покровителя. Однако, восхищаясь его незаурядным умом и беззаветной преданностью государственным интересам, Монбаре не преминул отметить, что Морепа ничего не делал, не посоветовавшись с супругой¹²⁰.

Крайне враждебно настроенный по отношению к Морепа язвительный маркиз д'Аржансон (министр иностранных дел в 1744–1747 гг.) называл его «блистательным и остроумным французским петиметром»¹²¹. По его словам, «г-н де Морепа, наделенный живым умом и цепкой памятью, приобрел обширные познания, и его поверхностное образование направлялось дурными вкусами двора». По мнению д'Аржансона, Морепа соединял в себе типичные пороки придворного: «Он смотрит на друзей, как на игрушки, а на ближних – как на стадо <...>. Он презирает не просто Бога, но божественное, не просто короля, но и королевскую власть; у него сильный и поверхностный ум; он не верит ни в судьбу, ни в провидение и боготворит моду и фривольность»¹²². В неразумных действиях Морепа д'Аржансон видел одну из главных причин политических и военных неудач Франции¹²³. Он не гнушался собирать все порочащие Морепа слухи и сплетни, в частности, о том, что тот якобы отравил королевскую фаворитку герцогиню де Шатору. Людовик XV, как утверждает д'Аржансон, «его опасался и никогда не любил»¹²⁴. Пытаясь объяснить, почему же в таком случае король столь долго терпел ненавистного ему

¹¹⁶ Sénac de Meilhan G. Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution. Hambourg, 1795. P. 144.

¹¹⁷ Ibid. P. 145.

¹¹⁸ Véri J.-A., l'abbé de. Journal de l'abbé de Véri. 2 vols. / publ. par J. de Witte. Paris, 1928. T. 2. P. 381–382.

¹¹⁹ Ibid. P. 420.

¹²⁰ Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Mémoires autographes de M. le prince de Montbarey. 3 vols. Paris, 1826–1827. T. 2. P. 93–94.

¹²¹ Argenson R.-L. de Voyer de Paulmy, marquis d'. Journal et Mémoires du marquis d'Argenson / publ. par E.J.B. Rathery. 9 vols. Paris, 1859–1867. T. 4. P. 185.

¹²² Ibid. P. 186–187.

¹²³ Ibid. P. 89–90, 187–188.

¹²⁴ Ibid. P. 188.

министра, д'Аржансон не находит более убедительного довода, чем тот, что король будто бы уступал мнению двора.

Умеренно критичный портрет Морепа изобразил популярный литератор Жан-Франсуа Мармонтель: «Поверхностный и не способный на серьезный, упорный труд, но наделенный восприимчивостью и умом, позволявшим ему мгновенно постигать самую суть сложнейших дел, он в министерской работе восполнял привычкой и ловкостью недостатки образования и глубины». Все это делало его, по словам Мармонтеля, «самым приятным из министров». При этом, по его мнению, Морепа «с трудом верил в незыблемые добродетели и усматривал в чистой любви к общему благу глупость или бахвальство»¹²⁵. В своей оценке Морепа-министра Мармонтель солидарен с Сенаком де Мейаном, по мнению которого «управлять великой страной было для него забавой»¹²⁶. О повторном возвышении Морепа в 1774 г. Мармонтель с иронией замечал, что это был бы лучший выбор, если бы надо было научить молодого короля, как «превратить в забаву обязанности правителя (*à se faire un amusement du devoir de régner*)». В старости, как и в молодые годы, Морепа, по словам Мармонтеля неизменно оставался «придворным министром (*un ministre courtisan*)»¹²⁷.

«Тонкий ум, богатая память, живой и проникновенный взгляд, исключительное бескорыстие, неизменное добродушие, подчас граничившее с чувствительностью, – вот счастливые качества, отличавшие графа де Морепа, – так отзывался о нем молочный брат королевы Марии-Антуанетты Йозеф Вебер. – Но этого было недостаточно, чтобы занять такой пост, и особенно в такое время»¹²⁸. Легкомысленный, когда следовало быть глубоким, способный шутить над самыми серьезными вещами, живущий сегодняшним днем и опасющийся предвидеть из нежелания беспокоиться, – этот первый министр думал не о будущем Франции и не о молодом короле, а том, сколько лет ему самому еще осталось жить. Он вознамерился провести их безмятежно, без забот и соперников; не наставлять короля, а развлекать его; не обучать делам, а избавлять от них». Выбор такого наставника для Людовика XVI сыграл, по мнению Вебера, роковую роль в истории страны¹²⁹. Не менее критично настроенный герцог де Леви, признавая за Морепа ум, разнообразные таланты и здравомыслие, полагал, что он «подчинился воле своей жены» и «главным его недостатком было безразличие к общему благу, вызванное не столько возрастом, сколько эгоизмом; ...на государственном корабле он был, скорее, пассажиром, а не лоцманом»¹³⁰.

Отставку Морепа в апреле 1749 г. современники восприняли как гром среди ясного неба, потому что король, как всем казалось, благоволил к Морепа и разделял его увлечение науками. «Не видно было явной причины, вызвавшей столь внезапную опалу; война закончилась, о просчетах забыли, Морепа занимался восстановлением флота, король был к нему как никогда благосклонен. Когда в последний раз этот министр присутствовал при утреннем пробуждении короля, Его Величество слушал его байки и остроты и хохотал от души»¹³¹. Но уже на следующий день ему было предписано

¹²⁵ Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel / publ. par M. Tourneux. Paris, 1891. Т. 3. P. 87–89.

¹²⁶ Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 145.

¹²⁷ Marmontel J.-F. Op. cit. P. 88–89.

¹²⁸ Речь идет о повторном возвышении Морепа в 1774 г.

¹²⁹ Weber J. Mémoires de Weber, concernant Marie-Antoinette, archiduchesse d'Autriche et reine de France et de Navarre. 3 vols. / publ. par MM. Berville et Barrière. Paris, 1822. Т. 1. P. 115.

¹³⁰ Lévis G.-P.-M. de. Souvenirs et Portraits, 1780–1789. Paris, 1815. P. 3–5.

¹³¹ Argenson R.-L. de Voyer de Paulmy, marquis d'. Op. cit. Т. 5. P. 448.

удалиться в Бурж, где он мог жить при дворце своего кузена, архиепископа Ларошфуко. В приказе об отставке Людовик XV написал: «Я бы позволил вам отправиться в Поншартрен¹³², если бы это не было так близко от Версаля и Парижа»¹³³.

Илл. 9. Дворец архиепископа в Бурже. Современная фотография

Отставка Морепа последовала за поражениями французского флота на колониальном театре военных действий в ходе Войны за австрийское наследство, но современники и историки единодушно объясняют ее не столько его просчетами как морского министра, сколько придворными интригами и ссорой с фавориткой Людовика XV мадам де Помпадур¹³⁴. Он открыто выражал недовольство влиянием Помпадур на короля, и стараниями герцога де Ришельё ему стали приписывать (впрочем, небезосновательно) авторство эпитаграмм, в которых не просто высмеивалась королевская фаворитка, но и проявлялось непочтительное отношение к королю.

Рассуждая о возможных явных и скрытых причинах отставки Морепа, герцог де Крои писал: «Среди причин, по которым он мог впасть в немилость, в первую очередь называют его склонность к сатире». Дело в том, что Морепа позволял себе повторять пасквили, направленные против маркизы де Помпадур, авторов которых он не нашел, когда ему поручили это сделать. Вторая причина, названная де Крои, – кризисное положение, в котором, якобы по вине Морепа, находился флот. Но по этому поводу де Крои замечает, что морскому министерству всегда отказывали в деньгах, и это была уже слишком старая проблема, чтобы послужить причиной столь неожиданной отставки. Главными же причинами отставки Морепа, по словам герцога, были не слабое руководство флотом и не сатирические стихи сами по себе, а придворные интриги и происки соперников, оспаривающих у него влияние на короля: «Кажется, что, скорее всего, его одолели сила интриги и бесконечное влияние Маркизы, которая, как я имел случай заметить, уже давно не могла его терпеть, и герцог де Ришельё, публично

¹³² Родовое имение Морепа.

¹³³ Argenson R.-L. de Voyeur de Paulmy, marquis d'. Op. cit. T. 5. P. 448.

¹³⁴ Ibid. P. 447–462; Barbier E.-J.-F. Chronique de la Régence et du règne de Louis XV. 8 vols. Paris, 1857–1866. T. 4. P. 362–367; Luynes, duc d'Albert de. Mémoires sur la cour de Louis XV, 1735–1758 / publ. par L. Dussieux et E. Soulié. Paris, 1860–1865. T. 10. P. 119; Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Op. cit. T. 1. P. 291–292; Véri J.-A., l'abbé de. Op. cit. T. 1. P. 191–193.

клявшийся покончить с ним, вместе с нею довел дело до конца»¹³⁵. Те же мотивы названы и в дневниковых записях бывшего министра иностранных дел маркиза д'Аржансона¹³⁶.

Но непосредственным поводом для отставки, по единодушному мнению современников, послужили именно эпиграммы на Помпадур. По словам парижского адвоката Эдмона-Жана-Франсуа Барбье, «все абсолютно уверены, что стихи и куплеты, коими король весьма был уязвлен и кои, как говорят, распевались перед ним на ужинах, послужили тому причиной. Говорят, что появились еще сплетни на предмет не только происхождения, но и, что гораздо серьезнее, прелестей Госпожи маркизы. Следует признать это крайне неосторожным и дерзким. Если король привязан к женщине, то какой бы она ни была, всем подданным следует ее уважать»¹³⁷. Проявляя неуважение к королевской фаворитке, Морепа ставил тем самым под сомнение королевскую прерогативу аноблировать и вообще управлять социальной иерархией. По словам французского историка Б. Урса, «придворные "пуассонады"¹³⁸ являлись формой аристократической оппозиции социальному абсолютизму»¹³⁹. Со стороны Морепа это было тем более недопустимо, что он занимал пост государственного секретаря королевского дома, в обязанности которого в числе прочего входило поддерживать порядок и бороться с распространением всевозможных сочинений и слухов, подрывающих авторитет монарха. То есть речь шла уже не только о неприличной дерзости, но и о служебном несоответствии.

В личной стратегии Морепа прослеживается одна константа: он неизменно стремился превышать отведенные ему полномочия и играть роль главного министра. В свой первый министерский срок он имел для этого институциональную базу, занимая два поста, один из которых (государственный секретариат королевского дома) давал ему возможность контролировать двор. Немилость со стороны Людовика XV связана была с тем, что Морепа не мог смириться с «женской властью» и претензиями Помпадур на место неофициального «министра двора». Как демонстрирует Урс, анализируя записки маркиза д'Аржансона, при дворе Людовика XV Морепа принадлежал к партии королевской семьи (объединившейся вокруг королевы, дофина и принцев крови), которой противостояла партия финансистов братьев Пари и Помпадур¹⁴⁰. Историю его отставки в 1749 г. исследователь рассматривает как проявление тесного переплетения королевского двора с административным аппаратом монархии.

Морепа набрал такую силу и претендовал на такую роль, которая нарушала равновесие и угрожала поколебать положение короля как верховного арбитра в конфигурации придворного общества¹⁴¹. Это заметил маркиз д'Аржансон: «Не было примера, чтобы министр занял такое место при дворе, как он; он крепко держал в своих руках (*il y tenait par les liens les plus forts*) королевскую семью, принцесс, королеву, придворных, он был министром двора, и король, готовясь нанести ему удар, вынужден

¹³⁵ Croÿ E., duc de. Journal inédit / publ. par le vicomte de Grouchy et P. Cottin. T. 1–4. Paris, 1906–1907. T. 1. P. 124–125.

¹³⁶ Argenson R.-L. de Voyer de Paulmy, marquis d'. Op. cit. T. 5. P. 447–462.

¹³⁷ Barbier E.-J.-F. Op. cit. P. 366–367.

¹³⁸ Т. е. сатирические куплеты в адрес мадам де Помпадур, чья девичья фамилия была Пуассон.

¹³⁹ Hours V. Louis XV et sa cour. Paris, 2002. P. 256.

¹⁴⁰ Ibid. P. 210–214, 253–267.

¹⁴¹ Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. См. также: Duindam J. Myths of Power, Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.

был ото всех это скрывать»¹⁴². Двор действительно входил в сферу компетенции Морепа как государственного секретаря королевского дома, но при этом его тесные связи с королевой и дофином позволяли ему конкурировать с авторитетом короля при дворе и даже внутри королевской семьи. Как утверждал д'Аржансон, «никто никогда не говорил со своим государем столь непочтительно; он плел интригу за интригой, чтобы удержаться у власти; он привязал к себе королевскую семью, отдалив ее от того, кто является ее главой»¹⁴³. Фигура министра становилась чрезмерно весомой. Следовало напомнить ему, кто хозяин в королевском доме. Кстати, ситуация с отставкой Морепа не была абсолютно уникальной в XVIII в. Она отчасти повторится в 1770 г., когда внезапная опала постигнет столь же влиятельного и тоже занимавшего два министерских поста герцога де Шуазёля.

Урс выдвигает еще одну вероятную причину отставки Морепа, которая ускользнула от внимания современников. Скандал с мадам де Помпадур мог быть лишь дымовой завесой, скрывавшей намерение короля обеспечить полное единодушие среди министров относительно планировавшегося введения нового подоходного налога – двадцатины, которым предполагалось обложить всех подданных, не исключая и привилегированные сословия. Морепа высказывался против этого налога. Эдикт о двадцатине был подписан королем через несколько дней после отставки Морепа и представлен на регистрацию в Парижский парламент в начале мая 1749 г.¹⁴⁴

В ссылке в Бурже Морепа пробудет семь лет, до 1756 г. (строго безвыездно он жил там только первые три года), когда ему разрешат переехать в расположенный неподалеку от Версаля родовой замок Поншартрен и бывать в Париже, но при дворе он не мог появляться вплоть до 1774 г.

Илл. 10. Поншартрен – родовое имение семьи Морепа. Современная фотография

Стала ли опала несчастьем для Морепа? К своей отставке он внешне отнесся философски. Ему приписывают такие слова: «В первый день я был уязвлен, а на второй

¹⁴² Argenson R.-L. de Voyer de Paulmy, marquis d'. Op. cit. T. 5. P. 458.

¹⁴³ Ibid. T. 4. P. 189.

¹⁴⁴ Hours B. Op. cit. P. 263–264.

успокоился»¹⁴⁵. Трудно судить, насколько это отражает его душевное состояние, во всяком случае, пребывание в ссылке для него не было сопряжено с неудобствами. В Бурже он жил вполне свободно и спокойно, а в Поншартрене и Париже окунулся в водоворот привычной светской жизни, общался с друзьями, литераторами, учеными, придворными, министрами¹⁴⁶. Среди его посетителей был Монтескьё, оставивший о нем несколько двусмысленный, но, в целом, сочувственный отзыв: «Он всё видит, всё читает, надо всем смеется, всем доволен и всем занимается. Я завидую этому светскому человеку, он неподражаем»¹⁴⁷. Чету Морепа принимали в салонах герцогини д'Анвиль и мадам де Грамон (сестры герцога Шуазёля), мадам де Рошфор¹⁴⁸. То есть опальный министр остался уважаемым человеком, он продолжал вести разнообразную и интересную жизнь. Возможность наблюдать со стороны придворные интриги, не участвуя в них непосредственно, вкупе с министерским опытом обеспечили ему роль арбитра, к которому время от времени обращались за советом по личным и даже государственным делам¹⁴⁹. Существует версия, что в это время он работал над мемуарами. Несколько томов под названием «Мемуары графа Морепа» были опубликованы во время Революции аббатом Сулави¹⁵⁰, но аутентичность этих записок вызывает у историков большие сомнения.

Отклики современников на отставку Морепа были преимущественно сочувственными. Мармонтель, пользовавшийся покровительством со стороны мадам де Помпадур (а это немаловажно, учитывая обстоятельства и мотивы отставки), говорил, что Морепа оказался в опале «за весьма малую оплошность (*pour une faute assez légère*), которую королевская семья никогда не ставила ему в вину», и за годы отставки «снискал уважение благодаря преклонным годам и незаслуженному несчастью, переносимому с достоинством (*un malheur peu mérité, soutenu avec bienséance*)»¹⁵¹.

«Отставка немногих министров вызывала больше жалости и сожаления, – писал герцог де Крои, – он был честным человеком, достаточно искренним и услужливым, обладал большим числом друзей, бесконечной ловкостью в работе, был очень обаятельным и досконально знал двор (который входил в его компетенцию). С восемнадцати лет он был государственным секретарем. Он занимал этот пост в течение тридцати одного года и был в числе первых, с кем король предпочитал работать. Случившееся тем более удивляло, поскольку король казался способным на привязанность и привычку»¹⁵².

Таким образом, Морепа отнюдь не подвергся остракизму и не очень сильно пострадал. Тем не менее, современники выражали ему сочувствие в связи с постигшим его несчастьем. Их точка зрения – как и самого Морепа – заслуживает внимания, особенно в связи с тем, что проблема счастья была одной из ключевых и живо обсуждаемых в

¹⁴⁵ Цит. по: Picciola A. Op. cit. P. 377–378.

¹⁴⁶ Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Op. cit. T. 1. P. 292–293, 319.

¹⁴⁷ Цит. по: Hours B. Op. cit. P. 253.

¹⁴⁸ Picciola A. Op. cit. P. 381.

¹⁴⁹ Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Op. cit. T. 1. P. 292–293; Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 141–142.

¹⁵⁰ Maurepas J.-F. Phélypeaux, comte de. Les Mémoires du comte de Maurepas. 4 vols. / éd. par l'abbé Soulavie. Paris, 1791.

¹⁵¹ Marmontel J.-F. Op. cit. P. 87.

¹⁵² Croÿ E., duc de. Journal inédit. T. 1. P. 124–125.

философии, теологии, литературе и публицистике XVIII в.¹⁵³ Суть проблемы заключалась в том, что представления о счастье в это время подвергались переосмыслению. Прежде идея счастья – во всяком случае, ее нормативное толкование – связывалась с райским блаженством. В «Универсальном словаре» Антуана Фюретьера счастье трактовалось как «высшее блаженство (*félicité parfaite*), достижение такого блага, после коего нечего более желать. Люди способны испытать совершенное *счастье* лишь на небе»¹⁵⁴. Та же мысль повторялась и в «Словаре Треву» с критическим замечанием, что «сластолюбцы находят его в наслаждении всевозможными удовольствиями»¹⁵⁵.

В век Просвещения представления о счастье «спустились с небес на землю». Большим влиянием стали пользоваться идеи Бернара де Фонтенеля, высказанные в его небольшом эссе «О счастье» (1724). Фонтенель понимал «под словом счастье такое положение или состояние, которое хотелось бы продлить до бесконечности; этим счастье отличается от удовольствия, являющего собой всего лишь чувство приятное, но краткое и преходящее, а вовсе не состояние. Несчастье скорее способно превратиться в состояние. <...> Тот, кто хотел бы продлить свое состояние не из страха перед худшим, а из удовлетворения, заслуживает называться счастливым».

Наше счастье далеко не всегда в наших руках, считал Фонтенель: «Если мы и можем что-то сделать для своего счастья, то лишь благодаря своему образу мыслей. <...> Величайшая помеха счастью состоит в ожидании слишком большого счастья. <...> Вернее всего будет предаваться простым удовольствиям, таким как спокойная жизнь, общество, охота, чтение и т.п.». Он особо предостерегал от превратных представлений о счастье, распространенных в придворном обществе: «Зачастую счастье представляют себе излишне сложным. Сколько всего считается необходимым, например, для счастья придворного? Доверие со стороны министров, милость короля, важные должности для себя и своих детей, удача в игре, вызывающие зависть окружающих верные любовницы, – словом, всё, что только может представить себе необузданное и ненасытное воображение».

Вместо всех этих излишеств, обрекающих человека на бесконечную погоню за призрачным счастьем, Фонтенель предлагал ему счастье более простое, зависящее не столько от внешних обстоятельств, сколько от него самого. «Самый большой секрет счастья, – полагал мыслитель, – это быть в ладу с самим собой», поэтому счастливым может быть только добродетельный человек, которого не мучат угрызания совести. Сомнительному счастью, приукрашенному внешним блеском, Фонтенель противопоставил истинное «скромное счастье» добродетельного мудреца. Пусть такое счастье не вызывает зависти у других, но зато оно подлинное¹⁵⁶.

По Фонтенелю, подытоживает современный исследователь, счастье состоит в неподвижности, «в покое, который обеспечивает ясное восприятие действительности. Только сняв с реальности налет воображения, человек освобождается от тревог и

¹⁵³ См., например: Mauzi R. L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée française du XVIIIe siècle. Paris, 1994 (1979).

¹⁵⁴ Furetière A. Dictionnaire universel contenant généralement tous les mots françois. 3 vols. La Haye-Rotterdam, 1690. T. 1.

¹⁵⁵ Dictionnaire universel françois et latin, vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. 8 vols. Nancy, 1738–1742. T. 1. P. 1113.

¹⁵⁶ http://fr.wikisource.org/wiki/Du_bonheur (Le Bouyer de Fontenelle).

достигает счастья»¹⁵⁷. Таким образом, выходит, что в словах А.С. Пушкина «на свете счастья нет, а есть покой и воля» содержится ответ Фонтенелю, для которого именно покой и воля (а их, заметим, обрел в ссылке граф Морепа) – это и есть счастье.

На авторитет Фонтенеля ссылался аббат Жан Пестре в статье «Счастье» для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Пестре трактовал понятие счастья преимущественно в сенсуалистическом ключе, еще теснее, чем Фонтенель, увязывая его с понятием «удовольствие». По словам Пестре, «люди единодушны в том, что касается природы счастья. Все согласны в том, что это есть то же, что и удовольствие, или, по крайней мере, что самую силу и сладость его составляет удовольствие. Если счастье время от времени не оживляется удовольствием и не осыпается его милостями, то это не столько истинное счастье, сколько просто спокойное состояние: это грустное счастье. Если оставить нас пребывать в безразличной лени, из которой нам не к чему стремиться, то мы не сможем быть счастливы. Чтобы исполнились наши желания, надобно вывести нас из этой томительной спячки, наполнить радостью наши сердца, пробудить в них приятные чувства, заставить радостно биться, привести в восторг, наполнить чистым наслаждением, коего ничто не может испортить. Но условия человеческого существования никак не предполагают подобного состояния: вся наша жизнь не может быть сплошной чередой удовольствий. Самое сладостное состояние прерывается множеством томительных промежутков. Когда первоначальная живость чувства угаснет, лучше всего будет, если оно перейдет в спокойное состояние. Таким образом, самым совершенным счастьем для нас в этой жизни, как мы говорили в начале статьи, является спокойное состояние, перемежаемое время от времени оживляющими его удовольствиями»¹⁵⁸. Дидро в своем добавлении к этой статье связывал счастье с понятием «процветание». Разницу между ними он видел в том, что «счастье есть результат случая; оно приходит нечаянно. Процветание есть непрерывное счастье, которое зависит, по-видимому, от хорошего поведения»¹⁵⁹.

Антитезой счастью является несчастье. В соответствующей статье «Энциклопедии», автором которой был шевалье де Жокур, несчастье трактовалось как нечто неизбежное и, вместе с тем, незаслуженное, обрушивающееся на голову достойного человека: «Несчастья – это удел человеческий. Их хватит на всех; никому от них не убежать и не укрыться; пожалуй, мудрее будет приготовиться к превратностям судьбы, нежели пытаться их предотвратить. Мы видим почтенных людей в ряду самых священных имен, кои пострадали, преследуемые завистниками, и оставили жажду отмщения на совести самих преследователей. Несчастья зачастую развивают в нас чувства, знания, силы, коих мы не ведаем, пока не появится в них нужда»¹⁶⁰. Опала графа Морепа парадоксальным образом вполне соответствует данным определениям как счастья, так и несчастья. С одной стороны, превратности судьбы и происки врагов, завершившиеся немилостью короля, – это несчастье. С другой – свободная и размеренная жизнь опального Морепа, наполненная дружеским общением, гораздо больше отвечает определению счастья у Фонтенеля и

¹⁵⁷ Роже Ф. Счастье // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской. М., 2003. С. 53.

¹⁵⁸ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. 1752. Т. 2. Р. 322.

¹⁵⁹ Ibid. Р. 323.

¹⁶⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. 1765. Т. 9. Р. 945.

энциклопедистов, нежели его прежняя суетная жизнь министра, погруженного с головой в государственные заботы и придворные интриги.

В оценке случившегося с Морепа вошли в диссонанс две системы ценностей: придворная и «философская». То, что было *несчастьем* для придворного, могло составить *счастье* философа. Постигшее Морепа наказание было придворным *par excellence*: его благополучие не понесло урона, свобода его по возвращении из Буржа не была ограничена, он не лишился ни привычного комфорта, ни удовольствий. Правда, его самолюбию был нанесен удар, и он потерял доступ к власти. Но самое главное: ему запретили приближаться к королю, что имело как символический, так и вполне практический смысл. Как объяснял принц де Монбаре, герцогу де Ришельё со своими сторонниками «удалось добиться его опалы и ссылки в Бурж, достаточно далеко от Парижа, чтобы можно было не беспокоиться, как бы на прогулке или на охоте король не встретился со своим министром и не последовало бы объяснение, исхода коего они опасались и каковое было бы возможно, ежели бы его сослали в Поншартрен, расположенный всего лишь в четырех льё от Версаля. Эти соображения предопределили его ссылку на расстояние сорока льё от Парижа»¹⁶¹.

Но в 1774 г. колесо Фортуны совершило новый поворот. Людовик XVI призвал престарелого Морепа себе в наставники, чтобы, как говорилось в адресованной ему королем записке, «помогать мне своими знаниями и советами»¹⁶². Сделано это было, согласно свидетельствам современников, по совету тетки юного короля Мадам Аделаиды¹⁶³. Его имя стояло одним из первых в списке рекомендованных сыну возможных советников, который перед смертью составил Дофин, отец будущего Людовика XVI. Согласие вернуться ко двору Морепа дал лишь со второй попытки и заручившись поддержкой супруги¹⁶⁴, но, вернувшись, быстро вновь вошел во вкус власти. По словам военного министра де Монбаре, «граф де Морепа через четверть часа после своего водворения выглядел как человек, никогда не покидавший этого места»¹⁶⁵.

Во втором возвышении Морепа, как и в первом, вероятно, – во всяком случае, так утверждали современники, – родственные связи тоже сыграли не последнюю роль. Герцог де Крои считал, что Мадам Аделаида обратила на Морепа внимание своего венценосного племянника по подсказке герцогов Ришельё, д'Эгюйона и де Лаврийера. Д'Эгюйон приходился племянником, а де Лаврийер – братом мадам де Морепа. «В общем, – писал де Крои, – всё это была одна семья»¹⁶⁶. Но следует заметить, что родство не всегда было равнозначно солидарности. Так, Морепа начал свое второе восхождение на вершину власти с акта неблагодарности и занялся, как тогда говорили, «истреблением кузенов» (его называли «*chasse-cousins*»): министрам покойного Людовика XV Мопу, д'Эгюйону и де Лаврийеру пришлось отправиться в отставку. Как сам он говорил, «я стану

¹⁶¹ Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Op. cit. T. 1. P. 291–292.

¹⁶² Цит. по: Véri J.-A. Op. cit. P. 93.

¹⁶³ Croÿ E., duc de. Op. cit. T. 3. P. 115–116; Montbarey A.-M.-E. de Saint Maurice, prince de. Op. cit. T. 2. P. 92–94.

¹⁶⁴ Montbarey A.-M.-E. Op. cit. P. 93–94.

¹⁶⁵ Ibid. P. 95.

¹⁶⁶ Croÿ E., duc de. Op. cit. T. 3. P. 116.

заботиться о родственниках, только если потребуется добиться смягчения им сурового наказания»¹⁶⁷.

С 1774 и до самой смерти в 1781 г. Морепа оставался ментором короля. Формально он имел звание государственного министра и возглавлял финансовый совет, но фактически его роль в управлении государством была еще более значительной. Его квартира в Версале располагалась непосредственно над королевскими апартаментами, что давало ему прекрасную возможность ежедневно видеться с королем и обсуждать с ним государственные дела. Сам он определил свою роль следующим образом: «Ваши государственные секретари, сказал он Людовику XVI, будут работать с Вами. Я не буду говорить с ними от Вашего имени и не возьмусь говорить с Вами от их имени. Одним словом, я буду Вашим человеком только для Вас, и не более того»¹⁶⁸. Конечно, в данном случае Морепа лукавил: он был большим мастером придворной интриги и ловко играл при дворе роль «человека короля». За ним признавали решающее влияние на короля при принятии таких ключевых решений, как отставка министров покойного Людовика XV и возврат парламентов в их прежнем виде (т.е. отмена парламентской реформы Мопу)¹⁶⁹, назначение на пост генерального контролера финансов и затем отставка А.-Р.-Ж. Тюрго¹⁷⁰, а потом назначение и отставка Ж. Неккера. Вообще, как правило, министерские назначения до 1781 г. (года смерти Морепа) были с ним согласованы, а многие совершались по его инициативе. На старости лет он не утратил свойственного ему юмора. В частности, ему приписывают широко распространившийся каламбур по поводу финансового отчета Неккера. Отчет (*le compte rendu*), переплетенный в обложку из синей бумаги, вслед за Морепа стали называть «*le compte-bleu*» (дословно – «синий отчет»), но созвучное с этим выражение *les contes bleus* означает небылицы, рассказы)¹⁷¹.

Во время своего второго возвышения Морепа стал самым приближенным к монарху из членов королевского совета и самым влиятельным, но его влияние было преимущественно неформальным. Он не получил такого поста, который официально поставил бы его над другими министрами. При всем своем авторитете Морепа находился под постоянным контролем со стороны короля; он оставался инструментом управления в руках монарха. Степень его зависимости от благорасположения короля видна из донесения русского посла князя И.С. Барятинского, в котором речь идет о новых назначениях на министерские посты, сделанных Людовиком XVI летом 1774 г.: «Сей королевский выбор во все первыя места из фамилии дероб причиняет между здешним дворянством великое неудовольствие, так что они явно почти о том негодуют, ибо щитают, что Граф Морепа и Граф Вержен¹⁷² не знатного рода»¹⁷³. По мнению большинства придворной аристократии, советником молодого короля должен был бы

¹⁶⁷ Эти слова приводит в дневнике близко знакомый с Морепа аббат де Вери: Véri J.-A. Op. cit. P. 99. Аббат сблизился с четой Морепа в годы ссылки в Бурже, куда Вери в то время был назначен старшим викарием архиепископа (Nolhas P. de. Préface // Véri J.-A. Op. cit. P. IX–XII).

¹⁶⁸ Его слова вновь цитирует в своем дневнике аббат Вери: Véri J.-A. Op. cit. P. 96.

¹⁶⁹ О роли Морепа в восстановлении прежних парламентов см. статью «Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г.»

¹⁷⁰ Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. / пер. с франц. под ред. В.М. Далина. М., 1979.

¹⁷¹ Georget J.F. Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du dix-huitième siècle depuis 1760 jusqu'en 1806–1810, par un contemporain impartial. Paris, 1820. T. 1. P. 464.

¹⁷² Министр иностранных дел Людовика XVI.

¹⁷³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 93. Оп. 6. Д. 292. Депеши первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Панину от полномочного министра в Париже кн. Барятинского. Л. 95–95 (об.). Дешеша 25 (14) авг. 1774.

стать другой опальный министр – представитель старого рода военной знати герцог де Шуазэль. Получалось, что в иерархии придворного общества Морепа из рода Фелипо, занимавшего министерские посты полторы сотни лет, все же оказывался недостаточно знатным и уступал Шуазэлю. По словам его биографа Андре Пиччиолы, «он не был по настоящему на своем месте в Версале»¹⁷⁴.

Положение Морепа затруднялось тем, что у него вновь не сложились отношения с самой близкой королю женщиной – на сей раз с королевой, с которой у него началось соперничество за влияние на короля. По словам того же Барятинского, «преданные же графу Морепа весьма опасаются, чтоб власть ея (Марии-Антуанетты. – Л.П.) более еще неусилилась и неразпространилась ко всем делам, из чего неминуемо воспоследует и отрешение от дел Графа Морепа, ибо королева его ненавидит»¹⁷⁵. Но на сей раз Морепа с честью выдержал соперничество. Ему помогли «придворная рациональность» и искусство общения с людьми¹⁷⁶, благодаря которым он сумел найти верный тон в отношениях с королевой, идя в ряде случаев ей на уступки, и в результате остался у власти до конца жизни.

Можем ли мы, объединив свидетельства разных источников, вывести закономерности успешного вращения по придворной орбите? На примере графа Морепа мы имеем дело с двумя возвышениями и одной опалой между ними, т. е. с вращением по орбите в почти буквальном смысле слова. Своим первым возвышением он был обязан, в основном, происхождению и семье. Его опала и повторное возвышение определялись уже другими факторами, имея при этом между собой немало общего. В этих двух случаях главную роль сыграли закулисные интриги, влияние ближайшего королевского окружения (в случае опалы – фаворитки, в случае второго возвышения – членов королевской семьи) и, в конечном счете, до конца не объяснимая воля короля. Оба раза решение короля оказывалось неожиданным для современников, в нем для них оставалась тайна, которую они пытались разгадать и объяснить. То есть именно король Франции вращал колесо Фортуны, и желающему оказаться и задержаться на вершине следовало не забывать об этом и осознавать шаткость своего положения, которого в полной мере не гарантировали ни личные заслуги, ни семья, ни связи.

¹⁷⁴ Picciola A. Op. cit. P. 464.

¹⁷⁵ АВПРИ. Д. 302. Л. 153 (об.). Депеша 24 мая (4 июня) 1775. Это мнение подтверждает и аббат Вери, по словам которого «королева не любит и совершенно не уважает г-на де Морепа» (Véri J.-A. Op. cit. T. 2. P. 12).

¹⁷⁶ Элиас Н. Указ. соч. С. 130–140.

Публикация «Отчета королю» Жака Неккера в 1781 г.: к истории формирования публичного политического пространства во Франции XVIII в.¹⁷⁷

Скучная, на первый взгляд, тема этой статьи может отпугнуть читателя: речь пойдет о первой в истории Франции публикации финансового отчета. Так ли уж интересно нам это событие двести двадцать лет спустя? Чтобы оправдать внимание к нему, сошлемся на два авторитетных мнения. В начале XX в. биограф Неккера маркиз П. де Сегюр оценил публикацию его *Отчета королю* как «почти революцию в политических нравах»¹⁷⁸. «Только Неккеру, - утверждал наш современник философ Юрген Хабермас, - удалось пробить в абсолютистской системе брешь, через которую проникла политически ориентированная публичная сфера: он опубликовал баланс управления национальными делами. [...] Начиная с публикации Неккером его *Отчета* эта публичная сфера больше не допускала никаких ограничений своей политической роли и не позволяла вывести себя из игры»¹⁷⁹. Чем же было примечательно это ставшее с тех пор вполне заурядным событие, к каким именно последствиям оно привело и что можем мы узнать, изучив его, о французской монархии и политической культуре Франции XVIII в.? Размышления над этими вопросами вылились в настоящую статью.

Так как о первом министерстве Неккера отечественные историки не писали и нашему читателю имя этого человека известно, главным образом, в связи с тем, что его вторая отставка в июле 1789 г. спровоцировала народные волнения в Париже и взятие Бастилии, имеет смысл познакомиться поближе с нашим героем и его политической карьерой¹⁸⁰.

Жак Неккер родился в 1732 г. в Женеве в семье натурализованного уроженца Бранденбурга Шарля-Фредерика Неккера, профессора германского публичного права Женевской академии. Сын недолгое время поучился в коллеже и в аудитории изящной словесности той же самой Академии, а затем в пятнадцатилетнем возрасте отправился завоевывать Париж.

Поначалу юный Жак устроился мелким клерком в банк И. Верне, преуспел и в 1756 г., когда ему исполнилось 24 года, вместе с другим женецем, Ж.-Т. де Телюссоном основал банк «Телюссон, Неккер и К^о». Новоиспеченные директора вскоре разбогатели на успешных операциях в последние годы Семилетней войны. Впоследствии недоброжелатели не раз ставили Неккеру в вину его подозрительно быстрое обогащение. «Г-н Неккер, рожденный в Женеве, этом средоточии отродья всех наций, где приживаются любые пороки, где спекуляция и искусство наживаться за чужой счет любыми дозволенными и недозволенными способами являются характерными чертами всех жителей, от природы наделенных способностью к расчетам и торговым

¹⁷⁷ Впервые опубликовано: Памяти профессора А.В. Адо: Современные исследования о французской революции конца XVIII в. / под ред. В.П. Смирнова и Д.Ю. Бовыкина. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2003. С. 110-152.

¹⁷⁸ Ségur P., le marquis de. *Au couchant de la monarchie: Louis XVI et Necker (1776-1781)*. Paris, 1913. P. 355.

¹⁷⁹ Habermas J. *L'espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise* / trad. par M.B. de Launay. 5ème éd. Paris: Payot, 1993 (Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Hermann Luchterhand Verlag, 1962). P. 79.

¹⁸⁰ О политической карьере и воззрениях Неккера написано немало; см., напр.: Ségur P. *Op. cit.*; Vacher de Lapouge Cl. *Necker économiste*. Paris, 1914; Jolly P. *Necker*. Paris, 1947; Grange H. *Les idées de Necker*. Thèse prés. devant l'Univ. de Paris IV. Univ. de Lille, 1973; Egret J. *Necker, ministre de Louis XVI, 1776-1790*. Paris: Champion, 1975; Harris R.D. *Necker, Reform Statesman of the Ancien Régime*. Berkeley-L.A.-London: Univ. of California Press, 1979.

комбинациям, - этот господин весьма молодым приехал в Париж, следуя обыкновению всех своих сограждан,» - с нескрываемой неприязнью писал в мемуарах военный министр Людовика XVI Александр-Мари-Леонор, принц де Монбаре¹⁸¹. «Через двенадцать-пятнадцать лет его состояние превысило то, чем владели крупнейшие банковские дома, и одной невероятной быстроты этого обогащения было достаточно, чтобы сделать подозрительным его источник,» - вторил ему другой известный мемуарист Габриэль Сенак де Мейан¹⁸².

Следующим важным этапом карьеры Неккера стало участие в делах французской Ост-Индской компании, акции которой частично принадлежали его банку. С 1764 г. Неккер вошел в правление компании. Его банк являлся посредником между ней и Лондонским банком Дж. Бурдьё и С. Шолле, предоставлявшим компании кредиты для торговли с Индией. Посреднические операции принесли самому Неккеру большие барыши, хотя Ост-Индская компания в ходе Семилетней войны разорилась и в 1770 г. была ликвидирована. По словам Сенака де Мейана, «мошеннические договоры с Индской компанией и спекуляции на английских капиталах в 1763 г. при подписании мира, о котором он был уведомлен заранее, послужили основой этого баснословного богатства, достигавшего шести миллионов по самым скромным подсчетам»¹⁸³.

Роль Ост-Индской компании в судьбе Неккера не сводилась только к возможности обогащения, которую он с успехом использовал. Хотя компания и являлась частным акционерным обществом, но ввиду того, что ее деятельность представляла государственный интерес, управлявшие ею выборные синдики и директора были подотчетны королевским чиновникам и генеральному контролеру финансов. Таким образом, управление Ост-Индской компанией приобщило банкира Неккера к государственным делам. Он познакомился и завязал дружеские отношения с синдиками компании, среди которых были такие влиятельные люди, как занимавший в 1769-1774 гг. пост генерального контролера финансов аббат Жозеф-Мари Терре, маркиз Шарль-Эжен-Габриэль де Кастр, герцог де Шатле. Дружба оказалась взаимовыгодной: аристократы получили возможность участвовать в денежных операциях Неккера, а тот завязал связи в министерстве, при дворе и в высшем свете¹⁸⁴. Так накапливался не только денежный, но и социальный капитал, позволивший сыну женева профессора сделать головокружительную карьеру во Франции.

Расширению связей с нужными людьми немало способствовала супруга банкира Луиза-Сюзанна Неккер, урожденная Кюршо. Разносторонне образованная и начитанная дочь пастора стала хозяйкой одного из самых знаменитых литературных салонов Парижа второй половины XVIII в. В числе его завсегдатаев были известные литераторы века Просвещения Дени Дидро, Мельхиор Гримм, аббат Гийом Рейналь, аббат Андре Морелле, Жан-Франсуа Мармонтель, естествоиспытатель Жорж-Луи де Бюффон, английский историк Эдвард Гиббон, иностранные дипломаты и представители высшего общества. Каждую неделю по пятницам в доме Неккеров давали великолепные обеды и ужины, на

¹⁸¹ Montbarey A.-M.-L. Mémoires autographes de M. le prince de Montbarey. T. 2. Paris, 1826. P. 241.

¹⁸² Sénac de Meilhan G. Le gouvernement, les mœurs et les conditions en France avant la Révolution. Portraits des personnages distingués de la fin du XVIIIe siècle / Introd. et notes par M. de Lescure. Paris: Poulet-Malassis, 1862. P. 216.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ Montbarey A.M.L. Op. cit. P. 243.

которые обычно собирались литераторы¹⁸⁵. В атмосфере интеллектуальных салонных бесед на литературные и политические темы росла и воспитывалась дочь банкира Жермена Неккер, будущая известная писательница мадам де Сталь. Благодаря салону мадам Неккер популярность ее супруга росла как при дворе, так и в широких кругах парижского общества.

Последнему обстоятельству он всегда придавал большое значение. Среди людей XVIII в. Неккер одним из первых оценил влияние общественного мнения во Франции того времени и не упускал случая привлечь его на свою сторону¹⁸⁶. Позднее, уже заняв министерский пост, в преамбулах подготовленных им королевских указов он постоянно взывал к общественному мнению Франции. Но поначалу Неккер постарался завоевать успех в качестве публициста.

В 1773 г. его «Похвальное слово Кольберу» заслужило премию Французской академии и было напечатано. В этом сочинении Неккер впервые изложил перед публикой свои экономические взгляды, выступив в поддержку активного государственного вмешательства. В историографии долгое время господствовало представление о том, что он был чистым прагматиком, в его воззрениях отсутствовала системность и они представляли собой эклектическую смесь идей, заимствованных из разных экономических доктрин. По одним вопросам он мог выступать с позиций меркантилизма, по другим сближался с физиократами¹⁸⁷. Однако исследования ряда авторов второй половины XX в. показали, что и в теоретических построениях Неккера, и в его подходе к решению конкретных практических вопросов особенно заметно влияние либеральных идей, хотя именно с ними он не раз резко полемизировал. Он в принципе был сторонником свободы предпринимательства, но не разделял веры либералов в благотворное действие естественных законов рынка и считал, что государство обязано заботиться о бедных. Именно поэтому он выступал за государственное регулирование цен на зерно¹⁸⁸. В 1775 г., в самый разгар проведения генеральным контролером финансов Анн-Робер-Жак Тюрго либеральных экономических реформ внимание публики привлек острополемический трактат Неккера «О законодательстве и торговле зерном», направленный против мероприятий министра-реформатора. Новыйopus навлек на себя гнев Вольтера и либеральных экономистов-физиократов, но зато его высоко оценили Дидро, Бюффон, Гримм и другие завсегдатаи салона госпожи Неккер. К тому времени за спиной ее супруга уже стояла мощная группа давления, способная возвести его на государственную должность и склонить общественное мнение в его пользу.

Первый опыт государственной деятельности Неккер приобрел на дипломатическом поприще, когда еще в 1768 г. стал представителем Женевской республики в Париже. Отставка Тюрго и скоропостижная смерть его преемника Жана-Этьена-Бернара де Клюньи внезапно открыли перед Неккером перспективу возвышения. Обстоятельства его назначения на министерский пост не вполне ясны. Современники-мемуаристы расходятся в своих показаниях на этот счет. По словам принца де Монбаре, главную роль в

¹⁸⁵ Georget J.F. Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du dix-huitième siècle depuis 1760 jusqu'en 1806-1810, par un contemporain impartial. T. 1. Paris, 1820. P. 455.

¹⁸⁶ О том, как трактовалось в XVIII в. понятие *общественное мнение* см.: Ozouf M. Le concept d'opinion publique au XVIIIe siècle // Ozouf M. L'homme régénéré. Essais sur la Révolution française. Paris: Gallimard, 1989. P. 21-53.

¹⁸⁷ См., напр.: Vacher de Lapouge Cl. Op. cit.

¹⁸⁸ Grange H. Op. cit. P. 180-228; Harris R.D. Op. cit. P. 53-67.

назначении сыграла покровительствовавшая Неккеру герцогиня д'Анвиль, которая рекомендовала его своему дальнему родственнику, наставнику короля графу Жану-Фредерику де Морепе¹⁸⁹. Другие же, в том числе Сенак де Мейан и аббат Жоржель, отводят решающее значение интригам молодого авантюриста, известного под именем маркиза де Пезе. Он был принят в доме Морепе, некогда преподавал военную тактику дофину, ставшему королем Людовиком XVI, и посылал своему бывшему августейшему ученику секретные донесения. Услугами - весьма щедро оплаченными - именно этого человека якобы воспользовался Неккер, чтобы завоевать доверие короля и его ментора и получить вождеденное назначение¹⁹⁰.

Несмотря на обширные связи в придворных и правительственных кругах Неккер имел в обществе репутацию одиночки, не связанного ни с какой «партией». В 1780 г. русский посол князь И.С. Барятинский, восторгаясь независимыми и смелыми действиями Неккера на министерском посту, связывал его успехи, в частности, с тем, что «он своим местом никому не одолжен», ни «знатным большим господам», ни «капиталистам»¹⁹¹. Это мнение, впрочем, не противоречит версии о поддержке Неккера маркизом де Пезе: тот умер в 1777 г., так что в 1780 г. Неккер уже мог считать себя никому более не обязанным своим возвышением.

Как бы то ни было, Морепе долго колебался, не решаясь определить на высокий пост протестанта и иностранца. По закону не католики не имели права занимать во Франции государственные должности. Вновь назначенному генеральному контролеру финансов полагалось принести в Счетной палате присягу в принадлежности католической церкви. В конце концов изобрели хитроумную комбинацию, возможно, подсказанную Морепе маркизом де Пезе: в октябре 1776 г. номинально генеральным контролером финансов был назначен Луи-Габриэль Табуро де Рео, а фактически его обязанности стал исполнять Неккер в должности финансового советника и генерального директора королевского казначейства; таким образом, на документах, представляемых в Счетную палату, стояла подпись генерального контролера-католика. Но не прошло и года, как в июне 1777 г. единоначалие в генеральном контроле было восстановлено в пользу Неккера, получившего пост генерального директора финансов. Ему подчинялись два контролера актов, которые и подписывали документы, поступавшие в Счетную палату¹⁹².

Одну из главных задач новый министр видел в том, чтобы уравновесить государственные доходы и расходы. Более или менее крупный дефицит был обычным состоянием финансов Франции Старого порядка. Периоды, когда доходы соответствовали расходам или даже превышали их, представляли собой, скорее, исключения из общего правила¹⁹³. Однако все генеральные контролеры финансов того времени, не знакомые с кейнсианством, рассматривали такое положение дел как ненормальное и изо всех сил старались свести концы с концами. Не отличался от них и Неккер, стремившийся

¹⁸⁹ Montbarey A.-M.-L. Op. cit. T. 2. P. 244-245; T. 3. P. 123-124.

¹⁹⁰ Darnton R. The Memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // The English Historical Review. 1970. Vol. 85. № 336. P. 539-540; Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 222; Georget J.F. Op. cit. T.1. P.456.

¹⁹¹ Деша из Парижа первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Панину от полномочного министра князя Барятинского, 23 янв./ 3 февр. 1780 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Фонд 93 (сношения России с Францией, 1717-1809 гг.). Опись 6. Ед. хр. 354. Л. 14 об.

¹⁹² Darnton R. Op. cit. P. 554; Georget J.F. Op. cit. T. 1. P. 454.

¹⁹³ Guéry A. Les finances de la monarchie française sous l'Ancien Régime // Annales: E.S.C. 1978. № 2. P. 216-239.

увеличить доходы и сократить расходы казны. В качестве одного из возможных источников дополнительных поступлений он рассматривал земли королевского домена, распорядился пересмотреть условия их аренды и провел замены в администрации домена. Важным резервом для сокращения расходов Неккер считал королевский двор и урезал целый ряд придворных должностей и пенсий.

Вместе с тем, он считал существующий порядок управления финансами в принципе неэффективным и предпринял реформы, направленные на централизацию финансовой администрации и максимальное подчинение ее генеральному директору. Главное препятствие он видел в том, что эта часть государственного аппарата была в основном представлена чиновниками старого типа – так называемыми офисье, обладавшими правом собственности на занимаемые должности. Кроме того, служащие финансового ведомства зачастую сами являлись финансистами. Они легко путали свой карман с государственным и не могли устоять перед соблазном пустить собранные в виде налогов средства на кредитные операции. За время своего министерства Неккер сократил ряд должностей финансовых и торговых интендантов, казначеев и финансовых сборщиков, заменил многих собственников должностей-офисье назначаемыми чиновниками современного типа и передал сбор некоторых налогов от откупщиков в руки королевских сборщиков¹⁹⁴.

Однако реформаторские планы Неккера не ограничивались финансовой администрацией. Он замыслил преобразовать местное управление и в 1778 г. представил королю мемуар, в котором предлагал создать повсеместно провинциальные ассамблеи из земельных собственников трех сословий. Они должны были собираться каждые два года и назначать своих уполномоченных, которые в промежутках между сессиями ассамблей занимались бы делами местной администрации. В ассамблеях вводилось двойное представительство третьего сословия, так что число его депутатов равнялось числу депутатов духовенства и дворянства, вместе взятых. Впоследствии этот порядок с подачи того же Неккера будет принят и при определении регламента созыва Генеральных штатов 1789 г. В результате были созданы четыре провинциальные администрации нового типа: в Берри, Верхней Гийени, Дофине и Бурбонне. Реально из них функционировали первые две.

В чем состоял смысл начатой Неккером реформы провинциальной администрации? На что и против чего она была нацелена? В поданном королю мемуаре Неккер, обличая пороки существующей администрации, критиковал как интендантов, так и провинциальные парламенты. Построение текста весьма любопытно. Поначалу автор весь свой гнев обрушивает на интендантов. «В самом деле, - возмущается Неккер, - едва ли можно назвать администрацией такой произвол одного человека, который то присутствует, то отсутствует, то образован, то ни на что не годен и при этом должен управлять самыми важными сторонами общественного порядка, не имея на то никаких способностей [...]»¹⁹⁵. Однако, как становится ясно из дальнейшего текста, Неккер вовсе не намеревался упразднить администрацию интендантов. Предлагаемые им провинциальные ассамблеи по сути подчинялись интендантам, и их полномочия ограничивались раскладкой и сбором (но не вотированием!) налогов, строительством и

¹⁹⁴ Boshier J.F. French Finances, 1770-1795. From business to bureaucracy. Cambridge Univ. Press, 1970. P. 142-165.

¹⁹⁵ Mémoire donné au Roi par M. Necker en 1778 // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. Avec des notes critiques, politiques et secrettes. 3 vol. Utrecht, 1782. T. 3. P. 4.

содержанием дорог и осуществлением мер, направленных на поощрение торговли и предпринимательства в провинции, а также вынесением на высочайшее рассмотрение всевозможных предложений, касающихся усовершенствования судебной системы, налогообложения и благосостояния провинции. Все решения провинциальных ассамблей должны были получить одобрение королевского совета, а последнее зависело от мнения интенданта¹⁹⁶. Неккер недвусмысленно давал понять, что его реформа помогла бы нейтрализовать влияние провинциальных парламентов – «этого средства, которое само по себе есть помеха, ибо отнимает доверие подданных Вашего Величества и показывает, что они могут рассчитывать на другую защиту, помимо любви и справедливости своего Суверена»¹⁹⁷. Излагая в своем донесении содержание мемуара Неккера о провинциальной администрации, русский поверенный в делах Н.К. Хотинский справедливо отметил, что главной целью всего этого учреждения было улучшение сбора налогов¹⁹⁸.

Говоря о достижениях Неккера на посту генерального директора финансов, необходимо также упомянуть его благотворительные акции, снискавшие ему немалую популярность, в частности, улучшение условий содержания людей в тюрьмах, больницах и сиротских приютах.

Об авторитете, завоеванном Неккером к началу 1780 г., и «неккеромании», охватившей значительную часть французского общества, свидетельствуют слова князя Барятинского. «Не можете, милостивый государь, себе представить, - писал русский посол графу Н.И. Панину, - сколь день от дня к Неккеру приумножается генеральная консидерация; он твердым и безпристрастным характером до того дошел, что интриги против его суть без действия. Королева и вся королевская фамилия уже изволила запретить приближенным своим не принимать ни от кого ни записок ни мемориалов, касательных до дел и помещениев на места в его департамент; нам известно, что в недавнем времени королева изволила его пред себя призывать и требовала от него, дабы поместить одного человека, назвав место, котораго проситель желал; он ея величеству отвечал, что того зделать никак не возможно, потому, что оно будет вопреки его генеральному плану о финансах, но естли ея величеству угодно зделать сему человеку милость, изволила бы только испросить повеления от короля, он того же вечера поднесет ей миллион ливров, дабы просителю пожаловать, одним словом, милостивый государь, заключить можно, все его почитают честнейшим, добродетельным, справедливым и прямо государственным человеком»¹⁹⁹. «Вся публика, милостивый государь, в восхищении, - сообщал посол в другой депеше, - и почитают в настоящем положении Франции, что Бог его послал яко избавителя»²⁰⁰.

Впрочем, восхищение генеральным директором финансов не было единодушным. Его реформы вызвали враждебную реакцию утративших прежние позиции финансистов и их покровителей при дворе. С самого начала министерства Неккера в обществе периодически возникали слухи о его скорой отставке. С апреля по ноябрь 1780 г. появились пять брошюр, критикующих его политику. На современников особенно

¹⁹⁶ Ibid. P. 11.

¹⁹⁷ Ibid. P. 7.

¹⁹⁸ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 15/26 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 159 об.

¹⁹⁹ Депеша из Парижа первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Панину от полномочного министра князя Барятинского, 12/23 янв. 1780 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 354. Л. 9 об.-10 об.

²⁰⁰ Депеша графу Панину от князя Барятинского, 23 янв./3 февр. 1780 г. // Там же. Л. 16.

сильное впечатление произвело то, что эти брошюры не только продавались, но и бесплатно раздавались и рассылались по домам. Организатором этой кампании и автором по крайней мере большинства брошюр был Ж.-М. Ожар, секретарь королевы Марии-Антуанетты и приближенный графа Морепа²⁰¹. Помимо обвинений личного характера в том, что огромное состояние бывшего банкира было нажито нечестным путем, в них критиковались его реформы как безрассудные и разорительные для государства. Неккер изображался агентом иностранного капитала: ему ставились в вину связи с иностранными банкирами и ненависть к французским финансистам и парламентским магистратам²⁰². Барятинский прилагает к одной из депеш составленный недоброжелателями Неккера памфлет, в котором его управление финансами сравнивалось с системой другого ненавистного многим французам иностранца – шотландца Джона Ло²⁰³.

Поставленная Неккером задача сбалансировать доходы и расходы серьезно осложнилась тем, что в годы его министерства Франция, стремясь к реваншу за поражение от Великобритании в Семилетней войне, вступила в Войну за независимость на стороне американцев. Войны, в которых участвовала Франция, всегда сопровождались резким ростом дефицита государственного бюджета, и для покрытия военных расходов вводились чрезвычайные налоги. Неккер, используя свою искушенность в банковском деле и связи в финансовых кругах, сумел обойтись без введения новых налогов и оплатить военные расходы за счет многократных займов, преимущественно у голландских и швейцарских банкиров. Благодаря несомненной компетентности и хорошей репутации Неккера его займы имели успех. Финансированию войны отчасти помогало и проводившееся им сокращение государственных расходов. Однако уже летом 1780 г. Барятинский сообщает о беспокойстве Неккера в связи с тем, что «все ресурсы к сысканию денег чрез реформы на продолжение войны изтощены»²⁰⁴ и требуется новый заем, а может быть и налог. В обществе же начинают усиленно циркулировать слухи о том, что доверие короля своему генеральному директору финансов изрядно поколеблено²⁰⁵.

В этих обстоятельствах Неккер почувствовал необходимость укрепить пошатнувшиеся позиции. Его первой победой стала отставка морского министра Габриэля де Сартина, с которым у Неккера то и дело возникали конфликты из-за расходования средств на нужды флота. И вот, осенью 1780 г. Неккер пригрозил королю отставкой, заявив, что не может работать в таких условиях. Вынужденный выбирать между двумя министрами король предпочел Неккера²⁰⁶. Место уволенного Сартина занял старый приятель генерального директора финансов маркиз де Кастр. Все современники сходятся на том, что Неккер немало поспособствовал этому назначению. Он воспользовался тем, что приступ подагры на несколько дней свалил в постель графа Морепа; у Неккера, таким образом, впервые появилась возможность работать с королем наедине (раньше при этом

²⁰¹ Он признается в этом в своих мемуарах: Augeard J.-M. *Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des commandements de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800)* / introd. par E. Bavoux. Paris: Plon, 1866. P. 99-100.

²⁰² Egret J. *Op. cit.* P. 163-165. Тексты брошюр см.: *Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker*. T. 1.

²⁰³ *Tableau comparatif de ce qui s'est passé dans les années 1716; 1717; 1718; 1719 et 1720 d'une part, et dans les années 1776; 1777; 1778; 1779 et 1780 d'autre part, vérifié d'après les pièces originales imprimées à la suite de l'histoire du Systeme* // АВПРИ. Фонд 93. Описание б. Ед. хр. 354. Л. 134-135 об.

²⁰⁴ Деша графу Панину от князя Барятинского, 26 июля / 6 августа 1780 г. // Там же. Л. 149-149 об.

²⁰⁵ Там же, л.150 об.-151.

²⁰⁶ Egret J. *Op. cit.* P. 166-167; Darnton R. *Op. cit.* P. 542, 548, 555-556.

всегда присутствовал Морепа) и добиться отставки Сартина и назначения де Кастра. В своих хлопотах Неккер опирался на поддержку королевы и клана ее друзей Полиньяков. Как сообщал Хотинский, «сие предприятие совершено заговором в котором главнейшее лицо госпожа Жюль де Полиньяк, взысканная отменно королевину милостию; другая же из женщин госпожа Диана де Полиньяк, а из мужчин господин Деводрель, да граф д'Адемар с протчими их сообщества особами, преданными домам Орлеанскому и Роганскому; да партии Шоазелевой [...]»²⁰⁷.

Другой победой Неккера стала отставка его старого недоброжелателя военного министра Монбаре в декабре 1780 г. и назначение на освободившееся место маркиза Анри-Филиппа де Сегюра. Эта перестановка также совершилась при участии королевы, следовавшей советам своего ближайшего окружения²⁰⁸. В тот момент влияние королевы на государственные дела возросло, как никогда прежде. Беременность супруги сделала короля необычайно предупредительным, и он, казалось, спешил исполнить любое ее желание. «Что касается нашего Двора, там полностью господствовала Королева, - писал в дневнике герцог Эмманюэль де Крои. - [...] Итак, она вне всякого сомнения особенно влияла на выбор министров и высших чинов. [...] Король же казался еще более влюбленным. Говорили еще, что Королева беременна, и влияние ее самой и ее окружения стало беспредельным»²⁰⁹. «Отставка князя Монбаре и назначение ему преемника, и то и другое последовавшее по воле королевину, и вопреки мыслей графа Морепа, - сообщал Хотинский, - были уже жертвоприношением горячности королевской к супруге своей. Горячность, которая ныне возрасла до того, что он в королеву влюблен. Из начал в сем роде можно судить о следствиях, которые не иное предвещать могут, как то, что королева, хотя на некоторое время совсем королем управлять будет»²¹⁰.

Ментор короля Морепа был в принципе согласен с отставкой Сартина, но назначение Кастри явилось для него неприятной неожиданностью. По мнению ряда современников, в частности, Ожара, аббата Жоржеля и австрийского посла Флоримона-Клода де Мерси-Аржанто, Неккер проявил себя в этой истории заправским интриганом. Он будто бы то ли обманул короля, сказав, что кандидатура Кастра согласована с Морепа, то ли сумел внушить последнему, что королева уже добилась от государя назначения Кастра на место Сартина. Когда Людовик XVI и Морепа, наконец, встретились, то обман раскрылся, король пришел в гнев и собрался немедленно выгнать Неккера вместе с Кастром. По словам Жоржеля, именно Морепа посоветовал королю не торопиться, так как Неккер пока еще был нужен во главе финансового ведомства²¹¹. Так что, если верить Жоржелю и Ожару, влияние Морепа не было поколеблено несмотря на ловко

²⁰⁷ Деша из Парижа первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Панину от поверенного в делах Хотинского, 9/20 октября 1780 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 355. Л. 82 об.-83.

²⁰⁸ В письме своему брату императору Иосифу II Мария-Антуанетта неприязненно отзываясь о Монбаре, обвиняя его если не в казнокрадстве, то в преступном небрежении, и, напротив, высоко оценивает Сегюра как всеми глубоко уважаемого человека (Marie-Antoinette au Joseph II, le 20 décembre 1780 // Marie-Antoinette, Joseph II, und Leopold II. Ihr Briefwechsel / hrsg. von A. Ritter von Arneth. Leipzig-Paris-Wien, 1866. S. 26).

²⁰⁹ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784 / publ. par vicomte de Grouchy et P. Cottin. T. 4. Paris: Flammarion, 1907. P. 228.

²¹⁰ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 17/28 янв. 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 17-17 об.

²¹¹ Georgel J.F. Op. cit. T. 1. P. 466-469; Augéard J.M. Op. cit. P. 101-102; Mercy à Marie-Thérèse, 18 novembre 1780. // Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le C-te de Mercy-Argenteau / publ. par A. d'Arneth et M.A. Geffroy. T. 3. Paris, 1874. P. 488-490.

провернутую интригу, а позиции Неккера на поверку оказывались непрочными. Впрочем, приход Сегюра на место Монбаре совершился уже явно вопреки воле Морепе (Монбаре был его родственником и протеже), что, по-видимому, свидетельствовало все-таки о падении авторитета королевского наставника и об усилении влияния Марии-Антуанетты и пользующегося ее покровительством Неккера при дворе и в министерстве.

Но генеральному директору финансов этого оказалось недостаточно. Он считал необходимым возвыситься и в общественном мнении, доказав широкой публике необоснованность всех обвинений в его адрес. Во всяком случае, в понедельник 19 февраля 1781 г. он предпринял беспрецедентный в истории Франции шаг, опубликовав – с согласия Людовика XVI – *Отчет королю*. Алелляция к общественному мнению выглядит еще более понятной, если прав аббат Жоржель и Неккер уже впал в немилость у короля.

Разумеется, Неккер решился вынести на всеобщее обозрение то, что доселе составляло государственную тайну, не только ради повышения собственного престижа и опровержения нападок. Он преследовал и более высокие цели. Во всяком случае, в преамбуле к отчету он предлагал сделать практику таких публикаций постоянной. Неккер подчеркивал, что гласность заставит будущих министров финансов быть более добросовестными. Кроме того, доказывая, что государственные финансы пребывают в превосходном состоянии, он намеревался укрепить доверие потенциальных кредиторов в преддверии будущих займов, необходимых для дальнейшего финансирования войны²¹². Наконец, это могло быть и неплохой пропагандистской акцией, рассчитанной на устрашение военного противника – Великобритании. При этом министр не скрывал, что, публикуя отчет, следует ее примеру. По его словам, прочный государственный кредит этой страны основан на том, что состояние ее финансов не скрыто от глаз общественности. Неккер не удержался даже от того, чтобы обратить внимание – хотя и с оговорками – на преимущества парламентского строя Великобритании по сравнению с французской абсолютной монархией. По его мнению, достоинства правления во Франции зависели от личных добродетелей монарха, тогда как в Англии они коренились в самих принципах ее государственного устройства. «В самом деле, - писал он, - если обратить внимание на тот огромный кредит, коим располагает Англия и каковой составляет сегодня ее главную силу в войне, то его нельзя было бы целиком приписать ее образу правления, ибо какова бы ни была власть Монарха во Франции, его правильно понятые интересы всегда основаны на верности и справедливости и потому ему легко заставить нас забыть о том, что он вправе нарушить эти принципы; характер же и добродетели Вашего Величества на опыте доказали эту истину»²¹³.

Помимо преамбулы, отчет состоял из трех частей. Во-первых, в нем обрисовывалось состояние ординарных доходов и расходов королевской казны. По словам Неккера, выходило, что доходы превышали расходы на 10.200.000 ливров. Во-вторых, он содержал долгий перечень достижений Неккера за время его министерства. В-третьих, в отчете излагались новые замыслы. Кроме мер по оздоровлению финансов в качестве своей особой заслуги министр отметил создание новой провинциальной администрации. Примечательно, что в отличие от поданного ранее королю мемуара о реформе провинциальной администрации в опубликованном отчете Неккер ни словом не

²¹² Неккер только что объявил новый заем на шестьдесят миллионов ливров (Croÿ E. Op. cit. T. 4. P. 230).

²¹³ *Compte rendu au Roi*, par M. Necker, Directeur général des Finances. A Paris, de l'Imprimerie royale, 1781. P. 2.

обмолвился о намерении урезать полномочия парламентов. Он прекрасно понимал, что эта мера относилась к разряду непопулярных. В отчете он писал лишь о том, что создаваемые им провинциальные ассамблеи возьмут на себя часть полномочий интендантов и тем самым сделают их администрацию более эффективной, так как одна голова – хорошо, а много – лучше. Кроме того, «публичный характер обсуждений вынуждает быть честными»²¹⁴, а коллективно принятые решения получают поддержку общественного мнения. По словам Неккера, подобное участие подданных в управлении даст возможность центральному правительству максимально учесть интересы «двадцати четырех миллионов человек, расселенных на разных землях и соблюдающих разные обычаи»²¹⁵. Для самих же депутатов участие в работе провинциальных ассамблей станет школой патриотизма, «где каждому предоставится возможность сказать свое слово, где учатся любить и понимать общее благо и где возникают таким образом новые связи с отечеством!»²¹⁶ В конце к тексту отчета прилагались сводная таблица государственных доходов и расходов и карты габелей и внутренних таможен.

Отчет Неккера продавался сравнительно недорого, за три ливра. Он произвел настоящую сенсацию. Перед домом занимавшегося его распространением книгопродавца и издателя Ш.-Ж. Панкука собралась огромная толпа зевак. В первый же день, 19 февраля Панкук продал 3 тысячи экземпляров. По словам современника, брошюру «продолжают печатать день и ночь, и до конца месяца рассчитывают продать тридцать тысяч экземпляров»²¹⁷. В конце марта один чиновник, посылая модную парижскую новинку своей матери в провинцию, писал, что еженедельно печатается по десять тысяч экземпляров отчета, а спрос на него все не иссякает. Говорили, что отчет принес Панкуку сразу целое состояние²¹⁸.

Публика в основном восхищалась смелостью и честностью министра. «Показав же изрядное уже казны состояние и пред'означа намерении свои искоренять многие еще состоящие злоупотребления, снискал тем господин Некер всеобщее признание и благодарность»²¹⁹, - сообщал Хотинский. Некоторые даже усматривали в публикации отчета признак того, что меняется сам характер французской монархии и отношения между королем и подданными начинают строиться по-новому. Как писал современник, «люди чести, истинные патриоты рассматривают этот поступок как выражение признательности со стороны коронованного администратора всем тем, кто жертвует жизнью и имуществом общему делу, воплощенному в его особе, и как верное средство обеспечить своей безграничной власти и влиянию гораздо более надежную и дорогую основу, нежели подлый страх, повергающий рабов к ногам деспота»²²⁰. Однако реакция на отчет не была однозначно одобрительной. Среди тех, кто не разделял общих восторгов, оказался граф Морепе, опасавшийся растущей популярности Неккера. «Граф де Морепе, сначала одобрявший замысел и подготовку этого сочинения исключительно в качестве секретной инструкции для короля, живо воспротивился его опубликованию [...]»,- писал

²¹⁴ Ibid. P.74.

²¹⁵ Ibidem.

²¹⁶ Ibid. P.79.

²¹⁷ Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792 / publ. par M. de Lescure. T. 1. Paris: Plon, 1866. P. 368.

²¹⁸ Ségur P., le marquis de. Op. cit. P. 363-364; Egret J. Op. cit. P. 171-172.

²¹⁹ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 февраля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 60.

²²⁰ Correspondance secrète inédite. T. 1. P. 368.

аббат Жоржель²²¹. По мнению многих современников, ментор короля был задет тем, что Неккер в своем отчете ни слова ни сказал о его – Морепа – заслугах. По-видимому, он стал одним из вдохновителей новой волны критики, обрушившейся на Неккера после публикации отчета. Появился целый ряд анонимных памфлетов, о содержании которых речь еще пойдет²²². В числе их авторов были уже упоминавшийся Ожар, сюринтендант финансов графа д'Артуа М. Радикс де Сент-Фуа, генеральный казначей графини д'Артуа Антуан Бурбулон и докладчик прошений королевского совета Шарль-Александр де Калонн. Как сообщает Хотинский, посылая в Петербург рукописные копии нескольких памфлетов, которые он именуется «писами», «они во свое время [...] одна за другою появились печатные, и рассылаемы были по некоторым толко знатнейшим домам от неизвестных людей, которых называют Апостолами проповедующими истинной Свет. Те пиесы нетокмо тогда непродавались, да и ныне их никак достать нел'зя печатных, для того что всякой бережет их как редкость»²²³.

Весной 1781 г. был предан гласности мемуар Неккера о провинциальной администрации, в котором со всей очевидностью прослеживалось намерение ограничить влияние парламентов. Таким образом недоброжелатели министра добивались осложнения его отношений с парламентами. Неккер, как говорили, «досадует, что такой его мемориал стал известен»²²⁴. Ходили слухи, что копию мемуара в Парижский парламент передал через подручного не кто иной, как интриговавший против генерального директора финансов граф Морепа²²⁵. Результат не замедлил сказаться: Парижский парламент отказался зарегистрировать подготовленный указ об учреждении новой администрации в провинции Бурбонне.

В противостоянии оппонентам генеральный директор финансов не полагался исключительно на силу своего пера: он был вне себя и добивался репрессий. «Прежде г-н Неккер всегда выглядел добрым и учтивым, я никогда не видел его в такой запальчивости», - вспоминал генеральный наместник парижской полиции Жан-Шарль-Пьер Ленуар. По словам Ленуара, Неккер требовал от него арестовать Бурбулона – единственного автора памфлетов, чья личность была доподлинно известна. На возражение Ленуара, что без приказа короля можно арестовать только бродягу, Неккер будто бы воскликнул: «Ну, у меня будет такой приказ, ведь другие его легко получают, и я, подобно другим, посажу виновных в Бисетр»²²⁶. Если верить Хотинскому, Ленуар вызывал Бурбулона для объяснений, и тот сказал в свое оправдание, что всего лишь последовал примеру генерального директора и продолжил публичное обсуждение финансовых проблем: «Сочинитель зделал писменное об'явление, что как господин Некер на двенадцатой странице своего отчета почти взывал, чтоб кто либо противное об'явлению его доказал, то и чаял он, что ему дозволено было свое мнение из'явить». Ленуар будто бы пригрозил отправить Бурбулона в Бастилию, но «сия угроза следствий не имела, то между тем Неккер жаловался о сем Графу Морепу, которой ему отвечивал: вить де я вас

²²¹ Georget J.F. Op. cit. Т. 1. Р. 462-463.

²²² Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. Т. 2-3.

²²³ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 17/28 июня 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 86.

²²⁴ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 15/26 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 161.

²²⁵ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 и 15/26 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 154 об.-155, 156-157 об.

²²⁶ Darnton R. Op. cit. P. 556.

предупреждал, что обнародованием вашего отчета неминуемо вам неприятств, но вы де меня не послушались, и вам конечно хотелось быть напечатану, так делайтесь вы теперь как хотите»²²⁷. Неккер перенес обсуждение государственного бюджета в публичное пространство, но, очевидно, не был готов до конца играть по новым, им же самим заданным правилам. Оказавшись объектом критики, он стал добиваться, чтобы его как государственное лицо защитили от нападков со стороны публицистов. И насильственные меры принимались: издание направленных против Неккера сочинений запрещалось, тиражи конфисковывались, а автор одного из них был отправлен в Бастилию²²⁸. Оскорбленный Неккер потребовал, чтобы королевский совет рассмотрел сочинения Бурбулона и, если доводы того будут признаны необоснованными, примерно его наказал. Такое рассмотрение состоялось, и его исход оказался благоприятным для Неккера. Но министру мало было услышать добрые слова: он хотел реально упрочить свое положение и получить явное свидетельство королевской милости. В середине мая он обратился к королю с прошением предоставить ему право контролировать расходы военного и морского ведомств, допустить его в королевский совет, наказать установленных авторов памфлетов и зарегистрировать в принудительном порядке в Парижском парламенте указ о создании провинциальной администрации в Бурбонне. В случае, если эти просьбы не будут удовлетворены, он намеревался подать в отставку. Как утверждают некоторые современники, включая имперского посла Мерси-Аржанто и аббата Жоржея, условия были изложены Неккером в некоем мемуаре, поданном на имя короля, однако никакого текста не сохранилось, и о содержании мемуара мы знаем со слов тех же современников. Большинство сходится во мнении, что Неккер добивался, ни много ни мало, стать членом королевского совета²²⁹. Несколько иную версию излагает Хотинский, по словам которого генеральный директор финансов хотел только получить возможность сделать доклад в королевском совете о предложенной им реформе провинциальной администрации и лично ответить на возражения. «Сей его запрос перетолковали и приписано было ему, якобы имел он виды добиться до заседания в совете»²³⁰. Королева и маркиз де Кастр хлопотали перед королем в пользу Неккера²³¹. Морепа же не скрывал крайне скептического отношения к возможности появления протестанта в королевском совете.

Дальнейшие события, непосредственно повлекшие за собой отставку Неккера, не вполне ясны. В изображении Хотинского она предстает результатом интриги, ключевая роль в которой отводилась некой, по его словам, голландке Нейкерк. Эта дама – некогда любовница маркиза де Водрёя, принадлежавшего к ближайшему окружению Марии-Антуанетты, - ныне являлась супругой бывшего камердинера покойного короля Людовика XV *Шаниене*. По словам Хотинского, «она живет в обществе со всеми что ни приткими финанси которые придумали, чтоб чрез нее, а ей бы чрез Водреля и так далее довести

²²⁷ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Описание 6. Ед. хр. 367. Л. 150, 151.

²²⁸ *Correspondance secrète inédite*. Т. 1. Р. 375-377.

²²⁹ *Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz* / publ. par A. d'Arneht et J. Flammermont. Т. 1. Paris: Hachette, 1889. Р. 42, note 2; *Correspondance secrète inédite*. Т. 1. Р. 397; Ségur P. *Op. cit.* Р. 409-410; Egret J. *Op. cit.* Р. 176-178; Harris R.D. *Op. cit.* Р. 239-240.

²³⁰ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 13/24 мая 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Описание 6. Ед. хр. 368. Л. 24 об.

²³¹ *Correspondance secrète inédite*. Т. 1. Р. 397; Mercy à Kaunitz, *dépêche d'office* du 31 mai 1781 // *Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz*. Т. 1. Р. 40-42, note 2.

короля только до того, что б отказал он Некеру в прошении его о каком либо явном знаке благоволения его; рассуждая, что сего довольно будет отвратить Некера долее при своем месте остаться, в чем и пред'успели; а внушено было королю, что весьма дерско и непристойно, чтоб подданный государю своему предписывал кондиции»²³².

Это сообщение Хотинского заслуживает комментария. На первый взгляд, может показаться, что, вскрывая механизм придворной интриги, дипломат показывает место в ней «маленьких людей», занимавших мелкие придворные должности. Они оказывались связующим звеном между «большими людьми», которые вращались в разных сферах и сами по себе были бесконечно далеки друг от друга. В данной истории бывший королевский камердинер и его темпераментная супруга налаживали связь между высшими аристократами и финансистами и тем самым способствовали отставке министра. Такая схема развития интриги сама по себе весьма правдоподобна, и нам известны другие аналогичные случаи²³³.

Однако в действительности персонажи истории, рассказанной Хотинским, занимали более высокое положение. Либо, передавая сплетню, исходившую явно из придворных кругов, русский дипломат сам перепутал некоторые детали, либо, что еще более вероятно, она до него дошла уже в искаженном виде. Дама, о которой здесь идет речь, была третьей супругой маркиза Жана-Луи де Шансене (*Champcenez*), коменданта Тюильри, а также коменданта дворцов и капитана королевских охот в Медоне, Бельвю и Шавиле. Дед же его, Франсуа де Шансене действительно был камердинером и брэдобреем Людовика XIV, получившим дворянский титул²³⁴. Хотинскому неизвестно, кто такой де Шансене, и он пишет его фамилию по памяти на слух (*Шаншене*). Пересказанная им сплетня имеет несомненно придворное происхождение. Во-первых, в ней говорится о придворной интриге. Во-вторых, в рассказе явственно ощутим высокомерный тон по отношению к Шансене и его супруге. Очевидно, что для сплетничавших на сей счет аристократов происхождение от королевского камердинера и простолюдина так и осталось несмылаемым пятном на биографии коменданта королевских резиденций.

Никто кроме Хотинского не упоминает об интриге с участием мадам де Шансене. Возможно, у него были свои, ему одному известные источники информации, близкие ко двору. Но вся описанная им интрига имела смысл только в том случае, если доверие короля к Неккеру еще не было поколеблено. Ожар и аббат Жоржель, как мы знаем, в своих мемуарах утверждали обратное: по их версии выходило, что король в нем уже совершенно разочаровался и лишь по совету Морепе согласился до поры до времени терпеть его во главе ведомства, пока его опыт, знания и связи требовались для успешного финансирования войны. Враждебно настроенные по отношению к Неккеру Ожар и Жоржель изображают его интриганом, сочувствующий ему Хотинский – невинной жертвой интриги. При этом в истории, рассказанной Хотинским, бросается в глаза одна несообразность: по его словам выходило, что финансисты использовали голландку, чтобы установить связь с Водреем и Полиньяками и с их помощью воздействовать на короля.

²³² Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 9/20 мая 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 18-18 об.

²³³ Примером может служить «бретонское дело» 1760-х гг., при изучении которого становится видно, как один из слуг, входивших в придворный штат, исполнял функцию связующего звена между влиятельными придворными и парламентской магистратурой. См.: Antoine M. En marge ou au coeur de l'«affaire de Bretagne»? Intrigues et cabales de M. de La Chalotais // Antoine M. Le dur métier de roi. Paris, 1986. P. 239-275.

²³⁴ Dictionnaire de biographie française. T. 8. Paris, 1959. Col. 311-312; La Grande encyclopédie. T. 10. P. 442.

Однако названные лица принадлежали к окружению не короля, а королевы и влиянием на короля не пользовались. Что же касается королевы, то она, как мы знаем по сведениям из других источников, до конца поддерживала Неккера, хотя и безуспешно. Впрочем, все эти противоречия можно снять, если допустить, что интрига, описанная Хотинским, была затеяна с целью дискредитировать Неккера в глазах не короля – в этом уже не было необходимости, – а всё еще симпатизировавшей ему королевы и ее ближайшего окружения. Падение Неккера, лишённого поддержки королевы и Полиньяков, стало неизбежным.

Среди оснований для отказа короля удовлетворить запросы Неккера современники выделяли – наряду с невозможностью появления протестанта в королевском совете – нежелание идти на открытый конфликт с парламентами, неизбежный в случае принудительной регистрации указа о провинциальной администрации в Бурбонне²³⁵. По словам Хотинского, Морепа убеждал короля, что в этом случае стране грозит новый подъем парламентской оппозиции, подобный тому, какой был десять лет назад, во время вызвавшей сильное общественное брожение парламентской реформы канцлера Рене-Николя Мопу: «Буде его величество властью тот указ и пишет, то парламент будет противу того протестировать, что тогда должно уже будет оной наказать, за которое [sic!] все прочие вступятся и заведется от того вновь раздор, за усмирение котораго он Морепа не возмется, испытав сколь трудно ему было сравнять затруднения при возвращении нынешних парламентов²³⁶. Король усташася таких следствий, решился Неккера отпустить, ибо сей ни от котораго своего запроса отступить нехотел»²³⁷. В связи с этим утверждением можно вспомнить, что когда несколько лет назад Парижский парламент точно так же заупрямился и отказался регистрировать указы о реформах Тюрго, король не отступил и принудительная регистрация указов состоялась. Очевидно, потенциальная угроза парламентской оппозиции могла иметь значение лишь наряду с прочими факторами: уже возникшим у короля недовольством чрезмерной амбициозностью Неккера, несогласием других министров с появлением протестанта в королевском совете, возможными интригами друзей королевы. Было еще одно обстоятельство, о котором речь пойдет ниже: с веской критикой действий Неккера выступил пользовавшийся доверием короля министр иностранных дел Шарль де Верженн.

В субботу 19 мая Морепа сообщил генеральному директору финансов отрицательный ответ короля на его запрос. Драматические обстоятельства отставки Неккера подробно излагает аббат Жоржель. По его словам, обеспокоенный министр пришел к Морепа. «“Король, – сказал он, входя, – дал мне знать через королеву, что у вас имеется его ответ на мой мемуар... – Да, сударь, и ответ короткий: его величество более не нуждается в ваших услугах...” Столь неожиданный удар сразил этого гордого человека, считавшего, что ему нет равных. Он пробормотал несколько слов, которые даже не было слышно, и был так растерян, что не сумел открыть дверь; тогда г-н Морепа позвонил камердинеру и приказал ему: “Проводите г-на Неккера...”»²³⁸. В тот же вечер министр подал королю прошение об отставке, которое было удовлетворено.

²³⁵ Мнение о том, что наиболее опасным противником Неккера была именно парламентская магистратура, см.: *Correspondance secrète inédite*. Т. 1. Р. 387, 395.

²³⁶ Речь идет об отмене реформы Мопу в 1774 г.

²³⁷ Дешеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 13/24 мая 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 25-25 об.

²³⁸ Georgel J.F. *Op. cit.* Т. 1. Р. 474.

Опала Неккера произвела сильное впечатление в обществе. По словам Хотинского, «ощущение каковое сие произшествие здесь во всех произвело, есть совершенная констернация»²³⁹. При этом, как пишет русский поверенный в делах, «об отпуске Некеровом торжествуют только одни финансии да парламентские, протчие же все вообще повергнуты в печаль, даже до иностранных министров [т. е. послов – *Л.Л.*], с которыми со всеми был я сего дня на политическом собрании; все с крайним прискорбием как и удивлением о жребии его уведомились, ибо он, сверх своего изкуства, как человек великой добродетели снискал всех к себе почтение и любовь»²⁴⁰. Сенак де Мейан описывает, как великосветская дама, герцогиня де Лозен, изменив своей обычной скромности, отчаянно бранилась в общественном саду с каким-то неизвестным, позволившим себе неуважительно отозваться об опальном министре. По словам мемуариста, именно дамы были самыми яркими защитницами Неккера: «Литераторы, уважаемые дамы, их любовники и раболепствующая толпа подражателей вынудили умолкнуть немногочисленных просвещенных людей. Поразительно, какой энтузиазм у женщин самого высшего положения и самой отменной красоты вызвал человек отвратительной наружности, подчеркнуто суровый нрав которого не имел ничего общего с галантностью»²⁴¹. Несколько иначе выглядит отношение разных слоев общества к отставке Неккера в мемуарах аббата Жоржеля, по мнению которого опальный министр, скорее, пользовался поддержкой парламентской магистратуры, а особенно – жителей провинций. «В Париже, - писал Жоржель, - всё происходило не так, как в провинциях. В Париже о Неккере сожалел народ, видевший в нем защитника и опору, несколько вельмож, с которыми он церемонился, магистратура, в отношениях с которой он избегал произвола в отличие от его предшественников; но главы различных ведомств, втайне тяготившиеся его властью, теперь возрадовались. В провинциях же эта опала повергла почти всех в траур; у него была репутация врага налогов, интендантов и откупщиков; благодаря такой репутации, создававшейся его сторонниками и подтверждаемой делами, его имя передавалось из уст в уста; его портреты распространялись в изобилии: крестьянин вешал у себя в хижине и показывал детям портрет этого друга народа»²⁴². О бурном возмущении в провинции по поводу отставки Неккера писал и Мерси-Аржанто²⁴³. Неудивительно становится, что восемь лет спустя повторная отставка этого человека спровоцирует народное восстание в Париже и штурм Бастилии.

Теперь, когда мы познакомились с историей публикации отчета Неккера, обратимся к развернувшейся вокруг него полемике. Она шла по трем основным направлениям: предметами спора стали форма отчета (его тон и стиль), содержание (правдивость указанных Неккером сведений и цифр) и, наконец, сам факт его публикации. Рассмотрим содержание этих споров и аргументацию сторон.

Говоря о тоне и стиле отчета, многие осуждали Неккера за бестактность и непомерное выпячивание собственных заслуг. Проявлением тщеславия и желания

²³⁹ Деспеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 9/20 мая 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 13 об.

²⁴⁰ Деспеша 9/20 мая 1781 г. // Там же. Л. 15-15 об.

²⁴¹ Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 224.

²⁴² Georget J.F. Op. cit. T. 1. P. 475. Хотинский в депеше от 17/28 июня 1781 г. сообщает дополнительные сведения о реакции французского общества на отставку Неккера и упоминает о том, что посылает «сверток с эстампами, каковыми возхищение придумало дела его прославить» (АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 87 об.).

²⁴³ Mercy à Kaunitz. Paris, le 23 juin 1781 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau. T. 1. P. 46.

покрасоваться на публике считал публикацию отчета Сенак де Мейан²⁴⁴. «Фразеры находят, что это сочинение плохо написано; заурядные и робкие души порицают царящую в нем нескромность; враги директора выставляют его как плод гордыни и ненасытного самолюбия. Автор, говорят они, силится делать комплименты Королю, чтобы снискать их самому себе от жертв его шарлатанства»²⁴⁵, - сообщал в письме современник. Хотинский также писал, что «завистники его, особливо же те коих он лишил способа наживаться, раздраженные лишением стараются предать его посмеянию, с одной стороны тем что при конце своего сочинения упомянул он о жене своей²⁴⁶, а с другой выискивая в некоторых его изречениях дух гордости»²⁴⁷.

Отчасти стиль отчета вызывал нарекания даже среди тех, кто симпатизировал Неккеру и считал содержание отчета вполне достоверным. Так, герцог Э. де Крои находивший отчет в целом правдивым и упрекавший Неккера разве что в излишней бережливости и недостаточных расходах на ведение войны с англичанами²⁴⁸, замечал при этом: «Он так славно пел себе дифирамбы, что о нем говорили, будто он заранее опубликовал свой собственный некролог»²⁴⁹.

Современники оспаривали также истинность приведенных Неккером цифр. Среди авторов памфлетов одни, как Бурбулон и Сент-Фуа, доказывали, что он преувеличил размеры доходов казны и приуменьшил расходы, так что в действительности никакого объявленного излишка в казне нет, а, напротив, существует даже дефицит²⁵⁰. Размеры дефицита Бурбулон оценивал в 17582912, а автор анонимного памфлета под названием «Продолжение замечаний Гражданина» - в 19580000 ливров²⁵¹. Другие вообще утверждали, что опубликованные им данные взяты из годовых бюджетов разных лет и, таким образом, не дают никакого представления о реальном положении дел²⁵². В обществе моментально распространился каламбур, автором которого предположительно был граф Морепе. Отчет (*le compte rendu*), переплетенный в обложку из синей бумаги, стали называть «синим отчетом», *le compte-bleu* (от франц. *les contes bleus* – небылицы, рассказы)²⁵³.

Неккера упрекали в том, что он скрыл истинные размеры предстоящих расходов на погашение долга, значительно выросшего вследствие сделанных им займов. Таково было, в частности, содержание памфлета, который приписывали графу де Лораге, и анонимного сочинения под названием «Взгляд гражданина»²⁵⁴. Хотинский передает бытовавшее даже

²⁴⁴ Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 223.

²⁴⁵ Correspondance secrète inédite. Т. 1. P. 368.

²⁴⁶ Неккер обращал внимание короля на многочисленные благотворительные акции своей супруги (*Compte rendu au Roi*, Par M. Necker. P. 102-103).

²⁴⁷ Дешеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 февраля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 9. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 60 об.

²⁴⁸ «Я отметил, что чрезмерный дух экономии все принижал и подрывал основы величия и силы; это было слишком тесно связано с провинциальными вкусами женеваца» (*Journal inédit du duc de Croÿ*. Т. 4. P. 231).

²⁴⁹ Ibid. P. 230-231.

²⁵⁰ Дешеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 149-149 об.

²⁵¹ Lettre d'un bon Français à M-r Necker. Дешеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 17/28 июня 1781 г. Приложения // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 132 об.; Suite des observations du citoyen // Там же Л. 117 об.-118.

²⁵² Les Commentaires // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. Т. 2. P. 123-139.

²⁵³ Georget J.F. Op. cit. Т. 1. P. 464.

²⁵⁴ Correspondance secrète inédite. Т. 1. P. 374-375; Idée d'un citoyen // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. Т. 3. P. 123-129.

среди сторонников Неккера мнение, что объявленный генеральным директором финансов излишек средств уже при нем исчез в результате двух последних займов, на уплату процентов по которым было определено девять миллионов ливров²⁵⁵.

Впоследствии, в 1787-1788 гг., когда обнаружилась вся глубина финансового кризиса монархии и встал вопрос о поиске ответственных за сложившееся положение, содержание отчета Неккера вновь стало предметом спора и стороны повторяли те же аргументы, что и в 1781 г. Неккер по-прежнему утверждал, что в период его министерства состояние финансов было вполне благополучным и вина за возникший кризис целиком лежит на его некомпетентных преемниках²⁵⁶. А ставший генеральным контролером финансов Калонн во всем обвинял Неккера и, в особенности, его политику займов в период Войны за независимость Америки. Согласно Калонну, дефицит бюджета непомерно вырос, в первую очередь, вследствие необходимости ежегодно выплачивать высокие проценты по займам²⁵⁷.

Если люди XVIII столетия, высказываясь об этой спорной проблеме, обычно определенно занимали, пусть и с некоторыми оговорками, ту или иную сторону – за или против Неккера, – то мнения историков нашего времени, как правило, не столь категоричны. В своих оценках историки разделяют содержание отчета Неккера, с одной стороны, и его политику во главе финансового ведомства, с другой. Признать отчет вполне правдивым – еще не значит целиком и полностью одобрить всю деятельность его автора. Биограф Неккера Р.Д. Харрис подчеркивает, что приведенные в отчете цифры имеют солидное документальное подтверждение. Направленный королю экземпляр отчета сопровождался многочисленными расписками о денежных поступлениях и расходах каждого департамента, хранящимися поныне в архиве наследников министра в замке Коппе вблизи Женевы. Критика отчета, по убеждению Харриса, должна строиться с учетом типа этого документа и намерений его автора. Неккер составил отчет королю о текущих ординарных доходах и расходах казны. В его намерения не входило дать прогноз возможных отдаленных последствий политики займов. Современники это прекрасно понимали и критиковали его именно за то, что в отчете приведены якобы неверные данные о доходах и расходах за 1781 г. Лишь много лет спустя, когда самого Неккера уже не было в живых, историки стали обвинять его в том, что в отчете он не отразил предстоящих выплат по сделанным в этом году займам²⁵⁸. Впрочем, здесь Харрис как симпатизирующий своему герою биограф слегка лукавит: как мы только что убедились, уже некоторые современники вслед за публикацией отчета начали высказывать опасения по поводу растущих расходов на погашение долга и выплату процентов по займам.

Что же касается оценки политики Неккера, то некоторые современные исследователи отмечают допущенные им просчеты. Так, по мнению М. Морино, финансовое положение дестабилизировалось уже в период его первого министерства. Во время войны чрезвычайные расходы военного и морского ведомств, вместе взятые, достигли к 1781 г. 371 млн. ливров, не считая особых фондов ведомства иностранных дел. На их покрытие Неккер сумел раздобыть 321 млн. ливров, и этого было недостаточно.

²⁵⁵ Дешеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 17/28 июня 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л. 88 об.-89.

²⁵⁶ См., напр.: Necker J. Réponses aux objections de M. de Calonne au Compte rendu, présenté par M. Necker au roi en 1781. S.l., 1787; Idem. Sur le compte rendu au roi en 1781. Nouveau éclaircissement. Paris, 1788.

²⁵⁷ См., напр.: Calonne Ch.A. de. Réponse de M. de Calonne à l'écrit de M. Necker. Londres, 1788.

²⁵⁸ Harris R.D. Op. cit. P. 217-235.

Займы, как считает Морино, являлись исключительно удобным и необходимым средством, когда требовалось быстро собрать деньги для удовлетворения насущных потребностей, но, вместе с тем, ввиду необходимости выплачивать проценты они представляли собой заложенную под бюджет мину замедленного действия. Они могли быть хороши как единовременная акция, но не как политика, рассчитанная на долгосрочную перспективу. Избранная Неккером стратегия финансирования войны при помощи займов провалилась, так как сама война оказалась более длительной, а расходы на нее более значительными, чем он предполагал изначально²⁵⁹. Другие же авторы отнюдь не склонны считать сделанные Неккером займы причиной наступившего во второй половине 1780-х гг. финансового кризиса. Ю.Н. Уайт убежден в том, что истоки финансового краха французской монархии следует искать не в займах, а в отказе от реформ финансовой администрации после отставки Неккера²⁶⁰.

Но вернемся в 1781 год. Помимо формы и содержания отчета под вопрос была поставлена сама возможность его публикации. Однако споры по данному вопросу, в отличие от предыдущих, велись, скорее, закулисно. Они не вырвались в пространство публичной дискуссии и не нашли отражения на страницах памфлетов. Гласно выражали свое мнение лишь те, кто приветствовал обнародование отчета.

За тем или иным отношением к публикации отчета стояли принципиально различные представления о монархии и общественном мнении, о нации и патриотизме. Неккер проявил себя откровенным англофилом и сторонником широкого информирования подданных о государственных делах. Историк А. Гранж считал его идейным наставником Бенжамена Констана и дедушкой французского либерализма²⁶¹.

Сравнивая в преамбуле *Отчета королю* образцовую стабильность английских финансов с гораздо менее благополучным положением дел во Франции, Неккер называл одной из главных причин устойчивого государственного кредита Англии «общеизвестность состояния ее финансов», которое подлежит ежегодному обсуждению в парламенте с последующей публикацией, тогда как состояние французских финансов скрыто завесой тайны. Она лишь время от времени приподнимается в преамбулах королевских эдиктов о займах. Необходимо, по словам Неккера, «строить доверие на более прочной основе»²⁶². Излагая далее в отчете свой проект учреждения провинциальных ассамблей, министр заключал: «Таким образом, очень важно, чтобы наиболее полезные изменения были также поддержаны общественным мнением, и как раз к такому результату приведет их обсуждение в провинциальной ассамблее»²⁶³. В данном случае смыслом предлагаемых нововведений, как он сам это объяснял, было предание части государственных дел широкой гласности и повышение таким образом авторитета власти в глазах подданных.

Некоторые сторонники Неккера уже тогда давали его делам более радикальное толкование. Так, автор памфлета «Скромные заметки гражданина» откровенно восхищался Англией, где *нация* сама облагает себя налогами и следит за расходованием

²⁵⁹ Morineau M. Budget de l'Etat et gestion des finances royales en France au dix-huitième siècle // *Revue historique*. Oct.-déc. 1980. № 536. P. 311.

²⁶⁰ White E.N. Was There a Solution to the Ancien Régime's Financial Dilemma? // *Journal of Economic History*. Sept. 1989. № 49. P. 545-568.

²⁶¹ Grange H. Op. cit. P. 605-613.

²⁶² *Compte rendu au Roi*, Par M. Necker. P. 2-3.

²⁶³ *Ibid.* P. 75.

собранных средств и потому «народ не беззащитен перед тиранией чиновников»²⁶⁴. Сделанное Неккером представлялось автору памфлета шагом в направлении расширения участия подданных в управлении государством по примеру Англии.

Когда позднее уволенный в отставку Неккер подводил итоги своей администрации в трактате «Об управлении финансами Франции» (1784), главными достижениями он назвал учреждение новой провинциальной администрации и публикацию финансового отчета. В оценке этих двух мероприятий он оперировал преимущественно этическими категориями, рассуждая об их влиянии не столько на политику Франции, сколько на общественные нравы и добродетели. То и другое, по его словам, просвещало, умиротворяло и направляло умы, пробуждая идеи *справедливости* и *патриотизма*. Широко осведомленные о состоянии государственных дел подданные будут осознавать интересы страны, с готовностью служить им и доверять своим правителям.

Несколько страниц введения к трактату Неккер посвятил власти общественного мнения, в которой он видел важнейшую отличительную черту современной ему Франции. Суждения бывшего министра на этот счет изложены в стиле политического манифеста: «Общественный дух, любовь к знакам уважения и похвалам создали во Франции трибунал, перед которым обязаны предстать все люди, обращающие на себя внимание: там царит общественное мнение, присуждая награды и лавры, создавая и разрушая репутации»²⁶⁵. Причем в других странах общественное мнение, с точки зрения Неккера, не имеет такой власти, как во Франции, - стране одновременно монархической и просвещенной. В деспотических государствах народы с рабской покорностью следуют воле правителя. Граждане республики слишком дорожат личной независимостью и потому во всем руководствуются собственным мнением, на которое могут повлиять разве что авторитет и красноречие иных парламентских депутатов. Наконец, для южных народов тягостно бремя любой власти, в том числе и власти общественного мнения; они всецело покорны своим чувствам и богатому воображению. Таким образом, иностранцы не могут даже представить себе, какую роль играет во Франции общественное мнение: «Им трудно понять, что это за невидимая сила, которая, не имея ни денег, ни стражи, ни армии, диктует свои законы городу, двору и самим обитателям королевского дворца»²⁶⁶.

Вместе с тем, общественное мнение, которым Неккер столь дорожил, по-видимому, не воспринималось им как независимая «четвертая власть». Он полагал, что общественным мнением можно и нужно управлять, например, при помощи полиции, - были бы на то воля и умение. На сей счет имеется свидетельство генерального заместителя парижской полиции Лемуара. По его словам, Неккер, «желая привлечь на свою сторону общественное мнение и досадуя, когда не удавалось это сделать, считал, что заместителю парижской полиции должно быть легко (хотя это было совсем не так) направить его в пользу министра. Он испытывал удовлетворение, видя, как люди с мешками денег толпятся у дверей королевского казначейства, чтобы приобрести так называемый *заем г-на Неккера*. Но спустя несколько недель он вдруг с прискорбием узнал, что рост цен на заем сменился падением несмотря на все его и мои старания. Г-н Неккер, руководствуясь своим представлением о мнимом влиянии полиции, однажды вменил мне в вину малый успех одной из своих операций и спросил: “Но как же до Вас полиция поддерживала

²⁶⁴ Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. T. 3. P. 99.

²⁶⁵ De l'administration des finances de la France. Par M. Necker. T. 1. [S.l.], 1784. P. LVIII.

²⁶⁶ Ibid. P. LXI-LXII.

кредит государственных ценных бумаг?» - «Никак,» - ответил я [...]»²⁶⁷. Весьма критическое по отношению к Неккеру свидетельство Лемуара по сути не противоречит размышлениям самого министра. В том, что он говорил и писал в те годы, диалог правительства с общественным мнением неизменно представлял как пропагандистское средство укрепления власти монарха, но отнюдь не как путь к изменению государственного устройства Франции. Если Неккер-публицист и призывал к свободной дискуссии, то Неккер-министр ее не допускал. Хотинский сообщает о разговоре с графом д'Артуа, когда Неккер доказывал, что «при нынешних обстоятельствах по какому б то ни было поводу, которой подвергает подозрению исправность его счетов, поступает такой человек не как истинной гражданин, потому что нарушает утвержденной оными государственной кредит»²⁶⁸; в ответ граф д'Артуа напомнил министру, что в свое время он опубликовал книгу с критикой либеральных реформ Тюрго в самый разгар народных волнений из-за дороговизны хлеба.

Спустя годы сформулированная Неккером оценка собственных деяний претерпела существенное изменение в направлении, намеченном в «Скромных заметках гражданина». В самый разгар революции, в 1791 г., вспоминая о «двух самых примечательных учреждениях» своей администрации, он усмотрел в них «источник наших современных идей»: провинциальные ассамблеи «должны были приобщить всю нацию к управлению ее делами и приподнять завесу, которую так долго держала в своих руках кучка чиновников, назначенных королем», это учреждение «связывало граждан с общим благом»; что же касается публикации финансового отчета, то, давая согласие на этот шаг, король «призывал нацию узнать и изучить государственную администрацию и таким образом впервые превратил государственные дела в общее дело»²⁶⁹. Можно спорить о том, в какой мере рассуждения Неккера-министра подвергались самоцензуре и насколько существенную эволюцию претерпели его взгляды за десять лет. Во всяком случае, будучи министром короля, Неккер не высказывался в столь демократическом духе, как во время революции. Но и прежняя его позиция некоторым показалась неприемлемым новшеством.

Принципиальным противником Неккера выступил государственный секретарь иностранных дел Верженн. 3 мая 1781 г. по просьбе короля Верженн представил ему свои суждения об отчете Неккера. Верженн обвинял министра финансов в погоне за дешевой популярностью, англomании, пренебрежении интересами короля и традициями французской монархии. По его мнению, трудно было бы ожидать чего-то другого от иностранца, республиканца и протестанта. Вспоминая Религиозные войны, Фронду и систему Ло, он доказывал, что оказавшиеся во французском правительстве иностранцы всегда являлись авантюристами, игравшими пагубную роль в истории страны. Что же касается Неккера, то осуществление его замыслов было бы для французской монархии страшнее, чем Лига, Фронда и система Ло вместе взятые. По мысли Верженна, с установлением абсолютной монархии во Франции существовавшие прежде сословные различия превратились в фикцию и все французы стали единым народом, подчиненным королю: «Во Франции нет более ни духовенства, ни дворянства, ни третьего сословия; между ними осталось фиктивное, чисто репрезентативное различие, не имеющее

²⁶⁷ Darnton R. Op. cit. P. 554.

²⁶⁸ Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 151 (об.)-152.

²⁶⁹ Sur l'administration de M. Necker. Par lui-même. A Amsterdam, chez D.J. Changuiou & G. Dufour, 1791. P. 12.

реального веса. Когда монарх говорит, весь народ покорно внемлет»²⁷⁰. Неккер не проникся «этой величественной гармонией»²⁷¹ и вознамерился ее разрушить. «В конечном итоге, его отчет - это чистый призыв к народу, и мы еще не осознаем и даже не представляем себе его пагубных последствий для монархии»²⁷².

Действительно, поступок Неккера был нарушением традиции в том смысле, что вел к созданию принципиально новой информационной сети, связующей власть и подданных. Прежде во Франции Старого порядка официальная информация о важнейших событиях в жизни короля и государства поступала народу с амвона от священнослужителей, ее распространение было ритуализовано, сопровождаясь процессиями и богослужениями²⁷³. Наряду с официальным существовал неофициальный канал передачи новостей, слухов и сплетен, источником которых был королевский двор, а наиболее активными распространителями – литераторы и издатели, прямо или опосредованно контактировавшие с лицами, приближенными ко двору. Неккер же – отдавая себе в том отчет или нет – создавал официальный неритуализованный канал информирования подданных о государственных делах. Разумеется, он был прямо ориентирован на элитарную, просвещенную часть подданных, так как базировался на использовании не устного (как в церкви), а печатного слова.

Публикацию финансового отчета Верженн считал подражанием англичанам, совершенно недопустимым ввиду различия национальных характеров англичан и французов. «Пример Англии, публикующей свои счета, подходит для беспокойного, расчетливого, эгоистичного народа. Его повторение во Франции стало бы оскорблением национального характера, коему свойственны чувствительность, доверие и беззаветная преданность своему королю. Франция погибнет, сир, если ваше величество позволит своим министрам подражать английской администрации, коей предшественники В.В. выказывали столь сильную и справедливую неприязнь»²⁷⁴. В своем противопоставлении национального духа англичан и французов Верженн был не одинок. Во французской пропагандистской публицистике времен Войны за независимость стало общим местом вписывать эту войну в долгую череду международных конфликтов, порожденных английской скупостью и торгашеством²⁷⁵.

Министр иностранных дел подозревал, что Неккер не только берет пример с англичан, но и негласно поддерживает с ними связи ради собственной выгоды и в ущерб интересам Франции. Как сообщал хорошо информированный аббат Вери, «г-н де Верженн всегда был его самым решительным противником и добивался от г-на де Морепе отправить г-на Неккера в отставку ввиду подозрений в сношениях с англичанами в интересах своего банка и по другим еще менее простительным мотивам»²⁷⁶. Заметим

²⁷⁰ Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l'administration des finances de France // Soulavie J.L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T. 4. Paris, 1801. P. 153.

²⁷¹ Ibidem.

²⁷² Ibid. P. 155.

²⁷³ См. об этом: Fogel M. Les Cérémonies de l'information dans la France du XVIIe au XVIIIe siècle. Paris, 1989; Idea. Informer les peuples en France du XVIIe au milieu du XVIIIe siècle // Cahiers d'histoire. 1997. № 66. P. 37-48.

²⁷⁴ Vergennes Ch. de. Op. cit. P. 158.

²⁷⁵ Acomb F. Anglophobia in France, 1763-1789. An Essay in the History of Constitutionalism and Nationalism. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1950. P. 69-88.

²⁷⁶ Véri J.A., l'abbé de. Journal de l'abbé de Véri / éd. J. de Witte. Paris: J. Tallandier, 1928-1930. 2 vol. T. 2. P. 394-395.

попутно, что и в памфлетах в адрес Неккера звучали обвинения в прямом пособничестве англичанам²⁷⁷.

Замыслы и поступки Неккера находились, по мнению Верженна, в противоречии с основополагающими принципами французской монархии и наносили оскорбление престолу. «Г-н Неккер показывает партии, именуемой им общественным мнением, что при добром короле, при монархе – друге народа министр финансов по своим добродетелям стал единственной надеждой и гарантией для заимодавцев и наблюдающих за правительством знатоков. Долго еще придется Вашему Величеству залечивать рану, нанесенную величию престола тем самым человеком, коему по должности полагалось бы его охранять и внушать народу почтение к нему»²⁷⁸.

Со своей стороны, Верженн тоже готов был признать, что «мнение правит миром», но он оперировал этим понятием преимущественно во внешнеполитическом контексте, когда речь шла о мнениях правителей разных стран и о том, как они представляют себе взаимное соотношение сил²⁷⁹. Идея *общественного* мнения как самостоятельной инстанции, посвященной в государственные дела и ведущей диалог с властью, казалась ему ошибочной и вредной.

Не получив единодушной поддержки внутри страны, отчет Неккера заслужил высокую оценку просвещенных монархов XVIII века. Император Иосиф II просил своего посла графа Мерси-Аржанто передать поздравления министру и признавался, что вот уже несколько лет сам собирается совершить подобное, «считая себя только распорядителем государственных средств и, следовательно, подотчетным в Государстве каждому налогоплательщику, коего вправе облагать исключительно ради общего блага». Вместе с тем, столь лестные слова императора об отчете сопровождалась существенной оговоркой: «Это крайне интересная книга, если ее числа точны, но если это всего лишь трюк с целью поднять кредит и облегчить заем, то такое средство не заслуживает ничего, кроме презрения»²⁸⁰.

Младший брат императора, великий герцог Петр-Леопольд Тосканский отозвался об отчете весьма сдержанно. Сама по себе идея опубликовать финансовый отчет представлялась ему правильной. «Мне кажется, - писал он Иосифу II, - что идея дать обществу отчет государя о состоянии финансов и об управлении ими похвальна, полезна и справедлива, ибо финансы, как и все остальное, принадлежат обществу, государь же является лишь их распорядителем, а потому он обязан отчитываться и производить все расходы в соответствии с предназначением этих средств ради счастья и процветания Государства и всех его граждан. Кроме того, мне кажется, что г-н Неккер излагает совершенно справедливые принципы финансов и политической экономии». Но, в принципе одобряя публикацию отчета, Петр-Леопольд полагал, что в данном случае Неккер до неприличия кичится своими заслугами, явно стремится обеспечить успех новому займу и, возможно, даже преследует корыстные цели. От внимания великого герцога не ускользнул тот факт, что все займы и другие финансовые операции Неккер

²⁷⁷ Extrait des papiers anglois // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. T. 2. P. 169-171.

²⁷⁸ Vergennes Ch. de . Op. cit. P. 159.

²⁷⁹ Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774 // Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI. Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. Paris: chez Buisson, 1793. T. 2. P. 393-394.

²⁸⁰ Joseph II à Mercy. Vienne, le 4 mars 1781 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz / publ. par A. d'Arneht et J. Flammermont. T. 1. Paris, 1889. P. 27.

осуществлял при посредстве банкирского дома Галлера, вкладчиком которого он сам являлся. «Эта книга мне вовсе не нравится, - продолжал Петр-Леопольд. – Когда спокойно прочтешь ее несколько раз, станет ясно, что г-н Неккер излагает старые, известные принципы и что здесь бесконечно много пустых слов и разглагольствований – всего того, что называют фразерством, - которые, по-видимому, нужны для того, чтобы пустить пыль в глаза публике»²⁸¹. Вместо этого, как считал он, было бы достаточно простой таблицы, показывающей государственные доходы и расходы на момент прихода Неккера в министерство и в настоящее время, с краткими пояснениями, каким образом министру удалось увеличить доходы и сократить расходы.

Екатерина II в переписке с М. Гриммом выражала восхищение отчетом Неккера, отмечая, что в нем проявился «характер этого редкостного человека»²⁸². Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что просвещенные монархи Европы, одобряя с большими или меньшими оговорками поступок Неккера, не поспешили последовать его примеру. Ни Иосиф II, ни Петр-Леопольд, ни Екатерина II финансовых отчетов не публиковали. Единственной страной, где это уже стало регулярной практикой и на чей пример неоднократно ссылались сам Неккер, его сторонники и противники, оставалась Великобритания. Поскольку там уже начиная с 1641 г. стали более или менее регулярно публиковаться отчеты о дебатах в парламенте и о принятых им решениях, то и информация об обсуждавшемся в парламенте бюджете также предавалась гласности. Сравнительная история публикации первых финансовых отчетов в разных странах могла бы представлять интерес, так как выявила бы, с одной стороны, общие тенденции, а с другой – специфические черты формирования публичного пространства в Европе Нового времени. Но эту историю еще предстоит исследовать и написать.

В Англии борьба журналистов за право свободно публиковать отчеты о работе парламента растянулась на целое столетие²⁸³. Ко второй половине XVIII в. уже не только в этой стране, но и во всей просвещенной Европе право общества на информацию о государственных делах было признано, во всяком случае на дискурсивном уровне. Характерно, что во Франции в 1781 г. упрек Неккеру в неправомерности публикации финансового отчета не прозвучал публично, а был высказан в докладной записке министра королю, опубликованной лишь спустя десятилетия, в первой половине XIX в. В ходе дискуссии вокруг отчета Неккера именно этот вопрос открыто не обсуждался. Что же касается правителей Империи, Тосканы и России, то они приветствовали поступок Неккера, но не торопились следовать его примеру. Таким образом, в европейских абсолютных монархиях налицо был разрыв между формированием публичного пространства на уровне дискурса и на уровне политической практики. Его развитие на первом из указанных уровней явно опережало этот процесс на втором уровне. Неловкость поступка Неккера состояла в том, что он следовал нормам общепринятого просвещенного дискурса, но выходил за рамки столь же общепринятой политической практики. Женевский банкир привел в соответствие слово и дело, совершив неслыханную дерзость, в которой его, однако, нельзя было открыто упрекнуть. В общем присоединяясь к приведенному в самом начале статьи мнению Хабермаса, стоит только уточнить, что Неккер «пробил брешь» именно в государственном механизме абсолютной монархии,

²⁸¹ Léopold, grand-duc de Toscane, réponse à Joseph II, le 7 avril 1781 // Ibid. P. 28.

²⁸² Цит. по: Manuscrits de M-r Necker, publiés par sa fille. A Genève, chez J.J. Paschoud, an XIII [1804-1805]. P. 37.

²⁸³ Habermas J. Op. cit. P. 67-76.

тогда как со стороны абсолютистской идеологической системы уже не было оказано заметного сопротивления проникновению публичной сферы. Критики Неккера вслух обвиняли его в чем угодно – в личной нескромности, в подтасовке цифр, в сношениях с англичанами, – но только не в нарушении традиций французской монархии. Об этом смог сказать только Верженн в закрытом документе, адресованном лично королю.

В связи с полемикой, развернувшейся во Франции вокруг отчета Неккера королю, встает еще один немаловажный вопрос: что именно разделяло сторонников и противников генерального директора финансов? Имеем ли мы дело с личным соперничеством вельмож и министров или с противостоянием различных политических курсов? Этот вопрос представляет интерес, так как в более общей форме – применительно к внутривластной жизни Франции конца Старого порядка в целом – оживленно дискутируется в современной историографии²⁸⁴.

В 1780-е гг. среди французской правящей элиты соперничали две основные придворно-министерские группировки. Их условно называли «партией короля» и «партией королевы»²⁸⁵. Историки, склонные усматривать за этим противоборством идейно-политическую и социальную подоплеку, отмечают, что первая из них объединяла представителей «дворянства мантии», желавших сохранить французскую монархию по возможности в том виде, в каком она сложилась, и с недоверием относившихся к масштабным реформаторским проектам и к идеям философов-просветителей (наставник короля Морепа, хранитель печатей Арман-Тома Ю де Миромениль, министр иностранных дел Верженн). Во вторую группировку входила родовитая придворная и военная знать (военный министр де Сегюр, морской министр де Кастр), заигрывавшая с просветителями и с парламентской оппозицией²⁸⁶. В то же время, существует мнение, что конфликты внутри правящей элиты старого порядка представляли собой лишь борьбу за власть между отдельными личностями и аристократическими кланами. Какие же выводы о противоборстве двух названных партий и о его подоплеке можно сделать на основе анализа дискуссий вокруг отчета Неккера?

Прежде всего необходимо определить место Неккера в этом противоборстве. Выясняется, что его трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, мы уже встречались с мнением о Неккере как о человеке «вне партий». С другой стороны, его как человека, пользовавшегося протекцией Марии-Антуанетты и близко знакомого с маркизом де Кастром и другими аристократами, относили к «партии королевы», хотя по происхождению генеральный директор финансов и был бесконечно далек от французской придворной знати. По словам одного современника, «г-н Неккер покинул партию Морепа, очевидно ослабленную недугом ее главы, и стал самой надежной опорой противоположной партии. Возобновив прежнюю дружбу с герцогом де Ш. ... [Шуазёлем? – Л.П.], директор финансов заручился явной протекцией королевы, первым результатом чего явилось возвышение маркиза де Кастра»²⁸⁷. Для данного свидетельства характерно, что переход Неккера из одной «партии» в другую объясняется исключительно карьерными соображениями. Тот же свидетель сообщал, что Неккер пользовался мощной

²⁸⁴ См. об этом: Пименова Л.А. Французская монархия конца Старого порядка в современной историографии: между историей политической культуры и историей политических событий // Французский ежегодник. 2000. М.: УРСС, 2000. С. 46-67.

²⁸⁵ Darnton R. Op. cit. P. 543.

²⁸⁶ См., напр., Hardman J. Louis XVI. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1993. P. 70-71.

²⁸⁷ Correspondance secrète inédite. T. 1. P. 347-348.

поддержкой при дворе, и в числе его покровителей называл принца Конде, герцогов Орлеанского и Шартрского²⁸⁸. Австрийский посол Мерси-Аржанто считал, что Неккер лишь для отвода глаз громко возмущался непомерными милостями, сыпавшимися из королевской казны на придворный клан Полиньяков. Истинной вражды между ними не было, и когда возникала необходимость провернуть выгодную интригу, как это произошло в случае с назначением де Кастра, они действовали заодно и очень согласованно²⁸⁹. В высшем обществе то и дело передавались слухи о сношениях Неккера с Полиньяками. Когда его положение пошатнулось, недоброжелатели заговорили, что он подарил герцогине И.-М.-Г. де Полиньяк драгоценный складень стоимостью триста тысяч ливров, с тем чтобы она склонила королеву вступить за министра²⁹⁰. Сведения, касающиеся связей Неккера с Полиньяками, было бы крайне трудно подтвердить или опровергнуть. Но считать его фигурой абсолютно «вне партий» вряд ли правомерно. Разумеется, будучи иностранцем-буржуа, он неизбежно оставался чужим среди французской высшей знати. Но при этом он понимал правила игры, принятые в придворном обществе и старался им следовать. Поведение Неккера в рассмотренный период свидетельствует о том, что он искал и умел находить опору не только в общественном мнении, но и при дворе. Он не был прочно связан с одной «партией» и, воспользовавшись на начальном этапе политической карьеры поддержкой Морепа, впоследствии сблизился с «партией королевы». Была ли эта переориентация вызвана исключительно поиском личной выгоды или она диктовалась более принципиальными соображениями?

Русский поверенный в делах Хотинский рисует очень четкую схему противоборства во французских правящих кругах. В его изложении все происходящее вырастает из старых конфликтов последних лет правления Людовика XV, а «партия короля» и «партия королевы» выглядят реинкарнациями соперничавших «партий» двух министров предыдущего короля, герцогов Эмманюэля-Армана д'Эгюйона и Этьена-Франсуа де Шуазёля. При этом Хотинский склонен подчеркивать политический вес Марии-Антуанетты и объяснять складывание группировок личным отношением королевы к тем или иным фигурам. В лице Морепа и его окружения она будто бы стремилась истребить самый дух прежней «партии» д'Эгюйона, которому она не могла простить преданность ненавистной ей последней фаворитке Людовика XV графине Жанне Дюбарри. А за действиями «партии королевы» Хотинскому виделась тень опального Шуазёля. В частности, рассказывая о назначении Сегюра на пост военного министра, Хотинский ни словом не обмолвился о какой бы то ни было роли Неккера, но счел нужным сообщить о недавней встрече Шуазёля с королевой и, хотя и с оговорками, о его возможном содействии назначению Сегюра²⁹¹. Все взаимоотношения ключевых фигур французской правящей элиты в изложении Хотинского обусловлены только личными мотивами. Морепа, например, стал врагом Неккера вследствие личных обид: во-первых,

²⁸⁸ Ibid. P. 400.

²⁸⁹ Mercy à Marie-Thérèse, 18 novembre 1780 // Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le C-te de Mercy-Argenteau. T. 3. P. 488-490.

²⁹⁰ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 9/20 мая 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 368. Л.17.

²⁹¹ Депеша из Парижа первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел гр. Панину от поверенного в делах Хотинского, 13/24 и 17/28 декабря 1780 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 355. Л. 227-228 (об.), 242-243.

из-за того, что в *Отчете королю* никак не упомянуты его заслуги; во-вторых, из-за назначения маркиза де Кастра министром помимо его – Морепа – воли²⁹².

Как уже отмечалось, Неккера и де Кастра связывали общие деловые интересы и давние дружеские отношения. О степени близости идейно-политических позиций между Сегюром, Кастром и Неккером говорить трудно. Какие-либо соображения военного и морского министров по поводу допустимости или недопустимости опубликовать отчет о состоянии финансов нам неизвестны. С фаворитами королевы Полиньяками генерального директора финансов явно объединяли соображения личной выгоды и сложившийся баланс сил в борьбе за влияние на короля и королеву. По принципиальным вопросам – таким как употребление средств государственной казны – они расходились. Что же касается противостоящей «партии», то граф Морепа, которого многие современники считали главным недоброжелателем Неккера, не оставил документально зафиксированных свидетельств, отражающих его отношение к публикации *Отчета королю* и государственной деятельности Неккера в целом. Однако все поведение ментора короля позволяет заключить, что возникшая враждебность между ним и Неккером не сводилась только к личному соперничеству. За разрывом Неккера с Морепа стояло нечто большее, чем только непомерное честолюбие женева выскочки. Дерзкие реформаторские проекты генерального директора финансов, его явное нежелание считаться с политическими традициями французской монархии и вызывающая апелляция к общественному мнению не могли не вызвать резкого неприятия со стороны консервативного, неизменно осторожного и склонного к компромиссам Морепа. Наконец, между Неккером и близким к Морепа Верженном налицо глубокие разногласия. Принципиально разные представления о взаимоотношениях власти и общества, отраженные в сочинениях Неккера и Верженна, свидетельствуют о том, что среди людей из окружения Морепа генеральный директор финансов был явно чужим.

История с публикацией отчета Неккера показывает, что в столкновениях придворно-министерских «партий» борьба личных амбиций и политических курсов были тесно переплетены и подчас неотделимы друг от друга. Для многих непосредственно наблюдавших за событиями тех лет современников соперничество амбиций выходило на первый план и представлялось едва ли не единственной пружиной конфликта. Вместе с тем, анализ мнений, высказывавшихся в ходе дискуссий вокруг *Отчета королю*, позволяет сделать вывод, что внутри французской правящей элиты существовали и серьезные идейно-политические разногласия. Так что при всей той важной роли, которую играли личные взаимоотношения в формировании «партий», сводить конфликты при дворе и в министерстве только к ним представляется неправомерным.

²⁹² Деша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от поверенного в делах Хотинского, 11/22 апреля 1781 г. // АВПРИ. Фонд 93. Опись 6. Ед. хр. 367. Л. 155.

Правители Франции перед лицом британского вызова²⁹³

В XVIII в. Англия одновременно притягивала и отталкивала французов. С одной стороны, это был образец для подражания: богатая, процветающая и могущественная страна, граждане которой установили политическую свободу «посредством своих законов»²⁹⁴. С другой, - враждебная держава, главный и успешный соперник Франции на международной арене²⁹⁵.

Семилетняя война обострила эти противоречивые чувства. Ее последствием стал не только подъём национализма и англофобии²⁹⁶, но и рождение «нового французского патриотизма», основанного на принципах национального суверенитета и общественного договора. Английский историк Эдвард Гиббон, приехавший во Францию сразу после Семилетней войны, усмотрел прямую связь между британской военной мощью и распространившейся во французском обществе англomanией: «По окончании победоносной войны имя англичанина уважали на континенте [...]. Во Франции переняли всё: наши мнения, наши моды и даже наши игры; на каждого из наших соотечественников падал луч национальной славы, и считалось, что каждый англичанин рождается патриотом и философом»²⁹⁷.

Известно то яркое описание англomanии, охватившей французский высший свет в конце Старого порядка, которое оставил в своих мемуарах Луи-Филипп, граф де Сегюр: «Что ещё больше возбуждало наше живое нетерпение, так это сравнение нашего нынешнего положения с положением англичан. Монтескье открыл нам глаза на преимущества британских институтов; сношения между двумя народами стали гораздо более частыми; блестящая и фривольная жизнь нашего дворянства, при дворе и в городе, не могла больше удовлетворять наше самолюбие, когда мы думали о достоинстве, о независимости, о важном и полезном существовании английского пэра или члена Палаты общин и о свободе, одновременно спокойной и гордой, всех граждан Великобритании. И я всегда удивлялся, что наше правительство и наши государственные мужи, вместо того чтобы порицать внезапно распространившуюся во Франции фривольную, безумную и нефранцузскую страсть к английским модам, не усмотрели в ней ни стремления к имитации другого рода, ни истоков великой революции в умах [...]. Они не видели, что фраки, заменившие просторные и величественные одежды старого двора, предвещали всеобщую склонность к равенству [...]. Правда, несколько старых господ порицали эту манию, но лишь потому, что она была новой. Только добрый король Людовик XVI

²⁹³ Впервые опубликовано: Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты, XIV-XIX вв. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 101-129.

²⁹⁴ Монтескье Ш.Л. О духе законов. Кн. 11. Гл. VI. О государственном устройстве Англии; Кн. 20. Гл. VII. Торговый дух Англии // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 290-300, 437.

²⁹⁵ См.: Acomb F. *Anglophobia in France, 1763-1789: An Essay in the History of Constitutionalism and Nationalism*. Durham, N.C., 1950; Crouzet F. *De la supériorité de l'Angleterre sur la France: L'économie et l'imaginaire, XVIIe-XVIIIe siècles*. Paris, 1985; Grieder J. *Anglomania in France, 1740-1789: Fact, Fiction and Political Discourse*. Geneva, 1985; Black J. *Natural and Necessary Enemies: Anglo-French Relations in the Eighteenth Century*. London, 1986.

²⁹⁶ См.: Palmer R.R. *The National Idea in France before the Revolution* // *Journal of the History of Ideas*. 1940. Т. 1. № 1; Bell D. *The Cult of the Nation in France. Inventing the Nationalism, 1680-1800*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2001.

²⁹⁷ Gibbon E. *Mémoires d'Edward Gibbon*. Paris: Critérian, 1992. P. 179-180.

открыто осуждал её, но не как проявление опасных новшеств, а как смешную и скандальную роскошь, как унижительное предпочтение, отдаваемое обычаям чужой страны перед своими»²⁹⁸. Разумеется, эти выразительные строки насквозь проникнуты опытом недавно совершившейся революции, и пристрастие ко всему английскому равнозначно для Сегюра бездумному увлечению идеями свободы и равенства. Но если отвлечься от оценочных суждений Сегюра, то следует признать, что сообщаемые им факты действительно имели место.

Влияние Семилетней войны и ее результатов на политическую культуру Франции неоднократно становилось предметом исследования. Интерес историков вызывало, главным образом, то, каким образом рост британского могущества усиливал во Франции недовольство абсолютной монархией и способствовал рождению идеи нации, понимаемой как сообщество граждан, свободных и равных в правах²⁹⁹. То есть в центре внимания исследователей оказывалась преимущественно оппозиция. Вместе с тем, и правящая элита французской монархии осознавала и по-своему интерпретировала новую расстановку сил в Европе, и ее политическая культура тоже испытывала влияние этой новой ситуации. Восприятие правителями Франции своего главного внешнеполитического соперника и взаимоотношений с ним на исходе Старого порядка и является темой настоящей статьи.

Здесь кроются, по крайней мере, две проблемы. Во-первых, общеизвестен тот интерес, который последний монарх дореволюционной Франции Людовик XVI – несмотря на его отмеченную Сегюром нелюбовь к английским модам – проявлял к английской культуре и истории с самых юных лет вплоть до конца жизни. В то же время, Великобритания стала единственной державой, которой этот миролюбивый монарх объявил войну. Чем был вызван его живейший интерес к этой стране? Следует ли его расценивать как стремление изучить потенциального противника, с тем чтобы лучше подготовиться к будущему столкновению? Или же Людовик, как считают некоторые историки³⁰⁰, испытывал по отношению к Англии противоречивую любовь-ненависть?

Во-вторых, Людовика XVI принято упрекать в нерешительности. Но всё же следует признать, что за годы своего правления он принял ряд смелых и решительных мер. Одной из них стала открытая поддержка восставших американских колоний и объявление войны Великобритании в начале 1778 г. В историографии существует мнение, что ответственность за это решение целиком ложится на государственного секретаря иностранных дел Шарля Гравье, графа де Верженна. С самого своего прихода на этот высокий государственный пост в 1774 г. Верженн вынашивал планы реванша. У него была сеть информаторов в Лондоне. Начавшееся восстание в североамериканских колониях давало, с его точки зрения, Франции шанс взять верх над соперником. После опалы генерального контролёра финансов Анна-Робера-Жака Тюрго, препятствовавшего французскому вмешательству в американские дела, Верженн начал тайно оказывать повстанцам помощь боеприпасами и деньгами. Наконец, он пообещал Соединённым Штатам Америки официальное признание и сыграл решающую роль в заключении союза с ними в начале 1778 г.: «Не может быть никаких сомнений в том, что именно Верженн и

²⁹⁸ Ségur L.Ph., comte de. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes. Paris, 1826. T. I. P. 150-154.

²⁹⁹ См.: Bell D. Lawyers and Citizens: the Making of a Political Elite in Old Regime France. N.-Y. – Oxford, 1994; Idem. The Cult of the Nation in France; Dziembowski E. Un nouveau patriotisme français, 1750-1770. La France face à la puissance anglaise à l'époque de la guerre de Sept Ans. Oxford: Voltaire Foundation, 1998.

³⁰⁰ См.: Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence, 1774-1787 / ed. by J. Hardman and M. Price. Oxford: Voltaire Foundation, 1998. P. 88-90.

никто другой заставил Францию стать союзницей инсургентов и связал воедино два дела: реванш над Англией и американскую независимость»³⁰¹. Но какова же была роль короля? Являлось ли принятое им решение вступить в войну на стороне повстанцев самостоятельным, ответственным шагом зрелого политика или уступкой слабого короля давлению со стороны жаждавших реванша любой ценой советников, в первую очередь, Верженна? И представлял ли себе Людовик в тот момент возможные последствия своего решения?

Основным источником для поиска ответов на эти вопросы послужила переписка Людовика XVI с Верженном, опубликованная Джоном Хардманом и Манро Прайсом³⁰². Переписка содержит богатую информацию об обстоятельствах участия Франции в Войне за независимость североамериканских колоний и, в особенности, проливает новый свет на персональную роль короля в этих событиях.

* * *

В последние десять лет царствования Людовика XV во французской политике по отношению к Великобритании определились две тенденции. С одной стороны, сам король стремился сохранить мир любой ценой, чтобы уладить трудноразрешимые внутренние проблемы страны: в первую очередь, найти выход из финансового кризиса и усмирить парламентскую оппозицию. С другой стороны, после унижительного для Франции Парижского мира 1763 г., завершившего Семилетнюю войну, занимавший в ту пору посты государственного секретаря по военным и морским делам, а впоследствии также пост государственного секретаря иностранных дел Этьен-Франсуа герцог де Шуазель лелеял мечту о реванше. С этой целью он планировал построить сильный флот, способный соперничать с британским, и ему в значительной мере удалось осуществить этот замысел³⁰³. Такая политика, явно расходившаяся с намерениями короля, в конце концов стала одной из главных причин опалы Шуазеля. Подозрения короля, что Шуазель намерен втянуть Францию в разгоревшийся англо-испанский конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, привели в конце 1770 г. к отставке всемогущего министра. После смерти Людовика XV у сторонников Шуазеля появились надежды на его возвращение и продолжение начатого им внешнеполитического курса. Шуазелисты, пользовавшиеся поддержкой супруги нового короля Марии-Антуанетты, зарекомендовали себя сторонниками решительных действий. В то же время, у французской правящей элиты страх перед Англией был силен, и этот фактор оказывал влияние на расстановку сил при дворе и в министерстве.

³⁰¹ Viguierie J. de. Histoire et dictionnaire du temps des Lumières, 1715-1789. Paris: Robert Laffont, 1995. P. 388.

³⁰² Louis XVI and the comte de Vergennes: correspondence. Опубликованные в этом издании письма Людовика XVI Верженну хранятся в настоящее время в семейном архиве потомков Верженна в Марли-ле-Руа, а письма Верженна королю – в Национальном архиве Франции. Следует однако оговорить, что не все важные действия и решения относительно Великобритании нашли отражение в переписке Людовика XVI с Верженном. С самого начала царствования Людовика XVI в 1774 г. и вплоть до самой своей смерти в ноябре 1781 г. доминирующей фигурой в королевском окружении был Ментор и фактически неформальный первый министр короля Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа. Он координировал и направлял деятельность других министров, и значительная часть дипломатической корреспонденции попадала в его руки, минуя Верженна. Так, именно Морепа были адресованы депеши из Лондона, где в 1776-1778 гг. послом был его протеже Эмманюэль-Мари-Луи, маркиз де Ноай.

³⁰³ Шуазель намеревался в течение десяти лет построить восемьдесят линейных кораблей и сорок пять фрегатов. К моменту его отставки в 1770 г. было построено шестьдесят четыре линейных корабля и пятьдесят фрегатов (Patterson A.T. The Other armada: the Franco-Spanish attempt to invade Britain in 1779. Manchester, 1960. P. 21).

Ментор молодого короля Людовика XVI Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа, формируя свою министерскую команду и стремясь нейтрализовать возможное политическое влияние Марии-Антуанетты, использовал страх перед войной с Англией в качестве аргумента против своего потенциального соперника Шуазёля, которому оказывала протекцию королева. Так, в 1775 г., убеждая Кретьена-Гийома де Ламуаньона де Мальзербба занять пост государственного секретаря королевского дома, сторонники Морепа ссылались на то, что в противном случае пост достанется одному из ставленников королевы, а это приведет к возвышению Шуазёля и, в конечном счете, к войне: «Ему обрисовали картину изменений, которые произойдут в министерстве, если королеве удастся туда кого-нибудь назначить; за этим первым успехом последовало бы возвращение господина де Шуазёля [...] Господин Франсе, хорошо знающий Англию, доказал ему на фактах, что ежели господин де Шуазёль займет свой пост, то спустя шесть месяцев лондонское министерство объявит нам войну»³⁰⁴.

Сам же Людовик XVI по натуре своей был человеком мирным и стремился как внутри страны, так и за ее пределами не применять силы, если можно было этого избежать. Характеризуя внешнеполитические взгляды короля, издатели его переписки с Верженном Дж. Хардман и М. Прайс назвали Людовика XVI «умным традиционалистом», подразумевая под этим, что он в основном был приверженцем системы, существовавшей до «дипломатической революции» 1756 г.³⁰⁵ Франко-австрийский союз Людовик признавал свершившимся фактом, но без энтузиазма, несмотря на свой брак с принцессой из дома Габсбургов.

Основные элементы внешней политики Людовика XVI были вполне традиционны: сохранение баланса сил в Германии, союз со Швецией, поддержка Османской империи и недоверие к России. Из этого обычного для французской дипломатии XVIII в. набора будет выбиваться один беспрецедентный и смелый шаг: вступление в войну на стороне тринадцати восставших североамериканских колоний в 1778 г.

При этом по отношению к Англии Людовик XVI испытывал неподдельное влечение. Как-то раз он сказал одному из приближенных: «По завершении моего образования я почувствовал, что оно еще далеко не полное. И я составил план изучения того, чего мне не доставало. Я хотел знать английский, итальянский и испанский языки; и я сам их выучил»³⁰⁶. Впоследствии знание английского языка оказалось полезным для руководства внешней политикой страны. Бегло читая по-английски, король ежедневно просматривал британскую прессу и публикации дебатов в английском парламенте и, таким образом, внимательно следил за тем, что происходило в стане главного соперника Франции на международной арене. Однако его интересы в области английской истории и литературы были столь широки, что явно не носили сугубо прагматического характера и не объяснялись всего лишь необходимостью лучше изучить потенциального противника. Людовик свободно читал в подлиннике труды Д. Юма и Э. Гиббона. «История Англии» Юма была в числе его любимых книг. На досуге король занимался тем, что переводил с английского сочинения упомянутых выше авторов. Его перу принадлежит также посмертно изданный французский перевод «Сомнений, касающихся истории жизни и царствования короля

³⁰⁴ Véri, J.-A., abbé de. *Journal de l'abbé de Véri, 1774-1780* / éd. J. de Witte. 2 vol. Paris, 1928-1930. T. 1. P. 312-313.

³⁰⁵ Louis XVI and the comte de Vergennes. Preface. P. XII.

³⁰⁶ Hue F. *Dernières années du règne et de la vie de Louis XVI*. Paris, 1860. P. 423.

Ричарда III» Горацио Уолпола³⁰⁷. Чтение и переводы такого рода литературы служили удовлетворению его интеллектуальных запросов, сформировавшихся в общей для того времени духовной атмосфере англофилии.

По крайней мере, вплоть до 1775 г. король был убежден в мирных намерениях Великобритании. Внимательно изучая выступления депутатов английского парламента, он раньше своих министров пришел к ставшему банальным для историков, но совсем не очевидному для современников выводу, что Великобритания не собирается вмешиваться в конфликты на европейском континенте и что ее интересы переместились в колониальную сферу. «Все это вместе взятое, - писал он Верженну 28 октября 1775 г., - заставляет меня думать, что Англия вовсе не хочет войны и занята только своими колониями; сессия Парламента яснее покажет нам, что происходит»³⁰⁸.

Позиция, занятая Францией в период Войны за независимость, определялась не только долгим франко-британским соперничеством и стремлением к реваншу, но и тем, что Испания – союзник, связанный с Францией Фамильным пактом, находилась в состоянии конфликта с Португалией. Последняя опиралась на поддержку Англии, а испанцы ожидали действенной помощи со стороны Франции. Письма короля показывают, что в начале Войны за независимость он занимал более сдержанную и осторожную позицию, чем испанцы. Вот как он описывал Верженну беседу с испанским послом Педро-Пабло де Абарка, графом де Аранда в начале мая 1775 г.: «Г-н Аранда [...] говорил мне о флоте; о том, как важно было бы иметь хороший флот и что даже стоило бы изыскать и направить на это дело средства, предназначенные для другого; он прибавил, что пока мы едины, нам нечего бояться на суше; что англичане – наши настоящие враги и нужен флот, чтобы им противостоять. Всё это правда, и я ему ответил, что я это понимаю, уделяю этому самое пристальное внимание и рассматриваю наш союз как основу безопасности»³⁰⁹. Заметим попутно, что король явно одобрил высказанное испанским послом враждебное отношение к Англии. Но никакого более конкретного ответа на призывы испанцев ускорить строительство флота и противостоять англичанам он тогда не дал, заявив, что этот вопрос «заслуживает дальнейшего размышления». Верженн полностью разделял сомнения и опасения короля, о чем свидетельствует его ответное письмо: «В то же время, требование Испании настоятельно и в некотором смысле содержит в себе угрозу. Отклонить его было бы опасно, а принять, - пожалуй, неосторожно. Решение, которое предстоит принять, кажется мне само по себе столь ответственным и столь важным по своим последствиям, ибо речь идёт о сохранении или потере союза с Испанией, поэтому я нижайше прошу Ваше Величество повелеть, чтобы это дело было отложено и обсуждено на государственном совете. Средства, способные вызвать доверие короля – вашего дяди³¹⁰, не в моих руках: я немного знаю, сир, состояние вашего флота, но не имею сведений о состоянии ваших финансов»³¹¹. Далее Верженн в письме ссылаясь на необходимость проконсультироваться с более компетентными в этих вопросах морским министром А.-Р.-Ж.-Г. Сартином и генеральным контролёром финансов А.-Р.-Ж. Тюрго. Что же касается позиции упомянутых им министров, то Сартин

³⁰⁷ Règne de Richard III ou Doutes historiques sur les crimes qui lui sont imputés, par Richard Walpole (Paris, 1800) // Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864. T. 2. P. 263-405.

³⁰⁸ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 28 octobre 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 212.

³⁰⁹ Louis XVI to Vergennes, Versailles, 3 mai 1775 // Ibid. P. 196.

³¹⁰ Т.е. короля Испании Карла III.

³¹¹ Vergennes to Louis XVI, 4 mai 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 197-198.

всецело поддерживал план строительства сильного флота и к лету добился от короля увеличения бюджета своего ведомства, но не высказывал при этом воинственных намерений, а Тюрго, как обычно, призывал к экономии. Так что на тот момент во французских правящих кругах не нашлось сторонников вмешательства в военный конфликт.

Верженн, по словам Хардмана и Прайса, был «пламенным патриотом и роялистом»: он верил в принципы абсолютной монархии и в право Франции играть доминирующую роль в Европе³¹². В том, что касается франко-британских отношений, Людовик XVI и Верженн были заодно: они не оставляли мысли о реванше, но не любой ценой. Ещё в самом начале царствования Людовика XVI Верженн представил королю мемуар по поводу раздела Польши, в котором выражал опасения, что ослабление Франции наряду с возвышением Пруссии и России на востоке создают угрозу сложившемуся европейскому равновесию: «В течение почти двух столетий великие державы изо всех сил стремились и готовы были всем пожертвовать, лишь бы ни одна из них не добилась преобладания. Новая комбинация приходит на смену этой системе всеобщего равновесия»³¹³. Позднее в письме Людовику XVI 12 апреля 1775 г., где министр выражал опасения по поводу того, что теперь Австрия и Россия готовятся к захвату территорий, подвластных Османской империи, он утверждал: «Счастлива монархия, если её суверен полагает свою славу лишь в счастье народов, вверенных Провидением его заботам; именно таков характер Вашего Величества, но я предвижу, что не таков характер императора [Иосифа II – Л.П.], чей беспокойный и алчный дух знаменует тревоги и возможные несчастья человечеству»³¹⁴.

Верженн наметил в этом письме ряд основных правил, которым он намеревался следовать и действительно следовал в своей политике: соблюдать международные договоры, проявлять сдержанность в аннексиях, тщательно готовить свои действия и не распылать сил на разных направлениях. А ровно через два года он изложил в письме Людовику XVI 12 апреля 1777 г. своё внешнеполитическое кредо. Верженн считал, что Франция должна стать арбитром в европейских делах, но такое положение она обеспечит себе не на полях сражений, а исключительно благодаря внутренней мощи: «Франции в том виде, в каком она сложилась, следует более опасаться расширения, чем стремиться к нему, бóльшая протяженность территории стала бы грузом, висящим на окраинах и ослабляющим центр; у неё самой есть всё, что создаёт подлинную мощь: плодородная земля; ценные продукты, без которых не могут обойтись другие нации; трудолюбивые и предприимчивые жители; подданные, беззаветно преданные своему государю и родине. Слава королей- завоевателей – это бич человечества, слава королей- благодетелей – его благословение. Именно эта слава, сир, должна быть привилегией короля Франции и, в особенности, Вашего Величества, который заботится лишь о счастье рода человеческого. Франция, находясь в центре Европы, может вершить великие дела; её король, подобно верховному судии, может считать свой трон трибуналом, учреждённым Провидением ради защиты прав и собственности суверенов. Если Ваше Величество, который с таким усердием неустанно печётся о восстановлении порядка в своих внутренних делах, в то же

³¹² Ibid. Preface. P. XIV-XV.

³¹³ Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774 // Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI [...]; Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. 2 vol. Paris: chez Buisson, 1793. T. 2. P. 386.

³¹⁴ Vergennes to Louis XVI, 12 avril 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 193.

время станет проводить такую политику, которая покажет всем, что его душа не затронута ни жадной завоеваний, ни малейшими амбициями и что она хочет лишь порядка и справедливости, то его распоряжениям будут следовать; его пример сделает больше, чем его оружие, повсюду воцарятся справедливость и мир, и вся Европа будет с признательностью рукоплескать благодеяниям, полученным вследствие мудрости, добродетели и великодушия Вашего Величества»³¹⁵. Вскоре в состоявшейся в Версале во время дипломатического приёма беседе с русским послом князем И.С. Барятинским он вновь высказал мысль, что «мир де и тишина есть совершенное благополучие народов»³¹⁶.

Но тем временем конфликт в Новом Свете развивался, проблема определения чёткой позиции Франции в этих обстоятельствах оставалась, и в марте 1776 г. Верженн обратился к королю, выражая опасение, что англичане, усмирив повстанцев, могут перейти к захвату французских и испанских колоний: «Поскольку кризис в североамериканских делах может распространиться на Францию и Англию, как то высочайше заметило Ваше Величество, самая просвещённая предусмотрительность должна остановиться в нерешительности, не зная, что лучше сделать в интересах двух держав в столь щекотливых обстоятельствах»³¹⁷. Верженн предложил обсудить этот вопрос с другими министрами, особенно с военным министром Клодом-Луи-Робером, графом де Сен-Жерменом, активным сторонником секретной помощи американцам. В августе 1776 г. Верженн по поручению короля составил меморандум, направленный испанскому двору. Текст его был составлен в крайне воинственных выражениях. Верженн утверждал, что «Англия бесспорно является наследственным врагом Франции» и «война предпочтительнее непрочного мира»³¹⁸.

Людовик XVI с самого начала знал о помощи деньгами, продовольствием и оружием, которую оказывал колонистам П.-О. Бомарше. Как свидетельствует близкий к Морепе и потому хорошо информированный Жозеф-Альфонс, аббат де Вери, король по собственной инициативе уполномочил Бомарше вести переговоры с колонистами³¹⁹. Бомарше склонял короля вмешаться немедленно. Он высказывал опасение, что война в Северной Америке приведёт к английскому вторжению во владения французских и испанских Бурбонов. В Англии Бомарше завязал контакты с оппозицией, особенно с Джоном Уилксом и экс-министром Уильямом-Генри, лордом Рочфордом. В 1775-1776 гг. он предлагал королю свои услуги в качестве посредника для подкупа британских политиков. Верженн был склонен поддержать планы Бомарше³²⁰. Но король отверг эти предложения. «Что касается ответа, которого ожидает Бомарше, - писал Людовик Верженну, - скажите ему, что мы не можем сделать то, что он просит, что это неправильно [*que ce n'est pas juste*]»³²¹.

Ответ короля был явно отрицательным, но своего решения Людовик никак не аргументировал. Хардман и Прайс склонны считать, что король руководствовался соображениями морального порядка, т. е. его слова «*ce n'est pas juste*» следует понимать в

³¹⁵ Vergennes to Louis XVI, 12 avril 1777 // Ibid. P. 250.

³¹⁶ Делеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от полномочного министра князя Барятинского от 15/26 июня 1777 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 93. Сношения России с Францией. 1717-1809. Опись 6. Дело 323. Л. 168.

³¹⁷ Vergennes to Louis XVI [mars 1776] // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 222.

³¹⁸ Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 236. Сноска 1.

³¹⁹ Véri J.-A., abbé de. Op. cit. T. 2. P. 47.

³²⁰ См. его письма королю от 23 сентября 1775 и 22 января 1776 г., в которых он излагает замыслы Бомарше (Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 207-208, 216-217).

³²¹ Louis XVI to Vergennes, Versailles le 25 novembre 1775 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 214.

том смысле, что «это несправедливо». Действительно, Людовик XVI отнюдь не был макиавеллистом и придерживался моральных принципов. Однако его короткая записка Верженну, на мой взгляд, не даёт оснований полагать, что он отказался от предложений Бомарше, главным образом, потому, что считал безнравственным подкупать подданных другого короля. За его отказом мог стоять и вполне трезвый расчёт. Он лучше, чем Бомарше, был осведомлён о политической жизни Великобритании, о настроениях депутатов английского парламента и не считал возможным сформировать путём подкупа профранцузски настроенный кабинет министров.

После консультаций Людовика XVI с Верженном, Морепа, Сартином, Сен-Жерменом и Тюрго было принято решение, что Франция станет оказывать американским повстанцам секретную помощь деньгами и боеприпасами, а также продолжать собственное перевооружение. Такое решение поддержали все, кроме Тюрго, опасавшегося роста военных расходов³²². Тюрго считал необходимым воздержаться от участия в войне, принимая во внимание состояние королевских финансов³²³. Кроме того, он парадоксальным образом утверждал, что интересам Франции отвечало бы подчинение американских колоний Англии, так как оно будет подрывать силы соперника: «Мне кажется, что наиболее желательным исходом в интересах обеих корон было бы, если бы Англия преодолела сопротивление её колоний и принудила их подчиниться своему господству, потому что если бы колонии были покорены лишь вследствие истощения всех их ресурсов, Англия утратила бы те выгоды, что она получала от них до сих пор, будь то в мирное время благодаря росту торговли, или во время войны благодаря возможности использовать их силы. Если же, напротив, побеждённые колонии сохранят свои богатства и население, они сохранят также мужество и стремление к независимости и вынудят Англию употребить часть её сил на то, чтобы воспрепятствовать им восстать вновь». Что же касается обретения английскими колониями независимости, Тюрго полагал его не только возможным, но и почти неизбежным. Это событие, с его точки зрения, имело бы самые серьёзные последствия и для других европейских колониальных держав, в первую очередь, для Франции: «Когда независимость колоний будет полной и её признают сами англичане, последует полная революция в политических и торговых отношениях между Европой и Америкой, и я твердо убеждён, что все метрополии будут вынуждены отказаться от власти над своими колониями, предоставить им полную свободу торговли со всеми нациями, разделить эту свободу с другими и сохранить со своими колониями узы дружбы и братства. Если это и зло, я не вижу никакой возможности его предотвратить; единственно возможным решением будет покориться абсолютной неизбежности и утешиться»³²⁴.

Впрочем, особой беды в перспективе утраты колоний Тюрго не усматривал. Рассуждая о тех выгодах, которые Франция извлекала из обладания колониями, он отмечал, во-первых, торговые интересы метрополии: она имела возможность покупать дешево сахар, кофе, хлопок и индиго и продавать дорого муку, вина, ткани и

³²² Doniol H. Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. T. 1. Paris, 1886. P. 279, 345, 370-371; Murphy O.T. Charles Gravier, comte de Vergennes: French diplomacy in the age of revolution, 1719-1787. Albany-N.Y., 1982. P. 234-239.

³²³ См.: *Réflexions à l'occasion d'un mémoire du Ministre des Affaires étrangères sur la manière dont la France et l'Espagne doivent envisager les suites de la querelle entre la Grande-Bretagne et ses colonies, le 6 avril 1776 // Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / par G. Schelle. 5 vol. T. 5. Paris: Librairie Félix Alcan, 1923. P. 384-420.*

³²⁴ Ibid. P. 415-416.

мануфактурные изделия. Правда, значительная часть вырученных средств доставалась иностранным купцам, в частности, голландским. Во-вторых, колонии укрепляли военную мощь страны, увеличивая количество подданных короны и создавая дополнительные плацдармы. И, в-третьих, из колоний поступали деньги в виде налогов, правда, по словам Тюрго, они целиком шли на содержание колониальной администрации³²⁵. Из этих рассуждений следовал вывод, что реальной выгоды колонии не приносили и в интересах Франции было бы их оставить: «Доход, который правительство извлекает из колоний, ничтожно мал для Государства, рассматриваемого как политическая сила; и если подсчитать, сколько тратится ежегодно на оборону и администрацию колоний, даже в мирное время, и если ещё прибавить к этому непомерные расходы, которых требуют колонии во время войн, когда подчас нет никакой возможности их сохранить, а также жертвы, на которые приходилось идти по заключении мира, чтобы возвратить хотя бы часть из них, то напрашивается предположение: не будет ли выгоднее для нас предоставить им полную свободу и независимость, не дожидаясь того момента, когда события вынудят нас принять такое решение, как я показал это выше. [...] *Мудрой и счастливой будет та нация, которая первой сумеет приспособить свою политику к новым обстоятельствам и согласится рассматривать свои колонии как союзные провинции, не подчинённые более метрополии!*»³²⁶ Впрочем, размышления Тюрго о выгодах свободной торговли с колониями, обретающими независимость, никого не убедили. У Верженна были совсем другие заботы: ослабить британскую империю, не нанеся ущерба колониальным интересам Франции.

Итак, с 1776 г. Франция начала оказывать восставшим американцам секретную помощь. Людовик не просто разрешил посылать деньги в Америку, но и лично руководил этим. Переписка короля с Верженном проливает свет на некоторые организационные детали операции по передаче субсидий американцам. Так, 2 мая 1776 г. Верженн направил на подпись королю распоряжение выделить на помощь восставшим колониям один миллион ливров, а также представил ему на одобрение текст высочайшего ответа, который будет послан Бомарше. Верженн предупреждал, что утверждённый королём текст письма Бомарше в целях конспирации будет написан не самим министром, а его пятнадцатилетним сыном. На мальчика можно положиться, он не проболтается, - заверил министр. Чтобы скрыть участие правительства в операции, Верженн предложил организовать передачу денег через посредство некоего Монтодуэна, торговца оружием из Нанта, к тому времени уже оказывавшего помощь американцам в частном порядке³²⁷.

Но осенью 1776 г. в Америке сложилось критическое для повстанцев положение: английская армия наступала и взяла Нью-Йорк. Анализируя ситуацию, Верженн признавал войну с англичанами неизбежной, хотя и не считал её делом ближайшего будущего. По его мнению, с войной не следует торопиться, надо основательно подготовиться, чтобы одержать победу, взять реванш и вернуть Франции роль арбитра в европейской политике. Он писал королю 17 октября 1776 г.: «В самом деле, ничто больше не заставляет торопиться; если я не ошибаюсь, события, произошедшие на Лонг-Айленде, даже если они приведут к взятию Нью-Йорка, создают положение, менее тревожное для нас. Мне кажется, что англичане, остановившиеся в Америке на зимних квартирах, стали

³²⁵ Ibid. P. 393-397.

³²⁶ Ibid. P. 397-398.

³²⁷ Vergennes to Louis XVI, 2 mai 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 227.

для нас менее опасными, чем на море, где они искали убежища. И мы ничем не рискуем, давая им увязнуть в войне, в которой сами одерживаемые ими победы становятся реальными потерями; если это решение кажется предпочтительным, хотя война, может быть, и неизбежна, то важно, сир, не прекращать разного рода приготовлений, о которых Ваше Величество распорядилось с такой предусмотрительностью, с тем чтобы, занимая во всех отношениях достойное положение, вы могли бы вернуть принадлежащую вашей короне роль арбитра мира и войны»³²⁸.

В ответном письме Верженну от 18 октября 1776 г. король изложил своё видение обстановки, сложившейся в результате наступления англичан: «Их преимущество само по себе незначительно и приведёт лишь к тому, что они еще больше втянутся в войну, а чем дольше они будут воевать, тем скорее сами себя истребят. Даже если они сумеют возобновить военные действия, их это только еще больше ослабит, так как сами они растратят свои силы на борьбу с колониями, а колонии будут разорены. Другой хороший результат завоёванного ими преимущества состоит в том, что он усилит нынешнее министерство³²⁹, которым мы можем быть довольны не только вследствие дружественного к нам отношения, но и из-за того, с каким упорством и настойчивостью оно ведёт эту войну, а она так или иначе принесёт им только вред. Все эти соображения вместе взятые позволяют мне надеяться, что мы не будем воевать, по крайней мере в ближайшее время. Но это не помешает нам, как Вы прекрасно понимаете, продолжать строительство флота; если бы удалось по-настоящему его воссоздать и показать нашу силу, каковой у нас раньше не было, то это было бы очень большим достижением»³³⁰. На основании этого письма Хардман и Прайс приходят к выводу, что всего за полтора года до вступления в войну Людовик XVI ясно осознавал, что трудности, которые испытывают англичане, позволяют Франции перевооружиться и только благодаря этому поднять свой престиж, избегая риска и военных расходов. Король, как полагают историки, не хотел войны с Англией и считал, что если такая война и начнётся, то инициатива в её развязывании будет принадлежать не Франции, а Англии, которая, уладив тем или иным образом дела в своих колониях, станет угрожать заморским владениям Франции³³¹. Мне всё же представляется, что в этом письме Людовик XVI отвергал не в принципе войну против Англии, а войну ради интересов Испании. Король заявлял, что «таскать каштаны из огня» для испанцев было бы совершенно недопустимо. И далее он объяснял, какие цели могла бы преследовать Франция в войне: «Если мы вынуждены будем начать войну против Англии, это следует делать ради защиты наших владений и уменьшения её мощи, ни в коем случае не для нашего территориального расширения, но только с целью уничтожить её торговлю и подорвать её силы, поддерживая восстание и отделение её колоний, вопреки аксиоме г-на де Гримальди³³², который говорит, что войну ведут только с целью расширения. В общем, Испания слишком злоупотребляла фамильным пактом. Следует поддерживать своего союзника – и тем более такого справедливого и разумного –

³²⁸ Vergennes to Louis XVI, le 17 octobre 1776 // Ibid. P. 235.

³²⁹ Лорда Норта.

³³⁰ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 18 octobre 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 237.

³³¹ Это мнение Дж. Хардман и М. Прайс высказывают в предисловии к публикации переписки Людовика XVI с Верженном (Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P. 56-57).

³³² Министр иностранных дел Испании.

во всём, что справедливо и отвечает общим интересам, но не ради его амбиций и суетной славы»³³³.

Но два года спустя он откажется от провозглашённой им осторожной тактики и открыто начнёт войну против Англии. В короткой записке Верженну в начале февраля 1778 г. Людовик XVI уже без обиняков распоряжается, что «дело с инсургентами надо закончить»³³⁴, т. е. решение заключить с ними союз им было окончательно принято. 6 февраля Франция заключила союз с Соединенными Штатами Америки, а в марте 1778 г. были разорваны отношения с Великобританией. Какими соображениями руководствовался король? В историографии существует широко признанная точка зрения, согласно которой министры – имеются в виду, прежде всего, Верженн, Морепа и Сартин – с самого начала решили воспользоваться конфликтом англичан с их колониями, чтобы взять реванш за поражение в Семилетней войне. Но Людовик XVI долго не мог решиться выступить на стороне подданных, восставших против своего государя. Чтобы разрешить его сомнения, а заодно и привлечь на свою сторону правителей Испании, министры выдвинули следующий аргумент. По их словам, по окончании войны, каким бы ни был её исход, англичане направят свои войска, находящиеся в Новом свете, на завоевание французских и испанских колоний³³⁵.

Впоследствии, в годы революции Людовик выражал сожаление о решении вмешаться в заокеанский конфликт. Как показал опыт, война обошлась слишком дорого, спровоцировав чудовищный дефицит бюджета, который, в свою очередь, вынудил короля созвать Генеральные штаты для выхода из финансового кризиса, а последовавшие затем события привели к падению монархии. В 1792 г. в беседе с морским министром А.-Ф. Бертран де Мольвилем король признавался, что не может без сожаления думать об американской войне: «В то время отчасти воспользовались моей молодостью, и теперь мы все от этого страдаем. Такой горький урок нельзя забыть»³³⁶. Однако содержание его писем 1770-х гг. отнюдь не соответствует образу неопытного юного короля, введенного в заблуждение неосторожными советниками. Каково бы ни было давление со стороны министров, в конечном счете, ответственность за решение открыто поддержать восставших колонистов и начать войну против Англии всецело лежала на короле: он не только сам принял его, но и старался всячески активизировать и преумножить помощь американцам со стороны Франции.

О том, что окончательное решение выступить на стороне повстанцев принадлежало лично королю, сообщал Верженн в письме французскому послу в Испании Арману-Марку графу де Монморену: «Поверьте мне [...], что королю нетрудно было решиться на предложенные нами действия. И он решился вовсе не под влиянием своих министров; его подвигли на это очевидные факты, осознание опасности и собственная убежденность: я могу с уверенностью сказать, что Е.В. внушает мужество всем нам [...]»³³⁷. Разумеется, в словах Верженна очевидно стремление снять ответственность за принятое рискованное решение лично с себя. В то же время, в условиях, когда оно принималось, - а наставник

³³³ Louis XVI to Vergennes, Fontainebleau le 18 octobre 1776 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 237.

³³⁴ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] reçu le 5 février [1778] // Ibid. P. 258.

³³⁵ Dull J.R. The French Navy and American Independence: A Study of Arms and Diplomacy, 1774-1787. Princeton-N.Y., 1975.

³³⁶ Bertrand de Molleville A.-F. Mémoires particulières pour servir à l'histoire de la dernière année du règne de Louis XVI, roi de France. Paris, 1821. P. 232-233.

³³⁷ Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P. 63.

короля граф де Морепа в январе 1778 г. на три недели слег в постель с тяжелым приступом подагры, - последнее слово короля становилось особенно весомым.

В исторической литературе обычно подчеркивается, что в тот момент обстановка на театре военных действий объективно изменилась, и решающим фактором стала капитуляция Дж. Бургойна под Саратогой 4 декабря 1777 г.³³⁸ Определяющее значение этого события признавали и сами облечённые властью современники. Верженн выразил опасение, что поражение заставит англичан признать независимость Америки, после чего метрополия и ее бывшие колонии могут, объединившись, начать военные действия против Франции. Таким образом, Франции следовало постараться опередить соперника и как можно скорее заключить союз с колонистами. Как он впоследствии писал королю, «поражение генерала Бургойна, вынужденного подписать позорную капитуляцию под Саратогой и сдаться в плен со своей армией, полностью изменило перспективу, в которой можно было рассматривать столкновения в Северной Америке. При известии об этом событии почти вся Англия в один голос закричала, что надо заключить мир с Америкой и начать войну с Францией; вскоре на это откликнулся британский парламент, наиболее здравомыслящие из его членов склонялись признать независимость Америки и заключить с ней пакт, который, подобно пакту Вашего Величества с испанским домом, связал бы воедино интересы двух народов в делах мира и войны; в итоге Франции пришлось бы расплачиваться за свои жертвы»³³⁹.

Возможно, эти аргументы повлияли на решение французского короля поторопиться с признанием независимости США. Одиннадцатого декабря Людовик XVI продиктовал Верженну инструкции по поводу ответа, который следовало дать находящимся во Франции американским депутатам. Король объяснял, что пока обстоятельства не позволяли открыто признать независимость Соединенных Штатов Америки, так как «Его Величество, связанный самыми близкими и тесными узами с королем Испании, желает, чтобы все взятые им на себя обязательства были бы общими с этим государем и исполнялись бы совместно с ним». Но положение изменилось, и «сейчас обстоятельства представляются более благоприятными для установления тесных отношений между его короной и соединенными провинциями Северной Америки»³⁴⁰.

Решение Людовика XVI было также обусловлено тем, что к этому времени завершилось строительство французского флота. Если при восшествии Людовика XVI на престол в 1774 г. Франция располагала лишь одним боеспособным линейным кораблем, то к 1778 г. с шестьюдесятью кораблями она почти достигла паритета с Великобританией³⁴¹.

Решению короля благоприятствовала и смена главы финансового ведомства. В мае 1776 г. получил отставку неуклонно сопротивлявшийся военным приготовлениям Тюрго. Его преемники Жан-Этьен-Бернар де Клюньи де Ньюи и Луи-Габриэль Табуро де Рео рассматривались как фигуры проходные, временные и не имели большого влияния. Жак Неккер, назначенный в июне 1777 г. генеральным директором финансов, подобно Тюрго, был сторонником режима экономии, но его – как иностранца и протестанта – Людовик XVI так и не ввел в состав королевского совета, и потому он не имел возможности обсуждать вопросы внешней политики наряду с другими министрами.

³³⁸ См.: Ibid. P. 57-58.

³³⁹ Vergennes to Louis XVI, 3 janvier 1780 // Ibid. P. 281.

³⁴⁰ Louis XVI to Vergennes, 11 décembre 1777 // Ibid. P. 252.

³⁴¹ Dull J.R. Op. cit.

В литературе высказывалось еще одно соображение относительно того, что предопределило окончательный выбор короля в пользу вступления в войну. В начале января 1778 г. Людовик XVI получил известие о смерти баварского курфюрста. Император Иосиф II намеревался аннексировать баварские земли и рассчитывал на помощь своего союзника – Франции. Война против Великобритании давала французскому королю благовидный предлог уклониться от участия во внутригерманском конфликте, в котором он не был непосредственно заинтересован³⁴².

Наконец, сам Людовик XVI в письме испанскому королю Карлу III 8 января 1778 г. весьма, на мой взгляд, убедительно изложил, какие именно соображения стояли за принятым им решением вступить в войну на стороне американцев: «Государь мой брат и дядюшка, мое искреннее желание сохранить истинную гармонию, согласие и единство системы, призванные постоянно внушать уважение нашим врагам, понуждает меня изложить Вашему Величеству мой образ мыслей о настоящем положении дел. Англия, наш общий и закоренелый враг, три года назад вступила в войну со своими американскими колониями. Мы согласно пришли к решению не вмешиваться, и, по-прежнему рассматривая обе стороны как англичан, мы предоставили нашим государствам свободно торговать с той из них, каковая сочтет это для себя более выгодным. Таким образом Америка получила недостававшие ей оружие и припасы. Я не говорю, что мы помогали ей деньгами и т.п., всё прошло за счет торговли. Англия была раздосадована этой помощью и дала нам знать, что рано или поздно отомстит. Она уже вероломно захватила несколько наших торговых кораблей, возвращения коих мы тщетно добиваемся. Мы, со своей стороны, не теряли времени; мы укрепили наиболее уязвимые из наших колоний и привели в надлежащую готовность флот, что только усилило досаду Англии. Вот так обстояли дела в прошлом декабре месяце. Всё совершенно переменилось ввиду поражения армии Бургойна и крайне затруднительного положения армии Хоу. Америка торжествует, а Англия повержена, но всё же полностью сохраняет свою морскую силу и надежду на взаимовыгодный союз с колониями, кои оказалось невозможным подчинить силой. С этим согласны все партии; сам лорд Норт обещал в парламенте вынести на первую сессию мирный план, и все они усиленно над ним работают. Так что нам всё равно, останется ли это министерство или придет другое. Все они так или иначе хотят союза с Америкой и помнят о наших враждебных действиях. Они обрушатся на нас с такой силой, как будто бы и не было гражданской войны. Принимая во внимание всё это, а также наши известные претензии к Англии, выслушав мнение моего совета и в особенности г-на д'Оссена³⁴³, я решил, что будет справедливо и необходимо, рассмотрев предложения инсургентов, начать с ними переговоры, дабы воспрепятствовать их воссоединению с метрополией»³⁴⁴. Что ж, поторопиться заключить союз с Соединенными Штатами Америки, пока этого не сделали англичане, - по-моему, вполне логично. Аргументы, изложенные Людовиком XVI испанскому королю, кстати, полностью совпадают с теми, что приведены в незавершённом письме Верженна Людовику XVI, относящемся к началу января 1780 г.³⁴⁵ Опасения короля представляются тем более

³⁴² Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P. 64-66, 72-73.

³⁴³ Французский посол в Испании.

³⁴⁴ Louis XVI to Charles III, 8 janvier 1778 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 255. Те же соображения Людовик XVI вновь изложил в письме Карлу III 9 марта 1778 г. (см.: Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 260).

³⁴⁵ Vergennes to Louis XVI, [3 janvier 1780] // Ibid. P. 277-283.

обоснованными, если вспомнить, забежав немного вперёд, что в последнее десятилетие XVIII в. находившаяся у власти в США партия федералистов во внешней политике придерживалась проанглийского и, соответственно, антифранцузского курса. Во всяком случае, начать кампанию, исходя из этих соображений, было разумнее, чем ввязаться в дорогостоящую войну с непредсказуемым исходом на другом континенте, лишь бы только – как полагают Хардман и Прайс – уклониться от участия в конфликте из-за баварского наследства. Я склонна верить словам Людовика XVI: его решение вступить в Войну за независимость было не удачно придуманным предлогом, а ещё одной причиной – наряду с прочими, – того, что Франция, несмотря на просьбы австрийской стороны, воздержалась от участия во внутривосточном конфликте.

Король прекрасно отдавал себе отчет в том, что значение сделанного им шага (он ни много ни мало поддержал бывших подданных, восставших против законного государя!) выходит за рамки франко-британского соперничества и ставит важную международно-правовую проблему. Об этом свидетельствуют его замечания по поводу манифеста, опубликованного королевским советом в 1779 г. Текст манифеста содержал слова: «Его Величество бесповоротно заявляет королю Англии, что не является и не собирается быть судьей в его раздоре с бывшими колониями и не ему следует за это мстить». Король написал по этому поводу: «Мы сделали больше. Мы судили свободные народы; мы дали им существование как нации, которое, будучи оспорено державой, осуществляющей суверенитет, не может более иметь место, кроме как благодаря признанию иностранных держав. Вот и следует доказать справедливость и законность именно этого сделанного нами акта признания»³⁴⁶. То есть «справедливость и законность» признания Соединенных Штатов Америки Францией представлялась ему если не сомнительной, то, во всяком случае, нуждающейся в обосновании, и решающим аргументом в пользу сделанного французским монархом шага могло быть только международное признание нового государства. Итак, если вернуться к вопросу о том, представлял ли себе Людовик XVI возможные последствия участия Франции в Войне за независимость, то следует признать, что внешнеполитические и международно-правовые последствия своего шага он осознавал в полной мере. Однако он, конечно же, не видел всех тех рисков, которые несла с собой война для внутреннего, и в первую очередь финансового, положения государства.

Ведение войны осложнялось разногласиями внутри министерства. Особенно острым был конфликт между морским министром Сартином и генеральным директором финансов Неккером³⁴⁷. За ним стояло не только естественное и неизбежное различие во взгляде на происходящее между морским министром, прежде всего заботящимся об оснащении сильного флота, и вынужденным экономить министром финансов, но и принципиально разное отношение к противнику – Англии. Для Неккера это была хотя и враждебная держава, против которой Франция вела войну, но, вместе с тем, передовая во многих отношениях страна, опыт которой стоило бы позаимствовать. Сторонники Неккера открыто ссылались на английский пример. Как писал автор памфлета «Скромные замечания одного гражданина», «в Англии, например, налогообложение не является произвольным, кредит и власть не делают никаких исключений, Народ не беззащитен

³⁴⁶ Oeuvres de Louis XVI. Paris, 1864. T. 2. P. 44.

³⁴⁷ Michel J. Du Paris de Louis XV à La Marine de Louis XVI. L'oeuvre de Monsieur de Sartine. 2 vol. Paris: Les Ed. de l'Erudit, 1983-1984. T. 2. P. 192-200.

перед тиранией исполнителей: облагающаяся налогом Нация сама решает, сколько и на что употребить; таким образом, это временное зло [речь идет о чрезвычайных налогах военного времени – *Л.П.*] и злоупотреблений не следует опасаться»³⁴⁸.

Верженн безоговорочно поддерживал Сартина и подозревал Неккера в связях с англичанами. Об этом сообщал осенью 1780 г. аббат Вери: «Г-н де Верженн всегда был его самым решительным противником и добивался от г-на де Морепе отставки г-на Неккера по подозрению в сношениях с англичанами, обусловленных интересами его банка, если не еще менее благовидными мотивами. Трудно поверить, что г-н Неккер не знает или не чувствует этого»³⁴⁹. В тот момент верх одержал Неккер, и Сартин был отправлен в отставку. Но спустя несколько месяцев, 3 мая 1781 г. Верженн по просьбе короля составил конфиденциальный доклад, в котором доказывал несовместимость политики Неккера с принципами абсолютной монархии, что впоследствии сыграло решающую роль в решении короля об отставке министра финансов.

Верженн в своем отношении к Англии принципиально расходился с Неккером. Для него Англия являлась не просто главным внешнеполитическим соперником Франции, но и страной, чьи государственный строй и политические традиции были принципиально чужды французским. Свое мнение на этот счет он недвусмысленно высказал после того, как в феврале 1781 г. Неккер впервые в истории Франции опубликовал «Отчет королю» о состоянии финансов. Через три месяца Верженн представил королю упомянутый выше доклад, поводом к составлению которого послужил отчет Неккера. Верженн обвинял министра финансов в погоне за дешевой популярностью, англomании, пренебрежении интересами короля и традициями французской монархии. По его мнению, трудно было бы ожидать чего-то другого от иностранца, республиканца и протестанта, каковым был Неккер. Вспоминая трагические эпизоды французской истории, в частности Религиозные войны и Фронду, Верженн утверждал, что оказывавшиеся у власти иностранцы всегда являлись авантюристами, игравшими пагубную роль в судьбах страны.

По мысли Верженна, с установлением абсолютной монархии во Франции прежние сословные различия превратились в фикцию и все французы стали единым народом, подчиненным королю, что послужило только на благо стране: «Во Франции нет более ни духовенства, ни дворянства, ни третьего сословия; между ними осталось фиктивное, чисто репрезентативное различие, не имеющее реального веса. Когда монарх говорит, весь народ покорно внемлет. Разве Франция, находясь в таком положении, не обладает всеми правами вовне и не процветает внутри?»³⁵⁰ Неккер же не проникся «этой величественной гармонией»³⁵¹ и вознамерился ее разрушить. «В конечном итоге, его отчет – это чистый призыв к народу, и мы еще не осознаём и даже не представляем себе его пагубных последствий для монархии»³⁵².

Публикацию финансового отчета Верженн заклеил как рабское подражание англичанам, совершенно недопустимое ввиду различия национальных характеров

³⁴⁸ Observations modesties d'un citoyen // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. Avec des notes critiques, politiques et secretes. 3 vol. Utrecht, 1782. T. 3. P. 99.

³⁴⁹ Véri J.-A., abbé de. Op. cit. T. 2. P. 394-395.

³⁵⁰ Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l'administration des finances de France // Soulavie J.L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T. 4. Paris, 1801. P. 153.

³⁵¹ Ibidem.

³⁵² Ibid. P. 155.

англичан и французов: «Пример Англии, публикующей свои счета, подходит для беспокойного, расчетливого, эгоистичного народа. Его повторение во Франции стало бы оскорблением национального характера, коему свойственны чувствительность, доверие и беззаветная преданность своему королю. Франция погибнет, сир, если ваше величество позволит своим министрам подражать английской администрации, коей предшественники В.В. выказывали столь сильную и справедливую неприязнь»³⁵³.

В своем противопоставлении национального духа англичан и французов Верженн был не одинок. Во французской пропагандистской публицистике времен Войны за независимость стало общим местом вписывать эту войну в долгую череду международных конфликтов, порожденных английской скупостью и торгашеством³⁵⁴.

Как мы уже знаем, министр иностранных дел подозревал, что Неккер не просто берет пример с англичан, но и негласно поддерживает с ними связи ради собственной выгоды и в ущерб интересам Франции. И это мнение высказывал не только Верженн: обвинения в прямом пособничестве англичанам звучали в целом ряде памфлетов, направленных против Неккера. Автор одного из них, озаглавленного «Отрывок из английских бумаг», заявлял якобы от лица некоего англичанина: «Мы заставили этого великого Человека служить нашим интересам. Но в настоящий момент я не могу раскрыть любопытные подробности этого, опасаясь навредить нашему последнему и самому верному Союзнику на Континенте. Экономия им провианта стала истинной причиной того, что усилия французов в Войне очень странным образом оказались тщетными; именно это помешало им послать деньги американцам. Именно этой экономии мы обязаны восстанием в армии Вашингтона и многими оплошностями, допущенными во французских Советах и в Армиях с начала Войны. – Так что каждый англичанин обязан своей славой Неккеру»³⁵⁵.

Замыслы и поступки Неккера находились, как полагал Верженн, в противоречии с основополагающими принципами французской монархии и наносили оскорбление престолу. Министр иностранных дел обращал внимание короля на «противоречия принципов и мер г-на Неккера с мерами и принципами, кои превратили это королевство в самую могущественную и наиглавнейшую из существующих европейских монархий»³⁵⁶. «Г-н Неккер показывает партии, именуемой им общественным мнением, что при добром короле, при монархе – друге народа министр финансов по своим добродетелям стал единственной надеждой и гарантией для заимодавцев и наблюдающих за правительством знатоков. Долго еще придется Вашему Величеству залечивать рану, нанесенную величию престола тем самым человеком, коему по должности полагалось бы его охранять и внушать народу почтение к нему»³⁵⁷.

Со своей стороны, Верженн тоже не отрицал, что «мнение правит миром», но он оперировал этим понятием преимущественно во внешнеполитическом контексте, когда речь шла о мнениях правителей разных стран и о том, как они представляют себе

³⁵³ Ibid. P. 158.

³⁵⁴ Acomb F. Op. cit. P. 69-88.

³⁵⁵ Extrait des papiers anglais // Collection complete de tous les ouvrages pour et contre M. Necker. T. 2. P. 170.

³⁵⁶ Vergennes Ch. de. Op. cit. P. 158.

³⁵⁷ Ibid. P. 159.

взаимное соотношение сил³⁵⁸. Идея *общественного* мнения как самостоятельной инстанции, посвященной в государственные дела и ведущей диалог с властью, казалась ему ошибочной и вредной.

Вместе с тем, Верженн готов был признать и определенные преимущества британской политической системы, позволявшие быстро находить средства на покрытие военных расходов. В 1776 г. он писал французскому послу в Лондоне де Ноаю: «Вызывает восхищение и кажется чудесной та легкость, с какой английская нация или, точнее, ее представители идут на столь чудовищные расходы. Мы несомненно располагаем более реальными ресурсами, чем Англия, но распоряжаться ими нам далеко не так легко; связано это с тем, что [общественное] мнение не может установиться в абсолютной монархии так, как это происходит в монархии смешанной»³⁵⁹. Получалось, что активная и великодержавная внешняя политика заставляла министра задуматься над преимуществами смешанной монархии и представительного правления, позволяющими правительству опираться на поддержку общественного мнения. Осознание этих выгод не приводило, тем не менее, Верженна к мысли о необходимости реформировать французскую монархию в подобном духе.

Что же касается Людовика XVI, то проявления явной враждебности по отношению к Англии можно встретить лишь в ряде его писем, адресованных испанскому королю Карлу III в период американской Войны за независимость. «Я полагаю, - писал он 19 июня 1778 г. Карлу III, склоняя того вступить в войну против Англии³⁶⁰, - что сейчас настало время, не раздумывая, принять самые подобающие меры, дабы унижить эту державу, естественного врага и соперника нашего дома»³⁶¹. В другом письме, адресованном испанскому монарху, он называл Англию «нашим общим закоренелым врагом». При этом Хардман и Прайс обращают внимание на то, что в письмах Верженну, которого не надо было агитировать воевать совместно против англичан, он никогда не употреблял подобных выражений. Что ж, это вполне естественно. Во-первых, Верженн – министр короля, и король вообще не обязан ни в чем его убеждать. Во-вторых, как известно, Верженн пришел к мысли о необходимости воевать против англичан еще раньше, чем король.

Людовик XVI внимательно следил за перипетиями внутренней политики британской монархии. В марте 1782 г. он обсуждал с Верженном сообщения английских газет о победе оппозиции и падении министерства лорда Норта. Как писал Людовик, «я не знаю, какой оборот после этого примут дела, но всё это принесет личные затруднения (*une reine personnelle*) английскому королю»³⁶². Год спустя, в марте 1783 г. Георг III под давлением со стороны парламента вынужден был отправить в отставку главу правительства лорда Норта. Сформировавшаяся вслед за этим коалиция Фокса-Норта добивалась от короля назначения своего кандидата (герцога Портленда) на пост премьер-министра. На время Георгу III удалось внести раскол в ряды коалиции³⁶³. Узнав об этом, Людовик

³⁵⁸ Mémoire de M. de Vergennes, au commencement du règne de Louis XVI, 1774 // Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI. Manuscrits trouvés dans le cabinet de Louis XVI. Paris: chez Buisson, 1793. T. 2. P. 393-394.

³⁵⁹ «Cela tient à une opinion qui ne peut pas s'établir dans une monarchie absolue comme dans une monarchie mixte» (Цит. по: Louis XVI and the comte de Vergennes. Introduction. P. 103).

³⁶⁰ Соглашение об этом будет подписано в апреле 1779 г.

³⁶¹ Louis XVI to Charles III of Spain, Versailles, 19 juin 1778 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 263.

³⁶² Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 30 mars 1782 // Ibid. P. 301.

³⁶³ Впрочем, уже 2 апреля Георгу III пришлось отступить и назначить Портленда премьер-министром.

XVI оценил, с какой ловкостью король взял верх над соперниками, и сравнил его с Ришельё, сумевшим найти выход из столь же сложного положения в знаменитый «день одураченных» (*la journée des dupes*). Но сам по себе факт, что король, уступая мнению парламентского большинства, вынужден был отправить в отставку министра, которому он полностью доверял, представлялся ему имеющим поистине эпохальное значение для дальнейшей эволюции британской монархии: «Это можно назвать днем одураченных; я рад за английского короля и желаю ему добиться окончательного успеха, но чем бы дело ни обернулось, оно составит эпоху в конституировании английского правления (*dans la constitution du gouvernement anglais*)»³⁶⁴.

Между тем, 26 сентября 1780 г. Морепа в беседе с королем выразил тревогу по поводу состояния финансов и заявил, что единственный выход из создавшегося положения – заключить мир. Как писал на следующий день Верженн Людовику XVI, «Ваше Величество слышал вчера те подробности, которые г-н граф де Морепа сообщил ему о положении финансов. Они воистину внушают тревогу и, кажется, не оставляют другого выхода, кроме заключения мира и как можно скорее»³⁶⁵. Мир этот, как соглашались король и его министр, должен быть «справедливым и почетным»³⁶⁶.

Перемирие с Англией, подписанное 20 января 1783 г., и начало переговоров о мирном трактате до предела обострили отношения между Верженном и морским министром маркизом де Кастром. Верженн был вполне удовлетворен условиями Парижского мира: Франция восстановила свой утраченный двадцать лет назад престиж, Англия была унижена, а продолжать войну и добиваться более выгодных результатов не позволяли финансовые трудности. Кастр же, со своей стороны, был возмущен тем, что Франция получила крайне незначительные территориальные приобретения. Особенно он негодовал по поводу недостаточного расширения французских владений в Индии. Будучи одно время директором Индской компании, Кастр проникся убеждением в том, что Индия для Франции важнее, чем Вест-Индия, и в конце 1782 г. яростно, хотя и безуспешно пытался противостоять Верженну при выработке условий мирного договора с Англией³⁶⁷.

Подписание прелиминарных пунктов мирного договора вызвало брожение во французском обществе. Многие считали, что от победоносной войны Франция ничего не выиграла. Говорили, что она могла бы получить значительные преимущества на Антильских островах и в Индии, а окончила войну в том же положении, в каком и начала ее. Сообщая эти сведения об умонастроениях во французском обществе, русский посол князь Барятинский счел нужным высказать свои возражения. Во-первых, с его точки зрения, чтобы по достоинству оценить результаты войны, надо учитывать не только, что приобрела или не приобрела Франция, но и какой урон понесла Англия. Во-вторых, французы явно недооценивали Верженна, так как он, в отличие от Шуазёля, не умел воздействовать на общественное мнение. Он излишне скромн, далек от всяких интриг, у него много завистников, но «не имеет он таких в округ себя людей, которые в том только и упражняются чтоб интриговать и из место в место ездить о нем разглашать с восхищением, как то здесь было во употреблении во время Министерства Дюка Де Шоазеля. Сими способами распаляли они мысли всей публики и маловажным делам придавали великую цену. Друзья Графа Верженна видевают оно, искреннее оказывают

³⁶⁴ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 28 mars 1783 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 320.

³⁶⁵ Vergennes to Louis XVI, 27 septembre 1780 // Ibid. P. 291.

³⁶⁶ Vergennes to Louis XVI, 17 mai 1782 // Ibid. P. 305.

³⁶⁷ Ibid. Introduction. P. 35.

сожаление, что великие услуги сего почтенного мужа от интриг в публике не столь кажутся видными и важными, как оные суть в самом деле. [...] ему должно было объявить вместе с подписанием примирения и прелиминарные пункты, ибо не объявля оных публика осталась в неизвестности о точном содержании мирных договоров», и в результате в Париже по рукам ходило свыше двадцати различных сочинений, авторы которых высказывали свои домыслы о содержании подписанных статей³⁶⁸. Наконец, необходимо вспомнить, что результаты войны полностью отвечали тем целям, которые изначально сформулировал Людовик XVI в упоминавшемся выше письме Верженну 18 октября 1776 г.: добиваться не расширения территорий, а защиты колониальных владений Франции и уменьшения мощи Англии. Что ж, поставленные королем задачи были успешно выполнены, хотя кому-то они, возможно, и казались слишком скромными.

Если обратиться к сложившейся к тому времени расстановке сил на международной арене, то и французский и британский монархи были обеспокоены подъемом «северных держав» (так обычно называли Австрию, Пруссию и Россию). Жерар де Ренваль, уполномоченный с французской стороны вести переговоры о заключении мира с Великобританией, в депеше от 24 января 1783 г. отчитывался перед Верженным об аудиенции у Георга III. По его словам, помимо комплиментов в адрес Людовика XVI и Верженна английский король сказал, что «Франция и Англия созданы быть друзьями; союз между ними совершенно отвечает их правильно понятым интересам; он предотвратит войну не только между этими двумя странами, но и между другими государями Европы и т.д.» Ознакомившись с депешей, Людовик XVI отослал ее обратно Верженну с запиской, в которой присоединился к словам своего министра, что «уместно испытывать удовлетворение тем, как высказывался английский король»³⁶⁹.

Означает ли это, что для Людовика XVI Франция и Англия были, скорее, «естественными союзниками», нежели «естественными врагами», «как единственные из великих держав, не искавшие расширения своих территорий в Европе», как полагают Хардман и Прайс?³⁷⁰ Мне представляется, что король видел в перспективе, скорее, не союз двух стран, явно продолжавших соперничать на почве колониальной экспансии, а образ биполярной Европы, где две великие державы, не имеющие друг к другу территориальных претензий и не стремящиеся к захватам на континенте, являются гарантами мира и стабильности.

* * *

Переписка Людовика XVI с Верженным наглядно демонстрирует, что при выработке внешнеполитического курса Франции между ними установились полное взаимопонимание и равноправные партнерские отношения. В одних случаях они по обоюдному согласию принимали решения, предложенные королем, в других – Верженным.

Письма короля и его министра иностранных дел свидетельствуют о том, что отношение правителей Франции к Великобритании неизменно оставалось двойственным. С одной стороны, они выражали недоверие к сопернику и опасались возможного нападения с его стороны. С другой, они стремились заключить с Англией «вечный мир»,

³⁶⁸ Депеша из Парижа вице-канцлеру графу Остерману от полномочного министра князя Барятинского от 15/26 января 1783 г. // Архив внешней политики Российской империи. Фонд 93. Опись 6. Дело 396. Л. 11-14 (об.).

³⁶⁹ Louis XVI to Vergennes, [Versailles] 31 janvier 1783 // Louis XVI and the comte de Vergennes. P. 319.

³⁷⁰ Ibid. Introduction. P. 145-150.

чтобы совместно контролировать мировой порядок. Однако следует признать, что независимо от их субъективных устремлений и оценок ситуации взятый курс на строительство флота объективно вел к дальнейшему обострению соперничества. Но проявилось это уже не при Старом порядке, которому оставалось продержаться считанные годы, а в новый период истории, когда Великобритания станет врагом номер один республиканской и наполеоновской Франции.

Взаимопонимание между королем и министром распространялось не только на общее видение международной обстановки и внешней политики Франции, но и на представления о главном сопернике, Великобритании, о ее государственном строе. Для Людовика XVI Англия, конечно же, всегда оставалась соперником, но при этом все его «англофобские» заявления носили конъюнктурный характер и преследовали вполне определенные политические цели. С точки зрения короля, Англия являлась достойным соперником, с которым следовало разделить ответственность за поддержание мирового равновесия и порядка. Французский монарх испытывал явный интерес к английской культуре, особенно литературе и истории, т. е. был отчасти не чужд характерной для своего времени англomanии. Не менее важно было и то, что Англия, как представлял ее Людовик XVI, подобно Франции, являлась государством с монархическим типом правления и отсюда следовало наличие у правителей обеих держав общих внутренних проблем и интересов.

Рассуждения Верженна свидетельствуют о том, что он в большей мере, чем король, стремился к реваншу, и характерный для него образ Англии – это, прежде всего, образ соперника. Кроме того, Англия, с точки зрения Верженна, была страной с принципиально иными государственным строем и политическими традициями, хотя министр и признавал существование в обоих государствах общих проблем. При этом Верженн готов был согласиться, что государственное устройство Англии имеет ряд преимуществ по сравнению с французским и английский опыт, хотя и с большой осторожностью, отчасти можно было бы использовать.

Таким образом, общность основных внутри- и внешнеполитических принципов, не исключала разницы в представлениях короля и его министра об их главном сопернике: король скорее склонен был видеть общее между Францией и Англией, а Верженн – то, что их разделяет. Взгляд Верженна в лаконичной форме выражается, хотя и с оговорками, названием главы из книги одного современного историка: «Франция и Англия: абсолютизм против ограниченной монархии»³⁷¹. Министр иностранных дел четко осознавал разницу между абсолютной монархией во Франции и смешанной монархией в Англии. Людовик XVI по своим взглядам оказывается ближе к той концепции, что в последние десятилетия получила распространение в английской и американской историографии и согласно которой между французской и английской монархиями не было принципиальных различий.

³⁷¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. Гл. 4.

Глава 3. Королевский двор и дворянское общество

Развивая в этой главе тему придворных партий, мы можем наблюдать тесное переплетение личных, клановых, социальных и идейных мотивов сближения и противостояния среди элиты французского общества. Обращение к документам разного типа – от дипломатической корреспонденции до личных записок и воспоминаний – позволяет сделать вывод, что и в конце Старого порядка, в век Просвещения придворная аристократия играла заметную политическую роль, а королевский двор мог оказывать влияние на общественное мнение. Двор и город взаимодействовали, а не только противостояли друг другу.

Для исследователя королевского двора и дворянского общества Франции XVIII в. немалый интерес представляют властные отношения и их эволюция, в частности связи и конфликты между аристократией «шпаги» и «мантии» при дворе, культурные ориентации и изменения в системе ценностей. Чтобы картина стала более живой и объемной, представляется необходимым соединить изучение общих процессов, с одной стороны, и отдельных частных случаев, а также индивидуальных биографий, - с другой. Сплетни и пересуды вокруг одной женитьбы, личные бумаги двух представителей одного дворянского рода не меньше, чем документы Парижского парламента или подробные донесения дипломатов, помогают понять устроения и правила поведения французских аристократов XVIII века.

Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения»¹

«Кто не видел версальского великолепия, тот ничего не видел; даже после сокращения прежнего штата королевского двора дух Людовика XIV все еще присутствовал там. [...] Кареты остановились в лесу в окружении гвардейцев, мужчины и женщины собрались группами, доезжачие с трудом удерживают свору псов, собаки лают, лошади ржут, рога трубят, - всё вместе образует весьма оживленную сцену. Наши королевские охоты вызывают в памяти одновременно нравы древней и новой монархии, грубые развлечения Хлодиона, Хильперика, Дагоберта и галантные праздники Франциска I, Генриха IV и Людовика XIV. [...] Я не стал присутствовать при переодевании короля; вместо этого триумфа и милости я бросился в карету и вернулся в Париж, полный радости от того, что освободился от своих почестей и терзаний»².

Так описывал Франсуа-Рене де Шатобриан свои впечатления от версальского двора Людовика XVI. Будущий автор «Замогильных записок» имел честь быть представленным ко двору и участвовать в королевской охоте в феврале 1787 г. Как видим, двор в его изображении выглядит местом по-своему привлекательным, но глубоко анахроничным и бесконечно далеким от того, чем реально жило французское общество второй половины XVIII века. С таким мнением классика французской литературы XIX в. перекликаются слова современного историка, автора популярной книги о версальском дворе Ж. Леврона: «Двор живет по-прежнему. Всё продолжается. Франция волнуется, кипит. Министры предлагают реформы. Г-н Неккер представляет отчеты о состоянии национальной казны и без обиняков обличает напрасные и чрезмерные расходы не способного исправиться режима. Обеспокоенный Людовик XVI слушает его. Мария-Антуанетта ищет утешения в Трианоне в обществе Ферзена. Придворные и сановники ни в чем не отступают от своих привычек»³.

Итак, вокруг всё бурлит, назревают какие-то тревожные события, а замкнутый придворный мирок живет себе вне времени, «под собою не чуя страны». Здесь, как и сто лет назад, без конца повторяется одно и то же: пробуждение короля, королевские охоты, большие обеды, малые обеды, праздники, концерты, балы, спектакли, отход короля ко сну, интриги и закулисная борьба из-за королевских милостей. Такое представление о королевском дворе последних лет старой монархии не только привычно, но и имеет под собой теоретическое основание.

Историки, занимающиеся проблемами политической культуры Старого порядка во Франции, взаимоотношений между властью и обществом, в своей исследовательской практике исходят из неких ставших общепринятыми постулатов. В посвященных данным сюжетам исторических исследованиях обычно широко используются идеи, высказанные в трудах Райнхарда Козеллека и Юргена Хабермаса⁴. При всех различиях между

¹ Впервые опубликовано: Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М.: Наука, 2004. С.157-174.

² Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'outre-tombe. Т. 1-2. Paris, 1976. Т. 1. P. 129, 131, 133.

³ Levron J. La cour de Versailles aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 2000. P. 341.

⁴ Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge (Mass.), 1988; Habermas J. L'espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris, 1993 (1978); критические размышления об исследованиях историков в данной области см.: Goodman D. Public Sphere and Private Life: Toward a Synthesis of Current Historiographical Approaches to the Old Regime // History and Theory. 1992. V. 31. № 1.

построениями двух немецких философов им свойственно противопоставление абсолютистского государства и придворного общества (как сферы государственной власти), с одной стороны, и гражданского общества, частной жизни, сферы литературно-художественной критики и общественно-политических дискуссий, сферы формирования общественного мнения, с другой. Иными словами это противопоставление выражается в виде известной антитезы *двор/город*.

Представляется, что эта схема хотя и имеет под собой основания, послужила стимулом к появлению целого ряда ярких исследований политической культуры Старого порядка и до сих пор сохраняет определенную эвристическую ценность, но нуждается в некоторых оговорках и уточнениях. Не следует абсолютизировать разрыв *двора* и *города*. Они не были оторваны друг от друга; двор не стоял в стороне от публичных дискуссий «века Просвещения». Более того, в сфере публичных дискуссий он далеко не всегда и не во всем противостоял городу. Двор и в XVIII в., как мы постараемся показать в этом очерке, оставался одним из очагов формирования и распространения общественного мнения.

Одним из проявлений влияния *двора* на *город*, как и прежде, было меценатство. Королевский двор активно покровительствовал науке. Так, снаряжение начавшейся в 1785 г. кругосветной экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза проходило при непосредственном участии короля, а один из первых экспериментов по запуску азростата братьев Монгольфье, так называемого монгольфьера, проходил в сентябре 1783 г. в Версале в присутствии королевской семьи и двора.

При дворе последних Бурбонов родился свой план «монументальной пропаганды». Важным элементом урбанизма во Франции XVIII в. стало устройство широких площадей со статуей короля в центре: примерами могут служить статуи Людовика XV на площади Людовика XV (нынешней площади Согласия) в Париже, а также на площадях Бордо, Нанси, Ренна и Реймса. Помимо реализованных, остались и не до конца выполненные проекты. В частности, вскоре после восшествия на престол Людовика XVI администрация королевских строений сделала заказ на серию из 25 мраморных скульптур в натуральную величину, изображающих великих людей Франции (в их число входили, в частности, скульптурные портреты Б. Паскаля, Ж. Лафонтена, Ж.-Б. Боссюэ, Р. Декарта, Н. Пуссена, Ф. Фенелона, Ж.-Д. Кассини, Ш.-Л. Монтескьё). Статуи предполагалось разместить в большой галерее Лувра. Они мыслились как инструмент патриотического воспитания и призваны были наглядно показать цивилизаторскую миссию Франции, прежде всего при правлении Людовика XIV⁵. Осуществить этот план в полной мере не удалось. Было сделано лишь несколько мраморных статуй, некоторые остались в гипсе, а другие вообще так и не появились на свет. Но всё же и то, что удалось сделать, привлекло внимание публики и вызвало дискуссии в обществе.

Двор заметно влиял и на музыкальную культуру Франции. Вспыхнувшая в 1752-1754 гг. «война буффионов» и растущая популярность итальянской комической оперы были восприняты придворными кругами, в частности госпожой де Помпадур, как подрыв авторитета французской национальной культурной традиции⁶. Однако в результате двор в целом не занял охранительной позиции и поощрял поиски французских композиторов в

⁵ Gramaccini G. L'image de l'homme nouveau: Exemples de la sculpture publique à la fin de l'Ancien Régime et à l'époque révolutionnaire // La Révolution française et les processus de socialisation de l'homme moderne. Paris-Rouen, 1989. P. 675-689.

⁶ См.: Solnon J.-F. La Cour de France. Paris, 1987. P. 519-520.

жанре комической оперы. Наибольший успех выпал на долю поставленной при дворе оперы А.-Э.-М. Гретри «Земира и Азор» (1771), написанной на сюжет известной сказки «Красавица и чудовище». Затем, в 1773 г. в Париж приехал маэстро К.-В. Глюк. Его всячески поддерживала дофина, будущая королева Мария-Антуанетта, которой он когда-то еще при венском дворе давал уроки музыки. Публика раскололась на поклонников Гретри и Глюка; яростные споры между ними имели не только эстетическую, но и политическую подоплеку, так как через восхищение или возмущение музыкой Глюка выражалось и соответствующее отношение к Марии-Антуанетте. Когда противники Глюка пригласили в Париж из Италии Н. Пиччинни, это положило начало известной в истории музыки «войне глюкистов и пиччинистов». Примечательно, что в поддержку Глюка тогда активно выступали официозные издатели Ж.-Б.-А. Сюар и аббат Арно⁷.

Что касается литературных и художественных репутаций, то их в значительной мере определяла Французская академия, в которой с литераторами соседствовали придворные аристократы: маршал де Бово, герцог де Нивернэ, маршал де Дюра. Выборы во Французскую академию становились ареной столкновения между придворными группировками, когда за спиной каждого из кандидатов стояли влиятельные аристократы, а чаще аристократки. Так, в 1754 г. в придворных кругах и парижских салонах живо обсуждали избрание в Академию Д'Аламбера. За него наряду с хозяйкой модного литературного салона маркизой дю Деффан хлопотала герцогиня д'Эгюийон, а за его соперника аббата де Буамона – герцогиня де Шон⁸.

Помимо традиционного меценатства, двор XVIII в. влиял на город тем, что вырабатывал и распространял стереотипы общественного мнения. Он являлся основным источником политической информации за исключением той, что оглашалась официально от имени короля. Что происходит в высших сферах, кто из министров сейчас в силе, чьего возвышения следует ожидать, какая у короля новая фаворитка, ждет ли королева ребенка, - все сведения такого рода исходили из придворной среды, а оттуда попадали в многочисленные печатные и рукописные листки, газеты и записки, циркулировавшие в обществе. Важнейшей функцией публичного пространства «века Просвещения» являлся свободный обмен информацией. Но если *город* поставлял, главным образом, идеи и концепции, объясняющие факты политической и общественной жизни, то основным источником, поставлявшим сами факты, оставался *двор*.

Более того, он не только поставлял информацию, но и влиял на то, как она будет интерпретироваться. Двор со временем «приручил» просветителей через посредство официозных газет и издателей, пользовавшихся поддержкой со стороны короля и получавших от него привилегии. Определенные сюжеты, согласно королевским привилегиям, могли освещать только квазиофициальные периодические издания, такие как «*Mercure*», «*Gazette de France*» Сюара и Арно, «*Journal des savants*». Угодные властям литераторы и издатели получали почетные должности, денежные вознаграждения и пенсии из королевской казны. Награды выплачивались щедро: размеры одних лишь только прямых выплат из королевской казны достигали 250000-350000 ливров в год, не считая доходов от полученных государственных должностей и от издания самих газет⁹.

⁷ См.: Glotz M., Maire M. *Salons du XVIIIe siècle*. Paris, 1949. P. 38-39, 235-236, 319-322.

⁸ Deffand M.-A., marquise du. *Correspondance complète de la marquise du Deffand / notes par M. de Lescure*. T. 1-2. Paris, 1865. T. 1. P. LXV. См. также письмо де Формона маркизе дю Деффан от 4 декабря 1754 г. (Ibid. P. 224).

⁹ См.: Darnton R. *The Literary Underground of the Old Regime*. Cambridge-London, 1982. P. 10.

В 1785 г. чиновники генерального контроля финансов составили «Список литераторов, ходатайствовавших о пенсиях», содержащий 147 имен. Согласно этому документу, который подробно цитируется Робертом Дарнтоном в его исследовании о литературном андерграунде Старого порядка, не все просьбы были удовлетворены, причем предпочтение отдавалось известным писателям, преимущественно членам Французской академии: так, А. Морелле получил пенсию в 6000 ливров в год, Ж.-Ф. Мармонтель – 3000 ливров как историограф Франции и 2000 как постоянный секретарь Французской академии, Ж.-Ф. де Лагарп – три разные пенсии в 600, 1500 и 3000 ливров, Н. де Шамфор – две пенсии в 2000 и 1200 ливров, Ж.-А. Бернарден де Сен-Пьер – 1000 ливров и т. д.¹⁰ Преимущество, отдаваемое академиком, было настолько очевидным, что, как писал в своем ходатайстве один из претендовавших на пенсию литераторов – Блен де Сенмор, - «существует определенная опасность того, что сам титул академика может превратиться в синоним королевского пенсионера»¹¹. Тем же, о ком академики отзывались плохо, в просьбах обычно отказывали. Не считая пенсий, угодные властям и двору литераторы получали должности-синекуры: королевского историографа, историографа флота, историографа королевских строений, историографа малых забав, историографа Ордена Святого Духа.

Покровительство литераторам и издателям книг и газет исходило не только от короля, но и от придворной знати. Так, в число высокопоставленных друзей упомянутого выше Сюара входили принц де Бово и маркиз де Шателю, которые каждую неделю посылали ему дичь к столу из своих охотничьих трофеев. Сюар и Арно пользовались также поддержкой герцога Э.-Ф. де Шуазёля, когда тот был на вершине власти и занимал министерские посты. Двум издателям неоднократно удавалось получать пенсии от правительства благодаря ходатайству сестры Шуазёля герцогини де Грамон, с которой были близки покровительница супругов Сюар принцесса де Бово и покровительница аббата Арно госпожа де Тессе. Придворные интриги и перестановки в министерстве отражались на судьбе литераторов и издателей. После опалы Шуазёля в 1770 г. Сюарам пришлось даже съехать с квартиры. Но они быстро нашли себе новых покровителей: герцог де Нивернэ и супруга Ж.-Ф. де Морепа замолвили за них словечко перед преемником Шуазёля на посту государственного секретаря иностранных дел герцогом Э.-А. д'Эгюйионом. В результате Сюар выхлопотал две пенсии в 2500 и 1200 ливров, а затем получил должность королевского цензора и был избран во Французскую академию¹². Неудивительно, что этот предприимчивый литератор никогда ничего не писал против режима.

Но высокопоставленные лица из королевской администрации поддерживали талантливых авторов, даже если те являлись противниками официальной доктрины абсолютной монархии. Так, генеральный наместник парижской полиции Жан-Шарль-Пьер Лемуар (подробнее о собранной им информации и высказанных суждениях речь еще впереди) покровительствовал Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро¹³.

¹⁰ Ibid. P. 7.

¹¹ Письмо Блен де Сенмора генеральному контролеру финансов, 22 июня 1788 г. Цит. по: Darnton R. Op. cit. P. 8.

¹² О карьере Сюара см.: Ibid. P. 3-6.

¹³ См.: Chevallier P. Les philosophes et le lieutenant de police (1775-1785) // French Studies. Vol. XVII. 1963. № 2. P. 108-111, 116-117.

Просветители со своей стороны не имели ничего против такого покровительства. Они с радостью и гордостью писали о том, что историки нашего времени называют «слиянием элит»: т. е. о сближении придворной аристократии с литераторами. Так, известный романист, историк и моралист Шарль П. Дюкло в «Размышлениях о нравах этого века» (1751) утверждал, что в результате проникновения литераторов в придворное общество выиграли обе стороны: светские люди получили образование и новые развлечения, а литераторы – светские манеры и положение в обществе¹⁴.

Похожего мнения придерживался и Вольтер, подтверждением чему может служить его статья «Литераторы» («*Gens de lettres*») для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. По словам Вольтера, «дух века сделал их по большей части пригодными как для научных занятий, так и для света; этим они намного превосходили литераторов прошлых веков. До Бальзака¹⁵ и Вуатюра¹⁶ их не пускали в общество; с тех пор они стали его необходимой частью»¹⁷.

О взаимосвязи между философией – атрибутом литераторов-просветителей – и изысканным вкусом – атрибутом людей из придворного общества – Вольтер писал в статье «Вкус» в «Философском словаре»: «Обиталище вкуса следует искать в столице великого королевства; но и там он удел лишь немногих; вся чернь его лишена. О нем не ведают в буржуазных семьях, где постоянно заняты заботами о своем имуществе, домашними делами и грубой праздностью, забавляясь карточной игрой. Повсюду, где господствуют суды, финансы или коммерция, перед изящными искусствами двери закрыты. К стыду человеческого разума вкус обычно встречается лишь посреди праздной роскоши. Я знавал одного версальского чиновника, отмеченного прирожденным умом, который говорил: К моему большому несчастью, у меня нет времени, чтобы иметь вкус. [...] Итак, вкус подобен философии; им обладает очень малое число избранных душ»¹⁸.

По мысли Вольтера, просвещение, как цивилизация у Норберта Элиаса, распространяется «сверху вниз»: сначала оно должно завоевать придворное общество, а затем может отчасти затронуть более широкие слои.

Издатель «Энциклопедии» Д'Аламбер в «Истории членов Французской академии» (1787) развивал столь же элитарную концепцию просвещения и защищал Академию от нападков со стороны литературных фрондеров, недовольных тем, что остались за ее бортом. При этом он давал высокую оценку тому, что Академия объединяет в своих рядах высших аристократов и литераторов: придворные, по Д'Аламберу, выступают экспертами в области вкуса и языка: «Разве требуется большое умственное усилие, для того чтобы понять, что в обществе, и особенно в большом государстве, необходимо иметь знать, которая подчеркнута отличается от остальных, что если добродетель и талант сами по себе могут претендовать на наше искреннее уважение, то и высокое рождение и

¹⁴ Duclos, Ch. P. *Considérations sur les moeurs de ce siècle* // Duclos Ch. P. *Oeuvres de Duclos*. T. 1-3. Paris, 1821. T. 1. Part. 1-2.

¹⁵ Бальзак Ж.-Л. Гез де (1595-1654) – писатель, которого кардинал Ришельё сделал одним из первых членов созданной им Академии.

¹⁶ Вуатюр В. (1597-1648) – поэт, принятый в светском обществе; член Французской академии.

¹⁷ *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Nouv. éd. T. 15. Genève, 1777. P. 1011.

¹⁸ Voltaire. *Dictionnaire philosophique* // *Oeuvres complètes de Voltaire*. T. 40. Paris, 1784. P. 501.

положение требуют от нас почтительного к ним отношения? [...] И как могут литераторы завидовать привилегиям высших сословий или оспаривать их?»¹⁹

Всё это свидетельствует о том, что существовала официозная литература и публицистика, которую королевский двор и правительство использовали как инструмент пропаганды. Более того, даже те авторы, которых мы привыкли считать оппозиционными, не были лишены высокого покровительства. Пожалуй, из известных литераторов XVIII века в явной немилости у властей был лишь П.-О. Бомарше, которого подозревали в сочинении пасквилей о королеве Марии-Антуанетте. Такие люди не могли получать официальную поддержку со стороны двора, но это не значит, что они не получали ее вообще. До сих пор у нас речь шла о дворе как об общественном институте, смысл существования которого заключался в том, чтобы служить королю и прославлять его. Но двор был также и местом, где плелись интриги и разворачивалась борьба аристократических «партий» за власть. И такой раздираемый внутренними противоречиями двор тоже выходил в публичное пространство. Средствами борьбы между придворно-министерскими «партиями» становились не только интриги, но и дискредитация соперников в общественном мнении через памфлетную литературу.

О том, как это происходило, пишет генеральный наместник парижской полиции²⁰ Лемуар. Он оставил весьма объемистые (3 картона) записки, которые начал составлять в конце XVIII в. и продолжал до самой смерти в 1807 г. Они хранятся в муниципальной библиотеке Орлеана и опубликованы лишь фрагментарно²¹. Лемуар писал не только обо всем, чем ему приходилось заниматься на посту генерального наместника парижской полиции, но и вообще о различных делах, в которых участвовал, и о примечательных случаях, с которыми сталкивался во время своего пребывания на королевской службе. Помимо прочего, в его записках есть бесценная информация о королевском дворе и о взаимоотношениях двора и общества. Лемуар – очень важный для нас свидетель. Этот человек изнутри знал двор, будучи ключевой фигурой в одной из придворно-министерских «партий» Франции конца Старого порядка. В то же время, он был подробно информирован о том, что происходит в городе, через сеть тайных агентов и осведомителей, которые ежедневно подавали ему отчеты о настроениях в Париже, о разговорах людей на улицах, о ходивших по городу слухах. То есть Лемуар хорошо знал как двор, так и город. По своему общественному положению и роду занятий он являлся своего рода связующим звеном между сферой закулисных придворных интриг, с одной стороны, и сферой городской администрации и полиции, с другой.

В своих записках он повествует, в частности, о том, как в Париже получили хождение весьма злые памфлеты, направленные против хранителя печатей А.-Т. де Миромениля: «Распространители пасквилей знали также, что это было самое действенное

¹⁹ D'Alembert J. Le Rond. Histoire des membres de l'Académie française morts depuis 1700 jusqu'en 1771. Paris, 1787. Partie I. P. XXIV, XXXII.

²⁰ Лемуар занимал эту должность в 1774-1775 и 1776-1785 гг.

²¹ Bibliothèque municipale d'Orléans. Mss 1421, 1422, 1423. Lefebvre G. Les papiers de Le Noir // Annales Historiques de la Révolution Française. 1927. T. IV. P. 300-301; Chevallier P. Les philosophes et le lieutenant de police (1775-1785) // French Studies. Vol. XVII. 1963. № 2. P. 105-120; Darnton R. Le lieutenant de police J.-P. Lenoir, la guerre des farines et l'approvisionnement de Paris à la veille de la Révolution // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. T. XVI. Oct.-déc. 1969. P. 611-624; Idem. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // The English Historical Review. 1970. Vol. LXXXV. № 336. P. 532-559; Antoine M. En marge ou au coeur de l'«affaire de Bretagne»? Intrigues et cabales de M. de La Chalotais // Antoine M. Le dur métier de roi. Paris, 1986. P. 249-257 (впервые эта статья, содержащая фрагмент из записок Лемуара, была опубликована в издании: Bibliothèque de l'École des Chartes. T. CXXVIII. 1970. P. 369-408).

средство, которое уже применялось восемь лет тому назад против канцлера Мопу. Несколько введенных в заблуждение друзей хранителя печатей из числа придворных пытались убедить его в том, что вновь и вновь появлявшиеся каждую неделю брошюры и листки исходили от опального и изгнанного канцлера²² [...]»²³.

Сообщенные Лемуаром сведения представляют двойной интерес. Во-первых, они лишней раз подчеркивают, сколь важным источником информации – истинной или ложной – являлся для современников королевский двор. В данном случае речь идет о конфликте между судейскими, но интересующие их скрытые подробности противники узнавали именно при дворе. Во-вторых, со слов Лемуара ясно, что издание пасквилей представляло собой одно из средств борьбы за власть и сведения счетов внутри правящей элиты.

И это был не единичный случай. С 1740-х гг. во Францию хлынул поток того, что современники называли «плохими книгами» (*les mauvais livres*), т. е. литературы вольнодумного, антицерковного, аморального, политически-оппозиционного и порнографического содержания. Она подпольно издавалась в стране или контрабандным путем ввозилась из-за границы²⁴. Министры были всерьез обеспокоены поисками виновных в ее издании и распространении. Государственный секретарь по иностранным делам Людовика XVI граф Шарль Гравье де Верженн, игравший видную роль в руководстве также и внутренней политикой королевства, и генеральный наместник парижской полиции Лемуар обвиняли в первую очередь придворную знать: по их мнению, именно она поставляла издателям и торговцам «материал» для памфлетов и оказывала покровительство. Она – придворная знать – приложила руку к созданию сатирических образов последних правителей Франции, широко распространившихся в общественном сознании в годы Французской революции и доживших вплоть до наших дней: Людовика XV – забросившего государственные дела сластолюбца; Людовика XVI – безвольного и глупого добряка, несостоятельного как мужчина и как правитель; Марии-Антуанетты – беспутной женщины и злобной австриячки, строившей козни против Франции.

Покровительство придворных авторам такого рода пасквилей гораздо сложнее выявить и тем более доказать, чем поддержку, которую получали со стороны двора официозные литераторы и издатели. Разумеется, не сохранилось никаких списков, удостоверяющих, кто у кого на службе состоял и сколько за получал за свои услуги. В распоряжении историков имеются лишь более или менее обоснованные свидетельства современников и очевидцев, а также содержание запрещенной литературы, подчас позволяющее строить гипотезы о том, кому могло быть выгодно ее издание.

Согласно этим свидетельствам, памфлеты против Людовика XV тайно печатались в Тампле, в резиденции либертена и фрондера принца де Конти²⁵. В годы правления Людовика XVI центром распространения памфлетов стала резиденция герцога Орлеанского Пале-Руаяль. Первые памфлеты против Людовика XVI и Марии-Антуанетты, как показывает анализ их содержания, явно исходили из придворных кругов. Имеются даже серьезные подозрения, что появившиеся после рождения в королевской семье первого ребенка, а особенно после рождения в 1781 г. дофина пасквили, дискредитирующие Марию-Антуанетту, были инспирированы братом короля графом

²² Рене-Николя Мопу.

²³ Darnton R. The memoirs of Lenoir. P. 542.

²⁴ См.: Darnton R. Edition et sédition: L'univers de la littérature clandestine au XVIIIe siècle. Paris, 1991.

²⁵ Glotz M., Maire M. Salons du XVIIIe siècle. P. 143.

Прованским (будущим Людовиком XVIII) и «партией», группировавшейся вокруг королевских теток и объединявшей противников «архитектора» франко-австрийского союза герцога Шуазёля и всю антиавстрийски настроенную придворную знать²⁶. Стало известно, что после рождения у короля с королевой долгожданных детей граф Прованский писал сатирические вирши, высмеивающие венценосную чету. Как сообщает популярный литератор Луи-Себастьян Мерсье, «Месье [титул графа Прованского – Л.П.] сочинял *ноэли* и песенки против своего брата-короля, первым подданным которого он являлся... При дворе стало хорошим тоном насмешничать над Людовиком XVI»²⁷.

Королева не случайно превратилась в мишень для памфлетистов, так как рождение детей у Людовика XVI и Марии-Антуанетты рушило все надежды графа Прованского занять престол после брата, а для противников Шуазёля австрийская эрцгерцогиня, ставшая супругой дофина, а впоследствии короля Франции, являлась живым символом дипломатического успеха бывшего государственного секретаря иностранных дел. Подобную роль вдохновителя антиправительственных памфлетов графу Прованскому отводили и в период проведения реформ А.-Р.-Ж. Тюрго: современники были убеждены в том, что именно им был инспирирован высмеивающий Тюрго знаменитый памфлет «Манекены»²⁸.

Схема, объясняющая, каким образом запрещенные памфлеты распространяются в различных слоях общества, была предложена в одном из таких сочинений. По словам автора, именно придворная знать диктовала содержание пасквилей, а затем помогала их издавать и распространять: «Подлый куртизан складывает эти гадости в рифмованные куплеты и через лакеев распространяет их всю дорогу до рыночной площади. С рынка они попадают к ремесленникам, а те в свою очередь возвращают их дворянам, которые первые их сочинили, а теперь, не теряя ни минуты, направляются в королевские покои в Версале и лицемерно нашептывают всем на ухо: “Вы читали это? Вот. Вот что распространяется среди парижского простонародья”»²⁹.

Мнение анонимного памфлетиста подтверждает Лемуар. По его словам, попытки положить конец хождению пасквилей в Париже «сорвали придворные, которые сами издавали сочинения скандального характера и покровительствовали их издателям. Парижская полиция могла схватить лишь книготорговцев и разносчиков, которые продавали и распространяли их. Разносчиков бросили в Бастилию, и такого рода наказание сильно задело их собратьев, бедолаг, которые занимались этим ради денег и зачастую не знали настоящих имен авторов и издателей... В годы перед Революцией власти были обычно беспомощны в своих усилиях сдержать поток антиправительственных пасквилей»³⁰.

Как пишет Лемуар, «больше нет сомнений в том, что не кто иной, как гг. де Монтескью, де Креки, де Шансене и другие придворные, в союзе с Бомарше, Шамфором и другими ныне³¹ еще живущими писателями, сочиняли пасквили против двора, министров, включая даже тех из них, у кого они состояли на службе. Более чем вероятно, что

²⁶ Thomas Ch. La reine scélérate: Marie-Antoinette dans les pamphlets. Paris, 1989. P. 57-65.

²⁷ Mercier L.-S. Le Nouveau Paris. Nouv. éd. S.l., s.d. T. 1. P. 35-36.

²⁸ Фор Э. Опала Тюрго, 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 472-473.

²⁹ Le portefeuille d'un talon rouge contenant des anecdotes galantes et secrètes de la cour de France. Перепечатано под названием: Le coffret du bibliophile. Paris, s.d. P. 22. Цит. по: Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. P. 201.

³⁰ Цит. по: Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. P. 202.

³¹ Т. е. в начале XIX в.

Бомарше написал иллюстрированный гравюрами пасквиль под названием «Любовные похождения Шарло и Антуанетты»³² и привез его в Лондон, где он и был напечатан»³³.

По-видимому, в Париже было в широких масштабах налажено издание памфлетов на дому. Все попытки полиции пресечь его, по словам Лемуара, оказались безуспешными благодаря протекции влиятельных лиц и иммунитетам привилегированных мест, подобных Пале-Руаялю, куда полиции доступа не было³⁴. Всё это позволяет предположить, что, подобно просвещению у Вольтера, некоторые оппозиционные и антимонархические стереотипы распространялись в общественном мнении тоже «сверху вниз» или, точнее, от двора к городу. То, что зародилось как придворная сплетня (примерами могут служить дискредитирующие слухи о Людовике XV, Людовике XVI и Марии-Антуанетте), потом перекочевало в инспирированные придворными кругами памфлеты, оттуда было подхвачено и другими памфлетистами, а ко времени революции превратилось в стереотипы демократического общественного мнения. Так что, по-видимому, не только оппозиционные парламенты и «философы»-просветители, но и двор немало поспособствовал подрыву авторитета французской монархии в глазах общества.

Причастность придворной знати к созданию и распространению подпольной литературы позволяет говорить еще об одном проявлении влияния двора на город. Его также можно обнаружить, анализируя механизм политической борьбы во Франции XVIII в. Такой анализ показывает, что придворные «партии» выходили за пределы двора и умело действовали в публичном пространстве «века Просвещения». Рассмотрим это на примере одного эпизода, подробная информация о котором содержится также в записках Лемуара. Речь идет о так называемом деле Дерена.

В начале 1766 г. в ходе очередного конфликта между министрами короля и парламентами по налоговому вопросу, повлекшего арест наиболее активных оппозиционеров из числа магистратов Реннского парламента (парламента провинции Бретань), был задержан также знакомый одного из них, некий Пьер-Лоран Дерен. Он занимал небольшую должность в придворном штате и отвечал за чистоту скатертей и салфеток (его должность называлась *lavandier de panneterie-bouche de la cuisine-commun du Roi*). У этого скромного работника дворцовой кухни обнаружили ни много ни мало – переписку самого короля Людовика XV с одной из его фавориток мадемуазель де Роман. Дерен был весьма ловким и предприимчивым человеком. Он появлялся в домах вельмож, а также у придворного медика и известного экономиста, основателя школы физиократов Франсуа Кенэ. Остается лишь догадываться о том, как и при каких обстоятельствах к нему могли попасть письма короля к фаворитке³⁵, об этом Лемуар не сообщает. Обнаружив письма, Людовик XV и министры заподозрили, что с их помощью влиятельные в то время при дворе физиократы («экономисты», по словам Лемуара) во главе с Кенэ рассчитывали путем шантажа провести на пост генерального контролера финансов своего человека – генерального прокурора Реннского парламента Луи-Рене Ла Шалоте, широко известного в стране лидера парламентской оппозиции и антииезуитской кампании, предшествовавшей изгнанию иезуитов из Франции в 1762-1764 гг.³⁶ Находка любовных писем короля

³² Известный памфлет, дискредитирующий Марию-Антуанетту.

³³ Цит. по: Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. P. 248.

³⁴ Ibid. P. 249.

³⁵ Гипотезы на этот счет см.: Antoine M. En marge ou au coeur de l'«affaire de Bretagne»? P. 264-267.

³⁶ Изложение этого эпизода Лемуаром см.: Sur une intrigue incidemment découverte pendant l'instruction du procès criminel commencé à Saint-Malo contre M. de La Chalotais et autres accusés // Antoine M. En marge ou au

пришлась на то самое время, когда в обществе получили широкое хождение «*плохие книги*» о личной жизни Людовика XV, и понятно, что королевское окружение было не на шутку встревожено. Но трудно сказать, насколько обоснованными можно считать подозрения относительно злого умысла Кенэ и Ла Шалоте. Ясно лишь, что тот и другой отличались немалыми политическими амбициями и что в их руках оказалось досье, компрометирующее короля. Как они собирались им распорядиться, остается только догадываться³⁷.

Для нас дело Дерена интересно тем, что позволяет проследить связь придворных интриг с широкими общественными дискуссиями, частного пространства двора и публичного пространства. Взаимоотношения между тремя ключевыми фигурами данной интриги – Дереном, Кенэ и Ла Шалоте – показывают, как могла осуществляться эта связь и как *двор* мог воздействовать на *город*, используя его в своих интересах. Из трех персонажей Дерена можно условно назвать человеком *двора*, Ла Шалоте – человеком *города*, а Кенэ – человеком *двора и города*.

Они были людьми очень разного калибра. Яркая личность Кенэ известна и современникам, и потомкам. Этот человек находился у всех на виду, его сочинения читали, к его мнению прислушивались король, двор и все образованное общество, его имя вошло в учебники истории. В отличие от него, Дерен – человек маленький, о нем не писали мемуаристы, его ареста никто и не заметил. Историки узнали о роли Дерена в упомянутой политической интриге лишь после того, как в 1970 г. Мишель Антуан опубликовал соответствующий фрагмент из записок Ленуара. Но этот маленький человек играл отведенную ему немаловажную роль, выполняя конфиденциальные поручения авторитетных лиц. Ла Шалоте был известным человеком, но отнюдь не при дворе. Генеральный прокурор парламента, автор популярных трудов по педагогике и экономике, противник иезуитов, знакомый с Вольтером и прочими знаменитостями, он целиком принадлежал публичному пространству «века Просвещения». Но через мелкую придворную сошку Дерена и прославленного Кенэ он оказался связан с двором и вовлечен в придворные интриги.

На этом примере видно, что, по крайней мере, некоторые из борющихся за власть придворных группировок XVIII в. представляли собой не вполне традиционные «партии-клиентелы». Действующую в этой истории «физиократическую партию» возглавлял не вельможа, как обычно, а известный ученый-экономист, занимавший должность при дворе. Она сложилась не только вокруг личности Кенэ, но и вокруг физиократической идеи. Она объединяла людей и *двора*, и *города*. Ее приверженцев, во всяком случае некоторых из них, трудно назвать клиентами Кенэ. Так, Ла Шалоте с физиократами связывала прежде всего общность взглядов на экономику. На этом примере мы видим, что в формировании придворно-министерских «партий» XVIII века играли роль не только личные или семейные интересы и взаимосвязи патрона с клиентелой, но и идеи. Человек мог сближаться с той группировкой, чьи идейные ориентации и политический курс он разделял и считал правильными.

coeur de l'«affaire de Bretagne»? P. 249-257. Подробнее см. также статью «О том, как поссорились его светлость герцог д'Эгюийон с мессиром Ла Шалоте».

³⁷ Разные мнения историков на этот счет см.: Antoine M. Op. cit.; Meyer J. A propos de La Chalotais: faut-il revoir l'affaire de Bretagne? // Missions et démarches de la critique. Mélanges offerts au prof. J.A. Vier. Rennes, 1973. P. 57-67.

В связи с этим вызывает возражения распространенная в современной историографии точка зрения, согласно которой все конфликты при дворе и в министерстве во Франции XVIII в. представляли собой не что иное, как соперничество вельмож, аристократических кланов и их клиентел, преследующих личные интересы, тогда как декларируемые тем или иным аристократом или министром религиозные и идеологические принципы были лишь скрывающей эти интересы словесной ширмой³⁸. Что же касается объединений на основе идейной общности, то их обычно обнаруживают в оппозиционной публичной сфере, рассматривая литературно-философские салоны и кружки как прообразы политических обществ и клубов Французской революции. Возможно, в ряде случаев такая характеристика придворно-министерских «партий» и верна, но ее не следует распространять на все внутривластные противоречия и конфликты конца Старого порядка. Некоторые «партии» имели свое определенное «политическое лицо». Они расходились в решении вопросов, стоявших в центре общественных дискуссий XVIII в.: их разделяло отношение к янсенизму, к деятельности Ордена иезуитов, к свободе торговли зерном, к реформам управления финансами, к правам парламентов, к новым внешнеполитическим приоритетам (в частности, к союзу с Австрией).

Эти расхождения выглядели *значимыми* в глазах современников. Поддерживать ту или иную группировку люди могли не только в надежде на покровительство со стороны возглавлявшего «партию» вельможи, но и найдя в ней своих единомышленников. Так, к физиократам примыкали те, кто разделял их экономическую доктрину. И «физиократическая партия» не была единственным исключением. В записках Лемуара содержится примечательная характеристика расстановки сил при дворе Людовика XVI и в министерстве. Лемуар пишет о развернувшемся там соперничестве двух группировок: «В то время стали открыто оспаривать законодательство и его принципы. Эти вопросы и еще другие вызвали раскол среди министров: одни, и в частности г-н де Верженн, объединились с хранителем печатей³⁹ и образовали партию, которую называли партией короля. Другие, особенно г-н Сегюр⁴⁰ и де Бретей⁴¹, считались партией королевы»⁴².

Рассказывая о двух «партиях», генеральный наместник парижской полиции обращает внимание не столько на родственные и деловые связи или соперничество семейных кланов, сколько на *«разницу в принципах»*, которыми руководствовались министры, решая, как следует управлять государством и какую политику проводить⁴³. «Партия короля», к которой принадлежали сам Лемуар, хранитель печатей Миромениль и «Ментор» Людовика XVI граф Ж.-Ф. де Морепа, объединяла сторонников того, что историки называют «административной монархией». Ее приверженцы, согласно Лемуару, хотели предохранить власть короля от ограничений со стороны парламентов или аристократии, они предлагали умеренные и осторожные реформы, в частности, осознавали необходимость преобразовать управление финансами в сторону его большей

³⁸ Rogister J. Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755. New York, 1995; Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774. New York, 1995; Hardman J. French Politics, 1774-1789: From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. London, 1995; Campbell P. Power and Politics in Old Regime France, 1720-1745. London, 1996.

³⁹ Арманом-Тома Ю де Мироменилем.

⁴⁰ Военный государственный секретарь в 1780-1787 гг.

⁴¹ Государственный секретарь королевского дома в 1783-1788 гг.

⁴² Darnton R. The memoirs of Lenoir. P. 543-544.

⁴³ Ibid. P. 536, 543-552, 558-559.

централизации и усиления административного начала. Их политическая стратегия выражена в приводимых Лемуаром словах Миромениля. Тот любил повторять в ответ своим оппонентам: «Умело реформировать – не значит всё полностью изменить» и «мой первый секретарь – время»⁴⁴. В «партию королевы» объединились занимавшие министерские посты представители высшей придворной аристократии (военный государственный секретарь Анри-Филипп, маркиз де Сегюр, морской государственный секретарь Шарль-Этьен-Габриэль де Ла Круа, маркиз де Кастр), шуазелисты, сторонники франко-австрийского союза. Лемуар передает слова Морепа, желавшего убедить короля «не следовать ни инсинуациям злонамеренных придворных, ни идеям людей системы»⁴⁵. В одной этой фразе Морепа четко определил, кого именно он считал своими противниками: придворную аристократию, чьи политические амбиции выражала «партия королевы», и «философов»-просветителей («людей системы», как их неодобительно называли вельможи XVIII в.), с которыми заигрывала эта «партия».

Итак, место королевского двора в публичном пространстве «века Просвещения» было, хотя и не доминирующим, но весьма заметным. Двор не перестал быть одним из центров общественной, политической и культурной жизни, взаимодействуя с другими ее центрами: салонами, академиями, литературной средой, парламентами. Изучая эти взаимодействия, можно лучше понять противоречивую роль двора во французском обществе XVIII в. и выявить его возможное влияние на политическую культуру Франции последних десятилетий Старого порядка.

⁴⁴ Ibid. P. 544.

⁴⁵ Ibid. P. 541.

Партии при дворе Людовика XVI глазами современников⁴⁶

Одним из проявлений современного интереса к биографической и политической истории стало обращение исследователей французской монархии Старого порядка к теме, традиционно вдохновлявшей романистов и авторов развлекательного исторического чтения, - к группировкам, которые складывались при дворе вокруг членов королевской семьи и принцев крови, влиятельных аристократов и министров. Современники называли их по-разному: кликами, кружками, фракциями или партиями (*cabales, coteries, factions, partis*). Придворные интриги, личные, семейные связи вельмож и их клиентелы стали полноправными сюжетами монографий о практике государственного управления во Франции XVIII в. и о попытках реформирования монархии в последние десятилетия перед революцией⁴⁷. Писать о придворных партиях в работах, посвященных истории Старого порядка, становится столь же естественным, как и о современных политических партиях – в книгах по новейшей истории. Так, этой проблематике уделено большое внимание в монографиях Эмманюэля Ле Руа Ладюри о дворе Людовика XIV и Бернара Урса о дворе Людовика XV⁴⁸.

В литературе не раз высказывалось мнение, что противоборство влиятельных придворных группировок, то отходившее на второй план, то разгоравшееся с новой силой, в конечном счете немало способствовало кризису и падению Старого порядка⁴⁹. При всей зыбкости и изменчивости состава придворных партий историки считают возможным говорить об относительной стабильности их общей конфигурации начиная с середины XVIII в., когда изменился социальный состав французской политической элиты. Прежде долгое время министерские должности во Франции занимали «люди мантии». Однако с 1750-х-1760-х гг. министерства стали возглавлять представители придворной и военной аристократии. По мнению американского историка Джулиана Сванна, их назначение на высшие государственные должности сыграло роковую роль в истории французской монархии, так как не склонные к экономии министры-аристократы, как правило, оказывались во главе внешнеполитического, военного и морского ведомств, которые поглощали львиную долю государственного бюджета. Кроме того, эти люди

⁴⁶ Впервые опубликовано: Одиссей: Человек в истории. 2004. М.: Наука, 2004.

⁴⁷ См., например, Hardman J. Louis XVI. New Haven, London: Yale University Press, 1993; Idem. French Politics, 1774-1789: From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. London: Longman, 1995; Price M. Preserving the Monarchy: The Comte de Vergennes, 1774-1787. N. Y.: Cambridge University Press, 1995. На примере обобщающих работ особенно хорошо видно, как изменились представления историков о роли придворных группировок. В классическом труде Ролана Мунье о политических институтах абсолютной монархии они вообще не рассматривались, там речь шла лишь об административном аппарате (Mousnier R. Les Institutions de la France sous la monarchie absolue (1598-1789). Paris: PUF, 1974-1975. 2 vol.). В опубликованном спустя двадцать лет томе под редакцией Вольфганга Райнхарда королевский двор уже фигурирует в числе институтов центральной власти и отдельная глава посвящена клиентелизму и его роли в функционировании государства нового времени (Power Elites and State Building / ed. by W. Reinhard. Oxford: Clarendon Press, 1996).

⁴⁸ Le Roy Ladurie E. Saint-Simon ou le système de la Cour. Paris: Fayard, 1997; Hours B. Louis XV et sa cour: Le roi, l'étiquette et le courtisan. Essai historique. Paris: PUF, 2002.

⁴⁹ См., например, Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Спб.: Алетейя, 2003. С. 75-79, 90-94. Разумеется, сеговования автора по поводу невнимания историков к придворным фракциям в настоящее время можно считать устаревшими (в оригинале работа британского историка была опубликована в 1992 г.) и все те исследования, на которые он ссылается как на неопубликованные докторские диссертации, за последние десять лет уже были изданы.

препятствовали сокращению других статей расходов, не могли согласиться на увеличение налогообложения привилегированных и блокировали все попытки серьезных финансовых реформ, так что, «предоставив грандам возможность получить контроль над такими должностями, Людовик XV невольно подписал смертный приговор французскому абсолютизму»⁵⁰. Выводы Сванна основаны на изучении противостояния между занимавшим в 1750-е-1760-е гг. ряд министерских постов Этьеном-Франсуа, герцогом де Шуазёлем и его соперниками, и распространять их на историю следующих десятилетий можно лишь как гипотезу. Вместе с тем, при чтении ряда работ создается впечатление, что в середине XVIII в. во Франции сложилась своего рода «двухпартийная система» и противостояние шуазелистов и антишуазелистов нашло продолжение в борьбе фракций при дворе Людовика XVI⁵¹.

Специальных исследований, посвященных фракциям при дворе Людовика XVI, не было, хотя эта тема затрагивалась в работах по политической истории и в биографиях государственных деятелей того времени⁵². Поскольку придворные группировки не были никак институционально оформлены, все сведения о них историки находят преимущественно в источниках личного происхождения. Так, упомянутая монография Ле Руа Ладюри основана на мемуарах герцога де Сен-Симона⁵³, а книга Урса в той ее части, где речь идет о взаимоотношениях придворных фракций, - на дневниках маркиза д'Аржансона⁵⁴.

За сведениями о фракциях при дворе Людовика XVI историки обычно обращаются к мемуарам и дневникам придворных аристократов, министров, чиновников и лиц из их окружения, литературным корреспонденциям, дипломатическим донесениям, из которых чаще всего использовались письма императорского посла при французском дворе Флоримона-Клода де Мерси-Аржанто⁵⁵. Читателю данного очерка предлагается посмотреть, какое отражение нашла борьба фракций при дворе Людовика XVI в русской дипломатической корреспонденции: в депешах из Парижа полномочного министра князя И.С. Барятинского и поверенного в делах Н.К. Хотинского вице-канцлеру графу И.А. Остерману и первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину⁵⁶. По сравнению с перепиской Мерси-Аржанто эта корреспонденция содержит в целом меньше информации о придворных партиях: посол императора сам активно участвовал в придворных интригах, пытаясь руководить поведением королевы Марии-Антуанетты, тогда как русские дипломатические представители не были столь близки к

⁵⁰ Swann J. *Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774*. N. Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 50.

⁵¹ Swann J. *Op. cit.*; Hardman J. *Louis XVI*; Idem. *French Politics*; Price M. *Op. cit.* Особенно четко эта преемственность прослеживается в работе Манро Прайса, который ведет отчет противостоянию двух группировок с самого начала царствования Людовика XVI; в отличие от него Джон Хардман говорит о расколе среди министров на две партии лишь после смерти графа де Морепа в 1781 г.

⁵² Исключение составляет диссертация Р. Брауна (Browne R.A.W. *Court and crown: rivalry at the court of Louis XVI and its importance in the formation of a pre-revolutionary opposition*. University of Oxford, 1991).

⁵³ Le Roy Ladurie E. *Op. cit.*

⁵⁴ Hours B. *Op. cit.*

⁵⁵ *Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette / publ. par A. d'Arneht et M.A. Geffroy. 3 vol. Paris, 1874-1875; Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz / publ. par A. d'Arneht et J. Flammermont. 2 vol. Paris: Hachette, 1889-1891.*

⁵⁶ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 93. Опись 6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. В дальнейшем при цитировании архивных документов будут указываться только дата отправления депеши, номер и листы дела.

королевскому окружению и зачастую передавали сведения, полученные из вторых рук. Но подобная отстраненность имеет и свои преимущества. Прекрасно обо всем осведомленный Мерси-Аржанто говорит неизменно от первого лица, излагает свою личную точку зрения и дает личную оценку тому или иному персонажу или событию. Он вполне мог бы сказать о себе словами известного литературного героя: «Знай же, что я изображаю их, быть может, не такими, какие они есть на самом деле, а какими они мне представляются»⁵⁷. Русские дипломаты, скорее, должны были бы сказать: «Мы изображаем их, какими они представляются здесь окружающим». Им в меньшей степени известны обстоятельства жизни французского двора и тонкости взаимоотношений между придворными аристократами и министрами, поэтому они вынуждены быть внимательнее к ведущимся в обществе разговорам и циркулирующим там слухам. О своих источниках информации они, естественно, ничего определенного не сообщают, ограничиваясь отсылками двоякого рода. Либо их сведения получены от неких надежных, компетентных и беспристрастных лиц (в качестве источников информации упоминаются «люди кажется основательные и большею частью беспристрастные и могущие довольно знать внутренность придворную», «люди достойные вероятия», «знающие люди», «надежной человек», «человек, которому очень можно быть сведому» и т.д.⁵⁸). Либо они ссылаются на мнение «публики». Если какие-либо из сообщенных слухов в дальнейшем не подтверждались, то в очередных депешах следовало их уточнение или опровержение. Эта корреспонденция, таким образом, содержит сведения как о поступках и намерениях министров и лидеров придворных партий, так и об их репутациях и в большей мере, нежели письма Мерси-Аржанто, позволяет судить об умонастроениях и толках в придворном обществе.

Мы рассмотрим не всё правление Людовика XVI, а лишь первую его половину с 1774 до начала 1780-х гг. Определенную завершенность этому периоду придает фигура наставника короля Жана-Фредерика Фелипо, графа де Морепе, до самой своей смерти в 1781 г. в значительной мере определявшего подбор людей на высшие государственные посты, расстановку сил в правительстве и его политику. Также на эти годы приходится две важнейшие попытки реформ, предпринятые Анн-Робером-Жаком Тюрго и Жаком Неккером, и интерес представляет проследить реакцию на них со стороны придворных группировок.

* * *

После того как в мае 1774 г. на престол взошел Людовик XVI, расстановка сил при французском дворе определялась двумя факторами: во-первых, развернувшейся борьбой за влияние на молодого и неопытного короля; во-вторых, оппозицией между сторонниками и противниками проводившейся в последние годы правления Людовика XV парламентской реформы канцлера Рене-Николя-Шарля-Огюстена де Мопу⁵⁹. Причем поначалу первый фактор, если судить по депешам князя Барятинского, имел большее значение, чем второй. Кто будет руководить королем – вопрос первостепенной важности,

⁵⁷ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Часть 2. Письмо XXI.

⁵⁸ См., напр., депеши от 22 мая (2 июня) 1776 г., 26 марта (6 апреля), 25 июня (6 июля), 3 (14) августа 1777 г., 9 (20) октября 1780 г. // Дело 312. Л. 116 об.; Дело 323. Л. 76, 178; Дело 324. Л. 4; Дело 355. Л. 82. Здесь и далее при цитировании сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

⁵⁹ О реформе Мопу и спорах вокруг нее см.: Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les parlements. Paris, 1885; Bloch A. Maupeou, ses tribunaux, ses réformes. Paris, 1887; Echeverria D. The Maupeou revolution. A study in the history of libertarianism, France, 1770-1774. London, 1985.

ибо «примечаемая в короле неосновательность мыслей и переменчивость намерений не малое в публике причиняет беспокойствие и опасение. Ни кто не знает на кого полагаются, чему верить и чего ожидать. [...] Словом, весь двор упражнен теперь междуусобными, так сказать, интригами, и каждой старается составить партию и вредить противной стороне, почему и ожидают великих и странных каких либо перемен»⁶⁰. Конфигурация придворных партий, сложившаяся в первые месяцы царствования Людовика XVI, выглядит в изображении русского дипломата многогранной и неустойчивой ввиду того, что претендентов на руководящую роль при короле оказалось несколько и исход их противоборства был неясен (см. схему 1).

Отправленный в отставку в 1770 г. герцог де Шуазель не терял надежды вновь вернуться к власти. Он особенно рассчитывал на поддержку со стороны королевы Марии-Антуанетты, а та не скрывала симпатии к человеку, который был известным сторонником франко-австрийского союза и в свое время, находясь во главе внешнеполитического ведомства, устроил ее брак с наследником французского престола. Так что Шуазель полагал «втереться в прежнее его место» или даже стать первым министром «тем паче, что он имеет здесь великую партию ему преданных, и королева отзывается, что он причиною щастия ея, и что она должна ему признательностию»⁶¹. При дворе говорили, что «сверх персональной милости Королевиной к Шоазелю понуждает якобы ее к тому посол Граф Мерси, которому будто бы дана инструкция от Императрицы Королевы⁶² употребить все меры для возвращения к делам Дюка Шоазеля»⁶³.

Нейтрализовать влияние королевы и дискредитировать ее в глазах супруга стремились тетки короля Аделаида, Виктория, София и кармелитка Мадам Луиза. Барятинский сообщает о письме Мадам Аделаиды к королю, в котором она убеждала племянника не следовать советам супруги, так как та, во-первых, слишком молода, а во-вторых, «она всегда более предана австрийскому нежели французскому двору, которых интересы совсем противны».

Составить конкуренцию королеве пытались и принцы крови: братья короля граф Прованский и граф д'Артуа, герцог Орлеанский и его сын герцог Шартрский, принцы Конде и Конти. Но их попытки не увенчались успехом. «Его Величество, при вступлении на престол, намерен был дозволить Графу Прованскому заседать в советах статском и de Dérèches; однако, говорят, что Королева не допустила его то исполнить. Многими уже опытами доказано, что Ея Величество имеет великую инфлюенцию во всех королевских поступках»⁶⁴, - сообщал Барятинский. В отличие от королевских тетушек принцы крови не составляли единой группировки. Каждый вел свою игру, хотя в ряде случаев они могли объединяться в оппозиции королеве или министрам короля. Особенно в депешах акцентируется враждебность между герцогом Орлеанским, наставником короля графом Морепа и канцлером Мопу⁶⁵.

⁶⁰ Депеша от 1 (12) июня и 13 (24) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 1-1 об., 64 об.

⁶¹ Депеша от 1 (12) июня 1774 г. // Дело 292. Л. 2-2 об.

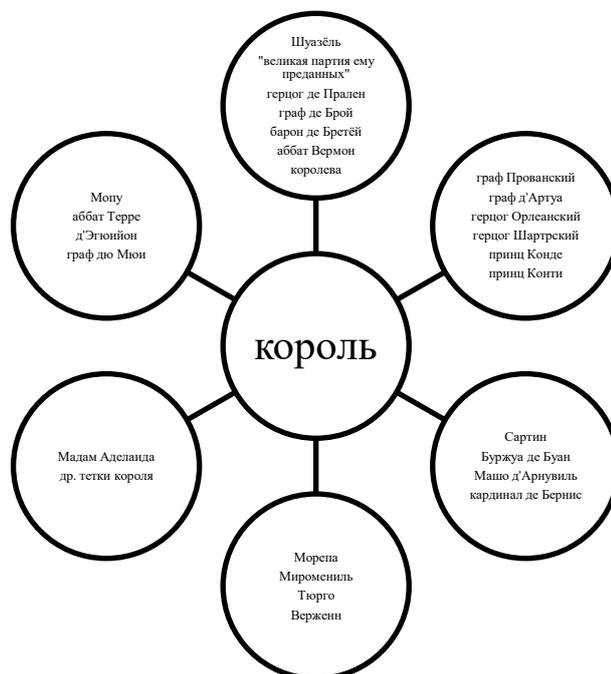
⁶² Марии-Терезии Австрийской, матери Марии-Антуанетты.

⁶³ Депеша от 11 (22) июня 1775 г. // Дело 303. Л. 5 об.

⁶⁴ Депеша от 3 (14) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 41-41 об.

⁶⁵ См., напр., депешу от 21 (10) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 59-60.

Схема 1. Соперничество придворных группировок за влияние на короля (по депешам князя И.С. Барятинского. Июнь-июль 1774 г.)

Министры прежнего короля, особенно автор парламентской реформы канцлер Мопу, в первые месяцы царствования Людовика XVI по-прежнему сохраняли влияние. Опала Мопу в августе 1774 г. по русским дипломатическим депешам ни в коем случае не выглядит изначально predetermined. Напротив, в них не раз сообщается о благосклонности короля к канцлеру и об умелых интригах последнего против принцев крови⁶⁶.

Граф де Морепя выдвинулся в качестве крупной политической фигуры в самом начале царствования. Занимавший в первой половине XVIII в. посты государственного секретаря королевского дома и флота, а затем попавший в опалу в результате ссоры с маркизой де Помпадур, в 1774 г. семидесятитрехлетний Морепя был возвращен Людовиком XVI из долгой ссылки, стал наставником молодого короля и фактически исполнял обязанности главного министра, хотя формально так и не получил этого поста. Родственные узы тесно связывали его с врагами Шуазёля из числа прежних министров Людовика XV: его жена и одновременно кузина приходилась сестрой государственному секретарю королевского дома Луи Фелипо, графу де Сен-Флорантену и теткой государственному секретарю иностранных дел Эмманюэлю-Арману, герцогу д'Эгюйону. Возвышение Морепя произошло по инициативе д'Эгюйона и другого их родственника, герцога де Ришельё, при посредничестве Мадам Аделанды⁶⁷. В донесениях русских дипломатов речь неоднократно заходит о соперничестве Морепя как с королевой, так и с принцами крови⁶⁸. Называются имена министров, обязанных ему своим назначением и потому рассматриваемых как его люди в правительстве. Последнее не исключало

⁶⁶ См., напр., депеши от 6 (17) и 10 (21) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 50-51, 59-60.

⁶⁷ Montbarrey A.-M.-L. de. Mémoires du prince de Montbarey. 3 vol. Paris, 1826-1827. Т. 2. Р. 92-93.

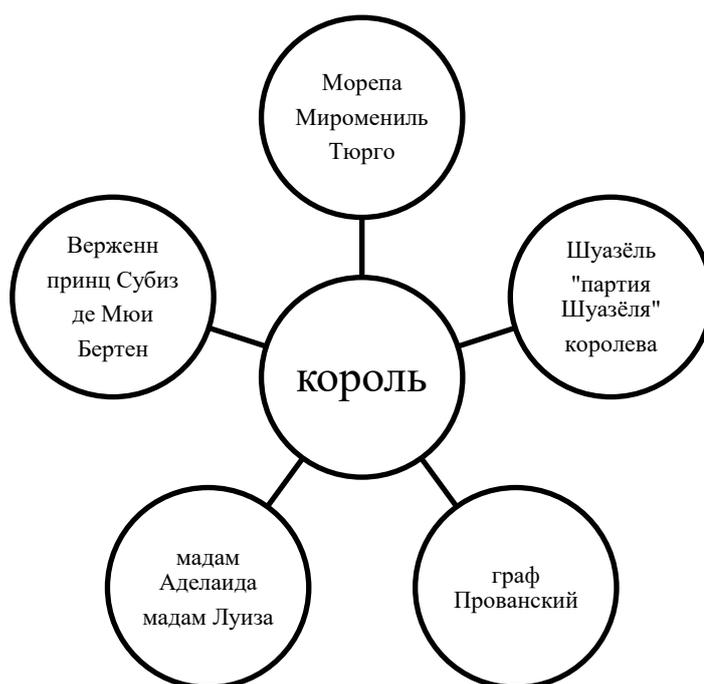
⁶⁸ См., напр., депешу от 10 (21) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 59-60.

натянутых отношений и конфликтов между Морепа и некоторыми из его ставленников, например государственным секретарем иностранных дел Шарлем Гравье, графом де Верженном, который начинал проявлять независимость⁶⁹.

Наконец, для полноты картины в депешах упоминаются не примыкавшие ни к каким группировкам сменившие друг друга морские министры Пьер-Этьен Буржуа де Буан и Антуан-Реймон-Жан-Гальбер-Габриэль Сартин, а также рассматривавшиеся в качестве возможных кандидатов на министерские посты Жан-Батист де Машо д'Арнувиль и кардинал Франсуа-Жоаким де Бернис.

Вскоре эта конфигурация изменилась (см. схему 2). Влиятельные некогда министры Людовика XV⁷⁰ ушли в отставку. Испортились отношения между Морепа и его бывшим протеже Верженном. По словам Барятинского, «холодность между графом Морепа и Верженом весьма приметна», Морепа уже стремится добиться от короля отставки Верженна и препятствует представлению его жены ко двору, а Верженн больше не ходит к Морепа обсуждать дела своего департамента⁷¹. Личное соперничество между двумя министрами обострилось в тот момент их серьезными политическими разногласиями.

Схема 2. Споры о старом и новом парламенте (по депешам князя И.С. Барятинского. Сентябрь-октябрь 1774 г.)

В центре дискуссий этого времени стоял вопрос о судьбе парламентской реформы опального уже канцлера Мопу. Споры между противниками реформы, требовавшими восстановления Парижского парламента в его прежнем виде, с одной стороны, и ее сторонниками, предлагавшими сохранить новый парламента, созданный Мопу, - с другой,

⁶⁹ См. депешу от 4 августа (24 июля) 1774 г. // Дело 292. Л. 72-73.

⁷⁰ В июне 1774 г. ушел в отставку государственный секретарь иностранных дел герцог д'Эгюйон, а в августе того же года были отстранены от дел канцлер Мопу и генеральный контролер финансов аббат Терре.

⁷¹ См. депешы 5 (16) сентября и 9 (20) октября 1774 г. // Дело 293. Л. 35-36, 37 об.

привели к образованию иной конфигурации партий при дворе и в министерстве. По словам Барятинского, «Граф Морепа, Хранитель Печатей Миромени и Генерал контролер Тюрго, стараются о возвращении старого парламента; а Принц Субиз, Вержен, Де Муи, и Бертен⁷² защищают новой. Сии последние предупредили склонить на свою сторону также Графа Прованскаго и Мадам Аделаиду, коих обеих король более всех любит из своей фамилии. Сверх того все они имеют весьма много им преданных (...) но (...) Граф Морепа, Миромени, и Тюрго имеют великой у короля кредит»⁷³. Впрочем, на основании этого говорить о четкой поляризации сил нельзя, так как Барятинский здесь не пишет ни о позиции партии Шуазёля и королевы, ни о других принцах крови, за исключением графа Прованскаго. Как известно, и Шуазель и принцы крови были противниками реформы Мопу и неизменно настаивали на возвращении старого парламента⁷⁴. Возможно, они не упомянуты ввиду того, что несмотря на близость позиций в этом вопросе они ни в коем случае не могли считаться сторонниками Морепа.

Явным успехом королевы в данный момент стало то, что король недвусмысленно выразил тетушкам свое неудовольствие по поводу их вмешательства в государственные дела. По словам Барятинского, «несколько тому уже времени как слух здесь носился, якобы Король приказал объявить Мадам Луизе, дабы она ни кого из министров к себе не принимала, также и Мадам Аделаиде, чтоб и она ни в каких политических делах не вмешивалась»⁷⁵. Тем не менее сообщения об их прямом вмешательстве не прекращаются по меньшей мере до 1775 г. включительно, а впоследствии они продолжали оказывать косвенное влияние и поддерживали при дворе настроения, враждебные королеве.

Милость королевы к Шуазёлю неизменна, «партия его здесь состоит в великом числе, и по большей части из лучших людей во всяком состоянии», он не оставляет надежды вернуться в правительство, чем вызывает немалое беспокойство партии Морепа⁷⁶. Примечательно, что здесь Барятинский впервые пишет именно о «партии графа Морепа» и о ее противостоянии при дворе партии Шуазёля.

За непосредственное влияние на короля и управление делами государства теперь с переменным успехом соперничают Морепа и королева. Их отношения обострились настолько, что королева, по словам Барятинского, уже «ненавидит» Морепа⁷⁷, хотя время от времени между ними наступает примирение. Сближению королевы с Морепа способствует ее подруга мадам де Полиньяк, которая, по словам Барятинского, «Графу Морепа весьма предана»⁷⁸. Само по себе это замечание не должно вызывать удивления, ведь мадам де Полиньяк приходилась Морепа племянницей. Оно однако заслуживает внимания из-за существующего в историографии мнения о том, что эта дама фактически являлась агентом Морепа в ближайшем окружении королевы и, следуя его инструкциям, всячески поддерживала страсть Марии-Антуанетты к развлечениям и препятствовала тем

⁷² Арман-Тома Ю де Миромениль – хранитель печатей (1774-1787); Шарль де Роган, принц де Субиз – маршал Франции и государственный министр, член королевского совета; Шарль Гравье, граф де Верженн – государственный секретарь иностранных дел (1774-1787); Луи-Никола-Виктор де Феликс д'Ольер, граф дю Мюи – военный государственный секретарь (1774-1775); Анри-Леонар-Жан-Батист де Бертен – государственный секретарь «без портфеля» (1763-1780).

⁷³ Дешеша от 12 (23) октября 1774 г. // Дело 293. Л. 41-41 об.

⁷⁴ Дешеша от 27 июня (7 июля) и 29 июня (10 июля) 1774 г. // Дело 292. Л. 34, 37-37 об.

⁷⁵ Дешеша от 8 (17) сентября 1774 г. // Дело 293. Л. 7.

⁷⁶ Дешеша от 11 (22) декабря 1774 г. // Дело 293. Л. 82 об.-84.

⁷⁷ Дешеша от 24 мая (4 июня) 1775 г. // Дело 302. Л. 153 об.

⁷⁸ Дешеша от 17 (28) сентября 1775 г. // Дело 303. Л. 94 об.

самым росту ее политического влияния, которого добивались австрийский посол Мерси-Аржанто и духовник королевы аббат Вермон⁷⁹. Замечание Бяратинского свидетельствует о том, что такое мнение существовало и при дворе, хотя и нельзя с полной уверенностью сказать, насколько оно соответствовало действительному положению дел.

Королева и Морепа могли объединяться ради достижения общих целей. Так, именно они, по всей видимости, окончательно убедили короля отменить реформу Мопу и восстановить старый Парижский парламент в ноябре 1774 г. После этого на первый план выдвинулся вопрос о реформах, проводившихся генеральным контролером финансов Тюрго. По мере активизации Тюрго «умножается несогласие» между ним и Морепа, которое в изображении русского дипломата выглядит не только личным соперничеством двух влиятельных министров, но и принципиальным их расхождением из-за «системы» Тюрго⁸⁰. В то же время, наладились отношения между Морепа и Верженном⁸¹ (см. схему 3).

Противниками Тюрго Бяратинский называл откупщиков, недовольных его намерением изменить систему сбора налогов, а также знать, духовенство и теток короля: «Все вооружены против него, с генеральными откупщиками знатное дворянство по союзам браков, а духовенство, по помянутой инструкции, которую он сочинял с архиепископом Тулуским⁸², даже до того, что заподлинно уверяют, что и тетки Его Величества помогают противной стороне Генерал Контролера: по той причине что и они в откупках якобы участвуют»⁸³. Сообщая о выступлениях принца Конти, принца Конде и герцога де Бурбона в Парижском парламенте против политики Тюрго, Бяратинский также указывает на их связи с финансистами. В защиту Тюрго в парламенте тогда голос подал лишь его друг, известный либерал и филантроп герцог де Ларошфуко⁸⁴.

В целом же, описывая историю реформ Тюрго, Бяратинский уделяет придворным интригам и личному соперничеству не меньшее внимание, чем изложению самих проектов министра-реформатора и восприятию их разными слоями французского общества. Отставка Тюрго выглядит в конечном счете результатом разногласий не столько принципиального, сколько личного порядка: министр из-за дурного характера восстановил против себя всех влиятельных особ, включая самого короля. Так что «причины его отставки, причитают многия, суровость его нрава, спесивой всем прием, и безпримерное самолюбие, даже до того, что некоторые из его подчиненных, коих он протезировал, обличены были в лихоимстве, и Король имел в своих руках письменныя на то доказательства, приказал их отрешить от их мест, но Тюрго в том упорствовал, представляя, что он не может ошибиться в выборе людей, коих он протезирует». Королю каждый день кто-нибудь что-нибудь докладывал против Тюрго, и в конце концов генеральный контролер сделался ему в тягость. При этом Морепа и королева, сговорившись, укрепляли короля в его все более негативном отношении к министру, результатом чего и явилась отставка⁸⁵.

⁷⁹ Hardman J. Louis XVI. P. 54-56. С мнением Хардмана полемизирует М. Прайс. См.: Price M. Op. cit. P. 29.

⁸⁰ Дешети от 7 (19) февраля и 10 (21) мая 1775 г. // Дело 302. Л. 43 об.-44, 145 об.-146.

⁸¹ См., напр., депешу от 3 (14) сентября 1775 г. // Дело 303. Л. 74 об.-75.

⁸² Речь идет об адресованной всем приходским кюре инструкции, в которой объяснялось, как им следует вести себя в условиях вызванных дороговизной хлеба народных волнений (так называемой «мучной войны»). Французский епископат воспринял ее как вмешательство во внутренние дела Церкви.

⁸³ Дешета от 7 (18) мая 1775 г. // Дело 302. Л. 143 об.-144.

⁸⁴ Дешета от 24 января (4 февраля) 1776 г. // Дело 312. Л. 27-28 об.

⁸⁵ Дешета от 5 (16) мая 1776 г. // Дело 312. Л. 96 об.-102.

Схема 3. Реформы Тюрго: за и против (по депешам князя И.С. Барятинского. Январь-февраль 1776 г.)

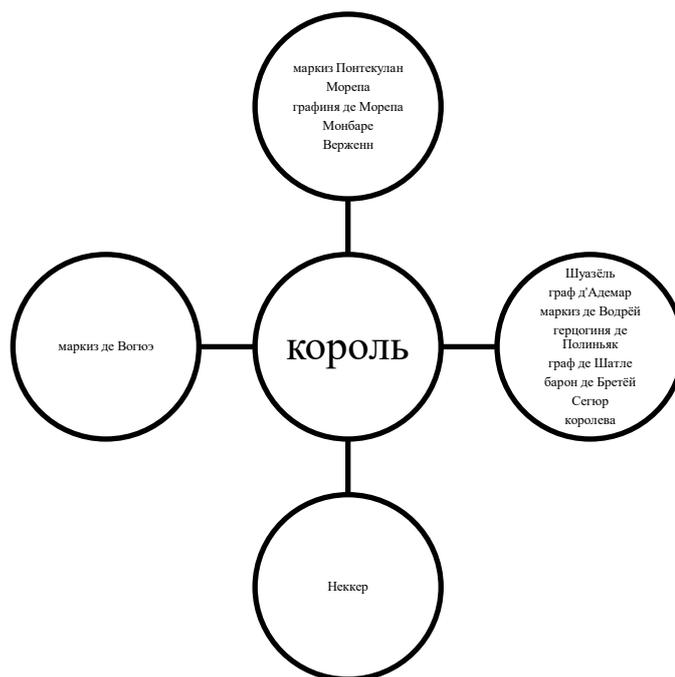
Назначенный в июне 1777 г. на пост генерального директора финансов Жак Неккер поначалу, как и Тюрго, предстает человеком Морепа⁸⁶, но такое положение сохраняется недолго (см. схему 4). Новая расстановка сил, сложившаяся к концу 1780 г., характеризуется тем, что протостояние королевы и Морепа обостряется и затмевает собой все остальные конфликты при дворе, - о других группировках в этот период русский поверенный в делах Хотинский ничего не пишет. Истоки противостояния при дворе Людовика XVI в это время русский дипломат усматривает в старом соперничестве партий Шуазёля и д'Эгюйона при дворе Людовика XV. Вот что он пишет по поводу назначения военным государственным секретарем Анри-Филиппа, маркиза де Сегюра: «... Но дело было ныне в том, что б назначить кого бы то ни было, лишь бы только не избранного Графом Морепою, дабы безпрестанно ему переча, наконец отогнать его тем от места своего, и истребить удалением его дух де Гилионовой партии, которую особливо Королева ненавидит, памятуя дюка де Гилиона⁸⁷ и его сообщников во свое время Графини Дюбари преданность к себе же наглое их поведение. Предъполагая таким образом, что Графа Морепу скоро с места выживут, ожидают, что немедленно потом, и Граф Вержен свое покинет, недожидая себе отпуску»⁸⁸.

⁸⁶ Депеша от 3 (14) августа 1777 г. // Дело 324. Л. 4.

⁸⁷ Герцога д'Эгюйона.

⁸⁸ Депеша от 13 (24) декабря 1780 г. // Дело 355. Л. 227 (об.)-228.

Схема 4. Поляризация группировок и усиление влияния королевы (по депешам Н.К. Хотинского. Ноябрь-декабрь 1780 г.)

Партия Шуазёля неизменно предстает в депешах русских дипломатов мощной группой давления, действующей при посредничестве королевы и все еще рассчитывающей вернуть к власти своего лидера. Идет ли речь о придворных интригах или о назначениях на министерские посты, - на заднем плане всякий раз появляется тень Шуазёля. Дипломаты не забывают сообщить о каждом приезде опального министра в Париж, о его встречах с королевой и с братом короля графом д'Артуа, о сходстве позиций или разногласиях с принцами крови, о слухах относительно его возможного возвращения в министерство и пресpekтивах занять место Морепа, о его отношении к вновь назначаемым министрам⁸⁹.

Генеральный директор финансов реформатор Неккер занимает в обрисованной конфигурации придворных партий несколько двусмысленное положение. С одной стороны, несмотря на свои многочисленные связи в аристократических и министерских кругах он предстает человеком вне партий. В 1780 г. Барятинский, восхищаясь смелыми и независимыми действиями Неккера, объясняет успех его политики, наряду с другими причинами, также и тем, что «он своим местом никому не одолжен», ни «знатным большим господам», ни «капиталистам»⁹⁰. С другой стороны, русские дипломаты не раз сообщают о близких отношениях Неккера с кругом придворной аристократии, особенно с назначенным на министерский пост Шарлем-Эженом-Габриэлем, маркизом де Кастром, а также о протекции, которую оказывала генеральному директору финансов Мария-

⁸⁹ См., напр., депеши от 7 (18) февраля, 18 февраля (1 марта), 22 мая (2 июня), 27 октября (7 ноября) 1776 г., 27 апреля (8 мая), 11 (22) мая, 24 августа (4 сентября) 1777 г., 7 (18) июня 1778 г., 19 (30) мая, 8 (19) и 15 (26) декабря 1779 г., 26 декабря 1779 г. (6 января 1780 г.), 9 (20) октября, 13 (24) декабря 1780 г. // Дело 312. Л. 37-38, 44 об.-45, 116, 226; дело 323. Л. 111 об.-112, 127-127 об.; дело 324. Л. 31 об.-32; дело 333. Л. 152 об.-153 об.; дело 343. Л. 207-207 об.; дело 344. Л. 155-158, 177, 181; дело 355. Л. 82-84, 227-227 об.

⁹⁰ Делеша от 23 января (3 февраля) 1780 г. // Дело 354. Л. 14 об.

Антуанетта⁹¹. Хотинский передает ходившие в обществе слухи о связях Неккера с Полиньяками, в частности, о драгоценном уборе стоимостью триста тысяч ливров, преподнесенном в подарок генеральным директором финансов герцогине де Полиньяк, с тем чтобы она убедила королеву лишней раз похлопотать в пользу Неккера⁹².

Человеком вне всяких партий зачастую изображается и граф де Верженн, который, по словам Хотинского «идучи прямою дорогою неимеет ни каких интриг и держится одного Графа Морепа»⁹³. Приписываемая тому или иному министру – то Неккеру, то Верженну – непринадлежность к фракциям характеризует его безусловно с положительной стороны и служит созданию образа честного человека, чуждого придворным интригам. По словам Барятинского, «к Графу Вержену и Неккеру вся публика без изъятия имеет почтение уважение и обеих каждого в своем месте почитает людьми великими. Приватное же житие обеих сих Министров, есть конечно примерное»⁹⁴.

У Неккера, как видно, было меньше врагов при дворе, чем у Тюрго (см. схемы 3 и 4), и больше влиятельных друзей. Кроме того, он заслужил прекрасную репутацию и популярность в обществе. Но несмотря на все это в мае 1781 г. Неккер подвергся опале, которая в изображении Хотинского выглядит, главным образом, результатом парламентской оппозиции его политике и умелых интриг Морепа, сумевшего внушить королю, что проводимые реформы чреваты серьезными потрясениями⁹⁵.

В отличие от Неккера, Верженн сохранил доверие короля и даже упрочил свое положение после смерти графа де Морепа в ноябре 1781 г. Как же повлияло исчезновение столь крупной фигуры на общую расстановку сил? Историки, описывая ситуацию при дворе и в министерстве, сложившуюся после смерти Морепа, обычно основываются на одном фрагменте из записок генерального заместителя парижской полиции Жана-Шарля Пьера Лемуара, опубликованном Р. Дарнтоном⁹⁶.

Рассказывая о новых регламентах относительно издательского дела, принятых по инициативе хранителя печатей Миромениля в конце 1781 г., и о вызванных этими мерами разногласиях в правительстве, Лемуар отметил: «Тогда открыто нападали на его законодательство и принципы. По этой и по другим причинам произошел раскол между всеми министрами: одни, и в частности г-н де Верженн, присоединились к хранителю печатей и образовали партию, которую называли партией Короля. Другие, прежде всего

⁹¹ По словам анонимного автора одной «Секретной корреспонденции», «г-н Неккер покинул партию Морепа, очевидно ослабленную недугом ее главы, и стал самой надежной опорой противоположной партии. Возобновив прежнюю дружбу с герцогом де Ш. ... , директор финансов заручился явной протекцией королевы, первым результатом чего явилось возвышение маркиза де Кастра» (*Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792 publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg / par M. de Lescure*. Т. 1. Paris: Plon, 1866. P. 347-348).

⁹² Дешеша от 9 (20) мая 1781 г. // Дело 368. Л. 17. Имперский посол Мерси-Аржанто также считал, что Неккер лишь демонстрировал свое возмущение чрезмерными королевскими милостями, расточаемыми в пользу Полиньяков, тогда как в действительности между ним и Полиньяками не было никакой вражды, и как только у них возникала необходимость завязать общую интригу, обе стороны легко находили общий язык и действовали заодно, как это было в случае с назначением де Кастра в государственный секретариат флота (*Mercy à Marie-Thérèse, le 18 novembre 1780 // Marie-Antoinette: Correspondance secrète*. Т. 3. P. 488-490).

⁹³ Дешеша от 13 (24) декабря 1780 г. // Дело 355. Л. 228.

⁹⁴ Дешеша от 26 декабря 1779 (6 января 1780) г. // Дело 344. Л. 182 об.

⁹⁵ См., напр., дешешу от 13 (24) мая 1781 г. // Дело 368. Л. 25-25 об.

⁹⁶ Darnton R. *The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // English Historical Review*. Vol. 85. № 336. P. 532-559.

гг. де Сегюр и де Бретей, принадлежали, как считалось, к партии Королевы»⁹⁷. Известные факты дальнейшей внутривластной истории Франции вплоть до предреволюционного кризиса – дело об ожерелье королевы 1785-1786 гг.⁹⁸, план реформ генерального контролера финансов Шарля-Александра де Калонна и оппозиция ему со стороны де Бретей и в собрании нотаблей в 1787 г. – легко вписываются в схему, начертанную Лемуаром, так как в ходе всех этих событий обнаруживался тот же раскол в правительстве на две соперничающие фракции.

В русских дипломатических депешах нет такой четкой схемы противостояния в министерстве, как у Лемуара. Термины «партия короля» и «партия королевы» там тоже не встречаются. Стоит заметить, что само слово «партия», как утверждают исследователи, в языке XVIII в. имело негативный, осуждающий оттенок. Его употребление указывало на разделение (*partage*) двора и королевства на противоборствующие силы, так что партия воспринималась как фактор раскола⁹⁹. Полностью согласный с этим Урс в монографии о дворе Людовика XV пишет по поводу использованных им дневников герцога де Крои, что термина «партия» герцог не употребляет: «В его лексиконе этот термин отсутствует, может быть, потому что от его взгляда ускользает соответствующая этому реальность, но главным образом потому что его представление о Дворе исключает понятие фракции как отдельной обособленной корпорации»¹⁰⁰. По этому поводу можно сделать ряд оговорок. Если в дневниках 1740-1750-х гг., с которыми работал Урс, де Крои не употребляет слова «партия», то уже в 1770-е гг. пользуется им постоянно, говоря о соперничестве при дворе двух партий: министров Людовика XV д'Эгюийона, Мопу и Терре, пользовавшихся поддержкой фаворитки короля мадам Дюбарри, с одной стороны, и герцога де Шуазёля, - с другой¹⁰¹. За двадцать лет смысловые оттенки в языке придворного общества вполне могли измениться. В русской дипломатической корреспонденции 1770-х-1780-х гг. термин «партия» тоже употребляется весьма широко применительно к группировкам, к которым авторы депеш относятся в общем вполне нейтрально, во всяком случае без явного осуждения. Вместе с тем, о людях вне партий, как мы видели, там говорится с неизменной симпатией и, разумеется, король и королева не изображаются лидерами придворных партий. Возможно, разница в используемой терминологии обусловлена тем, что записки Лемуара составлялись в самом конце XVIII - начале XIX в. и в них, таким образом, нашли отражение новый политический опыт и язык революции (хотя это лишь предположение, так как сам Лемуар указывает, что названия «партия короля» и «партия королевы» бытовали при дворе в начале 1780-х гг.).

Описанная в русских дипломатических депешах конфигурация партий в общих чертах подобна той, о которой вспоминает Лемуар. Партия Верженна, сменившего Морепана в качестве лидера, противопоставлена партии нового государственного секретаря королевского

⁹⁷ «On combattit alors ouvertement sa législation et ses principes. Cette cause et d'autres encore firent éclater la division entre tous les ministres: les uns, et particulièrement M. de Vergennes, se lièrent avec le Garde des Sceaux, et formèrent un parti qu'on appella le parti du Roi. D'autres, notamment MM. de Ségur et de Breteuil, furent réputés (être) du parti de la Reine» (Darnton R. Op. cit. P. 543).

⁹⁸ Серьезные политические последствия соперничества между Верженном и де Бретейем, проявившегося в ходе этого дела, рассмотрены в публикуемой в этом сборнике статье «Дело об ожерелье Марии Антуанетты».

⁹⁹ Waquet J.-C. *La conjuration des dictionnaires. Vérité des mots et vérités de la politique dans la France moderne*. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2000.

¹⁰⁰ Hours B. Op. cit. P. 251.

¹⁰¹ Croÿ E. de. *Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784 / publ. par vicomte de Grouchy et P. Cottin*. 4 vol. Paris, 1906-1907. T. 2. P. 450.

дома Луи-Шарля-Огюста, барона де Бретёя¹⁰². В депешах этого времени подчеркивается роль придворных партий в отставке Жана-Франсуа Жоли де Флери с поста генерального администратора финансов в марте 1783 г. и в назначении Калонна генеральным контролером финансов в ноябре того же года¹⁰³.

Очевидно, таким образом, что расстановка сил при дворе была нестабильной и как общая конфигурация, так и персональный состав фракций менялись год от года и даже месяц от месяца. Эти трансформации были подчас подобны броуновскому движению, но определенная преемственность обеспечивалась присутствием нескольких лидирующих игроков, таких как Шуазель, королева, Морепа или Верженн. Было бы упрощением сводить все конфликты того времени лишь к противостоянию шуазелистов и их противников. Вместе с тем, в изменении общей конфигурации партий можно проследить тенденцию: от многополюсной в самом начале царствования Людовика XVI она постепенно как будто упрощается и к 1780-м гг. становится биполярной. Соперничество между фракциями Морепа и Верженна, с одной стороны, и королевы и Шуазеля, - с другой, к этому времени превращается в главный нерв жизни двора и министерства. Не была ли такая поляризация одним из факторов, обусловивших остроту конфликта, который возник сначала внутри самой правящей элиты, а затем стал распространяться и на все более широкие слои общества в предреволюционные 1787-1788 гг.?

* * *

Помимо общего представления о преемственности и изменчивости в игре придворных партий дипломатическая корреспонденция дает также материал для размышлений над некоторыми другими спорными вопросами политической истории Франции последних десятилетий Старого порядка, в частности, о влиянии на государственные дела королевы Марии-Антуанетты. В отличие от императорского посла Мерси-Аржанто русские дипломаты не были кровно заинтересованы в том, чтобы усилить это влияние любыми способами, и потому в своих суждениях и оценках на сей счет они не столь пристрастны. Барятинский неоднократно сообщает о росте доверия короля к супруге и о связанных с этим слухах относительно скорой и неминуемой отставки Морепа¹⁰⁴. Однако, в то же время, он пишет о твердом и решительном характере короля, не подверженного никаким влияниям, особенно со стороны королевы: «Люди кажется основательные и большею частью безпристрастные к обеим сторонам и могущие довольно знать внутренность придворную, уверяют, что в публике весьма ошибаются, есть ли думают, что Королева, или Граф Морепа управляют Королем как хотят; Его величество яко бы довольно в своем характере тверд, и нелегко можно переуверить его о вещах, о коих он уже зделал какое либо заключение: и что Королева, особливо по делам, не имеет конечно ни какой инфлюенции; а только приватные милости Король охотно для нее делать изволит»¹⁰⁵.

Если от общих рассуждений перейти к конкретным примерам воздействия королевы на принимаемые королем решения, то они относятся преимущественно к пожалованию придворных почестей и должностей. Так, хлопоты королевы в пользу

¹⁰² См. депеши от 12 (23) февраля, 19 (30) марта, 24 сентября (5 октября), 26 октября (6 ноября) 1783 г. // Дело 396. Л. 75-76 об., 121, 90 об., 109-112 об.

¹⁰³ Дешеши от 19 (30) марта и 5 (16) ноября 1783 г. // Дело 396. Л. 120-121, 115 об.

¹⁰⁴ Дешепа от 24 мая (4 июня) 1775 г. // Дело 302. Л. 153 об.

¹⁰⁵ Дешепа от 22 мая (1 июня) 1776 г. // Дело 312. Л. 116 об.-117.

Шуазёля увенчались тем, что он был возвращен из ссылки и вновь получил почетную привилегию входить в королевские покои (*le droit des grandes entrées*)¹⁰⁶.

Однако ее попытки повлиять на распределение министерских постов далеко не всегда были успешными. Так, неудача постигла королеву во время «мучной войны» 1775 г., когда она предложила королю призвать герцога де Шуазёля в советники, «представляя, что присутствие его может быть полезным как по искусству его в делах, так и по народному к нему уважению. Король якобы отвечал на то королеве с жаром что есть ли она нежелает понести его гнев, то никогда не упоминала бы ему об имени Шоазеля»¹⁰⁷. Фактически в большинстве случаев перевес оставался на стороне Морепа. Его позиции явно слабели лишь, когда из-за болезни он вынужден был временно оставлять дела.

Примеры увенчавшегося успехом влияния королевы на распределение министерских постов относятся к концу 1780 г., когда тяжелый приступ подагры свалил Морепа в постель, и вопреки его желаниям при помощи королевы были произведены новые назначения. Сообщая об обстоятельствах замены Сартина маркизом де Кастром на посту государственного секретаря флота, Хотинский представляет это как дело, задуманное и осуществленное партией Шуазёля, королевой и ее друзьями Полиньяками: «Сие предприятие совершено заговором в котором главное действующее лицо Госпожа Жюль де Полиньяк, взысканная отменною королевиною милостию; другая же из женщин Госпожа Диана де Полиньяк, а из мужчин Господин Деводрель, да Граф Д'адемар с прочими их сообщества особами, преданными домам Орлеанскому и Роганскому; да партии Шоазелевой»¹⁰⁸. Два месяца спустя, говоря о замене принца де Монбаре на посту военного государственного секретаря маркизом де Сегюром (вопреки воле Морепа, прочившего на это место маркиза де Вогюэ), Хотинский вновь подчеркивает роль королевы, которая следовала советам своих друзей. Сообщая детали этого события, он упоминает предшествовавшее ему свидание королевы с Шуазёлем и высказывает предположение о содействии опального министра новому назначению¹⁰⁹. По мнению Хотинского, к тому времени политическое влияние Марии-Антуанетты стало как никогда прежде значительным в силу того, что смерть императрицы Марии-Терезии и, в особенности, беременность королевы вынуждали короля быть по отношению к ней в высшей степени предупредительным и удовлетворять все ее просьбы: «Отставка князя Монбаре и назначение ему преемника, и то и другое последовавшее по воле королевиной, и вопреки мыслей графа Морепа, были уже жертвоприношением горячности королевской к супруге своей. Горячность, которая ныне возрасла до того, что он в королеву влюблен. Из начал в сем роде можно судить о следствиях, которые не иное предвещать могут, как то, что королева, хотя на некоторое время совсем королем управлять будет»¹¹⁰. Правда, предотвратить отставку Неккера в мае 1781 г. королева уже не смогла¹¹¹.

¹⁰⁶ См. об этом депеши от 3 (14), 7 (18) и 11 (22) июня 1775 г. // Дело 303. Л. 1-6.

¹⁰⁷ Дешеши от 10 (21) мая и 11 (22) июня 1775 г. // Дело 302. Л. 146-146 об.; дело 303. Л. 5-6.

¹⁰⁸ Дешеши от 9 (20) октября 1780 г. // Дело 355. Л. 82 об.-83. Другие современники отмечают также активную роль в этом деле генерального директора финансов Неккера, см.: Mercy à Marie-Thérèse, le 18 novembre 1780 // Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. T. 3. P. 488-490; Augéard J.-M. Mémoires secrets de J.M. Augéard, secrétaire des commandements de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). Paris: Plon, 1866. P. 101-102; Georget J.F. Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVIIIe siècle depuis 1760 jusqu'en 1806-1810. 6 vol. Paris, 1817-1820. T. 1. P. 466-467.

¹⁰⁹ См. депеши от 10 (21), 13 (24), 17 (28) и 20 (31) декабря 1780 г. // Дело 355. Л. 219-221 об., 227-228 об., 242-243, 246-246 об.

¹¹⁰ Дешеши от 17 (28) января 1781 г. // Дело 367. Л. 17-17 об. О том же писал в дневнике и герцог Э. де Крои: «Что касается нашего Двора, там полностью господствовала Королева [...]. Итак, она вне всякого сомнения

Сообщения о влиянии королевы на перемещения в министерстве вновь появляются в русских дипломатических депешах после смерти Морепа. Так, при поддержке Марии-Антуанетты был уволен генеральный администратор финансов Жоли де Флэри, отставки которого упорно добивались близкие к королеве министры Сегюр и Кастр¹¹².

Что же касается вмешательства королевы во внешнеполитические дела (а именно этого от нее в первую очередь ждали люди из ее ближнего круга, такие как Мерси-Аржанто, и именно в этом обвиняли противники при дворе), то все ее демарши неизменно терпели крах. Так было, в частности, летом 1778 г., когда по наущению матери-императрицы Мария-Антуанетта старалась обеспечить своему брату Иосифу II французскую поддержку против Пруссии в войне за «баварское наследство». Единственным результатом ее усилий стала гневная отповедь короля послу императора Мерси-Аржанто¹¹³.

Хотинский сообщает еще об одной неудачной попытке королевы вмешаться в политику в интересах венского двора: Мария-Антуанетта с помощью графа д'Адемара написала и передала Верженну записку, в которой предлагала поддержать императора в его намерении изгнать турок из Европы. Когда Верженн показал записку Людовику XVI, тот разгневался на супругу «и попрекал ей что она его государства интересы жертвует братниным»¹¹⁴. Д'Адемар же был немедленно отослан с дипломатической миссией в Брюссель. И в дальнейшем неоднократные старания королевы повлиять на внешнеполитический курс Франции оставались столь же безрезультатными¹¹⁵.

Таким образом, М. Прайс имел основания говорить о превращении королевы во «влиятельную политическую фигуру» как о новой черте, характеризующей ситуацию в Версале во время царствования Людовика XVI, особенно после 1781 г.¹¹⁶ Но это влияние ограничивалось преимущественно сферой распределения пенсий, назначения на придворные и в некоторых случаях также дипломатические, военные и церковные должности, реже – министерские посты, что само по себе уже было немало, однако ее

особенно влияла на выбор министров и высших чинов. [...] Король же казался еще более влюбленным. Говорили еще, что Королева беременна, и влияние ее самой и ее окружения стало беспредельным» (Croÿ E. de. Op. cit. Т. 4. Р. 228). Близкий к Морепа и потому хорошо информированный аббат Вери тоже ставил влияние Марии-Антуанетты на государственные дела в прямую зависимость от перипетий интимной жизни августейшей четы. В июне 1774 г. он записал в дневнике: «Влияние королевы возросло в силу тайного успеха, который начинает у нее иметь ее муж и на который его считали неспособным от природы. Радость от такого успеха и надежда на рождение дофина дают большую власть государыне, чарующей своей естественной грацией» (Veri J.-A. de. Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. Paris, 1928-1930. Т. 1. Р. 110).

¹¹¹ О ее хлопотах в пользу Неккера см.: Correspondance secrète inédite. Т. 1. Р. 397; Mercy à Kaunitz, dépêche d'office du 31 mai 1781 // Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz. Т. 1. Р. 40-42, note 2.

¹¹² Депеша от 19 (30) марта 1783 г. // Дело 396. Л. 120 об.-121. Это противоречит словам герцога де Крои о том, что после смерти Морепа король начал править самостоятельно и попытки оказывать на него влияние при помощи королевы были безрезультатными. «Королева, - пишет де Крои, - по-видимому, как всегда, сильно влияла на раздачу придворных милостей, находившихся в ее ведении, но не более того. [...] Мы заметили, что король воистину радовался, видя, как все интриги поутихли, и что править одному для него оказалось не так трудно, как он думал; мы никогда не видели его таким довольным, решительным и даже бравым» (Croÿ E. de. Op. cit. Т. 4. Р. 240). Вывод де Крои, что несмотря на нежно-предупредительное отношение к супруге, ставшее особенно заметным после рождения дофина в октябре 1781г., король готов был делать ей уступки лишь при назначении на придворные должности, но не терпел вмешательства с ее стороны в государственные дела, был, очевидно, поспешным.

¹¹³ Депеша от 12 (23) июля 1778 г. // Дело 334. Л. 7 об.-9.

¹¹⁴ Депеша от 13 (24) февраля 1782 г. // Дело 382. Л. 67-68.

¹¹⁵ Депеша от 10 (21) и 20 (31) августа 1783 г. // Дело 397. Л. 40, 48.

¹¹⁶ Price M. Op. cit. P. 25.

вмешательство во внешнеполитические дела не достигало цели. Об этом же, кстати, свидетельствуют и постоянные сетования Мерси-Аржанто на то, что королем Франции руководят плохие министры: императорский посол не мог смириться с тем, что Людовик XVI недостаточно, с его точки зрения, прислушивается к советам королевы¹¹⁷.

* * *

Историки по-разному интерпретируют соперничество партий. Одни отрицают наличие в нем какой бы то ни было идеологической составляющей и склонны рассматривать все разногласия по поводу полномочий парламентов, янсенизма или финансовых реформ как ширму, за которой скрывалась борьба личных амбиций и семейных кланов¹¹⁸.

В то же время, некоторые авторы вслед за Норбертом Элиасом обращают внимание на социальные различия при королевском дворе «между группами должностных лиц буржуазного происхождения и группами “дворянства шпаги”»¹¹⁹.

Ги Шоссинан-Ногаре предлагает идеологическую интерпретацию соперничества придворных партий. По его мнению, столкновение между ними было не чем иным, как противоборством «левых» и «правых», прогрессистов и реакционеров, и являло собой прообраз будущей политической борьбы в годы революции¹²⁰.

Какую информацию о мотивах конфликтов между придворными фракциями можно найти в дипломатических депешах? На первый план здесь чаще всего выступает личное соперничество между королевой и тетушками короля, канцлером Мопу и принцами крови, королевой и Морепа, Морепа и Верженном, Морепа и Тюрго, королевой и Тюрго, Морепа и Неккером и т.д.

В то же время, не обойдены вниманием и мотивы, которые можно назвать социальными: оппозиция внутри правящей элиты между дворянством шпаги и дворянством мантии. В самом начале царствования Людовика XVI князь Барятинский отмечал склонность короля назначать на высшие государственные посты дворян мантии и вызванное этим недовольство придворной аристократии: «Сей королевской выбор во все первыя места из фамилии дероб причиняет между здешним дворянством великое неудовольствие, так что они явно почти о том негодуют, ибо считают, что Граф Морепа и Граф Вержен не знатного рода»¹²¹. Позднее он передавал циркулировавшие в обществе слухи о том, что Морепа и Тюрго стараются «поместить кого либо из робенов» в военное министерство, «дабы могли они иметь инфлюенцию и в военном департаменте»¹²². Говоря о попытках маркиза де Кастра вместе с маршалом де Ноаем «и со многими знатными здешними господами» вернуть на прежнюю должность опального Неккера и сместить таким образом генерального администратора финансов Жоли де Флэри¹²³, он снова

¹¹⁷ Mercy à Kaunitz, le 28 décembre 1782; Mercy à Joseph II, le 17 août 1783; Mercy à Kaunitz, le 1 février 1784, le 27 octobre 1784; Mercy à Joseph II, le 5 février 1785, le 8 mars 1785 // *Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz*. T. 1. P. 150, 199, 251, 314-315, 384-385, 404.

¹¹⁸ Rogister J.M.J. *Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755*. N. Y.: Cambridge University Press, 1995; Swann J. *Op. cit.*

¹¹⁹ Элиас Н. *Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 330-331. Так, например, Дж. Хардман рассматривает соперничество придворных партий как конфликт между робенами и военной аристократией (Hardman J. *Louis XVI*. P. 70-71).

¹²⁰ Chaussinand-Nogaret G. *Choiseul: Naissance de la gauche*. Paris: Perrin, 1998. P. 276-277.

¹²¹ Депеша от 25 (14) августа 1774 г. // Дело 292. Л. 95.

¹²² Депеша от 1 (12) октября 1775 г. // Дело 303. Л. 104.

¹²³ Депеша от 13 (24) октября 1782 г. // Дело 386. Л. 167.

обращал внимание на оппозицию между придворной аристократией и дворянством мантии в министерстве и при дворе.

Все эти сведения говорят, во-первых, о социальных различиях между робенской по составу партией Морепа, а затем и Верженна, с одной стороны, и придворно-аристократической партией королевы-Шуазёля, - с другой. Во-вторых, - о том, что, несмотря на происходившее в «неоклассическом придворном обществе Людовика XVI» «слияние элит», различие между придворной аристократией и робенами, которое применительно к более раннему периоду детально описал Ле Руа Ладюри¹²⁴, по-прежнему осознавалось как реальность самими придворными аристократами.

В-третьих, просматривается следующая тенденция: самыми авторитетными для короля людьми, с мнением которых он более всего считался, как правило, становились не члены королевской семьи и не придворные аристократы, а министры из числа робенов – Морепа, а потом Верженн. Если Морепа имел разветвленные семейные и личные связи при дворе, то у Верженна их не было и вокруг него объединялись робены. Возвышение Верженна и его партии в последнее десятилетие Старого порядка, очевидно, подтверждает точку зрения, согласно которой в XVIII в. по мере усиления личной власти короля и административного аппарата монархии падало значение придворных фракций и клиентел, в результате чего король потерял контроль над аристократией и последняя перешла в идейно-политическую оппозицию правительству¹²⁵.

В-четвертых, изучение конфликтов при дворе и в министерстве в начальный период царствования Людовика XVI не позволяет согласиться с гипотезой Дж. Сванна о том, что сопротивление реформам постоянно оказывали министры из числа придворной и старой военной знати. Во время деятельности Тюрго на посту генерального контролера финансов таковых в министерстве просто не было. Что же касается Неккера, то ему поддержку как раз оказывали «министры-аристократы» маркиз де Кастр и маркиз де Сегюр, а с резкой критикой его действий выступили «робены» де Морепа и де Верженн¹²⁶.

Отмечают ли авторы депеш какую-либо идейную подоплеку разногласий между партиями? В целом, на эту тему они пишут меньше, чем о личных симпатиях и антипатиях среди министров или о придворных интригах. Это, впрочем, неудивительно и связано с их источниками информации: дипломаты сообщают то, что становилось предметом разговоров в придворном обществе. Они обращают внимание, в частности, на разногласия между сторонниками и противниками франко-австрийского союза. Впрочем, преподносится это так, что выглядит не столько заботой о внешнеполитических интересах государства, сколько облеченным в благовидную форму желанием усилить или ослабить влияние королевы-австриячки. Точно так же и при описании разногласий, вызванных отношением к Парижскому парламенту, к реформам Тюрго или Неккера, расхождения по принципиальным вопросам внутренней политики страны выглядят неотделимыми от личного соперничества.

¹²⁴ Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 237-294.

¹²⁵ Histoire de la fonction publique en France / sous la dir. de M. Pinet. T. II. Du XVIIe au XVIIIe siècle. Paris: Nouvelle Librairie de France, 1993.

¹²⁶ Если о действиях Морепа против Неккера русские дипломаты пишут немало, то о позиции Верженна они ничего не сообщают, но она известна из других источников. См. подробнее об этом: Ségur P. de. Au couchant de la monarchie: Louis XVI et Necker (1776-1781). Paris, 1913. P. 343-410; Egret J. Necker, ministre de Louis XVI. Paris: Champion, 1975. P. 162-179; Harris R.D. Necker: Reform Statesman of the Ancien Régime. Berkeley-L.A.-London: University of California Press, 1979. P. 237-240.

В связи с этим интерес представляют не только факты, о которых сообщают дипломаты, но и те факты, о которых они ничего не пишут. В депешах почти нет информации о том, какими воззрениями руководствовались министры короля в своей политике. Так, например, дипломаты не объясняют, почему именно Морепа добивался восстановления старого Парижского парламента, а между тем он считал парламенты в их традиционном виде, с приобретающимися в собственность и переходившими по наследству должностями неотъемлемыми институтами французской монархии¹²⁷. Среди немаловажных эпизодов рассматриваемого периода, никак не упомянутых в депешах, можно назвать представление Верженном королю заметок по поводу деятельности Неккера. В этом пространном и аргументированном документе генеральный директор финансов обвинялся в англomanии, пренебрежении интересами короля и нарушении традиций французской монархии, что свидетельствовало о принципиальных идейных разногласиях между двумя министрами¹²⁸. Впрочем, о доводах Верженна не упоминают не только русские дипломаты, но и вообще, по-видимому, никто из современников. Очевидно, информация о его заметках так и не просочилась за стены королевского кабинета, пока они не были опубликованы в начале XIX в. В этой истории проявились свойственные придворному обществу XVIII в. представления о публичном и частном. Придворные интриги и клановые интересы относились к публичной сфере, они обсуждались в обществе и о них сообщалось в дипломатических депешах. Разногласия между министрами по вопросам управления государством рассматривались как частное дело короля и его ближайшего окружения. Что касается публики, то она жаждала обсуждать вопросы такого рода, как показывает пример с публикацией Неккером «Отчета королю» в феврале 1781 г.: скучный финансовый отчет имел ошеломляющий успех и все новые тиражи его моментально раскупались. Но правительство еще не было готово выносить государственные дела на публичное обсуждение.

* * *

Но все-таки соперничество фракций происходило не только внутри замкнутого придворного мирка. У них имелись свои каналы «связей с общественностью», к числу которых относились сам двор, клиенты аристократов и министров, парламенты и литераторы. Дипломатическая корреспонденция дает представление о том, каким образом устанавливались эти связи. Авторы депеш ясно показывают, что придворные аристократы и министры действовали в публичном пространстве, чувствовали себя стоящими перед «трибуналом общественного мнения»¹²⁹ и некоторые из них – хотя и не все – осознавали необходимость получить публичное одобрение своих поступков. Вырисовывается различие между группировками в том, с кем именно они устанавливали связи и у какой публики стремились завоевать расположение.

¹²⁷ По свидетельству хорошо его знавшего аббата Вери, Морепа рассматривал продажу должностей «как учреждение, которое стоит восстановить, с тем чтобы поддерживать дух магистратуры в предназначенных к этому семьях. Тон, заданный родителями в детстве, накладывает отпечаток на всю оставшуюся жизнь; и у каждой профессии он свой. Точно так же военные учат своих детей носить шпагу; и так же подготавливают младших, предназначенных церкви» (Veri J.A. de. Op. cit. T. 1. P. 122).

¹²⁸ Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l'administration des finances de France // Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T. 4. Paris, 1801. P. 153.

¹²⁹ Necker J. De l'administration des finances de la France. Par M. Necker. T. 1. [S.l.], 1784. P. LVII-LXX.

Мастерами создания «придворного общественного мнения» выглядят королевские тетушки. «В публике подозревали», что именно они распускали слухи о легкомысленном и недостойном поведении королевы¹³⁰. Из их окружения исходили первые обвинения в ее адрес, что она легкомысленно пренебрегает этикетом, гуляет в саду без свиты, приглашает на ужины жен министров, оказывает придворным дамам почести не по рангу и приближает к себе людей недостаточно знатного происхождения. Молва моментально распространялась по Парижу как самими придворными, так и их многочисленной челядью. В июле 1774 г. Барятинский сообщает о том, что эти слухи ходят при дворе, и в июле же их записывает в своем дневнике парижский книгоиздатель Симеон-Проспер Арди, причем напрямую связывает их появление с окружением королевских теток, особенно Мадам Аделаиды¹³¹.

Подобным образом и принцы крови, лишённые возможности непосредственно участвовать в управлении государством, занимались тем, что формировали враждебное королеве общественное мнение, и их пропаганда имела еще более серьезные последствия, чем придворные интриги тетушек короля. Детали одного из конфликтов, случившегося в феврале-марте 1775 г., подробно освещает Барятинский. В начале февраля ко двору прибыл брат королевы австрийский эрцгерцог Максимилиан. Принцы крови отказались воздавать ему королевские почести на приемах под предлогом, что он приехал инкогнито, под именем графа Бурго. Король, поддавшись уговорам супруги, приказал запретить принцам появляться в Версале в течение двух недель. Придворная ссора получила огласку, и поведение королевы было сочтено «обидным для всей нации». «В компаниях, - сообщал Барятинский, - публично почти говорят всякия непристойности на ея щет, и самая невинная ея поступки толкуют к предосуждению ея чести, так что многия опасаются, чтоб сие генеральное негодование непроизвело каких либо следствий для Ея Величества, тем паче, что она весьма неосторожна в своем поведении, и со всемя людьми обходится весьма фамильярно, что особливо примечено в прошедшей карнавал на балах. Всем же чужестранцам Ея Величество оказывает отличную милость и уважение»¹³². На примере рассказанного Барятинским эпизода видно, как уже в самом начале царствования Людовика XVI споры из-за придворного этикета обрели «национальное» звучание. Принцы выглядели представителями французской «нации» и противостояли королевско-«австриячке». Этот конфликт, разгоревшийся из-за формальностей придворного этикета, примечателен тем, что одним из главных действующих лиц в нем выступает герцог Шартрский, который впоследствии, унаследовав от отца титул герцога Орлеанского, будет в предреволюционные годы влиятельным лидером оппозиции, а во время революции станет депутатом Конвента и под именем Филиппа Эгалите проголосует за казнь короля.

Граф Морепа предстает умелым творцом сети связей при дворе (что видно на примере его отношений с мадам де Полиньяк) и в Парижском парламенте, где он организовал проправительственное лобби, получившее название «министерской

¹³⁰ Дешети от 3 (14) июля, 6 (17) июля и 13 (24) июля 1774 г. // Дело 292. Л. 41 об.-42, 50-50 об., 63-64 об.

¹³¹ Hardy S.-P. *Mes loisirs, ou Journal d'Evénements, tels qu'ils parviennent à ma connoissance (du 1764 à 1790)*. Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 6681 (mf. 2567). P. 376-377.

¹³² Дешети от 2 марта (19 февраля) и 9 марта (26 февраля) 1775 г. // Дело 302. Л. 53-55, 59-60. О визите эрцгерцога Максимилиана и поведении королевы и принцев крови в этой связи см. также: *La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI*. 6. Paris: O.E.I.L., 1992. P. 77, 79, 82, 84-87.

партии»¹³³. Барятинский не раз писал об авторитете Морепа среди парламентской магистратуры, позволявшем ему воздействовать на парламент с целью одобрения принимаемых правительством законов¹³⁴. Однако зимой-весной 1776 г. он никак не использовал своего авторитета, чтобы добиться регистрации подготовленных Тюрго эдиктов о реформах; русский дипломат видит в этом продуманную тактику Морепа, нацеленную на отстранение Тюрго от дел¹³⁵. Впоследствии другая интрига Морепа привела к отказу Парижского парламента зарегистрировать подготовленный Неккером эдикт об учреждении новой провинциальной администрации¹³⁶.

Шуазелисты активно воздействовали на общественное мнение и немало в этом преуспели, умело создавая через сеть клиентелы широкую популярность своему лидеру. Верженн и люди из его окружения, очевидно более искушенные в бюрократических методах, от них явно отставали. На это обратил внимание Барятинский, сравнивая двух министров иностранных дел – Шуазёля и Верженна. По его мнению, второй, ни в чем не уступая первому по реальным заслугам, заметно проигрывал ему в глазах публики, так как не имел вокруг себя людей, способных «из места в место ездить о нем разглашать с восхищением, как то здесь было во употреблении во время министерства Дюка Де Шоазеля». Верженн, в отличие от Шуазёля, не умел создавать общественное мнение и потому «великие услуги сего почтенного мужа от интриг в публике не столь кажутся видными и важными, как оные суть в самом деле»¹³⁷. Это неумение и даже принципиальное нежелание Верженна вступать в диалог с широкой аудиторией проявилось и в его резко негативном отношении к публикации Неккером «Отчета королю»: по мнению Верженна, годовые финансовые отчеты и другие подобные им государственные бумаги составляются для короля и его министров и не должны предаваться гласности¹³⁸. Роковым для монархии образом именно такие люди, не сумевшие или не пожелавшие завоевать широкую популярность, оказались у власти и попытались проводить реформы в кризисные предреволюционные годы, тогда как фавориты общественного мнения – Неккер и герцог Орлеанский – находились в оппозиции.

* * *

Русская дипломатическая корреспонденция содержит, таким образом, богатую информацию для изучения сети взаимоотношений при французском дворе и в министерстве в конце Старого порядка. Знакомство с ней вносит нюансы в некоторые расхожие представления, например, о политическом влиянии королевы Марии-Антуанетты. Взаимоотношения внутри правящей элиты на протяжении рассмотренного периода выглядят по материалам этого источника гораздо сложнее, чем не прекращающееся противостояние сторонников и противников Шуазёля: подобная поляризация происходит лишь со временем.

В целом, придворные партии предстают в депешах неоднородным феноменом: при их образовании, как видно, могли иметь значение и личные интересы, и семейные связи, и

¹³³ См. об этом: Stone V. The parlement of Paris, 1774-1789. Univ. of North Carolina Press, 1981. P. 19-30.

¹³⁴ См., напр., депешу от 17 (27) августа 1774 г. // Дело 292. Л. 97-99 об.

¹³⁵ Депеши от 24 января (4 февраля) 1776 и 3 (14) декабря 1777 г. // Дело 312. Л. 23-26 об.; дело 324. Л. 144.

¹³⁶ Депеши от 3 (14) декабря 1777 и 11 (22) апреля 1781 г. // Дело 324. Л. 144; дело 367. Л. 154-155.

¹³⁷ Депеша от 15 (26) января 1783 г. // Дело 396. Л. 13-14.

¹³⁸ Vergennes Ch. de. Op. cit. P. 149-159.

особенности происхождения, и идейно-политические принципы; среди них не было четко очерченных групп сторонников или противников реформ.

В корреспонденции явственно прослеживается самостоятельная политическая роль придворной аристократии, которая занимала министерские посты, имела тесные связи в парламентской среде и оказывала влияние на формирование общественного мнения. Истоки многих назначений и смещений в министерстве коренились в соперничестве придворных фракций в Версале. Министр, замысливший реформы, не мог рассчитывать на успех без поддержки со стороны придворной аристократии. Бесконечно далекие от проблематики «генезиса государства Нового времени», авторы депеш наглядно показывают, как это государство функционировало в соответствии с *династическими* и *бюрократическими* принципами¹³⁹ одновременно.

¹³⁹ Bourdieu P. De la maison de roi à la raison d'Etat: Un modèle de la genèse du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. № 118. P. 55-68.

Как судейский крючок женился на герцогине, или три версии одной истории¹⁴⁰

В современной социологической литературе появились исследования, посвященные феномену скандала¹. Он рассматривается как социально-политическое явление, неразрывно связанное с формированием и распространением общественного мнения. Скандал возникает в том случае, если некто ведет себя не по правилам, принятым в обществе. При этом, как отмечают социологи, его функция может быть двоякой. С одной стороны, он отчетливо выявляет ценности, присущие определенной группе, и – через осуждение «скандалиста» – способствует утверждению социальной нормы. С другой стороны, если разгорается скандал, это значит, что общепринятые нормы открыто нарушаются. Следовательно он выявляет тот факт, что данные нормы уже перестали быть в полном смысле слова общепринятыми, и поэтому может содействовать изменению господствующей системы ценностей.

В этой статье показана история одного скандала, разгоревшегося в последние годы правления Людовика XV и представляющего интерес для характеристики общественного мнения Франции того времени. Замысел такого исследования впервые возник при чтении книги французского историка Мишеля Антуана «Королевский совет в царствование Людовика XV». Рассуждая о внутренней неоднородности дворянского сословия и о границах, отделявших дворянство мантии от придворной аристократии, автор привел в качестве примера такой случай. Некий докладчик прошений королевского дворца по фамилии де Жьяк женился на герцогине де Шон, с которой познакомился в ходе судебного процесса. Брак вызвал целую бурю слухов и кривотолков при дворе. Все насмеялись над бывшей герцогиней и возмутились неслыханной наглостью простого чиновника, осмелившегося положить глаз на столь знатную особу. Скандал охватил не только двор, но и королевский совет. Советники и докладчики прошений вознегодовали и добились от короля того, что де Жьяку было запрещено впредь появляться на заседаниях совета. Позднее он вынужден был также оставить недавно приобретенную должность сюринтенданта двора королевы. Рассказав историю про женитьбу де Жьяка на мадам де Шон, Антуан пришел к выводу о том, что «герцогиню и докладчика прошений разделяла целая пропасть»².

Что-то в этом колоритном эпизоде, упомянутом в книге Антуана, оставалось до конца не ясным. Возмущение придворной знати понятно: мадам де Шон ради безумной страсти пренебрегла своим высоким рангом и почетными привилегиями герцогини и согласилась стать женой человека с более низким социальным статусом. Естественно, что она шокировала высшее общество таким презрением к его нормам и обычаям. Но что возмутило королевских советников? Ведь для их коллеги де Жьяка брак с герцогиней не являлся постыдным мезальянсом и не ронял его достоинства. Так возникло желание разобраться в этом деле и, обратившись к сохранившимся документам, понять мотивы поведения действующих лиц³. Итак, что же может выявить для нас скандал, вызванный женитьбой де Жьяка?

¹⁴⁰ Впервые опубликовано: Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999.

¹ Ebbighausen R., Neckel S. Anatomie des politischen Skandals. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1989.

² Antoine M. Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV. Genève: Droz, 1970. P. 261-262.

³ Задача упрощалась тем, что Антуан в своей книге дает отсылки к архивным фондам, касающимся де Жьяка.

Как и в любом скандале, в нем участвовали три стороны. Инициаторами его явились де Жьяк и в меньшей мере мадам де Шон. Скандализованной стороной оказались, в первую очередь, коллеги де Жьяка по королевскому совету. Именно они выразили свое возмущение и потребовали примерно наказать де Жьяка. Третья сторона – публика, наблюдавшая за скандалом и выносившая о нем свои суждения, – была представлена как высшим светом, так и более широкими кругами, которые принято называть просвещенным общественным мнением (речь идет об авторах литературных записок, дневников и корреспонденций, оставивших нам свидетельства о «деле де Жьяка»).

Познакомимся ближе с двумя «скандалистами». Они были людьми по-своему весьма примечательными. Главная героиня, Анна-Жозефа Боннье де ла Моссон – дочь и сестра крупных финансовых воротил из провинции Лангедок. В 1734 г. она стала супругой герцога де Шона. Брак герцога с дочерью финансиста был в то время явлением хотя и не скандальным, но все же не вполне обычным⁴. В парижском высшем свете эта женщина казалась чужой. Ее часто упрекали в нарушении приличий. Разумеется, дело было не в ее многочисленных бурных романах и не в лихорадочной погоне за удовольствиями и острыми ощущениями. Она вращалась в таких кругах, где трудно было кого-либо удивить подобным поведением. Но на все имелись свои неписанные законы, которые герцогиня явно нарушала. Возмущение вызывала ее нервозность и неумение «властвовать собой».

Илл. 11. Ж.-М. Натье. Портрет герцогини де Шон в образе Гебы (1744). Париж, Лувр

⁴ Герцоги, как правило, заключали браки либо в своей среде, либо с дочерьми родовитых военных. Если они снисходили до дочерей дворян мантии, то в таких случаях отец невесты обычно являлся министром или президентом парламента. Брачные союзы между семьями герцогов и финансистов были крайне редки (см.: Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. Paris: PUF, 1972. P. 140-141, 193).

Сильную неприязнь к герцогине де Шон испытывала хозяйка модного литературно-светского салона маркиза дю Деффан. В начале 40-х годов им довелось совершить вместе поездку на курорт. В письмах маркизы, адресованных одному из друзей, имя мадам де Шон встречается непрестанно, и упоминания о ней полны яда. Дю Деффан подробно описывает, как много и шумно герцогиня ест, как старается казаться естественной и оригинальной, хотя на самом деле просто дурно воспитана. «Боже мой! - негодовала мадам дю Деффан, - Как же она мне неприятна! Она совершенная сумасбродка: она ест, не обращая никакого внимания на время; в Жизоре она отобедала в восемь часов утра куском холодной телятины; затем в Гурне она поела хлеба, замоченного в горшке на обед каменотесу, съела кусок сдобной булки и, кроме того, три весьма больших бисквита. Мы приезжаем, еще только половина третьего, а она уже хочет рагу с рисом; ест она как обезьяна, ее руки похожи на обезьяньи лапы; и она болтает, не переставая. Она воображает, что у нее есть фантазия и свой оригинальный взгляд на вещи, но так как ей недостает новых мыслей, она восполняет это странным поведением, под тем предлогом, что она-де ведет себя естественно»⁵. В другом письме мадам дю Деффан смачно живописала, как неэстетично герцогиня ела курицу и пирожные⁶.

Другая современница герцогини маркиза де Креки тоже к ней безжалостна. По ее воспоминаниям, «герцогиня де Шон была самой экстравагантной и нелепой особой во всей Франции. Это была толстая, надутая, разевшаяся вдова, пышущая мужицким здоровьем и философической чувствительностью. Она одевалась и причесывалась, как милая крошка, и сюсюкала при разговоре, *сьтобы казаться моложе*. Она была необычайно богата [...]. Говорили, что ей хотелось снова выйти замуж; однако наследники об этом мало тревожились, полагая, что трудно будет сыскать придворного или даже просто знатного дворянина, готового встретиться лицом к лицу с такой грудой плоти, усов и нелепостей»⁷.

То есть женщины-современницы изображали ее выскочкой-простолюдинкой, попавшей в высший свет благодаря большим деньгам, но так и не расставшейся со своими плебейскими замашками. Мужчины были к ней гораздо более снисходительными. В их глазах она выглядела натурой взбалмошной, но несомненно незаурядной. Посол Габсбургов при французском дворе Мерси-Аржанто в письме императрице Марии-Терезии характеризовал герцогиню де Шон как особу, «славную своим умом, а еще более - беспорядочным и экстравагантным поведением, нарушающим всякие запреты»⁸. Близко знавший герцогиню провинциальный интендант и литератор Сенак де Мейан посвятил ей несколько проникновенных страниц в своих мемуарах. По его словам, мадам де Шон была «особой редкостного ума», она «никогда не была красива, но имела примечательную наружность. Глядя в ее сияющие, выразительные глаза, можно было представить себе орла, который поднимается и парит в облаках. [...] Пока ум ее дремал, она держалась застенчиво и скованно. Ей недоставало грации, которая появляется лишь благодаря некой гармонии, и все ее жесты и движения отвечали пылкости ее ума. Даром мыслить она обладала в высшей степени. Преобладающими качествами ее ума были необыкновенная живость восприятия, исключительная проницательность и богатейшее воображение. Мысль, казалось, являла собой сущность ее натуры; можно сказать, что она была предназначена единственно для

⁵ Correspondance complète de la marquise du Deffand. Paris, 1865. T. 1. P. 16.

⁶ Ibid. P. 37.

⁷ Créquy V. de. Souvenirs de la marquise de Créquy de 1710 à 1803. Paris, 1840-1842. T. 2. P. 5.

⁸ Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau / éd. par A. d'Arneht et M.-A. Geffroy. Paris, 1875. T. 2. P. 66.

применения своих умственных способностей. [...] Ее ум напоминал солнечную колесницу, покинутую Фаэтоном. [...] Она никогда не стремилась блистать. Тот, кому все дается без труда, стоит выше претензий. Она растрчивала ум подобно тому, как транжира тратит деньги: не для того, чтобы казаться, а просто из удовольствия тратить»⁹.

В этих разноречивых суждениях проглядывает не только черная зависть женщин к сопернице, с одной стороны, и благосклонность мужчин к экстравагантной даме, с другой. Существеннее то, что современники, принадлежавшие к одному и тому же высшему аристократическому кругу, оценивали поведение мадам де Шон, ориентируясь на разные системы ценностей.

Обе маркизы судили о госпоже де Шон, руководствуясь нормами и требованиями придворного общества. Достойный член этого общества должен уметь управлять своими чувствами, и отсутствие самоконтроля оценивалось негативно¹⁰. Для особы, по рождению не принадлежавшей к высшей знати, это было вдвойне недопустимым. Тот, кто попал «из грязи в князи», должен особенно внимательно следить за своим поведением и не допускать никаких вольностей. Маркиза де Креки в своих воспоминаниях упомянула несколько известных ей мезальянсов, и среди выскочек, ставших женами аристократов, лишь одна вызвала ее одобрение. Это некая мадемуазель Маццарелли, по мужу маркиза де Сен-Шамон. Госпожа де Креки характеризует ее как женщину бедную и незнатную, но вместе с тем честную и умную. В чем же, по мнению маркизы де Креки, выражались ее честность и ум? В воспоминаниях описано, как скромно держалась новоиспеченная мадам де Сен-Шамон в присутствии знатных особ и согласилась приблизиться к ним, лишь когда ее самым любезным образом пригласили¹¹. Плебейке полагалось знать свое место. То, что у прирожденной аристократки могло бы сойти за новомодную естественность поведения, у дочери финансиста мадам де Шон воспринималось как проявление ее дурной плебейской натуры. В глазах придворного общества, герцогиня де Шон давала волю своим «низменным» чувствам и инстинктам именно потому, что была женщиной низкого происхождения, а не истинной аристократкой.

Сенак де Мейан смотрит на нее глазами литератора-просветителя, для которого светский человек – это актер, скрывающий под лживой маской свою подлинную человеческую натуру. У кого-то она может быть ничтожной, а у другого – необычайно богатой. Замысел Сенака де Мейана состоял в том, чтобы показать эту подлинную сущность мадам де Шон, и для него в высшей степени привлекательно то, что она «не стремилась блистать», «казаться».

Характером, вкусами и увлечениями герцогиня походила на других членов семьи. Ее старший брат Жозеф Боннье де ла Моссон, унаследовавший от отца должность генерального казначея штатов Лангедока, прославился скандальными любовными похождениями, а также увлекался научными исследованиями и был заядлым коллекционером. Его кабинет физики и механики, химическая и фармацевтическая лаборатории, коллекция чучел животных почитались в числе лучших в Европе и были открыты для публики. Добившийся успеха финансист стремился к общественному признанию. Средством завоевать уважение в глазах

⁹ Sénac de Meilhan G. Le Gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution. Paris, 1862. P. 318-320.

¹⁰ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 138-142.

¹¹ Créquy V. de. Souvenirs. T. 5. P. 236-244.

окружающих стало меценатство¹². Именно он пристрастил своего зятя герцога де Шона к научным экспериментам. Герцога и финансиста, столь далеких друг от друга по социальному происхождению, сблизил родственные узы и общие интересы. Они подолгу увлеченно вместе работали.

Бравый вояка де Шон, прославившийся в битве при Фонтенуа, стал ученым-естествоиспытателем. Теперь вся жизнь этого, по словам Гонкуров, «честного человека своего века» «сплошь состояла из исследований, опытов, решения задач. У него не было друзей за исключением коллег из Академии наук»¹³. Он занимался физикой, естественной историей, астрономией, изобрел приборы для наблюдений за движением планет и машину, воспроизводящую грозовой разряд. Его последняя, опубликованная незадолго до смерти работа была посвящена «Наблюдениям за прохождением Венеры перед Солнцем».

В своих интеллектуальных запросах герцогиня не уступала мужу и брату и имела репутацию ученой особы. Она увлекалась науками и общалась с Вольтером. Для этой женщины, которая так и не стала своей в кругу высшей аристократии, академический мир давал возможность самоутвердиться. Здесь она, подобно другим светским дамам, могла заниматься меценатством и на выборах в Академию хлопотать за своих фаворитов¹⁴.

Ее сын был буян и повеса. Имя молодого герцога де Шона вошло в историю из-за нашумевшей ссоры с Бомарше. Герцог приревновал его к актрисе Менар, вызвал на дуэль, а потом, не в силах ждать, ворвался к нему в дом, учинив погром и потасовку¹⁵. Говорили, что недостойное поведение сына немало ускорило смерть отца. Старый герцог де Шон скончался в 1769 г. Вскоре его наследство стало предметом судебной тяжбы между вдовой и сыном. Парижский парламент (высшая судебная палата) вынес решение, которым сын остался недоволен и направил кассационную жалобу в королевский совет.

Представлять дело в совете было поручено докладчику прошений (рекетмейстеру) королевского дворца г-ну Марсьялю-Анри де Жьяку. Он происходил из старого рода провинциального дворянства мантии. Один из его предков в XIV в. был канцлером Франции, а в XVII-XVIII вв. де Жьяки занимали должности в парламенте Бордо. Марсьяль-Анри, сын контролера канцелярии парламента Бордо, начал свою карьеру королевским советником. Затем он получил весьма престижную должность докладчика прошений королевского дворца и в этом качестве стал членом королевского совета и Парижского парламента¹⁶. На основании представления, сделанного де Жьяком, совет вынес решение в пользу вдовы герцога де Шона. После выигранного процесса герцогиня, заручившись согласием короля, вышла замуж за докладчика прошений.

Отзывы о де Жьяке разноречивы. Биографы к нему, как правило, благосклонны и изображают его умным и обаятельным человеком. Гонкуры пишут, что «докладчик прошений был хорош собой; этот галантный, скромный, остроумный и ловкий человек выглядел моложе своих тридцати пяти лет»¹⁷. Однако в изображении современников наш герой выглядит малосимпатичным. Мерси-Аржанто аттестовал его как личность «крайне

¹² Chaussinand-Nogaret G. Les financiers de Languedoc au XVIIIe siècle. Paris: SEVPEN, 1970. P. 280-281.

¹³ Goncourt E. et J. de. Portraits intimes du XVIIIe siècle. Paris, 1879. P. 209.

¹⁴ О возникшем на этой почве конфликте между двумя дамами см.: Correspondance complète de la marquise du Deffand. T. 1. P. LXV, 224.

¹⁵ Описание этого скандала см.: Chroniques pittoresques et critiques de l'Oeil de boeuf. Paris, 1832. T. 8. P. 99-100.

¹⁶ Lainé P.-L. Liste généalogique de noble et illustre famille Giac en Auvergne et en Guienne. Paris, 1847. P. 3-4; Dictionnaire de biographie française. Fasc. XC. Paris, 1982. P. 1431-1432.

¹⁷ Goncourt E. et J. de. Op. cit. P. 210.

ничтожную как по происхождению, так и по своим личным качествам»¹⁸. Убийственную характеристику де Жьяку дала маркиза де Креки: «Был в Париже [...] в одной из палат прошений некий безусый советник по имени г-н де Жьяк: самый педантичный, смехотворно кокетливый и наискучнееший законник. Он выглядел, как наарумяненный скелет, разряженный в лиловую тафту. Он брэнчал на мандолине, поджимая губки и строя глазки. Ему казалось, что он сочинил музыку и слова трагической оперы, хотя на самом деле он лишь приноровался фабриковать скороспелые пьески – то была поэзия, лишенная содержания и потому легкая»¹⁹. Трудно сказать, что в большей мере нашло отражение в этих словах: личные качества господина де Жьяка или характерный для светского человека взгляд на скандальную ситуацию и ее виновника. Каким вообще может быть судейский? Конечно же, скучнеешим педантом низкого происхождения. Если судейский неравнодушен к искусству, то он претенциозен и смешон. Если он вдобавок женится на престарелой герцогине, он претенциозен и смешон вдвойне. Мерси-Аржанто еще добавляет, что де Жьяк «плебейского происхождения, выходец из Гаскони, и ему удалось затесаться в ряды дворянства лишь благодаря своему положению человека мантии и докладчика прошений»²⁰. Это явно не соответствует действительности. Де Жьяк хоть и не герцог, но все же потомственный дворянин, чего никак нельзя сказать о вдовствующей герцогине, у которой отец был казначеем провинциальных штатов Лангедока, а дед торговал сукном²¹.

30 ноября 1773 г. был заключен брак между докладчиком прошений королевского дворца господином де Жьяком и герцогиней де Шон. Обоим новобрачным пришлось поплатиться за свое сумасбродство. Мадам де Жьяк лишилась прав на полагающиеся герцогине придворные почести. Наказание, постигшее самого де Жьяка, с присущей ей язвительностью описывает маркиза де Креки: «Парижский парламент решил проучить г-на де Жьяка [...]. Ему пришлось покинуть магистратуру, и король выслал его в Барез. Мы видели, как он там прогуливается вдоль ручья, одетый наподобие оперного пастушка, под зонтиком, украшенным цветами шиповника, и с тростью в руке»²². Впоследствии его также заставили продать должность, приобретенную назадолго до свадьбы. На страницах одной из многочисленных анонимных «Секретных литературных корреспонденций» XVIII века письмо с пометкой «Из Версаля, 20 июля 1775 г.» сообщает, что докладчик прошений г-н де Жьяк, «наделавший столько шума» своей женитьбой, был вынужден оставить место сюринтенданта финансов, доменов и дел королевы и продать эту должность парижскому интенданту Луи-Бениню-Франсуа Бертье де Совиньи²³.

¹⁸ Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Т. 2. Р. 66.

¹⁹ Créquy V. de. Op. cit. Т. 2. Р. 5-6.

²⁰ Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau. Т. 2. Р. 66.

²¹ Когда в 1788 г. де Жьяк стал добиваться возмещения убытков, понесенных в результате отрешения его от работы в королевском совете, то в составленной им докладной записке он, помимо всего прочего, доказывал свое происхождение от знатных предков. Он с негодованием писал о том, как после первой женитьбы недоброжелатели стали распространять при дворе порочащие его слухи, что он-де всего лишь сын прокурора (Archives Nationales [далее - AN]. Н 1455. № 127). Очевидно, эти слухи о низком происхождении де Жьяка были связаны с разницей в социальном статусе между ним и супругой-герцогиней. Служба генерального контроля финансов в своих замечаниях по поводу этой записки на сей счет высказалась так: «Г-н де Жьяк доказывает свое происхождение, хотя его уже не оспаривают» (AN. Н 1455. № 123). В изданной в XIX в. генеалогии рода де Жьяков он именуется даже маркизом, но генеалогист не уточняет, с какого времени Марсьяль-Анри носил этот титул (См.: Lainé P.-L. Op. cit. Р. 3-4).

²² Créquy V. de. Op. cit. Т. 2. Р. 7.

²³ Correspondance secrète, politique & littéraire, ou mémoires pour servir à l'histoire des cours, des sociétés & de la littérature en France, depuis la mort de Louis XV. Т. 2. Londres, 1787. Р. 61. Интендант Парижа Бертье де

Брак законника с герцогиней оказался неудачным. По мнению Сенака де Мейана, причиной всему стало необузданное воображение этой женщины: «Если воображение рисовало ей прелести любви, она покорялась; ее рассудок руководил сердцем и чувствами и умел тут же украсить избранный предмет самыми блестящими качествами. И тот же деятельный, беспокойный, стремящийся узнать и вникнуть рассудок разрушал собственное произведение; чары рассеивались, и таким образом она делалась непостоянной. Так как рассудок ее совсем не состарился, она и в шестьдесят лет была подвержена всем ошибкам молодости»²⁴. Как бы то ни было, супруги расстались, не прожив и года вместе. Бывшая герцогиня удалилась в обитель Валь-де-Грас «со своими попугаями и макаками»²⁵. Там она и умерла в конце 1782 г., успев перед смертью сказать свою последнюю остроуту, увековеченную известным моралистом Шамфором в его «Характерах и анекдотах». Лежащую уже на смертном одре мадам де Жьяк известили о том, что священник принес последнее причастие, а супруг желает с ней проститься. «Он здесь? - спросила умирающая. – Да. – Пусть подождет: он войдет вместе со священником»²⁶.

Де Жьяк через несколько месяцев снова женился, на сей раз – будто по контрасту с первым браком – на бедной юной сироте. Все следующие годы он являл собой пример добропорядочного отца семейства. Конец идиллии положила революция. В 1793 г. де Жьяк как профессиональный юрист позволил себе публично высказать замечания о якобинском проекте конституции, и кара последовала незамедлительно. Его арестовали в полученном по наследству от вдовы герцога замке Сен-Лё и отправили на гильотину. Если его взбалмошная первая супруга сошла в могилу со светской остроутой на устах, то основательный законник де Жьяк будто бы произнес перед казнью настоящий афоризм: «Я надеялся найти судей, но встретил лишь палачей»²⁷.

* * *

Однако вернемся к первой женитьбе де Жьяка и посмотрим, как реагировали на нее окружающие и что именно их возмущало. В оставленных ими документах, записках и воспоминаниях обнаруживаются три различные версии случившегося казуса. Чаще всего дело преподносится как мезальянс (эта трактовка нашла отражение почти во всех источниках за редкими исключениями, о которых будет сказано особо).

Так, в мемуарах маркизы де Креки мы находим светский анекдот о том, как люди, ставшие объектом розыгрыша, приняли его всерьез и что из этого вышло. Якобы маршал де Ришельё забавы ради, зная о желании овдовевшей герцогини вторично выйти замуж, пустил слух о ее скорой свадьбе с де Жьяком. Будущие супруги в то время, по словам маркизы, «совсем не знали друг друга. Этот слух распространяется по всему Парижу; им тоже об этом рассказывают; г-жа де Шон просит показать ей экипаж, ложу и самого г-на де Жьяка, *et vice versa* со стороны советника по отношению к герцогине. Они обращают друг на друга внимание, сближаются, знакомятся, влюбляются и наконец женятся»²⁸. С точки зрения

Совиньи, купивший должность у де Жьяка, впоследствии будет растерзан парижской толпой в июльские дни 1789 г.

²⁴ Sénac de Meilhan G. Op. cit. P. 319.

²⁵ Correspondance complète de la marquise du Deffand. T. 1. P. LXVI.

²⁶ Chamfort S.-R. N. Produits de la civilisation perfectionnée: maximes et pensées; caractères et anecdotes. Paris, 1905. P. 161-162. Шамфор отводит роль нежеланного мужа герцогу де Шону, что явно ошибочно. Герцог скончался в 1769 г., задолго до своей супруги. Она умирала, будучи женой де Жьяка.

²⁷ Lainé P.-L. Op. cit. P. 3-4; Rey A. Martial de Giac // Mémoires de la Société historique et archéologique de l'arrondissement de Pontoise et du Vexin. T. XXV. Pontoise, 1903. P. 74-81.

²⁸ Créquy V. de. Op. cit. T. 2. P. 6.

маркизы де Креки, для герцогини этот поступок представлял собой чистое сумасбродство (так как жених гораздо ее моложе и ниже по социальному статусу), для де Жьяка – брак по расчету, компрометирующий его достоинство судьи.

Мерси-Аржанто, докладывая о занятом происшествии в письме Марии-Терезии, обращает внимание на разницу в социальном статусе, возрасте и имущественном положении супругов. «Этот Жьяк, человек крайне ничтожный как по происхождению, так и по своим личным качествам, хотя и не лишенный изворотливости, к тому же без состояния и без средств, вздумал всем обзавестись, снискав расположение вдовствующей герцогини де Шон. В результате эта дама решила выйти за него замуж и написала г-же дофине, чтобы заручиться ее согласием на брак²⁹. Новость о предполагаемом браке сразу же вызвала множество насмешек при дворе; во всяком случае, повод тому был; герцогине де Шон [...] шестьдесят лет; ей принадлежат пятьдесят тысяч экю ренты и титул, который ставит ее на одно из первых мест при французском дворе. Г-ну де Жьяку тридцать лет; он плебейского происхождения [...]». Де Жьяк, по словам Мерси-Аржанто, «устроил при дворе смехотворный спектакль»; для герцогини же это был союз, «несовместимый с ее титулом»³⁰.

«Секретные записки к истории республики литераторов во Франции»³¹ повествуют о сумасбродстве герцогини, толкнувшем ее на нелепый мезальянс. Один из авторов «Секретных записок», публицист Муфль д'Анжервиль 5 декабря 1782 г. извещает о смерти «вдовствующей герцогини де Шон, которая из-за нелепой и безумной любви потеряла свое имя, достоинство и табурет³². Когда у нее открылись глаза на этот низкий брак, она сама прозвала себя “Жьяковой женой”»³³.

Итак, с точки зрения многих, включая саму мадам де Шон, скандальный характер данного дела состоял в том, что имел место мезальянс. Насколько вообще скандальной, в свете социальных норм Франции Старого порядка, выглядела такая ситуация, когда статус невесты оказывался выше, чем статус жениха?

Есть целый ряд исследований матримониальной стратегии французской аристократии. Они показывают, что для всех аристократических групп (военной знати, высшего чиновничества, финансовой аристократии) была характерна тенденция к эндогамности, дополнявшаяся гипергамией женщин. То есть герцоги женились на дочерях чиновников и финансистов, но не отдавали за них своих дочерей. До 1723 г. включительно известен лишь один случай брака дочери герцога д'Юзес и дворянина мантии, государственного секретаря Летелье (1691 г.). Историк Жан-Пьер Лабатю характеризует этот случай как исключительный и труднообъяснимый³⁴. Однако с тех пор прошло немало лет, и каких! В век Просвещения нравы изменились. Может быть, барьеры между различными группами аристократии стали менее жесткими? М. Антуан применительно к XVIII в. пишет о

²⁹ Согласие дофины требовалось, так как герцогиня де Шон входила в ее свиту.

³⁰ *Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau*. Т. 2. Р. 66.

³¹ В основу этого многотомного издания легла рукописная газета литератора Луи Пти де Башомона, которая поначалу циркулировала в одном из парижских салонов, а затем стала печататься за границей. В интересующий нас период «Секретные записки» составляли преемники Башомона: в 1770-е гг. это был Матьё-Франсуа Пиданза де Меробер, а в 1780-е – Бартеlemi-Франсуа-Жозеф Муфль д'Анжервиль.

³² Речь идет о привилегии сидеть на табурете во время королевских званых ужинов, которой пользовались герцогини.

³³ *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours*. Londres, 1786. Т. 21. Р. 217.

³⁴ Labatut J.-P. *Op. cit.* Р. 188-190. Заметим, что ни современники, ни историк не сочли этот брак скандальным. Впрочем, в данном случае жених был хотя и дворянином мантии, но все-таки министром, а не докладчиком прошений.

присущей чиновничеству королевского совета тенденции заключать браки в своей среде, но подчеркивает, что это правило не было жестким. В реальной жизни семьи, принадлежавшие к разным социальным группам, зачастую вступали между собой в родственные связи. По мнению одного из мемуаристов XVIII в., «во Франции нет правил насчет браков»³⁵. Эту точку зрения разделяет и историк Франсуа Блюш, отмечающий, что мезальянс всегда был «характерной чертой истории французских высших классов»³⁶. Антуан подтверждает эти высказывания целым рядом примеров³⁷. Однако сами упомянутые им случаи свидетельствуют о том, что за исключением женитьбы будущего канцлера Рене-Николя Мопу на дочери маркиза де Роншероля речь шла о браках дочерей и сестер членов королевского совета с представителями придворной знати, т. е. это были примеры гипергамии женщин. Следовательно у нас нет достаточных оснований говорить об изменении матримониального поведения французской аристократии во второй половине XVIII в. Брак вдовы герцога с докладчиком прошений представлял собой мезальянс совершенно исключительный, хотя сам по себе еще не давал основания для скандала и тем более для «оргвыводов» по отношению к де Жьяку.

Вместе с тем, он дал обильную пищу для разговоров и пересудов. Причем за интересом французского общества к этому необычному браку стояло нечто большее, чем свойственное многим людям всех времен и народов удовольствие копаться в чужом грязном белье. О деле де Жьяка судачили не только салонные сплетники. Об этом примечательном казусе писали авторы литературных корреспонденций и рукописных газет, а австрийский посол счел нужным сообщить о нем императрице. Причина столь нездорового общественного интереса к событию из частной жизни в том, что в данном случае речь шла о нарушении официальной иерархии внутри придворного общества. Такого рода нарушение относилось не к частной сфере межличностных отношений, а, если воспользоваться выражением Юргена Хабермаса, к «публичной сфере, структурированной представительством». Дело получило широкий резонанс, потому что по своему характеру оно было не частным, а общественным. В мемуарах мадам де Креки есть характерная запись, датированная 1784 г.: «Среди угрожающих общественному порядку симптомов разложения особенно пугающими выглядели частые самоубийства и бесстыдные мезальянсы»³⁸. По словам потрясенной маркизы, в 1784 г. в Париже имели место целых четыре самоубийства и столько же мезальянсов (разумеется, она говорила лишь о том Париже, который находился в поле ее зрения, то есть о высшем свете). При этом все мезальянсы, о которых пишет маркиза, - это браки аристократов с певицами, актрисами и прочими женщинами низкого происхождения, а также брак принца Савойского с девушкой из дворянской, но не титулованной семьи. Случалось ли обратное, то есть были ли аналоги экстравагантному поступку мадам де Шон? Вполне возможно, но они не получили столь широкой огласки. Один из авторов «Секретных записок» Пиданза де Меробер делает запись, датированную 16 января 1774 г.: «Хотя смехотворные браки некоторых дам высшего света, заключенные по примеру брака госпожи герцогини де Шон, были тайными, многие не решаются поверить, что они имели место в действительности, в числе прочих речь идет о браке госпожи герцогини де Бранка с аббатом Черрати, госпожи маршалыши д'Эстре с г-ном Лефевром д'Амекур, советником прежнего

³⁵ Barbier E.-J.-F. Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV. Paris, 1847-1856. Т. III. P. 74.

³⁶ Bluche F. L'origine des magistrats du parlement de Paris au XVIIIe siècle (1715-1771). Dictionnaire généalogique. Paris, 1956. P. 23.

³⁷ Antoine M. Op. cit. P. 256-260.

³⁸ Créquy V. de. Op. cit. Т. 5. P. 194.

парламента, госпожи графини де Жизор с г-ном Латур-Дюроком, военным, прохвостом и интриганом и т. д.»³⁹ В остальных источниках эти факты обойдены молчанием, следовательно, хотя мезальянс и являлся предметом обсуждения в обществе, его одного, по-видимому, было недостаточно для того, чтобы такое обсуждение началось. Требовались некие дополнительные обстоятельства, способные возбудить оживленные пересуды.

Более того, мезальянс в принципе вовсе не обязательно должен был вызвать осуждение. Он мог оцениваться по-разному: не только как бесстыдное пренебрежение принятыми в обществе правилами поведения, но и как попытка человека освободиться от навязанной ему извне жесткой регламентации и жить в гармонии со своими чувствами. В последнем случае мезальянс вызывал если и не одобрение, то понимание. У де Жьяка и мадам де Шон были знаменитые предшественники – Антонен Номпар де Комон, герцог де Лозен и Мадемуазель де Монпансье (дочь Гастона Орлеанского и двоюродная сестра Людовика XIV). Если Гонкуры называют де Жьяка «Лозеном в мантии», то наверняка эта аналогия приходила в голову и людям второй половины XVIII в. В то время мемуары Мадемуазель де Монпансье пользовались известностью и были не раз переизданы. Вольтер в «Веке Людовика XIV» посвятил несколько прочувствованных страниц истории несчастной тайной женитьбы де Лозена. Прославленный философ замечал, что в истории можно найти сотни подобных примеров, даже в азиатских странах, где правители – «еще большие деспоты, чем король Франции»⁴⁰. Брошенное как бы мимоходом упоминание об азиатских деспотах совсем не случайно, так как для Вольтера де Лозен – невинная жертва монаршего деспотизма. Король сначала дал ему согласие на брак, а затем взял свое слово обратно. Де Лозен, не посчитавшись с запретом, все-таки тайно женился на Мадемуазель де Монпансье, за что и был подвергнут длительному тюремному заточению. «Может ли тот, кто олицетворяет государство, так жестоко наказывать гражданина, не нарушившего никаких законов справедливости? - восклицал Вольтер. - Может ли король быть к человеку более суровым, чем закон?»⁴¹ По мнению философа-просветителя, король, запрещая брак де Лозена с Мадемуазель де Монпансье, а затем наказывая де Лозена, проявил беззаконие и произвол. Придворное общество отнеслось к ним со злорадством и осуждением. Симпатии Вольтера всецело отданы де Лозену и Мадемуазель. С его точки зрения, они вольны были устраивать свою частную жизнь по собственному усмотрению. Осуждать их никто не вправе, так как законов они не нарушали. Тот же самый тезис, - я ведь не нарушил никаких законов! – будет впоследствии одним из основных доводов де Жьяка в свою защиту. Люди века Просвещения, читавшие «Новую Элоизу», признавали естественным стремление индивида сломать давящие рамки установленных правил. Примечательно, что в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера статья «Мезальянс» вообще отсутствует. Нарушение принятых в придворном обществе норм поведения находило себе оправдание в принципах просветительской морали.

Однако в случае с де Жьяком и мадам де Шон неравенство супругов состояло не только в различии их социальных статусов. Невеста была еще и намного богаче жениха, который получал в свое распоряжение как отсуженное с его помощью герцогское наследство, так и приданое жены. После кончины супруги де Жьяк унаследовал солидное

³⁹ Mémoires secrets. T. 27. P. 155.

⁴⁰ Voltaire F.-M. Siècle de Louis XIV. Paris, 1847. P. 338.

⁴¹ Ibidem.

состояние, оцениваемое в 12 млн. ливров⁴². Это обстоятельство особо подчеркивала маркиза де Креки. По ее словам, де Жьяк «скомпрометировал свое парламентское достоинство, женившись на сумасбродке из-за денег»⁴³, за что и был наказан коллегами. На то, что де Жьяк явно вступал в брак по расчету, указывали также Мерси-Аржанто (с презрением) и автор «Секретной литературной корреспонденции» (скорее, со снисходительной иронией)⁴⁴.

Было бы опрометчивым полагаться в данном случае на мнение мадам де Креки и усматривать в этом причину разгоревшегося скандала. В обществе, где брак рассматривался как союз не столько индивидов, сколько семей, брак по расчету представлял собой явление совершенно нормальное и не предосудительное. «Придворно-аристократический брак в самом деле никоим образом не имеет своей целью того, что обыкновенно называется “семейной жизнью” в буржуазном обществе: при заключении браков в этом кругу решающим оказывается в первую очередь “учреждение” и “продолжение” своего “дома”, соответствующее рангу мужа, по возможности увеличивающее его престиж и его связи. Цель брака – увеличение или по крайней мере закрепление ранга и авторитета вступающих в брак особ как представителей своего дома»⁴⁵. Этим объяснялось отмеченное выше распространение гипергамии женщин: в интересах рода можно было взять богатую невесту из семьи с относительно низким социальным статусом. Поведение де Жьяка вполне следовало данной «логике престижа». Он нашел себе невесту с хорошим приданым. Невеста – вдова герцога? Что ж, тем хуже для нее, но не для жениха. В женитьбе на богатой вдове ничего неприличного не было.

Правда, в союзе де Жьяка с мадам де Шон имелось одно весьма пикантное обстоятельство. Невеста ведь была лет на тридцать старше жениха. На разницу в возрасте между де Жьяком и мадам де Шон обращают внимание маркиза де Креки, Шамфор, Мерси-Аржанто и автор «Секретной литературной корреспонденции». Причем де Креки и Мерси-Аржанто лишь деликатно и без комментариев сообщают, сколько лет было де Жьяку и сколько герцогине. Только у Шамфора и в «Секретной литературной корреспонденции» (о которой подробнее речь пойдет ниже) мы встречаем выраженное со всей определенностью мнение о данном обстоятельстве как о нежелательном и способном вызвать пересуды. Шамфор изображает случившееся исключительно как историю брака между престарелой герцогиней и молодым магистратом: «Госпожа де Креки, говоря с герцогиней де Шон о ее браке с г-ном де Жьяком после неприятных последствий этого брака, сказала, что она должна была бы всё это предвидеть, и подчеркнула разницу в возрасте. Мадам, - сказала ей г-жа де Жьяк, - знайте, что женщина, бывающая при дворе, никогда не стареет, а судейский всегда старик»⁴⁶. При этом о какой-либо материальной заинтересованности со стороны де Жьяка Шамфор не говорит ни слова.

⁴² Lainé P.-L. Op. cit. P. 3-4.

⁴³ Créquy V. de. Op. cit. T. 2. P. 7.

⁴⁴ Correspondance secrète, politique & littéraire. T. 10. P. 62.

⁴⁵ Элиас Н. Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ Chamfort S.-R.-N. Op. cit. P. 121-122. Имеется и другой вариант этой же остроты. Мадам де Шон будто бы сказала, «что в глазах буржуа герцогине всегда не больше тридцати лет» (Correspondance complète de la marquise du Deffand. T. 1. P. LXVI). Если эта женщина и говорила что-либо подобное, то версия Шамфора передает ее слова несомненно ближе к оригиналу. Другая версия, которая пользуется гораздо большей популярностью и охотно повторяется многими авторами, похожа на хорошо отшлифованный временем афоризм, утративший связь с обстоятельствами своего появления на свет. Реальная мадам де Шон не назвала бы де Жьяка «буржуа», так как он – в отличие от нее самой – принадлежал к старому дворянскому роду.

Разницу в возрасте общественное мнение в целом воспринимало спокойнее, чем разницу в социальном статусе, именно потому что брак представлял собой союз не индивидов, а семей. Возраст супругов – это их индивидуальная характеристика, не оказывающая влияния на общественное положение или престиж семьи, в то время как социальный статус индивида характеризует не только его, но и его семью.

Вот авторитетное мнение на сей счет автора многочисленных популярных трактатов о правилах хорошего тона аббата Морвана де Бельгарда: «Если старая дама вступает в брак с молодым человеком, то вправе ли она жаловаться на пренебрежение с его стороны? Я знаю, что он обязан быть с ней любезным и предупредительным в благодарность за те расходы, на которые она идет ради него. Но если она требует большего, если ждет неустанной заботы, любви и нежности, то она жестоко просчитается. *Дорине* пятьдесят лет; она вышла замуж за *Филиста*, которому только тридцать; он красив и хорошо сложен, любит тратить деньги и играть по-крупному. *Дорина* на все готова ради своего молодого супруга; она оплачивает его расходы; у него прекрасный экипаж и роскошный стол; но он совсем не любит *Дорину*, презирает ее, не выказывает ей ни малейшего почтения. Это бесчестный человек: благопристойность обязывает его возмещать соблюдением некоторых приличий недостаток любви к престарелой супруге, которая щедро дает деньги для оплаты всех его расходов»⁴⁷. Таким образом, с точки зрения моралиста, сам по себе такой брак не являлся чем-то скандальным. Оба супруга просто должны были вести себя в этой ситуации, как подобает воспитанным людям, и соблюдать внешнюю благопристойность.

Кроме того, если смотреть на вещи в свете основополагающей просветительской оппозиции «естественное чувство»/«предрассудки», то союз тридцатилетнего де Жьяка с шестидесятилетней герцогиней мог выглядеть столь же естественным и непредосудительным, как и союз людей с разным социальным статусом. И век Просвещения дал тому немало примеров. Среди самых знаменитых – многолетние близкие отношения между упоминавшейся здесь в другой связи маркизой дю Деффан и английским поэтом Горацио Уолполом. О подобных делах могли судачить в свете, но оснований для громкого скандала они все-таки не давали.

Смысл второй версии происшествия состоит в том, что оно трактуется как дело о коррупции. С такой точки зрения события представлены в трех источниках: в письмах Мерси-Аржанто, в «Секретной литературной корреспонденции» и в бумагах, исходящих от членов королевского совета. Мерси-Аржанто рассказывает о том, как последние подали королю прошение исключить де Жьяка из их числа: «Г-ну де Жьяку вменялось в вину то, что сей докладчик прошений, готовый жениться на герцогине де Шон, заключил означенный союз в то время, как он выступал докладчиком процесса герцогини против ее сына, каковой и проиграл процесс. Вследствие этого, так как г-н де Жьяк запятнал себя подозрениями в обольщении и сговоре, правосудие требовало лишить его должности в магистратуре. [...] проступок г-на де Жьяка не допускал никаких извинений, а его совершенно абсурдное поведение еще усугубило вину [...]»⁴⁸. Таким образом, в пересказе австрийского посла история была подана сразу в двух ракурсах. С точки зрения французской придворной знати: как смехотворный неравный брак между молодым выскочкой и престарелой богатой герцогиней. И с точки зрения чиновников королевского совета: как грубое нарушение профессио-

⁴⁷ Morvan de Bellegarde J.-B. *Réflexions sur le ridicule, et sur les moyens de l'éviter, où sont représentés les différents Caractères & les Moeurs des Personnes de ce Siècle*. 7e éd. augmentée. Amsterdam, 1707. P. 384-385.

⁴⁸ *Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau*. T. 2. P. 69-70.

нальной судейской этики, заключающееся в потворстве одной из тяжущихся сторон с целью извлечения материальной выгоды.

В письме из «Секретной литературной корреспонденции», помеченном «Из Версаля, 9 июля 1780 г.»⁴⁹, читаем: «Г-н де Жьяк, докладчик на процессе герцогини де Шон, ставший затем ее супругом, был обвинен недоброжелателями в том, что он заполучил прелести герцогини, увядшие от долгого сидения на табурете, а также ее очаровательную шкатулку с драгоценностями благодаря нечестному докладу во время процесса. В этой стране, где все люди честные, результатом стало то, что докладчика прошений отстранили от исполнения его обязанностей, вынудили продать должность сюринтенданта двора королевы и т. д.»⁵⁰ Здесь де Жьяку вменяется в вину уже настоящее должностное преступление: он-де заведомо неверно представил дело в благоприятном для одной из тяжущихся сторон свете, чтобы завоевать доверие и симпатию своей клиентки и вступить с ней в выгодный брак. Суть дела, как излагает его автор «Секретной литературной корреспонденции», именно в этом, тогда как различия в возрасте и социальном статусе супругов предстают второстепенными, хотя и весьма пикантными обстоятельствами, способными придать казусу более широкую огласку.

Все рассматривавшиеся до сих пор отклики принадлежат тем, кто наблюдал за скандалом со стороны. Познакомимся теперь с архивными материалами по «делу де Жьяка», которые позволяют нам узнать точку зрения как самого «скандалиста», так и его рассерженных коллег из королевского совета.

Согласно отчету о деле, составленному деканом королевского совета Жан-Батистом д'Агессо, 22 октября 1773 г. он вместе с одним из старейших государственных советников Жаном-Франсуа Жоли де Флэри после заседания подошел к канцлеру Рене-Николя Мопу и предупредил того, что докладчик прошений де Жьяк готовится вступить в брак с герцогиней де Шон, чей процесс он недавно докладывал, и что герцогиня дала ему денег на приобретение должности сюринтенданта двора дофины. Основываясь на этих фактах, два уважаемых советника обратились к канцлеру с просьбой ходатайствовать перед королем об отстранении де Жьяка от участия в работе совета. Несговорчивый Мопу однако просьбе не внял, и тогда на следующий день д'Агессо собрал у себя 14 государственных советников⁵¹. Они решили обратиться напрямую к королю и составили для него докладную записку, в которой отмечалось, «1) что г-н де Жьяк был докладчиком процесса госпожи герцогини де Шон против ее сына;

2) что едва процесс закончился, как он приобрел должность по цене гораздо более высокой, чем та, которую платил его предшественник;

3) что когда стали выяснять скрытые причины столь странного события, распространился слух о женитьбе г-на де Жьяка на г-же герцогине де Шон [...];

4) что гг. члены совета не могли не обнаружить в поведении г-на де Жьяка доказательств интриги, начатой в то время, когда он был докладчиком г-жи де Шон.

⁴⁹ О женитьбе де Жьяка на герцогине вновь заговорили в 1780 г. в связи с тем, что опальный докладчик прошений обратился к королю с ходатайством снять с него обвинения и восстановить во всех правах в королевском совете. О письме, составленном де Жьяком на имя короля, речь пойдет ниже.

⁵⁰ *Correspondance secrète, politique & littéraire*. Т. 10. Р. 62.

⁵¹ Де Жьяк, доказывая, как несправедливо с ним обошлись, постоянно подчеркивал тот факт, что под докладной запиской стояло всего 14 подписей. Для того чтобы вынести обвинение против судьи, требовалось собрать не менее двух третей голосов членов той корпорации, к которой он принадлежал, а в совете было свыше 140 членов (*Mémoire pour M-r de Giac // AN H 1455. № 127*).

Они просили Короля запретить г-ну де Жьяку появляться в Совете»⁵². Докладная была передана королю в тот же день. Однако и де Жьяк не дремал. Он, со своей стороны, тоже сочинил целых две докладные записки на имя короля. Аргументы, выдвинутые де Жьяком в свою защиту, в основном сводились к следующему: он никогда не виделся с мадам де Шон до того, как его назначили докладчиком на ее процессе против сына; мадам де Шон вообще не являлась тяжущейся стороной, а он сам – ее судьей, так как речь шла о рассмотрении поданной сыном кассационной жалобы на решение Парижского парламента (единственной тяжущейся стороной в деле выступал молодой герцог де Шон); преисполненная благодарности мадам де Шон решила вознаградить своего достойного докладчика за торжество правосудия и, ни слова ему не говоря, начала хлопотать о приобретении для него должности, а затем сама предложила заключить брачный союз; он-де поначалу сопротивлялся, но «затем ум и душевные качества этой дамы его тронули»⁵³, тем более что дама проявляла настойчивость; наконец, четыре месяца спустя после слушания дела он решил, что необходимый срок давности уже истек и препятствий для брака с герцогиней больше нет. «Когда слушание дела завершено, отношения судьи и сторон прекращаются; между ними остаются лишь отношения, присущие человеку и гражданину, и им полностью возвращаются права, дарованные природой и законами»⁵⁴, - утверждал он. Впрочем, в своей первой докладной записке на имя короля де Жьяк заявлял о том, что, узнав о впечатлении, произведенном его близящейся женитьбой на господ членов совета, он готов от нее отказаться, «пока ложные предрассудки не будут побеждены»⁵⁵. Но это не помогло.

В ответ на записки де Жьяка 22 ноября 1773 г. 19 государственных советников составили новое письмо королю. В нем они опять обращали внимание на то, что де Жьяк вступил в недопустимые для судьи отношения с одной из тяжущихся сторон, а затем, в результате брака с герцогиней получил в качестве приданого то самое имущество, которое и составляло предмет тяжбы. «Итак, значит впредь дозволено сразу после решения суда заключать сделки с заинтересованной стороной, только что участвовавшей в процессе, принимать от нее всякого рода подношения, подарки, услуги? Как знать, не был ли уговор достигнут перед решением суда.

Если бы подобное могло стать правилом, правосудие превратилось бы в торг. Сколь опасно было бы для подданных Короля позволить судьям рассматривать выносимые ими постановления по делам как способ извлечь доход.

Г-н де Жьяк ссылается на то, что законы на сей счет молчат. Горе тому, кто в подобном случае обращается к книгам. Законами не предусмотрено, что могут быть судьи, полагающие допустимым принимать подношения»⁵⁶. И в заключение они опять потребовали, чтобы де Жьяку было навсегда заказано появляться в совете.

Отличительная особенность рассуждений рассерженных советников – отсутствие столь хорошо знакомой нам по другим документам темы мезальянса. Есть лишь намеки на разницу в материальном положении супругов: де Жьяк, у которого не могло хватить денег на покупку должности сюринтенданта при дворе дофины, вступил в брак с женщиной, несомненно богатой. Доминирует же здесь тема коррупции. Докладчика прошений обвиняют не в том, что он вступил в неравный брак, а в том, что, обязанный как судья

⁵² Relation de M. d'Aguesseau // AN K 522. № 6, f. 2.

⁵³ Ibid., f. 3.

⁵⁴ Ibid., f.4.

⁵⁵ Ibid., f.3.

⁵⁶ 22 9-bre 1773. Lettre adressée au Roy par 19 de MM. les Conseillers d'Etat // AN K 522. № 6, f. 4.

сохранять беспристрастность, он вступил в личные отношения с мадам де Шон и приобрел должность сюринтенданта на ее деньги. Отметая возражения де Жьяка и его ссылки на права человека и гражданина, члены совета аргументируют свою непреклонную позицию тем, что за внешней свободой поведения докладчика прошения скрывается грязная продажность. В интерпретации коллег де Жьяка женитьба выглядит скорее уловкой, нацеленной на то, чтобы замять уже разгорающийся скандал и придать более благопристойный вид заключенной сделке. Не случайно де Жьяк, оправдываясь, будет настаивать на том, что вопрос о браке между ним и герцогиней обсуждался уже в то время, когда он покупал должность сюринтенданта⁵⁷.

В докладных записках де Жьяка тоже нет ни слова ни о каком мезальянсе, что вполне естественно. Он ведь пытался опровергнуть не насмешки светских дам и господ, а обвинения своих коллег. Обвиняли же его в коррупции. В 1773 г. попытки оправдаться, как мы знаем, не удались, но де Жьяк не сдавался. В июле 1778 г. он снова подает докладную записку на имя уже другого короля, Людовика XVI. В ней он с некоторыми вариациями повторяет прежние аргументы, добавляя следующую сентенцию: «Что же касается несоразмерности положения и богатства между ним и г-жой герцогиней де Шон, то впервые возникла мысль обесчестить человека из-за того, что он женится на женщине богаче, чем он сам»⁵⁸.

Летом 1780 г., согласно «Секретной литературной корреспонденции», де Жьяк обратился к королю с патетическим письмом, в котором бросал в лицо своим недоброжелателям их же обвинения в продажности и объявлял себя жертвой интриг со стороны Жоли де Флэри и хранителя печатей Миромениля: «Меня удивляет, что при самом справедливом, более всего остерегающемся интриг Короле бесхарактерный министр [Миромениль – Л.П.] и жестокий государственный советник [Жоли де Флэри – Л.П.] – два человека, которые не любят ничего кроме денег, – смогли преодолеть его справедливое недоверие! Мое уважение к Вашему Величеству заставило меня вот уже три года молча ждать торжества правосудия, которого я мог бы добиться, если бы мне было позволено вызвать этих особ в суд. Если ваше милосердие способно защитить их от бесчестия, то как оно может оставить обесчещенным самого невинного и верного из подданных?.. Разве при вашем дворе, Сир, Кончини менее уязвимы, чем при дворе великого Генриха? – Вы, Сир, не уступаете ему ни в справедливости, ни в упорстве, так что позвольте подданному, который вас боготворит, поразить двух злодеев» и т. д.⁵⁹ При этом автор «Секретной литературной корреспонденции» сообщает, что ходят даже слухи о возможном производстве де Жьяка в государственные советники. Но этого не произошло. На протяжении долгих лет он добивался также возмещения убытков, которые понес в результате отстранения от работы в совете. На сей счет сохранились документы, относящиеся к 1775 и 1788 г. В первый раз генеральный контролер финансов Тюрго ему отказал, а в 1788 г., в момент острого финансового и политического кризиса, который тогда переживала Франция, уже ни у кого не было желания разбираться с забытым делом пятнадцатилетней давности.

Таким образом, коллеги обвиняли де Жьяка в лучшем случае – в нарушении профессиональной этики, в худшем – в коррупции. Странно, что эти серьезные обвинения – а ведь именно они послужили основанием для отстранения де Жьяка от участия в работе королевского совета – слабо отразились в откликах современников на событие. Из известных

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Mémoire adressé au Roi par M. de Giac et qu'il m'a adressé le 24 Juillet 1778 // Ibid., f. 6.

⁵⁹ Correspondance secrète, politique & littéraire. T. 10. P. 62-63.

нам источников о них не сообщает никто, кроме Мерси-Аржанто и «Секретной литературной корреспонденции». И напротив, в воспоминаниях и записках современников на первый план выходит вопрос о мезальянсе, о котором вообще не упоминают члены королевского совета.

Это несоответствие особенно бросается в глаза при сопоставлении дела де Жьяка с развернувшимся в наши дни скандалом вокруг 60-летнего калифорнийского судьи Джорджа Трэммелла, который занимался уголовным делом супругов-тайваньцев, арестованных по обвинению в похищении людей. В ходе разбирательства муж неожиданно заявил, что судья соблазнил его 37-летнюю жену и даже стал добиваться от нее согласия на брак. Эти обвинения стали достоянием гласности. Судья все отрицал, но тем не менее был вынужден подать в отставку. Малоприятная история привлекла внимание журналистов⁶⁰ и в центре дискуссии встал вопрос о том, действительно ли судья Трэммелл нарушил нормы профессиональной этики и вступил в близкие отношения с подозреваемой или же инвективы в его адрес являются попытками запятнать репутацию судьи с целью отстранить его от ведения дела. Такие детали, как принадлежность судьи и женщины к разным общественным кругам, этнические различия между ними (Трэммелл – белый, а женщина – китаянка) и разница в возрасте упоминаются лишь как штрихи к портретам действующих лиц. Предметом обсуждения в прессе и в обществе становится не социальное неравенство судьи и замешенной в деле женщины, а сам факт их личных отношений. В XVIII в. произошло как раз наоборот. Тогда предметом публичной дискуссии стал не факт нарушения судьей норм профессиональной этики, а неравный брак.

Чем объясняется глухота современников к тем обвинениям в адрес де Жьяка, которые высказали его коллеги? Во-первых, в порядочном обществе вообще считалось неприличным говорить о деньгах, а ведь коллеги обвиняли де Жьяка по сути дела в продажности. В бумагах, адресованных членами королевского совета лично Его Величеству и не предназначенных для чужих глаз, об этом можно было сказать прямым текстом. Докладная записка королю о недостойном поведении одного из его чиновников – не светская беседа, и в ней вовсе не обязательно придерживаться правил хорошего тона. Но авторы прочих документов рассказывали историю де Жьяка, неукоснительно соблюдая все приличия. Во-вторых, разная реакция общества на дело де Жьяка и судьи Трэммелла свидетельствует об изменившихся за прошедшие двести лет представлениях о публичной и частной сферах⁶¹. В настоящее время в сферу публичного интереса входят вопросы профессиональной этики судьи. Был ли судья честен? Сохранял ли он беспристрастность по отношению ко всем лицам, проходящим по делу? Считается, что именно эти вопросы должны волновать общество. Все остальное – подробности частной жизни, и уважающий себя журналист солидной газеты не может их смаковать.

Для современников де Жьяка вопрос о соблюдении им норм профессиональной этики оставался частным делом членов королевского совета. Разумеется, нельзя думать, что в XVIII в. работа государственных учреждений была наглухо закрыта от общественности. Общественное мнение настойчиво вторгалось в эту сферу. Достаточно вспомнить известную кампанию по защите жертв судебного произвола, развернутую Вольтером. Однако вопрос о

⁶⁰ Los Angeles Times. 1997. January 19; Buzz. 1977. April. Информацию об этом деле мне любезно предоставил американский социолог Джон Уайтгли.

⁶¹ О дискуссии по этим вопросам в современной историографии см.: Goodman D. Public Sphere and Private Life: Toward a Synthesis of Current Historiographical Approaches to the Old Regime // History and Theory. 1992. V. 31. № 1.

том, следовал некий член королевского совета правилам профессиональной этики или нет, большого интереса за пределами совета не вызвал. Это было частное дело самих чиновников, которое им предстояло выяснять в узком кругу. В глазах общественности всё затмил брак с герцогиней. Мезальянс воспринимался не как факт частной жизни, а как дело, представляющее общественный интерес, так как он самым скандальным образом нарушал неписанные законы внутрисословной иерархии.

Однако члены королевского совета, как мы знаем, усматривали скандал вовсе не в женитьбе на герцогине, а в том, что де Жьяк в ходе судебного разбирательства принял от нее подношение в виде выгодной должности. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: действительно ли в то время коррумпированность судьи являлась делом столь неслыханным, что сама по себе могла вызвать возмущение его коллег? Современники так не думали. Автор «Секретной литературной корреспонденции» с нескрываемой иронией пишет о том, что «в этой стране все люди честные» и потому нечестный поступок де Жьяка не мог остаться безнаказанным⁶².

Тем самым автор «Секретной литературной корреспонденции» дает понять, что некорректное поведение де Жьяка послужило лишь удобным поводом для его опалы, тогда как истинная причина кроется совсем в другом. В чем именно, данный источник умалчивает. Но об этом открыто заявляет сам де Жьяк и излагает нам уже третью версию происшедшего. С его точки зрения, дело имело политическую подоплеку. Так эта, казалось бы, совершенно частная история о мезальянсе вкупе с коррупцией оказывается вписанной в контекст крупных политических событий, потрясших Францию в последние годы правления Людовика XV.

Чтобы понять аргументацию де Жьяка, вспомним эти события. В начале 1771 г. канцлер Мопу при поддержке короля предпринял глубокую и имевшую важные политические последствия реформу системы правосудия. Существовавший во Франции обычай продажи судейских должностей упразднился. Вместо прежних парламентов, где судьи являлись собственниками своих должностей, учреждались новые суды, члены которых назначались и могли смещаться по королевскому указу. Реформа Мопу, которую некоторые историки расценивают как проявление политики «просвещенного абсолютизма» во Франции, вызвала бурную реакцию в обществе. Естественным было негодование старой парламентской магистратуры, получившей неожиданную отставку. Но возмущалась не только она. Общественное мнение было в основном враждебно реформе, усматривая в ней проявление деспотизма и нарушение неписаных законов французской монархии⁶³. Скандал вокруг женитьбы докладчика прошений де Жьяка неожиданно оказывается тесно связанным с реформой Мопу.

В докладной записке, составленной в 1788 г., де Жьяк настойчиво повторял, что женитьба на герцогине послужила лишь поводом для враждебных выпадов против него. Подлинная же причина в другом: «Мое имя, характер и чувства ко мне, которые г-н Канцлер де Мопу публично выказывал со дня своего вхождения в Совет и сохранил вплоть до самой моей опалы, - всё это привело к тому, что у меня появились тайные враги... Моя душа, устремленная к добру, моя преданность друзьям в ущерб самому себе, мое чистосердечие и неспособность угождать невежеству и пороку только ожесточили их. Три министра и

⁶² Correspondance secrète, politique & littéraire. Т. 10. Р. 62.

⁶³ О реформе Мопу см., напр.: Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire. Paris, 1970.

женщина, у которой была вся власть⁶⁴, замыслили уволить Канцлера; благосклонность, коей удостаивали меня покойный Король, Монсеньор Дофин, Госпожа Дофина и вся Королевская семья, могла стать преградой их планам, поэтому они решили попытаться устранить меня любыми путями. В это время г-н Моу чувствовал слабость своего положения; он не знал, как противостоять сложившемуся против него заговору; политические неудачи мешали ему действовать, и, кроме того, его еще попытались лишить поддержки, которую, как полагали, я был в состоянии ему оказать».

Итак, по словам де Жьяка, он стал жертвой политических интриг. С ним расправились враги канцлера Моу, использовав как предлог брак с мадам де Шон. «Можно ли так насмеяться над честью Гражданина! – восклицает де Жьяк, - [...] Я впервые узнал [...], что покойный Король, врезав со священными правами граждан и предписаниями своих собственных законов, простым письмом, написанным от его имени декану Совета 10 декабря 1773 г., освободил меня от основных обязанностей, связанных с моим положением, не выслушав меня, не дав мне судей и не объявив мне своего, с позволения сказать, решения»⁶⁵. На дворе был уже 1788 год, и то, что раньше преподносилось как несправедливость к «самому невинному и верному из подданных», теперь, в духе времени, следовало изображать как произвол и нарушение «священных прав гражданина».

Разумеется, на мнение одного де Жьяка полагаться нельзя. Ему гораздо приличнее было бы выглядеть жертвой политических интриг, нежели коррумпированным судьей. Но подтверждение этой версии мы находим в «Дневнике» книгопродавца Симеона-Проспера Арди. Этот насыщенный разнообразной информацией манускрипт представляет собой не столько дневник в собственном смысле слова, сколько рукописную газету. На протяжении многих лет Арди регулярно заносил в нее парижские происшествия и слухи и столь же регулярно читал всё это посетителям своей книжной лавки. В записи от воскресенья, 24 октября 1773 г. читаем: "Слухи, касающиеся г-на де Жьяка, докладчика прошений и креатуры г-на канцлера. Сегодня распространился слух о г-не де Жьяке, уроженце Бордо, докладчике прошений с 1768 г., примерно 35 лет от роду, только что получившем место сюринтенданта финансов, доменов и дел Госпожи Дофины [...]. Говорят, что он, выступив в Совете докладчиком в ходе процесса между вдовствующей герцогиней де Шон и ее сыном герцогом де Шоном – процесса, который герцогиня выиграла, - вообразил не только возможным для себя претендовать на руку герцогини, но и даже предпринял шаги, чтобы добиться ее согласия. Государственные советники и докладчики прошений сочли его поведение по меньшей мере неподобающим; в первый раз они собрались, чтобы обсудить такое неосторожное поведение одного из членов Королевского совета, и постановили подать жалобу Господину Канцлеру, но так как Глава правосудия их не выслушал, они приняли решение собраться второй раз и составить докладную записку, которая и была подана Королю в Фонтенбло депутацией под председательством декана Государственного совета г-на д'Агессо. Эта записка возымела успех незамедлительно, ибо почти сразу после того, как она была вручена Его Величеству, г-н де Жьяк получил запрет впредь являться в Совет. В то же время, он лишился пенсии в двенадцать тысяч ливров, предоставленной ему Канцлером, чьей креатурой он является. Наконец, говорят, что ему придется отказаться от места

⁶⁴ Речь идет о мадам Дюбарри. Неприязнь королевской четы к последней фаворитке покойного монарха была общеизвестна, и де Жьяк, стремясь выставить себя в как можно более выгодном свете, не преминул записать ее в число своих врагов.

⁶⁵ Mémoire pour M-r de Giac // AN H 1455. № 127.

сюринтенданта финансов, доменов и дел Госпожи Дофины⁶⁶, так же как и от должности докладчика прошений⁶⁷ и затем, возможно, удалиться в провинцию, откуда он приехал. Радуюсь унижению этого господина де Жьяка, все вспоминают, что в то время, когда члены Совета проявили роковую уступчивость и заместили во Дворце правосудия членов прежнего Парламента, он был шпионом господина Канцлера вместе с сыном последнего г-ном Мопу, также докладчиком прошений, и давал Канцлеру полный отчет обо всем, что происходило на их заседаниях. Всё это было еще свежо в памяти его коллег⁶⁸. Дневник Арди отчетливо передает бытовавшую в парижском обществе неприязнь и к реформе Мопу в целом, и к де Жьяку как ставленнику непопулярного канцлера.

Таким образом, вырисовывается приблизительно следующая картина. В высшем обществе абсолютистской Франции постоянно шла закулисная борьба, и ее участники никогда не отказывали себе в удовольствии унижить того, кто принадлежал к соперничающей группировке. Проведение глубокой политической реформы не могло не привести к обострению этой борьбы. А парламентская реформа Мопу была смелым и серьезным начинанием. Одни ее приветствовали, другие резко осуждали. Страсти накалились, сторонники и противники Мопу относились крайне враждебно к представителям противоположного лагеря. И в такой накаленной атмосфере докладчик прошений де Жьяк, известный как «человек Мопу», сам подставил себя под удар явным нарушением правил профессиональной судейской этики. Де Жьяк устраивал свои личные дела, и, по его представлениям, действовал вполне корректно, не совершая ничего предосудительного. Конечно, он был далек от идеала беспристрастного и неподкупного судьи, но разве только он один таков? Можно предположить, что в иной ситуации (если бы не кипели страсти вокруг Мопу) ему бы всё сошло с рук. Светские сплетники и особенно сплетницы позлословили бы по адресу бывшей герцогини, и этим бы дело кончилось. Де Жьяк мог сорвать солидный куш, ничего не потеряв. Вышло иначе. Повод для скандала в королевском совете он дал. Коллеги не проявили снисходительности и, имея на то веские основания, обвинили его в бесчестном поведении. Наблюдавшая за скандалом публика, не желая вникать в детали чиновничьего крючкотворства, увидела гораздо более пикантную и интересную для себя сторону дела: какой-то судейский женится на герцогине! Что в действительности произошло между ним и герцогиней де Шон, нам неизвестно. Впрочем, что касается герцогини, то ее поведение понятно и вполне типично для этой взбалмошной дамы. А чем руководствовался де Жьяк? Только ли меркантильным расчетом, или тщеславием, или же он в какой-то момент начал испытывать дружескую симпатию к столь экстравагантной особе, увенчанной герцогским титулом? В конце концов, это его сугубо частное дело. Но в результате женитьбы на герцогине оно вышло за пределы закрытого для публики пространства королевского совета, стало предметом обсуждения в обществе и таким образом приобрело публичный характер.

В этом скандале вокруг де Жьяка отчетливо видна его функция выявления и утверждения социальных норм. О возможном влиянии данного казуса на изменение общественных нравов говорить трудно: для этого он все-таки являлся недостаточно масштабным. Маркиза де Креки несомненно была права, говоря о том, что подобные

⁶⁶ Как мы уже знаем из «Секретной корреспонденции», это произойдет спустя полтора года, в 1775 г., когда бывшая дофина Мария-Антуанетта уже станет королевой Франции.

⁶⁷ Этот слух не подтвердился.

⁶⁸ Hardy S.-P. *Mes loisirs, ou Journal d'Évenemens, tels qu'ils parviennent à ma connoissance, commençant à l'année 1772 // Bibliothèque Nationale de France. Manuscrits français 6681 (mf. 2567). P. 237.*

истории могут служить симптомом неких изменений в обществе, только если они становятся многочисленными. Впрочем, как мы знаем, герцогиня де Шон, возможно, и стала законодательницей своеобразной моды на мезальянсы. Но это уже другой сюжет. А «дело де Жьяка» само по себе не дает возможности судить о том, содействовало ли оно хоть сколько-нибудь изменению господствующих в обществе норм и ценностей.

Но данный казус позволяет нам судить о том, какие именно нормы и ценности бытовали в обществе. Три участвовавшие в скандале стороны – «скандалист» де Жьяк, скандализованный королевский совет и наблюдавшая за происходящим публика – интерпретировали его по-разному (чтобы понять, как его интерпретировала мадам де Жьяк, у нас недостает сведений). Сам де Жьяк и меньшая часть наблюдавшей публики (представленная среди известных нам очевидцев только книгопродавцем Арди) усматривали в нем дело с политической подоплекой, «скандализованные» чиновники из королевского совета – дело о коррупции, а большая часть публики (которую составляли как люди высшего света, так и носители просвещенного общественного мнения) – мезальянс. Интерпретация данного казуса со всеми его нюансами как в первую очередь и по преимуществу мезальянса выражает взгляд на него с позиций придворного общества, так как среди всех обстоятельств дела именно неравенство социального статуса являлось самым вопиющим нарушением принятых в этом обществе норм.

Если взглянуть на общественное мнение Франции второй половины XVIII в. сквозь призму «дела де Жьяка», то это позволит добавить некоторые штрихи к привычной картине. Общеизвестно, что в век Просвещения абсолютистское государство и королевский двор утрачивали господство над умами. Интеллектуальное влияние завоевали оппозиционные силы, главным образом парламенты и «философы», чьи идеи широко распространялись в салонах, академиях, литературно-научных обществах и в прессе. Анализ «дела де Жьяка» не опровергает этой схемы, но лишь предупреждает против излишне категоричных обобщений. Двор, при несомненном упадке его «культурной гегемонии» в конце Старого порядка, полностью еще не утратил возможности влиять на «город». Самый яркий пример такого влияния – кампания по дискредитации Марии-Антуанетты, которая началась в предреволюционные десятилетия в высших придворных кругах и сформировала в общественном мнении негативный образ королевы, сохранившийся вплоть до наших дней⁶⁹. Нечто похожее произошло и с «делом де Жьяка». То преобладание, которое получила именно придворная версия этого казуса, в том числе и за пределами аристократического круга, свидетельствует о сохранившемся влиянии системы ценностей придворной среды на общественное мнение эпохи Просвещения. Эта версия затмила все остальные и была воспринята современным историком.

⁶⁹ См. об этом: Thomas Ch. *La reine scélérate: Marie-Antoinette dans les pamphlets*. Paris: Seuil, 1989.

Образцовый подданный французской монархии: от века Людовика XIV к веку Просвещения¹⁴¹

Каждое государство имеет свою модель гражданина, определяющую, какими качествами он должен обладать, как себя вести, какие обязанности исполнять. Была такая модель гражданина (подданного) у французского государства Старого порядка. Она формировалась под воздействием разнонаправленных идейных влияний. Сказывалось влияние господствующей католической Церкви, предписывавшей соблюдение церковных правил и обрядов, следование христианскому вероучению и нормам морали. Наряду с этим существовало влияние идеологии абсолютной монархии и норм придворного общества, требовавших верной службы королю и соблюдения общепринятых норм поведения «порядочного человека» в «хорошем обществе». Наконец, в XVIII в. появилось влияние Просвещения, выдвигавшего на первый план гражданские добродетели.

Имеется любопытный источник, позволяющий рассмотреть эволюцию – на протяжении целого столетия – представлений о том, каким должен быть образцовый подданный короля Франции и образцовый французский гражданин. В серии X (Парижский парламент) Национального архива Франции¹⁴² хранятся документы, озаглавленные примерно следующим образом: «Информация, данная официально по прошению королевского генерального прокурора нами [указывается имя составившего документ советника парламента – Л.П.] о жизни, нравах, речах, католической, апостольской и римской религии и верной службе королю [указывается имя человека, о котором идет речь в документе – Л.П.], ходатайствующего о своем принятии на [...] место и [...] должность» («Information faite d'office à la requête du procureur général du Roi par nous [...] des vie, moeurs, conversation, Religion catholique, apostolique et Romaine et fidélité au service du Roi de [...] poursuivant sa réception en l'état et office de [...]»).

Человеку, жившему СССР, эти тексты сразу напомнят так называемые характеристики, которые требовалось подавать по многочисленным поводам в разные инстанции. «Информации», о которых идет речь, – это своего рода «характеристики», составленные во Франции XVII-XVIII вв. Во Франции Старого порядка, как известно, сложилась практика продажи государственных должностей. Утверждение в должности проходило несколько этапов. За ее приобретением (покупкой или наследованием) обязательно шли пожалование ее королем (*la provision*) и принятие на должность (*la réception*), которое совершалось от имени короля той корпорацией, в состав которой поступало на службу новое должностное лицо¹⁴³. В наших документах речь идет о должностях, контроль над которыми входил в компетенцию Парижского парламента. К их числу относились не только должности в прямом смысле слова, но и, например, звание пэра Франции: привилегией пэров было право заседать в Парижском парламенте, следовательно, в лице нового пэра парламента обретал нового члена своей корпорации.

¹⁴¹ Впервые опубликовано: Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995; L'évolution du discours de l'Ancien Régime: vers le discours de 1789? // The European Legacy: Toward New Paradigms. V. 1. № 1. March 1996.

¹⁴² Archives Nationales (далее – AN) X1B 9423-9438 (Parlement de Paris. Parlement civil. Minutes. – Instructions).

¹⁴³ См.: Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. Paris: PUF, 1992. Т. 2. P. 40-45.

«Информации» представляют собой сделанную в присутствии заместителя прокурора и советника парламента запись устных показаний нескольких свидетелей. Обычно их было четверо. Только если речь шла о пэрах Франции, очевидно, ввиду исключительной важности происходящего, выступали пять свидетелей. Как правило, один из них был священник, духовник претендента на должность, а остальные – «коллеги по цеху». То есть, если собиралась информация о человеке, состоявшем на военной службе, то и свидетелями выступали знавшие его военные; если речь шла о претенденте на должность в суде, то выступали юристы, и т. п. Свидетелем не имел права быть родственник или свойственник претендента, а также лицо, находящееся у него на службе или в услужении. Все показания начинаются с присяги на сей счет.

Сохранившиеся документы относятся к 1686-1779 гг. Большая их часть была составлена в царствование Людовика XIV, в конце XVII – начале XVIII в. Имеется 53 такие «информации», появившиеся в 1686-1703 гг. (обычно в них речь идет о претендентах на должности королевского советника, королевского прокурора, гражданского и уголовного генерального наместника, бальи или сенешаля, мэра города). К сожалению, гораздо меньше «информаций» - всего 7 – дошло до нас от середины – второй половины XVIII в.¹⁴⁴

Когда свидетель давал такого рода показания, он говорил то, что ему полагалось сказать. Содержание документа в общих чертах predeterminedено его заголовком. Свидетелям надо было подтвердить, что имярек ведет добропорядочную жизнь, отличается достойным нравом, говорит подобающие речи, является католиком, верно служит королю и вообще во всех отношениях достоин занять искомую должность (попутно отметим, что среди обнаруженных нами 60 документов нет ни одной «информации» негативного характера, где свидетель давал бы показания против кандидата). При этом каких-то установленных образцов не было. Свидетели давали показания в произвольной форме, руководствуясь своими представлениями о том, что нужно сказать и что от них хотят услышать (Кто именно хочет услышать? Очевидно, как присутствующие, так и те вышестоящие чиновники, в чьи руки впоследствии попадут эти показания). Подчас свидетели влияли друг на друга. Бывали случаи, когда показания двух-трех человек совпадали слово в слово (совпадали только показания «коллег», свидетельства священника всегда отличались, так как в них речь шла больше о духовном). Таким образом, в «информациях» можно обнаружить представления об образцовом подданном и гражданине, как соответствующие официальным требованиям со стороны должностных лиц французской монархии, так и бытовавшие в общественном мнении.

Рассмотрим теперь, во-первых, какие качества претендентов на должности и звания считали нужным отметить свидетели и, во-вторых, какую эволюцию претерпели их показания на протяжении ста лет, с 80-х годов XVII в. до 70-х годов XVIII в.

¹⁴⁴ Так как этих документов немного, имеет смысл перечислить их в хронологическом порядке. Это «информации», касающиеся: Кретьена-Гийома де Ламуаньона, адвоката парламента, претендующего на должность королевского советника и заместителя генерального королевского прокурора (27 ноября 1741 г.); Гийома Бриконне, президента парламента, претендующего на место почетного советника парламента (16 ноября 1744 г.); Луи Жолли, претендующего на должность прокурора бальяжа Труа (4 августа 1761 г.); Анн-Шарля-Сигизмунда де Морморанси-Люксембурга, утверждаемого в звании герцога де Пине-Люксембург и пэра Франции (24 января 1777 г.); Викторньена-Жана-Батиста-Мари де Рошешуара, герцога де Мортемара, утверждаемого в звании герцога де Мортемар и пэра Франции (8 февраля 1777 г.); Луи-Гектора-Оноре-Максима де Сабрана, епископа Лаонского, утверждаемого в звании герцога Лаонского и пэра Франции (15 марта 1779 г.); Анн-Луи-Франсуа де Поля Лефевра д'Ормессона, советника парламента, претендующего на должность королевского советника и президента парламента (15 марта 1799 г.).

Упомянутые свидетелями достоинства и добродетели претендентов можно условно разделить на шесть групп. Первую из них составляют христианские добродетели: речь идет о том, что претендент на должность – добрый христианин, католик, живущий по законам Церкви и соблюдающий все положенные обряды. Ниже мы еще вернемся к этой группе показаний и рассмотрим их подробнее.

Следующую группу образуют «верноподданнические добродетели»: свидетели показывали, что претендент на должность является «верноподданным» (*fidèle sujet*), «вернейшим подданным» (*très fidèle sujet, fort fidèle sujet*), «добрым и верным подданным короля» (*bon et fidèle sujet du Roy*) и т. п.

К третьей группе относятся «наследственные добродетели». Свидетели говорили о том, что не случайно данный человек проявил и несомненно еще проявит себя с самой лучшей стороны, ибо он принадлежит к хорошему роду и унаследовал доблести своих предков. Об этом заходила речь не только при утверждении в звании герцога и пэра. Например, когда в 1741 г. рассматривался вопрос о предоставлении Кретьену-Гийому де Ламуаньону звания и должности королевского советника и заместителя генерального королевского прокурора, то один из его свидетелей, Анн-Жан-Батист Гуалар, советник парламента, говорил, что «домашние примеры, показанные ему в семье, служат надежными гарантиями того, что он станет весьма достойно относиться ко всем обязанностям магистрата, кои будут на него возложены». Выступавший следом советник парламента Жан-Франсуа Роллан тоже подчеркнул, что претендент является «наследником имени Ламуаньонов и станет наследником их заслуг и добродетелей»¹⁴⁵. Подобным же образом Луи-Франсуа де Блер, советник большой палаты, давая в 1744 г. показания в связи с принятием Гийома Брикonne на место почетного советника парламента, говорил, что тот «всегда исполнял свой долг с безукоризненным прилежанием, коего требовали от него и его рождение, и его чувства»¹⁴⁶. Священник Пьер-Луи Боссю, выступавший в 1779 г. по поводу утверждения Анн-Луи-Франсуа де Поля Лефевра д'Ормессона в звании и должности королевского советника и президента парламента (последнюю должность он унаследовал от отца), показывал, что его прихожанин «достойно носит имя, известное в высшей магистратуре, что наследственное в его семье благородство чувств, соединенное с его талантами и личными качествами, предполагает в нем магистрата – друга законов, карающего преступление, и защитника поруганной добродетели»¹⁴⁷.

К четвертой группе можно отнести «профессиональные добродетели». У военных отмечали успешное исполнение их воинского долга. У судей – образованность, интеллект, честность, знание и почитание законов. У владельца типографии Французской академии – усердие и опыт в книгопечатном деле.

Пятая группа охватывает набор «социальных добродетелей», т. е. положительных качеств человека, вращающегося в обществе. Сам термин «социальные добродетели» заимствован из «информации» по поводу утверждения в 1777 г. Анн-Шарля-Сигизмунда де Монморанси-Люксембурга в звании пэра Франции¹⁴⁸. К ним относятся такие определения, как «человек с хорошей репутацией», «честный человек» (*honnête homme*), «порядочный человек» (*homme de bien*).

¹⁴⁵ AN X1B 9429. 27 novembre 1741.

¹⁴⁶ Ibid. 16 novembre 1744.

¹⁴⁷ Ibid. 9436. 15 mars 1779.

¹⁴⁸ Ibid. 9435. 24 janvier 1777.

Наконец, шестую группу составляет то, что можно назвать «гражданскими добродетелями». Это «забота о счастье родины», «служение родине», деятельность для «общей пользы», «любовь к общему благу» и т. п. В дальнейшем мы вернемся к определениям подобного рода и рассмотрим их подробнее.

Таков набор характеристик, фигурирующих в «информациях». Появление каждой группы характеристик в документах, призванных представить претендента на должность с лучшей стороны, вполне логично и закономерно. То, каким образом свидетели считали нужным характеризовать претендента, претерпело на протяжении столетия определенную эволюцию.

Заголовок «информаций» оставался неизменным, а содержание следовавших за ним показаний менялось. На рубеже XVII-XVIII вв. свидетели много и подробно говорили о том, что претендент на должность неукоснительно исполняет свой долг христианина-католика. В качестве примера можно привести «информацию», касающуюся Панталона Брюшье, экюйе и бывшего адвоката парламента, претендента на должность королевского советника и гражданского и уголовного генерального заместителя (1693). Сначала приходской кюре заверил всех в том, что он исповедовал и причащал Панталона Брюшье и что тот, следовательно, принадлежит к католической, апостольской и римской Церкви. Затем выступил адвокат парламента Жан Робтон и показал, «что он знаком в течение нескольких лет с означенным Брюшье и доподлинно знает, что тот исповедует католическую, апостольскую и римскую религию, так как видел, что он присутствовал на мессе, исповедовался и причащался святых таин». Адвокат парламента Робер Папен тоже подтвердил, что «знает, что он исповедует католическую, апостольскую и римскую религию, поскольку видел, как он был на мессе и причащался»¹⁴⁹. Это лишь один пример, но он отражает общую картину. В то время не только священники, но и другие свидетели рассказывали, что тот человек, в чью пользу они дают показания, является добрым католиком и что они своими глазами видели, как он ходит в церковь, исповедуется и причащается. Таким образом, десятилетия, непосредственно следовавшие за отменой Нантского эдикта (1685), отличались обостренным вниманием к тому, чтобы претенденты на государственные должности были в конфессиональном отношении безупречны.

В документах более позднего времени очевидно ослабление религиозного рвения, и место, занимаемое «католической, апостольской и римской верой», становится в них гораздо скромнее. В «информациях» 1741 и 1744 гг. подробно на эту тему говорили только священники, а в показаниях 60-70-х годов XVIII в. уже и те только отмечали принадлежность данного лица к католической Церкви, не вдаваясь в детали. Особенно примечательно то, что священник мог вообще ничего об этом не сказать и, подобно «коллегам», свидетельствовать только относительно сугубо мирских добродетелей своего духовного чада. «Информация» священника Жака-Клода Перена о «жизни, нравах, речах, католической, апостольской и римской религии, верной службе королю, искусности и опыте в военном деле» Анн-Шарля-Сигизмунда де Монморанси-Люксембурга (1777) заслуживает быть приведенной полностью. Кюре «показывает, что он имеет честь знать господина герцога де Люксембурга не только как прихожанина, но и благодаря высоким качествам, приобретенным его общепризнанными добродетелями и заслугами, и что ему известно, как и всем, с каким достоинством тот всегда поддерживал славу своих предков, и что он предоставляет удовольствие показать больше на сей счет вельможам, имеющим

¹⁴⁹ Ibid. 9424. 5 mars 1693.

честь и удовольствие быть тому свидетелями в большей мере, нежели он, и он сказал, что это всё, что ему известно, и подписал»¹⁵⁰. В показаниях священника нет ни слова о том, каким же прихожанином был герцог де Монморанси-Люксембург. Нельзя не отметить, что кюре оказался в деликатной ситуации. Ему трудно было бы произносить красивые слова о верности католической Церкви одного из основателей масонской ложи Великий восток Франции, однако это не помешало ему рекомендовать герцога Люксембургского самым положительным образом.

Разумеется, в нашем распоряжении имеется слишком мало документов, относящихся к середине – второй половине XVIII в., и это не дает нам оснований для широких обобщений, однако в них прослеживается та же тенденция к обмирщению разных сторон жизни человека XVIII века, которая ранее неоднократно изучалась историками на основании других массовых источников¹⁵¹. Наши «информации» говорят о том, что с середины XVIII в. в представлениях свидетелей и тех, перед кем они выступали, отношения с Церковью постепенно утрачивали прежнее значение для получения званий и должностей. В этих документах по-своему отразился переход религии из публичного пространства в частную сферу. Хотя во Франции XVIII в. католицизм по-прежнему оставался единственно возможной для подданных короля религией, все государственные служащие тем более обязаны были принадлежать к католической Церкви, а протестанты получили законный гражданский статус только в 1787 г., однако несмотря на это религия всё больше осознавалась как частное дело человека. «Информации» могут служить еще одним тому подтверждением.

Другим важным направлением эволюции стало то, что в «информациях» XVIII века «верноподданнические добродетели» уступили место «гражданским». Современники Людовика XIV в своих свидетельствах говорили о службе именно королю, а не отечеству. Они не разграничивали понятий «король» и «государство». Редкий пример разделения личности суверена и абстрактного политического тела государства дают разве что показания относительно Бернара Геньяна, вступавшего в должность прокурора парламента. Трое из его свидетелей в один голос заявили, «что он очень предан службе королю и обществу» (*qu'il est très affectionné au service du Roy et du publique*). Таким образом, в этом тексте король и «*le public*» одновременно соединены и отделены друг от друга; эти два понятия поставлены в один ряд, но король занимает в нем первое место. В документах 1741 и 1744 гг. свидетели – хотя и не все – еще продолжали отмечать «преданную службу королю», а из показаний второй половины XVIII в. такие характеристики почти исчезают. Только три человека: маркиз де Лашатр, характеризуя герцога де Мортемара, утверждавшегося в звании герцога-пэра Франции, отметил «его безупречную службу королю» (*son Exactitude au service du Roy*)¹⁵²; у Луи-Гектора-Оноре-Максима де Сабрана, епископа Лаонского, утверждавшегося в звании герцога Лаонского и пэра Франции, один из свидетелей (Андре-Эркюль де Россе, герцог де Флёри) отметил

¹⁵⁰ «... depose qu'il a l'honneur de connoitre Monsieur le Duc de Luxembourg non seulement en qualité de paroissien mais par les hautes qualités que ses Vertus et merites universellement reconnus luy ont acquises et qu'il scait avec tout le public avec quelle dignité il a toujours soutenu la gloire de ses ancêtres et qu'il laisse aux grands qui ont l'honneur et la satisfaction d'en être plus temoins que luy le plaisir D'en Deposer d'avantage qui est tout ce qu'il a dit scavoir et a signé» (Ibid. 9435. 24 janvier 1777).

¹⁵¹ См., напр.: Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation, les attitudes devant la mort en Provence au XVIIIe siècle. Paris: Seuil, 1973; Idem. La mentalité révolutionnaire, société et mentalités sous la Révolution française. Paris: Editions sociales, 1985. P. 42-46.

¹⁵² AN X1B 9435. 8 février 1777.

«его привязанность к королю» (*son attachement pour le Roy*), и относительно Лефевра д'Ормессона свидетель (президент парламента Кретьен-Франсуа де Ламуаньон) заверил, что тот будет исполнять свои обязанности «на благо короля, на пользу обществу и во славу правосудия»¹⁵³. «Верноподданным» уже никого не величали. Вместо этого появился новый, почти отсутствовавший ранее в свидетельских показаниях (за исключением свидетельств, касающихся «преданного службе обществу» Бернара Геньяна), набор словесных штампов, обозначающих «гражданские добродетели».

Особенно колоритны показания о епископе Лаонском. Бригадир королевских армий и почетный кавалер королевы Шарль-Франсуа-Казимир де Со, граф де Таван отметил «его чувствительность к славе и счастью родины» (*sa sensibilité pour la gloire et le bonheur de sa patrie*). А бригадир королевских армий и почетный кавалер графини д'Артуа Шарль-Франсуа-Гаспар-Фидель, граф де Вентимиль показал, «что он всегда был преисполнен религиозного рвения и занят делами и обязанностями, присущими уважаемому Епископу и полезному Гражданину; что его глубокое образование, его любовь к религии, его чуткость к славе нации, его забота о счастье народов и его высокое происхождение делают его весьма достойным Почетного звания пэра Франции»¹⁵⁴. То есть свидетели стали говорить о службе и верности не королю, а родине и нации.

Было ли это изменение риторики следствием перемены образа мыслей? У нас нет оснований считать, что эти вельможи, священники и судьи, дававшие свидетельские показания во второй половине XVIII в., не ценили верность королю и не считали ее своим долгом. В годы Французской революции все четыре персонажа, упомянутых в рассмотренных выше «информациях» 1770-х гг. (герцог де Монморанси-Люксембург, герцог де Мортемар, епископ Лаонский и президент парламента Лефевр д'Ормессон), будучи депутатами Учредительного собрания, доказали на практике свою верность трону. В письмах 1789-1790 гг. герцог де Монморанси-Люксембург не скупился на прочувствованные слова о поддержке монархии дворянством и о верности королю¹⁵⁵, но двенадцать лет назад люди его круга – и будущие контрреволюционеры, и будущие либералы – говорили на другом языке.

Остановимся на примере с епископом Лаонским и зададимся вопросом: что мог иметь в виду граф де Вентимиль, когда называл епископа «полезным гражданином»? Известно, что делами своей епархии он не занимался. По словам исследователя французского епископата Старого порядка Мишеля Перонне, всеми церковными делами в Лаоне управляли капитулы (в первую очередь, кафедральный капитул) и аббаты. У епископа до этого просто руки не доходили, так как он занимал пост первого придворного капеллана королевы и потому постоянно жил в Версале¹⁵⁶. Таким образом, его «гражданская польза», «чуткость к славе нации» и «забота о счастье народов» на практике представляли собой службу при дворе королевы, но для обозначения этой службы использовались «гражданские», «патриотические» слова. Результаты нашего исследования совпадают с другими известными примерами усвоения «патриотической»

¹⁵³ «... pour le bien du service du Roy, l'utilité publique et l'honneur de la justice» (AN X1B 9436. 15 mars 1779).

¹⁵⁴ «... qu'il l'a toujours vu penetré de zele pour la religion et sans cesse occupé de la pratique des devoirs et des qualités qui constituent un Eveque respectable et un Cytoyen util; que sa profonde instruction son amour pour la religion, sa sensibilité pour la gloire de la nation, son affection pour le bonheur des peuples et la grandeur de sa naissance le rendent bien digne de l'Eminente dignité de pair de France» (AN X1B 9436. 15 mars 1779).

¹⁵⁵ Filleul P. Le duc de Montmorency-Luxembourg. Paris, 1939. P. 255-258.

¹⁵⁶ Péronnet M. Les évêques de l'ancienne France. Lille, 1977. Vol. 1-2. P. 907-908, 967.

риторики правящими элитами французской монархии. «Гражданином» был не только епископ Лаонский, но и сам Людовик XVI, причем впервые его так назвал отнюдь не Шарль-Луи-Франсуа де Барантен в знаменитой речи на открытии Генеральных штатов 5 мая 1789 г., а гораздо раньше¹⁵⁷. Причем отчасти «патриотический» дискурс 1770-1790-х гг. восходил к риторике епископа Ж.-Б. Боссюэ, по словам которого Христос и апостолы являют собой примеры «добрых граждан» (*de bons citoyens*)¹⁵⁸. «Добрый гражданин», по Боссюэ, - это тот, кто уважает общественный порядок, является благодетелем народа и всегда готов отдать жизнь за родину и свой народ. Понятие «гражданин» в официальном дискурсе французской монархии было неразрывно связано с идеей государственного интереса (*la raison d'Etat*), тогда как в «патриотическом» дискурсе 1770-1780-х гг. оно наполнилось новым смыслом и прочно соединилось с идеями гражданских прав и гражданского равенства.

Люди, в чьей преданности королю и монархии нет никаких оснований сомневаться, для заверений в этой преданности использовали новую, нетрадиционную риторику и тем самым способствовали еще большему ее распространению¹⁵⁹. Говорить о верности королю стало не принято, немодно, зато теперь принято было говорить о верности родине и нации, и наши свидетели эту новую моду усвоили и сами ее распространяли. Если учесть, что показания давались ими по случаю утверждения в государственных должностях, то напрашивается вывод, что и отношение властей к новой манере изъясняться было весьма снисходительным. А последствия этого оказались далеко не безобидными. Пожалуй, в данном случае мы имеем дело с теми примерами из повседневной практики, с поступками, совершаемыми без всякой задней мысли, и словами, превратившимися в общие места, которые, по мнению Роже Шартье, охлаждали верноподданнические чувства не меньше, чем оппозиционные сочинения «философов»¹⁶⁰.

Большое место в показаниях свидетелей второй половины XVIII в. занял набор «социальных добродетелей». В показаниях, относящихся ко времени царствования Людовика XIV, о них обычно никто ничего не говорил. Исключение составляет уже знакомый нам Бернар Геньян, о котором три свидетеля заявили, что «видели, как он посещал уважаемых и заслуженных особ, во мнении коих он всегда слыл весьма честным человеком (*un fort honneste homme*) добропорядочной жизни, нравов и речей»¹⁶¹. Во второй половине XVIII в. показания о «социальных добродетелях» стали общим местом. Наиболее очевидной интерпретацией этого изменения может быть то, что в свидетельской риторике отразился процесс усвоения и распространения ценностей и правил поведения

¹⁵⁷ Данный эпитет применительно к королю можно встретить, в частности, в протоколах генеральных ассамблей французского духовенства. См., например: *Collection des procès-verbaux des assemblées générales du clergé de France depuis l'année 1560 jusqu'à présent. Année 1782.* Paris, 1783. P. 267.

¹⁵⁸ Bossuet J.-B. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte.* Paris, 1709. P. 51.

¹⁵⁹ В связи с этим будет уместно вспомнить результаты исследований Джеффри Меррика, наглядно показавшего, как духовенство и парламенты в XVIII в., гневно осуждая «философов», в то же время перенимали у них и риторику, и некоторые идеи. Провозглашая традиционный принцип монархии Божественного права, они на практике отвергали его своим поведением и таким образом, сами того не желая, способствовали десакрализации французской монархии не меньше, чем вышеупомянутые «философы». См.: Merrick J.W. *The desacralization of the French monarchy in the eighteenth century.* Louisiana State Univ. Press, 1990.

¹⁶⁰ Chartier R. *Les origines culturelles de la Révolution française.* Paris: Seuil, 1990. P. 108-110.

¹⁶¹ AN X1B 9424. 27 mars 1692.

придворного общества¹⁶². Но тогда возникает закономерный вопрос. Отмеченный процесс шел уже на рубеже XVII-XVIII вв., почему же его следов не заметно в «информациях» того времени? Дать исчерпывающий ответ на него не представляется возможным, потому что «информации» второй половины XVIII в. крайне малочисленны и не вполне сопоставимы с «информациями» рубежа XVII-XVIII вв.: в них речь идет о людях, занимавших слишком разное общественное положение. Можно предположить, что объяснением – по крайней мере, одним из объяснений – служит именно эта разница в социальном статусе. Ведь сохранившиеся «информации» второй половины XVIII в. касаются людей, занимавших самое высокое положение и принадлежавших к придворному обществу. В нашем распоряжении нет показаний относительно придворных аристократов века Людовика XIV, а тем социальным слоем, который представлен в имеющихся «информациях» рубежа XVII-XVIII вв., эти ценности («социальные добродетели») тогда еще не были усвоены.

Таким образом, если судить по изученным «информациям» представления об образцовом подданном французского короля на протяжении XVIII века претерпели определенную трансформацию. Это по-прежнему добрый католик, но церковная жизнь стала преимущественно его частным делом. Его общественная репутация получила официальное признание. Он по-прежнему принадлежит к хорошей семье, обладает высокими профессиональными качествами, верно служит... Служит кому? Разумеется, королю, но теперь об этом предпочитают умалчивать, предпочитая более «современную» лексику. Эрозия официального дискурса французской монархии проявилась даже в документах, в которых по определению полагалось говорить о верности королю. В «информациях» отразились многие важные процессы, происходившие в культуре и обществе Старого порядка в XVIII в. (перемещение религии из публичной сферы в частную; «десакрализация» монархии; усвоение «социальных добродетелей», распространявшееся «сверху вниз», начиная от придворного круга к более широким слоям дворянства и далее на другие слои общества). «Информации» в целом подтверждают наши знания об этом и вносят в них дополнительные нюансы. Остается лишь еще раз пожалеть о том, что документы, датируемые второй половиной XVIII в., не дошли до нас в количестве, достаточном для полноценного диахронического исследования. Впрочем, не исключено, что дополнительный материал для такого исследования могут дать архивы других учреждений, например Счетной или Налоговой палат, также изучавших информацию о жизни и нравах своих новых членов.

¹⁶² Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 100-145.

Размышления французского аристократа XVIII века о развитии финансов и торговли¹⁶³

Изучение документов из личных и семейных архивов стало активно развивающимся направлением современной историографии. Историки стремятся «исходить из индивидуального, чтобы лучше понять коллективное, принимая во внимание многочисленные факторы, способные объяснить или помочь расшифровать системы ценностей и их пространственные, социальные и, в особенности, временные вариации»¹⁶⁴.

В этой статье речь пойдет о трех документах французской дворянской семьи де Ланжерон, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Ланжероны принадлежали к древнему дворянскому роду Андро (Andrault), известному с XIII в. В 1420 г. Лоран Андро, оруженосец герцога Бурбонского женился на наследнице сеньории Ланжерон, расположенной в провинции Ниверне, и стал первым бароном де ла Ферте-Ланжерон. В XVI в. отделилась младшая ветвь рода, де Молеврье-Ланжерон (Maulevrier-Langeron); впоследствии за военные заслуги ее главы Людовик XIV возвел сеньерию Молеврье в ранг маркизата.

Документы семьи Ланжерон были куплены во Франции у антикваров в 1927 г. Вероятной причиной того, что они оказались в Центральном партийном архиве, был интерес директора Института К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) Д.Б. Рязанова к одному из представителей этого рода – Луи-Александрю Андро, графу де Ланжерону, который участвовал в Войне за независимость Америки, в начале Французской революции отправился в Вену с намерением присоединиться к австрийской армии и воевать против турок, но после отказа со стороны императора Иосифа II весной 1790 г. поступил на русскую службу. В составе русской армии он участвовал во всех крупных кампаниях конца XVIII – начала XIX в., в том числе командовал дивизией под Аустерлицем и прошел с русской армией от Москвы до Парижа в 1812-1814 гг. В 1815-1822 гг. он был генерал-губернатором Новороссии, сменив на этом посту герцога де Ришельё.

Приобретая семейный архив Ланжеронов, Рязанов очевидно рассчитывал пополнить коллекцию документов Французской революции. В действительности в них нет почти ничего касающегося революции, что не делает их менее интересными для исследователя.

Всего фонд семьи Ланжерон насчитывает 550 дел периода 1664-1831 гг. Разумеется, среди них значительную долю составляют документы семейной истории: доказательства дворянского происхождения, посмертные описи имущества, свидетельства об уплате налога капитации, о приеме членов семьи в Орден Святого Людовика и т. п.

Поскольку члены семьи Ланжерон принадлежали к «дворянству шпаги», в их архиве сохранилось немало документов по истории французской армии и флота XVIII в.:

¹⁶³ Впервые опубликовано : Universitas historiae. Сборник статей в честь П.Ю. Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016.

¹⁶⁴ Bardet J.-P. Pour dire quelque chose sur nos conduites érudites // Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age à l'époque contemporaine). Enquêtes, Analyses, Publications / sous la dir. de J.-P. Bardet, E. Arnoul, F.-J. Ruggiu. Bordeaux: Presses Univesitaires de Bordeaux, 2010. P. 646. См. также: Artières Ph., Kalifa D. L'historien et les archives personnelles: pas à pas // Sociétés et Représentations. Histoire et les archives de soi. 2002. № 13. P. 7-15; Les Ecrits du for privé. Objets matériels, objets édités / sous la dir. de M. Cassan, J.-P. Bardet, F.-J. Ruggiu. Limoges: Presses Universitaires de Limoges, 2007.

сведения о комплектовании, вооружении, продвижении по службе и награждениях, расходах, отчеты об инспекциях полков, донесения периода военных кампаний, в частности, Семилетней войны.

Среди корреспонденции членов семьи Ланжерон встречаются письма, адресованные известным особам: французскому послу в Мадриде герцогу де Дюра и королю Испании Фердинанду VI, герцогу де Шуазёлю и принцу Конде, генеральному директору финансов Жаку Неккеру.

Наконец, в архиве Ланжеронов есть составленные членами семьи записки и трактаты (*mémoires*) на темы, не связанные напрямую с военной службой. О трех из них дальше и пойдет речь, чтобы, как уже было сказано, «исходя из индивидуального, лучше понять коллективное».

К документам такого рода относятся три записки. Две из них посвящены чрезвычайно актуальному для Франции XVIII века вопросу о налогах. Они озаглавлены «Январь 1765. Записка о налогах» и «Разъяснение записки». Третья - «Записка о больших дорогах»¹⁶⁵. Все три сочинения подписаны одинаково, буквой «L». Их автором является представитель младшей ветви рода, Ш.-К. Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон¹⁶⁶. Авторство мне помогло установить то, что среди документов из архива Ланжеронов есть адресованное королю Испании письмо 1754 г. с просьбой позволить сохранить в семье после смерти отца пожалованную ему цепь Ордена Золотого руна. Письмо написано тем же самым человеком, что и записки о налогах, о чем свидетельствуют почерк и некоторые характерные особенности орфографии. В семье Ланжеронов был один кавалер Ордена Золотого руна – скончавшийся в 1754 г. маршал Франции Жан-Батист-Луи Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон, таким образом, автор записок – его старший сын Шарль-Клод.

Военный аристократ неслучайно обратился к столь «неблагородной» материи, как финансы и налоги. Проблема стояла в центре общественного внимания. Не прошло и двух лет после окончания Семилетней войны, которая, помимо бесславной утраты большей части французских колониальных владений, легла тяжелым бременем на королевскую казну¹⁶⁷. Дефицит резко возрос¹⁶⁸, введенные друг за другом вторая и третья двадцатины (соответственно в 1756 и 1759 гг.) не решали проблемы, а их взимание встречало сопротивление дворян и других привилегированных¹⁶⁹. В ведомстве генерального контролера финансов К.-Ш.-Ф. де Лаверди разрабатывался план финансовой реформы¹⁷⁰.

¹⁶⁵ «1765 janvier. Mémoire sur les impositions», «Explication du mémoire», «Grands chemins. Mémoire» // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Фонд 319. Опись 1. Дела 460, 461, 462.

¹⁶⁶ Шарль-Клод Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон (1720-1792), командир полка Конде (1743), генерал (*maréchal-de-camp*, 1758), генерал-лейтенант королевских армий (1762), кавалер Ордена Святого Духа (1784), женат на Луизе Перрине, дочери Давида-Пьера, сьера де Пезо (*de Pezeau*), генерального сборщика финансов Фландрии, Эно и Артуа (*Dictionnaire des familles françaises anciennes ou notables à la fin du XIXe siècle*. Т. 1. Paris, 1983. P. 195-196).

¹⁶⁷ См.: Riley J.C. *The Seven Years War and the Old Regime in France. The Economic and Financial Toll*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1986.

¹⁶⁸ Ален Гери наглядно продемонстрировал это графиками: Guéry A. *Les finances de la monarchie française sous l'Ancien Régime* // *Annales ESC*. 1978. N 33 (2). P. 227-229.

¹⁶⁹ Первая двадцатина, т.е. 5%-й налог с доходов от земельной собственности, была введена в 1749 г. для покрытия долга, образовавшегося в результате участия Франции в Войне за австрийское наследство. О двадцатинах подробнее см.: Touzery M. *L'invention de l'impôt sur le revenu. La taille tarifée 1715-1789*. Paris: CHEFF, 1994.

¹⁷⁰ См.: Félix J. *Finances et politique au siècle des Lumières. Le ministère L'Averdy, 1763-1768*. Paris: CHEFF, 1999; Legay M.-L. *La banqueroute de l'Etat royal : La gestion des finances publiques de Colbert à la Révolution française*. Paris: Editions de l'EHESS, 2011. P. 118-132.

Королевская декларация 21 ноября 1763 г. предлагала парламентам изложить свои мнения относительно оздоровления финансов, взимания налогов и составления земельного кадастра. Летом 1764 г. Лаверди, выходец из парламентской среды, обещал парламентам, налоговым и счетным палатам предоставить всю необходимую для этого информацию из генерального контроля. Мнения военной аристократии на сей счет специально не спрашивали, однако интерес к королевским финансам не был ей чужд. Идея поставить под контроль государственные доходы и расходы отвечала традиционной роли аристократов – прирожденных советников короля.

Налогообложение, по мнению автора, - «простая материя сама по себе», но невежество одних, жадность других вкупе с несчастливими обстоятельствами превратили его в «абстрактную науку»¹⁷¹. Свое рассуждение он начинает с исторического экскурса и обвиняет министров Марии Медичи, а также Ришельё и Мазарини в том, что те наплодили чрезмерное количество бюро и должностей, которые, помимо прочего вреда, привели к появлению «дворянства мантии», освобожденного от налогов. Автор предлагает реформировать налоговую администрацию во Франции, руководствуясь шестью принципами. (1) Суверен и народ связаны взаимными обязанностями: долг короля – правосудие и защита подданных, долг народа – подчинение и помощь королю. (2) Для защиты подданных суверен нуждается в деньгах, а потому каждый должен отдавать государству часть своих доходов. (3) Государственные налоги должны платить все сословия: «Так как все сословия принадлежат к одной семье, естественное право обязывает каждого индивида нести свою часть налогового бремени. Уклоняться от этого – значит отречься от семьи»¹⁷². (4) Реальные доходы дает земля, поэтому основой налогообложения должна быть земельная собственность. (5) Торговля и промышленность нуждаются в защите со стороны государства и потому с них тоже должны уплачиваться налоги. (6) Каждый обязан платить налоги сообразно своим доходам и потребностям государства.

Чтобы собирать налоги, следует составить генеральный кадастр, т. е. произвести подсчет благосостояния каждого отдельно взятого населенного пункта, а затем – всех бальяжей и провинций Франции, предварительно уточнив их границы. Уполномоченные лица должны подсчитать численность и состав населения каждого города и каждой деревни, число домов, площади пахотных земель, виноградников, выпасов, лугов, лесов, болот и пустошей, число конюшен и содержащихся в них лошадей и повозок, подсчитать коров и быков, коз, овец, ослов и мулов, определить примерную урожайность зерновых и винограда, количество собираемого на лугах сена и хвороста в лесах и т. д.

Задуманную им реформу Ланжерон предполагал вводить постепенно, так как люди обычно опасаются всяких нововведений. Поэтому он считал целесообразным не менять порядок налогообложения сразу повсеместно, а ограничиться для начала двумя-тремя провинциями, с тем чтобы на их примере всем стали видны преимущества новой системы.

При составлении кадастра автор предлагает обратиться к уже имеющемуся опыту французских провинций Лангедок, Прованс и Дофине, Сардинского королевства, а особенно – принадлежавшего Пруссии герцогства Клевского, где он во время Семилетней войны в течение двух лет командовал французскими войсками и где ему приходилось в числе прочего заниматься и вопросами налогообложения.

¹⁷¹ РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 460. 1765 janvier. Mémoire sur les impositions. P. 1.

¹⁷² Ibid. P. 6.

Из уполномоченных для выполнения этой работы половина, по его мнению, должна назначаться королем, а другая – представлять провинцию. Составленный ими кадастр затем выносился бы на утверждение депутатов от трех сословий провинции. Раскладку налогов на основании кадастра будет проводить провинциальный интендант совместно с представителями трех сословий. Ланжерон, таким образом, не акцентируя на этом внимания, предлагает восстановить повсеместно сословное представительство на провинциальном уровне и расширить его участие в налоговой администрации. О роли провинциальных парламентов в вотировании местных налогов он не упоминает. Затрагивая этот вопрос, Ланжерон откликается на еще одну большую реформу, затеянную Лаверди: выкуп муниципальных должностей и введение процедуры выборов городских муниципалитетов из числа местных нотаблей¹⁷³. Новые, выборные органы власти должны были, по замыслу генерального контролера, заниматься, в частности, финансовыми и налоговыми делами на местах. Муниципальная реформа Лаверди была проведена в жизнь далеко не везде, но в провинции Ниверне, где располагались родовые владения Ланжеронов, она как раз имела временный успех¹⁷⁴, так что автор записки имел возможность на практике оценить новую систему. Однако то, что он предлагает, принципиально отличается от проекта Лаверди. У того, во-первых, все члены муниципалитетов избирались и только мэр назначался королем. Во-вторых, новая администрация составляла мощную конкуренцию не только корпорациям офисье, но и королевским интендантам. В проекте Ланжерона, напротив, явно просматривается «вертикаль власти»: избирается только половина новой администрации, а половина назначается королем, и работать эта администрация должна совместно с интендантом. Проект этот, скорее, напоминает будущие провинциальные собрания Ж. Неккера: совещательные органы при интендантах, призванные уменьшить влияние провинциальных парламентов.

Такая реформа, по мнению Ланжерона, принесет выгоду государству и будет необременительна для народа, но для ее проведения важно найти патриотически настроенного государственного деятеля, способного «заставить пожертвовать привилегиями ради общего блага» и «доставить счастье суверену, осчастливив его народ»¹⁷⁵.

Автор видит в перераспределении налогового бремени меру не исключительно финансовую, но и общественно-политическую. Предлагаемая им налоговая реформа призвана одновременно пополнить королевскую казну и способствовать поддержанию порядка и согласия в обществе. Если дворянство разделит с народом бремя налогов, у последнего будет меньше причин для недовольства и больше уважения к дворянской собственности. В результате «каждый француз почувствует патриотическое воодушевление, любовь к славе Франции и ее Короля»¹⁷⁶. При этом Ланжерон ссылается на авторитет своего знаменитого предшественника – автора «Проекта королевской десятины» маршала С. де Вобана, чьи идеи, не встретившие понимания во Франции, были

¹⁷³ См.: Bordes M. L'administration provinciale et municipale en France au XVIIIe siècle. Paris: SEDES, 1972; Félix J. Op. cit.; Legay M.-L. Les Etats provinciaux dans la construction de l'Etat moderne aux XVIIe et XVIIIe siècles. Genève: Droz, 2001.

¹⁷⁴ Juvet M. L'application de la réforme municipale de Laverdy à Nevers (1764-1766) // Mémoires de la Société académique du Nivernais. T.61. Nevers, 1979.

¹⁷⁵ Mémoire sur les impositions. P. 22.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 462. Explication du mémoire. P. 14.

с успехом воплощены в Пьемонте, герцогстве Клевском, епископстве Мюнстерском и некоторых других иностранных владениях¹⁷⁷.

«Записку о больших дорогах» Ланжерон начинает с признания хорошо известного факта: все иностранцы, посетившие Францию, пребывают в восторге от большого количества прекрасных дорог. Однако, по мысли автора, это не значит, что с дорогами в стране всё в порядке. Подобно Ф. Броделю, он мог бы назвать Францию XVIII века «жертвой своего огромного пространства»¹⁷⁸. Чтобы нагляднее объяснить свою мысль, Ланжерон прибегает к такому сравнению: для торговли дороги – то же самое, что для страны реки. Дороги обогащают людей, подобно тому как речные воды оплодотворяют почву. Но для того чтобы земля в стране была плодородной, недостаточно одних только больших рек – нужны еще ручьи, родники и каналы. Точно так же для процветания торговли, сельского хозяйства и промышленности нужны как большие, так и малые дороги. Сейчас же в хорошем состоянии пребывают лишь главные дороги, которые лучами сходятся в столице.

Из этих общих соображений следует, что сеть хороших дорог во Франции должна стать более густой. Свой вывод автор обосновывает на примере состояния дорог в провинции Берри, где необходимо развивать коммуникации с соседними провинциями, устраивать подъездные пути к мануфактурам и к деревням для облегчения торговли зерном, вином, шерстью и лесом.

Однако благое пожелание построить как можно больше хороших дорог ставит проблему финансирования их строительства, ремонта и содержания. Автор находит, что существующая дорожная барщина (*la corvée*) представляет собой обременительную и малоэффективную повинность, так как на время дорожных работ крестьянин вынужден забросить свое хозяйство, а содержание самого работника ложится дополнительным бременем на государство. Вместо этого Ланжерон предлагает, во-первых, выделять ежегодно провинциям средства из фонда мостов и дорог; во-вторых, направлять в дорожную кассу провинции определенную часть уплачиваемой тали; в-третьих, предоставить общинам возможность откупиться от дорожной барщины; в-четвертых, призвать хозяев мануфактур, торговцев и землевладельцев, заинтересованных в строительстве и содержании дорог вносить добровольные пожертвования. При этом во избежание злоупотреблений все расходы на дорожное строительство должны регулярно предаваться гласности. Что касается рабочих рук, то, ссылаясь на опыт древних римлян, он предлагает направлять солдат на строительство дорог.

Вопрос о состоянии дорог, а следовательно и торговли в стране тоже обретает в глазах Ланжерона политический смысл, ибо интересы короля неотделимы от интересов его подданных и «только у богатых подданных может быть воистину богатый Король»¹⁷⁹.

Записки, составленные маркизом де Ланжероном, свидетельствуют о состоянии умов французских дворян, недовольных результатами Семилетней войны и озабоченных усилением военного могущества Франции. Ланжерон тоже обеспокоен этим и, сам будучи военным, размышляет в первую очередь, тем не менее, не о военных, а о финансовых реформах и о создании благоприятных условий для торговли.

¹⁷⁷ Ibid. P. 15.

¹⁷⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3-х тт. / пер. с франц. Л.Е. Куббеля. Т.3. М.: Прогресс, 1992. С. 319-359.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 461. Grands chemins. Mémoire. P. 21.

Составляя свои прожекты, он ведет себя как аристократ, отвечающий за судьбу страны, как надежная опора короля. Его позиция представляет особый интерес в свете разгоревшихся во Франции середины XVIII века дискуссий о месте дворянства в обществе. В 1756 г. друг за другом вышли в свет сочинения аббата Г.-Ф. Куайе «Торгующее дворянство» и шевалье д'Арка «Военное дворянство, или Французский патриот»¹⁸⁰. Куайе призывал дворян заниматься торговлей и промышленностью, чтобы приносить этим пользу себе и своей стране. Д'Арк же полагал, что истинное призвание дворян во все времена – служить королю со шпагой в руке на полях сражений. Ланжерон в этой дискуссии предлагает «третий путь»: не изменяя традиционному для дворянина военному ремеслу, он всесторонне печется о благе страны и короля, в том числе об их финансовом благополучии и развитии торговли.

Профессиональный военный маркиз де Ланжерон мог познакомиться с проблемами экономики и финансов хотя бы потому, что его тесть занимал должность генерального сборщика финансов провинций Фландрия, Эно и Артуа. Кроме того, у него был и личный опыт решения подобных вопросов в герцогстве Клевском.

Записки маркиза де Ланжерона показывают, какими путями могла идти циркуляция идей в Европе века Просвещения. Хорошо известно значение газет, путешествий, корреспондентских сетей «республики литераторов». Но и феномен войны тоже играл свою роль в этом процессе. В конце Старого порядка Война за независимость Америки способствовала формированию поколения либерально настроенных французских дворян. А неудачная для Франции Семилетняя война породила проекты реформ в разных областях – от реорганизации армии до изменения налоговой системы и мер поощрения торговли.

В предложениях Ланжерона интересно, на какие образцы он опирается. При всей англomanии, свойственной французскому обществу XVIII в., проекты некоторых реформаторов, особенно военных, вдохновлялись германскими примерами. Так, новый дисциплинарный устав, введенный военным министром Клодом-Луи-Робером, графом де Сен-Жерменом и вызвавший яростную критику в обществе, был составлен по прусскому образцу. Маркиз де Ланжерон в своем проекте кадастра ориентировался, во-первых, на план введения королевской десятины, предложенный некогда маршалом Вобаном, и, во-вторых, на тот земельный кадастр, действие которого он наблюдал во время войны в герцогстве Клеве.

¹⁸⁰ Coyer G.-F. *La noblesse commerçante*. A Londres, 1756; Arcq Ph.-A. de Sainte-Foy, chevalier d'. *La Noblesse militaire, ou le Patriote françois opposé à la noblesse commerçante*. A Paris, 1756. См. об этой дискуссии: Depitre E. *Le Système et la querelle de la Noblesse commerçante (1756-1759)* // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1913. № 2. P. 137-175.

Французская революция и русская история в сочинениях графа де Ланжерона¹⁸¹

В предисловии к «Трем портретам эпохи Великой французской революции» А.З. Манфред писал о том, что в этой книге выразилась его склонность «раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов, к которым относятся и революции, через изображение отдельных их деятелей»¹⁸². То, о чем пойдет речь в данном очерке, отчасти будет созвучно устремлениям Альберта Захаровича. Правда, я собираюсь показать не столько, как через судьбу отдельного человека раскрывалось внутреннее содержание эпохи Французской революции, сколько, как отдельный человек воспринимал и интерпретировал протекавшие на его глазах «большие общественные процессы».

В результате Французской революции конца XVIII в. и последовавших за ней событий горизонты европейцев расширились, связи и взаимодействие между уроженцами разных стран стали более интенсивными и многообразными. В ряду важных факторов такого взаимодействия следует назвать эмиграцию. Французские эмигранты, оказавшись в России, пытались осмыслить проблемы – Запад и Восток, Европа и Россия, особенности политических режимов и их смены в разных странах, - которые были предметом раздумий еще до революции, в культуре Просвещения. Теперь у них возникла необходимость вернуться к этим вопросам с учетом обретенного ими нового, собственного опыта.

Одним из французских эмигрантов, который волею судеб оказался в России и много размышлял над этими вопросами, был герой настоящего очерка Луи-Александр Андро, граф де Ланжерон. После необходимого краткого знакомства с главным действующим лицом и его богатым литературным наследием мы остановимся на не лишенной своеобразия интерпретации Ланжероном Французской революции. При том что его оценка революции была однозначно негативной, кое-что из революционного опыта он все же усвоил. И, наконец, мы посмотрим, как Ланжерон воспринимал российские реалии. А его точка зрения представляет несомненный интерес. Дело в том, что, приехав в Россию, он остался там до конца своих дней. Можно сказать, что эта страна стала его второй родиной; он не раз воевал за Россию, в том числе и против французов. Вместе с тем, Ланжерон был образованным французом XVIII века, а во французской, как и в целом в европейской культуре того времени образ России был преимущественно негативным: Россия являла собой «идеальный тип» деспотической страны. В годы эмиграции его прежние, книжные представления обогатились непосредственными, личными впечатлениями. Попробуем же выяснить, как французский эмигрант видел и интерпретировал открывшиеся ему русские реалии и как он соотносил их с образом России, который сложился у него раньше, на основании того, что он когда-то читал и слышал об этой стране.

1. Ланжерон, его «Записки» и другие сочинения

Луи-Александр Андро, кавалер-граф де Ланжерон, маркиз де ла Кост, барон де Куньи, де ла Ферте-Ланжерон и де Сасси, барон Австрийской империи и гражданин

¹⁸¹ Впервые опубликовано: Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.З. Манфреда. М.: ИВИ РАН, 2008.

¹⁸² Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1989 (1978). С.17.

Женева родился в Париже в 1763 г. Человек он был военный, не философ и не профессиональный литератор, но военный-интеллектуал, сочинявший литературные произведения, театральные пьесы и оставивший несколько томов мемуаров. Таким образом, можно сказать, что его сочинения отражают картину происходящего, свойственную хотя и не выдающемуся мыслителю той эпохи, но весьма незаурядному представителю социальной элиты.

В 1777 г. он начал военную карьеру и участвовал в Войне за независимость Америки. Много лет спустя, вспоминая те годы, он назвал их «самой счастливой порой своей жизни». Заметим попутно, что, описывая войну в Америке в своих мемуарах, он ни словом не обмолвился, что то была Война за независимость нового государства, и вообще не уделял никакого внимания политической стороне событий. Пребывание в Америке предстало в его описании как череда военных и любовных походов: «Желание отличиться и обрести опыт привело меня в Америку во время войны 1778 г. Она, казалось, дала передышку Европе, перенесла свое разрушительное действие в другой свет. Я поспешил туда. Я был молодым, пылким, обожал военное дело, обожал женщин. Ради чести и любви я был способен на все. Я поклонялся и служил только этим двум божествам»¹⁸³.

В 1789 г. Ланжерон был командиром пехотного полка Арманьяка. Накануне революции он, подобно многим французским дворянам, разделял общее недовольство политическим режимом (который он, согласно расхожей формуле того времени, называл «министерским деспотизмом»), надежду на предстоящие реформы и увлечение идеями Просвещения. Свои надежды на лучшее будущее он связывал с предстоящим созывом Генеральных штатов. Позднее он напишет об этих несбывшихся мечтах: «Казалось, для Франции воссиял свет нового дня; доброта и благодеяния монарха, чаяния народа, созыв генеральных штатов, - всё возвещало полную революцию, которая, уничтожив навсегда отдельные пороки правления, должна была привести страну к вершинам славы и счастья!»¹⁸⁴

Тем не менее, год спустя Ланжерон оставил революционную Францию. Получив разрешение короля, он отправился в Вену, намереваясь вступить в австрийскую армию, воевавшую с турками. Но получив от Иосифа II отказ, весной 1790 г. он поступил на русскую службу. Больше он во Францию не вернулся. С этого времени за событиями Французской революции он наблюдал извне, в основном, из России.

Через несколько лет Ланжерон дослужился до генеральной наместника, в 1799 г. получил русское подданство и стал графом Российской империи. Революционная, а затем наполеоновская Франция оказалась для него вражеской страной. В 1792-1793 гг. он воевал против нее в составе армий герцогов Брауншвейгского и Саксен-Кобургского. За свою военную карьеру он участвовал во всех крупных кампаниях, которые вела Россия в конце

¹⁸³ «Le désir de me distinguer et de m'instruire m'avait appelé en Amérique pendant la guerre de 1778. Elle semblait laisser respirer l'Europe pour aller porter ses ravages dans un autre monde. J'y courus. J'étais jeune, ardent, idolâtre de mon métier, idolâtre des femmes. Disposé à tout entreprendre pour l'honneur et pour l'amour, ces deux divinités étaient le seul objet de mon culte et de mes vœux» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербург. Далее – ОР РНБ. Фонд 73. Дело 243. «Une aventure du comte de Langeron racontée par lui-même». 1783. Копия второй половины XIX в. Л. 1-2).

¹⁸⁴ «Un nouveaux jour semblait luire pour la France; la bonté, la bienfaisance de son monarque, les désirs du peuple, la convocation des états généraux, tout annonçait une révolution totale qui, en détruisant à jamais quelques abus de son gouvernement, devait la conduire au plus haut degré de gloire et de bonheur!» Цит. по: Forneron H. Histoire générale des émigrés pendant la Révolution française. Paris, 1884. P. 42.

XVIII – начале XIX в. против Швеции (1790), Турции (1790-1791, 1806-1812, 1828) и Франции (в 1805 г. командовал дивизией русской армии под Аустерлицем и воевал на стороне русских в кампанию 1812-1814 гг.). В 1815 г. он стал генерал-губернатором Новороссии, сменив на этом посту Армана-Эмманюэля дю Плесси де Шинона, герцога де Ришельё (Ланжерон занимал пост генерал-губернатора до 1822 г.). После военной кампании 1828 г. против Турции он по болезни оставил армию. Таким образом, он оставался на русской службе на протяжении 40 лет.

Начиная с 1796 г. Ланжерон вел дневник своих военных кампаний; в 1820-е гг. он его отредактировал и дополнил примечаниями¹⁸⁵. Именно в этих записках и можно найти его рассуждения о революции во Франции и о положении дел в России. Текст записок не предназначался для публикации, так что Ланжерон высказывался там весьма откровенно. Он был также автором драматургических произведений, в том числе трагедии «Мазаньелло, или Неаполитанская революция» (1798), явно вдохновленной опытом революции во Франции.

Биографы А.С. Пушкина рассказывают такой анекдот. Однажды в 1820-х гг. в Одессе Ланжерон будто бы спросил у Пушкина, какого тот мнения о сочиненной им пьесе. Пушкин не пожелал ее читать, «как не любитель галиматьи», и старался отделаться общими комплиментами, но генерал не отставал и требовал особенно сказать мнение о двух главных героях драмы¹⁸⁶. Некоторые детали указывают на то, что речь шла о пьесе «Мазаньелло» (по жанру это трагедия; в ней два главных героя; в пьесе речь идет о политических событиях, потому что слова Пушкина о том, что ему больше нравится такой-то герой, заставили генерала воскликнуть: «Так! Я узнаю в тебе республиканца; я предчувствовал, что этот герой тебе больше понравится!»).

II. Ланжерон – интерпретатор Французской революции

Революция круто изменила его жизнь, но до конца своих дней – в своем образе мыслей, вкусах и пристрастиях – он оставался человеком Старого порядка. Согласно мнению историка XIX в. Леонса Пенго, «этой своей фривольной стороной и воспоминаниями о Трианоне он оставался верен двору, своему первому и единственному отечеству»¹⁸⁷. Как признавался сам Ланжерон, «меня никак нельзя упрекнуть в склонности к анархии, опустошающей Францию на протяжении 10 лет¹⁸⁸: я роялист своими чувствами, убеждениями, вкусами, долгом и честью»¹⁸⁹. Убежденным роялистом и легитимистом он оставался до конца своих дней. Впоследствии революция 1830 г. внушала ему такой же ужас, как и революция 1789 г. Весной 1831 г. он написал в одном

¹⁸⁵ Ланжерон завещал эту рукопись библиотеке Дома Инвалидов в Париже; в настоящее время она хранится в Архиве Министерства иностранных дел Франции. В России было сделано несколько копий отрывков из мемуаров Ланжерона, в том числе, по распоряжению Александра III, полная копия всего текста; в конце XIX – начале XX в. многие отрывки из мемуаров переводились на русский язык и публиковались в различных журналах.

¹⁸⁶ Попов М.М. А.С. Пушкин // Русская Старина. 1874. Т. X. С. 687.

¹⁸⁷ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris: Perrin, 1886. P. 349.

¹⁸⁸ Эти слова были написаны в 1798 г.

¹⁸⁹ «Je suis royaliste par sentiment, par conviction, par goût, par devoir et par honneur» (Mazaniello, ou la Révolution de Naples, tragédie en cinq actes et en vers. Odessa, 1819).

частном письме: «Состояние Франции ужасно, а ее будущее еще ужаснее: вы вновь увидите 91 год со всеми его ужасами, но вы этого хотели»¹⁹⁰.

Как нам уже известно, Ланжерон был очевидцем событий 1789-начала 1790 г. О том, что происходило в дальнейшем в революционной Франции, он получал информации не больше, чем его русские современники.

В его сочинениях Французская революция предстает в трех измерениях. Первое из них – конкретно-историческое: Ланжерон рассуждал о самом событии и его причинах, давал ему оценку.

Он описывал революцию как большую катастрофу, наступившую в результате мелких и случайных причин. Среди предпосылок революции он ставил на первое место финансовый кризис. Рассуждая на тему финансового кризиса, он подчеркивал значение плохой администрации и персональную ответственность министров, особенно Жака Неккера, Шарля-Александра де Калонна и Этьена-Шарля де Ломени де Бриенна, чьи многочисленные пороки и ошибки привели к катастрофическим результатам. Оплошности этих министров оказались особенно пагубными из-за вспыльчивого характера французской нации:

«Затруднения, вызванные небольшим финансовым дефицитом, непрерывная смена министров в этой столь важной области администрации и непостоянство принципов правления были незначительными причинами, вызвавшими столь страшные последствия. [...] За этим презренным шарлатаном, за этим иностранцем, эгоистичным и неразборчивым в средствах обогащения, за этим банкиром, надутым от спеси и глупости, с ненасытным честолюбием, чья посредственность в административных делах равнялась его безумным претензиям, словом, за этим Неккером, который погубил приютивших его Государя и Государство, последовал Калонн: салонный остро слов, идол нескольких старых дам, легкомысленный и взбалмошный растратчик, а за ним явился Ломени, архиепископ Санский и кардинал: деспотичный церковник, низкий, аморальный и нечестивый человек, лишенный талантов и добродетелей; [...] усиливая произвол власти, он ускорил ее падение: этот министр своими эдиктами, Калонн ассамблеей нотаблей и Неккер Генеральными штатами вызвали и ускорили падение Франции, потому что французы не умеют держать себя в разумных рамках и всегда доводят до крайности то, к чему побуждают их кипящие страсти»¹⁹¹.

Итак, Французская революция произошла по вине нескольких некомпетентных министров и вследствие дурного характера французской нации. В 1790 г., когда писались

¹⁹⁰ «L'état de la France est horrible et son avenir encore plus: vous allez revoir 91 et toutes ses horreurs, mais on l'a voulu» (Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 319. Дело 471. Ланжерон виконту де Граммону, 19 марта 1831).

¹⁹¹ «L'embarras occasionné par un faible déficit dans les finances, le changement continuel des ministres de cette partie si intéressante de l'administration, et celui des principes du gouvernement, furent les causes légères qui produisirent de si terribles effets. [...] A ce misérable charlatan, à cet étranger égoïste et peu scrupuleux dans les commencements de sa fortune, à ce banquier gonflé d'orgueil et de sottises, et dévoré d'ambition et dont la médiocrité en administration égalait ses folles prétentions, à ce Necker enfin, qui perdit le Souverain et l'Etat qui l'avaient adopté, succéda le Calonne, bel esprit de toilette, idole de quelques vieilles femmes, déprédateur aussi léger qu'inconséquent, et, après celui-ci, vint Loménie archevêque de Sens et cardinal: prêtre despote, homme vil, immoral et impie, sans talents comme sans vertus; [...] en exagérant l'arbitraire du pouvoir il en précipita la chute: ce ministre par ses édits, Calonne par les assemblées des notables et Necker par les Etats Généraux, causèrent et accélérèrent la ruine de la France, parce que les français ne sachant jamais se renfermer dans de justes bornes, portent toujours jusqu'à l'enthousiasme, ce qu'ils projettent dans l'effervescence de leurs passions (ОР РНБ. Фонд 73. Дело 274. Journal des campagnes faites au service de Russie. Т. II. Л. 19-20).

эти строки, еще речи не было о том, что все случилось «по вине Вольтера и по вине Руссо». Позднее, в 1824 г., работая над текстом своих записок, Ланжерон добавил к приведенным выше словам примечание, содержащее обвинения в адрес «философов», которые будто бы составили заговор с целью погубить монархию. «Было еще немало других, - писал он о предполагаемых причинах революции, - разумеется, финансовые трудности сыграли главную роль, и именно они ускорили развязку, но ее на протяжении пятидесяти лет готовила дерзкая и преступная лига философов, подрывавших самые основы морали, религии, подчинения и верности»¹⁹².

В записках Ланжерона (по крайней мере, в той их части, с которой мне довелось ознакомиться) отсутствуют упоминания о прочитанных им книгах, так что судить о его культурно-философском багаже довольно трудно. Однако очевидно, что между тем временем, когда Ланжерон впервые записал в дневнике свои размышления о причинах революции (1790), и тем, когда он стал их дорабатывать (1824), уже вышли и получили известность «Размышления о Французской революции» Эдмунда Бёрка (1790), «Размышления о Франции» Жозефа де Местра (1796), «Мемуары к истории якобинизма» аббата Огюстена Баррюэля (1798). Даже если Ланжерон сам этих книг и не читал, он наверняка о них слышал. Во всяком случае, идея ответственности «философов»-энциклопедистов за развязывание революции к 1820-м гг. стала уже весьма популярной.

Революция, с его точки зрения, являла собой череду преступлений и жестокостей. Он неоднократно возмущался «этой ужасной и разрушительной революцией, которая представила содрогнувшемуся миру зрелище всевозможных преступлений, жестокостей и низостей»¹⁹³. В биографическом очерке, посвященном его старому другу герцогу де Ришельё, который совершил с ним вместе несколько военных походов и предшествовал ему на посту генерал-губернатора Одессы, он описывал «страшный день 5 октября» 1789 г., когда голод и революционное брожение привели «в Версаль огромные толпы этих гнусных и свирепых бунтовщиков, ужас и позор человечества [...]; дорога на Севр была забита адскими полчищами этих неистовых чудовищ, готовых убивать и понуждавших к этому своих главарей». Герцог де Ришельё «припал к стопам своего Суверена вместе с другими защитниками трона. Но вскоре пленение Короля отдалило его от самых верных слуг. Людовик XVI, отданный во власть палачей, окруженный министрами, порочными и вышедшими в большинстве своем из самой последней черни, подвергавшийся угрозам со стороны убийц, публично требовавших его головы, Людовик XVI, наконец, возможно, слишком безразличный к своей жизни, слишком безропотно покорный судьбе и являвший собой образец добродетелей скорее мученика, нежели короля, потребовал от своих преданных друзей и защитников самой большой и тягостной жертвы, к какой только мог их принудить, - он приказал им удалиться»¹⁹⁴. Примечательна данная им неоднозначная

¹⁹² «Il y en a eu bien d'autres, certainement l'embarras des finances a été la plus instante et celle qui a précipité le dénouement, mais il avait été préparé pendant cinquante années par la ligue audacieuse et criminelles des philosophes qui avaient sapé tous les fondements de la morale, de la religion, de la subordination et de la fidélité» (Там же. Л. 19).

¹⁹³ Notice sur les premières années de Monsieur le Duc de Richelieu et sur sa vie militaire jusqu'à sa nomination à la place de chef de la ville d'Odessa. Par le comte de Langeron. Odessa, 1 (13) janvier 1825 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 54: Armand-Emmanuel, le duc de Richelieu. Documents et papiers sur sa vie et ses activités. 1766-1822. С. 12-13.

¹⁹⁴ «Mais bientôt la captivité du Roi le sépara de ses serviteurs les plus zélés. Louis XVI livré à ses bourreaux, entouré de ministres pervers et sortis pour la plupart des derniers rangs de la populace, menacé par des assassins qui proscrivaient publiquement sa tête, Louis XVI, enfin peut-être trop indifférent sur sa vie, trop résigné à son sort et faisant plutôt admirer les vertus d'un martyr que celles d'un roi, exigea du dévouement de ses amis et de ses

оценку поведению Людовика XVI, в которой критика действий короля соединилась с преклонением перед его человеческими качествами.

Для Ланжерона квинтэссенция революции – это якобинизм. Он полагал, что опыт революции создал во Франции нового человека: без принципов, без морали и без религии¹⁹⁵. Кроме того, он замечал, что революция принесла с собой существенные изменения в международных отношениях, лишив войны того куртуазного характера, какой они носили при Людовике XIV и Людовике XV¹⁹⁶.

Второе измерение, в котором изображена революция в записках Ланжерона, – историко-политологическое. Французская революция стала для него моделью, которую он использовал, размышляя над сходными феноменами, имевшими место в другое время и в других странах Европы. Так, события второго (1793) и третьего (1795) разделов Польши дали ему возможность выявить аналогии с перипетиями Французской революции. Говоря о польских делах, он высоко оценивал конституцию 1791 г. за то, что она аннулировала *liberum veto*, учредила наследственную монархию и гарантировала привилегии дворянства. Последний раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией он называл «нациеубийством» (*nationicide*) и очень сожалел об «уничтожении нации (уже приниженной) [...], которая только что увеличила и консолидировала власть своего Короля, сделала правление абсолютно монархическим и наследственным, учредила существование своего дворянства на самых прочных и справедливых основах»¹⁹⁷. Но он решительно осуждал восстания поляков в 1794 г., показавшие, с его точки зрения, что польская нация «разделяла чувства и принципы тех чудовищ, которые в то время (под именем Якобинцев) отвергали Бога, ниспровергали троны, попирали все законы, предавались преступлениям и убийствам и захватывали собственность»¹⁹⁸. С восстаниями в Варшаве и Вильно, по словам Ланжерона, «польская революция показала другое, самое отвратительное лицо, лицо Французской революции. Известно, что если дать черни волю, то ее трудно остановить; чернь Варшавы и Вильны вскоре уподобилась парижской черни [...]. Игнацы Потоцкий, Коллонтай и некий Дениско¹⁹⁹ стали вожаками восставшей и распоясавшейся черни; если бы революция продолжалась, эти трое господ, вероятно стали бы ее Маратами и Робеспьерами»²⁰⁰. Помимо этого сопоставления народных движений в двух революциях, Ланжерон обращался к французскому опыту, говоря о событиях,

défenseurs le sacrifice le plus entier et le plus douloureux qu'il pût leur imposer, - il les força de s'éloigner» (Notice sur les premières années de Monsieur le Duc de Richelieu. С. 13).

¹⁹⁵ Березинская операция в войну 1812 г. Записки графа Ланжерона // Изборник разведчика. 1899. № 12. С. 142, 158.

¹⁹⁶ Там же. С. 81-83.

¹⁹⁷ «[...] l'anéantissement d'une nation (déjà abaissée) [...] qui venait d'augmenter et de consolider la puissance de son Roi, de rendre son gouvernement absolument monarchique et héréditaire, cette nation qui venait de fonder l'établissement de sa noblesse sur les bases les plus solides et les plus justes» (ОР РНБ. Фонд 73. Дело 273. Л. 593).

¹⁹⁸ «[...] partageait les sentiments et les principes des monstres qui alors (sous le nom de Jacobins), reniaient leur Dieu, renversaient les trônes, foulaient aux pieds toutes les lois, se nourrissaient de crimes et d'assassinats, et envahissaient toutes les propriétés» (Там же).

¹⁹⁹ В 1794 г. магнат Игнацы Потоцкий (1741-1809), священнослужитель и ученый Гуго Коллонтай (1750-1812) и Иоахим Дениско (1756-1812) были активными участниками восстания под руководством Тадеуша Костюшко.

²⁰⁰ «[...] la révolution polonaise prit une autre face, et la face la plus hideuse, celle de la révolution de France. Lorsqu'on lâche la populace on sait qu'il est difficile de l'arrêter; celles de Varsovie et de Vilna imitèrent bientôt celle de Paris [...]. Ignace Potocky, Kolontay et un Denisko, s'étaient faits les chefs de la populace insurgée qui ne connaissait plus aucun frein; ces trois messieurs, si la révolution eut duré, en eussent peut être été les Marat et les Robespierre» (ОР РНБ. Фонд 73. Дело 273. Л. 606).

предшествовавших второму разделу Польши. Этот пример, пожалуй, особенно интересен. Ланжерон интерпретирует события двух революций, применяя выстроенную им трехчастную модель. В обеих странах он находит одни и те же участвовавшие в революциях три политические партии (*роялистов, конституционалистов и якобинцев*):

«Если сравнивать революции в Польше и во Франции, мы находим в обеих странах три партии, абсолютно схожие в своих принципах: 1-я в Польше – это партия революции 3 мая²⁰¹, честных и пламенных патриотов, стремившихся изменить конституцию своей страны, чтобы обеспечить ей лучшую участь, подобно роялистам во Франции, они предвидели крайности и бедствия, к которым приведут предлагавшиеся коренные перемены, и желали сохранить хотя бы часть своего прежнего правления, чтобы предупредить эти бедствия и обеспечить спокойствие отечества путем мудрых и умеренных реформ. 2. Тарговицкие конфедераты²⁰² подобны конституционалистам во Франции; одни нашли в реставрации губительного режима у себя на родине, а другие – в ниспровержении своего правительства средства для сведения личных счетов, для удовлетворения необоснованных притязаний и непомерных амбиций или возможность обогатиться. Наконец, 3, мы вынуждены сказать, что Екатерина II и Фридрих-Вильгельм последовали примеру Якобинцев, которые присваивают чужое имущество, ставят свою волю на место законов, вторгаются в Королевские Дворцы и обращают Суверенов в самое постыдное рабство: эта картина сурова, но правдива»²⁰³.

Аналогии, к которым прибегает Ланжерон, на первый взгляд, могут показаться парадоксальными. Он сопоставляет французских роялистов и польских конституционалистов, французских конституционалистов и польских антиконституционалистов и антиреформистов и, наконец, французских якобинцев и европейских монархов, совершивших раздел Польши. Но в этих парадоксах прослеживается определенная логика. В схеме, описанной Ланжероном, во главу угла положен принцип королевского суверенитета, который для него является основополагающим для монархического правления, и соблюдение или несоблюдение этого принципа служит важнейшим критерием для интерпретации и оценки позиций, занятых политическими «партиями» во Франции и в Польше. Итак, если следовать этой логике, роялисты во Франции и авторы конституции 3 мая 1791 г. в Польше признавали королевский суверенитет, и если они предлагали реформы, то делали это в интересах укрепления королевского суверенитета и в интересах государства, которые друг от друга неотделимы. Конституционалисты во Франции и антиконституционалисты в Польше, преследуя свои личные интересы, наносили ущерб королевскому суверенитету. Наконец,

²⁰¹ «Революцией 3 мая» Ланжерон называет принятие упомянутой выше конституции 3 мая 1791 г.

²⁰² Тарговицкая конфедерация – образованный в 1792 г. союз польских магнатов, направленный против конституции 3 мая в защиту традиционных шляхетских вольностей.

²⁰³ «Lorsqu'on compare la révolution de Pologne et celle de France, on trouve dans les deux pays, trois partis absolument semblables par leurs principes : le 1er est en Pologne, celui des auteurs de la révolution du 3 Mai, patriotes aussi honnêtes que zélés, qui ont cherché à changer la constitution de leur pays, pour améliorer son sort, comme les royalistes en France, prévoyant l'excès des maux qui devaient résulter des bouleversements proposés, désiraient conserver au moins une partie de leur ancien gouvernement, pour prévenir ces maux et assurer la tranquillité de leur patrie par des réformes sages et modérées. 2. Les confédérés de Targovitz sont comme les constitutionnels en France; les uns ont trouvé dans la restauration du régime désastreux de leur patrie, et les autres dans le bouleversement du gouvernement de la leur des moyens de satisfaire des vengeances particulières, des prétentions sans moyens, ou une ambition déréglée, ou d'avoir des occasions de s'enrichir. Enfin 3; on est forcé de dire que Catherine Seconde et Frédéric Guillaume ont imité les Jacobins qui usurpent les biens des autres, mettent leur volonté à la place des lois, violent le Palais des Souverains et livrent leurs personnes au plus honteux esclavage: ce tableau est sévère, mais il est vrai» (ОР РНБ. Фонд 73. Дело 273. Л. 596-597).

Екатерина II и Фридрих-Вильгельм II, подобно якобинцам во Франции, действовали чисто волюнтаристским образом, не уважая законов и не останавливаясь перед полным уничтожением королевского суверенитета, а следовательно, и национального суверенитета Польши.

Третье измерение, в которое Ланжерон помещает Французскую революцию, можно назвать художественно-мифологическим. Происходит это, что неудивительно, на страницах сочиненного им художественного произведения. Была еще одна европейская революция, помимо польской, которую Ланжерон сопоставлял с французской. Речь идет о революции середины XVII в. в Неаполитанском королевстве. Она стала сюжетом трагедии «Мазаньелло»²⁰⁴, написанной в 1798 г. и опубликованной в 1819 г. в Одессе, в то время, когда Ланжерон был там генерал-губернатором. Неаполитанская революция представлена как конфликт между «роялистами» и «якобинцами», который выстраивается в четырехчастную композицию. Протагонисты драмы хорошо сбалансированы: их всего четверо, два «роялиста» и два «якобинца», причем среди тех и других имеется один «положительный» (т. е. честный, преданный общему благу; это роялист Фердинанд Вальбург и республиканец Перроне) и один «отрицательный» (т. е. беспринципный честолюбец; таковы в пьесе неаполитанский вице-король и республиканец Мазаньелло). Революция, таким образом, становится полем действия человеческих страстей, и эти страсти могут быть хорошими или дурными независимо от политического выбора. В прилагавшихся к тексту пьесы авторских комментариях Ланжерон объяснял, что ставил перед собой целью показать, какие бедствия несет революция, но, вместе с тем, хотел продемонстрировать преимущества и недостатки как монархического, так и республиканского правления²⁰⁵.

Монологи Мазаньелло²⁰⁶ полны явных и скрытых цитат и аллюзий на дискурс Французской революции:

Великая свобода! Вот твои знамена!
Развалины дворцов, эти пики и кинжалы
Станут оружием славы в наших руках
И утвердят победу на нашем кровавом пути.
Вперед, и пусть наша отвага в этот день
Принесет бессмертие нашим славным именам²⁰⁷.

(Акт 2. Сцена 10)

Друзья мои, различайте, кто наш брат, а кто враг:
Разрушайте дворцы и не трогайте хижин²⁰⁸.

(Акт 3. Сцена 3)

²⁰⁴ Mazaniello, ou la Révolution de Naples, tragédie en cinq actes et en vers. Odessa, 1819.

²⁰⁵ Ibid. P. 144-145.

²⁰⁶ В пьесе Ланжерона Мазаньелло не простой рыбак, каким он был в действительности, а приемный сын адмирала Кастилии, т. е. хорошо образованный молодой человек. В комментариях к пьесе Ланжерон пояснял, что невежественный и примитивный человек в качестве героя трагедии был бы неинтересен: у сцены свои законы, и они требуют другого, более привлекательного героя (Ibid. P. 123).

²⁰⁷ Auguste liberté ! voilà tes étendars ! / Les débris des palais, ces piques, ces poignards / Deviendront dans nos mains les armes de la gloire, / Et sur nos pas sanglans fixeront la victoire. / Marchons, et qu'en ce jour notre intrépidité / Porte nos noms heureux à l'immortalité (Ibid. P. 79-80)

²⁰⁸ Gardez-vous, mes amis, de confondre nos frères: / Détruisez les palais, respectez les chaumières (Ibid. P. 83).

Мазаньелло сравнивает себя также с Кромвелем: «Смотри, как сейчас в Лондоне храбрый солдат / Победил государя и стал править страной»²⁰⁹.

В целом, осмысление Ланжероном опыта Французской революции характеризуется тем, что из политико-культурного наследия революции он воспринимал введенные ею новые понятия, новый язык, адаптируя их к ранее сложившимся в его сознании интерпретационным моделям. Его политическое кредо базировалось на принципах, распространенных во Франции при Старом порядке, в числе которых, как мы увидим в дальнейшем, был постулат о фундаментальном различии между монархией и деспотизмом.

III. Российские реалии в изображении Ланжерона

В русской истории, по мысли Ланжерона, тоже были свои революции. Так, в XVIII в. он их насчитал три, и каждый раз речь у него шла об убийстве царя: Петра III (1762), Иоанна VI (Ивана Антоновича, 1764) и Павла I (1801). Мысль Ланжерона сконцентрирована на фигуре монарха, и поэтому, говоря о революциях в России, он имел в виду не государственный переворот как таковой, а убийство царя. Например, в числе революций он не называет восшествие на престол Елизаветы Петровны (1741), так же как и ряд других имевших место в русской истории XVIII в. государственных переворотов, не сопровождавшихся убийством монарха. Однако убийство Ивана Антоновича в интерпретации Ланжерона – это «революция 1764 г.», хотя произошла она более двадцати лет спустя после переворота в пользу Елизаветы Петровны, в результате которого Иоанн VI был лишен престола; к 1764 г. он уже долгие годы был пленником, и его смерть не ознаменовала собой перелома в жизни государства.

По словам Ланжерона, «эти страшные катастрофы, повторявшиеся в России три раза в течение столетия, без сомнения, самые убедительные из всех аргументов, какие можно привести против деспотизма: нужны преступления, чтоб избавиться от незаконности, от безумия или от тирании, когда они опираются на деспотизм»²¹⁰. Так, убийство Павла I было, с точки зрения Ланжерона, революцией ужасной, но необходимой для «счастья сорокаmillionного народа»²¹¹. А «в конституционном государстве незаконность не может иметь места: безумие прикрывается, а тирания не смеет развернуться, следовательно не нужно преступлений, чтобы занять престол и удержаться на нем». И пример современной Англии наглядно показал, что даже если монарх потеряет рассудок, как Георг III, это нисколько не помешает конституционному правлению²¹².

Рассуждая о «революциях» в русской истории, Ланжерон ни разу не проводит аналогий между ними и Французской революцией. Очевидно, в том и в другом случае политический смысл революции для него принципиально различается, и это различие следует из разницы политических режимов: монархического во Франции и деспотического в России. В монархических государствах, таких как Франция (а также Польша и Неаполитанское королевство, где он обнаруживал революции, подобные французской), революция – это переворот в системе правления. В деспотическом же государстве, таком как Россия, революция – не что иное, как смена деспота, находящегося

²⁰⁹ Vois maintenant à Londre un courageux soldat, / Triompher de son maître et gouverner l'état (Ibid. P. 89).

²¹⁰ Кончина императора Павла I. Из записок графа Ланжерона и Фонвизина. Спб. 190?. С. 18.

²¹¹ Там же. С. 6.

²¹² Там же. С. 18.

у власти. Разница между странами с монархическим и деспотическим правлением является для него столь существенной, что делает компаративистский подход невозможным.

Говоря о России, он упоминал о событиях и действующих лицах Французской революции лишь в качестве риторических фигур, с целью дать наиболее выразительную характеристику тем или иным персонажам русской истории. Так, министр Александра I граф А.А. Аракчеев – это «Сеян Тиберия, Тигеллин Нерона и Марат Французской революции», иначе говоря, «жестокое чудовище», «всеми ненавидимое и презираемое», темного происхождения, хотя и наделенное огромной властью²¹³. Ланжерон также зачастую употреблял слово «якобинец», которое на его языке обозначало грубого и жестокого бунтовщика и являлось резко негативной характеристикой²¹⁴.

Многие неприглядные стороны российской действительности он объяснял именно деспотическим характером правления. Среди пороков, свойственных русской гражданской и военной администрации, Ланжерон особенно выделял коррупцию и растрату государственных средств. Он признавал, что во Франции Старого порядка всё это тоже имело место, но с одним существенным отличием. Французские провиантские чиновники зачастую тоже бывали нечисты на руку, но во Франции такие места занимали по большей части либо евреи, либо «выскочки-лакеи», тогда как в России на этой службе состояли офицеры всех званий и чинов²¹⁵. Отмеченные особенности двух национальных разновидностей чиновничьего мздоимства Ланжерон объясняет, ссылаясь на различие принципов монархического и деспотического правления, о которых писал Ш.-Л. Монтескье. Согласно Монтескье, «добродетель не есть принцип монархического образа правления», но ее отсутствие восполняется честью, которая и есть принцип монархии. Однако честь неведома в деспотических государствах, которые основаны на принципе страха²¹⁶. Таким образом, разница между коррупцией по-французски и коррупцией по-русски, которую отмечает Ланжерон, происходит из различия между монархическим характером Франции Старого порядка и деспотическим характером Российского государства. По мысли Ланжерона, в России даже знатные дворяне могут мошенничать и воровать из казны, потому что в этой стране никому не ведомо чувство чести.

В своих мемуарах он часто пишет об отсутствии понятия о чести в среде русских дворян и военных. Приведем лишь три примера. Командир казачьего полка Платов, племянник знаменитого атамана, часто напивался допьяна и позволял своим казакам также пьянствовать и спать в любое время. Однажды он, будучи в таком состоянии, забыл выставить часовых и был внезапно атакован, что чуть было не привело к гибели большого русского отряда, который должны были прикрывать казаки. Ланжерон замечает, что во Франции за такую небрежность и недостойное поведение офицера бы расстреляли, тогда как в России ему даже не сделали выговора²¹⁷. А вот другой неприглядный случай: лейтенант генерального штаба русской армии украл у Ланжерона шкатулку с серебром. Дело было раскрыто, но его замяли, а через год этот лейтенант стал капитаном, получил

²¹³ ОР РНБ. Фонд 73. Дело 275. *Journal des campagnes faites au service de Russie*. Т. IV, 1807-1809. Л. 311-312.

²¹⁴ См., напр.: ОР РНБ. Фонд 73. Дело 273. *Journal des campagnes faites au service de Russie*. Т. 1. *Des armées Russes et Turques, 1790-1791*. Л. 79-80; Дело 277. *Journal des campagnes*. Т. VI, 1812-1814. Л. 71; Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // *Русская старина*. 1911. № 8. С. 258.

²¹⁵ *Русская армия в год смерти Екатерины II*. Из записок графа Ланжерона // *Русская старина*. 1895. № 3. С. 150-152.

²¹⁶ Монтескье Ш. *Избранные произведения*. М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 182-185.

²¹⁷ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // *Русская старина*. 1907. № 6. С. 605-606.

крест ордена Св. Владимира и золотую саблю²¹⁸. Наконец, Ланжерон вспоминает историю о командире полка, который должен был атаковать турок, но не захотел, потому что недавно женился, и в результате его полк остался в резерве. По словам Ланжерона, во Франции, если бы такого офицера не выгнали из армии по приказу короля, то это сделали бы его товарищи. В России же его никто ни в чем не упрекнул²¹⁹.

Ланжерон видит проявления деспотизма абсолютно на всех уровнях политической и общественной жизни России. Характеризуя русскую армию в конце XVIII в., он возмущается жестокими телесными наказаниями, фаворитизмом и произволом в предоставлении воинских званий и наград, которые получают не те, кто их заслужил, а те, у кого есть покровители из числа любовниц или фаворитов государя²²⁰.

Чтобы искоренить все эти пороки, Ланжерон считал необходимым создать в России «посредствующую и подчиненную власть дворянства», которая, согласно Монтескье, «образует природу монархического правления»²²¹. Чтобы обеспечить подлинно монархический характер Российского государства, он составил «Проект упразднения рангов в гражданской администрации России» (1818). Текст открывается похвальным словом Петру Великому, который уничтожил «старые предрассудки, препятствовавшие прогрессу», и «феодализм, отделявший один класс граждан от других и объединявший в этот привилегированный класс все гражданские и военные власти»²²². В то же время, в учрежденной Петром I «Табели о рангах» Ланжерон видит «источник неудобств и злоупотреблений», так как вследствие этой системы самые ответственные должности доверяются «ничтожным писакам, вышедшим из прихожих или из последних классов общества. Не имея ни образования, ни морали, ни стыда [...], ни происхождения, ни средств к существованию, ни состояния, они преследуют лишь одну цель: преуспеть ценой низостей и обеспечить себе мошенническим путем то благосостояние, которого они были лишены». Ланжерон предлагает упразднить «Табель о рангах» в гражданской администрации, с тем чтобы должности занимали «люди из высшего класса, крупные собственники»²²³, получившие моральное и политическое образование и воспитание сообразно их происхождению и средствам; «их образование и принципы не допустят их до несправедливостей, источником которых является безнравственность. Они будут богаты, и у них не будет необходимости сколачивать состояние; то, что у них уже есть, не даст им запятнать себя низостями, которые позволяют себе безнравственные люди, жаждущие получить всё, при том что им нечего терять»²²⁴. Эти богатые и образованные люди из высшего класса образуют то, что Монтескье называл «посредствующей властью» (*le pouvoir intermédiaire*) и, таким образом, помогут Российскому государству обрести характер подлинной монархии.

* * *

²¹⁸ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // Русская старина. 1908. № 8. С. 401-428.

²¹⁹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // Русская старина. 1909. № 7. С. 174.

²²⁰ Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 150-155, 170-176; № 5. С. 186-187, 197-199.

²²¹ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 175-176.

²²² «Cette féodalité qui séparait une classe des citoyens des autres, et réunissait dans cette classe privilégiée toutes les autorités civiles et militaires».

²²³ «Les hommes d'une classe supérieur, les grands propriétaires».

²²⁴ «Leur éducation, leurs principes, les éloigneront des injustices dont la source est l'immoralité. Ils seront riches, ils n'auront pas besoin de se faire une existence; celle qu'ils ont déjà les empêchera de se compromettre par des bassesses que se permettent des gens sans morale, qui ont tout à gagner et rien à perdre» (ОР РНБ. Фонд 73. Дело 274. Projet pour la suppression des rangs dans le civil en Russie, à Odessa le 18 Mai 1818. Л. 261-267).

Не следует пытаться обнаружить в записках и других сочинениях Ланжерона некую завершённую, четкую и последовательную систему политических идей. Это все-таки был военный, а не философ, и в его рассуждениях можно встретить немало недомолвок и противоречивых суждений.

Если задаться целью определить место Ланжерона в идейном контексте французской эмиграции, то, по классификации Жака Годшо, он был сторонником исторического консерватизма, или доктрины исторических прав²²⁵. Согласно же классификации Ж. Видалана, Ланжерона можно причислить как к абсолютистам, так и к конституционалистам²²⁶. Его рассуждения лежали в русле идей Монтескьё. Он был сторонником «конституции» (под которой понимал традиционные устои французской монархии), сильной королевской власти, при этом осуждал деспотизм (подчеркивая принципиальную разницу между монархией и деспотизмом) и считал, что наследственное дворянство должно играть ведущую роль в обществе.

При всем своем негативном отношении к Французской революции, он заимствовал ее новый политический язык, введенные ею новые политические понятия и использовал этот язык, анализируя события в других странах.

Разница между Францией и Россией истолковывалась им, несмотря на произошедшую во Франции революцию, по традиции как разница между монархией и деспотизмом. Французская революция была, с его точки зрения, случайной катастрофой в истории монархического государства, тогда как «революции» в России представляли собой серию событий, имманентно присущих деспотическому государству. Его русский опыт легко укладывался в эту схему. Что же касается республиканской и императорской Франции, о ней он почти не пишет, так как для него это была уже чужая и незнакомая страна. Страной, которую он хорошо знал и помнил, была старая монархическая Франция.

Таким образом, записки Ланжерона дают нам своеобразный пример того, как происходило осмысление современниками разворачивавшихся на их глазах крупных исторических событий и как в ходе этого осмысления новые понятия интегрировались в привычные интерпретационные схемы.

²²⁵ Godechot J. La contre-révolution: Doctrine et action, 1789-1804. Paris: PUF, 1961. P. 7-147.

²²⁶ Vidalenc J. Les émigrés français, 1789-1825. Caen, 1963. P. 380-414.

Глава 4. Монархия и Церковь

В исследованиях, посвященных придворному обществу, тема религии и Церкви звучит далеко не всегда. В классической работе Норберта Элиаса «Придворное общество» эта проблематика вовсе не затронута. Между тем, государство и Церковь, религия и политика при Старом порядке были тесно взаимосвязаны, и эта связь при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не простой. С одной стороны, французского короля признавали «христианнейшим» и «старшим сыном Церкви», а в представлении об образцовом подданном монарха, как мы уже знаем из предыдущей главы, входил и обязательный набор христианских добродетелей. Богословы оказали заметное влияние на официальный дискурс, и дебаты по религиозным вопросам внесли свой вклад в формирование представлений о французской национальной идентичности.

С другой стороны, в XVIII в., как это не раз и прежде случалось в истории, отношения между Церковью и светской властью не были бесконфликтными. Легитимность королевской власти подвергалась переосмыслению и оспаривалась в своих не только правовых, но и сакральных основах. Среди правящей элиты французской монархии не было единства в понимании роли Церкви и ее места в государственной системе монархии. Придворно-министерские партии, о которых уже не раз заходила речь в этой книге, различались между собой, наряду с прочими особенностями, и отношением к иезуитам, янсенистам, протестантам, к проблеме веротерпимости. Важной особенностью общественной жизни Франции XVIII в. стала бурная дискуссия о том, кому – государству или Церкви – следует доверить контроль над образованием и воспитанием молодежи.

В этой главе нас ждет новая встреча со старым знакомым Ла Шалоте и новые штрихи к портрету короля Людовика XVI. В отдельных статьях могут встретиться повторы одних и тех же сюжетов. Так, несколько раз – но под разным углом зрения – будет заходить речь об издании Людовиком XVI эдикта о гражданском статусе протестантов или об «Очерке национального воспитания» Ла Шалоте. Одни и те же эпизоды и события дают нам материал для размышления над разными проблемами, такими, например, как соотношение национальной и религиозной идентичности, столкновение интересов монархии и Церкви в деле образования и воспитания, распространение идеи веротерпимости и ее влияние на политику государства.

Религиозное образование и «цивилизация нравов»: тема христианского воспитания в сочинениях французских педагогов и моралистов XVII века¹

Речь здесь пойдет о сочинениях французских педагогов и моралистов, появившихся в последние десятилетия XVII в. Это время характеризуется рядом особенностей, определявших отношение современников к вопросам религиозного образования. Прежде всего, изменилась религиозная ситуация в стране: после отмены Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта католическая вера была официально признана единственно допустимой для подданных короля Франции и протестанты оказались вне закона. Кроме того, вся вторая половина XVII в. стала временем серьезных перемен в представлениях современников о значении, содержании и целях религиозного образования. Эти перемены были обусловлены тем, что развивающееся и усиливающееся государство начало активно вмешиваться в дело образования. Цели и содержание образования теперь уже определяла не только Церковь, но и королевская власть. И интересы Церкви и государства в сфере образования не всегда и не во всем совпадали. Расхождения, подобного тому, какое произойдет в XVIII в., еще не было, но его абрис уже обозначился.

Период правления Людовика XIV был ознаменован усилением королевского галликанизма. Король активно вмешивался во внутрицерковные дела и стремился использовать Церковь как инструмент государственной политики. Иногда эта политика была направлена в поддержку Церкви, а подчас, напротив, шла вразрез с ее интересами. Монархия Людовика XIV преследовала свои цели в деле религиозного образования, которое составляло важнейшую часть всей системы образования на ее низшей ступени.

Начальное образование давали «малые школы» (*les petites écoles*). В них обучали чтению, письму, счету и, самое главное, катехизису. Обучение чтению и письму было лишь средством, а цель начального образования заключалась именно в изучении катехизиса. Школа являлась инструментом индоктринации, и такую задачу перед ней ставила не только Церковь, но и государство. При этом сам процесс начального образования находился в руках Церкви, государство в него почти не вмешивалось. Однако после отмены Нантского эдикта королевская власть проявила интерес к народному образованию. В эдикте Фонтенбло (1685) особо оговаривалась возложенная на родителей обязанность посылать детей в школу, с тем чтобы их там воспитывали правоверными католиками². Королевские декларации от 13 декабря 1698 и 14 мая 1724 г. предписывали учреждать школы во всех приходах с целью обучать детей катехизису и молитвам³. Учреждая эти школы, королевская власть ставила перед ними не столько образовательные, сколько воспитательные задачи. Целью было именно религиозное воспитание: не создание системы обязательного всеобщего начального образования, а искоренение протестантизма с помощью католической школы. Церковь выступала

¹ Впервые опубликовано: Религиозное образование в России и Европе в XVII веке / под ред. Е. Токаревой и М. Инглота. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011.

² Edit portant révocation de l'édit de Nantes, Fontainebleau, octobre 1685 // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 vol. Paris, 1826-1829. Т. 19. P. 531-532.

³ Recueil général des anciennes lois françaises. Т. 20. P. 313-319; Т.21. P.261-270.

партнером монархии в деле «цивилизации нравов»⁴. По словам автора исследования, посвященного педагогике XVIII в., Симоны Гужо-Арнодо, «народный учитель был наставником христианской морали на службе у верховного института монархии»⁵. Причем Церковь, в отличие от монархии, адресовала свою цивилизаторскую миссию, в первую очередь, не придворной элите, а самым широким, в т. ч. и низшим слоям общества.

Религиозное образование социальной элиты, осуществлявшееся через сеть коллегий, также, наряду с прочими его функциями, являлось инструментом для достижения конфессионального единства. В основном, коллегии основывали церковные ордена и конгрегации, в первую очередь, иезуиты, ораторианцы и доктринарии. Существовали и протестантские коллегии, но после 1685 г. они сохранились только на территории Эльзаса, где возможность публично исповедовать протестантскую веру составляла привилегию данной провинции.

Однако, в отличие от начальной школы, целью и смыслом существования которой было, главным образом, религиозное образование, на более высоких ступенях это уже не всегда было так и зависело от типа учебного заведения. Молодые дворяне, получая образование, должны были стать не просто добрыми католиками, но и, пожалуй, даже прежде всего, компетентными и преданными королю офицерами, дипломатами, судьями, чиновниками. Им требовалась солидная профессиональная подготовка, что не исключало наличия в их образовании сильного религиозного компонента.

Наряду с коллегиями и еще более традиционными университетами в XVII в. возникает и образование преимущественно светского характера. С целью повышения образовательного уровня дворянства во Франции появился новый тип учебных заведений – военные академии. В них доминировало преподавание светских дисциплин: верховой езды, фехтования, танцев, музыки, живописи, математики, фортификации, истории, географии, живых иностранных языков, – т. е. всего того, что, по представлениям современников, требовалось знать и уметь офицеру, дипломату и светскому человеку. Это тоже была «цивилизация нравов», но уже чисто светская – именно такая, о которой рассуждал Норберт Элиас, говоря об усилившемся именно в XVII в. утверждении нового стандарта цивилизованного поведения.

В результате обозначилась следующая тенденция: чем более высокое социальное положение занимал человек и чем выше был уровень его образования, тем более скромным становился в этом образовании удельный вес религиозной составляющей.

Новые проблемы перед религиозным образованием ставили не только активное вмешательство государства и его запросы, в частности, его потребность в кадрах и вызванная этим трансформация системы образовательных заведений, но и сложившиеся в это время противоречивые отношения между богословием и светской наукой. Широко известны драматические конфликты, возникавшие в связи с развитием естествознания, но и гуманитарные науки ставили острые мировоззренческие проблемы и порождали столкновения мнений. Ярким проявлением таких противоречий во Франции стала полемика между Жаком-Бенином Боссюэ и ораторианцем Ришаром Симоном. Последний в ряде фундаментальных трудов применил выработанные современной ему эрудитской

⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1-2. М.-Спб.: Университетская книга, 2001.

⁵ Gougeaud-Arnaudeau S. Entre gouvernants et gouvernés: le pédagogue au XVIIIe siècle. Paris: Septentrion, 2000. P. 8.

историографией и филологией методы источниковедческого анализа к изучению библейских текстов⁶. Боссюэ решительно восстал против самой возможности критически анализировать Писание, подобно любому профанному тексту. В полемике с Р. Симоном Боссюэ возражал против авторитета светской науки, «восставшей против Божественной науки». «Обещая нас просветить, - говорил Боссюэ о светской науке, - она ослепляет нас гордыней; прикрываясь священным именем истины, она заставляет нас преклоняться перед собственными мыслями; обещая питать ум, она душит добрые чувства и, наконец, вместо поиска истинного добра она несет с собой безграничную любознательность, неиссякаемый источник губительных ошибок и заблуждений»⁷. Таким образом, спор шел о том, чем является богословие: наукой в ряду других наук или совершенно особой сферой знания, в которую невозможно проникнуть с помощью одного лишь интеллекта. Этот спор имел значение не только для научной библеистики, но и для педагогики, так как в ходе него вставали вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к образованию: какие науки, в каком объеме и с каких позиций следует преподавать; какое значение имеет религиозное образование для светского человека. Все эти вопросы ставили в своих сочинениях французские педагоги и моралисты XVII в. В предлагаемых решениях обнаруживаются два принципиально различных подхода.

В произведениях одних авторов религиозное образование трактуется как основа и конечная цель образования вообще, так что обучение любым наукам и практическим навыкам держится на этой основе и не должно упускать из виду эту цель.

Известный педагог конца XVII-начала XVIII в. *аббат Клод Флэри* (1640-1723) делил знания на необходимые для всех (мораль и религия), необходимые для людей богатых и влиятельных (грамматика, арифметика, экономика, юриспруденция), полезные (латынь, геометрия, естественная история, риторика, поэтика, история) и просто любопытные (всё остальное)⁸. Флэри полагал, что не всем дано быть учеными, но всем надо вырасти порядочными людьми. Поэтому религиозное воспитание должны получить все – богатые и бедные, мальчики и девочки. Религиозным воспитанием человека надо заниматься с самого раннего детства: и дома, и в церкви, и в школе. Для детей из бедных семей, которым недоступно хорошее образование, получить такое воспитание важнее, чем научиться читать и писать, а наставления в вере им может дать в устной форме отец дома, священник в церкви или учитель в школе.

Подобной точки зрения придерживался также писатель и дипломат Людовика XIV *Франсуа де Кальер* (1645-1717). По его мнению, именно религиозное воспитание формирует и христианина, и настоящего гражданина: «Религия и ее предписания учат нас всему тому, что нужно знать, дабы исполнять обязанности истинного Христианина и

⁶ «Histoire critique du Vieux Testament» (1678), «Histoire critique du texte du Nouveau Testament» (1689), «Histoire critique des versions du Nouveau Testament» (1690), «Histoire critique des commentaires du Nouveau Testament» (1693). О трудах Р. Симона и реакции на них Боссюэ см.: Minois G. L'Eglise et la science: Histoire d'un malentendu. De Galilée à Jean-Paul II. Paris: Fayard, 1991. P. 68-87.

⁷ «C'est elle qui c'est élevée contre la science de Dieu; c'est elle qui, promettant de nous éclaircir, nous aveugle plutôt par orgueil; c'est elle qui nous fait adorer nos propres pensées sous le nom auguste de la vérité; qui, sous prétexte de nourrir l'esprit, étouffe les bonnes affections, et enfin qui fait succéder à la recherche du bien véritable, une curiosité vague et infinie, source inépuisable d'erreurs et d'égarements très pernicieux» (Bossuet J.-B. Panégyrique de sainte Catherine // Bossuet J.-B. Oeuvres complètes. T. XI. P. 525-526; цит. по: Minois G. Op. cit. P. 85).

⁸ Fleury C. Traité du choix et de la méthode des études. 2vols. Paris, 1686; см. о нем: Genay L. Un pédagogue oublié du XVIIe siècle, l'abbé Fleury. Paris, 1879.

доброто гражданина»⁹. Разумеется, светский человек, воспитанию которого Кальер посвятил свой трактат «О науке света и о знаниях, полезных для жизни», должен быть вежливым, предупредительным, приятным в общении и своими хорошими манерами и честным, достойным поведением завоевывать благорасположение окружающих. Однако без христианского воспитания всё это сведется лишь к умению правильно себя вести. И в результате мы получим человека, у которого за внешне прекрасной личиной скрывается холодный себялюбец, способный ради достижения корыстных целей и собственного благополучия на лесть, обман и предательство. Религиозное же воспитание – это, по сути, воспитание нравственное, без которого всё остальное образование и воспитание теряет смысл и приносит только вред. Педагогам, по мысли Кальера, следует направить свои усилия, главным образом, на воспитание достойного человека, то есть доброго христианина: «*Портрет Достойного человека*. Пусть он будет уважителен с высшими, любезен и прост в общении с равными себе, ласков с низшими, мягок, человечен, невысокомерен, учтив и честен со всеми; пусть он будет хорошим гражданином, отцом, другом, господином, подданным и, самое главное, пусть будет ДОБРЫМ ХРИСТИАНИНОМ»¹⁰.

В этих рассуждениях Кальер, очевидно, следовал за признанным авторитетом своего времени, Боссюэ, который светским наукам, превращавшим человека в «игрушку тщеславия» (*le jouet de la vanité*), противопоставлял образование, наполненное религиозным содержанием.

Схожие, на первый взгляд, мысли, но совсем с другой аргументацией и в ином контексте высказывал *шевалье Тротти де Ла Шетарди* (?-ок. 1700). Рассуждая о качествах, необходимых для того, чтобы считаться честным человеком, он на первое место в этом ряду ставил добросердечие (*la bonté du coeur*) и справедливость (*la justice*). Именно поэтому основой образования он считал христианское воспитание, которое как раз и формирует эти качества. Всему остальному научит жизнь (т. е. свет): «Самая лучшая из Книг неспособна заменить науку света»¹¹. Жизнь в свете он сравнивает с бурным морем, полным подводных камней и рифов, а плавать в море нельзя научиться по книгам: для этого надо попробовать плыть самому.

И далее де Ла Шетарди почти весь трактат «Наставления молодому сеньору, или Представление об учтивом человеке» посвящает уловкам, которыми должен овладеть молодой человек, желающий преуспеть в свете. Подобная технология выживания преподносится автором без тени морализаторства. Но при этом он, подобно Кальеру, провозглашает тот же самый главный принцип, в контексте его работы звучащий, пожалуй, несколько неожиданно: «Без Христианства нельзя быть хорошим Мужем, Отцом, Сыном, Господином или Другом»¹². Т. е. он подчеркивает цивилизующую роль религиозного

⁹ «La Religion & ses préceptes nous enseignent ce qu'il faut que nous sçachions, pour satisfaire aux obligations d'un véritable Chrétien, & à celles d'un bon Citoÿen» (Callières F. de. De la science du monde, et des connoissances utiles à la conduite de la vie. Halle, 1748. P. 11).

¹⁰ «*Portrait d'un Homme de mérite*. Qu'il soit respectueux avec ses supérieurs, complaisant, & d'un commerce aisé & commode avec ses égaux; caressant avec ses inférieurs; doux, humain, d'un facile accès, civil & honête avec tout le monde; qu'il soit bon citoÿen, bon parent, bon ami, bon maître, bon sujet, & pour dire encore plus que tout cela, BON CHRETIEN» (Ibid. P. 140).

¹¹ «Que le meilleur de tous les Livres ne vaut pas la science du monde» (Trotti de La Chétardie, chevalier. Instructions pour un Jeune Seigneur, ou l'Idée d'un Galant Homme. Paris, 1683. P. 26-27).

¹² «Sans Christianisme on ne peut estre bon Mary, bon Pere, bon Fils, bon Maistre, & bon Amy» (Ibid. P. 48).

воспитания, благодаря которому человек становится хорошим мужем, отцом, сыном, другом, гражданином.

Таким образом, де Ла Шетарди, казалось бы, отводит религиозному образованию основополагающее место, но, делает это, скорее, формально. Он отдает положенную дань христианскому воспитанию, считая, видимо, себя обязанным это сделать, но те качества, формированию которых он уделяет в своем сочинении наибольшее внимание, плохо согласуются с христианскими добродетелями.

Суть второго подхода к трактовке темы религиозного образования состоит в том, что оно рассматривается как одна из составных частей образования наряду с другими. Сторонники такой точки зрения полагали, что элементарные познания в данной области нужны всем, тогда как глубокое религиозное образование представляет собой разновидность профессионального образования и тем, для кого религия не является профессией, оно в большом объеме не требуется.

О религиозном образовании как о профессиональном писал **Николя Ремон де Кур** (1639-1716). В трактате «Истинное поведение благородных особ» он рассуждал о том, как можно воспитать порядочного человека (*un homme de bien*). Под порядочным он подразумевал человека безупречно честного (*un homme d'une probité reconnue*), находящего утешение в собственной добродетели (*il trouve sa consolation dans sa propre vertu*), т. е. истинного христианина (*le vrai Chrétien*)¹³. Но для того чтобы обрести такие качества, требуется образование. И Ремон де Кур предлагает свой перечень наук, которые должен изучить благородный молодой человек (*un jeune homme de Qualité*). В их число входят мораль (у автора она стоит на первом месте), политика, история, математика, риторика, философия, логика, метафизика, физика, языки (без уточнения, какие именно) и физические упражнения. Перечисленные учебные дисциплины необходимы всем образованным людям, независимо от рода деятельности. К ним прибавляются науки, нужные для людей разных сословий. Для молодого человека, предназначенного служить Церкви – это богословие, для человека «мантис», т. е. судьи или государственного служащего – знание законов и обычаев, а для дворянина шпаги – военные науки¹⁴. Конечной же целью обучения всем этим премудростям является воспитание человека, беззаветно преданного королю и подчиняющегося законам государства. Т. е. Ремон де Кур выделяет два уровня религиозного образования: элементарное, с его точки зрения, необходимо всем для формирования моральных принципов и воспитания людей, всегда готовых верно служить королю, а углубленное религиозное образование требуется только профессиональным служителям Церкви.

Еще более отчетливо идея профессионализации религиозного образования выражена у **Жана-Батиста Морвана, аббата де Бельгарда** (1648-1734). В своих сочинениях он развивает концепцию распространения цивилизации почти «по Элиасу», т. е. сверху вниз: от государя и его ближайшего окружения на весь королевский двор, а затем и на общество в целом. Он демонстрирует эту схему на примере истории Древнего Рима. Римляне во времена Веспасиана, как пишет аббат де Бельгард, погрязли в чрезмерной роскоши и разврате, и все попытки исправить их нравы оказывались безрезультатными. Не помогли ни законы, ни указы императора. Государь смог побороть зло только личным примером: он жил скромно, был сдержан и аскетичен; сначала придворные, подражая правителю,

¹³ Rémond des Cours N. La véritable politique des personnes de qualité. Jene, 1699 (Paris, 1692). P. 4-10.

¹⁴ Ibid. P. 15-18.

начали так же скромно одеваться и копировать его сдержанное поведение, а постепенно и весь народ, подражая двору, стал вести себя скромнее¹⁵.

С точки зрения Морвана де Бельгарда, именно таким образом должно строиться образование: учить надо не по книгам, а передавать знания и навыки от человека к человеку, так как человек учится, перенимая всё хорошее у более опытных людей. Настоящей школой для светского человека является сам свет: только там его научат всему, что может пригодиться в жизни; только школа жизни (или школа света, *l'école du monde*) способна и научить учтивому поведению, и образовать ум (*former l'esprit*)¹⁶. При этом не бывает образования, которое подходило бы для всех. Образование каждого человека должно соответствовать его происхождению, социальному статусу и особому предназначению: «Дворянин, рожденный для Двора и для Войны, не станет ни хорошим Солдатом среди Книг, ни Придворным в своей Деревне. Свет, помогая нам стать теми, кто мы есть, способен тем самым сделать нас честными людьми»¹⁷.

Понятие «честный человек», или «человек чести» (*l'honnête homme, l'homme d'honneur*) употреблено здесь в том специфическом значении, которое оно обрело в XVII в.¹⁸. «Честный дворянин» (*un fort honnête Gentilhomme*), каким его представляет Морван де Бельгард, есть произведение природы и искусства (т. е. воспитания). От природы он наделен физической крепостью, приятной внешностью, хорошими наклонностями и стремлением к добру. Задача искусства воспитания – усовершенствовать эти хорошие задатки, развить ум изучением наук и ловкость – физическими упражнениями¹⁹. Главное, что характеризует этого честного, порядочного человека, или человека чести, – он всегда ведет себя подобающим образом и никогда не бывает смешон (*ridicule*); антитеза честному человеку – это не лицемер или обманщик, а смешной человек. Честного человека отличает безупречное поведение, соответствующее ожиданиям окружающих: поскольку «Мир есть Театр, лучший Актер в нем тот, кто лучше других играет свою роль»²⁰.

Чему же, в таком случае, следует учить этого будущего «актера»? Во-первых, обучать наукам надо только тех, кто чувствует к ним природную склонность. А во-вторых, чрезмерное увлечение науками для дворянина, чье предназначение – хорошо владеть шпагой, только вредно. В подобном отношении к наукам Морван де Бельгард, как мы знаем, был не одинок. От излишнего увлечения науками предостерегал и Боссюэ, хотя и исходя из иных соображений. Науки, полагал Боссюэ, опасны тем, что ввергают человека в грех гордыни. Морван де Бельгард, в отличие от Боссюэ, рассуждал прагматически. Он отмечал, что дворяне призваны играть в обществе тройную роль: военных, придворных и сеньоров. Поэтому и учить их нужно всему тому, что может пригодиться на войне, что сделает их

¹⁵ Morvan, l'abbé de Bellegarde J.-B. Les regles de la vie civile, avec des traits d'histoire pour former l'esprit d'un jeune prince. Amsterdam, 1707 (Paris, 1693). P. 162.

¹⁶ Idem. Réflexions sur le ridicule, et sur les moyens de l'éviter, où sont représentés les differens Caracteres & les Moeurs des Personnes de ce Siècle. 7e éd. augmentée. Amsterdam, 1707. P. 6-7, 37, 40.

¹⁷ «Un Gentilhomme né pour la Cour & pour la Guerre, ne deviendra point Soldat parmi les Livres, ni Courtisan dans son Village. Le Monde qui nous prête ses élémens pour former nôtre être, s'attribue aussi la faculté de nous rendre honnêtes gens» (Idem. L'Education Parfaite. Contenant Les manières bienséantes aux jeunes Gens de qualité, & des Maximes, & des Réflexions propres à avancer leur Fortune. Amsterdam, 1710. P. 193).

¹⁸ О «дехристианизации» представлений о «порядочности» (*l'honnêteté*) в XVII в. в условиях развития аристократической и либертенской культуры см.: Magendie M. La politesse mondaine et les théories de l'honnêteté en France au XVIIe siècle, de 1600 à 1660. Paris, 1926; Lévêque A. «L'honnête homme» et «l'homme de bien» au XVIIe siècle // Publications of the Modern Language Association of America (PMLA). Vol. 72. 1957. № 4. P. 620-632.

¹⁹ Morvan, l'abbé de Bellegarde J.-B. L'Education Parfaite. P. 194.

²⁰ «Le Monde est une Comedie, les meilleurs Acteurs sont ceux qui représentent mieux leur rôle» (Ibid. P. 151).

приятными в общении и что поможет им грамотно вести хозяйство. Философия и риторика им совершенно бесполезны и даже вредны, так как отвлекают от того, что им действительно нужно. Основываясь на этих общих принципах, Морван де Бельгард разрабатывает свою образовательную программу. По его мнению, до шестнадцати-семнадцатилетнего возраста молодым дворянам следует учиться в коллеже. Их там должны научить, в первую очередь, искусству владеть оружием и ездить верхом. Курс наук будет включать в себя геометрию, искусство фортификации, географию, историю Древнего Рима, историю Франции, рисование. К этому необходимому минимуму можно еще добавить латинский, немецкий, итальянский и испанский языки. Для военного этого вполне достаточно; освоив этот комплекс наук, человек будет полезен на службе и приятен в общении. Учить молодого человека чему-то еще следует лишь в том случае, если он собирается стать священником: «Постижение высоких Наук слишком долго и трудно; и я осмелюсь сказать, что тем, кто не собирается носить Сутану, они приносят больше вреда, чем пользы, ввиду того, что, как я сказал, они мешают им совершенствоваться в своей профессии, а так как влиятельные Сеньоры не в состоянии их освоить, то они и не придают им значения и никогда не дают себе труда их учить»²¹.

О религиозном образовании Морван де Бельгард специально вообще ничего не пишет. Это, конечно, не значит, что молодые дворяне, по его мнению, могут вовсе без него обойтись. Само собой разумеется, что в детстве, обучая их читать и писать, им преподают катехизис, но на этом элементарном уровне их религиозное образование вполне можно завершить. Более серьезное образование предназначено лишь тем, кто избрал религию своей профессией. Углубленное религиозное образование, как и углубленное изучение наук, тоже способно принести вред молодому дворянину, не только потому что оно будет отнимать время от более «полезных» для него наук, но и так как под влиянием такого образования он может стать чрезмерно набожным. А набожность, как и всё остальное, хороша в меру. Добродетель всегда умеренна, а крайности ведут к порокам. Например, такая добродетель, как щедрость (*la libéralité*) занимает промежуточное положение между двумя пороками: скупостью (*l'avarice*) и мотовством (*la prodigalité*); добродетель мужества (*la vaillance*) находится посередине между пороками трусости (*la poltronnerie*) и дерзости (*la témérité*). Так же и умеренная набожность может иметь опасные крайности: с одной стороны, либертинаж, с другой – чрезмерную набожность. В этом вопросе Морван де Бельгард вновь занял ту же позицию, что и Боссюэ, который в одной из своих надгробных проповедей (1663) призывал держаться «золотой середины» и со спокойной совестью идти «средним путем»²². В принципе, набожность для придворного вполне уместна, но в ней он должен проявлять такую же взвешенность (*le jugement*), как и во всем остальном: «Что подобает Капуцину, не подобает Придворному; набожность должна быть истинной и действенной [...]. Нельзя быть ни Придворным в Монастыре, ни Монахом при Дворе»²³. В его рассуждениях о чрезмерной набожности (*les excès de dévotion*) и о монахах при дворе

²¹ «Les Sciences sublimes sont trop longues & trop difficiles, & j'ose dire qu'elles nuisent plus qu'elles ne servent, à qui ne veut pas porter la Soutane, d'autant comme j'ai dit qu'elles sont incompatibles avec l'application aux choses qui le rendent excellent dans sa profession, & qu'étant au dessus de la portée des grands Seigneurs, ils n'en font point de cas, parce qu'ils ne se donnent jamais la peine de les apprendre» (Morvan, l'abbé de Bellegarde J.-B. L'Education Parfaite. P. 135-136).

²² См.: Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. С. 467.

²³ «Ce qui est propre à un Capucin, ne seroit pas à un homme de la Cour; nôtre piété doit être réelle & véritable [...]. On ne peut être Courtisan dans le Cloître, non plus que Moine dans la Cour» (Morvan, l'abbé de Bellegarde J.-B. L'Education Parfaite. P. 65, 67).

слышны отголоски религиозных и политических конфликтов того времени. Морван де Бельгард направлял стрелы своей критики как против янсенистов, известных своим моральным ригоризмом, так и против существовавшей при дворе Людовика XIV группировки, известной под названием «партии святош» (*le parti des dévots*)²⁴. Таким образом, можно сказать, что на его позицию повлияли соображения конъюнктурного характера. Но были у него и сомнения более общего, мировоззренческого порядка.

Светская мораль, как замечал Морван де Бельгард, не всегда совместима с моралью христианской; между ними неизбежно возникают противоречия. Де Бельгард осознал это расхождение как серьезную проблему и посвятил ему специальный трактат²⁵. Автор обращает внимание на то, что в свете человека окружают враги и завистники, и он вынужден вести себя, как в стане врагов: молча скрывать свои замыслы и при первой возможности самому наносить удар. «Я прекрасно понимаю, - признаёт Морван де Бельгард, - что эти Советы нельзя назвать вполне Христианскими, ибо весьма трудно примирить Религию с максимами, коими руководствуются свет и Двор. Потому, думаю я, Иисус Христос и велит тому, кто жаждет совершенства, оставить всё ради любви к Нему, взять свой Крест и идти за Ним; воистину ведь, стремясь как можно больше стяжать на том свете, мы немногого добьемся на этом. [...] Я преклоняюсь пред их [святых – Л.П.] добродетелями и хотел бы им подражать. Но пишу я не для них; я веду речь лишь о нравственном поведении человека и о том, как помочь ему избежать падения по неосторожности»²⁶. Т. е. мораль автора такова: хочешь жить по Евангелию – иди в монахи. В миру же военный должен не любить врагов, а убивать их; судья – не проявлять милосердие к преступнику, а судить его строго по закону. Так что цивилизованный человек, который востребован в обществе и на государственной службе, лучше всего воспитывается в свете, и религиозное образование ему необходимо самое минимальное²⁷.

То есть Морван де Бельгард приходит к мысли, что в сфере образования интересы Церкви, с одной стороны, и светского государства и светского общества, с другой, не во всем совпадают и могут даже противоречить друг другу. И касается это, прежде всего, образования социальной элиты. Перед массовым, народным образованием государство пока своих особых задач не ставило и признавало его целиком и полностью делом Церкви. Но когда речь заходила о дворянском образовании, то такие особые государственные задачи вставали и с ними приходилось считаться. Возникшее расхождение и возможное противоречие между задачами религиозного и светского образования осознавались

²⁴ См.: Châtellier L. L'Europe des dévots. Paris, 1987; Cottret M. Raison d'Etat et politique chrétienne entre Richelieu et Bossuet. Paris, 1992; Tallon A. La Compagnie du Saint-Sacrement (1629-1667). Paris, 1990.

²⁵ Morvan de Bellegarde J.-B. Le Chrétien honnête homme, ou l'Alliance des devoirs de la vie chrétienne avec les devoirs de la vie civile, par M. l'abbé de Bellegarde. Paris: A. Van Doll, 1736.

²⁶ «Je sais bien que ses Conseils ne sont pas trop Chrétiens, aussi est-il bien malaisé d'accorder la Religion avec les maximes du monde & de la Cour. C'est à mon avis la raison pour laquelle Jesus Christ commande à ceux qui aspirent à la perfection, de tout quitter pour l'amour de lui, & de ne se charger que de sa propre Croix pour le suivre; car en vérité pour tout espérer en l'autre monde, nous ne saurions pas prétendre grande chose en celui-ci. [... les Saints...] J'admire leur vertu, & voudrais bien la pouvoir imiter. Ce n'est pas pour eux que j'écris, je ne parle que d'une conduite purement humaine & morale, qui nous fait éviter les chûtes ordinaires où l'imprudence nous précipite» (Morvan, l'abbé de Bellegarde J.-B. L'Education Parfaite. P. 54-55).

²⁷ При этом сам Морван де Бельгард немало сделал для распространения религиозного образования, сочиняя пособия по молитвенной практике и наставления в помощь кающимся (см., напр., его сочинения «La Manière de prier et de méditer, avec des remèdes contre les passions du cœur et de l'esprit» (1703), «L'Esprit de pénitence, pour faire une bonne confession et une bonne communion, avec un Examen particulier pour tous les états et pour les personnes avancées dans la piété» (1725), а также переводя на французский язык тексты Ветхого Завета и отцов Церкви.

некоторыми педагогами и моралистами того времени. Пожалуй, у Морвана де Бельгарда это расхождение было показано особенно четко.

Конфликт интересов монархии и Церкви в сфере образования, отражённый педагогических трактатах XVII в., особенно у Морвана де Бельгарда, в дальнейшем получил развитие. В XVIII в. сфера деятельности государства расширится, и осмысление растущих государственных потребностей выльется в идею светского образования и «национального воспитания», в задачу построения государственной светской школы. Столетием раньше до этого было еще далеко, но в некоторых педагогических сочинениях проблески подобных идей уже просматривались.

Магистраты против иезуитов: споры о национальном и религиозно-конфессиональном образовании во Франции в середине XVIII века²⁸

В середине XVIII в. во Франции развернулась широкая общественная дискуссия о целях, задачах, организационных формах и содержании образования. Она продолжалась вплоть до начала XIX в. и нашла практическое воплощение в коренном реформировании всей системы образования, осуществленном в период Революции и Первой империи. К проблемам, поставленным в ходе этой дискуссии, педагогическая мысль, средства массовой информации и общественное мнение возвращаются до сих пор. Ее участниками были отрефлексированы и вербализованы принципы, на которых строилась и строится светская школа XIX, XX и начала XXI в. и которые на протяжении всего этого времени периодически подвергались и подвергаются сомнению и пересмотру.

Для уяснения исторического контекста дискуссии необходимо предварительно сделать краткий очерк состояния народного образования во Франции к середине XVIII в. под углом зрения роли школы в формировании конфессиональной идентичности²⁹.

Как справедливо пишет французский историк Даниэль Рош, в это время, «вне всяких сомнений, для большинства основным местом приобретения знаний остается семья»³⁰. Его замечание верно для всех слоев общества, от крестьян, не имевших возможности посылать детей в школу, до окруженных домашними учителями и гувернерами юных аристократов. Именно семье, домашнему воспитанию принадлежала решающая роль в процессе формирования конфессиональной идентичности, что особенно хорошо видно на примере религиозных меньшинств – янсенистов или протестантов, - принадлежность к которым не воспитывалась в стенах учебного заведения, а обычно являлась семейной традицией.

Но, наряду с домашним образованием, существовала и целая сеть учебных заведений разного уровня и типа. Начальное образование давали «малые школы» (*les petites écoles*), открытые повсеместно в городах, а кое-где – в основном, на Севере и Северо-востоке страны – и в деревнях³¹. По территории страны они распределялись крайне неравномерно. Обучение оплачивали родители, так что существование школ напрямую зависело от уровня благосостояния жителей той или иной провинции. Кроме

²⁸ Впервые опубликовано: Одиссей: Человек в истории. Школа и образование в Средние века и Новое время. 2010/2011. М.: Наука, 2012.

²⁹ Об образовании во Франции раннего Нового времени см.: Snyders G. La pédagogie en France aux XVIIe et XVIIIe siècle. Paris, 1965; Dollé J.-M. Politique et pédagogie: Diderot et les problèmes de l'éducation. Paris, 1973; Julia D., Frijhoff W. Ecole et société dans la France d'Ancien Régime. Paris, 1975; Chartier R., Julia D., Compère M.M. L'éducation en France du XVIe au XVIIIe siècle. Paris, 1976; Furet F., Ozouf J. Lire et écrire: l'alphabétisation des Français, de Calvin à Jules Ferry. Paris, 1977; Lebrun F., Quéniart J., Vénard M. Histoire générale de l'enseignement et de l'éducation en France. T. 2: De Gutenberg aux Lumières. Paris, 1981; Les Universités européennes du XVIe au XVIIIe siècle: histoire sociale des populations étudiantes. T. II: France / Etudes rassemblées par D. Julia et J. Revel. Paris, 1989; Garnot B. Le peuple au siècle des Lumières: échec d'un dressage culturel. Paris, 1990; Gougeaud-Arnaudeau S. Entre gouvernants et gouvernés: le pédagogue au XVIIIe siècle. Paris, 2000.

³⁰ Roche D. La France des Lumières. Paris: Fayard, 1993. P. 382. О домашнем воспитании во Франции в раннее Новое время см. также: Mousnier R. La famille, l'enfant et l'éducation en France et en Grande-Bretagne du XVIe au XVIIIe siècle. Fasc. II. Paris: SEDES, 1975. P. 259-279.

³¹ О начальных школах в разных провинциях Франции см., напр.: Rohan-Chabot A. de. Les écoles de campagne en Lorraine au XVIIIe siècle. Paris, 1967; Robin L. Les petites écoles et leurs régents en Saintonge et en Aunis avant la Révolution entre 1685 et 1789. La Rochelle, 1968; Laget M. Petites écoles en Languedoc au XVIIIe siècle // Annales: E.S.C. T. 26. 1971. P. 1388-1418.

того, школы концентрировались вокруг больших городов, что было вызвано потребностями: спросом на грамотных ремесленников и домашнюю прислугу. Инициаторами организации школ могли выступать епископы, приходские священники, сеньоры, богатые негоцианты, сельские общины и городские муниципалитеты. Располагались школы обычно при церкви или на дому у учителя, специальные здания для них отводились только в крупных городах. Учителя приглашала община или местный кюре, и община заключала с ним контракт на несколько лет. Учителями редко становились хорошо подготовленные профессионалы. Специальных семинарий для них было очень мало, и чаще всего их обучал и готовил местный кюре. В школах учились преимущественно мальчики; существовали, правда, и школы для девочек, но их было гораздо меньше.

В школах обучали чтению, письму, счету и, самое главное, катехизису. Начальное образование находилось в руках Церкви, государство в это дело почти не вмешивалось. Некоторый интерес к народному образованию королевская власть проявила после отмены Нантского эдикта (1685), обязав родителей посылать детей в школу, с тем чтобы их там воспитывали правоверными католиками. Королевские декларации от 13 декабря 1698 и 14 мая 1724 г. предписывали учреждать школы во всех приходах с целью обучать детей катехизису и молитвам. Однако денег на это государство по-прежнему не выделяло. При этом задачей, которую ставила королевская власть, было не создание системы обязательного всеобщего начального образования, а искоренение протестантизма с помощью католической школы. Таким образом, массовое начальное образование оставалось делом не государственным, а церковным и было нацелено, в первую очередь, на формирование конфессиональной идентичности. По словам автора исследования, посвящённого педагогике XVIII в., Симоны Гужо-Арнодо, «народный учитель был наставником христианской морали на службе у верховного института монархии»³².

Самыми распространёнными учебными заведениями, дававшими образование более высокого уровня, являлись коллегии. Как тип образовательного учреждения они в основном сложились в XV-XVI вв. Коллегии могли создаваться по инициативе местных епископов, судебных органов (парламентов и бальяжей), провинциальных штатов или городских властей. Их материальные ресурсы были разнообразными: коллегии получали поддержку от Церкви, частные пожертвования и государственную помощь из королевской казны. Полный цикл образования включал классы грамматики, «гуманитарный», риторики, философии и богословия. Однако далеко не во всех коллегиях имелся полный набор классов, и в некоторых – так называемых гуманитарных коллегиях – образование заканчивалось на уровне класса риторики. Учиться в них могли выходцы из разных слоев общества: от юных дворян и буржуа до детей ремесленников, лавочников и даже крестьян, но большинство, от двух третей до трех четвертей учащихся были представителями социальной элиты³³. Общее число учащихся коллегий к 1789 г. достигало приблизительно 50 тыс. чел., т. е. в них учился примерно один мальчик из пятидесяти³⁴. Коллегии являлись, во-первых, «кузницей кадров» для формирующегося государства раннего Нового времени. Во-вторых, в XVI в., с началом Реформации католические и протестантские коллегии стали очагами конфессионального воспитания

³² Gougeaud-Arnaudeau S. Op. cit. P. 8.

³³ Roche D. Op. cit. P. 386-387.

³⁴ Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime. T. 2: Culture et société. Paris: Armand Colin, 2005. P. 214.

элиты. После 1685 г., когда католическая вера была официально признана единственно допустимой для подданных короля Франции, протестантские коллегии сохранились только на территории Эльзаса, где возможность публично исповедовать протестантскую веру составляла привилегию данной провинции. В основном же сеть коллегий взяли в свои руки церковные ордена и конгрегации, в первую очередь, иезуиты, ораторианцы и доктринарии. Ораторианцы были особенно активны на Севере, Западе и в провинциях Шампань и Бургундия, а доктринарии – на Юге и Юго-западе. Ведущие же позиции в сфере образования занимало Общество иезуитов, руководившее 106 коллегиями (по другим данным 111 коллегиями и 21 семинарией) из примерно 350 имевшихся в стране³⁵.

Университеты, ориентированные на подготовку клириков, юристов и врачей, во многом сохраняли средневековые традиции, в том числе и традиции конфессионального образования. Существовали и семинарии, которые давали специальное конфессиональное образование и готовили священников.

В XVII в. с целью повышения образовательного уровня дворянства во Франции появился новый тип учебных заведений – военные школы. В них преподавали верховую езду, фехтование, танцы, музыку, живопись, математику, фортификацию, историю, географию, живые иностранные языки, - т. е. всё то, что, по представлениям современников, требовалось офицеру, дипломату и светскому человеку. Источники финансирования военных школ, как и коллегий, были смешанные. Подчас между этими типами учебных заведений прослеживалось и более существенное сходство. Некоторые аристократические коллегии по программе занятий и составу учащихся ничем не отличались от военных школ. Такими были, например, иезуитские коллегии Ла Флеш и Клермон или ораторианская коллегия Жюйи, в которой учился Монтескьё.

В XVIII в. по государственной инициативе и на государственный счет создавались новые военные школы, призванные решить двоякую задачу: поддержать бедное родовитое дворянство и обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки офицеров. Первой стала Парижская военная школа (1751), созданная по инициативе мадам де Помпадур и финансиста Жозефа Пари-Дюверне. В программу обучения входили математика, физика, география, черчение, фортификации, живые языки. Пятьсот мест в школе были зарезервированы для сыновей из бедных родовитых (не менее четырех поколений предков-дворян) дворянских семей. Появились и более специализированные школы: артиллерийские в пяти провинциальных городах (1720), Королевская инженерная школа (1748). При том что конфессиональному воспитанию там, безусловно, уделялось внимание, оно не являлось главным. Отличительными особенностями этого типа учебных заведений были их принципиально светский характер, нацеленность на решение поставленных государством профессиональных и социальных задач. Кроме учебных заведений, опиравшихся в большей или меньшей степени на поддержку государства, существовали и разнообразные частные школы и пансионы.

В середине XVIII в. общественный интерес к проблемам образования и воспитания во Франции заметно возрос, что видно по возросшему количеству посвященной им печатной продукции. В 1715-1759 гг. в стране вышло 51 наименование работ по вопросам образования, а в 1760-1789 гг. – уже 161. Во второй половине века появился ряд значительных, получивших широкую известность произведений на эту тему, таких как

³⁵ Van Kley D. *The Jansenists and the Expulsion of the Jesuits from France, 1757-1765*. New-Haven-L.: Yale Univ. Press, 1975. P. 148; Julia D. *Collèges // Dictionnaire de l'Ancien Régime*. Paris: PUF-Quadrige, 2002. P. 281.

«Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо (1762), «Гувернер» де Ла Фара, «Курс обучения» Э. де Кондильяка (1758-1767), «О человеке, его умственных способностях и образовании» К.-А. Гельвеция (1772). Пик издания педагогической литературы пришелся на 1760-е гг.: в 1760-1769 гг. вышли 55 наименований, в том числе в 1762-1765 гг. – 32³⁶. Причинами повышенного внимания к вопросам образования именно в эти годы, очевидно, стали изгнание из Франции иезуитов и публикация провокационных сочинений («Эмиля» Руссо и «Очерка национального воспитания» Ла Шалоте), которая стимулировала ответный выход полемических работ.

В ходе развернувшейся дискуссии были поставлены такие вопросы, как создание в стране единой системы народного образования, контроль государства над образованием, подготовка кадров учителей³⁷, содержание образования и, в частности, соотношение общего образования и профессиональной подготовки. Мишенью для острой критики оказались коллегии, которые давали общегуманитарное и христианское образование. Критики коллегий требовали их модернизации, а именно расширения преподавания математики, физики, живых языков, истории и географии, то есть выступали за образование, подобное тому, какое получали учащиеся военных школ.

Статья Ж. Д'Аламбера «Коллегия» для третьего тома «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (1753) выносила суровый приговор этим учебным заведениям. Неутешительный итог образования, по мнению Д'Аламбера, состоит в том, что «молодой человек, проведя в коллегии десять лет, которые считаются лучшими годами его жизни, выходит оттуда, если он не терял даром времени, с очень несовершенным знанием мертвого языка, правил риторики и принципов философии, которые он постарается забыть; зачастую с испорченными нравами, наименее серьезным последствием чего может быть вред здоровью; иногда с принципами дурно понятой набожности; но обычно со столько поверхностным знанием религии, что оно не выдерживает первой же кощунственной беседы или первого опасного чтения»³⁸. Так что знания, полученные учащимися, впоследствии не пригодятся им в жизни и с задачей конфессионального образования коллегии, как считал автор статьи, тоже не справляются. Образование, с точки зрения Д'Аламбера, должно отвечать на запросы общества. Программа обучения в коллегиях, - утверждал он, - перегружена чрезмерным количеством латыни и бесполезной философии. Вместо этого молодежи необходимо преподавать живые, полезные знания: логику, естественные науки, историю, геометрию. В статье он подробно объяснял, чему надо и чему не надо учить в коллегиях, но на содержании религиозного образования и воспитания специально не останавливался, упомянув лишь, что ученики должны знать содержание Нагорной проповеди.

Среди появившихся в 1760-е гг. теоретических и полемических сочинений, посвященных вопросам педагогики, особое внимание публики привлек трактат генерального прокурора Реннского парламента Ла Шалоте «Очерк национального воспитания, или План образования для молодежи» (1763), который вскоре был переведен

³⁶ Buisson F. Dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire. Paris, 1882. Т. 1. P. 196-202; Chartier R., Compère M.M., Julia D. Op. cit. P. 208.

³⁷ Из принятых в результате мер практического характера можно отметить, что в 1766 г. в Парижском университете зародился типично французский конкурс на учительское звание (*le concours d'agrégation*), окончательно оформившийся при Наполеоне в 1808 г.

³⁸ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 3. Paris, 1753. P. 635.

на ряд европейских языков, в том числе и на русский³⁹. Сейчас это произведение гораздо менее известно у нас, чем вышедший почти одновременно с ним трактат Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», но в свое время оно вызвало большой интерес и споры. Именно Ла Шалоте ввел в обиход выразительную формулу «национальное воспитание», подхваченную другими и превратившуюся в лозунг. Трактат Ла Шалоте и другие его публичные выступления, а также развернувшаяся вокруг них полемика выявили бытование в обществе противоречащих друг другу представлений о задачах религиозного и светского народного образования.

Автор нашумевшего сочинения, Луи Рене де Карадёк де Ла Шалоте (1701-1785) происходил из старой бретонской парламентской семьи, известной своей приверженностью янсенизму, и поначалу поддерживал семейную традицию, но со временем заразился вольнодумством века Просвещения⁴⁰. В обстановке усилившихся нападков на Орден иезуитов парламент Ренна уполномочил его представить доклады о моральной доктрине Общества Иисуса и обучении в иезуитских коллегиях. Ла Шалоте охотно откликнулся, обличил учение иезуитов как вредоносное и опасное для государства, а устав и привилегии Ордена как противоречащие французским законам и вольностям галликанской церкви и предложил парламенту принять постановление о его роспуске. Представленные в декабре 1761 и в мае 1762 г. доклады Ла Шалоте получили широкую огласку, а их автор заслужил репутацию борца против «деспотизма». Реннский парламент одобрил доклады генерального прокурора, приняв все его выводы, и 27 мая 1762 г., через неделю после второго доклада вслед за Парижским парламентом постановил распустить Общество Иисуса. 27 ноября 1762 г. последовало еще одно постановление Реннского парламента, запрещающее деятельность Ордена иезуитов⁴¹. Окрыленный Ла Шалоте сочинил и опубликовал в марте 1763 г. «Очерк национального воспитания, или План образования для молодежи», в котором критиковал образование в иезуитских коллегиях и предлагал изучать в первую очередь не древние языки, а историю отечества, географию, естественную историю, физику и математику.

Доклады и «Очерк национального воспитания» Ла Шалоте заслужили благожелательный отзыв Вольтера, назвавшего один из его докладов «единственным философским сочинением, когда-либо произведенным на свет судейским сословием»⁴². С ним был солидарен Д'Аламбер. В своей книге «Об уничтожении иезуитов во Франции» (1765) он назвал Ла Шалоте «философом» и «просвещенным магистратом». Особое одобрение Вольтера вызвало, в частности, то, что Ла Шалоте предложил передать дело народного просвещения из рук Церкви государству. «Некогда, - писал Вольтер, -

³⁹ Essai d'Education nationale ou Plan d'études pour la jeunesse, déposé au Greffe du Parlement de Bretagne par Messire Louis-Réné de Caradeuc de la Chalotais, Procureur-Général du Roi au Parlement de Bretagne. 1763; русск. перевод: Опыт народного воспитания или чертеж наук, в пользу юношества. Соч. Людовиком-Ренатом де Карадюк де Ла Шалотом / пер. с франц. П. Гвоздиковской. Спб., 1770; нем. перевод: la Chalotais L. R. de Caradeuc de. Versuch über den Kinder-Unterricht, mit Unmerkungen und einer Vorrede, die Unbrauchbarkeit und Schädlichkeit der Basedowschen Erziehungs-Projecte betreffend. Göttingen und Gotha, 1771.

⁴⁰ Meyer J. La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Т. 1-2. Paris, 1966. Т. 2. P. 994-996.

⁴¹ Об антииезуитских докладах Ла Шалоте и откликах на них см.: Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours; ou Journal d'un observateur. Par feu M. de Bachaumont. A Londres, 1777-1789. Т. 1. P. 50, 72, 113; Pocquet B. Le pouvoir absolu et l'esprit provincial: le duc d'Aiguillon et La Chalotais. 3 vols. Paris, 1900-1901. Т. 1. P. 209-211, 283-286; Rothney J. The Brittany Affair and the Crisis of the Ancien Régime. New York-London-Toronto, 1969. P. 65-68. См. также статью: «О том, как поссорились его светлость герцог д'Эгюийон с мессиром Ла Шалоте».

⁴² Oeuvres complètes de Voltaire. Nouv. éd. Т. 42. Correspondance. X. Paris, 1881. P. 106. О переписке Ла Шалоте с Вольтером см.: Rothney J. Op. cit. P. 85-96.

порядочные люди презирали печальный труд учить молодежь и оставили его педантам и, что еще хуже, монахам. [...] Вы превращаете образование детей в великое правительственное дело»⁴³.

В своей критике коллегий Ла Шалоте следовал за Д'Аламбером. Он осуждал существующую систему образования, в первую очередь, за то, что она, по его словам, формирует прилежных учеников, тогда как интересы нации требуют заменить ее «гражданским воспитанием (*une éducation civile*), которое готовит каждое новое поколение к успешному исполнению различных профессий в Государстве»⁴⁴. Он признавал, что в свое время университеты и коллегии сделали большое дело, искоренив грубое невежество, но теперь их образование безнадежно отстало от жизни. Оно «сводится к изучению латинского языка. В большинстве коллегий совсем не обучают нашему языку; там изучают лишь абстрактную философию, которая не находит никакого применения в жизни, не содержит ни принципов морали, необходимых, чтобы хорошо вести себя в обществе, ни вообще ничего такого, что важно знать человеку. Религия преподается там столь же небрежно, так что молодежь покидает коллегию, не узнав почти ничего из того, что могло бы оказаться полезным в различных профессиях»⁴⁵.

Обвинение в том, что образование в иезуитских коллегиях является архаичным и оторванным от жизни, стало в середине XVIII в. общим местом, но признать его в полной мере оправданным нельзя. В целом, иезуиты проявляли открытость передовой науке своего времени. Не случайно их приглашали преподавать точные науки в военных школах⁴⁶. Первая в Вене обсерватория, основанная в 1735 г., принадлежала именно иезуитской коллегии⁴⁷. В своих учебных программах они уделяли математике и физике достаточно большое место. Однако эти дисциплины преподавались в философских классах коллегий, т. е. в течение двух последних лет обучения, а в программе классов грамматики и гуманитарных наук они отсутствовали. Большинство же учащихся покидало коллегии, не дойдя до философских классов, если эти классы вообще там были. Например, в Аваллоне в философский класс поступали 40 % местных учеников и только 26 % из числа живших в пансионе⁴⁸. В некоторых коллегиях физика преподавалась через год. В ораторианских коллегиях (в частности, в Боне и Кондоме) естественные науки могли преподаваться и в начальных классах, но параллельно основному курсу обучения, по воскресеньям, на каникулах и факультативно.

Ла Шалоте в педагогическом трактате развивал принципы сенсуализма и утверждал, что начинать образование надо с «чувственных знаний» (*les connaissances sensibles*), т. е. с таких, которые обращены больше к чувствам, а не к способности суждения. К их числу относятся история, география, ботаника, физика, так как они изучают нечто реально существующее. Научив ребенка читать, можно преподавать ему «чувственные знания» в увлекательной и доступной форме. Так, он наглядно представит себе строение Вселенной и расстояния между звездами и планетами, если на уроке «занимательной физики» (*la physique curieuse*) ему расскажут, что «пушечному ядру

⁴³ Oeuvres complètes de Voltaire. T. 42. P. 506.

⁴⁴ Essai d'Éducation nationale. P. 5. Впоследствии идея гражданского воспитания получит развитие в образовательных проектах и политике революционного периода. О преемственности и развитии педагогических принципов конца Старого порядка и революционных лет см.: Gougeaud-Arnaudeau S. Op. cit.

⁴⁵ Essai d'Éducation nationale. P. 14.

⁴⁶ См.: Шоню П. Цивилизация Просвещения. М.-Екатеринбург: АСТ-У-Фактория, 2008. С. 249, 260.

⁴⁷ Там же. С. 277.

⁴⁸ Chartier R., Compère M.M., Julia D. Op. cit. P. 199-202.

потребовалось бы двадцать пять лет, чтобы долететь до солнца». Учить детей латыни в начальных классах не следует. Обучение языкам Ла Шалоте предлагал начинать с десяти лет, причем сократить штудирование грамматики и преподавать французский язык в не меньшем объеме, чем латынь, например, утром давать урок французского, а после обеда – латыни или наоборот. Изучение философии он считал целесообразным на первых порах ограничить логикой и «критикой», подразумевая под этим не преподавание какой-то особой философской дисциплины, а воспитание способности критически мыслить.

Когда Ла Шалоте заводит речь о преподавании религии, в его рассуждениях обнаруживаются два различных подхода к этому вопросу. С одной стороны, набрасывая в трактате подробный план обучения разным наукам, он не оставил без внимания религиозное воспитание, неоднократно возвращался к этой теме, изложил свои соображения о том, чему, в какой последовательности надо учить и какие книги использовать. Особенно важным с позиций гражданского воспитания ему представлялось знание вольностей галликанской церкви, поскольку они составляют часть публичного права Франции.

С другой стороны, он, по сути, выступал за светское образование, утверждая, что «образование должно готовить Граждан для Государства», что «благо общества решительно требует гражданского образования» и существующую систему образования необходимо секуляризовать, если мы не хотим навсегда остаться рабами педантизма⁴⁹.

Христианское воспитание, по мнению Ла Шалоте, дети должны получать, в первую очередь, в семье и через участие в приходской жизни. «Настоящая школа, обучающая Религии – это церковь»⁵⁰. А в школе должны преподавать светские учителя, потому что, в отличие от Средневековья, когда самыми учеными людьми были монахи и священники, сейчас, в XVIII в. наибольших успехов в науке и литературе достигли люди светские. Мирянам следовало бы доверить преподавание всех дисциплин в школе, включая катехизис. Опубликованы прекрасные катехизисы Ж.-Б. Боссюэ, К. Флёри и целого ряда других авторов, и, чтобы читать их детям, не обязательно быть священником или монахом.

Особенно упорно Ла Шалоте настаивал на необходимости удалить из школы иезуитов, мотивируя свое резко отрицательное отношение к ним тем, что в их рядах было слишком много иностранцев и подчинялись они не королю Франции, а папе римскому, т. е. иноземному владыке. Ссылаясь на опыт древних греков и римлян, «более мудрых и бдительных», по его словам, в деле образования и воспитания, Ла Шалоте не без ехидства замечал, что «Солон никогда бы не доверил спартамцам и, тем более, илотам воспитания афинян, а Ликург не доверил бы афинянам воспитания спартанцев»⁵¹. Так и иезуиты, для которых устав их ордена выше законов страны, не могут и не должны воспитывать молодых французов. «Религиозное рвение и престиж набожности отдали французов таким наставникам, которые преданы иностранному Владыке. Итак, обучение целой Нации – т. е. та часть законодательства, которая составляет основание и опору Государства, – непосредственно подчинялось Ультрамонтанскому Порядку, совершенно враждебному

⁴⁹ Essai d'Education nationale. P. 15; «le bien de la société exige manifestement une éducation civile ; & si on ne sécularise pas la nôtre, nous vivrons éternellement sous l'esclavage du pédantisme» (Ibid. P. 18).

⁵⁰ Ibid. P. 18.

⁵¹ Ibid. P. 15.

нашим Законам»⁵². Этот порок следует безотлагательно исправить, и французскую молодежь впредь должны воспитывать учителя-французы, а не «ультрамонтаны».

«Национальное воспитание», к которому призывал Ла Шалоте, предполагалось осуществлять под контролем и в интересах государства: «Я требую для Нации воспитания, зависящего только от Государства, потому что именно на него это, в первую очередь, возлагается, потому что каждая Нация имеет неотъемлемое право обучать своих членов и, наконец, потому что детей Государства должны воспитывать члены этого Государства»⁵³.

Идею «национального воспитания», подхваченную просветителями, а затем и революционерами, выдвинули, в первую очередь, именно парламентские магистраты: Ла Шалоте, Роллан д'Эрсевиля⁵⁴. Она была неразрывно связана с тем этапом в развитии парламентской идеологии, когда идея нации стала ее ключевым элементом⁵⁵. Известный и влиятельный в эти годы теоретик и публицист Луи-Адриен Ле Пеж доказывал, что через посредство парламента осуществляется священное единение монарха и нации, личной воли короля и хранимых парламентом фундаментальных законов монархии и что именно парламент представляет нацию перед лицом короля⁵⁶. С середины XVIII в. идея суверенитета нации пропагандировалась в парламентских ремонстрациях и в написанных магистратами теоретических и публицистических сочинениях. В это время Парижский и провинциальные парламенты объявили себя «классами» единого национального парламента. Вполне закономерно, что, когда в среде магистратов созрела концепция политических прав французской нации и национального суверенитета, они начали ратовать за «национальное воспитание».

Воспитание, по мысли Ла Шалоте и его сторонников, должно было стать национальным с трех точек зрения: единообразным в масштабах всей страны и организованным под руководством государства, обеспеченным национальными кадрами учителей и, наконец, национальным по своему содержанию, - акцент в преподавании предлагалось сделать на французский язык и литературу, историю и географию Франции.

Придать образованию «национальную форму», сделав его по возможности единообразным, необходимо было для того, чтобы преодолеть разобщенность провинций и сословий. По словам президента Парижского парламента Бартеlemi-Габриэля Роллана д'Эрсевиля, «только единообразие в образовании может привести к единообразию обычаев и привычек». Общее и одинаковое для всех образование распространит повсеместно «одни и те же принципы и знания. Впитавшие с детства одни и те же истины, молодые люди из разных провинций освободятся от врожденных предрассудков и выработают общие представления о добродетели и справедливости; они научатся стыдиться преград, отделяющих их от соотечественников; а когда эти молодые люди станут управлять народами, они сами потребуют единообразных законов, которые оскорбили бы их отцов, и все частные интересы будут устранены. [...] Они пожелают сохранить лишь важнейшие и полезные из привилегий, главным образом, те, которые

⁵² Ibid. P. 16.

⁵³ Ibid. P. 20.

⁵⁴ Rolland d'Erceville B.-G. Recueil de plusieurs ouvrages de Monsieur Le président Rolland. Paris, 1783.

⁵⁵ Об идее нации в парламентской идеологии середины XVIII в. см., напр.: Bell D.A. Lawyers and Citizens: The Making of a Political Elite in Old Regime France. N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1994. P. 116-119; Maire C. De la cause de Dieu à la cause de la Nation: le jansénisme au XVIIIe siècle. Paris: Gallimard, 1998. P. 421-440.

⁵⁶ Le Paige L.-A. Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement, sur le droit des pairs, et sur les Loix fondamentales du Royaume. 2 vols. Amsterdam, 1753-1754.

способны помочь им засвидетельствовать Королю свою любовь и верность и употребить на службу родине свое имущество, подобно тому как они жертвуют ей своей жизнью»⁵⁷.

Правда, этой унификаторской задаче противоречила другая – модернизация образования. А она в том виде, как ее понимали магистраты и просветители, означала отказ от традиционного общегуманитарного образования в пользу большей его профессионализации. Причем непростые вопросы, какие профессии нужны и какого образования они требуют, всерьез реформаторами не рассматривались.

Впрочем, неслучайно Ла Шалоте, как отмечалось выше, подчеркивал значение семейного воспитания. Образование в учебном заведении, согласно его проекту, должно было стать узкоэлитарным. Выдвигая план «национального воспитания», он предназначал его еще более ограниченному кругу, чем тот, кому оно было доступно в то время. Ла Шалоте считал, что в современной ему Франции коллегий и школяров слишком много. Он полностью разделял распространенные в XVIII в. – и совершенно необоснованные, как показали впоследствии исследования специалистов в области исторической демографии, – представления, согласно которым численность населения Франции неуклонно сокращается⁵⁸. И он сетовал на то, что в то время, как все жалуются на депопуляцию, учащих становится так много, как никогда раньше, и даже крестьяне и ремесленники посылают своих детей учиться в коллегии, а те потом уже не хотят заниматься сельским хозяйством и ремеслом. Обретя привычку к интеллектуальным занятиям, они начинают презирать профессию своих отцов, а на то, чтобы стать чиновником, военным или судейским, у них нет ни денег, ни связей. В результате им остается один путь – в священники или монахи, и, таким образом, растет число людей, бесполезных для общества, а на полях и в промышленности работать некому. Виноваты же во всем иезуиты и доктринарии, которые распространяют в народе ненужные знания: «Братья Христианской Доктрины [...] пришли, чтобы окончательно всё погубить; они учат читать и писать людей, которых следовало бы учить только чертить и работать рубанком и напильником, но которые не хотят больше это делать. [...] Благо общества требует, чтобы у народа знания не простирались дальше его занятий. Человек, который видит дальше своего жалкого ремесла, никогда не будет исполнять его мужественно и терпеливо. Людям из народа необходимо умение читать и писать, только если это умение их кормит или помогает им прокормиться»⁵⁹.

Государство, по мысли Ла Шалоте, должно регулировать процесс образования, с тем чтобы поддерживать в обществе равновесие и стабильность. Обществу нужны в необходимых пропорциях разные сословия и профессии – военные, магистраты, священники, крестьяне, ремесленники, – «и задача правительства – сделать каждого гражданина вполне счастливым в его состоянии, так чтобы он не стремился его оставить»⁶⁰. Интересы государства, по его мнению, требовали, чтобы коллегий было

⁵⁷ Compte rendu aux Chambres assemblées par M. Rolland des différents mémoires envoyés par les universités dans le ressort de la cour, en exécution de l'arrêt des Chambres assemblées, du 3 septembre 1762, relativement au plan d'étude à suivre dans les collèges non dépendants des universités et à la correspondance à établir entre les collèges et les universités (13 mai 1768). Цит. по: Chartier R., Compère M.M., Julia D. Op. cit. P. 209.

⁵⁸ В действительности она не только росла, но и её прирост ускорился, хотя и не во всех провинциях королевства.

⁵⁹ Essai d'Education nationale. P. 28.

⁶⁰ Ibid. P. 33.

меньше, но они давали бы очень хорошее образование, чтобы круг образованных людей был уже, но они получали бы образование более высокого уровня⁶¹.

Требую закрыть народу доступ к образованию, Ла Шалоте, как ни парадоксально, следовал в русле просветительской мысли своего времени. Для представлений просветителей о роли образования было характерно одно серьезное противоречие. С одной стороны, невежество, по их мнению, рождает предрассудки и поэтому его необходимо искоренять, но, с другой, - распространение образования угрожает общественному порядку. Ла Шалоте в трактате, по сути, повторил то, что до него уже говорил Руссо в «Новой Элоизе» (1761) устами своего героя Вольмара: «Тот, кому суждено провести жизнь в сельской простоте, не нуждается для счастья своего в развитии природных способностей; его скрытые дарования подобны золотоносным рудам в Вале, кои ради блага общественного не дозволяется разрабатывать [...]. Не давайте образования ребенку поселянина, раз ему совсем не нужно быть образованным». Еще проще и циничнее развивала эту мысль Юлия, супруга Вольмара, аргументируя ее соображениями общественной пользы: «Мне трудно поверить, что всё это множество разнообразных дарований следует развивать: для сего надобно, чтобы количество людей одаренных в точности соответствовало потребностям общества; ведь если бы для земледельческого труда оставили только тех, кто имеет явные способности к хлебопашеству, и взяли бы оттуда всех, кто более способен к другой работе, - пожалуй, не осталось бы достаточного числа землепашцев, некому было бы возделывать землю и кормить нас»⁶².

На необходимой элитарности образования настаивал и Вольтер. Благодаря Ла Шалоте за присланную рукопись «Очерка национального воспитания», знаменитый просветитель писал: «Я благодарю Вас за то, что Вы запрещаете обучать землепашцев. Поскольку я сам обрабатываю землю, я прошу Вас обеспечить меня батраками, а не тонзурованными клириками. Пришлите мне братьев из ордена невежд, которые умеют запрягать и пахать»⁶³. К подобным мыслям Вольтер неоднократно возвращался в переписке и с другими лицами. «Народ надо направлять, а не обучать, - писал он, - он недостойн, чтобы его учили. [...] Под народом я подразумеваю чернь, у которой нет ничего, кроме рук, чтобы прокормиться. Я не думаю, что у граждан этого сословия когда-либо было время и способности учиться; они поумирали бы с голоду, прежде чем стать философами. По-моему, голодранцы должны оставаться невежественными. Если бы Вы, как и я, имели хозяйство и пахали землю, Вы поддержали бы мое мнение. Учить надо не батраков, а добропорядочных буржуа, городских жителей [...]. Если чернь начнет рассуждать, то всё пропало»⁶⁴.

Духовенство с меньшей опаской относилось к просвещению народа, чем магистраты и просветители. Иезуиты выступили против безоговорочно элитарного подхода к образованию, нашедшего отражение в плане Ла Шалоте. Андре-Кристоф

⁶¹ Проблема перепроизводства интеллектуалов во Франции второй половины XVIII в., которую поставил Ла Шалоте, отнюдь не выглядит надуманной. Его размышления перекликаются с тем, что пишет современный историк Роже Шартье, усматривающий в этом явлении один из факторов социальной дестабилизации накануне Французской революции. См.: Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution française. Paris: Seuil, 1991. P. 226-232.

⁶² Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Художественная литература, 1968. С. 500, 528-529.

⁶³ Письмо Вольтера Ла Шалоте от 28 февраля 1763 г. // Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 42. P. 404.

⁶⁴ Письма Вольтера Дамилавиллю от 19 марта и 1 апреля 1766 г. // Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 44. Correspondance. XII. P. 247-248, 256.

Бальбани посвятил его опровержению трактат «Призыв к разуму»⁶⁵. В нем он, в первую очередь, обличал антинародный характер предложенного плана. Возражая Ла Шалоте, назвавшему иезуитское образование «порочным и варварским», Бальбани утверждал, что оно «именно такое, каким должно быть, по крайней мере, для большинства людей», тогда как план образования, составленный самим Ла Шалоте, является «порождением пустой спекуляции» и «неосуществим», ибо он «не годится для большинства». В числе больших заслуг своих собратьев иезуит называл их стремление и способность нести знания в самые глухие уголки французской провинции. Если изгнать иезуитов из коллегий – вопрошал Бальбани, - то удастся ли найти «много людей, готовых оставить Париж и похоронить себя в горах Оверни, Перигора или в Пиренеях?»⁶⁶

Ему вторил автор другого полемического трактата, преподаватель риторики из парижского коллежа Бове Жан-Батист-Луи Кревье. Выступая в роли защитника интересов народа, крестьян, бедняков, Кревье резонно замечал, что откровенная элитарность плана Ла Шалоте несовместима с самой идеей «национального воспитания». Помимо этого, Кревье отстаивал свободу выбора молодым человеком профессии и жизненного пути, которую фактически отрицал план Ла Шалоте. «В свободном монархическом государстве, - писал он, - профессии свободны: тело и разум обладают свободой». В противовес тем, кто, подобно Ла Шалоте, ставил возможность получить образование в зависимости от происхождения и социального положения семьи, он провозглашал меритократический принцип, заявляя, что «таланты и гений соединяют тех, кого разделяет положение». По словам Кревье, «каждый гражданин, рожденный для наук, будь то сын ремесленника или пахаря, сядет рядом с дворянином, если по своим талантам он достоин занять это место»⁶⁷. Семья же, при всем ее громадном значении, не способна заменить школу. По поводу роли домашнего религиозного воспитания он заметил, что «Евангелие, как сказал св. Бернар, было написано, чтобы его читали. А как прочтет его тот, кому запретят учиться читать? А какое образование может заменить или сделать ненужным чтение Евангелия?»⁶⁸ Наконец, Кревье отвергал самый принцип, положенный в основу плана Ла Шалоте: его представление о целях образования. Он заявлял, что человек принадлежит, прежде всего, не государству, а Богу и именно исходя из этого должны выстраиваться как приоритеты в организации образовательного процесса, так и его содержание.

Таким образом, в ходе полемики вокруг трактата Ла Шалоте столкнулись два представления о задачах образования, которые существуют и противостоят друг другу по сей день. Согласно одному, целью образования является формирование личности, отвечающей высокому предназначению человека. Согласно другому, образование призвано помочь человеку добиться успеха и сделать карьеру, а также удовлетворить потребности государства в профессиональных кадрах. Критики педагогической системы иезуитских коллегий главными задачами народного образования считали передачу

⁶⁵ Balbany A.-C. Appel à la raison des écrits et libelles publiés par la passion contre les jésuites de France. Bruxelles, 1762.

⁶⁶ Цит. по: Van Kley D. Op. cit. P. 149.

⁶⁷ Crevier J.-B.-L. Difficultés proposées à Monsieur de Caradeuc de La Chalotais, Procureur-Général au Parlement de Bretagne sur le Mémoire intitulé: Essai d'Education nationale, ou Plan d'Etudes pour la Jeunesse. A Paris, 1763. P. 37. О полемике между Кревье и Ла Шалоте подробнее см.: Пименова Л.А. Проблема религиозного воспитания во французских проектах образовательных реформ второй половины XVIII века // Религиозное образование в России и Европе в XVIII веке / под ред. Е. Токаревой и, М. Инглота. Спб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 206-221.

⁶⁸ Ibid. P. 17.

полезных знаний и навыков и гражданско-патриотическое воспитание. Разумеется, учебные заведения, по замыслу Ла Шалоте, вовсе не были призваны штамповать винтики государственной машины, обладающие заданным набором профессиональных навыков. В его проекте немало внимания уделено развитию эстетического вкуса, умения критически и логично мыслить, теоретического мышления (*l'esprit philosophique*), творческих способностей (*l'art de l'invention*), воспитанию морали. Но при этом развитие личности для него не является самоцелью, а призвано служить государственным интересам.

Религию же Ла Шалоте рассматривал как дело не государственное, а частное. Дебаты в обществе о «национальном воспитании», о соотношении национального и религиозного образования, сопровождавшие изгнание иезуитов из Франции в 1760-е гг., свидетельствовали о том, что процесс «социального дисциплинирования» привел к конфликту между светским государством и Церковью за контроль над образованием и воспитанием в учебных заведениях. «Очерк национального воспитания» исходил из принципа всесторонней секуляризации народного образования: его конечных задач, содержания, организации и контроля, учительских кадров. Священникам и монахам следовало уйти из школы, уступив место светским учителям-профессионалам. Задача христианского воспитания полностью не снималась, но отступала на второй план, и решать ее, по замыслу Ла Шалоте, призвана была не столько школа, сколько семья. Перенос религиозного воспитания по преимуществу из школы в семью явился результатом пересмотра общественной роли Церкви и ее места в государстве. Поскольку Ла Шалоте считал образование делом государственным, он видел необходимость в контроле над ним со стороны светского государства. По сути, план Ла Шалоте представлял собой программу начинающегося процесса отделения школы от Церкви и создания государственной светской школы.

На практике реформа коллегий, проведенная после изгнания иезуитов, поставила учебные заведения под контроль местных епископов, и кадры преподавателей по-прежнему набирались преимущественно из числа духовных лиц. Принципы, положенные в основу плана Ла Шалоте, нашли применение тридцать лет спустя в образовательной политике революционных властей. Взамен упраздненных коллегий и прочих учебных заведений дореволюционной Франции создавалась новая, государственная система начальных, средних и высших школ, призванных, по замыслу их учредителей, решать двуединую задачу: передачи полезных знаний и воспитания граждан. Проблема формирования конфессиональной идентичности ушла из публичной сферы в частную, тогда как государственная школа должна была заниматься не конфессиональным, а национальным (во всех смыслах, которые вкладывал Ла Шалоте в это понятие) воспитанием, т. е. формировать национальную идентичность.

**«Святая вера повелевает мне не оставлять часть подданных
лишенными их естественных прав»: проблема гражданского статуса
некатоликов во Франции XVIII в.⁶⁹**

Знаменитая традиционная формула «один закон, одна вера, один король» (*une loi, une foi, un roi*) выражала присущую французской монархии тенденцию к централизации и унификации. В идеале всё королевство должно было жить по одним законам, подчиняться одной власти и исповедовать одну религию. Конечно же, этот идеал был далек от действительности. Король действительно был один, но признать существование во Франции Старого порядка одного для всех закона было бы трудно даже с очень большими оговорками. Разнообразие обычаев, языков и юридических норм дало повод Оноре-Габриэлю де Мирабо назвать Францию «неорганизованным сборищем разобщенных народов»⁷⁰. Более того, политика королей и их министров далеко не всегда демонстрировала стремление достигнуть на практике установления единых законов для всех провинций и городов королевства. Во всяком случае, многообразие правовых систем, сохранявшееся вплоть до самой революции конца XVIII в., очевидно, мало смущало правителей страны, и они не пытались положить ему конец.

Что же касается веры, то положение дел в этой области на протяжении ста лет изменилось самым радикальным образом: от провозглашенного в 1685 г. единства веры до установления веротерпимости и признания гражданского статуса протестантского меньшинства в предреволюционные 1787-1788 гг. Так как король Франции почитался особой священной, заместителем Бога на земле, а французская монархия – основанной на Божественном праве, то частный, на первый взгляд, вопрос о гражданском статусе протестантов оказывался тесно связанным с общими представлениями о принципах монархической власти. Политика по отношению к протестантам и осмысление этой политики самой правящей элитой Франции XVIII в. и составляют предмет данного очерка.

Формально после отмены в 1685 г. Людовиком XIV Нантского эдикта Генриха IV всем подданным французского короля полагалось исповедовать одну веру – католическую⁷¹. В качестве одного из главных аргументов в пользу отмены Нантского эдикта выдвигалось, во-первых, утверждение, что все кальвинисты, или, согласно официальной терминологии, «так называемые реформаты» (*les prétendus réformés*) обратились в католицизм, и поэтому законы, гарантирующие их статус, больше не нужны. Во-вторых, в королевском эдикте, отменяющем Нантский эдикт, говорилось о необходимости стереть саму память о прежних религиозных распрях: «Мы теперь должны возблагодарить Бога, видя, что наши усилия достигли намеченной цели, ибо наилучшая и большая часть наших подданных из так называемых реформатов обратились в католическую веру; следовательно, исполнение Нантского эдикта и всех прочих

⁶⁹ Впервые опубликовано: Французский ежегодник. 2004. М.: УРСС, 2004. С. 162-180.

⁷⁰ Revel J. La région // Les lieux de mémoire. Т. 3. Part. 1. Paris, 1992. P. 855.

⁷¹ Об истории отмены Нантского эдикта и последствиях этой акции см.: Orcibal J. Louis XIV et les protestants. Paris, 1951; Vidal D. Prédications et discours calvinistes en Languedoc après la révocation de l'édit de Nantes // Revue Historique. 1984. № 550. P. 281-310; Garrisson-Estèbe J. L'édit de Nantes et sa révocation: Histoire d'une intolérance. Paris, 1985; Labrousse E. «Une foi, une loi, un roi?» Essai sur la révocation de l'édit de Nantes. Genève et Paris, 1985; La Révocation de l'édit de Nantes et le protestantisme français en 1685: Actes du colloque de Paris, 15-19 octobre 1985 / publ. par R. Zuber et L. Theis. Paris, 1986.

распоряжений в пользу так называемой реформированной церкви стало бесполезным, и поэтому мы сочли, что ради того, чтобы полностью стереть память о волнениях, беспорядках и бедствиях в нашем королевстве, вызванных распространением этой ложной веры и послуживших поводом для данного эдикта и прочих эдиктов и деклараций, как предшествовавших ему, так и последовавших за ним, лучше всего будет полностью отменить означенный Нантский эдикт и принятые вслед за ним особые статьи, а также всё, что было сделано с тех пор в пользу означенной религии»⁷². На этом основании реформатам запрещалось собираться для отправления культа, их детей предписывалось крестить по католическому обряду и давать им католическое воспитание, все существующие во Франции кальвинистские храмы следовало разрушить, а пасторам – покинуть страну в двухнедельный срок.

Впоследствии меры по искоренению кальвинизма ужесточились. Появился ряд законодательных актов, нацеленных на то, чтобы обращение бывших кальвинистов в католическую веру было полным и не носило формального характера. Декларация от 29 апреля 1686 г. устанавливала суровые наказания для новообращенных, которые на одре болезни отказывались принять последнее причастие у католического священника. Если больным удавалось поправиться, то мужчинам полагалось публичное покаяние и пожизненная каторга с конфискацией имущества, а женщинам – публичное покаяние и тюремное заключение с конфискацией имущества. Если же больной умирал, то его имущество тоже следовало конфисковать, а тело бросить на свалку, предварительно подвергнув поруганию⁷³. Декларация от 13 декабря 1698 г. запрещала новообращенным поддерживать сношения с протестантскими пасторами и обязывала их регулярно ходить к мессе, преклонять колени, соблюдать посты и воспитывать детей в католической вере⁷⁴.

Изданная Людовиком XIV в последний год жизни декларация от 8 марта 1715 г. подтверждала все принятые прежде меры против новообращенных, отказывающихся принять у кюре последнее причастие. При этом оговаривалось, что для наказания виновных не требуется доказывать факт их перехода в католическую веру, так как «пребывание тех, кто принадлежал к так называемой реформированной вере или родился в семье реформатов, в нашем королевстве после того, как мы полностью отменили отправление означенной религии, есть более чем достаточное доказательство того, что они перешли в католическую, апостольскую и римскую веру, а иначе бы их здесь не сносили и не терпели»⁷⁵. Таким образом, уже само проживание на французской территории должно было свидетельствовать о принадлежности к католической церкви. Принцип «одна вера – один король» восторжествовал. С тех пор официально протестантов во Франции как будто не существовало: предполагалось, что все подданные французского короля по определению были католиками⁷⁶.

Официальная точка зрения, согласно которой Франция являлась полностью католической страной, нашла отражение в словарях и энциклопедиях XVIII в.

⁷² Edit portant révocation de l'édit de Nantes, Fontainebleau, octobre 1685 // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 vol. Paris, 1826-1829. T. 19. P. 531-532.

⁷³ Ibid. P. 545-546.

⁷⁴ Recueil général des anciennes lois françaises. T. 20. P. 313-319.

⁷⁵ «Le séjour que ceux qui ont été de la R.P.R., ou qui sont nés de parens religionnaires, ont fait dans notre royaume, depuis que nous y avons aboli toute exercice de ladite religion, est une preuve plus que suffisante qu'ils ont embrassé la R.C.A. et R., sans quoi ils n'y auroient pas été soufferts ni tolérés» (Ibid. P. 640).

⁷⁶ Wells Ch.C. Law and Citizenship in Early Modern France. Baltimore, 1994.

Определения, данные приверженцам различных конфессий, создавали впечатление, что люди, исповедующие протестантизм, во Франции были прежде, в XVI в., а сейчас они живут только за границей: «немецкие протестанты»⁷⁷; «*протестант, -ка*. Так в Германии называют тех, кто исповедует доктрину Лютера»⁷⁸; «*гугенот, -отка*. Так именовали во Франции тех, кто исповедовал ересь Кальвина. [...] Так начали именовать французских кальвинистов с 1560 г.»⁷⁹; «*гугенот, - прозвище, которое католики дали протестантам-кальвинистам; но они не вкладывали в это слово подлинного смысла, который оно имело изначально*»⁸⁰; «гугенотами прежде называли людей, исповедующих так называемую реформированную религию»⁸¹; «а также *Реформой, или Так называемой реформой* именуют изменение, которое еретики шестнадцатого века хотели внести в доктрину и в дисциплину Церкви»⁸², и т. д.

Реальное положение дел, разумеется, было иным: несмотря на массовую эмиграцию и немалое число обращений в католицизм протестантская община во Франции сохранилась. В Севеннах возродилась подпольная кальвинистская церковь, проводились церковные соборы. Оценки общей численности французских протестантов у разных авторов варьируются от 300 тысяч до 3 млн., но, по мнению большинства историков, в XVIII в. во Франции было более 500 тысяч протестантов, что составляло около 2 % населения страны⁸³. Жили они преимущественно на Юге, в провинциях Дофине, Лангедок, Гасконь, Гийень и Сентонж, и в подавляющем большинстве это были крестьяне. Как показывают источники локального характера, резко сократившись и даже почти исчезнув после 1685 г., в XVIII в. гугенотские общины постепенно возрождались⁸⁴. Так, в 1698 г. в «Памятной записке о лионском генеральстве» интендант А.-Ф. Ламбер д'Эрбиньи отмечал, что из 1000 гугенотов, проживавших в Лионе на момент отмены Нантского эдикта, к концу века не осталось ни одного человека: они либо обратились в католическую веру (интендант, правда, не строил иллюзий насчет этих обращений и сделал красноречивую ремарку, что «в Лионе остались лишь 20 семей новообращенных, из них некоторые обратились по-настоящему»⁸⁵), либо эмигрировали в Швейцарию, Голландию, Англию или Германию. В составленных в 1762 г. примечаниях к этой

⁷⁷ Dictionnaire de l'Académie française. 2 vol. 1ère éd. Paris, 1694. Т. 2. P. 337; 4ème éd. Paris, 1762. Т. 2. P. 490.

⁷⁸ Dictionnaire universel français et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1771. Т. 7. P. 26; Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 27. A Lauzanne et à Berne, 1780. P. 647.

⁷⁹ Dictionnaire universel français et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Т. 4. P. 893.

⁸⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 17. A Lauzanne et à Berne, 1779. P. 792.

⁸¹ Dictionnaire de l'Académie française. 1ère éd. Т. 1. P. 476.

⁸² Dictionnaire de l'Académie française. 4ème éd. Т. 2. P. 566.

⁸³ Poland B.C. French protestantism and the French revolution. A study in church and state, thought and religion, 1685-1815. Princeton, 1957. P. 8, 283-286; Van Kley D.K. The Religious Origins of the French Revolution: From Calvin to the Civil Constitution, 1560-1791. New-Haven-London: Yale Univ. Press, 1996. P. 3.

⁸⁴ О распространении протестантизма среди крестьян провинции Пуату см.: Benoist A. Vie paysanne et protestantisme en Moyen-Poitou du XVIe siècle à la Révolution // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. Т. 92. 1985. № 2.

⁸⁵ «Il n'est demeuré à Lyon que 20 familles de nouveaux convertis, dont quelques uns le sont véritablement» (L'intendance de Lyonnais, Beaujolais, Forez en 1698 et en 1762: Edition critique du mémoire rédigé par Lambert d'Herbigny et des observations et compléments de La Michodière / sous la dir. de J.-P. Gutton. Paris: Ed. du C.T.H.S., 1992. P. 119).

памятной записке новый интендант Ж.-Б. Франсуа де Ла Мишодьер говорил уже о 150 протестантских семьях в Лионе⁸⁶.

В самые первые годы царствования Людовика XV регент герцог Филипп Орлеанский, исходя из внешне- и внутривосточных интересов страны, намеревался прекратить преследования гугенотов и вернуть изгнанников во Францию. Об этом сообщал в своих мемуарах герцог де Сен-Симон: «Я никого не хочу обвинять в попытке внушить эту мысль Регенту, потому что мне так и не удалось узнать, откуда она у него возникла; но поскольку он постоянно стремился к тесному союзу с Голландией и особенно с Англией, то предположить нетрудно. Вернув их, он надеялся польстить морским державам, засвидетельствовать им свое самое глубокое уважение, дружбу, благосклонность и готовность пойти навстречу, а, кроме того, он рассчитывал быстро возродить королевство, сделать его богатым и процветающим»⁸⁷.

Но если у регента и были такие намерения, они остались нереализованными. А вскоре декларацией от 14 мая 1724 г. недавно достигнувший совершеннолетия Людовик XV подтвердил все меры своего прадеда, принятые с целью «полностью истребить ересь в королевстве»⁸⁸. Чтобы лишить подданных короля возможности заключать браки по протестантскому обряду, декларация запрещала новообращенным вступать в брак за границей без специального письменного на то разрешения под страхом пожизненной каторги для мужчин и пожизненного изгнания для женщин с конфискацией имущества⁸⁹. Активные преследования протестантов со стороны властей возобновились и продолжались, по крайней мере, до середины XVIII в.⁹⁰

Но в середине века стало уже складываться общественное мнение в пользу веротерпимости, распространению которого немало способствовал «Трактат о веротерпимости» Вольтера (1763)⁹¹. Власти тоже не были чужды новым умонастроениям. Во второй половине XVIII в. суды фактически стали признавать законность браков, заключенных по протестантскому обряду. В 1755 г. провинциальный парламент Экс-ан-Прованса выдвинул аргументы в пользу легализации гражданского статуса протестантов, предложив отделить брак как договор между гражданами от церковного таинства. В таком случае король, наделенный верховной светской властью, мог бы поручить своим судьям вести регистрацию протестантских браков и рождений. Историки обычно рассматривают такого рода аргументацию и соответствующую ей юридическую практику как проявления десакрализации монархии, так как здесь четко разграничиваются сферы сакрального и профанного, а власть короля удаляется из сферы сакрального и рассматривается как исключительно светская⁹². Не случайно поначалу эти идеи зародились и получили

⁸⁶ «Число так называемых реформатов в Лионе крайне незначительно, хотя публика на сей счет думает иначе. Проведя разного рода исследования, я обнаружил только 150 протестантских семей, и все они родом из Швейцарии, Женевы или Германии» (Ibid. P. 120).

⁸⁷ Saint-Simon L., duc de. Mémoires / publ. par A. de Boislisle. Paris, 1879-1930. Т. XXX. P. 142.

⁸⁸ «D'éteindre entièrement l'hérésie dans son royaume» (Recueil général des anciennes lois françaises. Т. 21. P. 261).

⁸⁹ Ibid. P. 269.

⁹⁰ О положении протестантов во Франции в XVIII в. см.: Poland B.C. Op. cit.; Histoire des Protestants en France / publ. par R. Mandrou. Toulouse, 1977; Garrisson-Estèbe J. Protestants du Midi. Toulouse, 1980.

⁹¹ Об общественном мнении по протестантскому вопросу см.: Adams G. The Huguenots and French Public Opinion, 1685-1789. Waterloo (Ontario), 1991.

⁹² Julia D. Les deux puissances: chronique d'une séparation de corps // The French Revolution and the creation of modern political culture. Т. 1. The Political Culture of the Old Regime / ed. by K.M. Baker. Oxford: Pergamon

развитие именно в парламентах, которые к середине века превратились в очаг политической оппозиции и разрабатывали концепции ограниченной монархии. Но и министры короля тоже склонялись в пользу веротерпимости.

В 1764 г. государственный секретарь королевского дома Луи Фелипо, граф де Сен-Флорантен, в ведении которого находились церковные дела, поручил адвокату Жильбер де Вуазену подготовить проект легализации статуса протестантов, хотя дальше этого в царствование Людовика XV дело не продвинулось⁹³.

Двадцать лет спустя, в период подготовки к коронации Людовика XVI генеральный контролер финансов Анн-Робер-Жак Тюрго предложил королю существенно упростить саму церемонию коронации и изменить тексты пяти клятв, произносимых в ходе нее королем (обязательства перед Церковью, Королевской клятвы, клятвы великого магистра ордена Святого Духа, клятвы великого магистра ордена святого Людовика и клятвы соблюдать эдикты против дуэлей). Одним из мотивов, которыми руководствовался просвещенный министр, было намерение убрать все фразы, отмеченные религиозной нетерпимостью. Предложенные им версии клятв, которые, в конечном счете, были отвергнуты королем, отличались несравнимо более светским языком, из них были убраны все ссылки на католическую, апостольскую и римскую веру. Из текста Королевской клятвы Тюрго предлагал удалить обещание «искоренить на всех подвластных мне землях еретиков, осужденных Церковью»⁹⁴. Особенно отчетливо стремление Тюрго выразить идею веротерпимости видно на примере обязательства перед Церковью, которое в традиционной формулировке, произнесенной Людовиком XVI во время коронации 11 июня 1775 г., звучало так: «Я обещаю хранить каждому из вас⁹⁵ и вверенным вам Церквам канонические привилегии, права и юрисдикцию, коими вы пользуетесь, беречь вас и защищать, по мере моих сил и с Божьей помощью, ибо долг Короля – беречь в своем Королевстве каждого Епископа и Церковь, переданную на его попечение»⁹⁶. Тюрго предложил заменить это лаконичной фразой: «Все Церкви в Королевстве должны рассчитывать на мои покровительство и правосудие»⁹⁷. Слово «Церкви» (во множественном числе) в двух текстах имеет разный смысл. В первом случае речь явно идет о епархиях, подведомственных епископам католической Церкви. Текст, составленный Тюрго, скорее, можно понять как обещание высочайшего покровительства всем религиозным конфессиям, существующим во французском королевстве. Смысл клятвы при таком ее истолковании полностью менялся: обещание хранить канонические привилегии католической Церкви превращалось в провозглашение принципа терпимости и равенства культов.

Press, 1987; Merrick J.W. *The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century*. Louisiana State Univ. Press, 1990. P. 27-48, 149-151; Van Kley D.K. *Op. cit.* P. 164-165.

⁹³ Жильбер де Вуазен умер в 1769 г., успев по указанию министра составить памятную записку, которая была опубликована лишь в 1787 г. См.: Poland B.C. *Op. cit.* P. 75.

⁹⁴ *Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre // Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie*. Paris: Téqui, 1989. P. 51-52.

⁹⁵ Имелись в виду французские епископы, перед лицом которых произносилась эта клятва.

⁹⁶ *Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI*. P. 51.

⁹⁷ «*Toutes les Eglises de mon Royaume doivent compter sur ma protection et sur ma justice*» (*Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / par G. Schelle. 5 vols. Paris: Félix Alcan, 1913-1923. T. IV. P. 551*).

Весной 1775 г., во время «мучной войны» Тюрго рассылал циркуляры приходским кюре, с тем чтобы в проповедях они призывали народ к порядку. Подобные циркуляры были разосланы и протестантским пасторам, что означало фактическое признание правительством существования подданных-кальвинистов⁹⁸. Занимавший в 1775-1776 гг. пост государственного секретаря королевского дома Кретъен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб начал собирать документы по протестантскому вопросу для подготовки закона об их гражданском статусе, но за десять месяцев своего министерства не успел довести дело до конца⁹⁹.

В то же время, во Франции проживала довольно многочисленная протестантская община, имевшая легальный статус и никак не ущемленная в своих правах. Речь идет о 200 тысячах эльзасских лютеран. Они получили свободу вероисповедания и отправления культа на основании Вестфальских мирных договоров 1648 г., гарантом которых являлась Франция. Со времени присоединения Эльзаса к Франции равноправие католиков и лютеран составляло привилегию этой провинции. Когда в 1781 г. праздновалось столетие капитуляции Страсбурга и его подчинения Людовику XIV, частью официальных торжеств, согласно обычаю, стало бракосочетание девушек из народа за счет городского магистрата, - при этом их мужья получали статус и права страсбургских буржуа (*le droit de bourgeoisie*). В Страсбурге по такому случаю ошастливили 20 девушек, поровну из католических и протестантских семей: 10 венчались в католическом кафедральном соборе, а другие 10 – в лютеранской кирхе¹⁰⁰. Таким образом было наглядно продемонстрировано единение и равноправие католиков и лютеран Эльзаса.

Но эльзасские лютеране находились на особом положении. Что же касается кальвинистского населения, то урегулированием его гражданского статуса правительство вплотную занялось в 1780-е гг. В решении вопроса о статусе протестантов среди министров короля выявились разные подходы.

Мальзерб, который в тот период не занимал государственных постов, принимал, тем не менее, самое живое участие в подготовке задуманной реформы, работая в тесном контакте с возглавлявшим госсекретариат королевского дома Луи-Шарлем-Огюстом Ле Тоннелье, бароном де Бретёем, в компетенцию которого в числе прочих входили дела, касающиеся протестантской религии. В решении протестантского вопроса Мальзерб во главу угла ставил защиту естественных прав человека, к числу которых он относил свободу вероисповедания. Его позиция нашла отражение в двух памятных записках о протестантских браках, составленных в 1785 и 1786 гг. при помощи служащего госсекретариата иностранных дел Клода-Карломана де Рюльера, предоставившего в распоряжение Мальзерба необходимые ему архивы.

Целью первой из них было убедить набожного и уважающего традиции короля в том, что предоставление гражданского статуса протестантам не будет идти вразрез с политикой Людовика XIV в этом вопросе. В записке Мальзерб выдвинул целый ряд утилитаристских, моральных и исторических аргументов в пользу веротерпимости. Вред нынешней ситуации, по его мнению, заключался в том, что вынужденная эмиграция гугенотов наносила ущерб торговле и промышленности и при этом породила массовое

⁹⁸ Poland В.С. Op. cit. P. 62.

⁹⁹ О действиях Мальзерба в пользу протестантов в период его министерства см.: Grosclaude P. Malesherbes: Témoin et interprète de son temps. Paris: Fischbacher, 1961. P. 373-387.

¹⁰⁰ Mémoires de la baronne d'Oberkirch, sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789 / éd. présentée et annotée par S. Burkard. Paris: Mercure de France, 2000 (1970; 1989). P. 175-177.

недовольство в королевстве. Министр утверждал, что протестантов в стране оставалось не меньше, чем было до 1685 г., и если уж Людовику XIV не удалось насильно обратить их в католицизм, то это не выйдет ни у кого. Кроме того, по словам Мальзерб, Людовик XIV изначально вовсе не собирался лишать часть своих подданных их естественных прав, и его просто неверно поняли. Впоследствии же он отступил от своих замыслов под влиянием духовенства, убедившего короля в том, что можно легко и быстро полностью искоренить ересь¹⁰¹.

Вторая памятная записка Мальзерб начиналась с изложения трех «фундаментальных принципов», на которых должно основываться новое законодательство. Это, во-первых, необходимость дать протестантам гражданский статус и равные с другими подданными короля права, во-вторых, недопустимость смешения религии с политикой (по словам Мальзерб, «еретики должны быть лишь сектой в Церкви, а не партией в Государстве»)¹⁰² и, в-третьих, привлечение еретиков в лоно католической Церкви исключительно методом убеждения. Предлагаемый им закон имел целью «не допустить, чтобы протестанты составили во Франции особую корпорацию»¹⁰³. «Для достижения этого было бы желательно, - предлагал Мальзерб, - чтобы не осталось никаких внешних различий между ними и Католиками и чтобы статус всех подданных Короля, какую бы веру они ни исповедовали, регистрировался бы одними и теми же государственными служащими в одних и тех же книгах»¹⁰⁴. То есть Мальзерб предусматривал передать регистрацию актов гражданского состояния из рук Церкви в ведение государства. Он вполне разделял в данном вопросе позицию, занятую ранее парламентом Экс-ан-Прованса, утверждая, что брачное законодательство - «это не только законы Церкви, но и законы Королевства, законы о гражданских обязательствах, изданные светской властью. Всякий подданный Короля, какую бы религию он ни исповедовал, обязан им подчиняться»¹⁰⁵. Мальзерб особо подчеркивал, что, говоря о не католиках, он имел в виду не только кальвинистов, но и лютеран, анабаптистов, евреев и приезжающих во Францию иностранцев, среди которых могут оказаться представители любой религии¹⁰⁶.

Таким образом, Мальзерб, будучи человеком нерелигиозным, последовательно придерживался принципа разграничения компетенций Церкви и светского государства. Это сообразовывалось с его общими представлениями о монархии, которая, с его точки зрения, являлась формой государственного устройства, созданной людьми путем общественного договора, а не божественным установлением. В 1788 г. он выскажется об этом вполне определенно: «Суверен есть постоянный представитель Нации [...]. Король не имеет власти кроме той, что доверена ему Нацией»¹⁰⁷. Монархия, согласно Мальзербу,

¹⁰¹ Malesherbes C.-G. de. Mémoire sur le mariage des protestans. S.l., 1785. P. 6-7.

¹⁰² «Les Hérétiques ne doivent être qu'une Secte dans l'Eglise, et non un parti dans l'Etat» (Malesherbes, le pouvoir et les Lumières / textes réunis et présentés par M. Wyrwa. Paris: France-Empire, 1989. P. 113).

¹⁰³ «De ne point faire des Protestants un corps particulier en France» (Ibid. P. 120).

¹⁰⁴ «Pour y parvenir, il serait à désirer qu'on pût ne laisser aucune différence extérieure entre eux et les Catholiques, et que l'état de tous les sujets du Roi, de quelque religion qu'ils soient, fût constaté par les mêmes officiers et dans les mêmes registres» (Ibid. P. 115).

¹⁰⁵ «Ces lois ne sont pas seulement des lois de l'Eglise, ce sont des lois du Royaume, des lois faites par la puissance temporelle sur l'engagement civil. Tout sujet du Roi, de quelque religion qu'il soit doit y être soumis» (Ibid. P. 119).

¹⁰⁶ Ibid. P. 113-120.

¹⁰⁷ «Le souverain est le représentant perpétuel de la Nation [...]. La puissance du Roi n'est que celle que la Nation lui a conférée» (Malesherbes, le pouvoir et les Lumières. P. 12).

должна уважать естественные права подданных, том числе право на свободу совести, и обеспечить им всем гражданский статус независимо от вероисповедания.

Идеи Мальзербба поддерживал Этьен-Шарль де Ломени де Бриенн, с 1763 г. архиепископ Тулузский, а с 1787 г. – архиепископ Санский, глава королевского финансового совета и главный министр. Еще с молодых лет он, по свидетельству близко его знавшего современника, исповедовал принцип гражданской веротерпимости (*la tolérance civile*) и утверждал, что, хотя единственно истинной является католическая вера и вне Церкви нет спасения, но, тем не менее, королю следует дать своим подданным полную свободу культов и ни в чем не ущемлять прав иноверцев¹⁰⁸.

В октябре 1786 г. на основе работ Мальзербба барон де Бретей представил королю доклад о положении кальвинистов во Франции. В докладе повторялись основные аргументы Мальзербба в пользу предоставления им гражданского статуса: такая мера несколько не противоречит политике Людовика XIV, попытки насильственного обращения протестантов в католицизм заведомо обречены на провал, а нынешнее положение наносит вред интересам государства. По словам де Бретей, Людовик XIV успешно обращал кальвинистов в католическую веру, пока действовал не торопясь и методом убеждения. Впоследствии насильственные методы доказали свою безрезультатность: число кальвинистов в стране несколько не уменьшилось. Де Бретей полагал, что в 1780-е гг. они составляли свыше миллиона человек, или двадцатую часть французского населения¹⁰⁹. Лишенные гражданских прав, эти люди, тем не менее, добросовестно исполняли свой гражданский долг: «Среди них есть коммерсанты, земледельцы, солдаты; они платят налоги; их направляют на общественные работы, набирают в ополчение, посылают служить на флот; немногочисленные оставшиеся среди них дворяне живут в своих владениях, в молодости служат королю и имеют обыкновение оставлять службу до того, как придет время получить крест Святого Людовика. Некоторые остаются, не испрашивая для себя этого знака отличия. Все члены их секты продолжают, таким образом, целиком исполнять обязанности граждан и подданных, тогда как враждебное им законодательство не позволяет включать ни в какие акты гражданского состояния записи об их рождении, браке и погребении, и они оказываются полностью вычеркнутыми из рядов граждан»¹¹⁰. По утверждению де Бретей, вред такого положения совершенно очевиден: «Даже защитники нетерпимости не могут не признать, что гражданская смерть столь большого числа подданных короля наносит ущерб интересам его королевства, чести его правления, росту населения, мануфактур и торговли, безопасности государства, порядку в наследовании имущества и всему гражданскому порядку в целом»¹¹¹.

Единственным возражением против предоставления гражданского статуса протестантам, по мнению министра, могло бы быть то, что эта мера бросит тень на политику Людовика XIV. Но такое возражение несостоятельно, потому что планы великого короля в отношении протестантов неоднократно менялись. Де Бретей

¹⁰⁸ Morellet, l'abbé A. Mémoires de l'abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution / présenté par J.-P. Guicciardi. Paris: Mercure de France, 1988. P. 60-62.

¹⁰⁹ Breteuil, baron de. Mémoire, ou Rapport général sur la situation des calvinistes en France, sur les causes de cette situation, et sur les moyens d'y remédier // Rulhière C.-C. de. Oeuvres de Rulhière, de l'Académie française. 2 vols. T. 1. Paris, 1819. P. 277, 338.

¹¹⁰ Ibid. P. 278-279.

¹¹¹ Ibid. P. 280.

критически оценивал ряд мер Людовика XIV в отношении протестантов, хотя и подчеркивал всякий раз, что ответственность за неверные действия лежит не на самом короле, а на его министрах и духовенстве. В его политике де Бретей обнаруживал два сменявших друг друга взаимоисключающих подхода: то верх брало намерение как можно быстрее обратить всех в католицизм, то целью было обратить их по-настоящему. Когда правительство стремилось во что бы то ни стало увеличить число новообращенных, духовенство беспрепятственно принимало их в лоно католической Церкви. Если же духовенство начинало подходить к обращениям кальвинистов в католицизм со всей строгостью, то правительство мирилось с существованием в стране протестантов и проявляло к ним терпимость.

Ныне действующие законы, принятые в 1724 г., по оценке де Бретей, «представляют собой не что иное, как несвязную компиляцию из сменявших друг друга предшествующих законов»¹¹². Ответственность за это законодательство де Бретей целиком возлагал на герцога де Бурбона, занимавшего пост главного министра при юном Людовике XV. Ошибка его, по мнению де Бретей, заключалась в том, что он механически соединил оба подхода, чередовавшихся в политике Людовика XIV. С одной стороны, правительство теперь отрицало само существование реформатов в стране и считало, что все уже обратились в католицизм, а, с другой стороны, духовенство не признавало многих новообращенных католиками и не допускало их к таинствам. В результате сложилась ситуация, которой не было при Людовике XIV: значительная часть подданных короля были отвергнуты как государством, так и Церковью и с юридической точки зрения оказались как бы несуществующими.

Единственно правильный выход де Бретей видел в том, чтобы последовать предложению Мальзерб и ввести государственную регистрацию актов гражданского состояния, и добавлял к этому: «Я скажу только, что право вести запись актов гражданского состояния в реестрах рождений, браков и смертей принадлежит гражданской юрисдикции; и если французское духовенство осуществляет это право, то лишь по доброй воле правительства»¹¹³. Прообраз этой справедливой и необходимой меры де Бретей опять-таки находит в политике Людовика XIV, который за месяц до отмены Нантского эдикта издал постановления о порядке проведения протестантских браков, крестин и похорон; согласно его постановлениям, запись актов в таких случаях полагалось вести в канцеляриях судов¹¹⁴. К обсуждению нового закона, как полагал министр, не следует привлекать духовенство, так как «отныне это дело касается только королевской власти»¹¹⁵.

Позиция де Бретей во многом близка той, которую отстаивал Мальзерб, но в ней есть и заметное отличие. Если целью Мальзерб является, в первую очередь, защита поправленных прав граждан, то предложения де Бретей направлены на усиление государства за счет передачи в его ведение регистрации актов гражданского состояния, ранее находившихся в компетенции Церкви. В рассуждениях де Бретей королевская власть тоже

¹¹² «Ne sont autre chose qu'une compilation incohérente de ces lois antérieures, substituées les unes aux autres» (Ibid. P. 282).

¹¹³ «Je dirai seulement que le droit de constater l'état des citoyens par les registres des naissances, des mariages et des morts, appartient à la juridiction civile ; que si le clergé français participe à ce droit, c'est par une faveur gratuite du gouvernement» (Ibid. P. 298).

¹¹⁴ Ibid. P. 296-297.

¹¹⁵ «Désormais cette affaire ne regarde que la seule autorité du roi» (Ibid. P. 347).

выглядит «десакрализованной», то есть светской, но это отнюдь не означает ее умаления. Напротив, предлагаемые им меры подразумевают усиление власти короля за счет вытеснения Церкви из публичного пространства в частное. Проект де Бретёя – это своего рода французский вариант «просвещенного деспотизма».

Наконец, среди министров были и те, кто стоял на позиции безоговорочной защиты исключительных привилегий католической Церкви. В ноябре 1786 г., после того как де Бретёй представил доклад об урегулировании статуса протестантов, хранитель печатей Арман-Тома Ю де Миромениль написал королю, что принять предложенный закон означало бы «допустить несколько различных культов в вашем Королевстве», тогда как «крайне необходимо», напротив, укреплять католическую религию. «Если станет безразлично, кем быть, католиком или протестантом, то при нынешнем состоянии нравов многие люди, не колеблясь, выберут то, что им удобнее»¹¹⁶.

Единомышленником Миромениля был государственный секретарь иностранных дел Шарль Гравье, граф де Верженн. Протестантский вопрос не относился к делам его ведомства, так что он не подавал королю записок или докладов на сей счет. Однако некоторые соображения, высказанные им в более раннее время и по другому поводу, позволяют судить о его позиции. Так, весной 1781 г. Верженн выступил с резкой критикой деятельности генерального директора финансов Жака Неккера. Казалось бы, предмет тогдашних споров был весьма далек от религиозных вопросов, но характер выдвинутых Верженном обвинений раскрывает его отношение к протестантизму. В своей докладной записке королю Верженн обвинял главу финансового ведомства в погоне за дешевой популярностью, англomanии, пренебрежении интересами короля и традициями французской монархии. По его мнению, трудно было бы ожидать чего-то другого от иностранца, республиканца и протестанта. Обращаясь в поисках аргументов к событиям прошлого, он вспоминал Религиозные войны, Фронду и финансовую систему Джона Ло и доказывал, что оказавшиеся во французском правительстве иностранцы всегда являлись авантюристами, игравшими пагубную роль в истории страны: «В нашей истории еще не было ни одного переворота, ни одного другого пагубного события, которое не было бы вызвано опасными принципами, привнесенными в государство чуждыми нашим нравам людьми, которые слишком часто в силу амбиций и интриг брали бразды правления в вашем августейшем доме»¹¹⁷. Результатами этого стали войны Лиги, убийства двух королей, затем Фронда и эксперименты Ло, потрясшие финансовую систему Франции. Что же касается Неккера, то осуществление его замыслов, по словам Верженна, было бы для французской монархии страшнее, чем Лига, Фронда и система Ло вместе взятые: «По примеру Ло, Мазарини и лотарингских принцев г-н Неккер со своими женевско-протестантскими планами готов установить во Франции систему в финансах, лигу в государстве и фронду против существующей администрации. *Систему*, которая нарушает имущественный порядок, источник благосостояния государства; *лигу*, которая поднимает три сословия государства друг против друга; и *фронду*, которая объединит все три

¹¹⁶ Цит. по: Egret J. La Pré-révolution française (1787-1788). Paris: PUF, 1962. P. 134.

¹¹⁷ «Il n'est aucune révolution dans notre histoire, ni aucun évènement mémorable, qui ne doivent leur caractère pernicieux, aux principes dangereux introduits dans l'état par des hommes étrangers à nos mœurs, que l'ambition et l'intrigue conduisirent trop souvent jusqu'au timon des affaires de votre auguste maison» (Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses mœurs, à l'administration des finances de France // Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T. 4. Paris, 1801. P. 150).

сословия против административной власти, сделавшей их довольными и послушными. Характер жителей Франции таков, что им необходимо проповедовать государственную религию, чтобы заслужить подчинение народа и доверие грандов»¹¹⁸. Таким образом, в аргументации Верженна иностранец, республиканец и протестант – характеристики, тесно друг с другом связанные. Все три призваны изобличить человека, чуждого и враждебного французской монархии, французской религии и Франции вообще.

Выявленные разногласия по протестантскому вопросу проливают дополнительный свет на характер соперничества между придворно-министерскими группировками в 1780-е гг. Самые общие сведения об этих группировках содержатся в мемуарах генерального наместника парижской полиции Жан-Шарля-Пьера Лемуара. Рассказывая о принятых в конце 1781 г. по инициативе хранителя печатей Миромениля новых регламентах, касающихся издательского дела, и о вызванных этими мерами разногласиях в правительстве, Лемуар отметил: «Тогда открыто нападали на его [Миромениля – Л.П.] законодательство и принципы. По этой и по другим причинам произошел раскол между всеми министрами: одни, и в частности г-н де Верженн, присоединились к хранителю печатей и образовали партию, которую называли партией Короля. Другие, прежде всего гг. де Сегюр и де Бретей, принадлежали, как считалось, к партии Королевы»¹¹⁹. Упомянутый выше архиепископ Ломени де Бриенн тоже был известен как человек из «партии королевы»¹²⁰. Позиции, занятые министрами во время обсуждения протестантского вопроса, свидетельствуют о принципиальных идейных расхождениях между прокатолически настроенными традиционалистами из «партии короля» (Миромениль, Верженн) и сторонниками веротерпимости и светского государства из «партии королевы» (барон де Бретей, Ломени де Бриенн).

В целом, в парижском обществе и среди французской аристократии сторонники веротерпимости не были в большинстве, но они проявили исключительную активность в отстаивании своей позиции¹²¹. В феврале 1787 г. по предложению советника Р. де Сен-Венсана Парижский парламент обратился к королю с просьбой «обдумать в мудрости своей наивернейшие способы дать гражданский статус Протестантам»¹²². Через несколько недель со стороны заседавшего в это время собрания нотаблей прозвучал аналогичный призыв, составленный по инициативе герцога де Ларошфуко, маркиза де Лафайета и племянника Мальзерб-а епископа Лангрского монсеньера де Ла Люзерна.

¹¹⁸ «A l'exemple de Law, de Mazarin, et des princes lorrains, M. Necker avec ses plans génevois et protestans, est tout prêt pour établir en France un système dans la finance, ou une ligue dans l'état, ou une fronde contre l'administration établie. *Un système* qui renverse l'ordre des propriétés, source des richesses de l'état; *une ligue* qui soulève les trois ordres de l'état les uns contre les autres; ou *une fronde* qui les réunira tous les trois contre la puissance administrative qui les avait fait contents et dociles. En France, tel est le caractère des habitans, qu'il est nécessaire d'y professer la religion de l'état, pour mériter la soumission des peuples et la confiance des grands» (Ibid. P. 154).

¹¹⁹ «On combattit alors ouvertement sa législation et ses principes. Cette cause et d'autres encore firent éclater la division entre tous les ministres: les uns, et particulièrement M. de Vergennes, se lièrent avec le Garde des Sceaux, et formèrent un parti qu'on appella le parti du Roi. D'autres, notamment MM. de Ségur et de Breteuil, furent réputés (être) du parti de la Reine» (Darnton R. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // The English Historical Review. 1970. V. LXXXV. № 336. P. 543).

¹²⁰ См.: Price M. Preserving the Monarchy: The Comte de Vergennes, 1774-1787. Cambridge Univ. Press, 1995.

¹²¹ Egret J. Op. cit. P. 137-138; Adams G. Op. cit.

¹²² «Peser, dans sa sagesse, les moyens les plus sûrs de donner un état civil aux Protestants» (Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. 3 vol. Paris, 1888-1898 / publ. par J. Flammermont. T. III. P. 694-695; обращение Р. де Сен-Венсана см.: Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français. V. 1856-1857. P. 423-444).

Тем временем был отправлен в отставку хранитель печатей Миромениль, еще раньше скончался граф де Верженн, и в правительстве больше не осталось явных противников нового закона о протестантах. В результате король внял аргументам сторонников веротерпимости, и в ноябре 1787 г. подписал эдикт.

А какой точки зрения придерживался в этих спорах сам Людовик XVI? Была ли ему близка идея веротерпимости или сторонникам нового закона стоило больших усилий переубедить короля? Судить обо всем этом приходится по косвенным данным. В самом раннем сочинении – размышлениях о беседах со своим воспитателем герцогом де Ла Вогийоном юный дофин Людовик-Август, будущий Людовик XVI неоднократно ссылался на божественную природу королевской власти¹²³. Но при этом о короле как образе Всевышнего он вскользь упомянул лишь однажды¹²⁴ и еще один раз уподобил королевское правосудие Божьему суду, заявив, что оно должно быть таким же беспристрастным и милосердным¹²⁵. Главное место в его рассуждениях о королевской власти занимал образ короля – отца большой семьи подданных и главы нации¹²⁶. Набожности он тоже уделял первостепенное внимание, но рассуждал о ней исключительно как о личном качестве монарха, призванного в безбожный век подавать пример благочестивого и достойного поведения¹²⁷. Таким образом, в этих рассуждениях будущего короля не было ничего такого, что принципиально противоречило бы идее веротерпимости. Правда, в самом начале царствования он отверг предложения Тюрго упростить обряд коронации и убрать все слова, отмеченные духом религиозной нетерпимости, из коронационных клятв. Однако трудно судить, было ли это с его стороны проявлением верности принципу монархии Божественного права или просто данью традиции. Примечательно, что, настаивая на проведении церемонии коронации в максимальном соответствии с традицией и совершив после этого – опять-таки по традиции – обряд исцеления золотушных, Людовик XVI больше ни разу в жизни не пожелал выступить в роли короля-чудотворца.

Как бы то ни было, при всей своей безусловной набожности он согласился с аргументацией сторонников веротерпимости. Впоследствии он по собственной инициативе предложил Мальзербу заняться проблемой гражданского статуса евреев. По свидетельству современника, после одобрения королевским советом эдикта о статусе протестантов, король сказал Мальзербу: «Господин де Мальзерб, вы сами решили сделаться протестантом; теперь я назначаю вас евреем: займитесь ими»¹²⁸. Похоже, что в решении протестантского вопроса Людовик XVI, скорее, готов был согласиться с «модернизаторами», чем с «традиционалистами». Но, вместе с тем, ему явно был дорог традиционализм как таковой: он хотел править в соответствии с традициями. Именно поэтому Мальзербу и барону де Бретёю пришлось потратить добрую половину своих представленных королю сочинений на заверения, что веротерпимость будет

¹²³ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. T. 1. Paris, 1864. P. 212, 241.*

¹²⁴ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon, par Louis-Auguste, Dauphin (Louis XVI) / Introd. par M. de Falloux. Paris, 1851. P. 52.*

¹²⁵ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin (1864). P. 201.*

¹²⁶ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin (1851). P. 19, 37-38, 91.*

¹²⁷ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin (1864). P. 300.*

¹²⁸ Grosclaude P. *Op. cit.* P. 631.

продолжением политики Людовика XIV и его предшественников, а преследование иноверцев, напротив, было нарушением этой традиции.

Основным автором эдикта о протестантах явился Мальзерб, который в 1787 г. был призван в королевский совет и получил ранг государственного министра. Наряду с ним, в составлении законопроекта участвовали де Бретей и радикальный борец за права протестантов пастор Ж.-П. Рабо Сент-Этьен, в принципе отвергавший государственную религию и выступавший за полную свободу культов. Составленный ими документ официально назывался «Эдикт, касающийся тех, кто не исповедует католической веры»¹²⁹. Но, несмотря на столь обобщающее название, в тексте речь шла не обо всех религиозных меньшинствах, а, главным образом, о протестантах. В преамбуле эдикта использована характерная для Мальзерба естественноправовая аргументация. В настоящее время, - говорится в тексте, - протестанты во Франции «лишены всякого законного существования» (*dépouillés de toute existence légale*), что совершенно недопустимо, так как нельзя наказывать людей, «лишая их прав, которые сама природа требует им вернуть»¹³⁰. Теперь настало время «положить конец этим опасным противоречиям между естественными правами и предписаниями закона»¹³¹.

Эдикт закреплял за католической религией статус государственной, и по-прежнему только католики имели право на публичное отправление культа. Что же касается не католиков, то они получили право на законный гражданский статус: «Другие наши подданные-не католики, лишённые всякого влияния на порядок работы наших штатов, заранее и навеки объявленные неспособными образовать корпорацию в нашем королевстве, подчинённые общим правилам в том, что касается проведения праздников, получают по закону лишь то, в чем естественное право не позволяет нам им отказать: возможность засвидетельствовать рождение, брак и смерть и пользоваться, подобно всем прочим нашим подданным, следующими из этого гражданскими правами»¹³². За не католиками признавалось также право владеть имуществом, заниматься торговлей, ремеслами и – в первоначальном варианте – любыми профессиями. Эдикт запрещал протестантским пасторам вести регистрацию актов гражданского состояния своих единоверцев. Для регистрации брака, рождения ребенка или смерти протестанты могли обратиться по желанию либо к приходскому священнику католической Церкви, либо в государственное учреждение – канцелярию суда.

Первый раз эдикт был представлен на регистрацию в Парижский парламент 19 ноября 1787 г. Открывая заседание парламента, король в своей речи соединил клятву хранить католическую веру с естественноправовой риторикой в духе Мальзерба: «Я всегда буду хранить, неизменно и безраздельно оберегая, святую веру, в которой Бог дал мне счастье родиться, и я не позволю, чтобы в моем королевстве ей был нанесен наималейший ущерб. Но я полагаю, что она сама повелевает мне не оставлять часть моих

¹²⁹ Edit concernant ceux qui ne font pas profession de la religion catholique // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 28. P. 472-482.

¹³⁰ «En les privant des droits que la nature ne cesse de réclamer en leur faveur» (Ibid. P. 473).

¹³¹ «De mettre un terme à ces dangereuses contradictions entre les droits de la nature et les dispositions de la loi» (Ibidem).

¹³² «Nos autres sujets non catholiques, privés de toute influence sur l'ordre établi dans nos états, déclarés d'avance et à jamais incapables de faire corps dans notre royaume, soumis à la police ordinaire pour l'observation des fêtes, ne tiendront de la loi que ce que le droit naturel ne nous permet pas de leur refuser, de faire constater leurs naissances, leurs mariages et leurs morts, afin de jouir, comme tous nos autres sujets, des effets civils qui en résultent» (Recueil général des anciennes lois françaises. T. 28. P. 473).

подданных лишеными их естественных прав и того, что позволяет им общественное состояние»¹³³.

В ходе обсуждения эдикта в Парижском парламенте большинство судей поддержали документ. В поданной королю ремонстрации эдикт в принципе одобрялся и предлагалось несколько поправок. В ремонстрации парламент развивал свою концепцию нации как сообщества граждан, наделенных естественными правами, и решительно возражал против употребленного в первоначальном варианте королевского эдикта термина «прерогатива гражданского состояния» (*prérogative de l'état civil*): «Слово прерогатива несет в себе идею отличия или превосходства, несовместимую с разумными и необходимыми исключениями. То, что Ваше Величество позволяет этим законом не католикам, есть исполнение естественного права, а не пожалование прерогативы»¹³⁴. В то же время, парламент настаивал на большем ограничении прав иноверцев, чем это было предусмотрено первым вариантом закона. Так, в ремонстрации содержалось требование дополнить статью о праве не католиков заниматься торговлей, ремеслами и другими профессиями. По мнению составителей ремонстрации, следовало запретить не католикам преподавать и занимать судебские должности¹³⁵.

Правительство приняло поправки, предложенные Парижским парламентом. Новый текст был представлен на регистрацию 29 января 1788 г. и одобрен большинством в 96 голосов против 17, 10 членов парламента ушли с голосования¹³⁶. Провинциальные парламенты в большинстве своем последовали примеру Парижского и зарегистрировали ноябрьский эдикт 1787 г. с некоторыми оговорками или вообще без таковых. Только три парламента отказались зарегистрировать эдикт: парламента Бордо, который с июля 1787 г. находился в ссылке и вообще не регистрировал никаких законов, и парламента Безансона и Дуэ, непреклонные в защите позиций католической Церкви. В двух последних случаях эдикт был принудительно зарегистрирован в мае 1788 г.¹³⁷

Собравшаяся в 1788 г. генеральная ассамблея французского духовенства составила королю протест против эдикта о гражданском статусе протестантов. Духовенство сетовало на то, что «видно чрезвычайное брожение в диоцезах. Реформаты открыто заявляют, что их пасторам предоставлена свобода, что они могут проводить собрания и что исключительным правом католической религии остается лишь великолепие пышного национального культа». Духовенство обращало внимание короля на то, что религиозное единство «соответствует нравам и характеру французов – верных друзей короля и монаршей власти. Вам известно, Сир, что католическая религия неразрывно связана с французской монархией, и вот уже на протяжении тысячи трехсот лет она не перестает быть государственной религией. Каждый новый суверен при венчании на царство

¹³³ «Je maintiendrai toujours, par la protection la plus constante et sans partage, la religion sainte dans laquelle Dieu m'a fait le bonheur de naître, et je ne permettrai pas qu'elle souffre le plus léger affaiblissement dans mon royaume. Mais je crois qu'elle me commande elle-même de ne pas laissez une partie de mes sujets privés de leurs droits naturels, et de ce que l'état de société leur permet» (Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série. T. 1. Paris, 1879. P. 264-265).

¹³⁴ «Le mot de prérogative emporte avec lui une idée de distinction ou de prééminence inconciliable avec des exclusions raisonnables et nécessaires. Ce que V.M. permet par cette loi aux non-catholiques est l'acquiescement d'une dette de droit naturel, et non la concession d'une prérogative» (Remontrances sur l'édit donnant un état civil aux non-catholiques, 20 janvier 1788 // Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. T. 3. P. 696).

¹³⁵ Ibid. P. 697.

¹³⁶ Ferrand A.-F.-C., comte. Mémoires du comte Ferrand, ministre d'Etat sous Louis XVIII / publ. par le vicomte de Broc. Paris, 1897. P. 20-22; Egret J. Op. cit. P. 139.

¹³⁷ Egret J. Op. cit. P. 142-143.

торжественно обещает Богу и своему народу хранить католическую веру и беречь подвластные ему земли от ереси». Наконец, духовенство предостерегало короля против пагубных последствий недавно изданного эдикта: «Обращения [в католицизм – Л.П.] станут более редкими, а вероотступничество участится. Грубый деревенский народ, видя терпимость по отношению ко всем религиям, возомнит, что можно встать под другие знамена и таким образом освободиться от тяжелых обязанностей, налагаемых католической Церковью, от груза исповеди и бремени поста. И еще гораздо стремительнее этот поворот совершится в городах, посреди ужасающего безверия и безнравственности!»¹³⁸

Примечательно, однако, что ревностные защитники католицизма как государственной религии в обоснование своей точки зрения всякий раз выдвигали чисто *утилитаристскую* аргументацию. Так, по мнению министров из «партии короля» Миромениля и Верженна, задача государственной религии состоит в том, чтобы держать подданных в повиновении и обеспечивать порядок в стране, тогда как свобода культов может привести к беспорядкам. Они защищали католическую Церковь не потому, что для них она была единственной истинной Церковью, а потому, что видели в ней пользу для государства. И при этом ни один из них не упоминал о божественной природе власти монарха.

Охранительная позиция духовенства, нашедшая отражение в тексте его обращения к королю, близка к той, которую занимали Миромениль и Верженн. Речь здесь тоже шла о защите государственной религии, необходимой для поддержания порядка, а не о монархии Божественного права и истинной Церкви.

* * *

Таким образом, в ходе дискуссий о статусе протестантов, развернувшихся в 1780-е гг., выявились серьезные идейные разногласия среди министров короля. Миромениль и Верженн из «партии короля» выступили защитниками позиций католической Церкви, де Бретей и Ломени де Бриенн из «партии королевы» - сторонниками веротерпимости и светского государства.

Позиция самого короля в решении этого вопроса выглядит противоречивой. С одной стороны, глубокая набожность и уважение к традициям делали его верным покровителем католической Церкви. С другой, - осознание своей миссии как, главным образом, отеческой предполагало заботу о правах всех подданных, включая и не католиков. В конечном счете, это противоречие было разрешено в пользу веротерпимости.

Мнения по протестантскому вопросу, высказанные представителями французской правящей элиты, вполне можно рассматривать как свидетельства происходившей в их сознании десакрализации монархии. Даже те, кто в ходе дискуссии отстаивали наиболее традиционалистскую точку зрения и отвергали религиозную терпимость, не выступали с позиций защиты монархии Божественного права и истинной веры.

¹³⁸ Цит. по: Chassin Ch-L. Le génie de la Révolution. 2 vol. Paris, 1865. Т. II. P. 177-185.

Глава 5. Культура власти

Последняя глава книги посвящена сложившемуся в конце Старого порядка миру представлений о власти, монархии и обществе, особенностям социально-политического дискурса и способам символической коммуникации короля и властных элит с подданными.

Глава и вся книга завершаются двумя статьями, которые раньше не публиковались. Они были написаны несколько лет назад для тематических сборников, которые в свое время так и не вышли. При желании их можно рассматривать как замену отсутствующему в книге заключению. Одна из них носит обобщающий характер, подводя итоги тому, что было написано не только в этой, но и в предыдущих главах на тему политической культуры Франции XVIII века. Другая, посвященная последним официальным церемониям предреволюционной Франции, ставит в главе хронологическую и смысловую точку.

Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII века¹

Коронация Людовика XVI 11 июня 1775 г. в Реймсе – последняя церемония такого рода во Франции Старого порядка – породила противоречивые отклики современников. У историков она тоже вызывала разные оценки. Герман Вебер, с которым вполне соглашается Жак Ле Гофф, видит в ней церемонию, верную традиционной средневековой модели, и полагает, что именно после этого «общественное мнение отвернулось от старой монархии»². Марина Валансиз, напротив, считает, что «коронация показывает [...], насколько архаичный стереотип способен к адаптации и инновации»³. А какие смыслы обнаруживали в действе, развернувшемся с 9 по 15 июня в г. Реймсе, сами люди XVIII века, люди разного круга и разных взглядов?

В распоряжении историка имеются многообразные описания этого действия: от «Исторического журнала помазания и коронации», составленного придворной службой Малых забав, и официального отчета в печатном органе «Газетт де Франс» до впечатлений современников. Сопоставление откликов очевидцев с официальным описанием церемонии дает возможность выяснить, какие из смыслов, заложенных в старинном обряде, организаторам удалось донести до его участников, а какие – нет и насколько запланированным было произведенное коронацией впечатление.

Прежде чем приступить к описаниям самой церемонии, следует уяснить себе, чего могли ожидать от нее французы второй половины XVIII в., исходя из каких побуждений, взялись за ее организацию. Известно, что коронации 1775 г. предшествовали дискуссии о том, следует ли вообще ее проводить, а если проводить, то где и каким образом⁴. Сам Людовик XVI склонялся к тому, чтобы, согласно многовековой традиции, совершить обряд помазания и коронации в кафедральном соборе г. Реймса. Считается, что на окончательный выбор короля в пользу традиции повлиял придворный проповедник аббат де Бове. 27 июля 1774 г. он произнес яркую проповедь на заупокойной службе по Людовику XV в аббатстве Сен-Дени. В проповеди он говорил, что помазание в Реймсе не только дань традиции, но и средство религиозного возрождения монархии и французского народа. Король внял этой аргументации, отверг предложения генерального контролера финансов Анн-Робера-Жака Тюрго в целях экономии отказаться от церемонии или сильно ее упростить и модернизировать и принял решение провести коронацию в соответствии с «тысячелетней традицией». Таким образом, изначально была взята установка на историзм, преемственность и традиционность. Эту особенность коронации 1775 г. подчеркивают ее историки, в частности, Ж. Ле Гофф. По его словам, «это была по сути средневековая коронация»; «коронация Людовика XVI стала последней в истории монархии Старого порядка. [...] Между тем, она знаменует не упадок, а апогей реймской церемонии. Она

¹ Впервые опубликовано: Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010.

² Le Goff J. Reims, ville du sacre // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. II. La Nation. V. 1. Paris: Gallimard, 1986. P. 165. См. также: Weber H. Das Sacre Ludwigs XVI von 11. Juni 1775 und die Krise des «Ancien Regime» // Vom «Ancien Regime» zur französischen Revolution / hrsg. von E. Hinrichs, R. Vierhaus, E. Schmitt. Göttingen, 1978. S. 536-565.

³ Valensise M. Le sacre du roi : stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // Annales : ESC. 1986. № 3. P. 572.

⁴ См.: Weber H. Op. cit.; Valensise M. Op. cit. P. 543-577.

была отмечена не только печатью без малого тысячелетней традиции, но и присущим реймскому обряду духом обновления: религиозного возрождения королевства и французского народа»⁵.

Решение, принятое королем, провести коронацию в Реймсе, следуя традиции, не смогло положить конец разногласиям. Смысл церемонии современники понимали по-разному, если вообще видели в ней какой-то смысл. Среди различных мнений, отраженных в источниках, выделяются, по крайней мере, три ее интерпретации. Назовем их условно осмыслениями коронации как таинства, как праздника и как спектакля.

Согласно последней интерпретации, коронация – это спектакль. Она не имеет ни политического значения, ни религиозного смысла и представляет собой лишь серию мероприятий по случаю инаугурации главы государства. Такое мнение высказал архиепископ Экс-ан-Прованса Жан де Дьё-Реймон де Буажелен де Кюсе в проповеди, произнесенной в Реймсе накануне коронации. Он говорил, в основном, о том, в чем состоит долг короля Франции и какие опасности подстерегают монарха на его трудном пути. Один из очевидцев, герцог де Крои высказал по поводу проповеди Буажелена следующие замечания: «Проповедник накануне говорил нам, что считает своим долгом возвестить, будто эта церемония не прибавляет королю величия, и едва не сказал, что надо признать ее делом бесполезным и всего лишь обычаем»⁶. Так же расценивал коронацию и присутствовавший на ней близкий к придворным кругам анонимный автор «Секретной политической корреспонденции»: «Вот я и вернулся, но у меня все еще нет новостей, которые могли бы вас заинтересовать. Долгие и утомительные церемонии в Реймсе не позволяли думать о более важных делах. Там не произошло ничего примечательного, не считая людей, сдавленных в толпе, сломанных помостов, но ни одного несчастного случая»⁷.

Другая интерпретация представляет собой попытку осмыслить традиционную церемонию по-новому, как праздник в честь заключения общественного договора и обретения королем власти из рук нации. Такая точка зрения нашла отражение в знаменитых «Секретных записках для истории республики литераторов во Франции», составленных литератором Луи Пти де Башомоном. Башомон лично не присутствовал на коронации – он в это время был в Париже, - но освещает ее весьма подробно, основываясь на рассказах очевидцев, возвращавшихся из Реймса. Он высказывает ряд критических соображений по поводу церемонии в Реймсе, и наиболее резкое неприятие с его стороны вызвал как раз тот факт, что идея договора и наделения короля властью от нации не прозвучала должным образом.

Существовала, наконец, и наиболее традиционная точка зрения на обряд венчания на царство как на «восьмое таинство», в результате которого заключается мистический союз между монархом и народом. Выразителем ее является герцог де Крои, давший в своем дневнике самое подробное описание коронации, не считая официальных отчетов. Герцог де Крои принадлежал к близкому королевскому окружению, хорошо знал церемониал, был явно знаком с коронационной символикой и ходом подготовки к коронации и скрупулезно отразил свои впечатления в дневнике. Критикуя проповедь архиепископа Буажелена, де Крои формулирует свое понимание обряда венчания на

⁵ Le Goff J. Op. cit. P. 161, 164.

⁶ Croÿ E., *duc de*. Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784 / par le v-te de Grouchy et P. Cottin. 4 vols. Paris: Flammarion, 1906-1907. T. 3. P. 179.

⁷ La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 6. 1992. P. 123.

царство: «Я был недоволен таким истолкованием церемонии, особенно после того как увидел ее, и я бы предпочел, чтобы он сказал, подобно Менену⁸ на странице 177, что, хотя те, кто рожден взойти на трон, безусловно, могут восседать на нем, не будучи помазанными, тем не менее, эта церемония им необходима, а, кроме того, красотой молитв, церемоний и религиозных помазаний можно снискать Небесную благодать и доверие и почтение народов. Действительно, в результате этой церемонии король получает почти священнический сан, давая в руках Божьих и перед всем своим народом, представленным всеми сословиями и Грандами, священный обет Нации править мудро, свято и так, чтобы сделать ее как можно более счастливой. Горе тому веку, когда всё это превратится в формальность и повод для насмешек!»⁹

Сам момент для проведения коронации (июнь 1775 г.) оказался неблагоприятным. Незадолго до этого либеральные экономические реформы Тюрго, некстати пришедшиеся на неурожайный год, спровоцировали народные волнения, известные под названием «мучной войны». Пик восстания пришелся на апрель-май 1775 г., но в начале июня в стране еще было неспокойно. Организаторы коронации¹⁰ оказались перед необходимостью, с одной стороны, обеспечить массовость, с другой, - предотвратить беспорядки. Как в дневнике писал герцог де Крои: «Оправившись от ужаса, связанного с зерновым бунтом, хотя момент и был совсем не веселый, решили, что относительно коронации ничего не изменится, и все те, кто должен был туда ехать, занялись подготовкой к этому событию. [...] Меня удивила цена хлеба в Фиме: простой хлеб для народа (*le pain du peuple*) стоил около четырех су за фунт. Это было настоящее бедствие, - к счастью, оно больше не вызывало брожения. Я увидел там гусар Бершини и г-на де Вьомениля, командующего кордоном для обеспечения спокойствия. Жаль, что помазание пришлось охранять войсками»¹¹. В «Секретных записках» Башомона хорошо отражено то противоречивое положение, в котором оказались организаторы коронации, вынужденные проводить массовое мероприятие, в то время как в стране всё еще было неспокойно. В страхе перед народным бунтом многие предпочли не ехать в Реймс, и организаторы торжеств – придворная служба Малых забав и местные власти – боялись, что на коронацию прибудет мало народу. Как сообщает Башомон, «приезжих было очень мало. В гостиницах оставались свободные места, и стоило опасаться, как бы запасы продовольствия, сделанные жителями, не обернулись им в ущерб и не принесли потерь вместо выгоды, на которую они надеялись»¹². Поэтому в Париже стали широко раздавать пригласительные билеты на коронацию. В то же время, чтобы предотвратить беспорядки, уже с 4 июня власти закрыли Реймс, и въехать в город можно было только по специальному пропуску. Впрочем, вскоре эти меры отменили, так как наплыв народа был меньше, чем ожидалось¹³. Впрочем, анонимный очевидец сообщает об «огромном

⁸ Как отмечает здесь герцог в авторском примечании, речь идет о лучшем, с его точки зрения произведении на тему коронации: Menin. Traité historique et chronologique du sacre et couronnement des roys et des reines de France..., chez Vauche, 1723.

⁹ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 179-180.

¹⁰ Работу по подготовке к церемонии возглавляли первый камер-юнкер Э.-Ф. де Дюрфор, маршал-герцог де Дюра и интендант Малых забав Папийон де Ла Ферте.

¹¹ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 168-169.

¹² Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours; ou Journal d'un observateur. Т. 8. A Londres: chez John Adamson, 1785. Р. 79.

¹³ Ibid. Р. 75-76, 80-81.

наплыве зрителей всех сословий и изо всех стран. Пол-Парижа, гранды и мелкий люд, отправились в Реймс»¹⁴.

Торжественный въезд короля в Реймс начался с того, что члены городского муниципалитета под колокольный звон вручили ему ключи от города. Далее король проследовал путем, вдоль которого стояли скульптуры, символизирующие его добродетели. В начале пути кортеж встречали две сидящие фигуры Религии и Правосудия. У статуи Правосудия в одной руке были весы, а в другой – фасция. Выгравированные на цоколе стихи содержали прозрачный намек на недавние бурные политические события, связанные с отменой судебной реформы канцлера Рене-Николя Мопу и восстановлением старых парламентов (многие современники воспринимали эти мероприятия молодого монарха как отказ от произвола и торжество законности):

Государя и Подданных я распределяю права,
На счастливое равенство все мое упование;
Возлюбленный Монарх, что дает править Законам,
Восстанавливает равновесие и останавливает весы¹⁵.

Далее по пути следования королевского кортежа располагались украшенная эмблемами триумфальная арка, посвященная Благодеянию, и алтари Верности (с трех сторон украшенный аллегорическими барельефами Власти, Нежности и Верности) и Милосердия. Алтарь Милосердия был воздвигнут возле богадельни, и во время торжественного въезда короля в Реймс, как сообщает в официальном отчете о церемонии «Газетт де Франс», здесь разыгралась трогательная сцена: Его Величество приветствовали старики и дети-сироты с цветами в руках¹⁶.

Ле Гофф предлагает свою интерпретацию символики оформления городских улиц по случаю коронации. С его точки зрения, ведущей стала тема обновления. Об этом свидетельствуют, в частности, неоднократно повторяющийся в декоре мотив встающего солнца или надпись на цоколе статуи Правосудия: «Приветствуем возвещенную мною зарю прекрасных дней». Кроме того, по мнению исследователя, убранство улиц Реймса выражало «имперские» претензии французской монархии: имя короля писалось на латыни подобно имени римского императора – *Ludovicus Augustus*, а иллюминация сопровождалась стихами о «славе и процветании империи».

¹⁴ La Correspondance politique secrète. P. 122.

¹⁵ Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, roi de France et de Navarre // Le Sacre et couronnement de Louis XVI, roi de France et de Navarre, Dans l'Eglise de Reims, le 11 Juin 1775. Paris, 1775. Reprod.: Paris: Téqui, 1989. P. 11.

¹⁶ См.: Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève: Droz, 1972. P. 100-101.

Илл. 12. Торжественный въезд Людовика XVI в Реймс на коронацию. Гравюра XVIII в. Реймс. Муниципальная библиотека

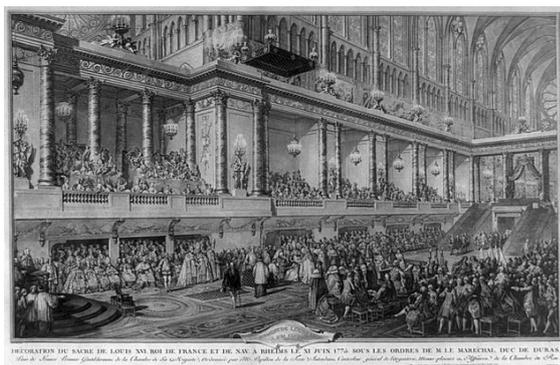
Но была ли эта символика «прочитана» современниками? На этот вопрос трудно ответить, потому что ее описания имеются только в официальных отчетах. Очевидцы – даже такой внимательный ко всем деталям зритель, как герцог де Крои, – о ней ничего не пишут. Приехав накануне в Реймс, де Крои отметил только, что «въезд красивый, и [...] несколько триумфальных арок торжественно возвещали предмет праздника»¹⁷. За самим королевским въездом 9 июня он наблюдал из окна гостиницы, расположенной напротив собора. По-видимому, в городе, в уличной толпе аллегорические фигуры и надписи были трудноразличимы и смысл их не вполне ясен. Они воспринимались просто как декоративное убранство города, а не как текст, несущий в себе значимое содержание.

Правда, следует иметь в виду, что коронация 1775 г. состоялась в условиях расцвета книгопечатания. Ее воспринимали не только те, кто лично присутствовал в Реймском соборе, то и те, кто читал официальные или неофициальные отчеты. Можно предположить, что аллегии, представленные на улицах Реймса, лучше прочитывались и осознавались не зрителями и участниками церемонии, а теми, кто, подобно историкам, читал ее описания в «Газетт де Франс» или в официальном «Историческом журнале помазания и коронации». К сожалению, отклики таких читателей нам пока не встречались.

Интерьер собора описывает только герцог де Крои, причем делает это в своей обычной манере, очень обстоятельно и подробно. У него мы находим настоящий критический разбор того, что было сделано организаторами церемонии, анализ достоинств и недостатков оформления собора. «Я пошел посмотреть церковь: она одна из самых красивых, какие я видел, и достойна своей славы: только алтарная часть немного узковата. При каждой коронации стараются сделать убранство, как можно лучше. При коронации Людовика XV в 1722 г. трибуны вынесли вовне и галерея была открытой.

¹⁷ Journal inédit du duc de Croÿ. T. 3. P. 170.

Сейчас первый камер-юнкер (*gentilhomme de quartier*) герцог де Дюра и архитекторы Малых забав, которые этим занимались, захотели устроить по-новому: они сделали ведущую от короля галерею закрытой, что было лучше, и украсили ее, как нельзя лучше. Всё это, и колоннада и портик перед порталом, удалось совершенно и стало великолепной деталью, которая, хотя и была выдержана в другом тоне, но вполне гармонировала с прекрасным древним порталом. Что до интерьера, то его оформление было по-своему красиво, но он выглядел тесным, имел слишком театральный вид и походил на зрительный зал, помещенный в величественный неф готической церкви. Всё это, хотя и больших размеров, но по сравнению с остальным походило на какой-то кусок позолоченного картона внутри огромного благородного здания, и, при том что алтарная часть и так была слишком узкой, это ее еще сильнее сжимало, тем более что, накладывая колонны, их выдвинули вперед, на консоли над изгибами сводов. За исключением того, что оказалось трудно украсить место, закрыв его, всё было по-своему красиво, и это убранство, колоннада амфитеатра в глубине, великолепная трибуна королевы, трон на алтарной преграде между четырех колонн выглядели величественными, а всё вместе по-настоящему красивым. Что касается меня, то я бы предпочел оставить колонны изолированными, выстроить открытые галереи амфитеатром за столпами, слегка наклонить их к алтарю и устроить просветы между галереями, с понижением впереди, так, чтобы можно было видеть больше народу одновременно и прекрасный свод полностью»¹⁸. Преображение готического собора в классицистический для герцога де Крои явно не было чудом, сотворенным королем¹⁹. Театральность интерьера ему кажется неуместной в столь важной государственной церемонии. Столь явная театральность пространства церемонии объяснялась тем, что Луи-Александр Жиро, которому было поручено оформление собора, испытал на себе сильное влияние со стороны первого архитектора короля Жака-Анжа Габриэля, и, в частности, в 1769-1770 гг. они оба работали над созданием Оперы в Версальском дворце²⁰. Оформляя церемонию коронации, Жиро избрал два образца интерьера для подражания: придворную часовню и Оперу в Версале. Он использовал многие идеи из тех, что они в свое время воплотили вместе с Габриэлем. В результате галереи для публики в Реймском соборе оказались очень похожими на ложи Версальской оперы²¹.

Илл. 13. Ж.-М. Моро Младший. Коронация Людовика XVI в Реймсе 11 июня 1775 г.

¹⁸ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 170-171.

¹⁹ См. для сравнения о восприятии придворных праздников Людовика XIV как волшебства: Marin L. Le portrait du roi. Paris: Les Editions de Minuit, 1987. Р. 236-250.

²⁰ Открытие Оперы в Версале тоже было приурочено к большим государственным торжествам по случаю бракосочетания дофина Людовика, будущего Людовика XVI и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты.

²¹ См.: Gruber A.-Ch. Op. cit. Р. 88-98.

В порядке проведения церемонии помазания и коронации доминировала установка на следование традиции. В этом были свои как преимущества, так и изъяны. С одной стороны, подчеркнутый архаизм церемонии вырывал ее из повседневности и производил дополнительный эстетический эффект. Герцог де Крои восхищался старинными костюмами, горностаевыми мантиями и расшитыми золотом тканями. Описание такого великолепия он заключает словами: «Это очень красиво и величественно, и вся эта церемония показывает, насколько наш костюм уступает старинному»²².

С другой стороны, архаичная церемония была рассчитана на подготовленного зрителя и могла оказаться непонятной современникам. Герцог де Крои был именно таким подготовленным зрителем, он хорошо понимал значение отдельных эпизодов коронации. Приехав в Реймс заранее, 7 июня, он каждый вечер внимательно изучал литературу о коронациях, чтобы, как он сам пишет, «как следует войти в курс дела» (*m'en bien mettre au fait*)²³. Но далеко не все зрители были настолько «в теме», как он.

Вот весьма красноречивый пример того, как очевидец не понимал содержания разворачивавшейся у него перед глазами церемонии. Как писал анонимный автор «Секретной политической корреспонденции», «король, то ли от смертельной усталости, то ли под сильным впечатлением, которое произвела на него церемония, в момент помазания потерял сознание, так что его с трудом привели в чувство»²⁴. Никто, кроме этого анонимного автора, не сообщает об обмороке короля. По-видимому, то, что он принял за обморок, был момент, непосредственно предшествовавший помазанию, когда король и архиепископ Реймский пали ниц перед алтарем и долго молились²⁵. Человек, не сумевший перед коронацией проштудировать литературу по данному вопросу так основательно, как герцог де Крои, не понимал смысла того, что видел.

При всем желании организаторов соблюдать традицию отступления от нее всё же были и вызывались чисто житейскими причинами. Как пишет Башомон, «в общем, эта церемония была не такой длинной, какой должна быть. Сократили много молитв, чтобы не утомлять Его Величество в жару и побережь силы архиепископа Реймского»²⁶. Де Крои тоже отмечает, что церемония оказалась короче, чем ожидали: она началась в шесть часов утра, король прибыл в собор в 7.30, а к 11.30 всё уже закончилось и король вернулся в свою резиденцию²⁷.

Одно отступление от традиции привлекло к себе особое внимание. В начале церемонии, после принесения королем присяги хранить привилегии Церкви и перед так называемой Королевской клятвой был момент, когда епископы Лаона и Бовэ подняли короля, сидевшего в кресле под балдахин, и, согласно официальному журналу коронации, «они спросили, следуя старинной формальности, у присутствующих Сеньоров и у Народа, признают ли они Людовика XVI своим Королем? После того как было получено согласие Ассамблеи, выраженное почтительным молчанием, Архиепископ попросил Короля принести Королевскую клятву»²⁸. В действительности молчанием был

²² Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. P. 180.

²³ Ibid. P. 172, 174.

²⁴ La Correspondance politique secrète. P. 123.

²⁵ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. P. 184.

²⁶ Mémoires secrets. Т. 8. P. 87.

²⁷ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. P. 180-181, 188.

²⁸ Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI. P. 51.

выражен не только ответ, но и сам вопрос епископов. Как пишет изучивший историю коронаций дотошный герцог де Крои, «фактически они ничего не говорили. Затем я их спросил, и они мне сказали, что это не было указано у них в инструкции и от древнего обычая осталось лишь то, что они приподнимают Короля. Итак, на самом деле этот знаменитый вопрос больше не задается»²⁹. Важность этого момента была связана с тем, что именно его современники интерпретировали как заключение общественного договора в процессе коронации. Поэтому на молчание епископов обратили внимание, и некоторые были даже возмущены. Как пишет Башомон, «но что возмутило патриотов, так это сокращение той части церемониала, когда как бы спрашивают у народа его согласия на избрание Короля. Какой бы бесполезной и смешной ни была сегодня эта формула, люди возмущены тем, что духовенство, для которого, по-видимому, в первую очередь, был устроен этот благочестивый спектакль, вздумало по собственной инициативе убрать эту часть и оставить лишь то, что преимущественно касается его самого»³⁰.

Что касается вручения королю кольца – символа его брачного союза с государством³¹, – то этому уделяет внимание лишь де Крои, но и он упоминает о кольце вскользь, когда после подробного описания самого помазания короля из Священного сосуда (*la Sainte Ampoule*) переходит к рассказу о благословении перчаток, кольца и вручении королю скипетра.

Кульминацией церемонии в изложении современников предстает не само помазание, а завершающий момент церемонии, когда уже после помазания и коронации король в полном облачении и со всеми регалиями поднимается на трон, расположенный на специально восстановленной по этому случаю высокой алтарной преграде. Именно в этот момент под звуки фанфар открывают двери собора, чтобы впустить толпу народа и выпустить на волю птиц. Де Крои пишет: «Я уверен, что никогда не испытывал подобного энтузиазма: к моему глубокому удивлению и я сам, и все окружающие расплакались. У Королевы от восторга слезы из глаз хлынули ручьем; ей пришлось вынуть носовой платок, что только усилило всеобщее воодушевление. Видно было, что Король хорошо прочувствовал происходящее, и, в конце концов, нам довелось увидеть то, что можно было увидеть только там и тогда: нашего Короля во всем царственном блеске на настоящем троне, – это впечатление невозможно передать, настолько оно сильно. Восторг был поистине всеобщим. [...] Каждый признавался, что этот момент превзошел все ожидания»³². Ему, хотя и с оговорками, вторит Башомон: «Наконец, прекрасным моментом была коронация, когда пустили народ, чтобы показать ему короля. Энтузиазм от этого спектакля, детского в глазах философов, с такой силой выразился в многократных возгласах “Да здравствует король!”, что большинство зрителей плакали, начиная с Его Величества, Королевы и т. д.» и заканчивая триполитанским посланником³³.

Но этот момент в церемонии коронации не имел такого глубокого смысла, как помазание или даже коронация и вручение регалий. Самое главное, по сути, уже закончилось. Он произвел грандиозное впечатление, но не своей смысловой нагрузкой, а эффектной режиссурой. Примечательно, что присутствующие выражали свой восторг не

²⁹ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 183.

³⁰ Mémoires secrets. Т. 8. Р. 87.

³¹ См.: Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV-XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 169-193.

³² Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 186.

³³ Mémoires secrets. Т. 8. Р. 84, 86.

только слезами умиления и криками: «Да здравствует король!», - но и бурными, продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию, что было неуместно во время службы в церкви. На эту ложку дегтя не преминул обратить внимание де Крои: «Следует признать, что этот момент был величественным, но немного против правил. Раньше никогда не случалось, чтобы в церкви аплодировали, да еще так долго и бурно. Аплодисменты возобновились, когда братья Короля вместе с другими пэрами обнимали его. Их короны и величественные одеяния прекрасно смотрелись вокруг трона, но декорация выглядела немного театральной, а аплодисменты проистекали из нового обычая хлопать, когда Король и Королева посещали спектакль»³⁴.

Как бы ни интерпретировали современники церемонию коронации, в ней были два момента, которые никак не поддавались рациональному истолкованию. Это помазание из Священного сосуда, который, согласно легенде, принесла с неба голубка во время крещения Хлодвига, и обряд исцеления золотушных. Как же интерпретируют эти чудеса люди «века разума»? Большинство современников о них вообще не упоминают. Подробно рассказывает об этих двух обрядах лишь герцог де Крои. Он человек, безусловно, верующий. Помазание и коронация для него – церемония, исполненная религиозного смысла. Но даже у него проявляется скептическое отношение к чудесам, в частности, когда он рассказывает о Священном сосуде. По легенде, его содержимое чудесным образом возобновлялось после каждой коронации, так что со времени крещения Хлодвига сосуд не опустел. Де Крои объясняет это чудо очень просто: перед помазанием священник берет каплю содержимого из сосуда и смешивает ее с миром, а после помазания собирает остатки обратно. В результате содержимое Священного сосуда в изображении де Крои выглядит отвратительно. Герцог заключает: «Неудивительно, что он всегда полон, это остатки мира, а в общем-то пыль, жирная грязь и что-то вроде засохшей мази»³⁵. То есть в чудо Священного сосуда он явно не верит.

Обряд исцеления королем больных золотухой в описании де Крои тоже предстает негигиеничным. Когда он пишет об этом обряде, в его тоне чувствуется брезгливость, так же как и в случае со Священным сосудом. Он обращает внимание на то, что день, когда совершалось исцеление, был жаркий, от собравшихся 2400 больных сильно воняло, от них можно было заразиться, «так что от Короля требовались мужество и сила, чтобы совершить всю эту церемонию, и я бы не подумал, что она такая тяжелая и отвратительная (*si rude et répugnante*), если бы сам ее не увидел»³⁶. И далее де Крои подробно описывает, как, сотворив исцеление, король трижды мыл руки уксусом, водой и одеколоном. Но при этом он с большим уважением относится к вере людей, жаждущих исцеления: «Вера этих добрых людей была просто замечательна: они стояли на коленях, со сложенными руками, в ожидании, и на их лицах была написана такая живая и поистине трогательная вера, что я бы не удивился, если бы многие исцелились, хотя бы в силу пережитого ими крайнего потрясения»³⁷. То есть возможное исцеление он готов объяснить сильным нервным потрясением или глубокой верой, но не чудодейственной силой королевского прикосновения. Так что даже такой человек, как герцог де Крои, верующий и относившийся к происходящему вполне серьезно, был совершенно неспособен поверить в чудо. Наиболее мистические элементы церемонии – помазание из

³⁴ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. Р. 187.

³⁵ Ibid. Р. 203.

³⁶ Ibid. Р. 204.

³⁷ Ibidem.

Священного сосуда и обряд исцеления золотушных – вызывают у него замечания скептического характера.

Следует сказать, что коронационная церемония 1775 г. не получила должного завершения. Согласно обычаю, после коронации король совершал торжественный въезд в Париж. Людовик XVI предупредил городские власти, чтобы они не устраивали праздника по этому случаю. Официальной мотивировкой отказа от въезда в столицу была необходимость экономить деньги, чтобы за этот счет оказать помощь пострадавшим от грабежей во время «мучной войны». Но некоторые обстоятельства позволяют усомниться в правдивости такого, во всяком случае, только такого объяснения. Отмененные одновременно с королевским въездом празднества по случаю свадьбы сестры короля мадам Клотильды впоследствии всё же состоялись, так как того требовал этикет³⁸. Очевидно, отказаться от торжественного въезда в Париж заставили не столько соображения экономии, сколько страх перед возможными беспорядками. Так что коронационные торжества 1775 г. были сосредоточены исключительно в Реймсе и не получили развития и завершения в Париже.

Какие же впечатления остались у современников от коронации? Эта церемония была важна, в первую очередь, как момент, когда происходило общение короля с народом. Успех коронации герцог де Крой видит в самом факте, что король показался перед народом во всем своем величии: «Появившись, король заставил полюбить себя; [...] и как мало нужно, чтобы завоевать сердца, имея корону на голове!»³⁹ Ему вторит Башомон, для которого позитивный смысл коронации заключается в том, что в ходе этих событий король имеет возможность видеть свой народ, а народ – видеть короля. При этом Башомон сообщает несколько эпизодов коронации в Реймсе, в ходе которых король продемонстрировал народу свою доброту и доступность⁴⁰.

Кроме того, присутствовавшие на церемонии были в восторге от нее как от зрелища. С эстетической точки зрения ее оценивают обычно высоко. По-видимому, декор, костюмы и сам ход церемонии действительно производили сильное впечатление.

Герцог де Крой, подытоживая свои впечатления от поездки в Реймс, сравнивает увиденное там с коронацией императора Карла VII во Франкфурте, на которой ему довелось присутствовать в 1742 г. Сравнение это по ряду позиций оказывается в пользу коронации императора. Прежде всего, это более важный и необходимый акт с политической точки зрения: императором становятся в результате коронации, тогда как король Франции получает всю полноту власти и без венчания на царство. В коронации императора форма больше соответствует содержанию: участвующие в ней курфюрсты и высшие имперские чины являются таковыми на самом деле, тогда как во французской церемонии, согласно традиции, короля окружают и вручают ему символы власти его «прямые вассалы», которых в XVIII в. изображали принцы крови. Участвовавшие в церемонии коронации два брата короля и четверо других принцев крови действовали как бы не от своего лица, а представляли прежних прямых вассалов короля: герцогов Бургундского, Нормандского и Аквитанского и графов Тулузского, Фландрского и Шампанского.

³⁸ Mémoires secrets. Т. 8. P. 89-90, 116-117; La Correspondance politique secrète. P. 142-143.

³⁹ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. P. 209.

⁴⁰ Mémoires secrets. Т. 8. P. 83-84.

На коронации императора присутствовал весь двор в полном составе, там было больше порядка и – что особо подчеркивает де Крои – намного лучше получился банкет⁴¹. На коронации Людовика XVI герцог Шартрский (будущий революционер Филипп Эгалитэ) и брат короля граф д'Артуа (будущий король Карл X) своими вольными выходками нарушали чинный ход церемонии. Не все придворные приехали в Реймс, было мало иностранцев, что объяснялось, главным образом, страхом перед возможными народными восстаниями.

Коронация производила впечатление не только на тех, кто участвовал в ней и наблюдал за ней непосредственно, но и на тех, кто о ней читал, слушал рассказы очевидцев или рассматривал рисунки, гравюры и медали с ее изображениями. В аристократических кругах она воспринималась как большое событие, о ней много говорили. Проживавшая в то время в Монбельяре баронесса д'Оберкирх сообщает, что «коронация Людовика XVI была темой всех разговоров. В конце июля мне прислали печатное описание этой церемонии; мне оно показалось интересным»⁴². Но большим событием в жизни страны в целом она все же не стала. Например, посетителей книжной лавки Симеона-Проспера Арди в Париже она совершенно не интересовала, и в дневнике Арди о ней ничего не говорится⁴³.

Если говорить об ошибках и неудачах при создании образа власти, то коронацию 1775 года, безусловно, нельзя назвать совсем неудачной. Вернее всего ее можно определить как полуудачу.

Трудно судить, насколько удачной была присущая этой церемонии пышная театральность. Герцогу де Крои такая театральность не понравилась, хотя он сам признает, что церемония производила сильное впечатление. Но что организаторам явно не удалось, так это найти выразительную форму квазирелигиозного действия, адекватную вкусам и взглядам современников. Возвращаясь к поставленной в самом начале проблеме способности архаичной церемонии к адаптации и инновациям, следует сказать, что такие возможности открывались, но не были использованы организаторами коронации. Акцент на союзе короля с нацией мог бы открыть перспективу актуализации церемонии, наделить ее более значимым для современников смыслом, но это не было сделано. Организаторы церемонии пошли по пути ее постановочной модернизации, используя современные архитектурные и декоративные приемы в оформлении улиц города и интерьера собора. Получается, что они, в первую очередь, заботились не о проведении акта, политически значимого для французов второй половины XVIII века, а о постановке впечатляющего зрелища, что умаляло значение коронации.

Последовавшая за коронацией пропаганда как текстовая, так и визуальная была, по-видимому, не вполне удачной. Официальные отчеты лишь описывали церемонию, не разъясняя ее смысла. Вскоре после коронации была издана книга молодого адвоката М. Моризо «Королевское помазание, или права французской нации, признанные и подтвержденные этой церемонией», в которой делалась попытка интерпретировать

⁴¹ Journal inédit du duc de Croÿ. Т. 3. P. 209-210.

⁴² Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789 / éd. présentée et annotée par S. Burkard. Paris: Mercure de France, 2000. P. 80.

⁴³ Hardy S.-P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance (du 1764 à 1790) // Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 6682 (mf. 2568). 1775-1777.

церемонию коронации в духе теории общественного договора. Книга не пользовалась успехом, и Башомон называет ее «очень скучной, хотя и короткой»⁴⁴.

Что касается изображений, то помимо роскошной серии из 48 гравюр Ш. Пата, к которым прилагался официальный журнал коронации, выпускались эстампы. Они были, главным образом, двух видов. Один вариант представлял собой довольно сложную аллегорическую композицию: Людовик XVI стоит на коленях перед алтарем, Меркурий в облаках вручает корону священнику, чтобы тот увенчал ею короля, женская фигура со скипетром и воин поднимаются по ступеням алтаря, на переднем плане изображено Время со сломанной косой, а венчает сцену колесница Феба⁴⁵. В этой композиции фигура короля, стоящего на коленях перед священником, выражала идею смирения и благочестия, но совершенно не передавала политически значимой идеи союза короля и нации. Другой вариант: Людовик XVI и Мария-Антуанетта восседают на колеснице, в которую впряжены лев и овен⁴⁶, что, очевидно, призвано было символизировать царственную силу и величие (лев, кроме того, мог восприниматься и как зодиакальный знак короля, родившегося 23 августа). Здесь тоже идея союза короля и нации не нашла выражения. О памятных золотых и серебряных медалях, выпущенных в честь коронации, Башомон пренебрежительно отозвался: «Удивительно, что в них не смогли вложить больше вкуса и воображения»⁴⁷. Так что возможности визуальной пропаганды тоже не были использованы. Ни одного запоминающегося произведения пропагандистского характера, посвященного коронации Людовика XVI и подобного «Коронации Наполеона» Жака-Луи Давида, не появилось.

⁴⁴ Mémoires secrets. Т. 8. P. 117-118, 152-153.

⁴⁵ Bibliothèque Nationale de France. Département des estampes. Collection de Vinck. Fol. 70.

⁴⁶ Ibid. Fol. 71.

⁴⁷ Mémoires secrets. Т. 8. P. 89.

Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации⁴⁸

Символический язык Французской революции стал одним из излюбленных сюжетов в историографии последних десятилетий. Интересующийся рождением новых символов государства, нового политического ритуала и языка может обратиться как к классическим трудам Мориса Агюлона, Линн Хант, Моны Озуф, Мишеля Вовеля, так и к последним работам Джоан Ландес и многим другим исследованиям политико-культурных представлений и практик революционного периода⁴⁹. Исследователю непросто отыскать для себя невозделанный участок среди этого распаханного поля. В числе изучавшихся сюжетов революционные праздники также не были обойдены вниманием исследователей, показавших всю сложность этого феномена, в котором вновь созданные обряды соединились с древними традициями фольклорного праздника. Проблематика этой статьи иная; в ней анализируются взаимоотношения между королевским праздником Старого порядка и официальным революционным праздником, а именно между помазанием короля на царство и праздником Федерации 1790 г., которые представляли собой – в обоих случаях – «символические формы, выражающие тот факт, что правящая элита действительно правит»⁵⁰. Не случайно именно эти две церемонии Марк Блок упомянул в качестве двух ключевых эпизодов истории Франции, которые знаменовали начало и содержали в себе санкцию монархии божественного права в первом случае, и конституционного режима – во втором⁵¹. Есть нечто знаменательное в том, чтобы вновь обратиться к этому сюжету в стенах Института истории им. Макса Планка в Гёттингене, где более двадцати лет назад Герман Вебер одним из первых в современной историографии начал изучать коронацию Людовика XVI⁵².

Во Франции Старого порядка в ряду всех королевских обрядов коронации принадлежала исключительная роль той церемонии, которая посредством символического языка выражала идею власти, воплощенной в личности правителя. Хотя, согласно правоведам XVIII в., обряд помазания и не имел более юридической силы для облечения

⁴⁸ Впервые опубликовано: *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века, Новое время.* М.: Наука, 2008.

⁴⁹ См., напр.: Ozouf M. *La Fête révolutionnaire.* Paris: Gallimard, 1976; Agulhon M. *Marianne au combat: L'imagerie et la symbolique républicaines de 1789 à 1880.* Paris: Flammarion, 1979; Hunt L.A. *Politics, Culture and Class in the French Revolution.* Berkeley: Univ. of California Press, 1984; Vovelle M. *La Révolution française. Images et récit.* 5 vols. Paris: Livre-club Diderot, 1985; Singer B.C.J. *Society, theory and the French revolution: Studies in the revolutionary imaginary.* London-Basingstoke: Macmillan, 1986; *Les images de la Révolution française: Actes du colloque, Sorbonne, 25-27 oct. 1985 / réunis et présentés par M. Vovelle.* Paris: Publ. de la Sorbonne, 1988; *Saint-Denis ou le jugement dernier des rois: Actes du colloque, 1989.* La Garenne-Colombes: Ed. de l'espace européen, 1990; Landes J. *Visualizing the Nation. Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France.* Ithaca-London: Cornell Univ. Press, 2001, а также статьи на данную тему, опубликованные в издании *Lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora.*

⁵⁰ Gertz C. *Centers, Kings, and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Culture and Its Creators: Essays in honor of Edward Shils.* Chicago-London: The Univ. of Chicago Press, 1977. P. 152.

⁵¹ «Существуют две группы французов, которым никогда не будет дано понять историю Франции: это те, у кого не вызывают никаких эмоций воспоминания о короновании в Реймсе, и те, кто без всякого оживления или волнения читают историю нашего национального праздника – дня Федерации» (Bloch M. *L'étrange défaite: Témoignage écrit en 1940.* Paris: Gallimard, 2000. P. 198; русск. перев.: Блок М. *Странное поражение: Свидетельство, записанное в 1940 году.* М.: РОССПЭН, 1999 / перев. Е.В. Морозовой. С. 179).

⁵² Weber H. *Das Sacre Ludwigs XVI von 11. Juni 1775 und die Krise des Ancien Régime // Vom «Ancien Régime» zur französischen Revolution: Forschungen und Perspektiven / E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus (hrsg.). Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. № 55. Göttingen, 1978. S. 536-565.*

нового монарха всей полнотой власти и с юридической точки зрения его правление начиналось с момента смерти предшественника, в рамках *политической теологии* (по выражению Эрнста Канторовича) монархии коронация тем не менее сохраняла свое значение основополагающего обряда, призванного освятить брачный союз короля с королевством.

Законодатели 1789 года отказались от самой идеи монархии Божественного права в пользу провозглашенных ими принципов естественного права и национального суверенитета. М. Валансиз в статье о коронации Людовика XVI, комментируя рассуждения на эту тему Жюлья Мишле, подчеркивает, что «утверждение нового представления о власти, основанного на праве и принципе большинства, - т. е. на математической абстракции, - не могло обойтись без символического жеста, без основополагающего акта»⁵³. Согласно Мишле, таким основополагающим актом нового режима был суд над королем, представлявший собой попытку убить саму монархию в лице монарха. Но, очевидно, еще задолго до процесса короля революционные политические элиты совершили другой акт, призванный дать символическую санкцию их приходу к власти, не устраняя при этом полностью короля и не уничтожая его физически, но интегрируя его в новую конфигурацию власти в его новой роли короля-гражданина. Таким основополагающим актом нового режима был праздник Федерации 14 июля 1790 г. Современники придавали этому событию столь большое значение, что впоследствии в годы Французской революции 14 июля каждый раз отмечалось не только взятие Бастилии в 1789 г., но и праздник Федерации 1790 г.⁵⁴ В стране, охваченной политическими волнениями, по-настоящему не прекратившимися и в момент парижского праздника Федерации 1790 г., это событие тем не менее оставалось символом единства французской нации.

Размышляя о влиянии праздника Федерации, Озуф задается вопросом: «Каким образом, несмотря на все реальные проявления недовольства, праздник Федерации смог обрести такой необычайный символический смысл?»⁵⁵ В поисках ответа она предполагает, что столь сильное впечатление на современников могли произвести некоторые характерные черты самого праздника (произнесенная всеми одновременно клятва, организация пространства, сбор в Париже федератов со всех провинций) и продемонстрированная в ходе него поддержка революции регулярной армией. Очевидно, к этому стоит добавить, что сама идея праздника Федерации не могла не обрести большого символического смысла, так как речь шла о своего рода помазании нации на царство.

Подобно помазанию короля, национальная Федерация 1790 г., не имевшая никакой юридической силы⁵⁶, получила тем не менее важное символическое значение.

⁵³ Valensise M. Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // Annales: ESC. 1986. № 3. P. 544.

⁵⁴ «Таким образом сама Федерация [...] стала одним из великих событий революции, подобным взятию Бастилии, и ее день, в свою очередь, начали отмечать. В последующие годы праздник 14 июля был посвящен одновременно двум годовщинам» (Mathiez A. Les origines des cultes révolutionnaires (1789-1792). Paris, 1904. P. 49-50).

⁵⁵ Ozouf M. Fédération // Dictionnaire critique de la Révolution française / sous la dir. de F. Furet et M. Ozouf. Paris: Flammarion, 1988. P. 102.

⁵⁶ 4 июля 1790 г. в ходе дебатов по поводу декрета об организации праздника Федерации Национальное собрание единогласно одобрило предложение Барнава, согласно которому, «чтобы предупредить неизбежный энтузиазм, порожденный всеобщей федерацией [...], Собрание не будет принимать никаких решений вне места своих заседаний» (Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux

Примечательно, что подобно тому, как к помазанию начинали готовиться с самой кончины предыдущего монарха, уже в июле 1789 г. родилась идея организовать национальный праздник «в честь беспримерной революции»⁵⁷.

Может возникнуть вопрос, не является ли искусственной эта аналогия между королевским помазанием и праздником Федерации. В оправдание предлагаемого сравнения двух церемоний можно сказать, что их объединяет общая магистральная идея религиозного или квазирелигиозного обновления и освящения нового царствования (или нового политического режима). Хотя Федерация и была учреждена с целью отметить день 14 июля 1789 г., она (как показывает анализ декора и организации этой церемонии) представляла собой не столько годовщину взятия Бастилии, сколько инаугурационный праздник.

Идея подобного праздника отчетливо выражена в речи мэра Парижа Жана-Сильвена Байи на заседании Национального собрания 5 июня 1790 г., где он – от имени Коммуны Парижа – представил план торжеств по случаю заключения «федеративного пакта», призванного одновременно ознаменовать и закрепить изменение политического строя во Франции. «Мы братья, - говорил он, - мы свободны и у нас одно Отечество; мы слишком долго сгибались под ярмом, но наконец обрели гордую поступь Народа, осознавшего свое достоинство». Братское единство свободного народа-суверена предстояло консолидировать символическим жестом «священной клятвы». Тот день, когда депутаты Национального собрания, король и народ, собравшись все вместе, принесут присягу, станет «днем единения французов! Народ братьев, восстановители государства и король-гражданин, соединенные общей клятвой у алтаря Отечества, - какое величественное и невиданное для прочих Наций зрелище!»⁵⁸ Решения относительно организации праздника были переданы на рассмотрение Конституционного комитета Национального собрания, что подчеркивало придаваемый этому событию конституционный характер.

Рассмотрим теперь подготовку, ход церемоний и символику последней при Старом порядке коронации Людовика XVI 11 июня 1775 г. и праздника Федерации 14 июля 1790 г., чтобы с помощью их сравнительного анализа выявить ключевые идеи двух празднеств и осмыслить отношения преемственности и/или разрыва между символическим языком старой монархической и революционной властей⁵⁹.

Если сравнивать организацию двух церемоний, то видно, что инициатива в рассмотренных случаях развивалась в противоположных направлениях. В случае коронации она исходила сверху, от короля Людовика XVI, который в мае 1774 г. отдал

jusqu'au Consulat. T. V. Paris, 1841. P. 44). Это постановление, принятое с целью обеспечить порядок и общественную безопасность во время церемонии, на которую соберутся сотни тысяч людей, интересует нас в данном случае тем, что оно отрицает за тем, что произойдет на празднике Федерации, всякую возможную законную силу и отводит ему только символическое значение.

⁵⁷ Слова Шарля Виллета цит. по: Ozouf M. La fête révolutionnaire, 1789-1799. Paris: Gallimard, 1976. P. 59 (русск. перев.: Озуф М. Революционный праздник, 1789-1799 / перев. Е.Э. Ляминой. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 51).

⁵⁸ Gazette Nationale, ou le Moniteur Universel. № 158, lundi 7 juin 1790. P. 644.

⁵⁹ Подробные описания обоих праздников можно найти во многих источниках. О коронации Людовика XVI см., напр.: Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie. Paris: Téqui, 1989; Croÿ E., duc de. Journal inédit, 1718-1784. Paris, 1906. T. 3. P. 168-189. О празднике Федерации см.: Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. T. V. Paris, 1841. P. 129-131; Révolutions de Paris, dédiées à la nation et au district des Petits Augustins. № 53. P. 1-13.

первым камер-юнкерам короля (*les premiers gentilshommes de la chambre du roi*) и интенданту придворной службы Малых забав Дени-Пьеру-Жану Папийону де Ла Ферте распоряжение составить план церемонии. Вооружившись сведениями о предыдущих коронациях, Ла Ферте отправился в Реймс, чтобы на месте оценить масштабы предстоящих работ, и составил несколько докладных записок по поводу декора и хода празднеств. Расходы на коронацию были согласованы с генеральным контролером финансов Анн-Робером-Жаком Тюрго. Окончательный проект празднеств был представлен королю первым камер-юнкером короля герцогом де Дюра, Ла Ферте и декоратором Луи-Александром Жиро и получил высочайшее одобрение⁶⁰. Таким образом, коронация была подготовлена людьми из королевской службы Малых забав, причем за образцы были взяты детали предыдущих коронаций, приведенные в соответствие с новыми эстетическими вкусами.

Организаторы коронации явно стремились продолжать вековую традицию. Церемония помазания Людовика XVI совершалась в традиционном месте, в кафедральном соборе Реймса⁶¹. План Тюрго перенести ее в Париж с целью сокращения расходов не получил поддержки со стороны короля. Следует также заметить, что и Тюрго, аргументируя свое предложение, ссылаясь на прецеденты и настаивал на том, что в прошлом некоторые короли соглашались изменить место коронации⁶². Ход церемонии также соответствовал традиции, а именно порядку, установленному при коронациях Людовика XIV и Людовика XV. Пространство, в котором она совершалась, было по определению сакральным и в то же время закрытым; туда допускались лишь избранные. За обрядом, совершенным в Реймском соборе, последовали торжественные молебны с исполнением *Te Deum* в провинциях⁶³.

В отличие от этого, инициатива организовать в Париже праздник национальной Федерации пришла снизу, от национальных гвардейцев и членов провинциальных муниципалитетов, которые начиная с августа 1789 г. неоднократно предлагали устроить общий смотр национальной гвардии королевства. В конце концов, 8 июня 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет о созыве в Париже депутатов от национальной гвардии и войск для совместного празднования первой годовщины взятия Бастилии⁶⁴. Таким образом, за многочисленными федеративными праздниками, проходившими в провинциях начиная с осени 1789 г., последовала парижская Федерация⁶⁵. Подготовку к церемонии Учредительное собрание поручило Коммуне Парижа, которая организовала работу многочисленных художников и архитекторов, а также королевской службы Малых забав.

⁶⁰ Об организации праздников в конце Старого порядка см.: Gruber A.-Ch. *Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI*. Genève-Paris: Librairie Droz, 1972.

⁶¹ Коронациям французских монархов посвящена обширная литература; о коронациях XVIII в. см., в частности: Gruber A.-Ch. *Op. cit.*; Weber H. *Op.cit.*; Valensise M. *Op. cit.* P. 543-577; Giesey R.E. *Modèles du pouvoir dans les rites royaux en France // Annales: ESC*. 1986. № 3. P. 579-599.

⁶² *Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / par G. Schelle*. T. IV. Paris: F. Alcan, 1922. P. 119.

⁶³ В соответствии с традиционной практикой, которая исследована в кн.: Fogel M. *Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au milieu du XVIIIe siècle*. Paris: Fayard, 1989.

⁶⁴ *Gazette Nationale, ou le Moniteur Universel*. №№ 158-160, lundi 7 juin - mercredi 9 juin 1790.

⁶⁵ Об истоках праздника Федерации см.: Toujas R. *La genèse de l'idée de fédération nationale // Annales Historiques de la Révolution Française*. 1955. № 140. P. 213-216; Arches P. *Le premier projet de fédération nationale // Annales Historiques de la Révolution Française*. 1956. № 144. P. 255-266; Ozouf M. *La fête révolutionnaire; Idea. Fédération*.

Организация пространства для праздника Федерации вдохновлялась революционной идеей *tabula rasa* и выражала стремление к разрыву с прошлым. Центральная церемония праздника состоялась на Марсовом поле, в то время представлявшем собой огромный пустырь, который предстояло обустроить и полностью преобразовать. Всё это потребовало широкомаштабных работ. Пространство праздника Федерации также являлось сакральным, но его сакральность выражалась по-иному: это пространство было открытым и соответствовало идее объединения всей нации вокруг алтаря Отечества.

Актеры церемоний в обоих случаях, а в случае коронации и публика, принадлежали преимущественно к политической элите. В ходе коронации церковные прелаты, маршалы, высшие должностные лица государства, придворные аристократы, королевские советники, иностранные дипломаты и приглашенные гости занимали свои места внутри собора в иерархическом порядке, в большей или меньшей близости к монарху, являвшемуся протагонистом данной церемонии. Прочие ее действующие лица – церковные и светские пэры и маршалы, несущие инсигнии королевской власти, - ассистировали ему при совершении коронационных обрядов. Таким образом, расположение актеров и публики утверждало иерархию сословий.

Праздник Федерации освящал новую социальную иерархию и новый политический порядок. Хотя король по-прежнему фигурировал в числе протагонистов церемонии, он утратил в ней центральное место, уступив его командующему национальной гвардией Жильберу Лафайету. Тот поднялся на расположенный в центре Марсова поля алтарь Отечества для принесения гражданской присяги, что явилось кульминацией церемонии и вызвало всеобщий энтузиазм. Король же все время оставался отчасти в стороне. Он прибыл на Марсово поле, войдя в здание Военной школы через заднюю дверь и проследовав затем в приготовленный для него павильон; текст присяги он произнес со своего места возле Военной школы, не поднявшись на алтарь Отечества. Таким образом, Людовик XVI упустил шанс сыграть роль национального лидера, к чему его тщетно призывали сторонники. Как писал Оноре-Габриэль Мирабо графу де Ла Марку, «следовало бы отделить генерала Федерации от монарха и предписать королю исполнение обеих ролей. Приняв парад, генерал Федерации вновь стал бы королем и поднялся на трон, откуда опять сошел бы для того, чтобы перед алтарем принести присягу»⁶⁶. Но на деле Людовик XVI не последовал советам Мирабо и не попытался завладеть вниманием публики и покорить гигантское пространство Марсова поля.

Историки, изучавшие коронации и праздник Федерации обычно подчеркивали отсутствие народа как в одном, так и в другом случае. «Отсутствие народа на коронации» - таково название одной из глав посвященного Реймсу очерка Жака Ле Гоффа⁶⁷. Мона Озуф отмечает почти то же самое по поводу праздника Федерации: народ не был допущен на праздник, пишет она⁶⁸. Но, во-первых, его отсутствие не было абсолютным, а во-вторых, два «отсутствия» не похожи друг на друга. Народ физически присутствовал при целом ряде обрядов, сопровождавших помазание, в частности, при королевском въезде в Реймс и при исцелении золотушных, хотя в сам день основного торжества его впустили в собор лишь на мессу, когда помазание, коронация и интронизация короля уже

⁶⁶ Ozouf M. La fête révolutionnaire. P. 61 (русск. перев.: Озуф М. Революционный праздник. С. 70).

⁶⁷ Le Goff J. Reims, ville du sacre // Les lieux de mémoire. II. La Nation. 1. P. 130-131.

⁶⁸ Ozouf M. La fête révolutionnaire. P. 99 (русск. перев.: Озуф М. Революционный праздник. С. 84-85).

закончились. Во время совершения этих церемоний в замкнутом сакральном пространстве собора народ был символически представлен «элитой нации»⁶⁹. Что же касается праздника Федерации, то народ физически присутствовал на трибунах гигантского, рассчитанного на 300 тысяч мест амфитеатра⁷⁰, правда, в качестве не столько актера, сколько зрителя, хотя и повторявшего вслух за Лафайетом слова присяги. Роли участников кортежа, приносивших присягу у алтаря Отечества, достались нотаблям и военным: национальным гвардейцам и представителям других войск, членам муниципалитета и выборщикам Парижа, депутатам Национального собрания. Различие между актерами и зрителями совершенно стерлось во время народных гуляний, последовавших за церемонией на Марсовом поле.

В ритуале помазания нашла выражение *политическая теология* монархии Божественного права. Он состоял из церемоний двух типов: политической инвеституры (клятв, вручения регалий, коронации, интронизации) и религиозного освящения (помазания, благословения регалий, *Te Deum*, мессы). В то же время, присутствовавшие внутри Реймского собора 11 июня 1775 г. ощущали себя скорее зрителями спектакля. Герцог де Крои, описывая декор собора, отмечал его «излишне театральный облик, подобный зрительному залу». Проповедь архиепископа Буажелена была встречена рукоплесканиями восторженной публики⁷¹.

Сопровождавшие коронацию атрибуты и декор представляли собой соединение разнородных элементов. При королевском въезде в Реймс путь украшали триумфальная арка, аллегорические фигуры, символизовавшие королевские добродетели (Религия, Правосудие), и алтари Верности и Милосердия, также обозначающие свойственные монарху качества. Сам ритуал помазания, в котором были задействованы все традиционные инсигнии верховной власти (корона, скипетр, рука правосудия, расцвеченная лилиями королевская мантия), разворачивался посреди пышного театрального декора, подобного внутреннему убранству Версальской оперы.

Праздник Федерации, напротив, отличался строгостью. В нем соединились три типа церемоний: военный праздник (парад, орудийные залпы), общая гражданская присяга и религиозный ритуал (благословение знамен, месса, *Te Deum*). У праздника, предназначенного скрепить единение всех французов, тоже была своя театральная сторона. Актеры церемонии, участвующие в кортеже и занимающие арену, с одной стороны, и зрители на трибунах, с другой, были достаточно четко отделены друг от друга. Присутствовавшие на празднике, описывая его, говорили об «амфитеатре», «большом зале», «цирке» и «величественном спектакле». Изучавший декор праздника Федерации Ален-Шарль Грюбер характеризует его как «результат процесса, наметившегося двадцатью годами ранее», имея в виду вдохновленные римскими древностями проекты, осуществлявшиеся преимущественно в Италии в 1760-1780-е гг., и, вместе с тем, как прямой прообраз «гигантских современных стадионов»⁷².

Визуальный символический язык церемонии (надписи и аллегорические изображения) выражал новые политические принципы свободы, равенства и национального суверенитета (при этом декор триумфальной арки, провозглашавший идею

⁶⁹ Croÿ E., duc de. Journal inédit. T. 3. P. 174.

⁷⁰ Согласно русскому послу И.М. Симолину (см.: Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство. Т.29/30. М., 1937. С. 435).

⁷¹ Croÿ E., duc de. Op. cit. P. 171, 178.

⁷² Gruber A.-Ch. Op. cit. P. 151-152.

равенства всех людей, противоречил строгой иерархии, установленной среди участников торжества). Декор Марсова поля был весьма сдержанным: в центре на подиуме возвышался алтарь Отечества в античном духе, со стороны Военной школы располагались украшенная сине-золотыми тканями галерея для короля и августейшей семьи и трибуна для депутатов Национального собрания, а на противоположной стороне (где сейчас стоит Эйфелева башня) – простая триумфальная арка.

Разумеется, в обоих случаях встречались одни и те же элементы декора и символы, широко использовавшиеся при оформлении праздников в Европе начиная с эпохи Ренессанса (алтари, триумфальные арки, аллегорические фигуры)⁷³, хотя они несли и совершенно разную смысловую нагрузку. В целом же сравнение двух церемоний выявляет, скорее, элементы, отличающие их друг от друга. Если организаторы праздника Федерации и заимствовали детали церемониала и декора больших официальных праздников предыдущих десятилетий, то, во всяком случае, они обращались не к ритуалу коронации. Изучая провинциальные федеративные праздники, историки зачастую отмечали прямое влияние на них больших королевских церемоний Старого порядка (например, влияние королевских въездов на федеративные праздники в Лилле и Экс-ан-Провансе⁷⁴), но парижский праздник Федерации проходил по другому сценарию. Так что сравнение двух церемоний ведет, казалось бы, к банальному заключению, что организаторы торжеств, посвященных установлению нового политического режима, не обращались к наследию старой монархии. Стоило ли вообще задаваться вопросом о возможной преемственности между архаичным ритуалом, с одной стороны, и по определению новаторским революционным праздником, с другой? Представляется, что несмотря на все глубокие и очевидные различия соотношение между двумя инаугурационными церемониями было сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Их сближает не только использование общего иконографического языка, но и интерпретации этих двух событий современниками.

В начале царствования Людовика XVI подготовка к коронации породила дебаты и попытки модернизировать традиционную церемонию или переосмыслить ее в более современном духе⁷⁵. М. Моризо и некоторые другие авторы пытались адаптировать коронацию к новым политическим принципам, истолковав ее как заключение между королем и нацией общественного договора, скрепляющего «национальный выбор» (т. е. избрание короля нацией).

В то же время, генеральный контролер финансов Тюрго предложил внести в церемонию коронации ряд новшеств. В реформаторские планы Тюрго не входила отмена коронации как таковой. Он намеревался лишь видоизменить ее, в частности, модернизировать ритуал и сделать его менее дорогостоящим; именно с целью сокращения расходов он предложил перенести коронацию в Париж. Кроме того, Тюрго составил новые тексты пяти клятв, произносимых королем в ходе церемонии помазания (обязательства перед Церковью, Королевской клятвы, клятвы великого магистра Ордена Святого Духа, клятвы великого магистра Ордена Святого Людовика и клятвы соблюдать

⁷³ Об общем иконографическом языке королевских и революционных праздников см.: Hautecoeur L. *Rome et la Renaissance de l'Antiquité à la fin du XVIIIe siècle*. Paris, 1912; Gruber A.-Ch. *Op. cit.* P. 149.

⁷⁴ Ozouf M. *La fête révolutionnaire*. P. 89; Lesaffre O. *Une fête révolutionnaire en province: la fédération de Lille (6 juin 1790)* // *Les Images de la Révolution française*. P. 139-149.

⁷⁵ Дебаты по поводу коронации Людовика XVI изучали Герман Вебер и Марина Валенсиз. См. их указанные выше статьи на эту тему.

эдикты против дуэлей). Предложенные Тюрго версии клятв были лаконичнее, чем торжественные традиционные тексты, и отличались гораздо более светским языком. Он убрал все ссылки на католическую, апостольскую и римскую веру; что касается обязательства перед Церковью, то его смысл в новой формулировке полностью изменился: обещание хранить канонические привилегии католической Церкви Тюрго заменил провозглашением принципа терпимости и равенства культов. Модернизаторские устремления Тюрго также хорошо видны на примере Королевской клятвы. Следующая ниже таблица позволяет сравнить ключевые идеи и стилистические особенности трех текстов: традиционной версии Королевской клятвы; той же клятвы, составленной Тюрго, и клятвы, произнесенной Людовиком XVI на празднике Федерации.

Королевская клятва, произнесенная Людовиком XVI 11 июня 1775 г. (составлена и произнесена на латыни)	Коронационная клятва, предложенная Тюрго (составлена по-французски)	Клятва Людовика XVI, произнесенная на празднике Федерации 14 июля 1790 г.
<p>Именем Иисуса Христа я обещаю подвластному мне народу Христианскому 1) хранить в Божьей церкви во все времена мир народу Христианскому; 2) воспрепятствовать лицам любого ранга чинить всякого рода грабежи и беззакония; 3) судить обо всем со справедливостью и милосердием, да соблаговолит Господь, который есть источник любви и милосердия, обратить их на меня и на вас; 4) с чистым сердцем употребить всю мою власть, дабы искоренить на всех подвластных мне землях еретиков, осужденных Церковью. Я скрепляю клятвою все сказанное выше: и да будут мне в помощь Бог и Святое Евангелие⁷⁶.</p>	<p>Я обещаю Господу и моим народам править королевством согласно справедливости и законам; вести войну лишь за правое дело и по необходимости; употребить всю мою власть для соблюдения прав каждого из подданных; защищать их от всяких притеснений и всю жизнь трудиться ради того, чтобы сделать их счастливыми, насколько это будет в моих силах⁷⁷.</p>	<p>Я, король французов, клянусь нации употребить всю власть, вверенную мне конституционным законом Государства, ради сохранения Конституции и исполнения законов⁷⁸.</p>

⁷⁶ Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre // Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de

В традиционной формулировке король предстает в качестве наместника Бога на земле и посредника между Всевышним и народом; это король-христианин, отвечающий перед Богом за свое правление, и будучи ответственным перед Богом королем-христианином, он обязан искоренять ереси. Предложенная Тюрго формулировка клятвы менее пространна и красноречива. Акцент в ней сделан на долге короля соблюдать законы, и идея законности превалирует над идеей христианского долга. Кроме того, Тюрго подчеркивает ответственность короля перед подданными, провозглашая его обязанным блюсти их индивидуальные права, защищать от притеснений и сделать счастливыми. Текст клятвы, произнесенной Людовиком XVI на празднике Федерации, самый лаконичный из всех трех. Король предстает в нем не более чем должностным лицом – носителем государственной власти, полученной от нации, согласно конституционному закону. Сравнение трех текстов показывает, что предложенная Тюрго редакция клятвы занимала промежуточное место – как со смысловой, так и со стилистической точки зрения – между традиционной формулировкой Королевской клятвы и присягой, принесенной Людовиком XVI на празднике Федерации.

В конечном счете, 11 июня 1775 г. Людовик XVI произнес все клятвы в их традиционном варианте, так что предложения Тюрго не были приняты. Тем не менее, они свидетельствуют о попытке модернизировать ритуал, отразив в нем идеи монархии, основанной на договоре, и ответственности суверена перед подданными. В новой формуле коронационной клятвы король предстал уже не в прежнем образе провиденциального монарха и отчасти приближался к королю-гражданину 1790 г.

Современники были чрезвычайно внимательны ко всем элементам церемонии помазания, которые допускали возможность интерпретации их как указывающих на избрание короля народом. Небольшое нововведение после принесения королем клятвы Церкви, когда два епископа молча помогли ему встать (прежде они спрашивали у присутствующих, принимают ли те своего нового короля), тотчас же было замечено и породило недоуменные и неодобрительные комментарии⁷⁹.

Итак, мы убедились, что архаичный ритуал помазания вполне допускал новаторское переосмысление. В дальнейшем мы увидим, что, в свою очередь, новаторский ритуал праздника Федерации не исключал интерпретации, которая – осознанно или нет – основывалась на одной старинной метафоре. Чтобы показать это, надо обратиться к трем памятным знакам, появившимся после праздника Федерации⁸⁰. Речь идет, во-первых, о цветном медальоне из парижского музея Карнавале, на котором изображено принесение королем присяги у алтаря Отечества. В левой части медальона находится аллегорическая женская фигура Свободы – полуобнаженная, в небрежно

recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé a cette auguste cérémonie. Paris: Téqui, 1989. P. 51-52.

⁷⁹ Oeuvres de Turgot. T. IV. P. 551.

⁷⁸ Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. T. V. Paris, 1841. P. 131.

⁷⁹ Croÿ E., duc de. Journal inédit. T. 3. P. 183; Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours, 29 juin 1775. P. 554.

⁸⁰ Медальон и медаль воспроизведены М. Вовелем в кн.: La Révolution française. Images et récit. Paris: Livre Club Diderot, 1985. T. 2. P. 128, 347; крышка шкатулки воспроизведена в кн.: Histoire de la France contemporaine, 1789-1980. T. 1: 1789-1799 / coord. par J. Elleinstein. Paris: Editions Sociales - Livre Club Diderot, 1977. P. 116-117.

наброшенной накидке из красной ткани, с растрепанными волосами, она держит пику с фригийским колпаком на конце. Справа король в синей с лилиями мантии склоняется к Свободе. В середине художник поместил алтарь Отечества – белого цвета, - над которым соединяются руки короля и Свободы. Все вместе – король, алтарь Отечества и Свобода – образуют композицию, окрашенную в национальные цвета. В глубине видно здание Военной школы, перед которым три федерата приносят присягу вместе с королем. Очевидно, эта композиция была весьма популярна в свое время, так как слегка видоизмененная версия ее представлена, во-вторых и на крышке шкатулки, хранящейся в музее Карнавале.

Третьим предметом является медаль в честь присяги короля 14 июля 1790 г., хранящаяся в Национальной библиотеке Франции. В правой части медали король в мантии с лилиями приносит присягу на конституции, лежащей на алтаре Отечества (алтарь находится в центре). Слева величественная, торжествующая Свобода, тщательно одетая и причесанная, со скипетром в руке подает королю текст конституции. За алтарем видна мужская фигура, - очевидно, собирательный образ народа. Надпись в верхней части гласит: «Присяга короля»; в нижней части – «14 июля 1790». Представленная сцена является во всех отношениях символической: в действительности, как мы знаем, король не приносил присяги у алтаря Отечества, это сделал Лафайет, тогда как король не покидал своего места.

Все эти изображения короля и Свободы (вспомним, что в скором времени та же аллегорическая женская фигура станет символом Республики⁸¹), соединяющих руки у алтаря, заставляют вспомнить старинную метафору, которая стала предметом исследования Робера Десимона, - метафору политического брачного союза между королем и республикой⁸².

Один эпизод, также связанный с символикой политического брачного союза – а именно с вручением кольца, - имел место в ходе подготовки к празднику Федерации. В субботу 10 июля федераты, прибывшие в Париж из провинций, отдавали почести королю, проходя парадом перед его апартаментами. Как рассказывал об этом известный журналист Элизе Лустало, «командир национальной гвардии Турского дистрикта также предстал перед королем и передал ему кольцо, которое Генрих IV пожаловал жителям Тура в признание их верности. Король взял кольцо и пообещал надеть его в день федерации»⁸³. Можно сказать, что это вручение кольца было вдвойне символично. Принимая его – как, кстати, и во время коронации, - король возобновлял свой союз с нацией; и в то же время, принимая кольцо Генриха IV, он лишним раз подчеркивал свое сходство с популярным в народе предком.

Все сказанное выше позволяет сделать два типа заключений. Во-первых, совершенно очевидно различие символических смыслов двух праздников. С одной стороны, традиционалистская церемония, утверждающая сословную иерархию и

⁸¹ Agulhon M. Marianne au combat. L'imagerie et la symbolique républicaines de 1789 à 1880. Paris: Flammarion, 1979; Vovelle M. La symbolique de la République dans le monde des allégories révolutionnaires // Vovelle M. Combats pour la Révolution française. Paris: Ed. de la Découverte, 1993. P. 317-322.

⁸² Descimon R. Les fonctions de la métaphore du mariage politique du roi et de la république: France, XVe-XVIIIe siècles // Annales ESC. 1992. № 6. P. 1127-1147; русск. перев.: Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV-XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков: антология. М.: XXI век – согласие, 2002. С. 169-193.

⁸³ Révolutions de Paris. № 53. P. 2.

выражающая старую политическую теологию. С другой – стремление утвердить принцип национального суверенитета и подчеркнуть разрыв с прошлым.

Во-вторых, не менее очевидна сложность соотношения между королевским праздником Старого порядка и революционным официальным праздником. Несмотря на разделявшие их пятнадцать лет в том и в другом случае оформители говорили на общем эстетическом языке. Кроме того, между двумя церемониями существовала преемственность принципиального характера: обе представляли собой символическое освящение режима и утверждение взаимоотношений между установленной властью и подданными/гражданами. Революционная элита ощущала потребность в изобретении новой политической символики, в том числе и государственных символов и ритуалов. Организаторы праздника Федерации ни в коей мере не имитировали ритуала и декора коронации. Но вместе с тем, попытки переосмыслить и модернизировать церемонию королевского помазания, предпринимавшиеся в конце Старого порядка, нашли в официальном революционном празднике свое продолжение и развитие. В этом смысле праздник Федерации вписывается в линию возможной, хотя и не осуществившейся эволюции королевского праздника. Можно сказать, что праздник Федерации 14 июля 1790 г. стал национальной коронацией «по Тюрго»: хотя и дорогостоящей, но не чрезмерно и выражающей современные политические принципы.

Наконец, последнее размышление касается взаимодействия между политическими доктринами (старыми и новыми) и текстуальным и визуальным символическим языком (старым и новым). Влияние новых политических доктрин в конце Старого порядка породило попытку (оставшуюся безрезультатной) модернизировать церемонию королевского помазания. В период Революции ставшая официальной доктрина национального суверенитета требовала новых символических и церемониальных форм, которые зачастую не изобретались, а заимствовались из прошлого. Как показал целый ряд исследований⁸⁴, традиционные символы (такие как три цвета национального знамени, белое знамя, женские аллегорические фигуры, фасции и другие антикизирующие атрибуты) могли переосмысливаться и получать новое политическое содержание. Другим примером подобного заимствования и переосмысления могут служить изображения, посвященные празднику Федерации, в которых старинная метафора брачного союза между королем и республикой использовалась для символического выражения идеи национального суверенитета.

⁸⁴ См., напр.: Agulhon M. *Op. cit.*; Girardet R. *Les trois couleurs // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora*. T. 1. La République. Paris: Gallimard, 1984. P. 5-35.

Пространство и время королевского праздника во Франции конца Старого порядка⁸⁵

В словарях XVIII в. принято было четко различать два значения слова «праздник», которые иногда раскрывались в двух отдельных словарных статьях: в первой из них речь шла о церковном празднике во всех его разновидностях, во второй – о светском. Например, в издании «Словаря Академии» 1762 г. за статьей «Fête», посвященной церковным праздникам, следовала та, где говорилось о празднике государственном: «ПРАЗДНИК (FÊTE) означает также публичное увеселение, устраиваемое в чрезвычайных случаях, таких как рождения, свадьбы и въезды Королей». Это второе значение праздника как светского увеселения распространялось и на торжества по поводу аналогичных событий (в первую очередь, свадеб) в жизни отдельных индивидов⁸⁶. Но, будучи, по определению, светским, королевский праздник заключал в себе элементы как профанного (публичного увеселения), так и сакрального (государственного культа). При этом одни королевские праздники (например, придворные балы) являлись преимущественно профанными, другие (такие, как коронация) – преимущественно сакральными.

Функции королевских праздников были многообразны. Одна из наиболее важных – *репрезентативная*. По словам Луи Марена, «магия» и «чудо» королевских праздников лучше и нагляднее, чем что бы то ни было, выражали идею абсолютной власти короля: «Развлечения государя в своем замке и угодьях – мы видим это по рассказам современников – в своем замысле и осуществлении следуют тем же принципам, что и война и мир короля на пространстве Европы и мира. Развлечения, в этом смысле, олицетворяют войны во время наступившего мира, а войны являются праздниками государя, разыгрываемыми на другом поле или на другой сцене. Война – это продолжение праздника другими средствами, подобно тому как развлечение есть продолжение политики на другом уровне»⁸⁷.

На праздник была возложена и не менее значительная *коммуникативная* функция: в этот момент происходило общение короля с подданными. Официальный королевский праздник являлся коллективным действием, которое совершалось всем телом монархии: королем, аристократической элитой, королевскими чиновниками, духовенством и народом совместно. В ходе праздника демонстрировалось и, таким образом, возобновлялось и поддерживалось единство политического тела монархии.

Организованный и упорядоченный королевский праздник, каждый участник которого занимал место сообразно рангу, осуществлял также *консервирующую* функцию, являясь средством поддержания иерархической структуры общества.

Королевские праздники были наделены *эстетической* функцией: их оформлением занимались первоклассные художники, скульпторы и архитекторы (в числе последних в конце Старого порядка особенно выделялся Пьер-Адриен Пари, которые подходили к организации празднества, как к созданию произведения искусства. Эти произведения не

⁸⁵ Впервые опубликовано: Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 2005.

⁸⁶ Dictionnaire de l'Académie française. 4e éd. Paris, 1762. P. 735.

⁸⁷ Marin L. Le portrait du roi. Paris, 1981. P. 241.

дошли до нас в силу своей эфемерности, но сохранившиеся эскизы и чертежи по праву стали предметами искусствоведческих штудий.

Если говорить о присущей любому празднику *рекреационной* функции, то при организации королевских празднеств она учитывалась, очевидно, в последнюю очередь. В тех же случаях, когда она выступала на первый план, когда стремление королей и их окружения отдохнуть и развлечься брало верх над отправлением государственного культа, это подвергалось осуждению со стороны современников и снижало авторитет монаршей власти.

Авторы многочисленных исследований, посвященных данному сюжету, единодушно приходят к выводу, что в XVIII в. королевский праздник вступил в период кризиса. Даниэль Рош обращает внимание на обнаружившееся в это время противоречие между репрезентативной и коммуникативной функциями праздника: «Монархия XVIII в. была политической сферой, структурированной репрезентацией, более чем коммуникацией. Ритуалы одновременно разделяли и объединяли; они рождали восхищение властью, недоступной большинству, и веру в нее...»⁸⁸. То есть, подчеркивая величие короля, праздники, вместе с тем, отделяли его от народа. Дистанция еще больше увеличивалась из-за перехода от городских праздников к придворным. Как утверждает известный историк церемониала Ральф Гизи, уже со времени правления Людовика XIV на место традиционных публичных государственных ритуалов, таких как въезды короля, королевские заседания парламента и королевские погребения, приходит самый пышный в Западной Европе придворный церемониал. Из королевских праздничных ритуалов, по мнению Гизи, публичный характер в XVIII в. сохранила только коронация монарха, а остальные торжественные церемонии стали происходить не на улицах, в соборах или в парламенте, а во дворце в присутствии узкого круга придворных⁸⁹. Историки придают особое значение тому, что прекратились сопровождавшиеся пышными празднествами въезды короля в различные французские города и монарх, таким образом, перестал непосредственно общаться со своим народом: «Монарх стал оседлым и выезжал только на поле битвы, что привело к исчезновению праздника. Власть теперь требовала от городов помпезных празднеств по случаю династических событий, военных побед и провозглашения мира. Звучали «*Te Deum*», палили пушки, вино лилось рекой, по ночам устраивались фейерверки, но по сравнению с королевскими въездами эти церемонии выглядели бледно, так как на празднике не хватало главного героя»⁹⁰.

Организаторы королевских праздников в XVIII в. были озабочены, главным образом, двумя проблемами: во-первых, необходимостью экономить средства ввиду постоянных финансовых трудностей; во-вторых, поддержанием общественного порядка. Королевский праздник должен был проходить по продуманному и четко расписанному сценарию. Его организаторы старались по возможности всё предусмотреть и свести спонтанность к минимуму, так как она таила в себе угрозу беспорядков. Особенно власти заботились об этом в последние десятилетия Старого порядка, после катастрофы, произошедшей в Париже 30 мая 1770 г. и омрачившей празднества по поводу бракосочетания дофина, будущего короля Людовика XVI, с австрийской эрцгерцогиней

⁸⁸ Roche D. La France des Lumières. Paris, 1993. P. 242.

⁸⁹ Giesey R.E. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // *Annales : Economies. Sociétés. Civilisations*. 1986. № 3. P. 579-599.

⁹⁰ Cassan M. Fêtes // *Dictionnaire de l'Ancien Régime. Royaume de France, XVIe-XVIIIe siècle / sous la dir. de L. Bély*. Paris, 1996. P. 544.

Марией-Антуанеттой. Увеселения и фейерверки закончились давкой, в которой погибли свыше 130 человек. Напуганные случившимся, король, а также ответственная за проведение праздников придворная администрация Малых забав и городские власти долго не решались устраивать в Париже большие торжества.

Впрочем, утверждение о переходе от городских праздников к придворным не совсем точно: торжественные королевские въезды в XVIII в., как мы увидим, не исчезли совсем, хотя теперь, за редкими исключениями, совершались только в Париже, так как монархи мало ездили по стране. И королевские заседания парламента продолжались вплоть до самых предреволюционных лет. Другое дело, что теперь они обычно проводились в ситуации острого политического конфликта и король чаще всего приходил в парламент не для совершения церемонии, а для того, чтобы своей властью навязать регистрацию спорного эдикта; но с формальной точки зрения ритуал королевского заседания сохранил всю свою торжественность.

Кроме того, помимо четырех церемоний (коронация, погребение, въезд и королевское заседание парламента), на которых сосредоточили свое внимание Гизи и его последователи-историки церемониала⁹¹, совершались и другие празднества, центральной фигурой которых оказывался король, и они могли происходить как при дворе, так и на городских улицах и площадях.

Поводы для их организации были чрезвычайно многообразными. Монархия Старого порядка не знала такого явления, как национальный праздник, отмечаемый ежегодно в один и тот же день в память о некоем значительном событии, и с этой точки зрения современный государственный праздник оказывается ближе к церковному, чем к светскому празднику тех времен. Характерно отсутствие четкой периодичности в проведении наиболее важных государственных праздников: все они отмечались единожды в связи с конкретным событием. Такими событиями становились военные победы и заключение мира; коронация, открытие собрания нотаблей и Генеральных штатов; свадьбы в королевской семье, официальное оповещение о беременности королевы, рождение дофина и других детей короля, выздоровление членов королевской семьи после болезни; приезд иностранного государя, посла или другого высокопоставленного лица; закладка первого камня и завершение строительства крупного сооружения, дворца или парка⁹².

⁹¹ Hanley S. *The Lit de Justice of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual, and Discourse*. Princeton, 1983; Jackson R. *Vive le roi: A History of the French Coronation from Charles V to Charles X*. Chapel Hill-London, 1984; Bryant L. *The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual, and Art in the Renaissance*. Geneva, 1986; Giesey R.E. *Cérémonial et puissance souveraine: France, XVe-XVIIe siècles*. Paris, 1987.

⁹² Примечательно, что во французских словарях XVIII в. при перечислении возможных поводов для светского праздника фигурируют события хотя и «чрезвычайные», но все же достаточно регулярно повторяющиеся. Так, в этом перечне нет коронации, которая происходит один раз за всё царствование. В то же время, там названы рождение детей и свадьбы в королевской семье, которым совсем не уделяли внимания историки церемониала. Въезды королей, прекратившиеся к этому времени, по утверждению историков церемониала, там тоже названы; moreover, упоминание королевских въездов можно объяснить и тем, что статья в словаре описывает реалии, ушедшие в прошлое. Так, тот же текст с упоминанием королевских рождений, свадеб и въездов был почти дословно воспроизведен в издании «Словаря Академии» 1798 г. (*Dictionnaire de l'Académie française*. 5e éd. Paris, 1798. P. 579), когда королю давно отрубили голову, а Франция стала республикой. Текст был существенно изменен лишь в следующем издании 1832-1835 гг.: там при объяснении второго, светского значения слова «праздник» в ряду «чрезвычайных случаев», которые могут послужить поводами для публичных празднеств, названы свадьба государя, заключение мира, приезд в город некоего важного лица (без уточнения, о ком именно может идти речь) и сельский праздник (*Dictionnaire de l'Académie française*. 6e éd. Paris, 1832-1835. T. 1. P. 747).

Можно выделить несколько моделей королевского праздника, различающихся по месту, характеру их проведения и составу участников. В конце Старого порядка репрезентативная, коммуникативная и консервирующая функции официального королевского праздника наиболее полно и последовательно выразились в коронации монарха. Торжества по случаю коронации Людовика XVI в Реймсе 9-15 июня 1775 г. представляли собой *традиционный, иерархически организованный праздник*, в котором непосредственно или символически участвовало всё политическое тело монархии⁹³.

Этот праздник разыгрывался внутри и вокруг сакрального пространства Реймского кафедрального собора. Время его проведения тоже было сакральным, символизируя начало нового царствования. Коронации предшествовал торжественный въезд короля в город Реймс при большом стечении народа. Монарх проследовал по пути, украшенному триумфальной аркой, аллегорическими фигурами Религии и Правосудия и алтарями Верности и Милосердия⁹⁴. Правда, в соответствии с порядком, установленным еще при коронациях Людовика XIV (1654 г.) и Людовика XV (1722 г.), при самом обряде в кафедральном соборе Реймса 11 июня присутствовали только избранные. Народ все это время оставался на улице и в «святая святых» не был допущен. В сакральном пространстве он был символически представлен «элитой нации»⁹⁵. Церковные прелаты, маршалы, высшие должностные лица государства, придворные аристократы, королевские советники, иностранные представители и приглашенные гости занимали свои места внутри собора в иерархическом порядке, в большей или меньшей близости к монарху. При совершении коронационных обрядов королю ассистировали церковные и светские пэры и маршалы Франции. Таким образом, расположение действующих лиц и публики в пространстве собора утверждало иерархию сословий. Народ впустили лишь на мессу, когда помазание, коронация и интронизация короля уже завершились. После коронации, 14 июня король по традиции совершил обряд исцеления золотушных, на который в аллею старого парка возле церкви Св. Ремигия собрались около 2500 больных⁹⁶. За коронацией последовали торжественные молебны с исполнением «*Te Deum*» в церквях по всей стране, что делало жителей самых разных провинций также символически сопричастными событиям в Реймсе.

Сложно говорить об отношении присутствовавших к самой церемонии помазания и к сопровождавшим ее празднествам, потому что оно слишком индивидуально и сохранившихся весьма противоречивых свидетельств и описаний современников недостаточно для обобщений. Очевидно, эта церемония могла вызвать сильные переживания у религиозного человека, способного воспринимать происходящее именно

⁹³ Подробное описание коронации Людовика XVI см., напр.: Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie. Paris, 1989; Croÿ E., duc de. Journal inédit du duc de Croÿ (1718-1784) / publ. par le vicomte de Grouchy et P. Cottin. 4 vols. Paris, 1906-1907. T. 3. P. 168-189; Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève, 1972. P. 88-102. Illustrations 57-61; Weber H. Das Sacre Ludwigs XVI von 11. Juni 1775 und die Krise des *Ancien Régime* // Vom «Ancien Régime» zur französischen Revolution: Forschungen und Perspektiven. Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. № 55 / E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus (hrsg.). Göttingen, 1978. S. 536-565; Valensise M. Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // *Annales: Economies. Sociétés. Civilisations*. 1986. № 3. P. 543-577.

⁹⁴ Описание королевского въезда в Реймс в июне 1775 г. см.: Le sacre et couronnement de Louis XVI. P. 6-18; Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. P. 99-101.

⁹⁵ Croÿ E., duc de. Journal inédit. T. 3. P. 174.

⁹⁶ Ibid. P. 203-204.

как «соборный акт» заключения мистического союза между королем и народом. Для людей же нерелигиозных, каковых было немало среди французской аристократии того времени, это был в сущности красивый, хотя и архаичный спектакль. Они ощущали себя не соучастниками «соборного действия», а зрителями и оценивали, главным образом, эстетическую сторону происходящего: интерьер собора, декорации, костюмы и т. д. Герцог де Крои, описывая декор собора, отмечал его «излишне театральный облик, подобный зрительному залу». Проповедь архиепископа Жана де Дьё-Реймона де Буажелена де Кюсе была, как в театре, встречена рукоплесканиями восторженной публики⁹⁷.

Но коронация – событие уникальное, и праздник по этому случаю был единственным в своем роде. Более привычную и неоднократно повторявшуюся модель являл собой *городской праздник для народа*. Он устраивался в разных городах страны, но пространством городского праздника, отмеченного личным присутствием короля, в конце Старого порядка становился только Париж, за исключением прибытия монарха на коронацию в Реймс и еще одной поездки, о которой речь впереди. Описание праздника в Париже в декабре 1778 г. по случаю рождения дочери в королевской семье, дает газета «Журналь де Пари»: «Вчера в четверть второго пополудни из городской пушки был произведен залп, возвестивший о счастливом разрешении Королевы от бремени и рождении Принцессы в половине двенадцатого утра. Получив известие, что Королева готовится к родам, городская ратуша тут же послала в тюрьмы, где содержались за долги отцы и матери маленьких детей, предупреждение о том, что как только у Ее Величества начнутся роды, двое из гг. Эшевенон отправятся в тюрьмы и отпустят отцов и матерей на свободу, простив им долги, с тем чтобы они молились за скорейшее разрешение Ее Величества от бремени [...]. Вечером состоялась раздача хлеба и вина, а в половине пятого – шествие городского магистрата вокруг костра и иллюминация. Сегодня будет произведено три пушечных залпа: один в семь часов утра, второй в полдень и третий в семь часов вечера; затем на площади Ратуши начнутся фейерверки и раздача вина, хлеба и колбас»⁹⁸. Позднее, в начале февраля 1779 г. состоялись въезд короля и королевы в Париж и торжественная месса в соборе Нотр-Дам. «8 февраля мне довелось увидеть, пожалуй, самое прекрасное зрелище в жизни, - записал в дневнике Эмманюэль, герцог де Крои, - в тот день Король с Королевой прибыли в Нотр-Дам и церковь Святой Женевиевы, чтобы возблагодарить Бога за рождение дочери, и по этому случаю был устроен первый церемониальный въезд Короля в Париж. [...] Народ, как мне показалось, взирал на всё с уважением и удовлетворением, хотя и без особого воодушевления, но величественная картина, которую я мог наблюдать в течение получаса, не теряя Короля из виду, была, я полагаю, самой прекрасной в своем роде, какая только может быть [...]»⁹⁹. По пути в Нотр-Дам королевский кортеж остановился на площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), где к монарху с приветствиями от лица города обратились купеческий прево и военный губернатор Парижа.

С еще большим размахом отмечалось рождение первого дофина 22 октября 1781 г. Сразу после объявления радостной новости по всей стране начались иллюминации и фейерверки; во всех церквях служились мессы с пением «*Te Deum*»; в Париже состоялось

⁹⁷ Ibid. P. 171, 178.

⁹⁸ Journal de Paris. Dimanche 20 Décembre 1778. № 354.

⁹⁹ Описание королевского въезда см.: Крой Е., duc de. Journal inédit. T. 4. P. 156-158.

шествие, как в день большого религиозного праздника, несколько дней на площадях играли оркестры и народу раздавали деньги, хлеб и мясо; в Версале был парад делегации парижских эшевенов и цеховых мастеров перед королевским балконом¹⁰⁰. Но большие официальные празднества – торжественный въезд короля и королевы в Париж, прием в ратуше, народные балы и фейерверки на городских площадях – после тщательной подготовки развернулись в январе 1782 г. Это был первый праздник такого масштаба в Париже после трагических событий 1770 г. Опасаясь их повторения, организаторы перенесли центр торжеств с площади Людовика XV (именно там в 1770 г. произошла давка) на традиционное место парижских праздников – Гревскую площадь¹⁰¹.

В декабре 1783 г. в Париже были устроены торжества по случаю подписания в сентябре того же года мира с Великобританией: по городу прошло праздничное шествие, была отслужена месса с пением «*Te Deum*» в соборе Нотр-Дам, состоялся фейерверк на Гревской площади¹⁰². Рождение второго сына в королевской семье в марте 1785 г. было отмечено в Париже орудийными залпами, колокольным звоном, праздничным шествием, иллюминацией и, наконец, балом и угощением для народа на Гревской площади; в начале апреля король прибыл в город и присутствовал на мессе с пением «*Te Deum*», а в конце мая Париж посетила королева¹⁰³. Из приведенных примеров вырисовывается общий сценарий, которому обычно следовали организаторы официального городского праздника: заключенных в тюрьму за долги отпускали на свободу, на улицах устраивали шествия и иллюминацию, палили из пушек, на площадях играли оркестры, народу раздавали угощение и деньги, в церквах звонили в колокола, служили мессы с пением «*Te Deum*» и в особых случаях король совершал въезд в город.

Помимо сухих газетных отчетов и благоговейных строк из дневника герцога де Крои сохранилось описание официального парижского праздника, проникнутое совсем иным настроением. Оно принадлежит перу известного литератора Луи-Себастьяна Мерсье. Его стоит процитировать почти целиком, - настолько оно сочно, живо и эмоционально:

«Замечено, что почти никогда из ряда вон выходящее зрелище не обходится без несчастных случаев. Парижская чернь не умеет соблюдать порядок; выйдя из равновесия, она становится шумной, неприятной и буйной.

На этом именно основании были отменены как фейерверк в день св. Жана, так и те, которые пускали по случаю рождения принца и принцесс и в дни празднования сомнительных побед. Взамен этих бесплодных увеселений теперь выдают замуж бедных девушек и выпускают на свободу заключенных. А такими благими идеями мы обязаны опять-таки *патриотическим писателям*.

Я хотел бы, чтобы все пиротехники королевства обанкротились; роскошь наших празднеств всегда приводит к каким-нибудь несчастным случаям. Можно ли спокойно смотреть, как взрывается в воздухе то, что могло бы прокормить в течение целого года сотню бедных семейств? Как можно платить так дорого за столь краткое удовольствие?!

¹⁰⁰ Journal de Paris. Mercredi 24 Octobre 1781. № 297; Vendredi 26 Octobre 1781. № 299; Lundi 29 Octobre 1781. № 302.

¹⁰¹ Подробное описание праздников, состоявшихся по случаю рождения дофина в Париже в 1781-1782 гг., см.: Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. P. 115-132. Illustrations 68-79.

¹⁰² Journal de Paris. Lundi 24 Novembre 1783. № 328.

¹⁰³ Journal de Paris. Lundi 28 Mars 1785. № 87; Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792 publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg / par M. de Lescure. T. 1. Paris, 1866. P. 552, 561-562, 568-569, 570-571.

[...] Однако нужно описать пышные банкеты, устраиваемые для народа щедрыми эшевенами.

Все эти угощения хороши только в описаниях. Вблизи они просто жалки. Вообразите себе подмостки, с которых бросают неочищенные языки, сосиски и маленькие хлебцы. Даже лакей сторонится от летящей в него колбасы, которую ради забавы с силой швыряют чьи-то руки в гущу толпы. В руках этих наглых благотворителей хлебцы превращаются в булжники. Вообразите затем две узких трубки, из которых льется довольно скверное вино. Носильщики Крытого Рынка и извозчики соединенными усилиями привязывают жбан к длинному шесту и поднимают его вверх. Вся трудность заключается в том, чтобы пристроить жбан к трубке, так как возбужденная и жадная толпа то и дело отстраняет сосуд. Удары кулаков сыплются градом, на мостовой вина оказывается больше, чем в самом жбане. У кого нет широких плеч и кто не попал в объединение, может умереть от жажды перед этими фонтанами вина, предварительно воспалив свою глотку колбасными изделиями.

[...] Низость и нищета – вот гости на этих пиршествах. Посмотрите, как люди, стоя, пожирают пойманные ими сосиски! Можно подумать, что это изголодавшийся народ, страдающий от неурожая, и что новый Генрих IV неожиданно прислал ему хлеба и свинины с приправой.

Вслед за тем ободранные музыканты, водворившись на подмостках, окруженные вонючими площадками, пилят по крикливым скрипкам жестким смычком; чернь образует огромный круг и беспорядочно, не в такт прыгает, кричит, вопит, топает по мостовой в неуклюжей пляске. Это не столько веселая, сколько грубая вакханалия.

И как могут эту холодную оргию выдавать за народное празднество?! Так ли древние привлекали бедных граждан к участию в общественных увеселениях?

Когда в толпу бросают деньги, получается нечто еще худшее. Беда мирной кучке людей, среди которой упала монета! Обезумевшие, дикие люди, в порыве ярости, с окровавленными и испачканными грязью лицами, набрасываются на вас, валят вас, ломают вам руки и ноги, лишь бы поднять брошенную монету! Сплошная масса людей падает и тотчас же поднимается, подобно тому как колоссальный кузнечный молот мгновенно обрушивается и давит все на своем пути.

Приходится спасаться бегством от этой шумной давки, уединяться дома, потому что рискуешь лишиться жизни среди толпы, которая готова изувечить человека из-за вареной колбасы или монеты в двенадцать су.

Самым возвышенным и значительным на этих празднествах является *Te Deum laudamus*, который служат в кафедральном соборе. Пушечные выстрелы, примешивающиеся по временам к звукам музыки, исполняемой хорошим и многочисленным оркестром, производят оригинальное, редкостное и трогательное впечатление»¹⁰⁴.

Этот пассаж содержит несколько идей, заслуживающих внимания. Прежде всего, примечательно, что оппозиционно настроенный литератор, как оказывается, полностью разделял свойственные властям страхи перед массовыми праздниками и считал их возможной причиной беспорядков в городе. Кроме того, праздники для Мерсье – это нерациональная трата денег, которые можно было бы потратить с большей пользой для общества, например, на помощь бедным. И вновь Мерсье не одинок в своем мнении: в данном случае он высказывает точку зрения, характерную для тех, кого называли «философами». Стоит вспомнить, что аналогичную позицию занимал генеральный контролер финансов Анн-Робер-Жак Тюрго, когда решался вопрос о коронации Людовика XVI. В ноябре 1774 г. он вопрошал в письме к Мари-Жан-Антуану-Николя Кондорсе, «не являются ли расходы на коронацию самыми бесполезными и смехотворными из всех

¹⁰⁴ Мерсье Л.С. Картины Парижа. М., 1995. Глава «Фейерверки». С. 211-213.

беспольных расходов»¹⁰⁵, и одновременно предлагал королю перенести коронацию из Реймса в Париж с целью экономии средств¹⁰⁶.

Народный праздник, каким его описывает Мерсье, некрасив и неэстетичен. Кроме того, он не воспитывает гражданственность, а наоборот, пробуждает у участников самые низменные чувства. Впрочем, автор сам себе противоречит, говоря о «холодной оргии», которую якобы выдают за народное празднество. Вряд ли вообще оргия может быть холодной, - и из слов самого Мерсье совершенно очевидно, что участники парижского праздника испытывают бурные эмоции. Критическое описание происходящего в сочинении литератора-«философа» свидетельствует в данном случае о конфликте между элитарной и народной культурами. К концу Старого порядка культуры отдельных частей, составлявших коллективное тело монархии, были уже настолько далеки друг от друга, что возобновление единства этого тела в ходе праздника стало трудноосуществимым. Сложилось разные типы праздников, адресованные разным социальным группам и отвечавшие их культурным ориентациям. Народу предназначался городской праздник, столь саркастически описанный у Мерсье.

Что же касается аристократии, то ее вкусам соответствовал *придворный праздник*. Пространством, в котором он разыгрывался, становились королевские резиденции: Версаль, Марли, Трианон, Сен-Клу, Фонтенбло. В конце Старого порядка состояние королевских финансов не позволяло часто устраивать пышные придворные праздники. Жизнь двора оживляли визиты иностранных монархов и принцев. Особенно широко отмечались приезды императора Иосифа II под именем графа Фалькенштайна (1777 г.), великого князя Павла Петровича с супругой под именем графа и графини Северных (1782 г.), шведского короля Густава III под именем графа Хаги (1784 г.)¹⁰⁷. Регулярно устраивались драматические и музыкальные спектакли. Время от времени королева, «желая немного отвлечь супруга от его неустанных трудов и наполнить жизнь двора удовольствиями»¹⁰⁸, изобретала разнообразные увеселения. И тогда в парке Малого Трианона то раскидывалась ярмарка, на которой придворные дамы изображали лавочниц, а сама королева – торговку лимонадом; то разыгрывалось подобие сельского праздника или карнавал¹⁰⁹. Перенос многих придворных праздников из Версаля в Трианон означал сужение их пространства. Там давались ужины и импровизированные развлечения для небольшого круга приближенных и друзей королевской семьи, на которых общение было

¹⁰⁵ Цит. по: Le Goff J. Reims, ville du sacre // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. 2. Vol. 1. Paris, 1986. P. 162.

¹⁰⁶ См.: Turgot A.-R.-J. Mémoire au Roi sur les dépenses du Sacre // Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / par G. Schelle. 5 vols. Paris, 1913-1923. T. 4. P. 119.

¹⁰⁷ Описания устроенных в этой связи праздников см., напр.: Vachauumont L. Petit de. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. A Londres, 1780. T. 10. P. 103, 125, 160; T. 20. P. 62, 260, 265, 266, 282, 297; T. 21. P. 126; T. 25. P. 283; T. 26. P. 31, 45, 58, 67, 72, 83; Campan, J.-L.-H. Genet. Mémoires de Madame Campan, Première femme de chambre de Marie-Antoinette / édition présentée par J. Chalon. Paris, 1988. P. 155; Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville. T. 1. P. 45, 48, 62, 481, 484-485; Croÿ E., duc de. Journal inédit. T. 4. P. 34, 253-258, 263-265; Métra F. Correspondance secrète, politique et littéraire ou mémoires pour servir à l'histoire des cours, des sociétés et de la littérature en France depuis la mort de Louis XV. 16 vols. Londres, 1786-1789. T. 4. P. 322; T. 13. P. 46, 59; T. 16. P. 260; Oberkirch, H.-L., baronne d'. Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789 / édition présentée et annotée par S. Burkard. Paris, 1989 (1970). P. 210, 268-271, 273-276; Papillon de la Ferté. L'administration des menus-plaisirs. Journal de Papillon de la Ferté, intendant et contrôleur de l'argenterie, menus-plaisirs et affaires de la chambre du Roi (1756-1780) / publ. par E. Boyses. 2ème éd. Paris, 1887. P. 406.

¹⁰⁸ Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville. T. 1. P. 93.

¹⁰⁹ Ibid. P. 93, 172, 245-246, 580-581.

интимным, свободным, «семейным», без соблюдения строгих норм этикета. К чему это приводило? Пышные, хорошо продуманные и организованные праздники должны были демонстрировать величие и власть короля и процветание страны. С помощью таких празднеств монархи управляли аристократией и всем королевством. Но развлечения Марии-Антуанетты в Малом Трианоне были лишены этого смысла и, следовательно, оправдания в глазах подданных и вызывали негативные толки в обществе. Возмущенные современники подсчитывали, во что мог обойтись казне тот или иной придворный праздник и обвиняли королеву в бездумной расточительности¹¹⁰.

То есть придворный праздник XVIII в. плохо справлялся с репрезентативной и коммуникативной функциями. Он имел тенденцию к превращению в досуг, увеселение членов королевской семьи. Именно это в условиях постоянных финансовых трудностей порождало слухи о чрезмерных расходах двора: если сами короли перестали рассматривать придворный праздник как дело государственной важности, то и подданным он теперь казался лишь бесполезной тратой денег.

Однако в конце Старого порядка существовала еще одна модель королевского праздника, которая, как и коронация, отличалась многофункциональностью и тенденцией к возобновлению единства политического тела монархии. И, подобно коронации, праздник такого типа также оказался уникальным в своем роде. Речь идет о *поездке короля в провинцию*. Пространством королевского праздника XVIII в. был преимущественно центр (Версаль и Париж), и редким случаем выхода праздника с участием короля на периферию стала поездка Людовика XVI в Нормандию 21-29 июня 1786 г. на открытие нового военного порта в Шербуре, решение о строительстве которого было принято после завершившейся в 1783 г. победоносной войны против англичан.

Во время поездки король посетил четыре города: Шербур, Кан, Гавр и Руан. В каждом из них прием монарха был обставлен по-своему. И, при всей их организованности, в празднествах, сопровождавших поездку короля по Нормандии, был также ярко выражен элемент спонтанности. В Шербуре 26 июня король наблюдал маневры кораблей, общался с моряками и произвел на них впечатление своей осведомленностью в морском деле. Визит в Шербур не имел ничего общего с традиционным въездом короля в город и, напротив, походил на посещение военно-морской базы главой государства в наши дни. По словам современника, «во время пребывания короля в Шербуре видно было, как он любит флот, потому что он гораздо дольше находился на воде, чем на суше. Он пришел в такой восторг, что сказал, что два самых прекрасных дня его жизни – это день коронации и приезд в Шербур; а жители никогда не забудут, как на то и дело раздававшиеся крики “Да здравствует король!” он отвечал: “Да здравствует мой народ!”»¹¹¹. В Кане не устраивалось никаких особых торжеств: монарх просто общался с народом. «По приказу короля его карета ехала медленным шагом, без свиты, без помпы, в сопровождении лишь двух гвардейцев, так чтобы все могли приблизиться. “Это мои дети”, - говорил король. Он лишь предостерегал толпу не бросаться под колеса»¹¹². Зато посещение столицы Нормандии Руана

¹¹⁰ См. об этом, напр.: Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville. Т. 1. P. 93; Bombelles M.M., marquis de. Journal / éd. J. Grassion et F. Durif. 2 vols. Genève, 1978-1982. Т. II. P. 247; Solnon J.-F. La Cour de France. Paris, 1987. P. 484-490.

¹¹¹ Bachaumont L. Petit de. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France. Т. 32. P. 183.

¹¹² Ibid. P. 165-167.

представляло собой королевский въезд в город, как в былые времена. Руан встречал короля триумфальной аркой, пушечной пальбой, флагами и вымпелами на кораблях и звоном всех колоколов. В Гавре опять, как и в Шербуре, состоялись морские маневры. Вся эта поездка в целом дает редкий для последних десятилетий Старого порядка пример праздника, объединившего разные слои общества.

Таким образом, нельзя категорично утверждать, что в конце Старого порядка на смену официальному публичному городскому празднику пришел придворный. Король время от времени чтит своим присутствием торжественные мероприятия в Париже. Кроме того, дважды он совершал въезды в провинциальные города: на коронацию в Реймс и во время поездки по Нормандии. Но этот последний удачный опыт пришел слишком поздно и не получил развития в силу ряда причин. Похоже, что в то время у королевского окружения вообще отсутствовала продуманная стратегия официальных праздников. Их организаторы стремились устроить прекрасное с эстетической точки зрения и впечатляющее торжество или занимательное увеселение, считаясь при этом с финансовыми трудностями и не забывая о необходимости поддерживать порядок, но о пропагандистских задачах праздника, за исключением нормандского турне, они, по-видимому, заботились меньше. А после 1786 г. уже не было ни повода, ни возможности развить успех поездки в Нормандию: не произошло события, которое можно было бы отпраздновать подобным образом, затем разразился предреволюционный финансовый кризис, и стало совсем не до праздников. Следующая поездка короля по стране носила далеко не торжественный характер: это была его неудавшаяся попытка бегства из революционного Парижа летом 1791 г.

Официальный государственный праздник представляет собой явление, тесно связанное с политикой, и он удается в полной мере тогда, когда удается политика. В июне 1786 г. только что закончилось строительство крупного военного порта, свежа еще была память о недавней победе в войне – и благодаря этому получился праздник, а неудачи в политике трудно компенсировать торжествами и увеселениями. Наконец, блеск и величие королевского праздника были неразрывно связаны с представлениями о едином политическом теле монархии. Праздник успешно справлялся со своими задачами, и прежде всего с задачей воссоздания политического тела монархии до тех пор, пока он являлся элементом целостной системы представлений такого рода. Когда же вся эта система оказалась разрушенной, праздник был бессилен ее восстановить.

Из метафор, употреблявшихся во Франции XVIII в. для обозначения общества и государства, наиболее распространенными были три: тело, семья и машина. Другие социальные метафоры, такие как сад или дом¹¹⁴, встречались гораздо реже и не шли с ними ни в какое сравнение по популярности.

К метафоре тела охотно прибегали французские монархи. Людовик XIV в своих «Мемуарах» писал о государстве/обществе как едином теле, головой которого является монарх, а подданные – членами¹¹⁵. В королевской речи, произнесенной в Парижском парламенте от имени Людовика XV на «сеансе Бичевания» 3 марта 1766 г., гневно обличались магистраты, которые осмеливались отделять тело нации от монарха, тогда как их права и интересы нераздельны¹¹⁶.

Метафора семьи была особенно близка Людовику XVI. Именно она чаще других встречается в его собственных заметках и в официальных документах периода его царствования. В юном возрасте в «Размышлениях» о беседах с наставником, герцогом де Ла Вогийоном тогда еще наследник престола Людовик-Август уподобил французскую монархию большой семье во главе с королем-отцом: «Монархическая власть и вообще любая власть, которой обладает правительство над нацией, имеет своим принципом и источником отеческое управление; так что король – это отец большой семьи»¹¹⁷. И много лет спустя, уже в начале революции король в публичной речи по-прежнему именовал себя «общим отцом всех своих подданных»¹¹⁸.

В рукописных заметках Людовика XVI встречается и сравнение государства с машиной: «Есть монархии, подобные машинам, простота коих доведена до совершенства. Казалось бы, большее число пружин и сцеплений могло ускорить их ход, но на деле лишь уменьшило бы точность и силу»¹¹⁹. Правда, это рассуждение принадлежит не самому королю Франции, а, по его собственным словам, было заимствовано у прадеда, Станислава Лещинского.

Все три метафоры – тело, семья и машина – были весьма старыми и традиционными. Государство-тело и государство-семья вообще принадлежат к числу «вечных» метафор, уходящих корнями в античность и в христианскую традицию. Они использовались в сочинениях древних классиков, Платона и Аристотеля, к которым постоянно обращалась европейская политическая мысль Нового времени¹²⁰. В

¹¹³ Впервые опубликовано: Одиссей: Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2007.

¹¹⁴ Например, ведомство, по своим функциям и компетенции примерно соответствовавшее министерству внутренних дел в государстве новейшего времени, называлось государственным секретариатом королевского дома (le secrétariat d'Etat de la Maison du Roi).

¹¹⁵ См., напр.: Louis XIV. Mémoires. Paris: Tallandier, 1978. P. 90.

¹¹⁶ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. T. 2. Paris, 1895. P. 558.

¹¹⁷ Louis XVI. Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864. T. 1. P. 212.

¹¹⁸ Etats généraux. Séance royale. Du mardi 23 juin 1789. Le discours di roi // Archives parlementaires. T. 8. Paris, 1875. P. 143.

¹¹⁹ Louis XVI. Pensées manuscrites de la main de Louis XVI et puisées dans les ouvrages de Stanislas Leczinsky, roi de Pologne, son aïeul // Oeuvres de Louis XVI. T. 2. P. 13.

¹²⁰ Платон. Государство. Кн. 8-9; Аристотель. Политика. Кн. I. I 1-12, Кн. IV. III 9-11.

христианской традиции метафора государства-тела наполнилась новым смыслом через уподобление его Церкви как телу Христову¹²¹.

В средневековой французской политико-правовой мысли вошла в обиход метафора тела применительно к королевству и стала проводиться аналогия между королем – главой тела королевства – и Христом – главой Церкви. На рубеже XIV-XV вв. в сочинениях Эврара де Тремогона, Жана Жювеналя дез Юрсена, Жана Жерсона и автора, писавшего под латинским именем Иоаннес де Терра Рубеа¹²² сложилась концепция «мистического тела государства», подобного телу Церкви¹²³. Так, Иоаннес де Терра Рубеа в трактате, отстаивающем права дофина Карла (будущего Карла VII) на французский престол, рассуждал о «мистическом теле королевства», главой которого является король и которое каждый его член должен хранить и защищать ценой собственной жизни¹²⁴. Сто лет спустя, в начале XVI в. Клод де Сейссель в трактате «Французская монархия» говорил о том, что король Франции поддерживает равновесие между сословиями внутри «мистического тела» монархии¹²⁵.

Использование метафоры политического тела сыграло важную роль в развитии доктрины французской монархии. С помощью этого образа французские легисты обосновывали ограничение личных прав короля в том, что касается наследования Короны, организации государственного аппарата и неотчуждаемости домена. По словам современного исследователя Робера Десимона, «здесь мы имеем дело с антиволюнтаристской концепцией закона, который не исходит ни от государя, ни от народа, ни от какой-либо человеческой воли вообще, а лишь из высшего права, имеющего Божественное основание и воплощенного в целостной политической общности»¹²⁶. Получалось, что закон может исходить только от создателя государства-тела, т. е. от Творца. В конце XV в. в развитие телесной метафоры и в дополнение к ней появляется метафора брака короля с короной, в соответствии с которой король уподоблялся Христу, а корона – Церкви. В рамках этой метафоры корона обретала телесность, становясь моральной персоной, или политическим телом.

Употребляя метафору тела в рассуждениях о государстве, французские авторы XVIII в. опирались не только на многовековую национальную традицию, но и на органицистские топосы политической мысли нового времени. Популяризации телесной метафоры немало способствовал созданный Томасом Гоббсом образ государства-Левиафана. У Гоббса уподобление политического тела государства естественному телу человека доходило до того, что он обнаруживал у государственного организма болезни, похожие на лихорадку, плеврит, опухоли и т. д.¹²⁷ Джон Локк, говоря уже не о

¹²¹ Рим., XII, 4-5; Блаженный Августин. О Граде Божиим. Кн. III. Гл. 10.

¹²² Во французской литературе его имя обычно переводят как Жан де Тервермей (Jean de Terrevermeille) или Жан де Терруж (Jean de Terrerouge).

¹²³ См.: Barbey J. La Fonction royale. Essence et légitimité d'après le Tractatus de Jean de Terre vermeille. Paris: Nouvelles Ed. Latines, 1983; Krynen J. Idéal du prince et pouvoir royale en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). Etude sur la littérature politique du temps. Paris: Picard, 1981.

¹²⁴ Joannes de Terra rubea contra rebelles suorum regum (1420). См. о нем: Contamine Ph. Mourir pour la patrie. Xe-XXe siècle // Les lieux de mémoire. Т. II. Part. 3. Paris, 1986. P. 20.

¹²⁵ Seyssel Cl. de. La Monarchie de France / publ. par J. Poujol. Paris, 1961. О короле как главе тела монархии у французских авторов XVI в. см.: Крузе Д. Король и насилие: из истории французского абсолютизма XVI в. // Французский ежегодник. 2005. М.: КомКнига, 2005. С. 156-157.

¹²⁶ Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV-XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков: антология. М.: XXI век-Согласие, 2002. С. 188.

¹²⁷ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 226-229.

государстве, а об обществе, постоянно называл его «политическим телом» и «единым политическим организмом»¹²⁸.

Наряду с получившим широкую известность персонифицированным образом государства-Левиафана Гоббс употреблял и сравнение государства с семьей, а власти монарха – с властью отца над детьми¹²⁹. Французские идеологи абсолютной монархии, со своей стороны, постоянно уподобляли короля отцу семейства¹³⁰. «Если мы будем рассматривать природу более внимательно, то повсюду увидим монархию. [...] чем является семья, как не точным образом государства?»¹³¹ - восклицал основоположник теории королевского суверенитета Жан Боден. Вслед за ним Жак-Бенинь Боссюэ утверждал, что власть короля по сути своей подобна власти отца семейства¹³².

Положение короля по отношению к государству-телу могло представляться тройко. Во-первых, король был неотъемлемой частью, а именно головой или – другой вариант – душой этого тела. Во-вторых, король находился вне государства-тела и вступал с ним в брачный союз. В данном случае, когда король выступал в роли супруга, т. е. отца семейства, метафора тела тесно сближалась с метафорой семьи. В-третьих, тело самого короля становилось метафорой, или персонификацией государства. При этом один образ не исключал другого. Так, в проповеди Жана Соанена «О любви к родине» (1683) соединились все три: «Недостаточно, говорит Святой Бернар, отдавать все свои силы и таланты на службу Государству, но надо еще отдать всего себя. Мы суть тело, продолжает Святой Отец, главу коего образуют суверен и родина, и мы каждодневно жертвуем телом, дабы спасти голову; но есть опасность, что, встречая лицом к лицу самые великие опасности, выказывая знаки мужества и достоинства, мы будем больше думать о себе, нежели о благе Государства!»¹³³ Король в этой проповеди предстает главой политического тела, но он является главой совместно с родиной. Образ короля соединяется с образом родины – некой универсальной абстракции, которая возвышается над политическим телом, состоящим из множества членов. Король и родина не одно и то же, они не сливаются, хотя и неразрывно соединены друг с другом.

В период становления абсолютных монархий в Европе получила распространение метафора государства-машины. К ней прибегал, в частности, Блез Паскаль, говоря о том, что всё королевское окружение: гвардейцы, барабаны, чиновники и т. д., - «внушают машине уважение и страх»¹³⁴. Обращение к этой метафоре было связано с представлениями об искусстве управлять и об использовании государства в качестве инструмента, служащего целям и интересам правителя¹³⁵. В отличие от метафор тела и семьи, предполагающих неразрывную связь короля с подданными и даже внутринаходимость короля как головы единого коллективного тела или отца семейства, в случае с метафорой государства-машины король находится вне машины и управляет ею.

¹²⁸ См., напр., Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3-х тт. М.: Мысль, 1985-1988. Т. 3. С. 312, 317.

¹²⁹ См., напр., Гоббс Т. Указ. соч. С. 117, 142.

¹³⁰ См., напр., Крузе Д. Указ. соч. С. 156-157.

¹³¹ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 242.

¹³² Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte, à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume de messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris: Pierre Cot, 1709. P. 81.

¹³³ Soanen J. Sermon sur l'amour de la patrie (1683) // Collection intégrale et universelle des orateurs sacrés [...]. 99 vols. / éd. par l'abbé J.P. Migne. Paris, 1844-1855. Т. 40. P. 1284.

¹³⁴ Pascal B. Pensées. Paris, 1958. P. 117.

¹³⁵ О распространении метафоры государства-машины в связи со становлением абсолютной монархии см.: Stollberg-Rilinger B. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin, 1980.

Вошедшее в обиход при Людовике XIV понятие «ремесло короля» (*le métier du roi*) подразумевало именно такой образ короля-«технаря», инженера, управляющего государственной машиной¹³⁶. В идейно-культурном контексте Нового времени метафоры машины и тела были связаны с двумя теориями государственного и общественного устройства: механицистской и органицистской.

Как же и с какой целью употребляли метафоры тела, семьи и машины авторы XVIII века? Каким метафорам в каких случаях они отдавали предпочтение? Что именно описывали и объясняли с их помощью?

1. *Метафора тела.* Французские правоведы XVIII в. продолжали пропагандировать традиционные представления о короле как неотъемлемой и важнейшей части тела монархии, как живом ее олицетворении. По словам одного из них, король «принадлежит всем, потому что ему вверено всё; он более не принадлежит самому себе, потому что неотделим от тела, душой которого он является»¹³⁷.

Метафора тела не была чужда и просветителям. В просветительской литературе метафорическое представление о государстве/обществе как о живом организме нашло последовательное выражение в написанной шевалье Луи де Жокуром статье «Государство» из «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана Д'Аламбера. По словам де Жокура, «можно рассматривать *государство* как моральную персону, голова которой – суверен, а части тела – частные лица; вследствие этого данной персоне приписывают определенные свойственные ей действия и определенные права, отличные от прав отдельных граждан, причем ни один гражданин, ни несколько не могут присвоить себе эти права. Это объединение нескольких личностей в одно тело, совершенное при помощи воли и силы каждого отдельного лица, отличает *государство* от толпы; ибо толпа есть лишь собрание нескольких личностей, каждая из которых обладает своей частной волей; в отличие от этого, *государство* есть общество, обладающее одной-единственной живой душой, которая постоянно направляет все его движения относительно к общей пользе. Вот счастливое *государство*, *государство* в превосходной степени. [...] Таким образом, политическое тело, или *государство* образуется соединением волей, поддержанным высшей властью; и без этого невозможно представить себе гражданское общество. К тому же, у политического тела, как и у человеческого тела, различают здоровое состояние, хорошее сложение и болезненное состояние. Его болезни происходят или от злоупотребления верховной властью, или от плохого устройства *государства*; и их причины следует искать в недостатках тех, кто правит, или в пороках самого правления»¹³⁸. Де Жокур излагает здесь целую концепцию государства как организма, пытаясь применить естественнонаучный подход для объяснения политических процессов. Употребленная де Жокуром метафора тела является выражением свойственной ему холистической и реалистической концепции государства как реально существующей целостности, отличной от совокупности составляющих его граждан.

К метафоре тела прибегал и Жан-Жак Руссо, во многом разделявший те же представления о государстве, что и де Жокур. У Руссо индивиды, заключающие между собой общественный договор, образуют в результате «моральное и коллективное тело»:

¹³⁶ Об образе «короля-машиниста» - одновременно режиссера и героя политического спектакля см.: Apostolidès J.-M. *Le roi-machine. Spectacle et politique au temps de Louis XIV*. Paris, 1981.

¹³⁷ Réal de Curban. *La science du gouvernement*. Paris, 1765. P. 104-105. Цит. по: Десимон Р. Указ. соч. С. 187.

¹³⁸ *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Nouv. éd. Genève, chez Pellet, 1778. T. 13. P. 151-152.

«Этот акт ассоциации в момент заключения его ставит на место отдельной личности каждого вступающего в договорные отношения моральное и коллективное тело, состоящее из стольких же членов, сколько в собрании голосов, и получающее из того же акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и свою волю. Эта, образующаяся таким образом, путем союза всех других личностей, общественная личность называлась когда-то *гражданской общиной* (*cité*), а теперь она называется *республикой* или *политическим телом*; члены же этого политического тела дают ему название *государства*, когда оно пассивно, *суверена*, когда оно активно, и *державы*, когда они сравнивают его с подобными же телами. По отношению к участникам они коллективно принимают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами*, как участники суверенной власти, и *подданными*, как подчиненные законам государства»¹³⁹. Метафора тела у Руссо призвана была подчеркнуть, что каждый вступающий в общественный договор перестает быть автономным индивидом и становится частью коллективного целого – морального и политического тела.

Вопрос о месте короля внутри или вне политического тела у просветителей не ставился. Это и не удивительно. В просветительской мысли политическое тело представляло как независимая от короля моральная персона. Сказанному, казалось бы, противоречат процитированные выше слова де Жокура о суверене как главе политического тела. Однако совсем не очевидно, что сувереном де Жокур именуется король. Он этого не уточняет, но логично предположить, что у него, как и в «Общественном договоре» Руссо, речь идет о коллективном суверене, т. е. о нации.

Истоки такого отделения короля от политического тела монархии показал Робер Десимон, обратив внимание на проводимое французскими юристами XVI в. различие понятий «мистическое тело» и «политическое тело»¹⁴⁰. Персонификацией государства, понимаемого как мистическое тело, являлся король. Государство как политическое тело представлялось надличностной общностью, существующей независимо от монарха. Со временем выявленное Десимоном различие двух понятий только усилилось. В текстах XVIII в. понятие мистическое тело вообще перестало употребляться применительно к государству.

Сказанное хорошо видно на примере статьи «Тело» (*Corps*) в «Словаре Французской академии» (1694), где в числе прочих давалось следующее определение: «Тело, говорится в перен. см. об обществе, объединении нескольких людей, подчиняющихся одним и тем же законам, обычаям и правилам. [...] *Государство, Республика, Королевство является политическим телом. Эта Провинция была присоединена к телу Государства. Церковь есть мистическое тело, глава которого – Иисус Христос, а члены – все верные*»¹⁴¹. Это определение повторялось во всех последующих изданиях «Словаря Французской академии», вплоть до XX в. включительно. В нем обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, метафора государства-тела уже настолько устоялась, что превратилась в расхожее употребление слова «тело» в переносном смысле, официально закрепленное авторитетом словарной статьи. Во-вторых, здесь четко разграничены мистическое тело Церкви и политическое тело государства.

¹³⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Спб., 1907. С. 27-28.

¹⁴⁰ Десимон Р. Указ. соч. С. 189-193.

¹⁴¹ Dictionnaire de l'Académie française. 1-ère éd. Paris, 1694. T. 1. P. 251.

Таким же образом понятия мистическое и политическое тело толковались и различались в «Трактате о правах, обязанностях, вольностях, свободах, прерогативах и привилегиях, присущих каждому званию во Франции». Рассуждая о правах французской короны, авторы трактата отмечали, что «Французское королевство, подобно всякому другому, можно рассматривать двояко, то есть либо как политическое тело, либо как собрание личностей, исповедующих культ Верховного Существа»¹⁴². Рассматривая королевство как «политическое тело», авторы имели в виду, что частями этого тела являются король и его подданные¹⁴³. Рассматривая королевство как «собрание христиан», они отмечали, что «в церкви Король предстает в двух качествах, потому что церковь сама по отношению к нему может рассматриваться двояко, то есть как мистическое тело и как внерасположенное общество. [...] С первой точки зрения, Король есть сын церкви и ничего более. Простой член христианской республики, он, подобно последнему из своих подданных, подчиняется тем законам, которые ею управляют [...]. Но со второй точки зрения, церковь подчинена королевской власти»¹⁴⁴. Мы видим, что и в этом трактате понятия мистическое тело и политическое тело обозначают разные сущности: первое – Церковь и только второе – королевство.

Следует оговориться, что в текстах XVIII в. выражение «политическое тело» (*le corps politique*) не всегда использовалось применительно к государству. Под этим могли подразумеваться сословия и корпорации. Полисемантическое слово «*corps*» может обозначать во французском языке и тело, и корпус, и корпорацию. Как говорилось в «Универсальном словаре» Антуана Фюретьера, «*corps*, означает также некое число людей, которые образуют компанию или ассамблею, созванную государственной властью. Государства состоят из Сословия (*Corps*) Духовенства, Сословия (*Corps*) Дворянства и Третьего Сословия (*Corps du Tiers Estat*). Парламент, Суверенные Курии выступают как корпорации (*en corps*), когда участвуют в церемониях. Об ассамблеях компаний обычно говорят, что это политические корпорации (*des corps politiques*)»¹⁴⁵. Этот текст был впоследствии воспроизведен и в «Словаре Треву» в одной из статей, раскрывающих возможные варианты употребления слова «*corps*»¹⁴⁶. В данном случае русским эквивалентом выражения «*le corps politique*» будет «политическая корпорация» или «политическое сословие», так что в переводе на русский язык пропадают всякие телесные аллюзии, хотя во французском оригинале они присутствуют.

2. *Метафора семьи*. Уподобление государства или общества семье можно встретить в целом ряде французских толковых словарей и энциклопедий. В «Универсальном словаре» Фюретьера в статье «Семья» сказано было, что «большие *семьи* суть маленькие Государства, подобно тому как Государства суть большие *семьи*»¹⁴⁷. В определении общества из «Словаря Треву» говорится, что «человеческое *общество*

¹⁴² Guyot P.-J.-J. et al. *Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres [...]. 4 vols. Paris, chez Visse, 1786-1788. Т. 1. Р. 2.* Авторами трактата были адвокаты Парижского парламента Буше д'Аржи-отец, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Робен де Мозас, Трейяр, советник Парижского парламента Буше д'Аржи-сын и адвокат парламента Фландрии Мерлен.

¹⁴³ Ibid. P. 129-141.

¹⁴⁴ Ibid. P. 343-348.

¹⁴⁵ Furetière A. *Dictionnaire universel*. Genève : Slatkine Reprints, 1970. Т. 1. «*Corps*» [пагинация отсутствует].

¹⁴⁶ *Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux*. Nouv. éd. revue, corr. et augm. Т. 2. Trévoux, 1721. P. 257.

¹⁴⁷ Furetière A. *Dictionnaire universel*. Т. 2. «*Famille*».

можно рассматривать [...] как охватывающее весь человеческий род, подобно одной большой семье»¹⁴⁸.

Метафора семьи используется и в статье «Общество» из «Методической энциклопедии» Шарля-Жозефа Панкука, где говорится, что «каждая семья образует естественное общество, главой коего является отец»¹⁴⁹. Эта мысль получает развитие в статье «Семья», в которой метафора общества/государства как семьи соседствует с метафорой тела: «Управление *семьей* и управление политическим телом основано на одних и тех же принципах, первая есть образ второго в миниатюре: оба суть общества, целью коих должно быть благо тех, кто их составляет. Домашняя власть в каком-то смысле является суверенной. Отец *семейства* пользовался некогда и пользуется до сих пор у некоторых народов абсолютной властью, вплоть до права на жизнь и смерть всех, кто ему подчинен, будь то жена, дети или рабы. Возложенные на него обязанности подобны тем, какие приходится исполнять при управлении государственными делами. Он должен быть справедливым со всеми, кто составляет *семью*, и поддерживать в ней мир, изобилие и порядок»¹⁵⁰.

3. *Метафора машины.* Из французских мыслителей XVIII в. к метафоре государства-машины особенно часто обращался Шарль-Ирене Кастель, аббат де Сен-Пьер. У него эта метафора разрастается в целую теорию государства как машины, деталями которой являются все лица, состоящие на государственной службе, а управляет – король. По словам аббата де Сен-Пьера, «большое Государство можно рассматривать как большую машину, которую Король приводит в движение, нажимая на разного рода пружины. Таким образом, будущему Королю следует знать все основные части своей машины, то есть различные должности и почетные и полезные вознаграждения, которые должны по справедливости раздаваться всем Государственным чиновникам. Ему следует уметь чинить колеса, если между ними нарушается сцепление, то есть если нарушается субординация между Чиновниками. Так что если он с самого детства не освоил каждой из основных частей своего Государства и не понял, каким образом они связаны и, так сказать, сцеплены между собой, то он никогда не сможет научиться искусству хорошо управлять»¹⁵¹.

Излагая эти мысли, аббат де Сен-Пьер подчас переходит от образа государства-машины к образу государства-тела, говоря, например, что «политическое Тело образуется, сохраняется и укрепляется только посредством законов, кои суть правила поведения для членов означенного Тела»¹⁵². В контексте его рассуждений эти две метафоры не противоречат друг другу, так как, по словам аббата де Сен-Пьера, человеческое тело – тоже машина, хотя «есть существенная разница между политическими машинами и телесными машинами, коими являются люди. Она состоит в том, что последние день ото дня умирают естественным образом по самым разным причинам, тогда как политическая

¹⁴⁸ Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. T. 7. P. 743.

¹⁴⁹ Encyclopédie Méthodique. Jurisprudence. T. 7. A Paris: chez Panckoucke, 1787. P. 609.

¹⁵⁰ Encyclopédie Méthodique. Jurisprudence. T. 4. A Paris: chez Panckoucke, 1784. P. 471.

¹⁵¹ Castel de Saint-Pierre, Ch.-I. Plan d'Education des Daufins // Ouvrages politiques de Mr. l'Abbé de St. Pierre, Charles Irenée Castel, de l'Academie Françoise. T. 6. A Rotterdam, Chez Jean Daniel Beman, 1734. P. 162-163.

¹⁵² Castel de Saint-Pierre, Ch.-I. Observations qui regardent le Ministere general // Ouvrages politiques de Mr. l'Abbé de St. Pierre. T. 6. P. 33.

машина день ото дня естественным образом укрепляется благодаря умножению полезных предписаний, кои суть новые пружины, укрепляющие старые»¹⁵³.

То есть государственную машину можно хорошо наладить, и тогда она будет работать сама по себе, как вечный двигатель. Аббата де Сен-Пьера вообще чрезвычайно занимала идея создания таких безупречно отлаженных, вечно работающих социальных механизмов. Так, самый знаменитый его трактат, «Проект вечного мира» (1713) был посвящен организации идеального механизма международных отношений. Что же касается государственной машины, то она, по мысли аббата де Сен-Пьера, может вечно и бесперебойно работать при соблюдении определенных условий: если все дела государственного управления четко регламентируются соответствующими законами и предписаниями и если эти законы и предписания регулярно обновляются сообразно духу времени; если на государственной службе имеется достаточное количество судей и чиновников, отвечающих за исполнение законов и предписаний; и, наконец, если эти судьи и чиновники лично заинтересованы в соблюдении законов. «И тогда машина заработает сама по себе. Тогда она будет непрерывно сама себя ремонтировать. Это будет вечное движение; одни люди, сменяющие других, создадут вечную машину, которая работает постоянно, пока колеса хорошо сцеплены друг с другом, то есть пока члены объединены своими частными интересами, отвечающими государственному интересу»¹⁵⁴. При этом было бы полезно примерно раз в три года давать большую премию чиновникам, отличившимся за это время своими доблестями, талантами и усердием на службе. «Это стало бы еще одной пружиной, способной безостановочно ускорять движение политической машины»¹⁵⁵.

Со временем государственная машина может даже совершенствоваться: «Не следует ждать, чтобы большая машина, состоящая из множества колес, с самого начала набрала всю ту скорость и ту легкость движения, каковые она сможет набрать при помощи наблюдений, сделанных в течение нескольких лет теми, кто приводит ее в движение»¹⁵⁶. Число «колесиков и винтиков» государственной машины должно меняться сообразно обстоятельствам. Так, в военное время решения следует принимать быстро, а это возможно лишь при упрощении государственного механизма и сокращении числа его деталей. «Умножение числа колес делает ход машины более мощным и точным, но в ущерб скорости; при необходимости можно будет уменьшить число колес и сделать так, чтобы главные пружины срабатывали беспрепятственно и почти незамедлительно, и тогда скорость машины будет достаточной»¹⁵⁷. Кстати, подобное рассуждение о соотношении между сложностью устройства и скоростью работы государственной машины появится впоследствии, правда, со ссылкой не на аббата де Сен-Пьера, а на Станислава Лещинского в приведенном выше отрывке из записок Людовика XVI.

Метафору государства-машины брали на вооружение авторы проектов социально-политических реформ, особенно многочисленных во второй половине XVIII в. Примером может служить «Записка о налогах» (1765), автором которой является генеральный

¹⁵³ Ibid. P. 34.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Discours sur la polysynodie, où l'on demontre que la Polysynodie, ou pluralité des Conseils, est la forme de Ministère la plus avantageuse pour un Roi, & pour son Royaume. Par M-r l'Abbé de St. Pierre, ci-devant de l'Academie Française. A Amsterdam, chez Du Villard & Changuion, 1719. P. 71.

¹⁵⁶ Ibid. P. 147.

¹⁵⁷ Ibid. P. 139-140.

наместник королевских армий Шарль-Клод Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон. Предлагая реформу налогообложения, он говорил, что не считает себя вправе вмешиваться в общие вопросы государственного управления, и заключал: «Предоставим людям, сведущим в работе всех пружин, управлять ходом машины и удовольствуемся сами добросовестным исполнением возложенной на нас задачи»¹⁵⁸. В той же самой «Записке» автор прибегал и к метафоре семьи: если государство для него – это машина, то общество – семья. Утверждая, что все подданные короля должны платить налоги, независимо от того, к какому сословию они принадлежат, маркиз де Молеврье-Ланжерон аргументировал свою мысль следующим образом: «Так как все сословия – одна семья, естественное право диктует, чтобы каждый индивид нес свою часть податей. Желание освободиться от нее равносильно отказу принадлежать к этой семье»¹⁵⁹.

Мы уже не раз сталкивались с тем, что появление в тексте одной метафоры не исключало использования других. Одним из последних документов дореволюционной французской монархии, прибегнувших к языку социальных метафор, стал «Эскиз древнего французского правления, написанный для обучения г-на дофина, сына Людовика XVI». Его автор маркиз де Лувиль обыграл сразу три метафоры: семьи, тела и машины. Общество, по его словам, «представляется нам как деяние (*comme un fait*), а не как система». С этой точки зрения, оно подобно семье и телу. Семья, - пишет де Лувиль, - «уже есть естественный, необходимый и правильный социальный порядок»¹⁶⁰. Как у живого существа, у общества-тела должна быть душа: «Общество, как моральное тело, нуждается в животворном, стимулирующем, хранящем и направляющем принципе. Этим совершенно нематериальным принципом является оживляющий его дух». «Дух народа» (*l'esprit d'un peuple*) образуют свойственные ему идеи, мнения, обычаи и воспоминания¹⁶¹. «Подлинная и неодолимая сила заключена в духе, который движет обществом. У древних это был патриотизм, в Испании – религия, в Англии – дух алчности. Дух Франции самый благородный и просвещенный: это принцип чести, своего рода национальная религия; это патриотизм монархий, более чистый, чем в древности [...]»¹⁶².

Таким образом, когда де Лувиль говорит об обществе и о народе, он использует метафоры тела и семьи. Когда он начинает рассуждать о работе государственных учреждений, он прибегает к метафоре машины, хотя и с оговорками: «Пружины учреждения суть правильные способы, с помощью которых оно воздействует на людей и на вещи под основополагающей властью системы собственности и под направляющей властью оживляющего его духа; эта машина выглядит идеальной, если рассматривать ее, абстрагируясь от этого первейшего принципа существования, но эта машина обречена на неподвижность, если животворящий принцип не приведет ее в движение»¹⁶³. Согласно де Лувиллю, получается, что государство можно рассматривать как машину, но это машина особого рода, нуждающаяся в животворящем духе, то есть все-таки, скорее, не бездушная

¹⁵⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 319. Опись 1. Дело 460. С. 4. О содержании записки говорилось в статье «Размышления французского аристократа XVIII века о развитии финансов и торговли».

¹⁵⁹ Там же. С. 6.

¹⁶⁰ *Esquisse de l'ancien gouvernement français, tracée pour l'instruction de Monsieur le Dauphin, fils de Louis XVI // Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. 6 vol. Bruxelles-Leipzig, 1838. Т. 2. Р. 12 («Эскиз» де Лувилля был опубликован его племянником графом д'Алонвилем).*

¹⁶¹ Ibid. Р. 29-30.

¹⁶² Ibid. Р. 34.

¹⁶³ Ibid. Р. 40.

машина, а живой организм. «Поэтому, - заключает де Лувиль, - французская монархия, опирающаяся на три столпа – религию, честь и труд – и подвластная скипетру, переходящему по наследству по мужской линии, представляет собой сложное тело, не только взятая вместе, но и во всех своих политических, административных, судебных, полицейских и финансовых частях и подразделениях». Исходя из представления о монархии как о едином теле, де Лувиль критикует теорию разделения властей: «В политической администрации все происходит, как в природе. Бесповоротное разделение властей здесь было бы ошибкой, подобной выделению элементов природного вещества: так можно разрушать, но не создавать»¹⁶⁴. В государстве, как в природе, должны царить гармония и единство в многообразии, а не упорядоченная, рациональная правильность: «Единообразие противоречит всем законам природы, упорядоченность которой основана на единстве и согласии множества очевидных неправильностей. Таким образом, государственное управление живо гармонией [...]»¹⁶⁵. А гармонию французской монархии, по мысли де Лувилья, образуют все ныне существующие порядки и учреждения: верховная власть короля, права парламентов и система продажи должностей, религия, принцип чести, общественные нравы, армия, финансы, различные бюро, королевский двор. «Во Франции, - заключает де Лувиль, - все делается ради целого, а не ради индивидуальностей; [...] все здесь упорядочено и консервативно, потому что все это учреждение основано не на равенстве, на котором [...] нельзя основать прочное учреждение, а на истинной и благородной свободе, которая рождается и крепнет, опираясь на общественные классы, заинтересованные ее защищать»¹⁶⁶.

Итак, маркиз де Лувиль использует сразу три метафоры: общества-семьи, общества (государства)-тела и государства-машины. Все три у него выражают идею единства государства и общества, идею неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости составляющих их элементов. Но между этими метафорами есть существенное различие. Машина – это система, состоящая из отдельных деталей; ее можно разобрать на составные части, какие-то из них заменить и собрать по новым чертежам более рациональным образом. Поступить подобным образом с живым организмом (а также с семьей) значило бы либо навредить ему, либо вообще его уничтожить. Поэтому предпочтение отдается все-таки метафорам общества-семьи и общества (государства)-тела.

* * *

Как мы уже могли убедиться, каждая из трех рассмотренных метафор могла описывать модели как общественного устройства, так и деятельности государства. Следует иметь в виду, что люди XVIII в., в отличие от наших современников, не всегда проводили четкую разницу между понятиями «государство» и «общество». Десимон даже полагает, что идущее от Гегеля и укоренившееся теперь противопоставление «государства» «гражданскому обществу» в XVIII в. вообще не было известно¹⁶⁷. В целом, это мнение справедливо, хотя и требует уточнения. Одни авторы XVIII в., действительно, понимали государство (*l'état*) и общество (*la société*) как синонимы, в то время как другие

¹⁶⁴ Ibid. P. 40-41.

¹⁶⁵ Ibid. P. 78.

¹⁶⁶ Ibid. P. 93-94. Эта апология консервативных французских порядков сочинялась в 1788 г., в самый разгар предреволюционного политического кризиса и, конечно, носила полемический характер. Примечательно, как отчетливо здесь, еще до революции прозвучала антитеза свободы и равенства.

¹⁶⁷ Descimon R. *Etat // Dictionnaire européen des Lumières / sous la dir. de M. Delon. Paris: PUF, 1997. P. 433.*

всё же их различали. Хотя столь привычное для нас разграничение государства и гражданского общества в XVIII в. и не стало общепризнанным, но оно уже было известно.

Пример отождествления государства и гражданского общества можно найти в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. В статье «Государство» ее автор шевалье де Жокур представляет два понятия как синонимы: «*Государство* (полит. право), родовой термин, обозначающий общество людей, живущих вместе под властью какого-либо правительства, хорошего или плохого. Таким образом, можно определить *государство* как гражданское общество, в котором множество людей соединены вместе под властью одного суверена, чтобы благодаря его защите и заботам пользоваться безопасностью и благополучием, недостающим в естественном состоянии»¹⁶⁸. В статье «Гражданское общество» оба понятия сближаются по значению, хотя и не отождествляются полностью. По словам ее автора, Антуана-Гаспара Буше д'Аржи, гражданское общество «охватывает политическое тело, которое люди одной нации, одного государства, одного города или другого места образуют вместе, и политические связи, которые объединяют их друг с другом; это гражданские отношения в мире, связи людей между собой как подданных одного государя, как сограждан одного города и как подчиненных одним законам и пользующихся правами и привилегиями, общими для всех, кто составляет это *общество*»¹⁶⁹. Понятие «политическое тело» в том смысле, в каком его употреблял Буше д'Аржи, обозначало как гражданское общество, так и государство, потому что авторы «Энциклопедии» не проводили явного различия между тем и другим.

Но в других изданиях ясно видно различие в осмыслении и употреблении понятий «государство» и «общество». Так, одно из определений слова «государство» в четвертом издании «Словаря Французской академии» (1762) звучит так: «Государство – Правительство народа, живущего под властью Государя или в Республике». Определение иллюстрируется примерами: «Монархическое, Демократическое, или народное, Аристократическое Государство. Великое, могущественное, процветающее Государство. Реформировать Государство. Ниспровергнуть, потрясти, разрушить Государство. Благо, процветание Государства. Подорвать основы Государства. Государственный министр. Государственный секретарь. Государственный совет. Государственный советник. Максимы Государства. Фундаментальные законы Государства. Это великий государственный деятель. Государственный преступник. Государственный интерес. Государственное преступление»¹⁷⁰. В «Универсальном словаре» Фюретьера государство определяется как «Империя, Королевство, Провинции или пространство страны, находящиеся под одной властью. [...] *Государство*, говорится также о Политике или о способе, коим управляется нация. Политики изобрели несколько форм *Государств*, или Правительств; Монархическое, как во Франции, Демократическое, как в Риме и в Афинах; Олигархическое, как в Венеции; Аристократическое, как в Спарте [...]»¹⁷¹. В «Словаре Треву» в статье «Государство» читаем: «*Государство*. Империя, Королевство, Провинция или территория страны, находящаяся под властью одного правительства. [...] *Государством* называют также Правительство народа, живущего под властью одного Суверена или в Республике. Политики изобрели несколько форм *Государства*, или Правительств; Монархическое, как во Франции; Демократическое, как в Риме и в

¹⁶⁸ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 13. P. 151.

¹⁶⁹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 31. P. 230.

¹⁷⁰ Dictionnaire de l'Académie française. 4-ème éd. Paris, 1762. T. 1. P. 675.

¹⁷¹ Furetière A. Dictionnaire universel. T. 2. «Etat».

Афинах; Олигархическое, как в Венеции; Аристократическое, как в Спарте [...]»¹⁷². Подобным же образом «Критический словарь французского языка» Жана-Франсуа Фери определяет государство как «Правительство. Монархическое, Демократическое или Народное и т.д. *Государство*. Королевство или Республика»¹⁷³.

Что касается общества, то его указанное издание «Словаря Французской академии» определяет как «собрание людей, объединенных природой или законами, естественное общение (*commerce*) одних людей с другими». И в качестве примера употребления слова «общество» в словаре приводится выражение «гражданское общество» (*la société civile*)¹⁷⁴. Согласно «Универсальному словарю» Фюретьера, общество – это «собрание нескольких человек в одном месте для взаимопомощи при необходимости»¹⁷⁵. «Словарь Треву» к определению, заимствованному у Фюретьера, добавляет: «Естественное состояние людей есть состояние союза и *общества*; *общество* есть не что иное, как союз нескольких людей ради их пользы. [...] Человеческое *общество* можно рассматривать или как охватывающее весь человеческий род, подобно одной большой семье; или как ограниченное рамками наций или народов, состоящих из нескольких частных семей, каждая из которых имеет свои права. *Общество*, рассматриваемое в этом последнем смысле, называется гражданским *обществом*. Его можно определить как собрание людей, соединенных вместе под властью одного правительства и одних и тех же законов»¹⁷⁶.

Во всех рассмотренных случаях разница в толкованиях понятий «государство» и «гражданское общество» очевидна: в первом случае речь идет о политическом устройстве и типе правления, а во втором – об объединении, общности людей. И в «Словаре Французской академии», и у Фюретьера, и в «Словаре Треву» эти понятия разграничены достаточно четко, хотя и увязаны друг с другом. В частности, в «Словаре Треву» за определением гражданского общества следует отсылка к статьям «Государство» и «Политическое тело» (*Corps Politique*)¹⁷⁷. Различие между государством и обществом очевидно в рассуждениях маркиза де Лувилля и маркиза де Молеврье-Ланжерона, когда, говоря о государстве, они отдают предпочтение метафоре машины, а говоря об обществе – метафорам тела и семьи.

* * *

Социальные метафоры встречались не только в текстах, но и в качестве визуальных образов. В таких случаях особенно широко использовалась метафора тела. Она могла быть двоякого рода. Во-первых, на монетах, медалях, парадных портретах, в статуях и декоративном убранстве официальных празднеств телесным воплощением государства предстало изображение царствующего короля¹⁷⁸. Во-вторых, на многочисленных гравюрах и эстампах, призванных увековечить память о значительных событиях в жизни французского государства, Франция символически изображалась в виде женской фигуры, обычно с короной на голове, в платье или в мантии, украшенных геральдическими лилиями. Так, на гравюре, посвященной бракосочетанию дофина Людовика и Марии-Жозефы Саксонской в 1747 г., союз новобрачных благословляют аллегорические фигуры

¹⁷² Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. T. 3. P. 888.

¹⁷³ Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française. Marseille: Mossy, 1787-1788. P. B163b.

¹⁷⁴ Dictionnaire de l'Académie française, 4-ème éd. (1762). P. 733.

¹⁷⁵ Furetière A. Dictionnaire universel. T. 4. «Société».

¹⁷⁶ Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. T. 7. P. 743.

¹⁷⁷ Правда, политическим телом в «Словаре Треву» именуется не государство или общество, а составляющие их сословия и корпорации.

¹⁷⁸ См.: Marin L. Le portrait du roi. Paris: Les Editions de Minuit, 1981. P. 145-205.

Франции и Саксонии¹⁷⁹. Позднее Франция предстанет облаченной в траур по случаю кончины этого принца и будет держать его портрет. После смерти Людовика XV Франция в трауре на ступенях трона встречала и приветствовала его преемника¹⁸⁰. На другой гравюре, изготовленной по случаю восшествия на престол Людовика XVI, женская фигура Франции указывает богине Славы на портреты короля и королевы¹⁸¹. На гравюре, посвященной коронации Людовика XVI, Франция в виде женщины со скипетром в руке поднимается по ступеням алтаря, где преклонил колени король¹⁸². На гравюрах 1781 г., когда в королевской семье появился долгожданный наследник, Франция держит на руках новорожденного дофина¹⁸³. На эстампе, аллегорически запечатлевшем отмену реформы Мопу и восстановление парламентов в 1774 г., Франция представляла королю коленапреклоненного магистрата¹⁸⁴. Антропоморфная фигура Франции помещалась на фронтисписе разных изданий «Отчета королю», опубликованного в 1781 г. генеральным директором финансов Жаком Неккером. Здесь можно было видеть, например, как Франция, предводительствующая королевским флотом, одной рукой опирается на «Отчет королю», а в другой держит рог изобилия. Или же как она в виде воительницы в числе прочих аллегорических фигур (Истории, Верности, Человечности, Правосудия) приходит воздать почести к Храму Памяти, где воздвигнута пирамида во славу Неккера¹⁸⁵. На гравюре «Надежда Франции», посвященной предстоящему открытию Генеральных штатов в 1789 г., Франция поднимала на алтарь медальон с изображениями Людовика XVI и Генриха IV¹⁸⁶.

Визуальные образы могли выражать концепты как мистического, так и политического тела. Олицетворением французского государства предстал либо сам король, либо изображаемая отдельно от него, хотя и рядом с ним аллегорическая женская фигура. Это распространенное «телесное» изображение Франции в виде сопровождающей короля женской фигуры можно также интерпретировать как визуализацию метафоры политического брака между королем и государством.

* * *

Функции рассмотренных метафор были многообразны. Среди них прежде всего стоит выделить *эвристическую*. Как говорил Поль Рикёр, «метафора есть стратегия дискурса, при помощи которой язык освобождается от функции прямого описания, чтобы подняться на мифический уровень, на котором освобождается его функция открытия»¹⁸⁷. Метафора машины помогала аббату де Сен-Пьеру объяснить, как работают государственные учреждения. Метафора тела служила для шевалье де Жокура и Ж.-Ж. Руссо наглядным выражением концепции государства как носителя коллективной воли граждан. Сопоставляя три метафоры – семьи, тела и машины, - маркиз де Лувиль стремился дать всеобъемлющую характеристику французской монархии с присущими ей абсолютной властью короля, незыблемостью фундаментальных законов и иерархией сословий. Примечательно, что в двух книгах, авторы которых пытаются осмыслить

¹⁷⁹ Bibliothèque Nationale de France. Département des estampes. Collection de Vinck (далее – Vinck). Т. 1. Fol. 7.

¹⁸⁰ Ibid. Fol. 10; Vinck. Т. 2. Fol. 26.

¹⁸¹ Vinck. Т. 1. Fol. 67.

¹⁸² Ibid. Fol. 70.

¹⁸³ Vinck. Т. 5. Fol. 16-19.

¹⁸⁴ Vinck. Т. 8. Fol. 32.

¹⁸⁵ Ibid. Fol. 51-52.

¹⁸⁶ Ibid. Fol. 67.

¹⁸⁷ Ricoeur P. La Métaphore vive. Paris: Le Seuil, 1975. P. 311.

историю падения монархии во Франции в политико-дискурсивном и политико-имагологическом измерениях, в центре интерпретационной модели оказывается метафора. В одном случае это метафора тела: на ее примере Антуан Де Бек показывает, как репрезентирующая государство и общество фигура короля заменяется фигурой нового суверена – гражданина¹⁸⁸. В другом – метафора семьи, дающая возможность Линн Хант рассматривать революционный кризис государства в корреляции с кризисом семьи¹⁸⁹.

Метафора государства-машины у аббата де Сен-Пьера служила также *поиску выхода из кризисных ситуаций* и обоснованию стратегии политических реформ. Обращение к метафоре машины и курс на реформы выглядят взаимосвязанными: реформы для государства столь же необходимы, как периодический техосмотр и ремонт для машины.

Метафоры служили и целям *пропаганды*. Обращение к метафоре семьи в публичных речах и официальных документах популяризовало образ короля-отца нации. Антропоморфный образ Франции на гравюрах и эстампах работал на ту же идею союза между королем и страной, нацией.

Наконец, в тех случаях, когда метафора переходила в разряд *стертых*, она вообще переставала восприниматься как метафора и потому о каких-либо ее функциях говорить не приходится. Сказанное относится, в первую очередь, к выражению «политическое тело» (*le corps politique*), в котором метафора государства-тела к XVIII в. уже в значительной мере стерлась.

Смыслы, передаваемые с помощью различных метафор, особенно если речь шла о метафорах тела и машины, казалось бы, противоречили друг другу. Каждая из них соответствовала определенной концепции государства/общества. В одном случае государство и общество представлялись как живой организм, в другом – как бездушный механизм. Но в действительности, как мы видели, все три метафоры могли соседствовать у одного и того же автора и даже в одном и том же тексте. Такое сближение объяснимо. Отчасти ему способствовала отмеченная выше стертость метафоры тела. Выражение «политическое тело» в XVIII в. звучало примерно так же, как сейчас «государственная машина». За этой стертой метафорой могло стоять соответствующее ей органицистское представление о государственном устройстве, а могло и не стоять. Но еще важнее другое обстоятельство: в представлениях людей той эпохи *a priori* не было жесткого противопоставления неживой машины живому организму. В частности, на протяжении всего XVIII в. многие врачи являлись сторонниками направления в медицине, называемого иатромеханизмом. Опираясь на идеи Р. Декарта, они считали, что и животное и человек – это машина и что любой организм работает по законам механики. Пример такого уподобления человеческого тела машине мы могли видеть в сочинениях аббата де Сен-Пьера.

Метафоры тела и машины сближало то, что они выражали естественнонаучный подход к изучению государства/общества. Именно в таком смысле обе метафоры поставлены в один ряд у Анн-Робера-Жака Тюрго: «Обнаружить влияние общих и необходимых причин, частных причин и свободных поступков великих людей и соотнести всё это с устройством самого человека; показать пружины и механику моральных причин через их следствия: вот что такое история в глазах философа. Она

¹⁸⁸ De Baecque A. *Le corps de l'histoire. Métaphores et politique (1770-1800)*. Paris: Calmann-Lévy, 1993.

¹⁸⁹ Hunt L. *The Family Romance of the French Revolution*. Berkeley-Los Angeles: Univ. of California Press, 1993.

опирается на географию и хронологию, которые измеряют дистанции во времени и в пространстве»¹⁹⁰.

Но при этом каждая из рассмотренных метафор содержала в себе определенный комплекс представлений о государстве, политике и королевской власти. Метафора машины вместе с механицистской концепцией государства удачно подходили для обоснования политики реформ и «просвещенного деспотизма». Монарх-реформатор, «просвещенный деспот», руководствуясь собственным разумом и по собственной воле мог усовершенствовать или заменить любые детали подвластной ему машины. Не случайно автор работ о государстве-машине аббат де Сен-Пьер, в отличие от большинства его современников, употреблял термины «деспотизм» и «деспотическое государство» во вполне позитивном смысле. В частности, он критиковал Людовика XIV за то, что тот не довел до конца рационализацию французского государства. Если бы он это сделал, то правление во Франции стало бы, по словам Сен-Пьера, более деспотическим, но, вместе с тем, и более спокойным, что для подданных, несомненно, было бы лучше¹⁹¹.

Если монарх-демиург способен сотворить государство-машину, то государство-тело может создать только Творец. Государство-семья король-отец в состоянии построить, но лишь с помощью и при участии своих подданных. И этим двум метафорам – телу и семье – отдавалось явное предпочтение в официальном политическом дискурсе и иконографии. Особой популярностью пользовалась телесная метафора. Она часто встречалась не только в вербальной, но и в визуальной форме. Как отмечал А. Де Бек, в конце XVIII в. телесная метафора распространилась, как никакая другая, потому что именно в ней удачно соединились яркая, впечатляющая образность (Монархия в образе короля или Республика в образе Марианны) и научный дискурс (уподобление государства и общества живому организму открывало возможность для его естественнонаучного познания)¹⁹². Из вербальных метафор от нее не отставала семейная, хотя для нее и не нашлось адекватного визуального образа (если, конечно, не считать таковым изображение короля в сопровождении олицетворяющей Францию женской фигуры). Метафоры государства-тела и государства-семьи выражали представления о такой монархии, где король и подданные неразрывно связаны взаимными обязательствами и подчинены законам, установленным свыше.

«Король-механик» волен по своему усмотрению заменять одни колесики и винтики вверенной ему машины на другие, так что метафора машины несет в себе идею «перед королем все равны». В отличие от нее, метафоры тела и семьи как нельзя лучше символизировали иерархическое, патерналистское общество Старого порядка.

Наконец, в метафорах тела и семьи была заложена еще одна, очень важная для французской монархии идея, что королевская власть – это феномен естественного порядка, и потому любые посягательства на нее крайне опасны для социального организма в целом. В метафоре государства-машины такой идеи нет: одного машиниста можно при необходимости заменить другим. Антропоморфное видение общества было по сути своей унитарным. Как тело не может жить без головы и других жизненно важных органов, так и разрыв социальных связей неизбежно приведет к гибели всего организма.

¹⁹⁰ Turgot A.-R.-J. Plan d'un premier discours sur l'histoire universelle // Turgot A.-R.-J. Formation et distribution des richesses / textes choisis et prés. par J.-Th. Ravix et P.-M. Romani. Paris: Flammarion, 1997. P. 97.

¹⁹¹ Об идее деспотизма у аббата Сен-Пьера см.: Keohane N.O. Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1980. P. 369-376.

¹⁹² См.: De Baecque A. Le corps de l'histoire. P. 12-19.

Голову заменить нельзя, точно так же в семье невозможно заменить детям родного отца. Связь тела с головой и связь семьи с отцом природны и неразрывны. Активное использование этих двух метафор отвечало официальному образу французской монархии – естественной, традиционной и ничего общего не имеющей с деспотизмом.

Впрочем, как мы видели, даже политическое тело могло существовать отдельно от короля, хотя и в союзе с ним. Аллегорическая женская фигура, персонифицировавшая французское королевство, таким образом, предвосхищала другой женский образ – пришедшую ей на смену республику-Марианну.

Представления о «феодальном» в дореволюционной Франции XVIII века¹⁹³

Рассуждая о капитализме, Фернан Бродель в своем фундаментальном труде вспомнил слова Франсуа Перру, что капитализм – это не научный термин, а «боевой клич [...], употребляемый где надо и где не надо»¹⁹⁴. Правда, сам он с этим мнением хотя отчасти и согласился, но от употребления пресловутого термина отказаться так и не смог. Замечание Перру не в меньшей, если не в большей мере можно отнести и к слову «феодализм». Этот термин и обозначаемое им понятие родились в битвах Французской революции XVIII в. и изначально содержали в себе такую же негативную эмоциональную нагрузку, как понятия «Старый порядок» или «бывшие». «Феодализм» символизировал то проклятое прошлое, с которым надо было как можно скорее покончить, чтобы перестроить жизнь на началах свободы и разума. Такое представление о «феодальном», при всей своей революционной новизне, не возникло на пустом месте. Пусть слова «феодализм» до революции и не существовало¹⁹⁵, но термины «фьеф», или «феод» (*le fief*), «феодальный» (*féodal* – только как прилагательное, существительного «феодал» в языке того времени не было), «феодальность» (*la féodalité*) и даже «феодальная система» (*le système féodal*) употреблялись. Посмотрим, каким смыслом наделяли эти слова французские авторы XVIII в.

Выяснить это тем более важно, что, по признанию историков, XVIII век стал решающим моментом в зарождении представлений о «феодальном» прошлом. Как пишет Ален Герро, если раньше, начиная с XVI в., имели место лишь «очень частные и ограниченные суждения» на эту тему, то к середине XVIII в. появляются «глобальный подход к европейскому обществу» и «размышления над феодальной системой»¹⁹⁶.

Все авторы того времени единодушно признавали, что это чрезвычайно сложный и запутанный сюжет. Так, например, аббат Реми в статье для изданной Шарлем-Жозефом Панкуком «Методической энциклопедии» сетовал: «Из всех отделов юриспруденции этот самый обширный и темный. Рожденные среди анархии, феодальные права уже претерпели и возможно еще претерпят бесконечное множество перемен (*une infinité de révolutions*). Чтобы понять эту материю, надо углубиться в самые сумрачные века нашей монархии, проконсультироваться у историков, изучить наших публицистов, собрать тысячу фактов, рассыпанных по нашим капитуляриям, кутюмам и хартиям, пребывающим ныне в большем забвении, чем когда-либо; надо проследить шаг за шагом неверный ход истории нашего правления от его колыбели до пятнадцатого века [...]. Множество писателей пытались пролить свет на этот хаос, но, к сожалению, ни один из них не разделяет

¹⁹³ Впервые опубликовано: Одиссей: Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2006.

¹⁹⁴ Perroux F. Le Capitalisme. Paris, 1962. P. 5; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 2. М.: Прогресс, 1988. С. 221.

¹⁹⁵ Эрик Хобсбаум зафиксировал появление термина «феодализм» в 1794 г. См.: Hobsbawm E.J. Capitalisme et agriculture: les réformateurs écossais au XVIIIe siècle // Annales: Economies. Sociétés. Civilisations. 1978. № 3. P. 580-601.

¹⁹⁶ Guerreau A. Fief, féodalité, féodalisme. Enjeux sociaux et réflexion historique // Annales: Economies. Sociétés. Civilisations. 1990. № 1. P. 139.

взглядов другого»¹⁹⁷. Несколько оптимистичнее был настроен Шарль-Луи де Монтескьё, заявлявший: «Хотя при изучении феодальных законов я и чувствую себя как бы в темном лабиринте с бесчисленными дорогами и поворотами, мне все же кажется, что я держу в руках конец нити и могу двигаться вперед»¹⁹⁸.

Можно выделить несколько типов дискурсов, в которых использовался термин «фьеф» и производные от него. Первый из этих дискурсов – юридический. Помимо собственно юридических трактатов, он нашел отражение в текстах словарей и энциклопедий конца XVII-XVIII вв. (статьи в словарях и энциклопедиях были написаны на основе сочинений юристов, комментировавших кутюмы)¹⁹⁹. Как показала Режина Робен, осуществившая лексический анализ употребления термина «фьеф» в юридической литературе XVIII века, значение данного термина складывается из двух обязательных элементов. Первый из них – земельная собственность, второй – юридическое отношение зависимости²⁰⁰. В литературе такого рода фьеф трактовался как наследственное земельное владение, которое вассал получал от сеньора на определенных условиях, принеся ему оммаж. Подчеркивалось, что фьеф – это владение преимущественно дворянское. Владение фьефом, с одной стороны, накладывает обязанности, а с другой, – дает почетные и полезные права по отношению к крестьянам. Приведем лишь несколько примеров того, как определяли термин «фьеф» различные словари того времени.

«Словарь Французской Академии» (1694; 1762): «Фьеф. Дворянский домен»²⁰¹.

«Большой исторический словарь» Луи Морери (1692): «Фьеф, наследственное владение, которое получают от Сеньора посредством оммажа (*heritage qu'on tient à foy & hommage d'un Seigneur*), при условии принесения ему клятвы верности и оказания ему некоторых услуг в мирное и военное время»²⁰².

«Универсальный словарь» Антуана Фюретьера (1727) и «Словарь Треву» (1771): «Фьеф. Земля, Сеньория или права, которые держат от высшего Сеньора на условиях принесения оммажа или каких-либо обязательств»²⁰³.

¹⁹⁷ Encyclopédie méthodique. Jurisprudence. Dédiée et présentée à Monseigneur Hue de Miromesnil, Garde des Sceaux de France. Т. 4. А Paris, chez Panckoucke; à Liège, chez Plomteux. 1784. P. 506-507.

¹⁹⁸ Монтескьё Ш. Избранные произведения. Москва: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1955. С. 657.

¹⁹⁹ В XVIII в. появился целый ряд юридических трактатов, посвященных феодальным правам. См., напр.: Salvaing. De l'usage des fiefs. Paris, 1731; Hévin. Questions féodales. Paris, 1736; Billecoq. Traité des fiefs. Paris, 1749; Pocquet de Livonnière C. Traité des fiefs. Paris, 1756; Jacquet. Traité des fiefs. Paris, 1764; Renaudon J. Dictionnaire des fiefs et des droits seigneuriaux utiles et honorifiques. Paris, 1765; Pensey H. de. Traité des fiefs. Paris, 1773; Boutaric F. Traité des droits féodaux et des matières seigneuriales. Paris, 1775; Pothier. Traité des fiefs. Paris, 1776; Preudhomme. Traité des droits appartenants aux seigneurs sur leurs biens possédés en roture. Paris, 1781; La Poix de Fréminville E. de. La pratique universelle pour la rénovation des terriers et des droits seigneuriaux. Paris, 1746-1787; Guyot P.-J.-J. et Merlin Ph.-A. Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile et criminelle canonique et bénéficiale. 17 vols. Paris, 1784-1788; Hervé. Théorie des matières féodales et censuelles. 5 vols. Paris, 1785-1788. Непререкаемым авторитетом в этих вопросах по-прежнему пользовался знаменитый юрист XVI в. Шарль Дюмулен: на его труды постоянно ссылались авторы как трактатов о феодальных правах, так и соответствующих статей в словарях.

²⁰⁰ Robin R. Fief et seigneurie dans le droit et l'idéologie juridique à la fin du XVIIIe siècle // Annales historiques de la Révolution française. 1971. № 206. P. 556-557.

²⁰¹ Dictionnaire de l'Académie française. 1ère éd. 1694. Т. 1. P. 453; 4ème éd. 1762. Т. 1. P. 740.

²⁰² Le Grand dictionnaire historique, ou Le Mélange curieux de l'histoire sacrée et profane [...]. Par M-re Louys Morery, Prêtre, Docteur en Théologie. 6ème éd. Т. 1. А Utrecht, à Leyden, à Amsterdam, 1692. P. 519.

²⁰³ Dictionnaire universel, Contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. Par M-re Antoine Furetiere, abbé de Chalivoi, de l'Academie Française. Т. 2. А La Haye, 1727; Dictionnaire universel françois et latin, vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Nouv. éd. Т. 4. А Paris, 1771. P. 137.

В «Энциклопедии» Дени Дидро и Жан-Батиста Д'Аламбера было целых две статьи «Фьеф». В одной из них, написанной Антуаном-Гаспаром Буше д'Аржи, фьеф рассматривался с юридической точки зрения: «Фьеф (Юриспруд.) по латыни *feudum*, или иногда в старину *feodum*, есть недвижимость или реальное право, которое держится и находится в зависимости от сеньора, на условиях принесения ему оммажа, когда происходит передача в другие руки и смена владельца, или со стороны сеньора, от которого зависит *фьеф*, или со стороны вассала, являющегося владельцем *фьефа*»²⁰⁴. Автор подчеркивал, что главным признаком фьефа служит оммаж: именно принесение оммажа отличает фьеф от всех других видов владений.

Пожалование фьефа накладывало на вассала четыре типа обязательств по отношению к сеньору: 1) принести оммаж; 2) уплачивать сеньору «полезные права» (*les droits utiles*) при смене владельца или в других случаях, согласно местным обычаям; 3) подавать ему отчет (*l'aveu & dénombrement*) о состоянии своего фьефа; 4) по вызову сеньора являться на его суд. Владение фьефом давало два вида прав: почетные (к их числу относились сеньориальная юстиция, патронаж, личные почести, почести при посещении церкви, владение голубятней, право охоты и рыбной ловли, содержание кроличьего садка, владение прудом, преимущественное право выкупа зависимых земельных держаний (*retrait féodal*) и полезные (подати при переходе зависимых владений в другие руки, цenz, шампар, терраж, десятины, корве и баналитеты)²⁰⁵.

Буше д'Аржи отмечал, что распространение владения землей на правах фьефа привело к установлению в империи Карла Великого «феодального правления». При «феодальном правлении» сеньор имел над своими вассалами политическую власть, прежде всего, судебную: вассал должен был обращаться в суд своего сеньора²⁰⁶.

Заметно, что на протяжении XVIII в. тексты словарных статей претерпели эволюцию. С течением времени определения становились развернутыми и всё более подробными. Анализируя эти тексты, Р. Робен обнаружила свойственное юристам XVIII века стремление «романизировать фьеф», т. е. употреблять применительно к нему заимствованное из римского права понятие собственности и уподоблять отношения между сеньором и крестьянином-цenzитарием отношениям между земельным собственником и арендатором²⁰⁷. Смысл проведенного юристами разделения феодальных прав на «почетные» и «полезные» исследовательница видит в том, что таким образом «феодальное» «распадается на две противоположные системы; на фиктивную (так называемые личные права, не основанные на контракте) и истинную феодальность (так называемые полезные, т. е. основанные на контракте права). Происходит разлом, отделяющий феодальность как сеньориальный гнет или узурпацию публичной власти от феодальности-собственности»²⁰⁸. Впоследствии, в первые годы революции именно это разграничение послужило основанием для деления крестьянских повинностей на «личные» (отменявшиеся безвозмездно как пережитки феодальных порядков) и «реальные» (подлежавшие выкупу, так как за сеньорами признавалось право собственности на них).

²⁰⁴ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Nouv. éd. T. 14. A Genève, chez Pellet, 1778. P. 329.

²⁰⁵ Ibid. P. 334-335.

²⁰⁶ Ibid. P. 332.

²⁰⁷ Robin R. Op. cit. P. 570-574.

²⁰⁸ Ibid. P. 592.

Термин «*féodal*» в словарях XVIII в. встречается, как уже было сказано, только в качестве прилагательного, производного от существительного «фьеф». Термин «*la féodalité*» имеет очень узкое значение и определяется как «зависимость от фьефа», «качество фьефа», «держание наследства на правах фьефа»²⁰⁹. Собирательное значение, применимое для характеристики государственного и общественного устройства в целом, в словарях не зафиксировано, хотя, как мы увидим дальше, термин «*la féodalité*» в таком широком значении в литературе XVIII в. уже употреблялся.

Второй тип дискурса, в котором широко использовались термины «фьеф» и «феодальный» – историко-политический. О «феодальном средневековье» в XVIII в. писали политические мыслители и историки разных направлений. Самыми признанными и авторитетными историками феодальных порядков считались Шарль-Луи де Монтескье (две последние книги его трактата «О духе законов» целиком посвящены феодальному праву и феодальным законам) и аббат Габриэль Бонно де Мабли. На их мнение зачастую можно встретить ссылки как в энциклопедиях, так и в исторических трудах²¹⁰. Авторы исторических сочинений и политических трактатов отмечали, что в Средние века фьеф давал своему владельцу не только право на получение податей, но и политическую, прежде всего судебную, власть. Пожалование фьефов лежало в основе вассально-ленных отношений и соответствующего этим отношениям типа отправления политической власти. Говоря о «феодальной системе» и «феодальном правлении», историки XVIII в. имели в виду систему вассально-ленных отношений и основанный на них тип правления.

Так, в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера рассмотренной выше юридической статье «Фьеф» предшествовала статья «Фьеф» с пометкой в скобках «Политическое право. Литературная история», написанная шевалье Луи де Жокуром. В ней речь шла о том, как установившаяся в Средние века наследственность фьефов и связанных с ними прерогатив уничтожили государственную и создали вместо нее феодальную власть. В статье рассказывалось об особом типе феодального правления²¹¹, установленного в Европе германцами, - правления, которое требовало, «чтобы собственность на завоеванную область принадлежала всему составу союзников и чтобы каждый имел свою долю в том, что он помог завоевать». В результате страна была разделена на области, которые назывались «провинциями» и «графствами», а «феодальная верность вытеснила государственное или гражданское право»²¹².

Между историками шли споры, когда и у каких именно народов впервые возникли феодалы, как соотносились между собой феодалы и бенефиции (было ли это одно и то же, или две стадии одного процесса, или два совершенно разных института). Так, в ответе на

²⁰⁹ См., напр.: Dictionnaire universel. Т. 2; Dictionnaire universel françois et latin. Т. 4. Р. 91; Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. Т. 13. Р. 986; Encyclopédie méthodique. Т. 4. Р. 488-489.

²¹⁰ См., напр.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / пер. Н.В. Ревуненковой. Под ред. А.Д. Люблинской. Л.: Наука, 1978. С. 134; Encyclopédie méthodique. Jurisprudence. Т. 4. Р. 507-513; Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public, puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Discours sur l'histoire de France. Dédiés au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. A Paris, de l'Imprimerie royale, 1777. Т. 5. Р. 265-287.

²¹¹ Интересно, какую трансформацию претерпело в русском переводе свойственное автору данной статьи, Л. де Жокуру чисто политическое истолкование «феодального». Постоянно встречающееся в статье словосочетание «le gouvernement feudal» (феодальное правление) было переведено как «феодальный строй», в результате чего интерпретация де Жокуром «феодального» приобрела несвойственный ей социальный оттенок (см.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 124-134).

²¹² История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. С. 127, 131; Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné. Т. 14. Р. 321-329.

вопрос о соотношении между бенефицием и феодем расхолись два наиболее авторитетных специалиста по «феодалным проблемам» - Монтескье и Мабли. Монтескье был скорее склонен усматривать черты сходства между бенефицием и феодем, тогда как Мабли подчеркивал принципиальные различия между ними.

Расхолись два автора и в вопросе о времени появления отдельных «феодалных» институтов, в частности, дворянства. Монтескье относил появление вассальных отношений ко времени завоевания франками Галлии и говорил о существовании дворянства у франков уже при Хлодвиге, в V в. При этом Монтескье четко разделял феодалные и вассальные отношения. Вассальные отношения, по его мнению, предшествовали феодалным. Так, он говорил, что сначала «у германцев были вассалы, но не было феодалов. [...] их феодалами были боевые кони, оружие и пиры»²¹³. Впоследствии появились фьефы (Монтескье относит их возникновение ко времени Каролингов) – сначала пожизненные, потом они стали наследственными, а сеньоры получили в своих фьефах право суда и фискальную власть.

В отличие от Монтескье, Мабли утверждал, что при Хлодвиге у франков существовало не наследственное дворянство, а только личные отличия. Если сам Хлодвиг и его предшественники, чтобы отличить знатных людей (Мабли обозначал их двумя терминами: «гранды» и «лейды»), дарили им боевых коней и оружие, то впоследствии короли стали жаловать земли своего домена в виде бенефициев. По поводу последних Мабли считал необходимым заметить, что «некоторые современные писатели ошибочно смешивают их с владениями, которые впоследствии стали называть фьефами»²¹⁴. При преемниках Хлодвига держатели бенефициев присваивали себе все новые права, включая судебную власть и сбор налогов с населения, а прерогативы королей из династии Меровингов день ото дня сокращались. Со временем бенефиции и привилегированный статус их владельцев стали наследственными, что уже дает основания, по мнению Мабли, говорить о возникновении дворянства. Появление наследственного дворянства и фьефов он относил ко времени правления Хлотаря II (613-629). Зарождение дворянства, с его точки зрения, усугубило падение авторитета королевской власти и закрепило порабощение народа²¹⁵.

Установление феодалного правления (*le gouvernement féodal*) Мабли относил к IX в., когда Карл Лысый сделал бенефиции, а затем и графства наследственными и «между раздробленными частями государства не осталось больше никаких связей, кроме вассальной клятвы (*la foi et l'hommage*)»²¹⁶. Сохранение такого порядка в течение долгого времени Мабли объяснял четырьмя причинами: полным порабощением (*l'asservissement*) народа сеньорами; принадлежавшей сеньорам высшей судебной и отчасти законодательной властью над подданными; правом сеньоров вести друг с другом войны; и, наконец, примерным равенством сил среди самых крупных сеньоров, «мешавшим одному из них стать государем и диктовать законы всей нации»²¹⁷.

²¹³ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 658.

²¹⁴ Mably G.B., abbé de. Collection complete des oeuvres de l'abbé de Mably. T. 1. Contenant les Observations sur l'histoire de France. A Paris, de l'imprimerie de Ch. Desbriere, l'an III de la République (1794-1795; первое изд. – 1765). P. 162.

²¹⁵ Ibid. P. 182-187.

²¹⁶ Ibid. P. 286.

²¹⁷ Mably G.B., abbé de. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 2. Observations sur l'histoire de France. Livres 3-5. A Paris, chez Bossange, Masson et Besson, 1797. P. 21-22.

Монтескьё, Мабли и авторы «Энциклопедии» – представители просветительской мысли. А как освещалась «феодалная проблематика» в официальной королевской историографии? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к трудам убежденного противника просветителей, историографа Франции Жакоба-Николя Моро²¹⁸. В двадцатитомной истории Франции, явившейся плодом десятилетнего труда, Моро дал критический анализ взглядов Монтескьё и Мабли на историю феодальных институтов и изложил свою собственную точку зрения. Монтескьё он упрекал в том, что «он парил слишком высоко над всеми Царствами Мира и видел их издалека»²¹⁹. Мабли ему был ближе своим скрупулезным методом работы с опорой на исторические факты и документы. Но при этом Моро обвинял его в предвзятости, в частности, за то, что Мабли находил в империи Карла Великого черты республики с национальными ассамблеями.

По словам Моро, в результате многочисленных ошибок, совершенных сыновьями Людовика Благочестивого, и особенно Карлом Лысым (843-877), стали твориться невиданные ранее беспорядки и началась «феодалная анархия». Под «феодалной анархией» Моро подразумевал то, что государь не мог заставить знать подчиняться королевской власти и уважать ее права. В течение столетия (примерно с середины IX до второй половины X в.) шло зарождение феодальных порядков (*la féodalité*). Примечательно, что Моро употреблял этот термин уже в новом, широком значении, а не в узком, зафиксированном в словарях. Говоря о «*la féodalité*», Моро имел в виду целый комплекс взаимосвязанных явлений: должности стали передаваться по наследству, графы присвоили себе сбор налогов, были установлены сеньориальные цензы, экстраординарные подати, рыночные и дорожные пошлины. Всевозможные нестроения продолжались вплоть до восшествия на престол Гуго Капета (987). При первых Капетингах постепенно на смену «феодалной анархии» пришли «монархическое правление» и «феодалная система». Создание «феодалной системы» явилось результатом вмешательства королевской власти. Стали записываться кутюмы. Были установлены «феодалные принципы и нормы» (*principes et normes de la féodalité*): во-первых, применительно к дворянству, были определены взаимные обязательства сеньоров и вассалов и обязанности дворян по отношению к королю; во-вторых, применительно к народу, были определены статус и обязанности сервов, вилланов и горожан. Рассуждения Моро о «*la féodalité*» в широком смысле этого слова и о «феодалной системе» позволяют заключить, что именно у этого автора, в большей степени чем у кого-либо из его современников, оформилась концепция «феодализма».

До какого же времени просуществовали феодальные порядки? Мнения историков на этот счет совпадали. Одним из решающих этапов в истории крушения «феодалного правления» Мабли считал царствование Филиппа II Августа (1180-1223), который благодаря победам над английским королем Иоанном Безземельным стал гораздо богаче и могущественнее своих вассалов и сумел усилить королевскую власть. Следующий решающий этап – расширение прав королевской юстиции при Людовике IX Святом (1226-1270). Окончательное же уничтожение феодалного правления на большей части территории страны произошло в конце XIII – начале XIV в., при Филиппе Красивом и его сыновьях, когда «истинная монархия пришла на смену варварской и анархической

²¹⁸ См. о нем: Gembicki D. Histoire et politique à la fin de l'Ancien Régime: Jacob-Nicolas Moreau (1717-1803). Paris: Nizet, 1979.

²¹⁹ Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public puisés dans l'histoire de notre monarchie, ou Discours sur l'histoire de France. 21 vols. Paris: Impr. royale, 1777-1789. T. 5. P. 265.

полиции фьефов в большинстве провинций, составлявших королевство»²²⁰. Но в отдельных провинциях феодальное правление еще сохранялось, так как герцоги Бургундский, Аквитанский и Бретонский и граф Фландрский признавали короля Франции своим сюзереном, но не сувереном. Присоединение Бургундии, Аквитании и Бретани к землям французской короны в XV в. и переход Фландрии под власть австрийского дома, в результате чего эта территория стала рассматриваться как иностранная, ознаменовали собой, с точки зрения Мабли, полное искоренение остатков феодального правления. Моро также относил конец феодального правления во Франции к XV веку²²¹. С ними был солидарен и Вольтер, по словам которого, «Людовик XI нанес во Франции смертельный удар феодальному господству»²²².

В отличие от большинства современников, внимание которых привлекал преимущественно феодальный период в истории Франции, Вольтер видел в нем явление общеевропейское. Феодальный порядок, с его точки зрения, явился следствием человеческой алчности и стремления крупных земельных собственников быть полновластными хозяевами в своих владениях. Повсюду в Европе, от Московии до гор Кастилии крупные землевладельцы, не желая подчиняться королевской власти, объединились против нее и установили собственную власть над своими подданными. Так управлялась вся Европа на протяжении более чем пятисот лет²²³.

Мабли также предпринял попытку подойти к рассмотрению «феодальных» сюжетов сравнительно-исторически и поставил вопрос, почему «феодальное правление сохранилось в Германии, в то время как во Франции оно было уничтожено»²²⁴. Он предложил целый ряд объяснений этому расхождению в истории двух народов. Феодальное правление в Германии установилось позже, чем во Франции, и потому сохранилось дольше. Германские «сеньоры» должны были постоянно воевать с подступавшими к ним с севера и с востока «варварскими народами», а это требовало поддержания порядка и субординации, поэтому взаимные права и обязанности сюзеренов и вассалов в Германии соблюдались лучше, чем во Франции. Наряду с феодальным правлением в Германии имелась публичная власть в лице «генеральных ассамблей нации» (так Мабли называл рейхстаги) и императора, от которого все фьефы находились в прямой зависимости. Силы германских «сеньоров» оставались примерно равны, и ни одному из них не удавалось чрезмерно возвыситься над другими. Императоры, несмотря на свой авторитет, не могли подчинить себе вассалов по примеру французских Капетингов, так как имперская корона была выборной. В то же время, по мнению Мабли, у Карла V был шанс покончить с феодальным правлением, стать в Германии полновластным государем и установить там «истинную монархию», но, поставив перед собой непосильную задачу

²²⁰ Mably G.B., abbé de. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 2. P. 87.

²²¹ Это видно из его высказывания по поводу правления Генриха IV: «В его царствование Правление уже не было феодальным: за сто лет до того постепенно исчезли все препятствия, мешавшие действиям королевской власти» (Moreau J.-N. Leçons de morale, de politique et de droit public, Puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Nouveau plan d'étude de l'histoire de France. Rédigé par les ordres & d'après les vues de feu Monseigneur le Dauphin, pour l'instruction des Princes ses Enfants. Versailles: Impr. du départ. des affaires étrangères, 1773. P. 123).

²²² Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire, depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII. T. 2. Genève, 1769 // Collection complète des oeuvres de Mr. de Voltaire. T. 9. P. 238.

²²³ Ibidem.

²²⁴ Mably G.B., abbé de. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 2. P. 103.

подчинить и Империю, и всю Европу, он не сумел ее осуществить. В результате его неудача закрепила в Германии феодальное правление²²⁵.

Можно сказать без преувеличения, что уже в XVIII в. феодальные порядки оказались перед судом историков. Особенно суровы к ним были сторонники сильной королевской власти. Сторонники ограниченной монархии относились к этим порядкам более благосклонно и отмечали в них как отрицательные, так и положительные черты.

Оценка феодальных порядков в трудах Монтескье не была однозначно отрицательной. Так, он рассуждал о феодальных законах, «которые причинили бесконечно много добра и зла; которые при передаче поместий сохраняли права их прежних владельцев, которые, предоставив многим лицам различные права на одни и те же вещи и на одних и тех же людей, уменьшили тяжесть прав в их совокупности; которые провели различные ограничения в чрезмерно обширных государствах; которые создали порядок, стремящийся к анархии, и анархию, обнаруживающую склонность к порядку и гармонии. [...] Феодальные законы представляют прекрасное зрелище»²²⁶.

Резкая критика «феодальной анархии» и «тирании» звучала у Вольтера. Он не пытался выяснить происхождение феодальных институтов, а давал им оценку. Вольтер писал о том, что при потомках Карла Великого на большей части Европы установилась «феодальная анархия». Такое правление «кажется несправедливым, потому что огромное большинство людей подавляется ничтожным меньшинством и простой гражданин сможет возвыситься лишь благодаря всеобщему потрясению (*par un bouleversement général*)». Феодальное правление, по мнению Вольтера, приводит к упадку городов, торговли и искусства: «Нет ни одного крупного города, нет торговли, нет изящных искусств при чисто феодальном правлении»²²⁷.

Мабли характеризовал феодальное правление как «анархический беспорядок», при котором «права всех зависели от произвола» и «каждый сеньор вершил свой суверенный суд»²²⁸. С его точки зрения, это правление «соединяло одновременно все пороки анархии и деспотизма»²²⁹. Говоря об анархии, он имел в виду отсутствие в обществе четкой иерархии и субординации, а говоря о деспотизме – безграничную власть сеньоров над народом. Мабли неоднократно противопоставлял «феодальное правление» «истинной монархии», то есть, с его точки зрения, это два принципиально разных типа правления: монархия не может быть феодальной.

С суровой критикой феодального правления выступила официальная историография в лице Моро. При этом Моро подчеркивал, что короли, от Филиппа-Августа до Людовика Святого, сделали немало, «чтобы облегчить ярмо феодальной тирании»²³⁰. «Наши Короли, установив, по крайней мере, свое верховенство над Грандами, вскоре прибегнут к единственному средству, которое у них тогда было, чтобы стать, наконец, подлинными Суверенами всей Нации: с того момента, когда они начнут видеть себя отцами Народа, они утвердят нерушимую основу Трона, дотоле вечно шаткого и столь часто попираемого; и из их полезного сообщества с бесчисленным

²²⁵ Ibid. P. 103-112.

²²⁶ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 656.

²²⁷ Voltaire. Op. cit. T. 2. P. 238-239.

²²⁸ Mably G.B., abbé de. Collection complete des oeuvres de l'abbé de Mably. T. 1. P. 282.

²²⁹ Idem. Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 2. P. 19.

²³⁰ Moreau J.-N. Principes de morale. T. 15. P. 137.

множеством народа, порабощенного сеньорией [...], родятся новые отношения, которые обеспечат Франции настоящее публичное Право»²³¹.

Мысль о том, как короли своей властью защищали народ и обуздывали «феодальную тиранию», развивал и аббат Реми в статье для «Методической энциклопедии». Говоря о происхождении фьефов, он отмечал, что многие из них представляли собой «земли частных лиц, присоединенные к доменам сеньоров либо силой, либо страхом, либо предрассудком, либо нуждой в покровительстве; [...] и что в общем *фьефы* при Гуго Капете и его предшественниках представляют собой порядок вещей столь абсурдный, сколь и одиозный; что, наконец, французский народ должен быть вечно благодарен царствующей династии, за то что она его неустанно защищала от тирании множества мелких деспотов»²³². Схожее мнение выражал Мабли, согласно которому интересы как короля, так и народа, изначально противостояли интересам знати²³³. Эти идеи уже очень близки к тому, что в XIX в. будет писать Огюстен Тьерри о королевской власти, борющейся против феодалов в союзе с третьим сословием.

Во французском экономическом дискурсе XVIII в. «феодальная» терминология оказалась невостребованной. Разумеется, существовала обширная экономическая литература, в которой рассматривались и анализировались аграрные отношения Франции XVIII в. В этой литературе речь шла о тех же самых реалиях, что и в юридических текстах, посвященных «феодальным правам». Однако экономисты, описывая те же явления, использовали другие слова, такие как «земельная собственность» и «земельная рента». Так, Анн-Робер-Жак Тюрго называл существовавший во Франции порядок землепользования «отчуждением земли на условиях внесения платежей» (*aliénation du fonds à la charge d'une redevance*)²³⁴.

Экономисты, со своей стороны, тоже критиковали порядки, сложившиеся в аграрной сфере. Но их критика была не такой эмоциональной, как у авторов исторических трудов. Они оперировали не понятиями «справедливо» - «несправедливо», а «выгодно» - «невыгодно», «рационально» - «нерационально». Именно по этим показателям феодальная система, в их представлении, уступала фермерской. Существующие порядки, с точки зрения либеральных экономистов того времени, были нерациональными и не выгодными ни сеньорам, ни крестьянам. Крестьяне должны были ежегодно отдавать сеньору множество платежей, которые исчислялись по-разному (одни деньгами, другие натурой; одни в абсолютной величине, другие исходя из доли урожая). Размеры и порядок внесения этих платежей складывались исторически и не зависели от воли сеньора или крестьянина. Более рациональной и выгодной обеим сторонам, по мнению экономистов, была бы система, при которой крестьянин вместо многообразных платежей вносил бы земельному собственнику фиксированную арендную плату, и размеры этой арендной платы определялись бы не многовековой традицией, а свободным волеизъявлением собственника и земледельца при заключении арендного договора²³⁵.

Наконец, с началом революции термин «феодальный» стал широко использоваться в публицистике. Публицисты называли «феодальным» нечто архаичное, отжившее, не

²³¹ Ibid. P. 159.

²³² Encyclopédie méthodique. Jurisprudence. T. 4. P. 513.

²³³ Mably G.B., abbé de. Collection complete des oeuvres de l'abbé de Mably. T. 1. P. 182-187.

²³⁴ Turgot A.-R.-J. Formation et distribution des richesses / textes choisis et présentés par J.-Th. Ravix et P.-M. Romani. Paris: Flammarion, 1997. P. 170.

²³⁵ См. обоснование такой точки зрения у Тюрго: Turgot A.-R.-J. Op. cit. P. 170-174.

отвечающее духу времени. В этом смысле термин «феодальный» сравним по своему значению с терминами «средневековый» или «готический», как их понимали в XVIII в. Такой смысл нашел отражение в революционных призывах уничтожить феодальный порядок, под которым подразумевались все политические и социальные институты, существовавшие во Франции до 1789 г.: монархия, Церковь, дворянство, привилегии. Как показал в своей монографии Джон Маркофф, проанализировавший дебаты в Учредительном собрании по аграрному вопросу, уже в самом начале революции понятие «феодальный порядок» обозначало некое «проклятое прошлое», с которым необходимо покончить. «Феодальным» для революционных законодателей было всё то, что противостояло «современному»²³⁶.

Итак, с одной стороны, значения понятий «фьеф» и «феодальный» в юридической и историко-политической литературе заметно различались. В «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера этим двум значениям слова «фьеф» - юридическому и политическому – даже были посвящены две отдельные статьи, написанные двумя разными авторами. Юристы употребляли «феодальную» терминологию как вполне нейтральную, лишённую эмоциональной окраски. В историко-политической литературе она была преимущественно негативно эмоционально окрашенной. Юристы отделяли фео-собственность от узурпированных личных прав, тогда как для историков средневековые феодальные порядки в целом являлись узурпацией.

С другой стороны, эти два значения терминов «фьеф» и «феодальный» были тесно связаны друг с другом. Корни явлений, которые рассматривали юристы, по их мнению, уходили в средневековье, - об этом свидетельствует приведенная вначале цитата из статьи аббата Реми в «Методической энциклопедии». Феодальные порядки в поземельных отношениях Франции XVIII века рассматривались как остатки средневекового «феодального правления». Негативное отношение к «феодальному средневековью» распространялось на все те порядки во Франции XVIII в., которые считались «феодальными». Резкая оценка «феодального» в официальной историографии прокладывала дорогу нападкам на «феодальный порядок» со стороны оппозиционных публицистов и, впоследствии, революционеров. К 1789 г. во французском обществе сложилось представление о том, что в стране существуют некие феодальные порядки, представляющие собой пережитки прошлого и нуждающиеся в реформировании или отмене²³⁷.

Р. Робен, а вслед за ней А. Герро говорили о наметившемся в XVIII веке разграничении двух сторон «феодального» внутри юридического дискурса. Вместе с тем, шло и соединение юридического дискурса с историко-политическим. В сочетании этих двух противоположных тенденций скрыты истоки острых противоречий по поводу определения сферы «феодального», пришедшихся на первые годы революции.

Когда в ночь на 4 августа 1789 г. Арман де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д'Эгюийон выступал в Учредительном собрании и говорил, что «несчастный земледелец, подчиненный действующим еще во Франции варварским пережиткам феодальных

²³⁶ Markoff J. The Abolition of Feudalism. Peasants, Lords, and Legislators in the French Revolution. The Pennsylvania State Univ. Press, 1996. P. 520-525.

²³⁷ См.: Robin R. Op. cit.; Mackrell J.Q.C. The Attack on «Feudalism» in Eighteenth-Century France. London: Routledge and Kegan Paul, 1973; Heuvel G. van den. Féodalité, Féodal // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680-1820. B. 10 / hrsg. von R. Reichardt und E. Schmitt. München: Oldenbourg, 1988; Guerreau A. Op. cit.

законов, стонет под игом притеснений, жертвой которых он является», он фактически повторял то, что раньше писал официальный королевский историограф Моро об ужасах «феодального средневековья». Но сразу вслед за этим д'Эгюийон добавил: «Нельзя, конечно, оспаривать, что права эти являются собственностью и что всякая собственность священна; но права эти вместе с тем тягостны для народа, и все признают вытекающие из них постоянные стеснения»²³⁸. Таким образом, революционные законодатели на практике вплотную столкнулись с проблемой: что такое «феодальные права», собственность или узурпация? Выпутываться из этого противоречия они будут еще долгие четыре года, пока 17 июля 1793 г. Национальный конвент не разрешит его самым радикальным образом, полностью отменив все феодальные и сеньориальные права.

Французская революция, породившая термин «Старый порядок», дала и определение этого порядка как «феодального». Все элементы концепции «феодального Старого порядка» существовали уже в дореволюционной Франции XVIII в., но именно в годы революции они прочно соединились вместе. Произошло это, когда Учредительное собрание приняло декрет 11 августа 1789 г. об уничтожении феодальных прав и привилегий. Он стал официальным «свидетельством о рождении» концепции «феодального общества». Декрет открывался знаменитой фразой: «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный порядок». Далее речь шла об отмене крестьянских повинностей сеньорам, сеньориальных прав охоты, содержания голубятни и разведения кроликов, сеньориальной юстиции, десятин, а также об отмене продажи должностей, о ликвидации налоговых привилегий, привилегий провинций, областей и городов и о праве всех граждан свободно занимать любые должности²³⁹. То есть под «феодальным порядком» здесь подразумевались не только взаимоотношения между крестьянами и сеньорами, но и вся система социальных привилегий. Так благодаря усилиям юристов и историков XVIII века родилась концепция «феодального строя», которая была официально провозглашена в законодательстве Французской революции и впоследствии получила развитие в историографии XIX в., в трудах Франсуа Гизо, Огюстена Тьерри и Жюль Мишле.

²³⁸ Buchez P.J.B. et Roux P.C. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. 38 vols. Paris, 1834-1838. T. 2. P. 224-230.

²³⁹ Ibid. P. 259-263.

Политическая культура правящей элиты Франции в конце Старого порядка

Изучение политической культуры Франции конца Старого порядка заняло видное место в историографии начиная с 1980-х гг.²⁴⁰ Объясняя сверхзадачу нового на тот момент направления, один из виднейших его представителей французский историк Роже Шартье утверждал, что введение понятия «политическая культура» позволяет объединить историю идей с историей государства и политики, наполнить историю общества и разнообразных форм общественной жизни (клубов, литературных объединений, масонских лож и т.п.) политическим содержанием²⁴¹. Содержание понятия «политическая культура» другой лидер направления, американский историк Киф Бейкер определял как «совокупность дискурсов и практик, с помощью которых в любом обществе индивиды и группы артикулируют, обсуждают, осуществляют и навязывают друг другу свои конкурирующие притязания»²⁴². В теоретическом плане исследование политической культуры вдохновлялось преимущественно работами Юргена Хабермаса. Впервые опубликованный в 1978 г. французский перевод его книги о рождении публичной сферы²⁴³ сразу стал одной из самых популярных и цитируемых книг среди специалистов по истории XVIII века. При этом с момента своего возникновения данное направление исследований было тесно связано с размышлениями над проблемой истоков Французской революции конца XVIII в. Так, целью предпринятого под руководством К. Бейкера трехтомного коллективного издания, посвященного политической культуре Франции конца XVIII в. провозглашалось понять Французскую революцию «не просто как отрицание Старого порядка, а как его порождение»²⁴⁴, т. е. авторы стремились, в первую очередь, отыскать в политической культуре Старого порядка элементы, предвосхищавшие революцию. Такой изначально заданный подход сохранился надолго и предопределил преимущественное внимание к проявлениям оппозиционной культуры.

В 1990-е гг. политическая культура Старого порядка стала рассматриваться также в широком контексте активно разрабатывавшейся тогда проблематики становления

²⁴⁰ См., напр.: Echeverria D. *The Maupeou Revolution. A Study in the History of Libertarianism: France, 1770-1774.* Baton Rouge-London: Louisiana State Univ. Press, 1985; Baker K.M. *Politique et opinion publique sous l'Ancien Régime // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations.* 1987. № 1; Maza S. *Le tribunal de la nation: les mémoires judiciaires et l'opinion publique à la fin de l'Ancien Régime // Ibidem; The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture / ed. by K.M.Baker.* Oxford: Pergamon Press, 1987-1989. 3 vols. V. 1. *The Political Culture of the Old Regime; Ozouf M. L'homme régénéré. Essai sur la Révolution française.* Paris: Gallimard, 1989; Baker K.M. *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century.* Cambridge-N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1990; Merrick J. *The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century.* Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 1990; Roche D. *La France des Lumières.* Paris: Fayard, 1993; Bell D.A. *Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France.* N.Y.-Oxford: Oxford Univ. Press, 1994; Goodman D. *The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment.* Ithaca: Cornell Univ. Press, 1994; Van Kley D. *The Religious Origins of the French Revolution: from Calvin to the Civil Constitution, 1560-1791.* New Haven, 1996; Nagle J. *La civilisation du coeur. Histoire du sentiment politique en France du XIIIe au XIXe siècle.* Paris: Fayard, 1998; Cottret M. *Culture et politique dans la France des Lumières (1715-1792).* Paris: A.Colin, 2002.

²⁴¹ Chartier R. *Les origines culturelles de la Révolution Française.* Paris: Seuil, 1990. P. 25-28.

²⁴² Baker K.M. *Introduction // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture.* V. 1. P. XII.

²⁴³ Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit.* Hermann Luchterhand Verlag, 1961; франц. перев.: Habermas J. *L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise.* Paris, 1978; русск. перев.: Хабермас Ю. *Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества.* М.: Весь Мир, 2016.

²⁴⁴ Baker K.M. *Introduction // The French Revolution and the creation of modern political culture.* V. 1. P. XI.

государства Нового времени. Конструируя свою модель генезиса государства Нового времени, Пьер Бурдьё обратил внимание на два разных типа воспроизводства элит, характерных для средневековой династической монархии, с одной стороны, и для бюрократического номиналистического государства Нового времени, - с другой²⁴⁵. Государство Старого порядка, подчеркивал Бурдьё, было переходным между династическим и бюрократическим и соединяло в себе черты того и другого. В соответствии с переходным и двойственным характером государства политическая культура политической элиты – дворянства – соединяла в себе два принципиально различных типа базовых ценностей. Размышления социолога были подкреплены исследованиями историков, показавших, как рождающееся государство Нового времени способствовало обновлению дворянства и дворянской культуры на меритократических принципах. Абсолютная монархия создала такие условия, в которых на традиционные дворянские ценности (такие как воинская доблесть и вассальная верность сюзерену) наложился новые, свойственные добросовестным государственным чиновникам (компетентность, дисциплинированность, служебное усердие), и первые далеко не всегда и не во всем могли сочетаться со вторыми²⁴⁶.

В данном очерке предлагается рассмотреть особенности политических идей, представлений, дискурсов и практик властной элиты Франции, проявившиеся в последние десятилетия существования Старого порядка.

Монархия Божественного права и «десакрализация» власти

Король Франции официально почитался особой священной, заместителем Бога на земле, а французская монархия – основанной на Божественном праве. В то же время, начиная с середины XVIII века в обществе периодически распространялись памфлеты, листовки и различные слухи, дискредитировавшие министров короля, членов королевской семьи, а подчас и самого монарха. Широкая популярность изданий и слухов, порочащих короля и его ближайшее окружение, дала основание историкам говорить о начавшемся процессе десакрализации монархии, движущей силой которого стала, в первую очередь, образованная часть населения²⁴⁷. Как записал в своем дневнике наблюдательный современник аббат Вери, «самый широкий слой общества более не испытывает того почтения к королевской власти, каковое питали наши отцы к ее божественному происхождению. Современные умы привыкли рассматривать суверена всего лишь как доверенное лицо нации (*l'homme d'affaires de la nation*). Королевская кровь для многих теперь пустой звук. Династический принцип оправдывается только общей пользой нации; все это избавляет умы от рабского и восторженного подчинения, которое было слепым орудием деспотизма в руках прежних королей»²⁴⁸. Отношение же самих монархов и их министров к идее сакральности королевской власти было довольно сложным.

²⁴⁵ Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'Etat. Un modèle de la genèse du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. № 118. 1997. P. 55-68.

²⁴⁶ См. об этом, напр.: Smith J.M. The Culture of Merit: Nobility, Royal Service, and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600-1789. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.

²⁴⁷ Van Kley D.K. The Damiens Affair and the Unraveling of the Ancien Regime, 1750-1770. Princeton: Princeton Univ. Press, 1984; Merrick J. Op. cit.; Chartier R. Op. cit.

²⁴⁸ Journal de l'abbé de Véri. 2 vols. Paris, 1928-1930. T. 2. P. 8.

Так, в речи Людовика XV в Парижском парламенте во время так называемого Сеанса Бичевания 3 марта 1766 г.²⁴⁹, которую французский историк Мишель Антуан назвал «политическим завещанием» Людовика XV²⁵⁰, упоминание о Божественной природе королевской власти встречается лишь один раз, в конце предпоследнего абзаца. Антуан рассматривает это как свидетельство процесса десакрализации королевской власти, затронувшего, в том числе, и политическую элиту Франции²⁵¹.

В то же время, внук Людовика XV и будущий король Людовик XVI, записывая возникшие у него под влиянием прочитанных книг и наставлений старших мысли о государстве, королевской власти и политике, на первое место в числе фундаментальных законов французской монархии поставил принцип Божественного происхождения абсолютной власти короля: «Короли получили от Бога самую большую и абсолютную власть, какую Он когда-либо давал человеку над другим человеком: законодательство, чтобы просвещать; администрацию, чтобы удерживать в повиновении; юрисдикцию, чтобы наказывать и исправлять»²⁵². Образцом для подражания королю, по мысли наследника престола, должен служить Всевышний: «Король в справедливости своей должен, подобно самому Господу, быть таким же беспристрастным и милосердным; законы не должны быть слишком суровыми». А идеальным примером «справедливых, ясных и сообразных духу нации» законов являются лишь «начертанные Божественной рукой» десять заповедей²⁵³.

Символическим выражением и утверждением сакральной природы королевской власти служил традиционный обряд помазания и коронации французских королей в Реймсе, почитавшийся «восьмым таинством», в результате которого заключается мистический союз между монархом и народом²⁵⁴. Когда с восшествием на престол Людовика XVI в 1774 г. началась подготовка к его коронации, разгорелись споры, выявившие серьезные разногласия во взглядах современников как на значение самой коронации, так и на природу и характер королевской власти.

²⁴⁹ Название объясняется тем, что королевское заседание парламента имело место на Страстной неделе, когда Церковь отмечала память Бичевания Христа. При этом в глазах современников оно обрело двойной смысл: заседание вылилось в своего рода «бичевание» парламента. Автором речи был, разумеется, не сам король, а государственный советник Пьер Жильбер де Вуазен, а в парламенте от имени короля ее прочел первый генеральный адвокат Жан-Омер Жоли де Флэри.

²⁵⁰ Antoine M. La monarchie absolue // The French Revolution and the creation of modern political culture. T. 1. P. 5.

²⁵¹ Ibid. P. 14-15.

²⁵² Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon, par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864. T. 1. P. 241.

²⁵³ Ibid. P. 201-202.

²⁵⁴ Haueter A. Die Krönungen der französischen Könige im Zeitalter des Absolutismus und in der Restauration. Zurich, 1975; Weber H. Das Sacre Ludwigs XVI von 11. Juni 1775 und die Krise des *Ancien Régime* // Vom «Ancien Régime» zur französischen Revolution: Forschungen und Perspektiven. Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte. № 55 / E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus (Hrsg.). Göttingen, 1978. S.536-565; Viguerie J. de. Les Serments du sacre des rois de France // Hommage à Roland Mousnier: Clientèles et fidélités en Europe à l'époque moderne. Paris: PUF, 1981; Bonnefin A. Sacre des rois de France. Limoges: Touron et fils, 1982; Jackson R.A. Vive le Roy! History of the French Coronation from Charles V to Charles X. Chapel Hill-London, 1984; Giesey R.E. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // Annales: Economies. Sociétés. Civilisations. 1986. № 3. P.579-599; Valensise M. Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française // Ibid. P. 543-577; Le Goff J. Reims, ville du sacre // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. II. La Nation. V. 1. Paris: Gallimard, 1986. P. 165; Boureau A. Les cérémonies royales françaises entre performance juridique et compétence liturgique // Annales : Economies. Sociétés. Civilisations. 1991. P. 1253-1264; Schmid J.J. Sacrum monarchiae speculum: Der Sacre Ludwigs XV. 1722: Monarchische Tradition, Zeremoniell, Liturgie. Münster, 2007.

Для некоторых она представляла собой не более, чем дорогостоящий спектакль. Даже архиепископ Экса Жан де Дьё-Реймон де Буажелен де Кюсе произнес в Реймсе накануне коронации проповедь, после которой у одного из очевидцев осталось такое впечатление: «Проповедник накануне говорил нам, что считает своим долгом возвестить, будто эта церемония не прибавляет королю величия, и едва не сказал, что надо признать ее делом бесполезным и всего лишь обычаем»²⁵⁵. Генеральный контролер финансов Тюрго, озабоченный, главным образом, экономией средств королевской казны, вообще предложил реформировать церемонию коронации, сделать ее менее дорогостоящей и, в частности, перенести с этой целью из Реймса в Париж. Тюрго составил также новые тексты клятв, произносимых королем в ходе церемонии помазания²⁵⁶. Предложенные Тюрго версии стали лаконичнее прежних, отличались более светским языком и были написаны не на латыни, а по-французски. Тюрго убрал из текстов все ссылки на католическую, апостольскую и римскую веру, так что смысл клятвы Церкви в результате изменился на прямо противоположный: обещание хранить канонические привилегии католической Церкви Тюрго заменил провозглашением принципа веротерпимости и равенства культов. Не менее существенную трансформацию претерпел и текст Королевской клятвы. В традиционной формулировке король представал наместником Бога на земле и посредником между Всевышним и народом, обязанным «хранить в Божьей церкви во все времена мир народу Христианскому, [...] судить обо всем со справедливостью и милосердием» и отвечающим за свое правление только перед Богом²⁵⁷. В версии, предложенной Тюрго, акцент был сделан на обязанности «править королевством согласно справедливости и законам». Тюрго подчеркивал ответственность короля перед подданными; монарх, с его точки зрения, должен дать присягу «употребить всю власть для соблюдения прав каждого из подданных; защищать их от всяких притеснений и всю жизнь трудиться ради того, чтобы сделать их счастливыми, насколько это будет в моих силах»²⁵⁸. Предложения Тюрго свидетельствуют о намерении министра модернизировать ритуал, отразив в нем концепцию монархии, основанной на общественном договоре. В таком стремлении он не был одинок. Накануне коронации Людовика XVI выходили в свет сочинения правоведов, авторы которых пытались переосмыслить традиционную церемонию в духе новых политических принципов и толковали ее как заключение между королем и нацией общественного договора, скрепляющего «национальный выбор» (т. е. избрание короля нацией)²⁵⁹.

В конечном счете, Людовик XVI отверг предложения Тюрго и принял решение совершить обряд помазания и коронации в кафедральном соборе г. Реймса, согласно многовековой традиции. Составленные Тюрго новые тексты коронационных клятв также не были приняты. Можно сказать, что в данном случае идея сакральности королевской

²⁵⁵ Croÿ E., duc de. *Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784 / par le v-te de Grouchy et P. Cottin*. 4 vols. Paris: Flammarion, 1906-1907. Т. 3. P. 179.

²⁵⁶ Их было пять: клятва Церкви, Королевская клятва, клятвы Великого магистра Ордена Святого Духа и Великого магистра Ордена Святого Людовика и клятва соблюдать эдикты о запрете дуэлей.

²⁵⁷ *Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre // Le sacre et couronnement de Louis XVI, Roi de France et de Navarre, dans l'Eglise de Reims, le 11 juin 1775; précédé de recherches sur le sacre des Rois de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XVI; et suivi d'un journal historique de ce qui s'est passé à cette auguste cérémonie*. Paris: Téqui, 1989. P. 51-52.

²⁵⁸ *Oeuvres de Turgot et documents le concernant. Avec biographie et notes / G. Schelle*. Т. IV. Paris: F. Alcan, 1922. P. 551.

²⁵⁹ Подробнее об этом см. указанные выше статьи Г. Вебера и М. Валенсиз.

власти восторжествовала, хотя бы внешне и формально. В то же время, это была сакральность в большей мере политическая, нежели религиозная. Король являлся сакральной фигурой, будучи живым воплощением государства, главой политического тела монархии, но в то, что он по своей природе отличается от других людей, просвещенные современники не верили. Об этом свидетельствуют записки, оставленные очевидцами коронации.

Два обряда, совершавшиеся в ходе коронации и сразу после нее, самым очевидным образом демонстрировали особую, божественную природу короля и королевской власти. Это помазание из Священного Сосуда (*la Sainte Ampoule*), который, согласно легенде, принесла с неба голубка во время крещения Хлодвига, и исцеление королем больных золотухой. Примечательно, что большинство современников об этих обрядах, не поддающихся рациональному истолкованию, вообще стыдливо умалчивают. Подробно о них рассказывает лишь присутствовавший в 1775 г. на коронации Людовика XVI придворный аристократ герцог де Крои. Для оценки его слов важно иметь в виду, что это человек верующий, для которого помазание и коронация – церемонии, исполненные глубокого политико-религиозного смысла. Но даже у него отчетливо проявляется скептическое отношение ко всему, что выходит за рамки здравого смысла, включая предполагаемую способность короля Франции творить чудеса. Так, рассказывая о чуде Священного Сосуда, де Крои не верит в то, что его содержимое может необъяснимым образом восполняться. Чудодейственный мир, по его мнению, не иссякает из-за большого количества грязи, скопившейся в сосуде в течение столетий. Столь же негигиеничным предстает в описании де Крои знаменитый обряд исцеления королем золотушных больных. По его словам, «от Короля требовались мужество и сила, чтобы совершить всю эту церемонию, и я бы не подумал, что она такая тяжелая и отвратительная (*si rude et répugnante*), если бы сам ее не увидел»²⁶⁰. Возможное исцеление он готов объяснить нервным потрясением или глубокой верой больных, но не чудодейственной силой королевского прикосновения. Сам дороживший традициями французской монархии Людовик XVI, совершив единожды этот обряд сразу после коронации, больше к нему не прибегал. Разумеется, в представлениях самого Людовика XVI и традиционалистски настроенных придворных аристократов, подобных герцогу де Крои, королевская власть не утратила сакрального характера, но это была сакральность не столько религиозная, сколько политическая. Король являлся сакральной персоной, главным образом, не как помазанник, а как обладатель высшей политической власти и живое олицетворение монархии.

Согласно фундаментальным законам французской монархии, королю следовало быть католиком. В ходе коронации он давал присягу защищать Церковь и ее привилегии. После отмены Людовиком XIV Нантского эдикта в 1685 г. принадлежность к католической Церкви вменялась в обязанность не только королю, но и всем его подданным. Вплоть до 1787 г. протестанты во Франции (за исключением Эльзаса) оставались формально вне закона, их браки не имели законной силы со всеми вытекающими из этого проблемами имущественного и социального характера. Кандидату на любую государственную должность необходимо было не только доказать свою профессиональную компетентность, но и представить свидетельство приходского

²⁶⁰ Croÿ E., duc de. Op. cit. P. 204.

священника, удостоверяющее его принадлежность к католической апостольской римской Церкви²⁶¹.

Но постепенно, с середины XVIII в. в политике королевской власти явственно обозначились черты того, что среди историков принято определять как десакрализацию, или лаицизацию: сферы сакрального и профанного разграничивались, сфера светской политики расширялась, а религиозный фактор терял политическое значение. Во второй половине XVIII в. королевские суды фактически стали признавать законность браков, заключенных по протестантскому обряду. В 1755 г. парламент Экс-ан-Прованса открыто выступил в пользу легализации гражданского статуса протестантов, предложив отделить брак как договор между гражданами от церковного таинства. В таком случае король, наделенный верховной светской властью, мог бы поручить своим судьям вести гражданскую регистрацию протестантских браков и рождений. В историографии такая аргументация и соответствующая ей юридическая практика обычно рассматривались как проявления десакрализации монархии, так как в данном случае власть короля удалялась из сферы сакрального и становилась преимущественно светской. Историки подчеркивают, что подобные идеи зародились и получили развитие именно в парламентах, которые к середине века превратились в очаг политической оппозиции и разрабатывали концепции ограниченной монархии²⁶².

Первый проект легализации статуса протестантов был подготовлен в государственном секретариате королевского дома, в ведении которого находились церковные дела, в середине 1760-х гг., но дальше этого дело тогда не продвинулось²⁶³. В начале царствования Людовика XVI государственный секретарь королевского дома Кретьен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб начал собирать документы о положении протестантов во Франции для подготовки закона об их гражданском статусе, но за десять месяцев своего министерства (1775-1776) не успел довести дело до конца²⁶⁴. Урегулированием гражданского статуса протестантов правительство вплотную занялось в 1780-е гг. Мальзерб в тот период не занимал государственных постов, но принимал, тем не менее, активное участие в подготовке задуманной реформы, работая в тесном контакте с возглавлявшим государственный секретариат королевского дома Луи-Шарлем-Огюстом Ле Тоннелье, бароном де Бретёем. В решении протестантского вопроса Мальзерб во главу угла ставил защиту естественных прав человека, включая свободу вероисповедания. Его позиция нашла отражение в двух памятных записках о протестантских браках, составленных в 1785 и 1786 гг.

Говоря о принципах, на которых должно основываться новое законодательство о протестантах, Мальзерб подчеркивал, во-первых, необходимость дать протестантам гражданский статус и равные с другими подданными короля права, во-вторых, недопустимость смешения религии с политикой (по словам Мальзерба, «еретики должны

²⁶¹ Подробнее см. статью «Образцовый подданный французской монархии: от века Людовика XIV к веку Просвещения».

²⁶² Julia D. Les deux puissances: chronique d'une séparation de corps // The French Revolution and the creation of modern political culture. Vol.1; Merrick J.W. Op. cit. P. 27-48, 149-151; Van Kley D.K. The Religious Origins of the French Revolution. P. 164-165.

²⁶³ См.: Poland B.C. French protestantism and the French revolution. A study in church and state, thought and religion, 1685-1815. Princeton: Princeton Univ. Press, 1957. P. 75.

²⁶⁴ О деятельности Мальзерба в период его министерства см.: Grosclaude P. Malesherbes: Témoin et interprète de son temps. Paris: Fischbacher, 1961. P. 373-387.

быть лишь сектой в Церкви, а не партией в Государстве»)²⁶⁵ и, в-третьих, предлагал привлекать еретиков в лоно католической Церкви исключительно методом убеждения. Мальзерб считал недопустимым, «чтобы протестанты составили во Франции особую корпорацию»²⁶⁶, а «для достижения этого было бы желательно, чтобы не осталось никаких внешних различий между ними и Католиками и чтобы статус всех подданных Короля, какую бы веру они ни исповедовали, регистрировался одними и теми же государственными служащими в одних и тех же книгах»²⁶⁷. То есть Мальзерб предусматривал передать регистрацию актов гражданского состояния из рук Церкви в ведение государства. Он вполне разделял в данном вопросе позицию, занятую ранее парламентом Экс-ан-Прованса, утверждая, что брачное законодательство - «это не только законы Церкви, но и законы Королевства, законы о гражданских обязательствах, изданные светской властью. Всякий подданный Короля, какую бы религию он ни исповедовал, обязан им подчиняться»²⁶⁸. Мальзерб последовательно придерживался принципа разграничения компетенций Церкви и светского государства. Это соотносилось с его бесспорно «десакрализованной» представлением о монархии, которая, с его точки зрения, была не божественным установлением, а результатом заключенного между людьми общественного договора. «Суверен, - по словам Мальзерба, - есть постоянный представитель Нации [...]. Король не имеет власти кроме той, что доверена ему Нацией»²⁶⁹. Монархия, согласно Мальзербу, должна уважать естественные права подданных, том числе право на свободу совести, и обеспечить им всем гражданский статус независимо от вероисповедания.

На основе работ Мальзерба барон де Бретей представил королю доклад о положении протестантов во Франции, в котором повторялись основные аргументы Мальзерба в пользу предоставления им гражданского статуса. Результатом стал эдикт о гражданском статусе протестантов, подписанный королем в ноябре 1787 г. и зарегистрированный Парижским и большинством провинциальных парламентов в начале 1788 г. Христианнейший король Франции явно увлекся идеей веротерпимости и урегулирования статуса подданных-некатоликов и после принятия эдикта о протестантах поручил Мальзербу подготовить аналогичный законопроект о статусе евреев, но вскоре разразилась революция, и завершили дело, начатое королем и его министрами, совсем другие люди.

В позиции де Бретёя, при всей ее близости к той, которую отстаивал Мальзерб, заметно немаловажное отличие. Мальзерб, в первую очередь, заботился о защите поправных прав граждан. Предложения де Бретёя были направлены на усиление государства за счет передачи в его ведение регистрации актов гражданского состояния, ранее находившихся в компетенции Церкви. В рассуждениях де Бретёя королевская власть тоже выглядит «десакрализованной», то есть светской, но это отнюдь не означало ее умаления. Напротив, предлагаемые им меры подразумевали усиление власти короля за

²⁶⁵ «Les Hérétiques ne doivent être qu'une Secte dans l'Eglise, et non un parti dans l'Etat» (Malesherbes, le pouvoir et les Lumières / textes réunis et présentés par M. Wyrwa. Paris: France-Empire, 1989. P. 113).

²⁶⁶ Ibid. P. 120.

²⁶⁷ Ibid. P. 115.

²⁶⁸ Ibid. P. 119.

²⁶⁹ «Le souverain est le représentant perpétuel de la Nation [...]. La puissance du Roi n'est que celle que la Nation lui a conférée» (Malesherbes, le pouvoir et les Lumières. P. 12).

счет вытеснения Церкви из публичного пространства в частное. Проект де Бретёя явился своего рода французским вариантом «просвещенного деспотизма».

Доктрина «абсолютной монархии» в XVIII в.

Наряду с идеей Божественного происхождения королевской власти, важнейшей составляющей доктрины французской монархии была концепция нераздельного королевского суверенитета и абсолютной власти короля. В XVIII в. эта концепция нуждалась в переосмыслении и новом обосновании в ответ на идейные вызовы времени. Доктрина французской монархии испытывала сильное влияние со стороны оппозиционных политических учений, главным образом, парламентской идеологии и просветительских концепций. В этих условиях сами носители власти – короли и их министры, - а также правоведы и публицисты, выступавшие от лица власти, с одной стороны, вынуждены были полемизировать и защищаться, доказывая, что королевская власть во Франции не имеет ничего общего с деспотией, а с другой стороны – отчасти воспринимали у своих оппонентов риторику и приемы аргументации.

Одним из наиболее плодотворных авторов, изложившим в своих сочинениях учение о принципах функционирования французской монархии, был историограф Франции Жакоб-Николя Моро, который входил в число воспитателей Людовика XVI и давал будущему королю уроки истории. Предназначение любого правительства, по мнению Моро, заключается в том, чтобы хранить и защищать естественные права человека, к которым относятся права на жизнь и собственность²⁷⁰. «Фундаментальными законами любого правления» он считал, во-первых, наличие абсолютной силы, способной принудить всех к повиновению; во-вторых, обеспеченную законами неприкосновенность жизни, состояния и собственности всех граждан, и, в-третьих, право подданных обращаться к государю с требованиями исправить злоупотребления и навести порядок²⁷¹. Не всякая воля государя есть закон, - утверждал Моро. Закон – это «обсужденная воля» (*la volonté délibérée*). В принятии закона, наряду с монархом, должны участвовать «советы», призванные помочь ему вынести разумное и справедливое решение²⁷².

Король, как подчеркивал Моро, не является собственником над подвластной ему страной и потому не может и не должен подавлять своих подданных. Разъясняя просвещенным современникам отличие монархии с абсолютной властью короля от деспотии, Моро напоминал им о Божественном происхождении абсолютной власти монарха, который должен отвечать за свои дела лишь перед самим Богом: «При первой и второй расах²⁷³ считалось фундаментальной максимой, что выше Короля есть только один Бог и что ни Гранды, ни Нация не могут ни отнять у него право на абсолютную власть, ни лишить бесповоротно возможности осуществлять ее»²⁷⁴. В своем толковании абсолютной королевской власти Моро был полностью солидарен с епископом Ж.-Б. Боссюэ: «Вслед за великим Боссюэ я повторял и всегда буду повторять, что власть наших Королей по сути

²⁷⁰ Moreau J.-N. Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. Nouv. éd. Paris: Impr. de Monsieur, 1782. P. 201-202 (это сочинение было написано в 1767 и впервые опубликовано в 1775 г.). О Моро см.: Gembicki D. Histoire et politique à la fin de l'Ancien Régime: Jacob-Nicolas Moreau (1717-1803). Paris: Nizet, 1979.

²⁷¹ Moreau J.-N. Les Devoirs du Prince. P. 188-190.

²⁷² Ibid. P. 319-320.

²⁷³ Т. е. при Меровингах и Каролингах. «Третья раса» - династия Капетингов.

²⁷⁴ Moreau J.-N. Des différences de la Monarchie et du Despotisme, ou Lettre de M.M. à M.D.L.C. A Paris, ce 2 Janvier 1774 // Principes de morale. T. 1. P. 28.

своей абсолютна; но к этому я прибавил и прибавлю снова и снова, что она по сути своей также подчиняется правилам и существует согласно правилам»²⁷⁵. «Власть Монарха, - заключал он, - по сути абсолютна, но ни в коем случае не произвольна»²⁷⁶. Согласно Моро, суть монархии составляют, во-первых, корпус законов, а во-вторых, - корпус магистратуры (т. е. парламенты), призванный следить за исполнением этих законов²⁷⁷. Однако, полемизируя с защитниками парламентов и критиками «министерского деспотизма», Моро подчеркивал, что парламенты являются органами, действующими от имени и по поручению монарха и представляющими монарха, а не нацию. «В какую бы эпоху и под каким бы наименованием ни возник парламент, - рассуждал Моро, - никогда он не составлял корпуса, делегированного или уполномоченного Нацией; при первой, второй и третьей расах он всегда был корпусом Магистратуры, представлявшим Суверена, и носителем его [суверена] власти, обязанным просвещать его своими советами»²⁷⁸.

Моро пытался найти компромисс между абсолютной властью короля и необходимостью соблюдать законы. В своих рассуждениях он опирался на авторитет Боссюэ, используя при этом парламентские и просветительские идеи и понятия. Только монарх, наделенный абсолютной властью, предстает у него силой, способной обеспечить неприкосновенность естественных прав нации и всех граждан.

Иную политическую концепцию разработали физиократы, в первую очередь, Пьер-Поль Лемерсье де ла Ривьер. Полемизируя с теорией разделения властей Шарля-Луи Монтескье, Лемерсье де ла Ривьер утверждал, что вся полнота абсолютной власти должна принадлежать королю, который уважает нормы естественного права и претворяет их в законы государства²⁷⁹. Этой концепции, названной автором «легальным деспотизмом», придерживался, в частности, генеральный контролер финансов Людовика XVI Анн-Робер-Жак Тюрго²⁸⁰. Близкие к ней идеи нашли также отражение в составленном несколькими правоведами «Трактате о правах, обязанностях, вольностях, льготах, прерогативах и привилегиях»²⁸¹. Авторы трактата (Пьер-Жан-Жак Гюйо и др.) утверждали, что именно абсолютный характер королевской власти составляет суть фундаментальных законов, или конституции французской монархии. Если Моро старался примирить суверенную волю короля с обязанностью соблюдать законы, то Гюйо и его соавторы безоговорочно делали выбор в пользу неограниченной власти короля: «Фундаментальные законы французской монархии немногочисленны [...]. Они устанавливают: 1) Независимость короны; *Король не держит ее ни от кого, кроме Бога и самого себя* (Установления Святого Людовика²⁸², кн. 1, гл. 76). 2) Абсолютную власть монарха в создании законов – власть,

²⁷⁵ Ibid. P. 10.

²⁷⁶ «L'autorité du Monarque [...] est essentiellement absolue, mais ne doit jamais être dissolue» (Moreau J.-N. Principes de morale. T. 1. P. 12).

²⁷⁷ Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public, Puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Discours sur l'Histoire de France. Dédiés au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. 21 vols. A Paris: de l'Imprimerie royale, 1777. T. 1. P. 55.

²⁷⁸ Ibid. P. 39.

²⁷⁹ Lemercier de La Rivière P.-P. L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. 2 vols. Londres-Paris, 1767.

²⁸⁰ См., напр., об этом его письмо Дюпон де Немуру 1 января 1771 г. (Turgot A.-R.-J. Oeuvres de Turgot et documents le concernant / G. Schelle. 5 vols. Paris: Alcan, 1913-1923. T. 3. P. 475).

²⁸¹ Guyot P.-J.-J. et al. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives, et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres et publ. par MM. Guyot et Merlin. 4 vols. Paris: chez Visse, 1786-1788. Среди авторов трактата были адвокаты и советники Парижского и провинциальных парламентов Гюйо, отец и сын Буше д'Аржи, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Мерлен, Робен де Моза, Трейар.

²⁸² Ссылка на «Большой ордонанс» Людовика IX (1254-1256).

сосредоточенную полностью, единственно и по существу в особе Короля. *Чего хочет Король, того хочет закон*, - гласят наши древнейшие конституции. 3) Неотчуждаемость этой высшей власти, согласно формуле клятвы, которую короли третьей расы до Людовика VIII произносили во время венчания на царство: «Я сохраню в неприкосновенности *Суверенитет*, права и преимущества французской короны, я не буду ни передавать их кому бы то ни было, ни отчуждать». [...] Такова конституция монархии, таково французское правление»²⁸³.

В поисках ответа на остро стоявший в конце Старого порядка вопрос о различии между монархией и деспотией авторы трактата вынуждены были признать, что «власть государя столь же полна и абсолютна как при монархии, так и при деспотии», но разница между первой и второй, по их мнению, все же существует. Пытаясь найти эту разницу, правоведы ссылались на авторитет Монтескье, но не на ставшее классическим определение, согласно которому монарх правит посредством законов, тогда как произвол деспота не ограничен законами и правилами. Они цитировали другой отрывок из трактата «О духе законов» (Кн. 3. Гл. 10), где говорится, что «хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные»²⁸⁴. Развивая эту мысль, авторы «Трактата о правах...» отмечали, что при деспотическом правлении господин командует рабами и единственным правилом является его сиюминутная воля или каприз. «В монархии же, напротив, это отец, который, желая выказать свою волю детям, сам предлагает им просветить его и приказывает открыть ему правду»²⁸⁵. То есть единственная разница между монархией и деспотией состоит в том, что в монархии правит просвещенный деспот. Таким образом, Гюйо с соавторами пересмотрели классическую концепцию французской монархии как единоличного правления, основанного на законе, и фактически пришли к идее просвещенного деспотизма, хотя такого термина они и не употребляли.

Очевидно эта идея была близка Людовику XV, о чем свидетельствует речь короля в Парижском парламенте во время Сеанса Бичевания 3 марта 1766 г. В программной речи монарха, составленной и произнесенной в момент подъема парламентской оппозиции, центральное место заняла проблема взаимоотношений короля и парламентов. В ней утверждался принцип волеизъявления короля как источника власти в стране: «Магистраты суть мои служащие, уполномоченные исполнять от моего имени поистине королевский долг вершить суд над моими подданными; эта функция связывает их с моей особой и делает их всегда достойными уважения в моих глазах». Парламенту от имени короля напомнили «священные и незыблемые максимы»: «что только в моей персоне заключена суверенная власть, которую характеризует дух совета, правосудия и разума; что только от меня мои курии получают существование и власть; что полнота власти, которую они отправляют только от моего имени, всегда остается во мне и она никогда не может быть использована против меня; что лишь мне одному принадлежит законодательная власть всецело и безраздельно; что лишь по моей воле служащие моих курий могут не создавать, но регистрировать, публиковать и исполнять законы и что им

²⁸³ Guyot P.-J.-J. et al. *Traité des droits*. Т. 1. Р. 11-12.

²⁸⁴ Монтескье Ш. *Избранные произведения*. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 186.

²⁸⁵ Guyot P.-J.-J. et al. *Op. cit.* Т. 1. Р. 12.

дозволено подавать мне ремонстрации, как подобает добрым и полезным советникам; что весь общественный порядок исходит от меня и что права и интересы Нации, которую осмеливаются представлять корпусом, отдельным от Монарха, невозможно отделить от моих собственных и они находятся в моих руках»²⁸⁶. Речь монарха утверждала идею полного и безраздельного королевского суверенитета. Об обязанности короля уважать и соблюдать законы в ней не было упомянуто. Ее автор Жильбер де Вуазен исходил из того, что в обществе, разделенном на сословия, только король является олицетворением единства, арбитром и гарантом порядка.

Принципы, изложенные в программной речи короля на «Сеансе Бичевания», на практике нашли воплощение в так называемом «государственном перевороте» Мопу, как назвали современники радикальную реформу, осуществленную канцлером Рене-Николя де Мопу в самом конце правления Людовика XV в ответ на очередной подъем парламентской оппозиции. В результате реформы была ограничена компетенция парламентов (высших судебных палат), сами парламенты реорганизованы и ликвидирована система продажи судейских должностей²⁸⁷. Парламентские магистраты превращались в назначаемых королем государственных чиновников на жаловании. Непокорных магистратов Парижского парламента отправили в ссылку и на их место набрали новый, численно меньший состав. Аналогичному реформированию были подвергнуты и провинциальные парламенты. Наряду с парламентами были распущены и реформированы другие суверенные курии Парижа и провинций: Большой совет, Счетные и Налоговые палаты, провинциальные Суверенные советы. В результате парламенты оказались полностью подчинены королю и, таким образом, был уничтожен постоянно дававший о себе знать на протяжении XVIII века очаг оппозиции, а власть короля обрела более, чем когда-либо прежде, «абсолютный» характер²⁸⁸.

Законы, принятые по инициативе канцлера Мопу в ноябре 1770 – феврале 1771 г., отражали концепцию монархии, согласно которой единственным источником любой власти в государстве является воля короля. Король отвечает за свои дела лишь перед Богом и не обязан объяснять подданным причины принимаемых им решений. Выступая в Парижском парламенте во время принудительной регистрации нового дисциплинарного регламента, Мопу аргументировал свою реформу, исходя из принципа нераздельности королевского суверенитета. Как образно сказал канцлер, «вспомните, как были учреждены парламенты; проследите их историю; вы увидите, что само свое существование и власть они получили от короля, но вся полнота этой власти по-прежнему остается в той руке, которая ее дала». Все существующие государственные учреждения, включая парламенты, не имеют никаких полномочий, кроме тех, которыми их наделил король, и обязаны беспрекословно ему подчиняться. В противном случае, «лишенный важнейших прав

²⁸⁶ Séance royale dite de la Flagellation, 3 mars 1766 // Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vols. T.2. Paris, 1895. P. 556-558.

²⁸⁷ Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 vols. Paris: Plon, 1826-1829. T. 22. P. 510-518.

²⁸⁸ О реформе Мопу и спорах вокруг нее см.: Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les parlements. Paris, 1885; Bloch A. Maupeou, ses tribunaux, ses réformes. Paris, 1887; Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou (1771-1774). Paris, 1937; Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire (1715-1774). Paris, 1970; Echeverria D. The Maupeou revolution. A study in the history of libertarianism, France, 1770-1774. London, 1985; Antoine M. Sens et portée des réformes du chancelier de Maupeou // Revue historique. 1992. T. 288. № 583. P. 39-59; Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774. Cambridge, 1995. P. 368.

Короны, зависимый в установлении законов, зависимый в их исполнении, Король сохранил бы лишь одно название и бледную тень Суверенитета»²⁸⁹. «Е.В., отвечающий перед одним только Богом за управление своим королевством, мог бы скрыть в своем сердце мотивы, которые определили его поступки»²⁹⁰, - говорил Мопу на «ложе правосудия», посвященном учреждению нового парламента взамен упраздненного. Более развернуто выразил ту же мысль первый президент Руанского парламента Арман-Тома Ю де Миромениль²⁹¹ в письме государственному секретарю Анри-Леонару-Жан-Батисту Бертену: «Король царствует (в самом деле, следуя законам), но он царствует, а не президентствует, потому как никто не должен и не может сравниться с его августейшей персоной; президент есть *primus inter pares*, но Король есть образ Бога, ибо он получает корону от самого Бога и лишь перед Богом отвечает за то, на что он употребляет свою власть»²⁹².

Сторонники парламентской реформы говорили о том, что, проведя ее, король продемонстрировал свою абсолютную (в данном случае – читай – неограниченную) власть. Об этом ясно сказал при учреждении нового парламента его первый президент Луи-Жан Бертье де Совиньи: «В этом месте и в этот день, когда все возвещает самое абсолютное применение вашей власти, мы можем исполнять лишь один долг: долг молчания, уважения и покорности»²⁹³. Совершённая в 1771 г. беспрецедентная попытка разогнать парламенты, отменить продажу должностей и заменить старые парламенты новыми с ограниченными полномочиями свидетельствовала об изменениях в политической культуре правящей элиты Франции, произошедших в XVIII в. Идея «просвещенного деспотизма», овладев умами, сделала такую попытку возможной.

Но наряду с абсолютистской, сохраняла свой авторитет и компромиссная концепция монархии, изложенная у Моро. Она оказалась созвучна взглядам его воспитанника, будущего Людовика XVI, который начал свое правление в 1774 г. с отмены реформы Мопу и восстановления старых парламентов. На формирование политических представлений наследника престола сильное воздействие оказали сочинения Франсуа Фенелона, который наряду с признанием Божественной природы монаршей власти, неограниченного королевского суверенитета и обязанности государя уважать законы особо подчеркивал, что абсолютная власть означает не произвол, а лишь право короля выносить решения в последней инстанции. «Я, - писал Фенелон, - вовсе не подразумеваю под *абсолютной* произвольную власть делать все, что хочется, без каких-либо правил и оснований, кроме деспотической воли одного или нескольких человек. Под *абсолютной* я подразумеваю только власть, которая судит в последней инстанции»²⁹⁴.

²⁸⁹ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline, 7 décembre 1770 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 164-165.

²⁹⁰ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 189.

²⁹¹ Впоследствии, после опалы канцлера Мопу он будет назначен хранителем печатей. Хотя Миромениль и был противником реформы Мопу, но в своих взглядах на природу и полноту монаршей власти он оказался весьма близок к канцлеру.

²⁹² Miromesnil à Bertin, 4 février 1771 // Correspondance politique et administrative de Miromesnil, premier président du parlement de Normandie / publ. par P. Le Verdier. 5 vols. Rouen-Paris, 1899-1902. Т. 5. P. 268.

²⁹³ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 192.

²⁹⁴ Цит. по: Gallonédec-Genuys F. La conception du prince dans l'oeuvre de Fénelon. Thèse pour le doctorat en droit. Paris: PUF, 1963. P. 78.

Следуя учению Фенелона, а также урокам Моро и других наставников, дофин подчеркивал, что абсолютная власть должна уважать и защищать естественные права подданных: «Бог облек королей абсолютной властью, за которую они отвечают лишь перед Ним; но эта власть по существу предназначена для того, чтобы сохранить подданным все блага, полученные ими от природы. Естественный закон и гражданские законы бессильны, когда власть, призванная обеспечить им уважение, обращается в произвол»²⁹⁵. Вполне в духе своего просвещенного века он рассуждал в категориях естественного права. В числе принципов, которые, по мнению наследника престола, должны служить основой его поведения, он записал следующий: «Я должен рассматривать всех людей как равных и независимых по праву природы»²⁹⁶. К идее равенства людей он возвращался и в более поздние годы. В период царствования он в одной из записных книжек высказал пожелание, чтобы «дистанция между народом и грандами стала меньше»²⁹⁷.

Король, - утверждал дофин, - должен править по закону. Этому классическому принципу французской монархии он подыскал естественно-правовое обоснование: «Править людьми не значит поработать их. Людьями необходимо управлять, чтобы сохранить им свободу; поэтому народами надо управлять по общим законам, а не по частному произволу»²⁹⁸. Законы, призванные принести «счастье народам», должны быть «справедливыми, ясными и сообразными духу нации»²⁹⁹.

Парламентам в политической системе французской монархии он отводил роль собраний мудрых советников, призванных помогать королю в его законотворческой деятельности, когда их об этом попросят: «Перед тем как издать закон, надо выслушать мнение самых мудрых и уважаемых магистратов; надо, чтобы законы отвечали духу нации и состоянию, в котором она пребывает»³⁰⁰.

В «Размышлениях» о беседах с наставником, герцогом де Ла Вогийоном юный Людовик не раз возвращался к мысли о том, что и абсолютная власть короля, и естественные права человека даны свыше. Они неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали, именуемой французской монархией: «Любому правительству важно иметь абсолютную и неодолимую силу, которая способна всегда принудить к подчинению и над которой распушенность никогда не сможет возобладать. [...] Сущность французской монархии в том, что вся власть сосредоточена у одного короля, и нет здесь ни корпуса, ни частного лица, способного не подчиниться его власти. Любое мнение, умаляющее эту священную власть, всегда будет прямо противоречить фундаментальным законам французского правления. [...] Есть четыре естественных права, которые государь обязан сохранить каждому из своих подданных; они даны от Бога и предшествуют всякому политическому и гражданскому закону: это жизнь, честь, свобода и собственность на имущество, которым владеет каждый индивид»³⁰¹. Именно абсолютная власть короля лучше всего способна, с точки зрения Людовика, защищать естественные

²⁹⁵ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI. 2 vols. Paris, 1864. T. 1. P. 212.*

²⁹⁶ *Ibid. P. 193.*

²⁹⁷ *Pensées manuscrites de la main de Louis XVI et puisées dans les ouvrages de Stanislas Leczinsky, roi de Pologne, son aïeul // Oeuvres de Louis XVI. T. 2. P. 11.*

²⁹⁸ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon. P. 212.*

²⁹⁹ *Ibid. P. 201.*

³⁰⁰ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon. P. 202.*

³⁰¹ *Ibid. P. 242-243.*

права подданных. Если в речах и, как мы увидим, в политике Людовика XV отчетливо проявлялась склонность к «просвещенному деспотизму», то его внук был сторонником более традиционной монархии, основанной на незыблемых фундаментальных правовых нормах.

Представления о короле, государстве и власти выражались не только в виде теоретических рассуждений и концепций, но и на языке метафор. Объясняя характер взаимоотношений короля с подданными, Моро использовал две популярные метафоры. Во-первых, он уподоблял власть короля власти «отца семейства, научившего детей смирять страсти, чтобы быть счастливыми», а для этого он должен править по справедливости и по закону³⁰². Во-вторых, король у Моро – это пастырь, ведущий свой народ. Король знает путь, но пройти его он может только вместе с народом: «Без Суверена народа не знает пути; без Нации Суверен бессилён»³⁰³.

Из социальных метафор, употреблявшихся во Франции XVIII в., наиболее распространенными были тело, семья и машина. Каждая из них выражала определенные представления о государстве, о взаимоотношениях монарха и подданных. Нюансы этих представлений хорошо видны на примере очерка о французской монархии, написанного воспитателем сына Людовика XVI маркизом де Лувилем. Общество, по мнению наставника дофина, «представляется нам как деяние (*comme un fait*), а не как система» и, с этой точки зрения, оно подобно семье и телу, так как семья «уже есть естественный, необходимый и правильный социальный порядок»³⁰⁴. Как у всякого живого существа, у общества-тела должна быть душа: «Общество, как моральное тело, нуждается в животворном, стимулирующем, хранящем и направляющем принципе. Этим совершенно нематериальным принципом является оживляющий его дух». «Дух народа» (*l'esprit d'un peuple*) образуют свойственные ему идеи, мнения, обычаи и воспоминания³⁰⁵. «Подлинная и неодолимая сила заключена в духе, который движет обществом. У древних это был патриотизм, в Испании – религия, в Англии – дух алчности. Дух Франции самый благородный и просвещенный: это принцип чести, своего рода национальная религия; это патриотизм монархий, более чистый, чем в древности [...]»³⁰⁶.

Переходя от рассуждений об обществе и народе к работе государственных учреждений, де Лувиль прибегал к метафоре государства-машины и говорил о том, как следует воздействовать на ее пружины. Правда, у него государство – это машина особого рода, ее нельзя разобрать на составные части. Она больше похожа на живой организм, «эта машина обречена на неподвижность, если животворящий принцип не приведет ее в движение»³⁰⁷. По словам де Лувилья, «французская монархия, опирающаяся на три столпа – религию, честь и труд – и подвластная скипетру, переходящему по наследству по мужской линии, представляет собой сложное тело, не только взятая вместе, но и во всех своих политических, административных, судебных, полицейских и финансовых частях и подразделениях». Исходя из представления о монархии как о едином теле, де Лувиль критиковал теорию разделения властей: «В политической администрации все происходит,

³⁰² Moreau J.-N. Les Devoirs du Prince. P. 443.

³⁰³ Moreau J.-N. Principes de morale. Т. 7. P. 355.

³⁰⁴ Esquisse de l'ancien gouvernement français, tracée pour l'instruction de Monsieur le Dauphin, fils de Louis XVI // Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. 6 vols. Bruxelles-Leipzig, 1838. Т. 2. P. 12 (Сочиненный в 1788 г. «Эскиз» де Лувилья был опубликован его племянником графом д'Алонвилем).

³⁰⁵ Ibid. P. 29-30.

³⁰⁶ Ibid. P. 34.

³⁰⁷ Ibid. P. 40.

как в природе. Бесповоротное разделение властей здесь было бы ошибкой, подобной выделению элементов природного вещества: так можно разрушать, но не создавать»³⁰⁸. В государстве, как в природе, должны царить гармония и единство в многообразии, а не упорядоченная, рациональная правильность: «Единообразие противоречит всем законам природы, упорядоченность которой основана на единстве и согласии множества очевидных неправильностей. Таким образом, государственное управление живо гармонией [...]»³⁰⁹. А гармонию французской монархии, считал де Лувиль, образуют все ныне существующие порядки и учреждения: верховная власть короля, права парламентов и система продажи должностей, религия, принцип чести, общественные нравы, армия, финансы, различные бюро, королевский двор. «Во Франции, - заключает де Лувиль, - все делается ради целого, а не ради индивидуальностей; [...] всё здесь упорядочено и консервативно, потому что всё это учреждение основано не на равенстве, на котором [...] нельзя основать прочное учреждение, а на истинной и благородной свободе, которая рождается и крепнет, опираясь на общественные классы, заинтересованные ее защищать»³¹⁰. Все три метафоры, использованные маркизом де Лувилем – семьи, тела и машины, - в его интерпретации по-своему выражали идею единства монархии, неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости составляющих ее элементов. При этом он явно отдавал предпочтение метафорам семьи и тела, желая сказать, что институты французской монархии, даже если какие-то из них кажутся устаревшими, нельзя переделать, усовершенствовать или заменить, подобно деталям машины. Такие действия, пусть и предпринимаемые с самыми благими намерениями, способны убить живой организм монархии.

Напротив, метафора государства-машины удачно подходила для обоснования политики реформ и «просвещенного деспотизма». Шарль-Ирене Кастель, аббат де Сен-Пьер разработал целую теорию государства как машины, деталями которой являются все лица, состоящие на государственной службе, а управляет – король. По словам аббата де Сен-Пьера, «большое Государство можно рассматривать как большую машину, которую Король приводит в движение, нажимая на разного рода пружины. Таким образом, будущему Королю следует знать все основные части своей машины, то есть различные должности и почетные и полезные вознаграждения, которые должны по справедливости раздаваться всем Государственным чиновникам. Ему следует уметь чинить колеса, если между ними нарушается сцепление, то есть если нарушается субординация между Чиновниками. Так что если он с самого детства не освоил каждой из основных частей своего Государства и не понял, каким образом они связаны и, так сказать, сцеплены между собой, то он никогда не сможет научиться искусству хорошо управлять»³¹¹. Не случайно при этом, что в понятия «деспотизм» и «деспотическое государство» аббат де Сен-Пьер вкладывал вполне позитивный смысл, понимая их как полное подчинение государственного механизма разумной воле короля. Монарх-реформатор, «просвещенный

³⁰⁸ Ibid. P. 40-41.

³⁰⁹ Ibid. P. 78.

³¹⁰ Ibid. P. 93-94.

³¹¹ Castel de Saint-Pierre, Ch.-I. Plan d'Education des Dauphins // Ouvrages politiques de Mr. l'Abbé de St. Pierre, Charles Irenée Castel, de l'Academie Française. T. 6. A Rotterdam, Chez Jean Daniel Beman, 1734. P. 162-163. Об идее деспотизма у аббата Сен-Пьера см.: Keohane N.O. Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1980. P. 369-376.

деспот», руководствуясь собственным разумом и по собственной воле мог усовершенствовать или заменить любые детали подвластного ему механизма.

Королю Людовику XVI особенно близка была метафора государства-семьи. Именно она чаще других встречается в его личных заметках и в официальных документах периода его царствования. В юношеских «Размышлениях» о беседах с герцогом де Ла Вогийоном дофин Людовик уподобил французскую монархию большой семье во главе с королем-отцом: «Монархическая власть и вообще любая власть, которой обладает правительство над нацией, имеет своим принципом и источником отеческое управление; так что король – это отец большой семьи»³¹². И много лет спустя, уже в первые годы революции король в публичной речи по-прежнему именовал себя «общим отцом всех своих подданных»³¹³. За этим предпочтением стоял свойственный королю тип политической культуры и выбор в пользу определенного типа политики. Государство-семью король-отец в состоянии построить лишь с помощью и при участии своих подданных. В государстве-семье король и подданные неразрывно связаны взаимными обязательствами и подчинены законам, установленным свыше, что отвечало официальному образу французской монархии – естественной, традиционной и ничего общего не имеющей с деспотизмом. Правитель такого государства, столкнувшись с необходимостью проводить преобразования, должен был, как врач, руководствоваться принципом «не навреди». Боязнь навредить слишком радикальными мерами постоянно проявлялась в политике Людовика XVI и, в конечном счете, сыграла роковую роль.

Королевский двор и придворные «партии»

Вторая половина XVIII в. была отмечена усилением политического влияния придворной аристократии. Нарушилась описанная Норбертом Элиасом конфигурация монархии Людовика XIV, в которой высшая аристократия блистала при дворе, а ключевые государственные посты получали выходцы из «дворянства мантии»³¹⁴. По словам английского историка Джулиана Сванна, в 1750-е гг. во Франции началась «аристократическая реакция»³¹⁵, выразившаяся в том, что министерские должности все больше стала занимать аристократическая элита Версаля. Кульминацией этого процесса явилось назначение Этьена-Франсуа, герцога де Шуазёля на должности государственного секретаря по иностранным (1758), военным (1761) и морским делам (1761). Это был временный триумф клана Шуазёлей (закончившийся опалой герцога в 1770 г.), а также окончательное утверждение грандов в их праве занимать министерские посты. В королевском окружении шло постоянное соперничество придворно-министерских фракций, которые современники называли «партиями». Это не было новым явлением: семейные кланы и аристократические «партии» существовали при дворе столько же, сколько и сам двор, и боролись за власть. Традиционно придворные «партии» представляли собой клиентелы грандов (герцога Орлеанского, принца Конде и др.), объединенные родственными и дружескими связями, личной заинтересованностью и преданностью. Но в конце Старого порядка стали появляться «партии», образованные на

³¹² Louis XVI. *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon*. P. 212.

³¹³ *Etats généraux. Séance royale. Du mardi 23 juin 1789. Le discours de roi // Archives parlementaires*. Т. 8. Paris, 1875. P. 143.

³¹⁴ Элиас Н. *Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М.: Языки славянской культуры, 2002.

³¹⁵ Swann J. *Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774*. Cambridge, 1995.

основе не только и не столько родственных уз и отношений личной преданности или выгоды, сколько общих религиозных воззрений и идейно-политических принципов. Такими отчасти были, например, «янсенистская партия» и проиезуитская «партия святош». Правда, по мнению ряда исследователей, на протяжении большей части XVIII столетия за политизированным дискурсом на самом деле скрывалось противоборство влиятельных личностей, семейных кланов или корпораций³¹⁶. Тем не менее, во второй половине века этот политизированный дискурс стал неотъемлемой частью культуры образованных слоев общества, и современники уверенно приписывали сторонникам той или иной «партии» приверженность определенной религиозной или политической доктрине. Справедливые соображения на этот счет высказал автор исследования политической жизни во Франции в середине XVIII в. Питер Кэмпбелл, отмечая, что в обществе, сильно подверженном влиянию просветительской литературы и конституционных идей, аристократические фракции не имели особого языка для публичного выражения и защиты своей собственной позиции. Открыто признаться в том, что защищаешь семейные или групповые интересы, было бы неприличным нарушением общепринятых правил политической игры. В силу этого соперничающие придворные фракции были обречены либо на молчание, либо на использование чужого политического языка, выработанного литераторами или юристами. Они искали и находили такие средства выражения своей политической позиции, какие имелись в то время в их распоряжении³¹⁷.

Основания для этого были, так как некоторые «партии» расходились в решении вопросов, имевших политическое значение и стоявших в центре общественных дискуссий XVIII в. Их разделяло отношение к янсенизму, к деятельности Ордена иезуитов, к свободе торговли зерном, к реформам управления финансами, к правам парламентов, к новым внешнеполитическим приоритетам (в частности, к союзу с Австрией). Эти расхождения выглядели значимыми в глазах современников. Поддерживать ту или иную группировку люди могли не только в надежде на покровительство со стороны возглавлявшего «партию» вельможи или министра, но и найдя в ней своих единомышленников. Так, к «физиократической партии» примыкали те, кто разделял их экономическую доктрину.

В 1770-е-1780-е гг. политическая жизнь при дворе Людовика XVI и в министерских кругах определялась противостоянием «партии короля» и «партии королевы», за которым стояло нечто большее, чем личные амбиции входивших в эти группировки вельмож. Емкая характеристика двух соперничающих «партий» дана в записках генерального наместника парижской полиции Жан-Шарля-Пьера Ленуара: «В то время стали открыто оспаривать законодательство и его принципы. Эти вопросы и еще другие вызвали раскол среди министров: одни, и в частности г-н де Верженн, объединились с хранителем печатей³¹⁸ и образовали партию, которую называли партией короля. Другие, особенно гг. Сегюр и де Бретей, считались партией королевы»³¹⁹. Примечательно, что, рассказывая о двух «партиях», Ленуар обращает внимание не столько на родственные и деловые связи,

³¹⁶ См., напр.: Rogister J. Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755. N.Y., 1995; Swann J. Power and Provincial Politics in Eighteenth-Century France: The Varenne Affair, 1757-1763 // French Historical Studies. 1998. V. 21. № 3.

³¹⁷ Campbell P.R. Power and Politics in Old Regime France, 1720-1745. London, 1996. P. 177-190.

³¹⁸ Арманом-Тома Ю де Мироменилем.

³¹⁹ Darnton R. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774-1785 // English Historical Review. Vol. 85. № 336. P. 543-544.

сколько на разницу в принципах, которыми руководствовались входившие в них министры³²⁰.

«Партия короля», к которой принадлежали сам Лемуар, министр иностранных дел Шарль Гравье, граф де Верженн, хранитель печатей Миромениль и «Ментор» Людовика XVI Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепа, объединяла сторонников умеренных и осторожных реформ, в частности, большей централизации управления финансами. Их политическая стратегия выразилась в приводимых Лемуаром словах Миромениля, любившего повторять своим оппонентам: «Умело реформировать – не значит всё полностью изменить» и «мой первый секретарь – время»³²¹. Возглавлял «партию короля» сначала граф де Морепа, а после его смерти – Верженн, последовательный защитник абсолютной монархии, решительно осуждавший любые намерения ограничить власть короля в пользу парламентов или аристократии. Он стремился расширить полномочия королевского совета в управлении финансами, ограничив в этой сфере возможности частных предпринимателей-финансистов и генерального контролера финансов, и править, избегая рискованных новшеств³²².

«Партия королевы» во главе с морским министром Шарлем-Эженом-Габриэлем де Ла Круа, маркизом де Кастром, военным министром Анри-Филиппом, маркизом де Сегюром и министром королевского дома бароном де Бретёем выросла из прежней придворной фракции Шуазёля и мадам де Помпадур. Этих людей отличала меньшая приверженность традициям, большая открытость разного рода политическим экспериментам. Они были склонны заигрывать с просветителями, демонстрируя свое вольнодумство, и не чуждались конституционных идей.

Две «партии» различались и по социальному составу. «Партия короля» состояла из «дворянства мантии», тогда как в «партии королевы» преобладала высшая придворная «аристократия шпаги». Лемуар передает слова Морепа, желавшего убедить короля «не следовать ни инсинуациям злонамеренных придворных, ни идеям людей системы»³²³. В одной этой фразе Морепа четко определил, кого именно он считал своими противниками: придворную аристократию, чьи политические амбиции выражала «партия королевы», и философов-просветителей («людей системы», как их неодобрительно называли в XVIII в.), с которыми заигрывала эта «партия».

Соперничество фракций не ограничивалось узкими рамками королевского двора и министерства. Придворные «партии» имели своих сторонников в Парижском парламенте. Кроме того, в век Просвещения события, происходившие при дворе, получали выход в широкое публичное пространство.

Нация и «трибунал общественного мнения»

Заметное влияние на политическую культуру французского общества в середине XVIII в. оказала Семилетняя война, результаты которой нанесли ущерб престижу французской монархии. Неспособность монархии достойным образом поддерживать международный авторитет Франции в соединении с активной патриотической пропагандой времен войны способствовали распространению идеи нации, понимаемой как сообщество граждан, свободных и равных в правах. Идея нации стала в это время

³²⁰ Ibid. P. 536, 543-552, 558-559.

³²¹ Ibid. P. 544.

³²² Price M. Preserving the Monarchy: The comte de Vergennes, 1774-1787. N.Y., 1995.

³²³ Darnton R. The memoirs of Lenoir. P. 541.

ключевым элементом парламентской идеологии³²⁴. Так, известный и влиятельный правовед и публицист Луи-Адриен Ле Пеж доказывал, что через посредство парламента во Франции осуществляется священное единение монарха и нации, личной воли короля и хранимых парламентом фундаментальных законов монархии и что именно парламент представляет нацию перед лицом короля³²⁵. С середины XVIII в. идея суверенитета нации пропагандировалась в парламентских ремонстрациях и в написанных магистратами теоретических сочинениях и памфлетах.

Национальная идея широко использовалась в ходе общественной дискуссии вокруг деятельности Ордена иезуитов³²⁶. Среди обвинений в адрес иезуитов едва ли не на первом месте стояло то, что они, по словам их противников из среды парламентских магистратов, являются антинациональной силой, своего рода «пятой колонной» папы римского во Франции. В постановлениях и ремонстрациях Парижского парламента, касающихся деятельности иезуитов, им вменялось в вину то, что далеко не все члены ордена – урожденные французы (*naturels Français*) и многие из них родились за границей (*nés en pays étrangers*)³²⁷. По мнению магистратов Парижского парламента, Орден иезуитов представлял собой деспотически организованное сообщество, члены которого фактически оторвались от своей нации и перешли в полное подчинение иностранного монарха, каковым является папа римский, «так что оно [сообщество – *Л.П.*] набирает своих членов среди разных наций, а государи теряют подданных, которые приносят иностранному монарху присягу в самой полной и безграничной верности»³²⁸. В середине-второй половине XVIII в. во Франции обрела популярность идея национального воспитания, которую начали пропагандировать парламентские идеологи в полемике с иезуитами³²⁹.

Во второй половине XVIII в. национальная идея глубоко проникла не только в оппозиционный, но и в официозный дискурс, в котором можно встретить примеры подлинной сакрализации национального³³⁰. Когда речь заходила о нации, теоретики монархии использовали терминологию, заимствованную из текстов религиозного содержания. Так, одно из сочинений не раз упоминавшегося выше королевского историографа Жакоба-Николя Моро, посвященное политическим принципам французской монархии, было озаглавлено «Фундаментальные максимы французского правления; или

³²⁴ См.: Bell D.A. *Lawyers and Citizens: The Making of a Political Elite in Old Regime France*. N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1994. P. 116-119; Idem. *The Cult of the Nation in France. Inventing the Nationalism, 1680-1800*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2001; Dziembowski E. *Un nouveau patriotisme français, 1750-1770. La France face à la puissance anglaise à l'époque de la guerre de Sept Ans*. Oxford: Voltaire Foundation, 1998; Maire C. *De la cause de Dieu à la cause de la Nation: le jansénisme au XVIIIe siècle*. Paris: Gallimard, 1998. P. 421-440.

³²⁵ Le Paige L.A. *Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement, sur le droit des pairs, et sur les Loix fondamentales du Royaume*. 2 vols. Amsterdam, 1753-1754.

³²⁶ Van Kley D. *The Jansenists and the Expulsion of the Jesuits from France, 1757-1765*. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1975; Idem. *The Religious Origins of the French Revolution: From Calvin to the Civil Constitution, 1560-1791*. New Haven-London: Yale Univ. Press, 1996.

³²⁷ Arrêt du parlement de Paris concernant les Jésuites, 6 août 1761 // *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789*. Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. T. 22. P. 318.

³²⁸ Ibid. P. 359.

³²⁹ Сам термин «национальное воспитание» ввел в обиход генеральный прокурор Реннского парламента Луи-Рене де Ла Шалоте, опубликовавший трактат «*Essai d'Education Nationale, ou Plan d'études pour la jeunesse*» (1763). См. статью «Магистраты против иезуитов: споры о национальном и религиозно-конфессиональном образовании во Франции в середине XVIII в.».

³³⁰ Подробнее о взаимодействии национального и религиозного дискурсов см.: Пименова Л.А. Представления о национальной и религиозной идентичности во Франции XVIII в. // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время* / под ред. М.В. Дмитриева. М.: «Индрик», 2008. С. 97-126.

исповедание национальной веры, содержащее все основные догматы нашего политического символа веры»³³¹, а сам автор в тексте называл свое произведение «королевским катехизисом»³³². На теоретическом уровне нация с ее «максимами и догматами» получила официальное признание наряду с сакральной фигурой монарха. На практике же вставал вопрос о взаимодействии между монархом и нацией. Его особая актуальность определялась тем, какую роль в политической жизни Франции стало играть общественное мнение.

Занимавший при Людовике XVI пост генерального директора финансов Жак Неккер посвятил несколько страниц своего трактата «Об управлении финансами Франции» (1784) власти общественного мнения, в которой он видел важнейшую отличительную черту современной ему Франции. В трактате опального на тот момент министра появилась ставшая популярной метафора «трибунал общественного мнения». «Общественный дух, любовь к знакам уважения и похвалам создали во Франции трибунал, перед которым обязаны предстать все люди, обращающие на себя внимание: там царит общественное мнение, присуждая награды и лавры, создавая и разрушая репутации»³³³, - писал Неккер. Иностранцы не могут даже представить себе, какую роль играет во Франции общественное мнение: «Им трудно понять, что это за невидимая сила, которая, не имея ни денег, ни стражи, ни армии, диктует свои законы городу, двору и самим обитателям королевского дворца»³³⁴. Именно к этому трибуналу апеллировал сам Неккер, когда на посту главы финансового ведомства решился впервые в истории Франции опубликовать в 1781 г. «Отчет королю» о состоянии финансов.

Политическое поведение монархов и их окружения свидетельствует о том, что фактор общественного мнения учитывал не только Неккер. Так, пытаясь понять, почему Людовик XVI решился отменить реформу Мопу, восстановить парламенты в их прежнем виде со всеми прежними привилегии и тем самым своими руками возродил гнездо будущей оппозиции политике реформ, инициированной королевской властью, среди возможных мотивов, наряду с желанием короля править согласно законам и традициям монархии, а также отсутствием у двадцатилетнего Людовика политического опыта, современники и историки называли и даже ставили на первое место его стремление завоевать популярность³³⁵. Как отмечал А. де Токвиль, «в то же время, власть имущих охватила новая страсть – погоня за популярностью [...]. Отныне король сошел с трона, а его место заняло общественное мнение, и вскоре эта власть обрела своих придворных и льстецов»³³⁶. Этот пример наглядно демонстрирует возросшую роль общественного мнения, способного теперь руководить поступками правителя страны.

Существовала ли обратная связь? Были ли способны король – верховный судия в своем королевстве – и его приближенные управлять «трибуналом общественного мнения» и осознавали ли они такую необходимость? Они влияли на общественное мнение, в

³³¹ Moreau J.-N. *Historiographe de France. Maximes fondamentales du gouvernement français; ou profession de foi nationale, Renfermant tous les Dogmes essentiels de notre Symbole politique.* Paris & Versailles, 1789.

³³² «Ce Catéchisme de la Royauté» (Ibid. P. 5).

³³³ Necker J. *De l'administration des finances de la France.* Par M. Necker. T. 1. [S.l.], 1784. P. LVIII.

³³⁴ Ibid. P. LXI-LXII.

³³⁵ Cornette J. *Histoire de la France: Absolutisme et Lumières, 1652-1783.* Paris: Hachette, 1993. P. 137; Hardman J. *Louis XVI.* New Haven-London: Yale Univ. Press, 1993. P. 38.

³³⁶ Tocqueville A. de. *Coup d'oeil sur le règne de Louis XVI depuis son avènement à la couronne jusqu'à la séance royale du 23 juin 1789, pour faire suite à l'Histoire philosophique du règne de Louis XV, par le c-te de Tocqueville.* Paris: Amyot, [s.d.]. P. 13-14.

первую очередь, тем, что являлись для него основным источником политической информации: официальная информация оглашалась открыто от имени короля, а неофициальная – просачивалась из придворной среды, попадая оттуда в разного рода печатные и рукописные листки, газеты и записки, в изобилии циркулировавшие в обществе. Более того, королевский двор не только поставлял информацию, но и влиял на то, как она будет преподноситься, через посредство официозных газет и издателей, пользовавшихся поддержкой со стороны короля и получавших от него привилегии. Согласно королевским привилегиям, квазиофициальные периодические издания обретали монопольные права на освещение определенных сюжетов. Угодные властям литераторы и издатели получали почетные должности, денежные вознаграждения и пенсии из королевской казны.

Формирование общественного мнения и дискредитация соперников путем распространения памфлетной литературы превратились в широко используемое средство сведения счетов и борьбы за власть между придворно-министерскими «партиями». То, как это происходило, описал генеральный наместник парижской полиции Лемуар. В своих записках он рассказал о том, как в Париже получили хождение злые памфлеты, направленные против хранителя печатей Миромениля: «Распространители пасквилей знали также, что это было самое действенное средство, которое уже применялось восемь лет тому назад против канцлера Мопу. Несколько введенных в заблуждение друзей хранителя печатей из числа придворных пытались убедить его в том, что вновь и вновь появлявшиеся каждую неделю брошюры и листки исходили от опального и изгнанного канцлера [...]»³³⁷. Лемуар обвинял придворную аристократию в том, что именно она оказывала покровительство подпольным издателям и распространителям того, что современники называли «*плохими книгами*» (*les mauvais livres*), т. е. литературы вольнодумного, антицерковного, аморального, политически-оппозиционного и порнографического содержания. По словам Лемуара, все попытки положить конец хождению пасквилей в Париже «сорвали придворные, которые сами издавали сочинения скандального характера и покровительствовали их издателям. Парижская полиция могла схватить лишь книготорговцев и разносчиков, которые продавали и распространяли их. Разносчиков бросили в Бастилию, и такого рода наказание сильно задело их собратьев, бедолаг, которые занимались этим ради денег и зачастую не знали настоящих имен авторов и издателей... В годы перед Революцией власти были обычно беспомощны в своих усилиях сдержать поток антиправительственных пасквилей»³³⁸. То есть соперничающие придворные «партии» не боялись выходить за пределы замкнутого мирка королевского двора и умело действовали в публичном пространстве «века Просвещения», а это значит, что они боролись за влияние не только на короля, но и на общественное мнение.

У них имелись свои каналы «связей с общественностью», к числу которых относились сам двор, клиенты аристократов и министров, парламенты и литераторы. Придворные аристократы и министры действовали в публичном пространстве, чувствовали себя стоящими перед «трибуналом общественного мнения» и некоторые из них – хотя и не все – осознавали необходимость получить публичное одобрение своих поступков. Еще в первой половине-середине XVIII в. памфлеты против Людовика XV

³³⁷ Darnton R. The memoirs of Lenoir. P. 542.

³³⁸ Цит. по: Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. P. 202.

тайно печатались в Тампле, в резиденции либертена и фрондера принца де Конти³³⁹. В годы правления Людовика XVI центром распространения памфлетов стала резиденция герцога Орлеанского Пале-Руаяль. Между придворно-министерскими группировками вырисовывалось различие в том, с кем именно они устанавливали связи и у какой публики стремились завоевать расположение.

Мастерами создания «придворного общественного мнения» были королевские тетушки – незамужние дочери покойного Людовика XV. Они начали кампанию по дискредитации Марии-Антуанетты в общественном мнении. По сообщениям русских дипломатов при французском дворе, «в публике подозревали», что именно они распускали слухи о легкомысленном и недостойном поведении королевы³⁴⁰. Из их окружения исходили первые обвинения в ее адрес, что она легкомысленно пренебрегает этикетом, гуляет в саду без свиты, приглашает на ужины жен министров, оказывает придворным дамам почести не по рангу и приближает к себе людей недостаточно знатного происхождения. Молва моментально распространялась по Парижу как самими придворными, так и их многочисленной челядью. Уже в июле 1774 г. русский полномочный министр князь И.С. Барятинский сообщал о том, что эти слухи ходят при дворе, и тогда же их записал в дневнике парижский книгоиздатель Симеон-Проспер Арди, напрямую связав их появление с окружением королевских теток, главным образом, Мадам Аделаиды³⁴¹.

Подобным образом и принцы крови, лишённые возможности непосредственно участвовать в управлении государством, занимались тем, что формировали враждебное королеве общественное мнение, и их пропаганда имела еще более серьезные последствия, чем придворные интриги тетушек короля. Это хорошо видно на примере одного из конфликтов, случившегося в феврале-марте 1775 г. и подробно освещенного в депешах князя Барятинского. Когда в начале февраля ко двору прибыл брат королевы австрийский эрцгерцог Максимилиан, принцы крови отказались воздавать ему королевские почести на приемах под предлогом, что он приехал инкогнито, под именем графа Бурго. Король, поддавшись уговорам супруги, запретил принцам появляться в Версале в течение двух недель. Придворная ссора получила огласку, и поведение королевы было сочтено «обидным для всей нации»³⁴². Этот эпизод придворной жизни примечателен, прежде всего, тем, что показывает, как уже в самом начале царствования Людовика XVI споры из-за придворного этикета обретали «национальное» звучание. Принцы выглядели представителями французской «нации», противостоящими королеве-«австриячке». Причем одним из главных действующих лиц в описанном конфликте выступал Луи-Филипп-Жозеф, герцог Шартрский, который впоследствии, унаследовав от отца титул герцога Орлеанского, станет влиятельным лидером оппозиции, а в годы революции назовет себя Филиппом Эгалитэ.

³³⁹ Glotz M., Maire M. *Salons du XVIIIe siècle*. Paris, 1949. P. 143.

³⁴⁰ Депеша от 3 (14) июля, 6 (17) июля и 13 (24) июля 1774 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Фонд 93/6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Дело 292. Л. 41 об.-42, 50-50 об., 63-64 об.

³⁴¹ Hardy S.-P. *Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels qu'ils parviennent à ma connoissance (du 1764 à 1790)*. Bibliothèque Nationale de France. Ms. fr. 6681 (mf. 2567). P. 376-377.

³⁴² Депеша от 2 марта (19 февраля) и 9 марта (26 февраля) 1775 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Дело 302. Л. 53-55, 59-60. О визите эрцгерцога Максимилиана и поведении королевы и принцев крови в этой связи см. также: *La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI*. 6. Paris: O.E.I.L., 1992. P. 77, 79, 82, 84-87.

Активно воздействовали на общественное мнение и немало в этом преуспели сторонники опального министра Людовика XV герцога Шуазёля. Используя сеть клиентелы, они умело создавали широкую популярность своему лидеру. На это обратил внимание князь Барятинский, сравнивая двух министров иностранных дел – Шуазёля и Верженна. По его мнению, второй, ни в чем не уступая первому по реальным заслугам, заметно проигрывал ему в глазах публики, так как не имел вокруг себя людей, способных «из места в место ездить о нем разглашать с восхищением, как то здесь было во употреблении во время министерства Дюка Де Шоазеля». Верженн, в отличие от Шуазёля, не умел создавать общественное мнение и потому «великие услуги сего почтенного мужа от интриг в публике не столь кажутся видными и важными, как оные суть в самом деле»³⁴³. Это не просто неумение, а, более того, решительное нежелание Верженна вступать в диалог с широкой аудиторией особенно ярко и недвусмысленно проявилось в его резко негативном отношении к публикации Неккером «Отчета королю» о состоянии финансов в 1781 г. По мнению Верженна, годовые финансовые отчеты и другие подобные им государственные бумаги составляются для короля и его министров и не должны предаваться гласности. Правители Франции в большинстве своем еще не были готовы выносить государственные дела на публичное обсуждение. В представленных Верженном королю пространственных и аргументированных заметках о деятельности Неккера генеральный директор финансов обвинялся в англomanии, пренебрежении интересами короля и нарушении традиций французской монархии. Столь серьезные обвинения свидетельствовало о принципиальных идейно-культурных разногласиях между двумя министрами³⁴⁴. Роковым для монархии образом именно такие люди, не сумевшие или не пожелавшие завоевать широкую популярность, оказались у власти и попытались проводить реформы в кризисные предреволюционные годы, тогда как фавориты общественного мнения – Неккер и герцог Орлеанский – находились в оппозиции.

Подводя итоги, следует сказать, что в конце Старого порядка менялись свойственные политической элите представления о монархии. Идея сакральности монархии и персоны короля трансформировалась от традиционно религиозной в сторону сакральности политической. В политической теории и практике властных элит поочередно проявлялись две тенденции – умеренная и абсолютистская, - ни одна из которых так и не восторжествовала. Значение идей и теорий определялось, в частности, тем, что особенностью политической культуры этого периода была возросшая роль идейных разногласий в формировании и соперничестве придворно-министерских группировок. Эти группировки не существовали изолированно и выходили в «публичное пространство», но всё же политическая культура правящей элиты Франции оставалась преимущественно придворной и кабинетной, что сыграло негативную роль в новой обстановке, сложившейся в период кризиса 1787-1789 гг., когда политический процесс, став публичным, потребовал от своих участников такого умения формировать общественное мнение, каким властные элиты старой Франции не владели.

³⁴³ Деша от 15 (26) января 1783 г. // АВПРИ. Фонд 93/6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Дело 396. Л. 13-14.

³⁴⁴ Vergennes Ch. de. Observations remises à Louis XVI et par ses ordres, le 3 mai 1781, sur l'esprit du compte rendu relativement à la constitution de l'état, et sur le caractère de son auteur, considéré comme étranger par sa naissance, par ses opinions et par ses moeurs, à l'administration des finances de France // Soulvie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. T. 4. Paris, 1801. P. 149-159.

Ассамблеи нотаблей 1787-1788 гг.: развитие политического ритуала в условиях кризиса

Две ассамблеи нотаблей 1787-1788 г., послужившие во Франции началом «предреволюции», - а по мнению некоторых историков, и самой революции, без всяких ограничительных приставок, - не раз становились предметом специальных исследований³⁴⁵. Дебаты вокруг интерпретации этих событий и оценки действий их главных участников не прекращаются. Одни авторы полагают, что эгоистичное и недальновидное стремление нотаблей отстоять свои налоговые привилегии сорвало выполнение плана широкомасштабных реформ, предложенного королем и его генеральным контролером финансов Шарлем-Александром де Калонном, и, таким образом, не позволило выйти мирным путем из финансового кризиса³⁴⁶. Другие считают, что оппозиция нотаблей была вызвана, в первую очередь, желанием положить конец авторитарному административному централизму и расширить участие подданных в управлении государством³⁴⁷.

В работах этих авторов детально проанализированы заседания собраний нотаблей, ход обсуждения плана Калонна, позиции отдельных участников. Мы этих вопросов касаться почти не будем: читатель при желании сможет обратиться к указанной в сносках специальной литературе. Предлагаю посмотреть на собрания нотаблей с иной точки зрения: не как на обсуждение плана финансовых реформ (первое собрание нотаблей 1787 г.) и процедуры созыва Генеральных штатов (второе собрание нотаблей 1788 г.), а как на ритуал символической коммуникации между королевской властью и подданными в условиях политического кризиса.

Историки уже отмечали, что начиная с XVII в. во Франции характер символической коммуникации между монархом и подданными меняется. Стали более редкими четыре, по мнению Ральфа Гизи, главных государственных ритуала французской монархии: коронации, похороны короля, королевские въезды в города и королевские заседания Парижского парламента. На смену действу, разворачивающемуся на городских площадях и улицах, приходят придворные церемонии, к участию в которых допускается более узкий круг лиц. У народа остается меньше возможностей лицезреть своего монарха вживую. Место физической персоны короля занимают его многочисленные живописные, графические и скульптурные портреты³⁴⁸.

³⁴⁵ См., напр.: Egret J. *La Pré-révolution française*. Paris, 1962; Gruder V.R. *The Notables and the Nation: The Political Schooling of the French, 1787-1788*. Cambridge (Mass.)-London: Harvard Univ. Press, 2007; Ilovaïsky O. *La disgrâce de Calonne, 8 avril 1787: vers l'abrogation des exemptions de charges fiscales*. Paris, 2008; Hardman J. *Overture to the Revolution: The 1787 Assembly of Notables and the Crisis of France's Old Regime*. Oxford-N.Y.: Oxford Univ. Press, 2010; *From Deficit to Deluge: The Origins of the French Revolution* / eds. Th. Kaiser and D.K. Van Kley. Stanford: Stanford Univ. Press, 2011.

³⁴⁶ Ilovaïsky O. *Op. cit.*

³⁴⁷ Gruder V.R. *Op. cit.*

³⁴⁸ Giesey R.E. *Modèles de pouvoir dans les rites royaux français // Annales: Economies. Sociétés. Civilisations*. 1986. P. 579-599; Idem. *The King Imagined // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture*. T.1: *The Political Culture of the Old Regime* / ed. by K.M. Baker. Oxford: Pergamon Press, 1987; Chartier R. *Les Origines culturelles de la Révolution Française*. Paris: Seuil, 1991. P. 153-166.

Развивая выдвинутую Эрнстом Канторовичем теорию «двух тел короля»³⁴⁹, Луи Марен утверждал, что в период «классического абсолютизма» Людовика XIV «у короля осталось одно тело, но в действительности в этом единственном теле соединились три: исторически-физическое, политико-юридическое и сакраментально-семиотическое тело, при этом с помощью сакраментального тела, или “портрета” историческое и политическое тела становились полностью (или почти полностью) взаимозаменяемыми [...]. Король – это портрет короля, созерцаемый всем народом в почтительном восхищении»³⁵⁰.

Сказанное можно принять с оговорками: оно относится, главным образом, к ритуалу королевских въездов, которые действительно стали крайне редкими с прекращением переездов короля из одной резиденции в другую. Королевские погребения и коронации случались редко в силу естественных причин: Людовик XIV и Людовик XV прожили долгую жизнь. По той же причине редко проводились королевские заседания парламента по случаю восшествия на престол нового монарха. Однако в XVIII в. эти церемонии не раз имели место, хотя и не по столь торжественному поводу, а с целью подавить сопротивление строптивого парламента и заставить его в принудительном порядке зарегистрировать королевский эдикт³⁵¹.

Созыв собрания нотаблей в 1787 г. тоже был обусловлен вполне прагматическими соображениями. В условиях обнаружившегося острого финансового кризиса для одобрения плана реформ, составленного генеральным контролером финансов Калонном и включавшего преобразование налоговой системы, в том числе отмену налоговых привилегий, требовалось получить согласие элиты французского общества. Предвидя неизбежную оппозицию со стороны парламента, Калонн предложил королю Людовику XVI возродить один из старых институтов французской монархии и созвать собрание нотаблей. В XVI в. короли не раз призывали для консультаций по политическим и налоговым вопросам представителей духовенства, дворянства, городов и суверенных курий. Правители Франции обычно прибегали к такой процедуре, когда в сложной ситуации для принятия важного решения необходимо было заручиться согласием подданных, избежав при этом требующего гораздо больше времени и организационных усилий созыва Генеральных штатов. До того последний раз нотабли созывались в 1626-1627 гг., т. е. 160 лет тому назад. Тогда их целью было рассмотреть предложенную кардиналом Ришельё программу реформ для оздоровления королевских финансов³⁵². После 1627 г. они не созывались ни разу, то есть этот институт временно ушел в тень вместе с Генеральными штатами. Задачи, которые предстояло решать нотаблям в 1787 г., были отчасти схожими, хотя и гораздо более масштабными.

Инициатива созыва собрания нотаблей была возвратом к традиции, но столь давней, что она могла восприниматься как новизна. Новое в данном случае действительно было хорошо забытым старым. По словам Моник Коттре, собрание нотаблей «воспринимает формы, использовавшиеся при Людовике XIII, при этом общественное

³⁴⁹ Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton, 1957 (русск. перев.: Канторович Э.Х. *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. 2-е изд. / перев. М.А. Бойцова и А.Ю. Сергиной. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

³⁵⁰ Marin L. *Le Portrait du Roi*. Paris: Minuit, 1981. P. 21, 286.

³⁵¹ Об этом обряде см.: Hanley S. «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980.

³⁵² О собрании нотаблей 1626-1627 гг. см.: Petit J. *L'assemblée de notables de 1626-1627*. Paris, 1936.

мнение реагирует с энтузиазмом на новшество»³⁵³. Еще до открытия собрания, в конце января – начале февраля 1787 г. анонимный автор писем из Версаля, обращаясь к современному американскому и польскому опыту, называл его «национальным конгрессом» (*le congrès national*) и «национальным сеймом» (*la diète nationale*)³⁵⁴.

В кризисной обстановке 1787 года, в преддверии реформ, способных вызвать недовольство в обществе, собрание нотаблей призвано было сыграть двоякую роль: во-первых, продемонстрировать диалог между властью и подданными; во-вторых, создать альтернативу Парижскому парламенту, который к тому времени вышел из-под контроля со стороны короля и министров и объявил себя выразителем и гарантом интересов нации.

Предназначение собрания нотаблей служить надежным связующим звеном между королем и подданными сформулировал Калонн в докладной записке королю: «Представляется нужным соблюсти два условия. Во-первых, призванные на это августейшее совещание должны быть людьми, имеющими вес, достойными доверия публики, и их голос должен сильно повлиять на общественное мнение. Во-вторых, они должны преданно служить Королю, быть устремлены к благу, далеки от всяческих интриг, беспристрастны, так чтобы не было оснований опасаться, что оппозиционный дух возобладает в Ассамблее и будет сильнее истинного патриотизма»³⁵⁵. Цель воздействовать на общественное мнение посредством установления диалога с ним четко продекларировал государственный секретарь иностранных дел французского короля Шарль Гравье де Верженн в беседе с русским послом И.М. Симолиным: «Так как ассамблеи нотаблей не было в течение 160 лет, это событие во Франции станет эпохальным, оно приблизит Двор к нации, которая при двух последних царствованиях была от него слишком удалена, и возродит доверие – основу подлинного могущества»³⁵⁶.

Сама по себе идея заручиться поддержкой общественного мнения, высказанная министрами короля Калонном и Верженном, не была принципиально новой. Людовик XVI и прежде, принимая важные решения, заботился о том, чтобы они были правильно поняты и получили одобрение в обществе³⁵⁷. Но, как свидетельствуют слова Верженна, на сей раз имелось в виду нечто большее: попытка по-новому выстроить отношения короля с подданными и сделать последних – в лице нотаблей – участниками проведения важнейших реформ и определения пути дальнейшего развития страны.

Насколько с церемониальной точки зрения собрание нотаблей 1787 г. ориентировалось на традиционные образцы? Интерес к прежним аналогичным собраниям в это время оживился, и были изданы их протоколы³⁵⁸. В 1626 г. нотабли заседали в Париже, во дворце Тюильри. На церемонии открытия в зале заседаний под балдахином

³⁵³ Cottret M. *Culture et politique dans la France des Lumières (1715-1792)*. Paris: A. Colin, 2004. P. 137.

³⁵⁴ *Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville, de 1777 à 1792*, publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque impériale de St.-Petersbourg / par M. de Lescure. Paris: Plon, 1866. T. 2. P. 103.

³⁵⁵ Цит. по: Egret J. *Op. cit.* P. 12-13.

³⁵⁶ «...que n'ayant pas eû d'assemblée des notables depuis 160 ans, cet événement fera époque en France, rapprochera la Cour et la nation qui sous les deux derniers regnes en étoit trop éloignée, et fera renaître la confiance, qui établie la vraie puissance» (Архив внешней политики Российской империи. Фонд №93. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Описание № 6. Ед. хр. 439. Л. 228). Во французском тексте сохранена орфография оригинала.

³⁵⁷ Hardman J. *French Politics, 1774-1789. From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille*. London-N.Y., 1995. P. 232-242.

³⁵⁸ *Procès verbal de ce qui s'est passé à l'Assemblée des notables, tenue au Palais des Tuileries, en l'année 1626, sous le règne de Louis XIII: extrait du Mercure Français de la même année, suivi de la harangue du roi Henri IV, à l'Assemblée qu'il convoqua à Rouen en l'année 1596*. Paris: Impr. polytype, 1787.

были установлены кресла для Людовика XIII и королевы-матери Марии Медичи. Короля окружали гвардейцы. По правую руку от Людовика сидел герцог Орлеанский, по левую – хранитель печатей Мишель де Марийяк. Справа от короля, в порядке удаления от него стояли скамьи для государственных советников, кардиналов, маршалов Франции, государственных секретарей, архиепископов и епископов и членов Счетной палаты, во втором ряду за ними – для финансовых интендантов. Напротив, слева от короля на скамьях сидели дворяне, затем президенты и генеральные прокуроры парламентов, купеческий прево Парижа, а во втором ряду – магистраты Налоговой палаты³⁵⁹. Ход торжественной церемонии в тот раз нарушили разыгравшиеся накануне местнические споры между герцогами Немурским и Гизом. Уладить вопрос о рангах и первенстве так и не удалось, поэтому на открытии собрания отсутствовали все принцы и герцоги-пэры³⁶⁰.

В 1787 г. на собрание были призваны 144 нотабля, в том числе 7 принцев крови, 36 титулованных дворян, 12 членов королевского совета, 14 прелатов, 37 магистратов суверенных курий, гражданский наместник парижского Шатле, 12 депутатов от провинциальных штатов и 25 глав городских муниципалитетов³⁶¹. Зал для пленарных заседаний нотаблей был наскоро организован в недавно построенном доме Малых забав, который служил для хранения декораций Версальской оперы. Подготовительными работами занималась придворная администрация Малых забав, ответственная за подготовку и проведение празднеств и церемоний. Автором проекта стал любимый придворный архитектор Людовика XVI Пьер-Адриен Пари³⁶².

Зал был богато декорирован³⁶³. Но его великолепие не восхищало, а шокировало следившую за подготовительными работами публику ввиду того, что целью созыва нотаблей был поиск выхода из тяжелейшего финансового кризиса. Вот что замечал по этому поводу в середине февраля 1787 г. издававший «Секретные записки для истории Литературной республики во Франции» журналист Матьё-Франсуа Пиданза де Меробер, ссылаясь на письмо, присланное ему из Версаля: «Невозможно поверить в то, что во всем королевском дворце не нашлось места, чтобы в течение шести недель провести собрание Нотаблей и что для этого понадобилось специально строить здание, то есть, когда все вокруг только и говорят, что о бедственном положении государства и о необходимости экономить, в то же самое время начинают бросать на ветер миллионы ради ненужного и мимолетного блеска. Чтобы потратить как можно больше, надо было поручить это Малым забавам, ибо заседания будут проходить в их здании, а подготовительные работы займут почти столько же времени, сколько сами заседания; о начале подготовки объявлено сорок три дня назад, а она еще не закончилась»³⁶⁴. Помимо большого зала заседаний размером

³⁵⁹ Ibid. P. 3-5.

³⁶⁰ Ibid. P. 28.

³⁶¹ Egret J. Op. cit. P. 13. Поименный список нотаблей см.: Procès-verbal de l'assemblée de notables, tenu à Versailles, en l'année 1787. Paris: Impr. Royale, 1788. P. 3-29.

³⁶² Об оформлении зала подробнее см.: Brette A. Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. T. 1. Paris, 1902. P. 19-28; Gruber A.-Ch. Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-Paris: Droz, 1972. P. 141-143.

³⁶³ См.: Gruber A.-Ch. Op. cit. P. 142-143.

³⁶⁴ «Vous ne croiriez jamais que le Roi dans tout son château ne s'est pas trouvé en état de rassembler les Notables pendant six semaines, & qu'il ait fallu construire un bâtiment exprès; c'est-à-dire, que dans un moment où l'on ne parle que de la détresse de l'Etat & de l'Economie nécessaire pour y remédier, on commence à jeter plusieurs millions par les fenêtres, pour un faste vain & momentané. Afin que le gaspillage fût plus grand, il a fallu passer par les Menus; car c'est à leur hôtel que se tiendront les séances & le tems des travaux pour la préparation sera presque aussi long que celui de la tenu: il y a quarante-trois jours qu'elle est indiquée & tout n'est pas encore prêt»

120 футов в длину и 100 в ширину, наблюдатель увидел еще 12 комнат разного назначения: места заседаний комитетов, помещения для гвардейцев, кабинеты короля и королевы, буфетную, гардеробную и пр. «Это будет театр (*ce sera le théâtre*)», - заключил он по поводу возвышения, на котором находились трон короля и места для принцев и пэров³⁶⁵.

То есть усилия архитектора и декораторов возымели обратный эффект. Изысканный декор зала заседаний пробуждал у критически настроенных наблюдателей не почтение к королю, а возмущение неоправданными расходами. Примечательно, что исследования историка позволяют скорректировать мнения современников. Ален-Шарль Грюбер, изучавший архивные материалы, оставшиеся от работ по подготовке зала заседаний для собрания нотаблей, пришел к выводу, что люди из придворной службы Малых забав проявили прямо-таки чудеса изобретательности, извлекая со складов всё что только можно для оформления зала. О необходимости экономить они отнюдь не забывали³⁶⁶.

Изначально устроители зала предполагали, что на заседания, помимо самих нотаблей, будет допущена избранная публика: по проекту предусматривалось строительство лож для королевы, ее свиты, придворных и прочих зрителей. Однако король, посетивший зал 22 января, накануне намеченного открытия заседаний, выразил недовольство тем, что обсуждение государственных дел собираются превратить в спектакль, и приказал убрать ложи. Пиданза де Меробер так описывал посещение Людовиком XVI зала Малых забав: «Говорят, что в эти дни его посетил король: он спросил, зачем здесь размещены все эти светильники, трибуны и галереи. Ему ответили, что это сделали для Королевы, ее свиты, придворных и всех тех, кому захочется присутствовать на открытии и на публичных заседаниях. Король ответил, что это не спектакль и что Королева, если захочет, вполне может прийти на ассамблею Нотаблей, но только одна и что его самого будет сопровождать лишь свита, необходимая для Королевского Величества»³⁶⁷. Переделка зала потребовала дополнительных работ, и открытие заседаний пришлось перенести почти на целый месяц, с 24 января на 22 февраля³⁶⁸. Впоследствии король подтвердил свой запрет пускать на открытие заседания посторонних, за исключением стражи и нескольких слуг³⁶⁹. Поводы для недовольства короля и анонимного наблюдателя, на которого ссылался Пиданза де Меробер, были у каждого свои: в одном случае речь шла о местах для публики, в другом – о расположении участников заседания в зале на разной высоте. Но и король, и его критически настроенный подданный беспокоились о том, чтобы собрание нотаблей не походило на театральный спектакль.

(Mémoires secrets, pour servir à l'histoire de la République des lettres en France depuis 1762 à nos jours ou Journal d'un observateur. Londres: chez J. Adamson, 1780-1789. 36 vols. T. 34. P. 147).

³⁶⁵ Ibid. P. 148.

³⁶⁶ Gruber A.-Ch. Op. cit. P. 143.

³⁶⁷ «On dit que ces jours-ci le Roi est allé la visiter: il à demandé ce que signifioient des lanternes, des tribunes, des galeries qu'on y pratiquoient ? On a répondu que c'étoient pour la Reine & sa suite, pour sa cour & pour tous les curieux qui désireroient assister à l'ouverture des séances & à celles qui seroient publiques. Le Roi a répondu que se n'étoit point un spectacle; que la Reine, si elle le désiroit, seroit bien la maîtresse de venir à l'assemblée des Notables, mais seule: que lui-même ne seroit accompagné que du cortège nécessaire à la Majesté Royale» (Mémoires secrets. P. 69).

³⁶⁸ Brette A. Op. cit. P. 23.

³⁶⁹ Procès-verbal de l'assemblée de notables. P. 41-42.

Открытие заседаний состоялось 22 февраля 1787 г. Нотабли собрались в зале Малых забав в 10.30 утра в ожидании короля, присутствовавшего в это время на мессе в сопровождении графа Прованского, графа д'Артуа, герцога Орлеанского, принца Конде, герцога Бурбонского, принца Конти и герцога де Пантьевра. После мессы, к полудню король со свитой прибыл в зал заседаний³⁷⁰.

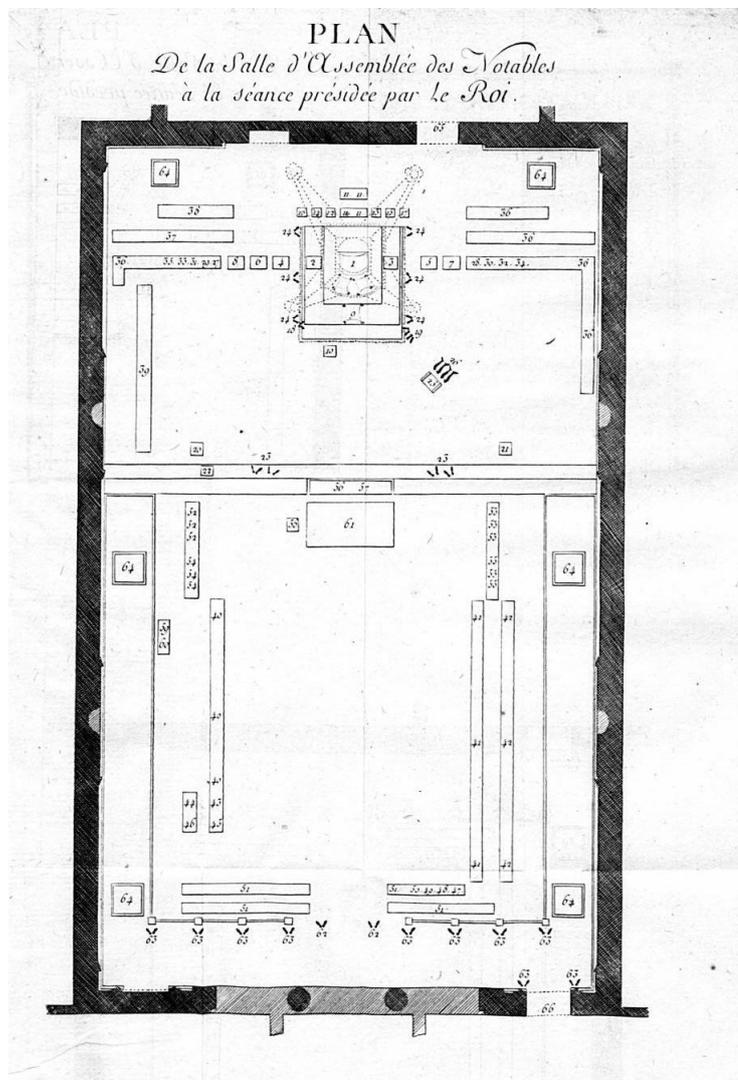

Рис. 1. План зала заседаний собрания нотаблей под председательством короля (1787) (*Procès-verbal de l'assemblée de notables, tenu à Versailles, en l'année 1787. Paris: Impr. Royale, 1788. S.p.*)

Композиционным центром зала, притягивавшим взгляд каждого входящего, был королевский трон, что отвечало идее прославления короля. Трон стоял в глубине зала на пьедестале под тем же самым балдахином, который ранее Пари использовал во время коронации Людовика XVI в Реймсе в 1775 г.³⁷¹ По правую и по левую руку от короля (Рис. 1, №№ 2-7) сидели его братья и другие принцы крови. Далее, справа и слева от трона, на одном возвышении с ним (Рис. 1, №№ 27-39) стояли скамьи для духовных и светских пэров, титулованных дворян, маршалов Франции, королевских советников и

³⁷⁰ Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse / publ. par P. Chevallier. Paris: Klincksieck, 1960. P. 23.

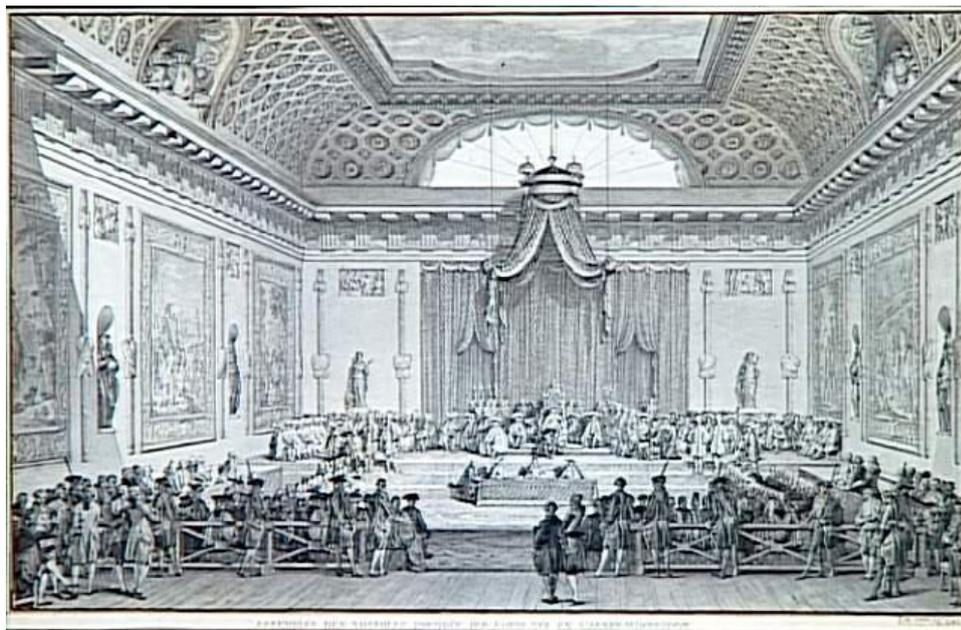
³⁷¹ Gruber A.-Ch. Op. cit. P. 142.

докладчиков прошений. За тронем (*Рис. 1, №№ 10, 12-17*) располагались герцоги. Слева от трона, наискосок за столом сидел хранитель печатей Арман-Тома Ю де Миромениль. В центре зала, где кончался помост, стояло большое бюро, за которым сидели государственный секретарь королевского дома Луи-Шарль-Огюст, барон де Бретей и недавно назначенный (после смерти Шарля Гравье де Верженна) государственный секретарь иностранных дел Арман-Марк, граф де Монморен, а сбоку – генеральный контролер финансов Калонн (*Рис. 1, №№ 56-58*). В нижней, дальней от короля части зала справа и слева стояли скамьи для духовенства (*Рис. 1, № 40*), президентов, советников и генеральных прокуроров парламентов и других суверенных курий, купеческого прево Парижа (*Рис. 1, №№ 41-49*). На отдельных скамьях вдоль стен и в глубине зала, напротив трона сидели представители провинциальных штатов и городов (*Рис. 1, №№ 50-55*). Таким образом, самым знатным, титулованным и занимавшим высшие государственные посты нотаблям места были отведены на возвышении вблизи королевского трона, остальным – в глубине зала внизу. Помимо нотаблей, в зале присутствовали секретари, церемониймейстеры, герольды и гвардейцы (*Рис. 1, №№ 19-24, 26, 62, 63*). Король входил в зал через дверь, расположенную за тронем (*Рис. 1, № 65*), нотабли – через дверь с противоположной стороны (*Рис. 1, № 66*)³⁷².

Общая диспозиция в основных чертах воспроизводила открытие ассамблеи нотаблей 1626 г., судя по описанию, содержащемуся в протоколе заседаний (к сожалению, в протоколах 1626 г. отсутствует план зала). Новшеством было устройство в зале Малых забав помоста, на котором стояли королевский трон и часть скамей. Перепад высот в зале как будто делил нотаблей на главных и второстепенных или, подобно театральной сцене, на действующих лиц и публику. В числе первых оказались высшая придворная и военная аристократия, духовные и светские пэры, дворянство мантии из королевского совета. В числе вторых – духовенство (кроме пэров), дворянство мантии из суверенных курий и представители провинций. Связующим звеном между ними стали находившиеся в центре зала руководители ведомств: государственные секретари и генеральный контролер финансов. Театральность мизансцены, которую точно уловил и захотел преодолеть Людовик XVI, все-таки сохранилась.

Короля в зале окружали двор, королевский совет и пэры Франции. Такое расположение отражало не столько иерархию сословий как таковую, сколько значение центрального аппарата управления монархией. Показательно разделение духовенства на две категории: духовные пэры заняли места рядом с королем, а другие священнослужители – среди парламентской магистратуры и депутатов провинциальных штатов. То есть среди высшего духовенства (а в зале присутствовало только высшее духовенство – епископы и архиепископы, – приходские кюре в собрании нотаблей не участвовали) особо выделили пэров, обладавших политическими привилегиями. Размещение нотаблей демонстрировало довольно сложную иерархию, основанную как на сословных рангах, так и на политической роли в государстве. Верхнюю ступень в ней занимали входившие в «придворное общество», а нижнюю – те, кто оставался за его чертой.

³⁷² Под № 64 на схеме обозначены печи.

Илл. 14. Ж.-М. Моро Младший. Собрание нотаблей 1787 г.

Принципу социальной иерархии, зримо представленному в организации пространства и расположении участников действия, противоречили слова королевской декларации, которую от имени и по поручению монарха зачитал присутствующим хранитель печатей Миромениль. В ней Людовик XVI заявлял, что, некоторые из нотаблей могут быть недовольны, так как «их места не те, какие они привыкли занимать на Генеральных штатах, Ложях правосудия и прочих Церемониях, где они присутствуют как Корпорация»³⁷³, или, как излагал своими словами смысл королевской декларации присутствовавший на заседании граф де Бриенн, «места, занимаемые на этом заседании, не содержат в себе никакого предрассудка, ни сословного, ни корпоративного, ни персонального»³⁷⁴. В этом смысле текст декларации соответствовал содержанию реформ, предусматривавших отмену налоговых привилегий, но расходился с символическим языком церемонии открытия заседаний.

Общую оценку торжественного открытия собрания нотаблей передает находившаяся в это время во Франции и внимательно следившая за политическими событиями княгиня Н.П. Голицына: «Оно прошло с большим достоинством и церемонией»³⁷⁵. Король обратился к присутствующим с короткой речью, в которой подчеркнул, что, созывая нотаблей, он следует примеру своих предшественников³⁷⁶. Людовик XVI не обладал ни талантом, ни привычкой к публичным выступлениям. По свидетельству присутствовавшего на собрании государственного советника Видо де Ла Тура, слова короля прозвучали тихо и невнятно³⁷⁷. Правда, в отличие от него виконтесса де Ломени в своих воспоминаниях записала, что «Король открыл собрание Нотаблей

³⁷³ «Ces places n'étant celles qu'ils ont accoutumé de tenir aux Etats-généraux, Lits de justice & autres Cérémonies auxquelles ils se trouvent en Corps» (Procès-verbal de l'assemblée de notables. P. 77).

³⁷⁴ «Les places occupées à cette séance ne peuvent porter aucun préjudice, ny des ordres, ny des corps, ny des individus» (Journal de l'assemblée des notables. P. 24).

³⁷⁵ «Elle se passa avec beaucoup de dignité et de seremonie» (Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783-1790 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. Л. 68 (об.). Во французском тексте сохранена орфография оригинала.

³⁷⁶ Текст речи короля см.: Procès-verbal de l'assemblée de notables. P. 42.

³⁷⁷ Egret J. Op. cit. P. 13.

прекрасной речью (*par un très beau discours*), в которой объяснил, для чего он их созвал»³⁷⁸. Но мнение Видо де Ла Тура заслуживает большего доверия, так как виконтесса не могла лично присутствовать при описываемых событиях и только читала опубликованный текст речи короля.

На следующий день нотабли вновь собрались в том же зале, из которого к тому времени успели убрать помост и трон, и заседание продолжилось под председательством брата короля графа Прованского. После пленарных заседаний для обсуждения плана Калонна нотабли разделились на семь бюро, в которых в равных пропорциях были представлены все категории нотаблей. Каждое бюро возглавлял один из принцев крови: граф Прованский, граф д'Артуа, герцог Орлеанский, принц Конде, герцог Бурбонский, принц Конти и герцог де Пантьевр. Таким образом, в основу организации работы были положены принципы сословной иерархии и сословного представительства. Имея это в виду, участник собрания нотаблей граф д'Эстен назвал его «нашей смехотворной Палатой общин (*notre ridicule Chambre des Communes*)»³⁷⁹. После рассмотрения части проектов в рамках бюро 23 апреля состоялось еще одно пленарное заседание нотаблей в присутствии короля; по этому торжественному случаю зал опять был убран, как и в день открытия³⁸⁰.

В самом изначальном замысле собрания нотаблей было заложено противоречие: с одной стороны, оно призвано было продемонстрировать и утвердить абсолютную власть короля, а с другой – установить с подданными диалог в решении важнейших проблем государства. Людовик XVI и Калонн сделали смелый шаг в направлении усиления консультативного начала, значения которого они, очевидно, до конца не осознавали и к которому внутренне не были вполне готовы. Знакомым не из истории полутора столетней давности, а из современной политической практики прообразом собрания нотаблей для них служили королевские заседания Парижского парламента, на которых один голос короля перевешивал голоса всех присутствующих магистратов. Теперь же королевского волеизъявления оказалось недостаточно. Исход предприятия известен: нотабли отказались одобрить план Калонна, заявив, что принимать столь ответственные решения может только орган, представляющий всю нацию, т. е. Генеральные штаты. В результате 25 мая собрание было распущено.

Из неумения короля справиться с избранными им самим представителями элиты общества публика, внимательно следившая за событиями, делала опасные выводы. Как писал автор «Секретной корреспонденции» в мае 1787 г., за несколько дней до закрытия собрания нотаблей, «но, говорят, что Король оказался бы под опекой, если бы согласился на всё, что у него просило собрание! А почему бы и нет? Ведь он несовершеннолетний, разве не так?.. Сейчас он как непутевый сын, которому дают советы и внушают правила поведения, чтобы он не повторял прежних ошибок. Надо время от времени призывать глав наций к порядку и напоминать им, что они получили власть от тех самых народов, с которыми слишком часто обращаются как с рабами! Нотабли показали, что нация еще существует»³⁸¹.

³⁷⁸ Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // Journal de l'assemblée des notables. P. 122.

³⁷⁹ Extrait d'une lettre du comte d'Estaing, 1er mai 1787 // Ibid. P. 117.

³⁸⁰ Procès-verbal de l'assemblée de notables. P. 217.

³⁸¹ «Mais, dit-on, le Roi seroit en tutelle s'il acquiesçoit à tout ce que l'assemblée lui demande ! Eh ! pourquoi n'y seroit-il pas ? N'est-il pas mineur ?.. C'est en ce moment un fils de famille qui s'est égaré, et à qui l'on donne des conseils et des règles de conduite, pour qu'il ne tombe plus dans les mêmes fautes. Il faut rappeler quelquefois les chefs des nations à leur première institution, et leur apprendre qu'ils tiennent leur pouvoir de ces peuples qu'ils

Ольга Иловайская в книге «Опала Калонна» с возмущением отвергает высказывавшееся рядом историков (в частности, Марселем Марионом и Жаном Эгре) мнение, что Людовик XVI оказался неспособен оценить масштаб и необходимость плана Калонна, и это повлекло за собой столь пагубные последствия. Ее аргументация, опирающаяся на многочисленные свидетельства самого Калонна и других лиц из королевского окружения³⁸², представляется убедительной. Следует, на мой взгляд, согласиться с Иловайской, что король в полной мере осознавал смысл и значение затеянного им с Калонном предприятия. Другое дело, что, понимая необходимость глубоких реформ, он слабо представлял себе, какими методами их следует проводить. Историю с собранием нотаблей можно сравнить с попыткой налить новое вино в старые мехи, что проявилось не только в ходе политических дебатов на собрании, но и в символическом языке церемонии.

Анализируя образ короля в наказах Генеральным штатам 1789 г., Роже Шартье пришел к выводу, что «король в наказах – это, в первую очередь, заботливый отец, готовый помочь своим слабым детям»³⁸³. Вместе с тем, историк отметил в текстах наказов то, что он назвал «символическим разочарованием» в королевской особе и умалением ее сакральности. Таким образом, уже во время избирательной кампании, весной 1789 г., по мнению Шартье, можно проследить начало процесса, завершившегося в годы революции окончательным развенчанием образа короля, а затем его символическим, политическим и физическим уничтожением. Но критическая реакция некоторых современников на ход собрания нотаблей позволяет предположить, что исходной точкой символического развенчания короля стала весна 1787 г.

Второе собрание нотаблей было созвано по инициативе генерального директора финансов Жака Неккера 6 ноября 1788 г. для решения вопроса о процедуре созыва Генеральных штатов. В этом собрании участвовали 152 нотабля. Их упорное противодействие предложению дать двойное представительство третьему сословию дискредитировало традиционный институт нотаблей в глазах Неккера и общественного мнения и привело к скорому роспуску собрания 12 декабря. Но нас в данном случае интересуют не политические результаты деятельности нотаблей, а ритуал работы собраний и их место в истории политической культуры предреволюционной Франции.

С этой точки зрения, они стали этапом процесса, который Антуан Де Бек назвал «переходом телесного суверенитета от короля к нации»³⁸⁴.

Критические замечания насчет чрезмерных расходов, высказывавшиеся во время подготовки первого собрания нотаблей, очевидно, возымели действие, и, когда в ноябре 1788 г. открылось второе собрание, прежний богатый декор решили не использовать (хотя после закрытия первого собрания его разобрали и сохранили). Нотабли вновь собрались в том же самом здании, но на сей раз зал был меньше примерно на треть и скромно обставлен. На сохранившемся чертеже (Рис. 2) представлен зал заключительного заседания собрания нотаблей 1788 г. Размещение нотаблей в зале несущественно отличалось от собрания 1787 г. Основной принцип оставался прежним: места на возвышении вокруг короля занимали принцы крови, духовные и светские пэры, маршалы

traitent trop souvent en esclaves ! Les notables ont montré que la nation existoit encore» (Correspondance secrète inédite. T. 2. P. 142-143).

³⁸² Povařsky O. Op. cit. P. 165-177.

³⁸³ Chartier R. Op. cit. P. 138.

³⁸⁴ De Baecque A. Le Corps de l'histoire: Métaphores et politique (1770-1800). Paris: Calmann-Lévy, 1993. P. 20.

Франции, члены королевского совета и нотабли от дворянства; в глубине зала находились представители духовенства, суверенных курий, провинциальных штатов и городов. У стены, противоположной королевскому трону, была устроена трибуна для королевы. Если в зале первого собрания были сделаны два отдельных входа – для короля и для нотаблей, - то теперь все входили через одну дверь³⁸⁵.

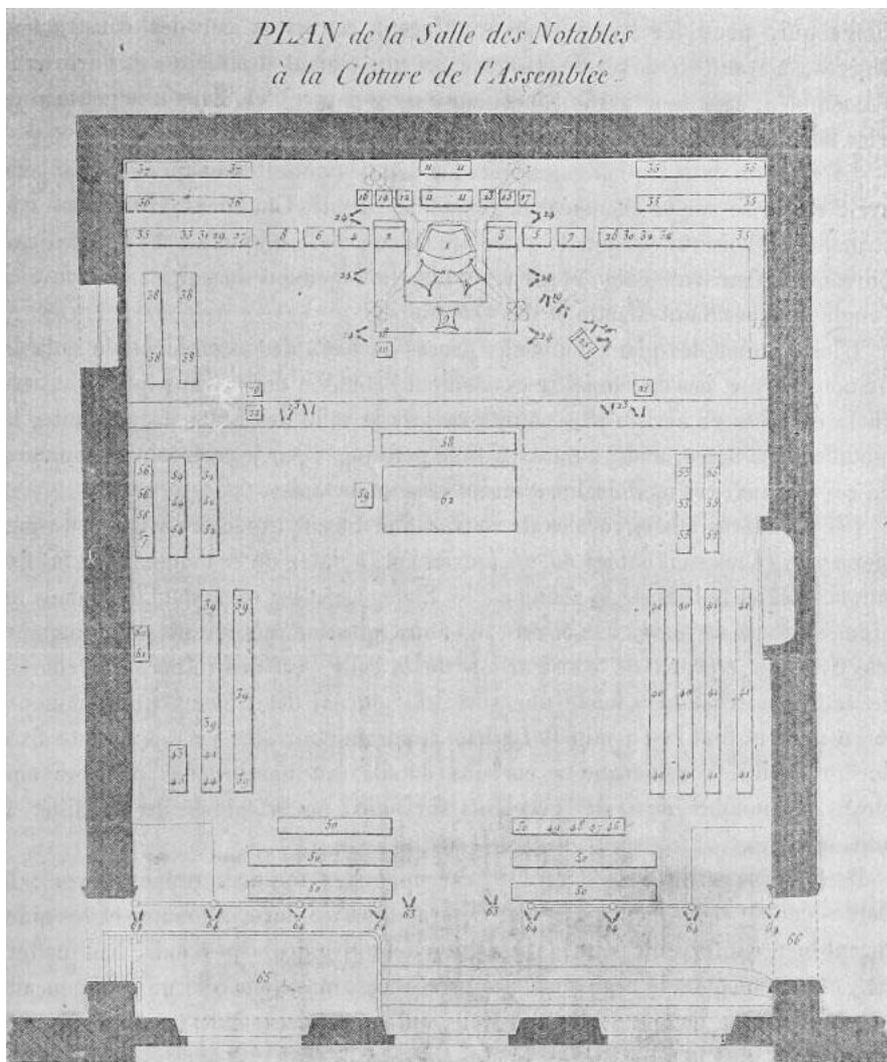

Рис. 2. План зала заключительного заседания собрания нотаблей 1788 г. (Brette A. *Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. T. 1. Paris, 1902. P. 25*)

Какую роль сыграли собрания нотаблей 1787-1788 гг. в истории французского политического церемониала? По мнению Армана Бретта, впоследствии именно организация зала заседаний для этих собраний послужила образцом для церемонии открытия Генеральных штатов³⁸⁶. Другой точки зрения придерживается А. Де Бек, который полагает, что образцом для ритуала появления короля перед депутатами Генеральных штатов, а потом Учредительного и Законодательного собраний изначально послужил протокол королевских заседаний Парижского парламента, известных под названием «ложе правосудия» (*le lit de justice*). Правда, с каждым разом ритуал все дальше

³⁸⁵ Brette A. Op. cit. P. 24-25, 306-307.

³⁸⁶ Brette A. Op. cit.

и дальше отступал от первоначального образца. Происходило это потому, что, по словам Де Бека, «церемониал *ложя правосудия* был ритуалом не столько дискуссии, сколько подавления, так как по отношению к королю следовало выражать “повиновение и восторг”»³⁸⁷, а это противоречило новым политическим реалиям революционного времени. Де Бек точно описал вектор развития политического церемониала революционных лет, но если говорить о его непосредственных истоках, то более обоснованным представляется мнение Бретта. В церемонии открытия Генеральных штатов преемственность прослеживается, скорее, с собраниями нотаблей, чем с королевскими заседаниями Парижского парламента. На Генеральных штатах, как и на собраниях нотаблей, король имел дело с представителями различных сословий французского общества, а не с одной корпорацией, пусть и пытавшейся выступать от лица всей нации, как это делал парламент. Организаторы церемоний 1787, 1788 и 1789 гг., ясно осознавая и желая продемонстрировать сословно-представительный характер созываемых ассамблей, распределяли места участников сообразно их рангам. Давшее знать о себе в мае 1789 г. недовольство третьего сословия подчеркнутым сословным неравенством уже вполне можно было предвидеть: основания задуматься давала негативная реакция некоторых наблюдателей на организацию заседаний нотаблей.

Свойственная королевским заседаниям нотаблей акцентированная иерархичность организации пространства проявилась и в церемонии открытия Генеральных штатов, а затем была отвергнута из-за несоответствия восторжествовавшей на революционных ассамблеях идее равенства. Но отличие церемонии открытия Генеральных штатов состояло в том, что она строго следовала сословному принципу: по обе стороны от короля расположились депутаты духовенства и дворянства, напротив в глубине зала – третьего сословия. Церемонии же открытия и закрытия собраний нотаблей воспроизводили не трехчастное деление общества, а дихотомию власть/общество, двор/город. Они походили на расширенное и вынесенное на публику (в качестве последней выступали нотабли, размещенные за пределами подмостков) заседание королевского совета. В этом отношении церемониал собрания нотаблей отступал от сословной традиции, но создать новую традицию придворной службе Малых забав не удалось по не зависящим от нее причинам. Изобретенный в 1787 г. новый политический церемониал канул в Лету вместе с собраниями нотаблей и самой монархией Старого порядка.

³⁸⁷ De Baecque A. From Royal Dignity to Republican Austerity: The Ritual for the Reception of Louis XVI in the French National Assembly (1789-1792) // The Journal of Modern History. 1994. № 4. P. 673.

Список иллюстраций

- С. 22. Илл.1. Ж. Дюпlessи. Людовик XVI в коронационном облачении. Париж. Музей Карнавале
- С. 62. Илл. 2. Луи-Рене-Эдуар де Роган-Гемене. Портрет неизв. художника XVIII в.
- С. 64. Илл. 3. Ожерелье королевы. Реконструкция. Музей замка Бретёй
- С. 113. Илл. 4. Генеральный прокурор короля при бретонском парламенте Л.-Р. де Карадёк де Ла Шалоте. Гравюра Пьера-Этьена Муатта с портрета Шарля-Николя Кошена. 1764
- С. 117. Илл. 5. А. Деспань. Битва при Сен-Касте 11 сентября 1758 г. Префектура департамента Кот д'Армор
- С. 119. Илл. 6. Заседание провинциальных штатов Бретани в Нанте. Гравюра 1764 г.
- С. 122. Илл. 7. Карикатура на герцога д'Эгюийона. XVIII в. Ренн. Музей Бретани
- С. 132. Илл. 8. Жан-Фредерик Фелипо, граф де Морепе. Гравюра с портрета Л.-М. Ван Лоо. XVIII в.
- С. 135. Илл. 9. Дворец архиепископа в Бурже. Современная фотография
- С. 137. Илл. 10. Поншартрен – родовое имение семьи Морепе. Современная фотография
- С. 225. Илл. 11. Ж.-М. Натье. Портрет герцогини де Шон в образе Гебы (1744). Париж, Лувр
- С. 312. Илл. 12. Торжественный въезд Людовика XVI в Реймс на коронацию. Гравюра XVIII в. Реймс. Муниципальная библиотека
- С. 313. Илл. 13. Ж.-М. Моро Младший. Коронация Людовика XVI в Реймсе 11 июня 1775 г.
- С. 398. Илл. 14. Ж.-М. Моро Младший. Собрание нотаблей 1787 г.

Именной указатель

- Агессо (Aguesseau) Ж.-Б. д', 236, 241
Агюлон (Agulhon) М., 320
Аделаида (Adélaïde de France), 46, 49, 50, 85, 141, 206, 207, 209, 221, 389
Адемар (Adhémar) Ж.-Б. д', 151, 216, 217
Адо А.В., 9
Аквитанский герцог (Aquitaine, duc d'), 14
Александр I, 267
Алигр (Aligre) Э.-Ф. д', 52, 53, 55, 73, 74
Алонвиль (Allonville) А.-Ф., граф д', 92
Анвиль (Enville) герцогиня д', 138, 147
Антуан (Antoine) М., 39, 40, 50, 124, 125, 128, 200, 224, 231, 232, 370
Аракчеев А.А., 267
Аранда (Aranda) П.-П. де Абарка, граф де, 17, 174
Арди (Hardi) С.-П., 19, 49, 90, 91, 221, 241, 242, 243, 318, 389
Аржансон (Argenson) Р.-Л. де Вуайе де Польми, маркиз д', 133, 136, 204
Аристотель, 341
Арк (Arcq) Ф.-О. де Сент-Фуа, шевалье д', 257
Арле (Harlay) А. де, 55
Арно (Arnaud) Ф., 193, 194
Артуа (Artois), граф д', будущий Карл X, 14, 19, 48, 85, 154, 163, 206, 212, 253, 318, 396, 399
Байи (Bailly) Ж.-С., 31, 322
Бальбани (Balbany) А.-К., 290
Бальзак (Balzac) Ж.-Л. Гез де, 195
Барантен (Barentin) Ш.-Л.-Ф. де Поль де, 53, 250
Барбье (Barbier) Э.-Ж.-Ф., 136
Баррюэль (Barruel) О., 262
Барятинский И.С., 48, 49, 54, 142, 143, 147, 149, 150, 176, 187, 188, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 218, 221, 222, 389, 390
Бассанж (Bassange), 64, 65, 77
Башомон (Bachaumont) Л. Пти де, 231, 309, 310, 314, 315, 317, 319
Бейкер (Baker) К., 9, 368
Бёмер (Boehmer), 64, 65
Бёрк (Burke) Э., 262
Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre) Ж.-А., 194
Бернис (Bernis) Ф.-Ж. де Пьер де, 208
Бертен (Bertin) А.-Л.-Ж.-Б., 41, 47, 50, 209, 379
Бертран де Мольвиль (Bertrand de Molleville) А.-Ф., 180
Бертье де Совиньи (Bertier de Sauvigny) Л.-Б.-Ф., 229
Бертье де Совиньи (Bertier de Sauvigny) Л.-Ж., 42, 230, 379
Блен де Сенмор (Blin de Sainmore) А.-М.-Г., 194
Блер (Blair) Л.-Ф. де, 246
Блок (Bloch) М., 320
Блюш (Bluche) Ф., 232, 277
Бове (Beauvais) Ж.-Б. де, 308
Бово (Beauvau) Ш.-Ж., герцог де, 193, 194
Боден (Bodin) Ж., 54, 343
Бомарше (Beaumarchais) П.-О. Карон де, 25, 176, 177, 178, 196, 198, 199, 228
Боннье де ла Моссон (Bonnier de la Mosson) Ж., 227
Боссю (Bossu) П.-Л., 246
Боссюэ (Bossuet) Ж.-Б., 40, 57, 84, 192, 250, 272, 273, 274, 276, 277, 286, 343, 375, 376
Брауншвейгский (Braunschweig-Wolfenbüttel) К.В.Ф., герцог, 259
Бреан де Плело (Bréhan de Plélo) Л.-Ф. де, 109
Бретей (Breteuil) Л.-Ш.-О. Ле Тонелье де, 30, 61, 63, 64, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 80, 201, 214, 215, 297, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 373, 374, 375, 384, 385, 397, 403
Бретт (Brette) А., 401, 402
Бриенн (Brienne) Л.-М.-А. де Ломени, граф де, 398
Бриконне (Briconnet) Г., 246
Бродель (Braudel) Ф., 256, 357
Брюшье (Bruchie) П., 247
Буажелен (Boisgelin) Ж. де Дьё-Реймон де Буажелен де Кюсе, 309, 325, 335, 371
Буамон (Boismont) Н. Тирель де, 193
Бурбон (Bourbon) Л., герцог де, 48, 210, 396, 399
Бурбулон (Bourboulon) А. де, 154, 155, 159
Бургуйн (Burgoyne) Дж., 181, 182
Бурдьё (Bourdieu) Дж., 145
Бурдьё (Bourdieu) П., 369
Буржуа де Буан (Bourgeois de Boynes) П.-Э., 47, 208
Буше д'Аржи (Boucher d'Argis) А.-Г., 58, 346, 351, 359, 376
Бюффон (Buffon) Ж.-Л. де, 34, 145, 146
Валансиз (Valensise) М., 308, 321
Ван Лоо (van Loo) Л.-М., 132
Вебер (Weber) Г., 308, 320
Вебер (Weber) Й., 134
Вентимиль (Vintimille) Ш.-Ф.-Г.-Ф., граф де, 249
Верженн (Vergennes) Ш. Гравье, граф де, 16, 24, 25, 29, 30, 47, 50, 66-68, 71, 72, 75, 79, 101, 105, 142, 157, 163-165, 167, 169, 171-181, 184-189, 197, 201, 208-211, 213-215, 217-220, 222, 301-303, 306, 384, 385, 390, 393
Верн (Véri) Ж.-А. де, 23, 45, 46, 52, 90, 133, 142, 143, 164, 176, 184, 217, 220, 369
Вермон (Vermond) М.-Ж. де, 66, 210
Видалан (Vidalenc) Ж., 269
Видо де Ла Тур (Vidaud de La Tour) Ж.-Ж., 90, 398, 399
Виктория (Victoire de France), 206
Вильруа (Villeroi), герцог де, 85
Вобан (Vauban) С. Ле Претр, маркиз де, 255, 257
Вовель (Vouvelle) М., 320
Вогюэ (Vogüé) М.-С.-Ф. де, 216
Водрёй (Vaudreuil) Л.-Ф., маркиз де, 155, 156, 216
Вольтер (Voltaire) Ф.-М. Аруз, 19, 28, 38, 67, 82, 113, 115, 116, 126, 127, 146, 195, 199, 200, 228, 233, 239, 262, 284, 289, 295, 363, 364
Вуатюр (Voiture) В., 195
Габриэль (Gabriel) Ж.-А., 313
Гельвеций (Helvétius) К.-А., 283
Генрих II (Henri II), 63
Генрих IV (Henri IV), 53, 55, 191, 238, 292, 329, 353, 363

- Геньян (Gaignant) Б., 248, 249, 250
 Георг III (George III), 186, 188, 266
 Георг VI (George VI), 81
 Герро (Guerreau) А., 357, 366
 Гёте (Goethe) И.-В., 60, 78
 Гиббон (Gibbon) Э., 15, 145, 170, 173
 Гизи (Giesezy) Р., 332, 333, 391
 Гизо (Guizot) Ф., 9, 367
 Глюк (Gluck) К.-В., 20, 193
 Гоббс (Hobbes) Т., 342
 Годшо (Godechot) Ж., 269
 Голицына Н.П., 76, 90, 398
 Гонкуры (Goncourt) Э. и Ж. де, 228, 233
 Грамон (Gramont) герцогиня де, 138, 194
 Гранж (Grange) А., 161
 Гретри (Grétry) А.-Э.-М., 193
 Гримальди (Grimaldi) Д. Херонимо, маркиз де, 179
 Гримм (Grimm) Ф.-М., барон фон, 145, 146, 166
 Грюбер (Gruber) А.-Ш., 325, 395
 Гуалар (Goislard) А.-Ж.-Б., 246
 Гуго Капет (Hugues Capet), 362, 365
 Гужо-Арнодо (Gougeaud-Arnaudeau) С., 272, 281
 Густав III (Gustav III), 338
 Гюйо (Guyot) П.-Ж.-Ж., 58, 59, 376, 377
 Давид (David) Ж.-Л., 319
 Дагоберт (Dagobert), 191
 Д'Аламбер (D'Alembert) Ж. Ле Рон, 83, 102, 115, 116, 118, 140, 193, 195, 233, 283, 285, 344, 351, 359, 360, 366
 Даниэль (Daniel) Г., 16
 Дарнтон (Darnton) Р., 194, 213
 Де Бек (De Baecque) А., 132, 354, 355, 400, 401, 402
 Декарт (Descartes) Р., 192, 354
 Дениско (Denisko) И., 263
 Дерен (Dereine) Л., 124, 130, 199, 200
 Десимон (Descimon) Р., 315, 329, 342, 344, 345, 350
 Дидро (Diderot) Д., 28, 83, 102, 103, 140, 145, 146, 194, 195, 233, 283, 344, 351, 359, 360, 366
 Дома (Domat) Ж., 16
 Дрейфус (Dreyfus) А., 109
 Дюбарри (du Barry) Ж., 44, 46, 64, 116, 126, 168, 211, 214, 241
 Дюбуа (Dubois) Г., 69
 дю Деффан (du Deffand) М. де Виши-Шампрон, маркиза, 193, 226, 235
 Дюкло (Duclos) Ш. Пино, 195
 Дюма-отец (Dumas) А., 60
 Дюмурье (Dumouriez) Ш.-Ф., 99
 дю Мюи (du Muy) Л.-Н.-В. де Феликс д'Ольер, граф, 47, 48, 50, 209
 Дюпон де Немур (Dupont de Nemours) П.-С., 105, 108, 376
 Дюра (Duras) Ж.-Б. де Дюрфор, герцог де, 193, 310, 313
 Дюра (Duras) Э.-Ф. де Дюрфор, герцог де, 253, 323
 Екатерина II, 24, 25, 37, 48, 166, 264, 265, 267, 268
 Елизавета (Elisabeth de France), 22, 34, 37
 Елизавета Петровна, 266
 Жерсон (Gerson) Ж., 342
 Жильбер де Вуазен (Gilbert de Voisins) П., 39, 40, 296, 370, 378
 Жиро (Girault) Л.-А., 313, 323
 Жокур (Jaucourt) Л. де, 103, 107, 140, 344, 345, 351, 360
 Жоли де Флёри (Joly de Fleury) Ж.-О., 39, 370
 Жоли де Флёри (Joly de Fleury) Ж.-Ф., 215, 217, 218, 236, 238
 Жоли де Флёри (Joly de Fleury) О.-Л.-Ф., 53, 72
 Жоржель (Georgel) Ж.-Ф., 61, 66, 68, 73, 77, 147, 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158
 Жьяк (Giac) М.-А. де, 10, 224, 225, 228-243
 Жювеналь дез Юрсен (Juvénal des Ursins) Ж., 342
 Иловайская (Ilovaïsky) О., 400
 Иоанн VI Антонович, 266
 Иоанн Безземельный (John Lackland), 362
 Иосиф II (Joseph II), 18, 20, 23, 66, 67, 73, 151, 165, 166, 175, 182, 217, 252, 259, 338
 Калиостро (Cagliostro) А., 60, 67, 68, 69, 71, 73, 75, 79
 Калонн (Calonne) Ш.-А. де, 30, 67, 71, 74, 75, 79, 80, 87, 89, 105, 126, 154, 160, 214, 215, 261, 391, 392, 393, 397, 399, 400
 Кальвин (Calvin) Ж., 294
 Кальер (Callières) Ф. де, 273, 274
 Кампан (Campan) А., 64, 66, 74, 99
 Канторович (Kantorowicz) Э., 321, 392
 Карл I (Charles I), 36
 Карл II Лысый (Charles II le Chauve), 361
 Карл III (Carlos III), 182, 186
 Карл VII (Charles VII), 342
 Карл VII Альбрехт (Karl VII Albrecht), 317
 Карл Великий (Carolus Magnus), 46, 359, 362, 364
 Кассини (Cassini) Ж.-Д., 192
 Кастр (Castries) Ш.-Э.-Г. де Ла Круа, маркиз де, 30, 67, 68, 145, 150, 151, 155, 167-169, 187, 202, 212, 213, 216-219, 385
 Каюэ де Вилле (Cahuet de Villers), 69, 70, 78
 Кенэ (Quesnay) Ф., 124, 125, 130, 199, 200
 Клери (Cléry) Ж.-Б., 34, 35, 36, 100
 Клотильда (Clotilde de France), 317
 Клюньи (Clugny de Nuits) Ж.-Э.-Б. де, 146, 181
 Козеллек (Koselleck) Р., 191
 Коллонтай (Коґґатај) Г., 263
 Кольбер (Colbert) Ж.-Б., 146
 Конде (Condé) Л.-Ж. де Бурбон-Конде, принц де, 48, 168, 206, 210, 253, 383, 396, 399
 Кондильяк (Condillac) Э. Бонно де, 283
 Кондорсе (Condorcet) М.-Ж.-А.-Н., 337
 Констан (Constant) Б., 161
 Конти (Conti) Л.-Ф. де Бурбон, принц де, 197, 206, 210, 389, 396, 399
 Корнель (Corneille) П., 34
 Коттре (Cottret) М., 392
 Кревье (Crevier) Ж.-Б.-Л., 290
 Креки (Créquy) Р.-К.-В. де Фруле де Тессе, маркиза де, 198, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 234, 242
 Крои (Croÿ) Э., герцог де, 45, 47-49, 86, 90, 91, 135, 138, 141, 151, 159, 214, 216, 217, 309, 310, 312-318, 325, 335, 336, 372
 Кромвель (Cromwell) О., 266

- Крон (Crosne) М.-Л. Тиру де, 67
 Куайе (Coeyer) Г.-Ф., 257
 Куаньи (Coigny), герцог де, 19
 Кук (Cook) Дж., 26
 Кэмпбелл (Campbell) П., 384
 Лабатю (Labatut) Ж.-П., 231
 Лаверди (Laverdy) К.-Ш.-Ф. де, 105, 106, 253, 254, 255
 Ла Вогийон (La Vauguion) П.-Ф. де Келан де Коссад, герцог де, 16, 42, 46, 85, 303, 341, 380, 383
 Лаврийер (La Vrillière) Л. Фелипо, маркиз де, 131, 132, 141
 Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. де, 91, 194
 Ла Люзерн (La Luzerne) С.-Г. де, 302
 Ла Марк (La Marck) О.-М.-Р., граф де, 96, 324
 ла Марш (la Marche), граф де, 48
 Ламбер д'Эрбиньи (Lambert d'Herbigny) А.-Ф., 294
 Ла Мишодьер (La Michodière) Ж.-Б. Франсуа де, 295
 Ламот (La Motte de) де, она же: Валуа (Valois) Ж. де, 60, 63-73, 75-78
 Ламуаньон (Lamoignon de Basville) К.-Ф., маркиз де, 105, 249
 Ландес (Landes) Дж., 320
 Ланжерон (Langeron) Ж.-Б.-Л. Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон, 253
 Ланжерон (Langeron) Л. Андро, барон де ла Ферте-Ланжерон, 252
 Ланжерон (Langeron) Л.-А. Андро, граф де, 252, 258-269
 Ланжерон (Langeron) Ш.-К. Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон, 91, 253-257, 349, 352
 Лаперуз (La Pérouse) Ж.-Ф. де, 26, 192
 Ларошфуко (La Rochefoucauld) Л.-А., герцог де, 210, 302
 Ларошфуко (La Rochefoucauld-Langeac) Д. де, 135
 Ларошфуко де Руа (La Rochefoucauld de Roze) Э.-К. де, 131
 Лафайет (La Fayette) Ж. дю Мотье, маркиз де, 96, 302, 324, 325, 329
 Ла Фар (de La Fare) де, 283
 Лафонтен (La Fontaine) Ж. де, 192
 Ла Шалоте (La Chalotais) Л.-Р. де Карадёк де, 5, 109, 113-120, 122-126, 128-130, 199, 200, 270, 283-291, 386, 403
 Лашатр (Lachâtre) Ш.-Л. маркиз де, 248
 Ле Гофф (Le Goff) Ж., 308, 311, 324
 Ле Пеж (Le Paige) Л.-А., 87, 88, 287, 386
 Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie) Э., 203, 204, 219
 Левер (Lever) Э., 94
 Леврон (Levron) Ж., 191
 Леге (Leguay) М.-Н., 63, 64
 Лемерсье де ла Ривьер (Lemercier de La Rivière) П.-П., 107, 376
 Ленге (Linguet) С.-Н.-А., 126, 128
 Ленуар (Lenoir) Ж.-Ш.-П., 30, 67, 71, 74, 75, 124-127, 154, 162, 163, 194, 196-202, 213, 214, 302, 384, 385, 388
 Летелье (Le Tellier) Л.-Ф.-М., 231
 Лефевр д'Ормессон (Lefevre d'Ormesson) А.-Л.-Ф. де Поль, 246, 249
 Ликурж, 286
 Ло (Law) Дж., 29, 105, 106, 150, 163, 301
 Лозен (Lauzun) А. Номпар де Комон, герцог де, 158, 233
 Локк (Locke) Дж., 342, 343
 Ломени (Loménie), виконтесса де, 90
 Ломени де Бриенн (Loménie de Brienne) Э.-Ш. де, 105, 261, 299, 302, 306
 Лораге (Lauraguais), граф де, 159
 Лувиль (Louville) Ш.-О. д'Алонвиль, маркиз де, 107, 349, 350, 352, 353, 381, 382
 Луиза (Louise de France), 206, 209
 Лустало (Loustalot) Э., 329
 Людовик (Louis de France), дофин, 14, 352
 Людовик IX Святой (Louis IX, Saint Louis), 362, 364
 Людовик XI (Louis XI), 363
 Людовик XIII (Louis XIII), 392, 394
 Людовик XIV (Louis XIV), 5, 21, 22, 61, 82, 91, 92, 102, 106, 131, 156, 191, 192, 203, 233, 244, 245, 248, 250-252, 263, 271, 273, 277, 278, 292, 293, 297-300, 304, 313, 323, 332, 334, 341, 344, 355, 372, 373, 383, 392
 Людовик XV (Louis XV), 14, 16, 17, 26, 28, 38, 39, 42, 44-49, 58, 59, 64, 85-87, 90, 101, 108, 116, 123-125, 127, 131, 133, 135, 136, 141, 142, 155, 168, 172, 192, 197, 199, 200, 203-205, 207, 208, 211, 214, 224, 240, 263, 295, 296, 300, 308, 313, 323, 334-336, 341, 353, 370, 377, 378, 381, 388-390, 392
 Людовик XVI (Louis XVI), 1, 5, 10, 12-39, 42-47, 49-52, 54, 56, 57, 59, 61, 65, 66, 68-70, 79, 80, 85-101, 104, 107, 108, 124, 127, 131, 133, 134, 141, 142, 145, 147, 151, 152, 170-173, 175-183, 186-189, 191, 192, 197-199, 201, 203-207, 211, 215, 217-219, 221, 238, 250, 262, 263, 270, 296, 303, 308, 312-314, 317-324, 326-328, 332, 334, 337, 339, 341, 348, 349, 353, 370-373, 375, 376, 379-381, 383-385, 387, 389, 392-400, 403
 Людовик XVII (Louis XVII), 37
 Людовик XVIII (Louis XVIII), 14, 37
 Людовик Благочестивый (Louis le Pieux), 362
 Людовик-Жозеф-Ксавье, герцог Бургундский (Louis-Joseph-Xavier, duc de Bourgogne), 14
 Люксембургский (Luxembourg) герцог, 31
 Лютер (Luther) М., 294
 Мабли (Mably) Г. Бонно де, 360, 361, 362, 363, 364, 365
 Мазаньелло, Томмазо Аньелло (Masaniello, Tommaso Aniello), 260, 265, 266
 Мазарини (Mazarini) Дж., 20, 62, 69, 254, 301
 Максимилиан (Maximilian) Франц Австрийский, эрцгерцог, 221, 389
 Мальзерб (Malesherbes) К.-Г. де Ламуаньон де, 28, 36, 50, 51, 173, 246, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 373, 374
 Манфред А.З., 258
 Марат (Marat) Ж.-П., 263, 267
 Марен (Marin) Л., 81, 82, 331, 392
 Марийяк (Marillac) М. де, 394

- Марион (Marion) М., 400
 Мария Медичи (Marie de Médicis), 254, 394
 Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette), 5, 15, 17, 19, 20, 23, 24, 31, 33, 37, 47, 49, 60, 61, 63-66, 69-72, 75-79, 92, 99, 127, 131, 134, 143, 150-152, 155, 167, 168, 172, 173, 191, 193, 196-199, 204, 206, 209, 213, 215-217, 222, 242, 243, 313, 319, 333, 339, 389
 Мария-Жозефа Саксонская (Marie-Josèphe de Saxe), 14, 352
 Мария-Тереза (Marie-Thérèse de France), 18, 37
 Мария-Терезия (Maria-Theresia), 16, 17, 60, 61, 69, 206, 216, 226, 231
 Марк Аврелий (Marcus Aurelius Antoninus), 15, 19
 Маркофф (Markoff) Дж., 366
 Мармонтель (Marmontel) Ж.-Ф., 83, 134, 138, 145, 194
 Машо д'Арнувиль (Machault d'Arnouville) Ж.-Б. де, 208
 Менен (Menin) Н., 310
 Мерси-Аржанто (Mercy-Argenteau) Ф.-К., граф де, 15, 20, 69-71, 73, 110, 151, 155, 158, 165, 168, 204-206, 210, 213, 215, 217, 218, 226, 228, 229, 231, 234, 235, 239
 Мерсье (Mercier) Л.-С., 198, 336-338
 Местр (Maistre) Ж. де, 262
 Минар (Minard) Ф., 102, 106
 Мирабо (Mirabeau) О.-Г. Рикети, граф де, 35, 78, 81, 96, 292, 324
 Миромениль (Hue de Miromesnil) А.-Т. Ю де, 41, 50-52, 66, 67, 71, 167, 196, 201, 202, 209, 213, 238, 301-303, 306, 379, 385, 388, 397, 398
 Мишле (Michelet) Ж., 65, 321, 367
 Монбаре (Montbarrey) А.-М.-Л. де Сен-Мори, принц де, 92, 133, 141, 145, 146, 151, 152, 216
 Монгольфье (Montgolfier) Ж.-М. и Ж.-Э., 26, 192
 Монморанси-Люксембург (Montmorency-Luxembourg) А.-Ш.-С., герцог де, 246-249
 Монморен (Montmorin) А.-М., граф де, 180, 397
 Монпансье (Montpensier) А.-М.-Л. Орлеанская, герцогиня де, 107, 233
 Монтескьё (Montesquieu) Ш.-Л. де, 34, 54, 58, 138, 170, 192, 267-269, 282, 358, 360-362, 364, 376, 377
 Монтодуэн (Montaudouin), 178
 Мопу (Maureou) Р.-Н. де, 27, 28, 38-42, 44-56, 58, 59, 79, 87, 88, 105-108, 126, 127, 130, 131, 141, 142, 157, 197, 205-210, 214, 218, 232, 236, 240-242, 311, 353, 378, 379, 387, 388
 Мопу (Maureou) Ш.-В.-Р. де, 242
 Морван де Бельгард (Morvan de Bellegarde) Ж.-Б., 235, 275-279
 Морелле (Morellet) А., 145, 194
 Морепа (Maugerap) Ж.-Ф. Фелипо, граф де, 5, 10, 16, 20, 23, 28-30, 45-51, 62, 63, 71, 74, 75, 92, 101, 131-138, 140-143, 147, 150-157, 159, 164, 167-169, 172, 173, 176, 177, 180, 181, 184, 187, 194, 201, 202, 204-222, 385, 403
 Морери (Moréri) Л., 358
 Моризо (Morizot) М., 318, 326
 Морино (Morineau) М., 160, 161
 Моро (Moreau) Ж.-Н., 16, 44, 56-58, 107, 362-364, 367, 375, 376, 379-381, 386
 Моро Младший (Moreau le jeune) Ж.-М., 314, 398, 403
 Мортемар (Mortemart) В.-Ж.-Б.-М. де Рошешуар, герцог де, 248, 249
 Муфль д'Анжервиль (Moufle d'Angerville) Б.-Ф.-Ж., 231
 Нарбонн-Лара (Narbonne-Lara) Л.-М. де, 98
 Неккер (Necker) Ж., 5, 16, 29, 51, 95, 101, 105, 106, 142, 144-169, 181, 183-185, 191, 205, 211-213, 216-220, 222, 253, 255, 261, 301, 353, 387, 390, 400
 Неккер (Necker) Л.-С., 145, 146
 Неккер (Necker) Ш.-Ф., 144
 Нерон (Nero), 267
 Нивернэ (Nivernais) Л.-Ж. де Мазарини-Манчини, герцог де, 193, 194
 Ноай (Noailles) Э.-М.-Л., маркиз де, 172, 186
 Нормандский (Normandie) герцог, 18
 Норт (North) Ф., 179, 182, 186
 Ожар (Augeard) Ж.-М., 150, 151, 154, 156
 Озуф (Ozouf) М., 96, 320-322, 324
 Озье (Hozier) д', 63
 Орлеанский (Orléans) Гастон, герцог, 233, 394
 Орлеанский (Orléans) Филипп, герцог, регент, 39, 105, 295
 Орлеанский (Orléans) Л.-Ф., герцог, 47, 48, 107, 206, 222
 Орлеанский (Orléans) Л.-Ф.-Ж., герцог (до 1785 г. герцог Шартрский), 47, 69, 107, 168, 197, 206, 221, 318, 383, 389, 390, 396, 399
 Орлеанский (Orléans) Луи-Филипп, 22
 Оссен (Ossun) П.-П., маркиз д', 182
 Остерман И.А., 66, 149, 151, 153-160, 163, 168, 169, 176, 188, 204
 Павел I, 266, 338
 Панин Н.И., 142, 147, 149, 150, 151, 168, 204
 Панкук (Panskoucke) Ш.-Ж., 153, 347, 357
 Пантьевр (Penthhièvre) Л.-Ж.-М. де Бурбон, герцог де, 396, 399
 Папен (Papin) Р., 247
 Папийон де Ла Ферте (Papillon de La Ferté) Д.-П.-Ж., 323
 Пари (Pâris) П.-А., 331, 396
 Пари (Pâris) П.-П., 394
 Пари (Pâris), братья, 136, 282
 Паскаль (Pascal) Б., 192, 343
 Пата (Patas) Ш.-Э., 319
 Пезе (Pezay) А.-Ф.-Ж. Массон, маркиз де, 147
 Пейн (Payne) Т., 25
 Пенго (Pingaud) Л., 260
 Перен (Perin) Ж.-К., 247
 Перонне (Péronnet) М., 249
 Перру (Perroux) Ф., 357
 Пестре (Pestré) Ж., 140
 Петр I, 268
 Петр III, 266
 Петр-Леопольд (Pietro-Leopoldo) Тосканский, 165, 166
 Пиданза де Меробер (Pidanzat de Mairobert) М.-Ф., 231, 232, 394, 395

Пиччинни (Piccinni) Н., 193
 Пиччиола (Picciola) А., 143
 Платон, 341
 Полиньяк (Polignac) Д. де, 151, 216
 Полиньяк (Polignac) Ж. де, 151, 216
 Полиньяк (Polignac) И.-М.-Г. де Поластрон, герцогиня де, 63, 75, 76, 168, 209, 213, 221
 Помпадур (Pompadour) Ж.-А. Пуассон, маркиза де, 46, 135-138, 192, 207, 282, 385
 Поншартрен (Pontchartrain) Ж. Фелипо де, 131
 Поншартрен (Pontchartrain) Л. Фелипо де, 131
 Портленд (Portland) У. Кавендиш-Бентинк, герцог, 186
 Потоцкий (Potocki) И., 263
 Прайс (Price) М., 172, 173, 175, 176, 179, 183, 186, 188, 204, 210, 217
 Прованский (Provence) граф, будущий Людовик XVIII (Louis XVIII), 14, 19, 37, 48, 50, 71, 72, 198, 206, 209, 396, 399
 Пуссен (Poussin) Н., 192
 Пушкин А.С., 140, 260
 Рабо Сент-Этьен (Rabaut Saint-Etienne) Ж.-П., 304
 Радикс де Сент-Фуа (Radix de Sainte-Foix) М., 154, 159
 Расин (Racine) Ж., 34
 Рейналь (Raynal) Г.-Т., 145
 Реми (Rémi) Ж.-О., 357, 365, 366
 Ремон де Кур (Rémond des Cours) Н., 275
 Ренваль (Rayneval) Ж.-М. Жерар де, 188
 Рето де Вилет (Rétaux de Villette) Л.-М.-А., 60, 63, 65, 70, 72, 73
 Рикёр (Ricoeur) П., 353
 Ричард III (Richard III), 15, 174
 Ришельё (Richelieu) А.-Ж. дю Плесси, герцог де, 20, 45, 62, 69, 109, 187, 195, 254, 392
 Ришельё (Richelieu) А.-Э. де Виньеро дю Плесси, герцог де, 252, 260, 262
 Ришельё (Richelieu) Л.-Ф.-А. де Виньеро дю Плесси, герцог де, 109, 135, 141, 207, 230
 Робен (Robin) Р., 358, 359, 366
 Робер де Сен-Венсан (Robert de Saint-Vincent) П.-О., 73, 74, 80
 Робеспьер (Robespierre) М., 34, 263
 Робтон (Robeton) Ж., 247
 Роган (Rohan) Л.-Р.-Э., принц де, 19, 60-75, 77, 78, 80, 209, 403
 Роллан (Rolland) Ж.-Ф., 246
 Роллан д'Эрсевиль (Rolland-d'Erceville) Б.-Г., 287
 Роман (Romans) А., 124, 199
 Рочфорд (Rochford) У.-Г. Нассау, граф, 176
 Рош (Roche) Д., 280, 332
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж., 194, 205, 262, 283, 284, 289, 344, 345, 353
 Рюльер (Rulhière) К.-К. де, 297
 Рязанов Д.Б., 252
 Сабран (Sabran) Л.-Г.-О.-М. де, епископ Лаонский, 248, 249, 250
 Саксен-Кобургский (Sachsen-Coburg-Saalfeld) Э.-Ф., герцог, 259
 Сартин (Sartine) А.-Р.-Ж.-Г. де, 21, 50, 91, 104, 150, 151, 174, 177, 180, 183, 184, 208, 216
 Сванн (Swann) Дж., 54, 203, 204, 219, 383
 Светоний (Suetonius), 15
 Сегье (Séguier) А.-Л., 53
 Сегюр (Séguir) А.-Ф., маркиз де, 30, 67, 151, 152, 167, 168, 201, 202, 211, 214, 216, 217, 219, 302, 384
 Сегюр (Séguir) Л.-Ф., граф де, 170, 171
 Сегюр (Séguir) П., маркиз де, 144
 Сейссель (Seysssel) К. де, 342
 Сенак де Мейан (Sénac de Meilhan) Г., 133, 134, 145, 147, 158, 159, 226, 227, 230
 Сенека (Seneca, Lucius Annaeus), 15
 Сен-Жермен (Saint-Germain) К.-Л.-Р., граф де, 105, 106, 176, 177, 257
 Сен-Жюст (Saint-Just) Л.-А., 34
 Сен-Пьер (Saint-Pierre) Ш.-И. Кагель де, 347, 348, 353-355, 382
 Сен-Симон (Saint-Simon) Л. де Рувруа, герцог де, 204, 295
 Сен-Флорантен (Saint-Florentin) Л. Фелипо, граф де, 109, 115, 122, 128, 130, 131, 207, 296
 Сен-Флорантен (Saint-Florentin) М.-Ж. Фелипо де, 131
 Сеян, Луций Элий (Lucius Aelius Seianus), 267
 Симолин И.М., 66-72, 75, 325, 393
 Симон (Simon) Р., 272
 Соанен (Soanen) Ж., 343
 Солон, 19, 286
 София (Sophie de France), 206
 Сталь (Staël) Ж. де, 146
 Станислав Лещинский (Stanisław Leszczyński), 341, 348
 Субиз (Soubize), принц де, 47, 50, 62, 209
 Сулави (Soulavie) Ж.-Л., 138
 Сюар (Suard) Ж.-Б.-А., 193, 194
 Табуро де Пео (Taboureau des Réaux) Л.-Г., 147, 181
 Таван (Tavanes) Ш.-Ф.-К. де Со, граф де, 249
 Талейран (Talleyrand) Ш.-М. де, 9
 Тассо (Tasso) Т., 34
 Тацит (Tacitus), 15
 Телюссон (Thellusson) Ж.-Т., 144
 Терра Рубеа (Terra Rubea) И. де, 342
 Терре (Terray) Ж.-М., 27, 44, 47-49, 105, 126, 145, 208, 214
 Тессе (Tessé) А.-К. де Ноай, графиня де, 194
 Тиберий (Tiberius), 267
 Тигеллин, Гай Софоний (Sofonius Tigellinus), 267
 Токвиль (Tocqueville) А. де, 45, 387
 Тротти де Ла Шетарди (Trotti de La Chétardie), 274, 275
 Тьерри (Thierry) О., 365, 367
 Тэкетт (Tackett) Т., 96
 Тюрго (Turgot) А.-Р.-Ж. де, 15, 21, 28, 29, 39, 50, 51, 54, 87, 89, 105-108, 142, 146, 157, 163, 171, 174, 175, 177, 178, 181, 198, 205, 209-211, 213, 218, 219, 222, 238, 296, 297, 303, 308, 310, 323, 326-328, 330, 337, 354, 365, 371, 376
 Уайт (White) Ю.Н., 161
 Уилкс (Wilkes) Дж., 176
 Уолпол (Walpole) Г., 174, 235
 Уолпол (Walpole) Р., 15
 Урс (Hours) Б., 136, 137, 203, 204, 214

- Утремон (Outremont) д', 74, 75
 Фенелон (Fénelon) Ф., 16, 24, 43, 58, 84, 85, 192, 379, 380
 Фердинанд VI (Fernando VI), 253
 Ферзен (Fersen) Х.-А. фон, 19, 191
 Феро (Féraud) Ж.-Ф., 102, 352
 Фёрт (Firth) К., 81
 Филипп II Август (Philippe II Auguste), 362, 364
 Филипп IV Красивый (Philippe IV le Bel), 89, 362
 Флёри (Fleury) А.-Э. де Россе, герцог де, 47, 69, 248
 Флёри (Fleury) К., 273, 286
 Фожель (Fogel) М., 83
 Фокс (Fox) Ч. Дж., 186
 Фома Кемпийский (Thomas von Kempen), 34
 Фонтенель (Fontenelle) Б. де, 139, 140
 Фор (Faure) Э., 39
 Франциск I (François I), 191
 Фрето (Frétau), 74, 75
 Фридрих II (Friedrich II), 25
 Фридрих-Вильгельм II (Friedrich Wilhelm II), 264, 265
 Фюретьер (Furetière) А., 139, 346, 351, 352, 358
 Хабермас (Habermas) Ю., 144, 166, 191, 232, 368
 Хант (Hunt) Л., 320, 354
 Хардман (Hardman) Дж., 47, 172, 173, 175, 176, 179, 183, 186, 188, 204, 210, 218
 Харрис (Harris) Р.Д., 160
 Хильперик (Chilpéric), 191
 Хлодвиг (Clovis), 316, 361, 372
 Хлодион (Clodion), 191
 Хлотарь II (Clotaire II), 361
 Хобсбаум (Hobsbawm) Э., 357
 Хотинский Н.К., 149, 151, 153-160, 163, 168, 169, 204, 211-213, 216, 217
 Хоу (Howe) У., 182
 Хупер (Hooper) Т., 81
 Цвейг (Zweig) С., 60
 Шамфор (Chamfort) Н. де, 194, 198, 230, 234
 Шансене (Champcenetz) Ж.-Л. де, 156
 Шансене (Champcenetz) Ф. де, 156
 Шартрский (Chartres) Л.-Ф.-Ж., герцог *см. Орлеанский (Orléans) Л.-Ф.-Ж., герцог*
 Шартье (Chartier) Р., 250, 368, 400
 Шателю (Chastellux) Ф.-Ж. де Бовуар, маркиз де, 194
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де, 191
 Шатору (Châteaugoux) М.-А. де Майи-Нель, герцогиня де, 133
 Шолле (Chollet) С., 145
 Шон (Chaulnes) А.-Ж. Боннье де Ла Моссон, герцогиня де, 193, 224-227, 229-238, 241-243, 403
 Шон (Chaulnes) Л.-Ж. д'Альбер д'Айи, герцог де, 228, 237
 Шон (Chaulnes) М.-Ф. д'Альбер д'Айи, герцог де, 225, 228
 Шоссинан-Ногаре (Chaussinand-Nogaret) Г., 218
 Шуазель (Choiseul) Э.-Ф., герцог де, 49, 105, 106, 114, 115, 119, 120, 126-130, 137, 138, 143, 167, 168, 172, 173, 187, 194, 198, 204, 206, 207, 209, 211, 212, 214-216, 219, 222, 253, 383, 385, 390
 Эбер (Hébert) Ж.-Р., 78
 Эврар де Тремогон (Evrart de Trémaugon), 342
 Эгре (Egret) Ж., 400
 Эгюийон (Aiguillon) А. де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д', 366
 Эгюийон (Aiguillon) Э.-А. де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д', 5, 44, 45, 47, 49, 101, 109-123, 125-130, 141, 168, 194, 200, 207, 208, 211, 214, 284, 403
 Эджеворт де Фирмон (Edgeworth de Firmont) А., 36
 Эзек (Hézacques) Ф. д', 92
 Эккерман (Eckermann) И.-П., 60
 Элиас (Elias) Н., 9, 90, 136, 143, 195, 218, 227, 234, 251, 270, 272, 383
 Эстен (Estaing) Ж.-Б.-Ш.-А.-Э., граф д', 399
 Юм (Hume) Д., 15, 34, 173

Научное издание

*Труды исторического факультета МГУ, вып. [116]
Серия II. Исторические исследования, (67)
подсерия: Научные статьи – ретроспектива (1)*

Л.А. Пименова

**Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого
порядка**

сборник научных статей

Подписано в печать 30.10.2017

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура QuantAntiqua.

Печать РИЗО. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 500 экз.

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета

12009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7

Отпечатано в отделе оперативной печати

исторического факультета МГУ

119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,

МГУ имени М. В. Ломоносова